



Баян Чисаанын хойморто

(Ода Өвө славу Чесанскеге дацана)

Баршыгаа тойрогшо
Баян сагаан Чисаана.
Баян Чисаанын хойморто
Баталгатай сагаан дасан лэ.
Баталгатай сагаан дасанда
Баглайрхажа мургэе.
Үлзыгээ тойрогшо
Үргэн сагаан Чисаана.
Үргэн Чисаанын хойморто
Үндэр сагаан дасан лэ.
Үндэр сагаан дасанда
Үнжэн хонон мургэе.
Дундатые тойрогшо
Дуулим сагаан Чисаана.
Дуулим Чисаанын хойморто
Дугантай сагаан дасан лэ,
Дугантай сагаан дасанда
Дуурхажа мургэе.



MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
BURYAT STATE UNIVERSITY

D. D. Namnanov

CHESANSKY DATSAN
THE PAST AND THE PRESENT

MONOGRAPH

Scientific Editor
V. V. Nomogoeva
Doctor of Sciences (History), Associate Professor

Ulan-Ude
State University Publishing Department
2018

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Д. Д. Намнанов

ЧЕСАНСКИЙ ДАЦАН

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МОНОГРАФИЯ

Научный редактор

В. В. Номогова

доктор исторических наук, доцент

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2018

УДК 726. 77(091)(24)(571. 54)
ББК 86. 353. 1-647(2Рос. Бур)
Н 245

Утверждено к печати
редакционно-издательским советом
Бурятского государственного университета

Рецензенты

Б. Ц. Жалсанова, доктор исторических наук, директор
Государственного архива РБ
Н. В. Цыремпилов, доктор исторических наук, доцент,
ассоциированный профессор, Назарбаев Университет,
г. Астана, Республика Казахстан
Д. С. Жамсуева, кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела
философии, культурологии и религиоведения ИМБТ СО РАН

Намнанов Д. Д.

Н 245 **Чесанский дацан: история и современность** : монография / науч. ред.
В. В. Номогоева. — Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета,
2018. — 312 с.: вкл. ISBN 978-5-9793-1282-8
DOI: 10.18101/978-5-9793-1282-8-2018

В монографии представлена история развития одного из крупнейших буддийских монастырей Бурятии — Чесанского дацана «Гандан Чоймпэллинг». Материал книги написан на основе архивных источников, анализа аналогов дацанов Забайкалья, научных публикаций, полевых материалов, семейных архивов и воспоминаний. Автором собраны уникальные сведения о жизни и деятельности Чесанского дацана, о дуганах и сумэ, о ламах и хувараках, освещен период его возрождения в постсоветский период.

Книга рассчитана на историков и самый широкий круг читателей, интересующихся проблемами буддийской истории и культуры.

Namnanov D. D.

Chesansky Buddhist Datsan: Past and Present : a monograph / Sci. Ed. V. V. Nomogoeva. — Ulan-Ude : Buryat State University Publishing Department, 2018. — 312 p. : inside tips
ISBN 978-5-9793-1282-8
DOI: 10.18101/978-5-9793-1282-8-2018

The monograph presents the developmental history of one of the largest monasteries of Buryatia — Chesansky Buddhist Datsan. The book is written on the basis of archival sources, analysis of the analogues of Transbaikal datsans, scientific publications, field materials, family archives and memories. We have collected the unique information about the life and activities of Chesansky Datsan, dugans and temples, lamas and khuvaraks; and provided extensive coverage of the period of its revival in the post-Soviet period.

The book is intended for historians and a wide range of readers who are of interest in the problems of Buddhist history and culture.

УДК 726. 77(091)(24)(571. 54)
ББК 86. 353. 1-647(2Рос. Бур)

ISBN 978-5-9793-1282-8

© Д. Д. Намнанов, 2018
© Бурятский госуниверситет, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Чесанский буддийский монастырский комплекс до революции состоял из центрального храма — Цогчен-дугана, 5 других дуганов, 9 сумэ, Барай сумэ (печатня) и других вспомогательных зданий, помещений, культовых сооружений. По сведениям архивных источников Института восточных рукописей РАН, «в начале XX в. Чесанский дацан представлял собой поселок, состоящий из семи домов, принадлежащих штатным ламам, 41 жилого дома русской постройки и 38 отдельных зданий и кухонь. Частных построек дацана, по словам шэрэтэ, входящих в состав Чесанского дацана, было 236». Некоторые ламы, жили около дацана в своих войлочных юртах. В комплекс Чесанского дацана входил Шулутовский дуган (Челотинский, Шулуутын дуган), расположенный на северо-западе села Чесан Кижингинского района. Общее количество священнослужителей составляло более 600. К сожалению, ни одно здание до наших дней не сохранилось, но они остались в архивных источниках, различных научных публикациях, фотографиях и благодарной народной памяти. Сохранилось фото 1935 г. — центральный храм Цогчен-дугана и на заднем плане двухэтажный Чойра-дуган. Есть фотография Ж. Ж. Жабона (1969) — реконструированный под клуб и библиотеку Чойра-дуган перед его окончательной разборкой по указанию партийных органов.

Книга написана на основе архивных источников, анализа аналогов культовых зданий Забайкалья, научных публикаций, полевых материалов, семейных архивов и воспоминаний. История Чесанского дацана малоизучена, поэтому были определенные трудности в сборе материалов и установлении достоверных сведений о жизни и деятельности дацана, о дуганах и сумэ, о ламах и хувараках дацана. Конечно, многие сведения отрывочны и неполны, тем не менее в работе изложена история основания и развития дацана, чем положено начало дальнейшему углубленному исследованию истории Чесанского дацана.

Особую благодарность хочется выразить известной переводчице Галине Номогоновне Очировой, а также преподавателям Буддийского университета при Иволгинском дацане Балдан-ламе (гэбшэ, Александр Пирангалаев), Баир-ламе (гэбшэ, Баир Дондоков), Гендун-ламе (гэбшэ, Валерий Шагдаров) за перевод архивных документов фондов ГАРБ по Чесанскому дацану со старомонгольского языка.

Хочется выразить большую благодарность людям, которые просвещали автора в вопросах буддизма, которые поверили и рассказали удивительные истории

про лам и хуvaraков, о событиях в истории Чесанского дацана. Это ламы Чесанского дацана: особая благодарность шэрэтэ дацана Жаргал-ламе за его доверие и внимательное отношение к автору, оказанную помощь и содействие в поисках источников и материалов, предоставление архивных и фотоматериалов дацана; гелуну Жалсан-ламе (Николаев Энгельс Эрдынеевич) за наглядную демонстрацию того, что духовное и светское общение между людьми не является взаимоисключающим, за его доверительные беседы и разъяснения сути и значения тех или иных хуралов, дуганов, сумэ, субурганов и многое другое; Еши-Доржо-ламе (Шойнжонов Еши-Доржо Дымбрылович) за консультацию и сведения по восстановлению дацана, помощь и содействие в поисках источников и материалов в с. Загустай; Балдан-ламе (гэбшэ, Александр Пирангалаев), Жаргал-ламе (Пунсыкнамжилов Геннадий Александрович) за доброе и терпеливое отношение ко мне и помощь в исправлении ошибок в тексте, касающихся буддийских канонов; Гыван-ламе (Базаров Гыван Цыдендамбаевич) за материалы о жизнедеятельности шэрэтэ Чесанского дацана Цыдендамба-ламы; бывшему дуганши Витя-ахай (Павлов Виктор Александрович) за представленные сведения и подробное жизнеописание современной жизни дацана; молодому хуvaraку Максиму (Гыпшеев Максим Викторович) за возможность общаться с ним и оказанную помощь в сборе материала в селах Булак и Чесан, а также старожилам, местным жителям, хранящим память о Чесанском дацане и о прошлом своей малой родины.

Большую благодарность хочется выразить человеку с неравнодушной душой и сердцем, который по крупицам собирал информацию о Чесанском дацане. Это учительница Улзетуйской средней школы Дашима Цыреновна Цыбикова, которая проживает в с. Чесан Кижингинского района, автор статей об истории Чесанского дацана, опубликованных в местных газетах. Она охотно поделилась своим архивом, газетными материалами, краеведческими записями, выписками из архивных источников, о Чесанском дацане. Предоставила список имен 50 лам и хуvaraков из села Могсохон Кижингинского района, служивших в Чесанском дацане до 1935 г. Благодарен ныне покойному Намжилдоржи Жанаевичу Жамьянову, 1929 года рождения, жителю села Могсохон Кижингинского района, за сведения о ламах и хуvaraках этого дацана. Он провел большую работу и дополнил список лам и хуvaraков из Могсохона 93 новыми именами.

Использованы биографические сведения многих лам и хуvaraков Чесанского дацана из книги «Чесанский дацан», Цыбик-Доржо Цыренжапова, активного прихожанина дацана, ветерана Великой Отечественной войны. Он вернул из небытия многие имена священнослужителей и рассказал о строительстве Укурикского дугана, является одним из инициаторов строительства субургана в Чесанском дацане, посвященного известному Сандан-ламе.

К середине 1930-х гг., по нашим сведениям, общее количество культовых зданий было 17, включая Шулуутын дуган. Большинство дуганов и сумэ уже не действовали. До своего закрытия Чесанский дацан относился к числу крупнейших буддийских монастырских комплексов Бурятии.

В проведенном исследовании на основе архивных источников, полевых материалов, собранных автором, и обобщения научных публикаций и других сведений составлено представление об истории Чесанского дацана на протяжении большого исторического периода.

Предисловие

В настоящее время практически по всей Бурятии идут реставрационные работы больших и малых храмовых зданий в дацанах. Проводимые исследования по истории, новые публикации и широкая популяризация памятников культурного наследия будут способствовать их восстановлению, развитию и дальнейшему сохранению в исторической памяти народа. Несмотря на сложности, даже ретроспективное приобщение к процессу почитания порождает желание восстанавливать и созидать. Осмысление же того, сколько было разрушено, утеряно безвозвратно и сколь велика сила разрушающего невежества, побуждает еще более сильное желание исправить содеянное.

Представленная в работе история становления и развития Чесанского дацана не претендует на исчерпывающий охват материала в полном объеме. В данной работе автор старался не нагружать содержание научными терминами и понятиями. Книга написана доступным языком и рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей бурятских дацанов, родного края, нашей республики. Надеюсь, данное издание станет хорошим подарком моим землякам Чесанской долины и Чесанскому дацану — некогда одного из крупнейших буддийских монастырских комплексов Бурятии с глубокой и интересной историей.

Выражаю большую благодарность Государственному архиву Республики Бурятия, Институту монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Центру восточных рукописей и ксилографов ИМБТ, Национальному музею Республики Бурятия, Чесанскому дацану «Гандан Чоймпэллинг», Бурятскому государственному университету, которые оказывали всестороннюю поддержку и неоценимое содействие в подготовке и выпуске книги.



ВВЕДЕНИЕ

Эта книга рассказывает об одном из исторических дацанов Бурятии, крупном буддийском монастырском комплексе — Чесанском дацане «Гандан Чоймпэллинг». Здесь представлены сведения о вехах развития Чесанского дацана, автор описывает культовые здания и буддийские ритуалы, рассказывает о школах, культовой специализации и священнослужителях дацана, о современном периоде развития дацана. Но есть у этой книги некоторая особенность, прежде всего язык. Язык этой книги является преимущественно повествовательным. Вниманию читателей представляется описание буддийских икон, божеств в дуганах и сумэ дацана, символов буддизма, предметов культа и декоративных орнаментов дацана. В этой книге, предназначенной для самого широкого круга читателей, которые смотрят на буддизм «извне», символы и описания буддийских икон, божеств станут своеобразными мостами к его внутреннему содержанию, помогут глубокому осмыслению и пониманию, каким бурханам поклонялись и кого почитали наши предки, возможно, самой сути буддийского учения и верования.

Первая глава посвящена истории становления и развития Чесанского дацана. В буддизме, как и в любой религии, значительное место занимают культ и ритуал. Особое внимание уделено священным книгам дацана, проводимым большим и малым хуралам, использованию буддийских музыкальных инструментов и их значению в проведении молебнов и хуралов.

Развитие Чесанского дацана, как и буддизма в России в целом, проходило в условиях жесткого государственного контроля. Вся повседневная жизнедеятельность дацана в основном была организована в рамках Положения 1853 г. Сведений об Уставе (джаиг) Чесанского дацана не обнаружено, но Устав Кудунского дацана является наиболее близким Чесанскому дацану как территориально, так и по духу организации внутренней и внешней жизнедеятельности.

Во второй главе раскрывается, какое направление в буддизме и какие школы развивались в Чесанском дацане. Сложная, многоуровневая и многообразная система образования в буддийских дацанах Бурятии имела свои особенности. Вместе с тем система образования и специальные образовательные методы были характерны для всех дацанов, в том числе и для Чесанского дацана. Взаимоотношения Учителя (Багши) и ученика (шаби) были выстроены особым образом и являлись условием и средством развития того и другого. Самым эффективным средством запоминания и усвоения учебного материала является буддийский диспут, который был широко распространен и развит в дацанах Бурятии. Его

можно успешно применять и в современном светском образовании. Кроме этого, Чесанский дацан, являясь монастырским комплексом, состоял из большого количества дуганов и сумэ. Осуществлена попытка их воссоздания на основе сравнительного анализа дуганов и сумэ других дацанов, приведены краткая история и описание буддийских икон, божеств. Интересной является история Шулутовского дугана, связанного с «балагатским движением». Особое внимание уделено священнослужителям дацана. Восстановлены из небытия имена многих лам и хувараков, впервые в хронологической последовательности восстановлены имена шэрэтэ Чесанского дацана.

Возрождению и развитию дацана в современных условиях посвящена третья глава книги. Восстанавливаются культовые сооружения, ритуалы, обряды и исполняются духовные потребности прихожан. Главной проблемой является подготовка кадров, соблюдение традиций и сохранение особенностей буддийской символики, буддийских изображений при строительстве нового Цогчен-дугана и других зданий. За много веков буддизм стал неотъемлемой частью культуры Бурятии и в современных условиях снова становится духовной опорой бурятского народа.

В настоящее время фонды, где собрано наибольшее количество материалов по буддизму, находятся в следующих учреждениях:

1. Российский государственный исторический архив (РГИА).
2. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН.
3. Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета.
4. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.
5. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
6. Русское географическое общество.
7. Санкт-Петербургский институт истории РАН.
8. Институт материальной культуры РАН.
9. Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

Известно, что архивы бурятских дацанов уничтожены. Поэтому материалы, хранящиеся в различных фондах, представляют собой особую ценность. В архивных фондах Российского государственного исторического архива важнейшим источником по истории бурятских дацанов является фонд 821 Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. Здесь хранятся материалы за период со второй половины XIX в. до 1917 г. Кроме материалов нормативной и отчетной документации, делопроизводственной переписки хранится делопроизводство о строительстве дацанов. Здесь имеется подробная документация по строительству (планы, чертежи, сметы и т. д.) бурятских дацанов. Основные виды документов: проект (лицевая сторона, боковой фасад и т. д.); план и фасад здания; план, фасад и разрез дацана; план этажа; план расположения дацана; план сумэ; фасад сумэ; проект сумэ. На основе рисованных планов, содержащих данные о размерах основных частей храмов, можно восстановить масштабные планы дацанов.

Документы фонда № 1293 (оп. 166) за 1896–1914 гг. содержат планы и чертежи дацанов. К основным видам документов относятся: план; план и фасад; общий план и план этажей; план расположения дацана; план проекта сумэ; план и

фасад сумэ; передний фасад; боковой фасад, план-разрез; проект перестройки сумэ; проект дацана-кумирни; проект пристройки.

В архиве рукописного отдела Института восточных рукописей РАН хранятся фонды А. М. Позднеева и Б. Б. Барадина. В 1919 г. А. М. Позднеев посещал Чесанский дацан. В его материалах наибольший интерес представляют важные аспекты, касающиеся внутренней жизни буддийских общин: строительство дацана, развитие богословских школ, наличие типографий, перечень названий изданий, количество ламских домов в дацанском поселке, численность духовенства и хуваракон, биографии шэрэтэ, хубилганов, — и почерпнутые из внутренних архивов дацанов [фонд 87, оп. 1, д. 3, 26 (1), 26 (2), 27]. В материалах этого фонда находятся дневники Б. Барадина, написанные им в 1903–1904 гг. по заказу Русского комитета по изучению буддийской иконографии и жизни дацанов. В дневниках содержатся подробные сведения о Гусиноозерском, Ацагатском, Анинском, Эгитуйском, Агинском и Цугольском дацанах: количество малых храмов в монастырском комплексе, описание религиозных праздников, сведения о количестве лам и образе жизни духовных лиц. Записи включают описание внутреннего убранства храмов, разъяснения иконографических объектов, историю постройки дацанов. Отдельные разделы дневников посвящены основам иконописи, технологии малярных иконописных работ и литейных изделий, подробному описанию техники их исполнения и персоналиям.

В других регионах России ценными в плане хранилищ являются фонды Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (КИГИ РАН), Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК), Агинский окружной государственный архив (АОГА), а также Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ), Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН), собрания Национального музея Республики Бурятия.

В ГАРБ хранятся материалы о 17 дацанах Бурятии. В фондах сосредоточены документы о деятельности буддийских монастырей: журналы входящих и исходящих документов шэрэтэ дацанов; переписка шэрэтэ с местными и светскими властями по различным вопросам жизни и быта прихожан; ведомости о регистрации браков, новорожденных и умерших; годовые отчеты шэрэтэ дацанов в степные думы. В отчетах имеются сведения по следующим разделам или «ведомостям»: о приходах и расходах «джасы», в которой указывается остаток кассы от предыдущего года, приход кассы за текущий год, пополненной из приношений верующих, из сдачи в аренду сенокосных угодий дацана, из ростовщических процентов за ссуду денег; о количестве движимого и недвижимого имущества (зданий дацанов, сумэ, бурханов, книг, посуды и т. д.) с указанием его стоимости; список лам и хуваракон. На основании этих сведений можно сравнить имущественное положение дацанских приходов, проследить изменения, произошедшие с имуществом одного прихода в течение ряда лет. Особую ценность представляют описи дацанов 20–30-х гг. XX в. в период их ликвидации.

Интересными являются опубликованные материалы различных комиссий и проверок русской администрации, записки русских путешественников, данные ГАРБ (фонды 518, 519, 425, 517, 1993, 420, 84, 522, 520, 470, 443, 430, 471, 466, 521, 459, 285, 454, 129, 7, 2, 8, 6, 171, 393, 87), материалы и воспоминания разных лам и других служителей культа. В фонде Чесанского дацана № 459 по состоя-

нию на 1 апреля 1995 г. хранятся 92 дела за 1831–1917 гг. по старомонгольской письменности. Опись составлена Галиной Номогоновной Очировой в период ее работы научным сотрудником отдела научно-справочного аппарата в ГАРБ. В фонде хранятся распоряжения Военного губернатора Забайкальской области, содержащие сведения об утверждении штатных лам, постройке и ремонте дацана и сумэ, о количестве прихожан, границах прихода, журналы исходящих и входящих документов с кратким изложением содержания, метрические книги, отчеты по движимому и недвижимому имуществу, доходам и расходам дацана и т. д.

В архиве Центра восточных рукописей и ксилографии ИМБТ СО РАН хранятся личные фонды Г.-Д. Нацова, У. Онгодова, Ц. Жамсарано, рукописи Б. Жигмидона, Ц. М. Очиржапова. Эти документы содержат ценные сведения о возникновении первых стационарных буддийских храмов и последующем строительстве каменных и деревянных дацанов в Бурятии; статистические данные о сумме пожертвований на строительство дацанов, о приобретении культовых атрибутов; о численности лам в разные годы; сведения о редком рукописном комплекте томов Ганжура на монгольском языке Чесанского дацана; «Положение о буддистах Восточной Сибири» (материал от представителей агинских бурят) и т. д. Например, из двенадцати разделов рукописи Г.-Д. Нацова один раздел назван «История бурятских дацанов», представлено 51 «дело». В них изложена история 13 дацанов Забайкалья со дня основания до 1934 г.

Материалы общего фонда включают полевые материалы (отчет) научно-исследовательской экспедиции Буручкама в составе в Р. Мэрдыеева, художника П. Дамбинова в бурятские буддийские монастыри (Анинский и Эгитуйский) — «Об искусстве бурятских дацанов»; материалы по ламству дореволюционной поры; «Планы работ по собиранию дацанского и бурят-монгольского народного искусства»; «Архивный материал Цугольского инородного волостного правления Забайкальской области»; «Дацаны в Восточной Бурятии»; «Статьи о дацанах»; отчеты и материалы экспедиционных религиоведческих, историко-этнографических, конкретно-социологических исследований отдела Зарубежного Востока и сектора буддологии (БКНИИ, БИОН) и материалы музыкально-фольклорной экспедиции отдела искусств БКНИИ. Эти документы позволяют раскрыть важные аспекты внутренней жизни буддийских общин.

В ходе исследования использованы интересные воспоминания путешественников, труды известных востоковедов, этнографов: Э. Э. Ухтомского, В. П. Гирченко, В. Обручева, А. М. Позднеева, Л. К. Минерта, А. П. Баранникова, И. А. Подгорбунского, Н. В. Кириллова, Л. Н. Крайновой, миссионера Н. Виноградова и др., а также сведения из бурятских летописей, материалы известных бурятских ученых Г. Д. Нацова, Б. Барадина, Г. Ц. Цыбикова, Г. Р. Галдановой, Б. Д. Дандарона, К. М. Герасимовой, Р. С. Мэрдыеева, Ш. Б. Чимитдоржиева, Ц. П. Ванчиковой, Б. Д. Цыбенова, И. Г. Васильевой, Г. С. Митыповой, Г. Г. Чимитдоржина, Д. С. Жамсуевой, Б. Ц. Жалсановой, Н. В. Цыремпилова и др.

Определенную ценность как исторический источник по рассматриваемой теме представляют материалы периодической печати, в том числе на бурятском языке, которые не только дополняют документы архивов, но порой служат в качестве важных документальных источников.

По адресной характеристике местоположения за весь исторический период Чесанский дацан находился: с 1827 по 1850 г. в с. Чесан Хоринского ведомства

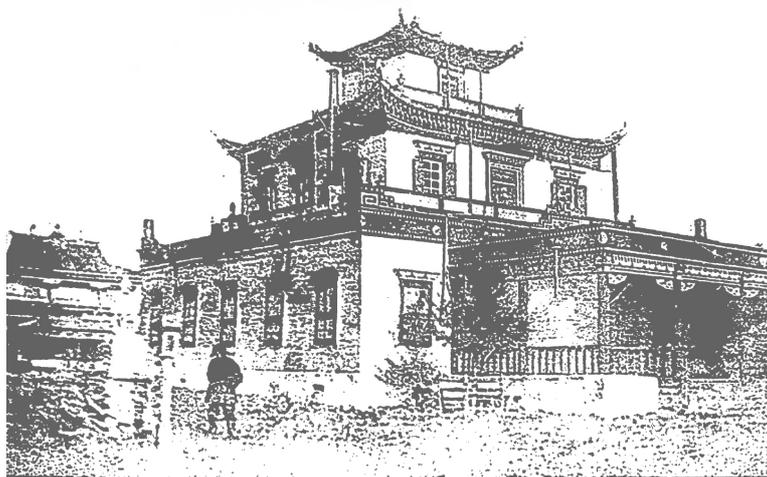
Верхнеудинского округа Иркутской губернии; с 1851 по 1917 г. в Хоринском ведомстве Верхнеудинского округа Забайкальской области; с 1917 по 1920 г. в Хоринском аймаке Забайкальской области; с 1921 по 1922 г. в Хоринском аймаке Бурят-Монгольской автономной области Дальневосточной республики; с 1923 по 1938 г. в Хоринском аймаке Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики.

Таким образом, благодаря архивным источникам, различным публикациям, воспоминаниям современников, изобразительным материалам и фотодокументам проведена историческая реконструкция полностью разрушенного большого буддийского монастырского комплекса — Чесанского дацана «Гандан Чоймпэлинг». Памятники буддийской культуры Бурятии не сохранились в репрезентативной полноте. Исторические архитектурные ансамбли дацанов Бурятии в подавляющем большинстве уничтожены, из 46 дацанов лишь частично сохранились Агинский, Цугольский, Ацагатский (Шолотовский, Заиграевский район), Гусиноозерский (Тамчинский) дацаны. Поэтому попытка реконструирования может быть использована в практических мероприятиях сохранения и реставрации Чесанского дацана, относящегося к числу исторических дацанов Бурятии.



Глава 1

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ЧЕСАНСКОГО ДАЦАНА



1.1. Основание и развитие Чесанского дацана

«Первые письменные источники о распространении буддизма в Хоринском ведомстве Забайкалья датируются 50-ми годами XVIII века, в канцелярии по пограничным делам есть утверждение тибетца Лубсан Ширапа главным ламой над 33 хоринскими ламами. Кроме этого, есть описание профессора Гмелина, побывавшего в 1735 г. у хоринского тайши Иринцея Шодоева, об особой молельной юрте тайши и предметах ламаистского культа в семье Шодоева» [Гирченко В. П., с. 132].

Начиная с 1741 г. российская администрация проводит регулярные переписи лам. В архивных документах только в середине века упоминаются четыре переписи — 1741, 1748, 1750 и 1752 гг. Каждый раз власти фиксируют превышение штатного (комплектного) числа лам, которое в первую ламскую перепись было ограничено ста пятьюдесятью.

«В 1770-е годы хоринского тайшу Иринцева посещает академик Георги, который также описывает молельную юрту тайши и молельные юрты знатных хоринцев. По мнению Палласа, также побывавшего в хоринской степи, «хори в основном являются шаманистами, но ламаистское учение постепенно проникает к ним.

13 марта 1773 г. указом Иркутского губернского правительства хоринскому тайше Дамба-Дугару Иринцеву было предписано построить в каждом роде по одному кошмовому храму со штатными ламами» [Ванчикова Ц. П., с. 37]. В мае 1785 г. Иринцев доложил, что хоринский народ исповедует веру Шакьямуни, есть ламы и функционируют кошмовые дуганы и дацаны.

В хронике Хобитуева про старейший Тугнугалтайский дацан отмечено, что кочующие по долинам рек Ана, Уда, Кудун, Тугнуй построили два деревянных дацана на реке Зангин, притоке Тугнуя. В 50-е гг. XVIII в. их соединили, перенесли на реку Сулхару, приток Тугнуя, и назвали его Даши Чойнхорлин. А в 1786 г. перенесли на реку Галтай. По устным сведениям, Тугнугалтайский дацан 1758 г. представлял собой войлочную юрту и был утвержден указом Иркутского генерал-губернатора от 12 марта 1773 г. Первоначально был построен в местности Галтай Хоринского ведомства Верхнеудинского округа на народные средства. Первым настоятелем был Лубсан Сампил из числа 150 лам, бежавших из Монголии. В 1805 г. были построены два сумэ: «Аюши и Гунрик, а в 1831 г. — Хангал и Хурдэ. По отчету 1842 г., в дацане служило 38 квалифицированных лам» [ГАРБ, ф. 430, оп. 18, д. 1, л. 1].

Кудунский (Кижингинский) дацан первоначально располагался также в войлочной юрте. Деревянное здание, по сообщениям летописи Юмсунова, построено в 1773 г. По сведениям кижингинских лам, Кудунский дацан был основан в 1756 г. или 1758 г. в местности Челсана (Юмсунов подробно описывает место нахождения дацана, лам, из западноатаганского дацана, освятивших его, сообщает тибетское название «Даши Лхумболинг» и имя первого настоятеля). На молебны этого дацана собирались тибетские и монгольские ламы, бежавшие из Монголии. В 1772 г. Кудунский дацан сгорел, новое здание построено в том же году на реке Мунгут, притоке Кудуна, а в 1852 г. перенесено в низовья реки Заха-

Шибирь. В 1891 г. дацан был перестроен из кирпича, каждая сторона корпуса нижнего этажа равнялась 10 сажням, высота достигала 4 сажней, два верхних деревянных этажа убывали в размерах. В те годы была открыта школа Чойра (факультет Цаннит). Вокруг главного Цогчен-дугана располагались три двух-этажных дугана и другие культовые сооружения — Майдарын сумэ, Мунхэ маани, восемь шодонов-субурганов.

По хронике Юмсунова, в 1775 г. (по другим данным, в 1795 г.) «хоринский тайша Иринцев в месте, где река Алана впадает в Ону, построил стационарный тайшинский дацан Дондуб Дашилинг» [Ванчикова Ц. П., с. 73]. Тайша пригласил «лучших лам» из Кудунского дацана, а настоятель Пунсук-лама занимал должность шэрэтэ и в Кудунском, и в Анинском дацане. Начало строительства каменного здания Анинского дацана датируется по-разному: по сведениям Юмсунова, в 1808 г. на собственные средства Иринцева, по данным А. Позднеева, в 1811 г. Анинский дацан находился на территории родовых земель хоринских тайшей и носил общественный характер. Дацан отличался большим количеством ступ — субурганов, «их было не менее 26» [ГАРБ, ф. 470, оп. 3, д. 43, л. 1]. На гравюре 1880-х гг. можно видеть величественный прекрасный Цогчен-дуган после реконструкции в 1860-х гг. Каменный Цогчен-дуган построен при участии русских мастеров. Это первый каменный буддийский храм в Бурятии.

По сведениям Г.-Д. Нацова, среди «дацанов хоринских бурят самым первым является Кудунский (Кижингинский), начиная с войлочных юрт 1756, 1763, 1773, 1780, 1852, 1880 гг. Затем Тугнугалтайский дацан «Даши Чойнхорлин» — 1757, 1775, 1780, 1786, 1797 гг. Третьим по списку из 10 дацанов идет Чесанский дацан «Галдан Чоймпэллинг» — 1773, 1826, 1828 гг.» [Нацов Г.-Д., 187 с. С. 173]. Примерно в этот же период (1824–1826) был построен Эгитуйский дацан.

В течение 1823–1828 гг. по просьбе и приглашению глав некоторых родов и мирян от Кудунского дацана отделились несколько лам, которые положили начало истории и развитию большого Чесанского буддийского монастырского комплекса «Гандан Чоймпэллинг».

Дацан (от тибетского *gtwa-tshang*) в бурятском буддизме означает монастырский комплекс. Бурятские буддийские монастыри организовывались по образцу тибетских и монгольских и предназначались для жизни и религиозной практики монахов, входящих в общину (сангху), а также для обучения молодых послушников (хувараков). Дацаны, как правило, возводились на некотором отдалении от населенных мест, вблизи водоемов, на южном склоне гор и с северной стороны реки. Строительство буддийских монастырей и храмов «предписывает множество правил, и первым из них должно почитаться то, что каждая обитель должна отстоять от какого-либо города, селения и вообще от жилищ простолюдинов не менее как на такое расстояние, на котором может быть слышен человеческий голос. Обстоятельство это должно служить для лам и простолюдинов видимым знаком полной отрешенности монастыря от мира и всего мирского» [Позднеев А. М., с. 19–20].

Место будущего монастыря определялось в соответствии с указаниями наиболее уважаемых лам и астрологов (зурхайша), которые предварительно изучали местность, исследовали состав почвы, выявляли топографические особенности местности и соизмеряли месторасположение будущего дацана. Проводи-

лись сложные ритуалы в течение нескольких дней строго по лунному календарю. Известный исследователь А. М. Позднеев описал подобный ритуал. «После определения места порубки леса для строительства ламы выезжали туда в начале лунного месяца и с 1-го по 15-е число совершали ритуалы, преследующие две цели: испрашивали согласия на вырубку у хранителя этой местности и просили духов деревьев переселиться, чтобы те не остались без крова, т. е. на постройку храмов шли деревья, духи которых «покинули» их. Заготовленный лес перевозили к месту закладки кумирни. В назначенный день освящали место и просили божества о покровительстве и помощи в изгнании вредоносных духов.

Затем окончательно определялось «место постройки храма, были проведены черты, по которым должны быть основаны сами его стены». Один из почтенных лам протаскивал чугунную фигурку черепахи по линии закладки фундамента, затем по этому следу проводил особую борозду рогом зверя. В центре квадрата основания здания зарывали сосуд «бумба», наполненный священными предметами и веществами. Подобный сосуд мог быть золотым, серебряным или из красной меди. В закладку бумбы входили лекарственные камни и ткани, ксилографы (книги) определенной тематики. Кувшин оборачивали желтым хадаком. В цветовой символике буддизма желтый цвет на уровне первоэлементов обозначает землю, также это цвет тела Дхьяни-Будды Ратнасамбхавы, который, как Земля, относится ко всем живым «без изъятия». Далее бумбу помещали в ящичек, который закапывали в центре предполагаемого фундамента и совершали ритуал освящения. После этого можно было начинать строительство, его начало тоже определяли по лунному календарю» [Позднеев А. М., с. 19–20].

При строительстве Чесанского дацана соблюдались все каноны возведения буддийского монастыря. Сначала выбрали место в красивой просторной Чесанской долине. Если внимательно взглядеться, и сегодня удивляет живописный окрестный пейзаж. Сглаженная равнина, отгороженная по краям синеем лесом, может показаться монотонной, но здесь нет и двух мест, похожих друг на друга. Кругом высокие холмы и предгорья, которые бесконечной чередой уходят за горизонт, реки и озера, родники и священные места долины. Родники с чистой и вкусной водой — Аршаанта, Булаг; Улзыто — гора, дарующая счастье; Жаргаланта — счастливая местность; Дундата — местность, находящаяся между двумя сопками; Заха — местность на окраине долины. Все это вместе и есть Чесанская долина, постепенно переходящая в Кодунскую, которая при слиянии по размерам не уступит другой, Кижингинской, но зато, слившись у подножия священной горы Челсана, они продолжают свою поступь до самых удинских степей. Люди издавна облюбовали это живописное место, особенно красиво здесь весной и летом.

Именно в этой местности в 1827 г. у реки Улзыто, притока реки Чесан, миряне начали строить Чесанский дацан под руководством местного главы рода Сагаанай и по окончании строительства в 1828 г. он был освящен ламами [Тобоев Т., с. 11]. Род Сагаанай в этот период возглавлял Шэрэнэй Бобо. В книге «Кижинга. Времен связующая нить» в истории семьи Цыренжаповых отмечено, что «... Дед Шагдара, Бобо, в свое время организовал строительство Чесанского дацана, для чего собирал деньги от населения, хотя это было запрещено. Когда к нему пришел представитель комиссии из Хоринской степной думы с документами, обви-

няющими его в самоуправстве, Бобо бросил компрометирующие его документы в огонь, а строительство Чесанского дацана было благополучно завершено в 1830 г.» [Кижинга... С. 126–127].

По сведениям А. М. Позднеева, Чесанский дацан был основан в 1824 г., строительство было завершено в 1827 г. (ИВР РАН, ф. 44, оп. 1, д. 133, л. 88).

По данным летописи Вандана Юмсунова («История хоринских бурят»), Чесанский дацан был построен в 1826 г. Основателем дацана был первый гэбгылама из местности Улзыто по имени Лубсан-Гунга [Дандарон Б. Д., с. 39].

Цогчен-дуган по буддийским канонам не мог быть освящен, если в его стенах не было скульптурных или живописных изображений 1000 Будд Благой Кальпы (бхадракальпа). Иконографически 1000 Будд подразделялись на пять групп по 200 персонажей с одинаковыми жестами рук (мудра). Поэтому возможно, что строительство было закончено в 1826–1827 гг. и до открытия и освящения в 1828 г. происходило наполнение внутренним убранством и устройство главного алтаря.

«Первый гекбуи из местности Улзуито по имени Лобсан Гунга основал Чесанский дацан, в районе которого было много верующего народа. Тогда в Чесане был еще лама по имени Лобсан Лхундуб. До приезда в Цугол он жил в местности Жебхэсэн. Будучи шанзодбой Чесанского дацана, он ушел на Онон, где основал Цугольский дацан «Даши Чоймпэллинг», распространил много сутр и проповедовал тантрийское учение» [Дандарон Б. Д., с. 117]. По сведениям Б. Дандарона, Чесанский деревянный дацан был построен в 1826 г. По Тобоеву, он носит название «Гандан Чоймпэллинг», по Юмсунову — «Гандан Дашилинг». В то же время, по сведениям летописи Шираб-Нимбу Хобитуева, по причине удаленности многих кочевий верующих от Кодунского (Кижингинского) дацана, отдельно от него был построен дацан у реки Чесан. Его тибетское название — «Гандан Чоймпэллинг». Первым шэрэтэ стал уззад-лама Кудунского дацана Гунга Сундуйн Худайского рода [Бурядай... С. 100]. По сведениям архивных источников, Чесанский дацан основан в 1827–1828 гг. [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 5, л. 4].

Отдельные источники утверждают, что в «1827 году огненной свиньи, часть лам Кодунского дацана под руководством гэбгы Лубсангунга Зундуева из рода Худай местности Улзытэ (впоследствии Первый Шэрэтэ) и шанзодба-ламы Кодунского дацана Лубсан Лхундуб Дандарова решили построить дацан на берегу речки Улзытэ, притока реки Чесан (впоследствии Чесанский дацан «Гандан Чоймпэллинг»). В этот же период хори-буряты берегов реки Онон попросили часто навещавшего их ламу Дандарова построить у них дацан, что явилось началом основания Цугольского дацана «Даша Чоймпэллинг» [Кижингинский. С. 8].

В 1827 г. Чесанский дацан был «одним из четырех буддийских храмов Хоринского ведомства Верхнекодунского округа наряду с Эгитуйским, Ацагатским и Хохюртайским дацанами» [Дацаны... С. 156].

«В разных источниках встречаются даты возведения дацанов, которые не всегда соответствуют действительности. Иногда это дата получения официального разрешения на строительство (хотя дацан уже был построен), иногда дата возведения того же дацана, но перенесенного на другое место (из-за случившегося пожара или наводнения), а иногда это указание времени строительства второго, нового (обычно каменного) дацана вместо устаревшего и т. д. Поэтому мы пред-

ставили здесь все встречавшиеся нам цифры, которые якобы являются датой основания того или иного дацана» [Нацов Г.-Д., с. 174].

Вместе с тем авторы книги «Ламаизм в Бурятии начала XVIII — начала XIX веков ...» утверждают, что в истории буддизма среди хоринских бурят-монголов существовал некий темный период, когда моленные юрты не учитывались и не фиксировались в бурятских хрониках и русских документах [Ламаизм... С. 22].

Причиной разночтений, связанных с определением даты строительства дацанов и других буддийских храмовых зданий, является неоднократная перестановка и перестройка дацанов. Хоринские буряты во второй половине XIX — начале XX в. перестроили свои дацаны по традициям «национального» (тибетского, монголо-китайского) зодчества. Этот процесс документально можно проиллюстрировать архитектурными чертежами и фотографиями действующих дацанов XIX в. Кроме того, разночтения связаны с тем, что «Положение о ламайском духовенстве в Восточной Сибири» 1853 г. ограничивало строительство в дацанах, ламы были вынуждены или скрывать часть зданий, или при обнаружении возбуждать ходатайство о перестройке пожертвованного дома, или находить другие причины в виде наводнения, пожара и др.

По информации современников (шэрэтэ Жаргал-ламы, Гыван-ламы (Гыван Базаров), Балдан-ламы (Александр Пирангалаев) и др.), Чесанский дацан вел собственную летопись на тибетском языке, которая состояла из народных преданий, устных рассказов, воспоминаний, заветов. Летопись не включала документы делопроизводства, другие архивные дела и переписку, но в ней были изложены в хронологическом порядке духовная жизнедеятельность и знаменательные события истории дацана, биографические данные шэрэтэ и известных лам, перечень редких канонических книг, буддийских скульптур и различных танк.

В собрании Чесанского дацана среди различных документов и фотографий хранятся рукописные записи (бар) на тибетском языке на шести листах пока неизвестного происхождения. Шэрэтэ-лама Жаргал передал их нам для изучения и перевода. Перевод с тибетского по нашей просьбе согласился сделать Балдан-лама (Александр Пирангалаев), служитель Иволгинского дацана. Предположительно эти листы являются выпиской из летописи Чесанского дацана. Если задаться целью, то можно сделать анализ и установить более точную дату — сколько лет этим листам. Современные технические средства позволяют это сделать. По отзыву Балдан-ламы, «листы в хорошем состоянии, не имеют своей нумерации, без заглавия, написаны одним почерком и в одном стиле. Примерно совпадают по содержанию текста, некоторые листы являются отдельными текстами с разных мест. Тем не менее содержание этих листов очень интересное.

Содержание первого листа: «Немного расскажу начиная с того, как был воздвигнут здесь на родной благой земле широко известный Чесанский дацан «Гандан Чоймпэллинг». По инициативе местных на общем собрании мирян было принято решение построить свой дацан. Досточтимому Лубсан Гунга Балсанбо было поручено подготовить проект дацана. В год Деревянной обезьяны 14-го шестидесятилетия (рабжуна) (1824 г.) учитель возглавил строительство новой обители Дхармы — дацана. Для определения места строительства дацана пригласили шэрэтэ Кудунского (Кижингинского) дацана «Даши Лхунболлинг» Лубсан Дава Балсанбо. Лубсан Дава Балсанбо и лама Лубсан Гунга Балсанбо с мирянами начали поиски подходящего места для постройки дацана, однажды они

увидели в том месте, где теперь расположен дацан, стадо овец числом более тысячи. Сочтя это указующим знаком, они пришли в середину сбившихся в кучу овец ...».

На обороте первого листа: «... на обнаруженном месте была заложена сачуд-бумба. В течение четырех лет этого рабжуна 22 отсчета в год земляной мыши было завершено двухэтажное здание дугана (храма). Во главе с шэрэтэ-ламой Кудунского дацана Лубсан Дава Балсанбо ламы совершили обширное рамнай (освящение) согласно обряду рамнай Даши Чарбаб и открыли ворота Учения и благоденствия. Лубсан Гунга сам преподнёс дугану статую бурхана Майтрейи высотой с человеческий рост, изготовленную из лекарственной глины, Зеленую Тару размером с локоть, танку Ямантаки в окружении девяти хранителей и новые танки шестнадцати Найданов (Архатов), Зугдор Намжилму, четырех Махарадж (хранителей четырех сторон). В это же время уроженец Чесаны, известный и уважаемый Лубсан Лхундуб Балсанбо (Дандаров) привез из Цугольского дацана и подарил статую Бурхан Бакши...».

Содержание второго листа: «...Основателя Цугольского дацана Лубсан Лхундуб Балсанбо просили передать монгольскому досточтимому ламе Хорчид Лубсан Цультиму прошение от местных мирян и лам в центральную часть всеведущему Панчен ламе Лубсан Балдан Нима Чоглай Балсанбо об утверждении названия Чесанского дацана и хранителя (сахюусана) и отправили изобильные дары от верующих в честь развития деяний Учения.

Панчен-лама, немного возвысившись над своим тронем, утвердил название дацана — «Гандан Чоймпэллинг» и хранителя (сахюусан) Лхамо Магсорма (Балдан Лхамо). Панчен-лама предсказал, что в местности Шасана (Чесана) дацан будет широко развивать драгоценное Учение. Все прихожане местности от души возрадовались этому событию. В год Земляной мыши (1828 г.) от представителей верховной власти России получили письмо с печатью дацана...».

Оборот второго листа: «...и похвальную грамоту о назначении шэрэтэ-ламой Чесанского дацана Лубсана Гунга Балсанбо. Возведя на бесстрашный львиный трон, его признали венцом всех прихожан этой местности. Являясь предводителем всех мирян, он установил порядок временных хуралов и вокруг дугана воздвиг двор и жилища лам. Ранее памятуемый шэрэтэ-лама Лубсан Гунга Балсанбо родился на берегу реки Худун в местности Улаан Бургаһан в семье отца Зунды (Цондуй) и матери Нанди. В молодости очень упорно изучал буддийские каноны, ясно понимал примечания высших личностей Учения. Особенно под руководством шэрэтэ-ламы Лубсан Дава Балсанбо изучил порядок Рабсала и Сахюусанов...».

Третий лист: «... шэрэтэ-лама Лубсан Гунга Балсанбо ввёл такой же порядок изучения Цанида (Чойра), как в Хурэ «Даши Чоймпэллинг» (дацан в г. Улан-Баторе Монголии). Через четыре года по возникновении грубых не соответствующих условий и времени учебу Цанида прервали. После двадцати лет перерыва в пятнадцатый рабжун шестнадцатого года Водяной лошади (1881 г.) учебу Цанида вновь возобновили. Шэрэтэ-лама Лубсан Гунга Балсанбо в год Земляной овцы (1879 г.) ушел в нирвану. Затем в течение трех лет занимал место шэрэтэ Маниба-лама Лубсан Жамсо Балсанбо и затем ушел в другое место. После него третьим шэрэтэ стал Лубсан Вампил Балсанбо. Верующие поднесли Ганжур и Данжур, привезенные Рожог Римбочи, статую бурхана Майтрейи высотой с че-

ловеческий рост и две статуи чуть ниже, статую бурхана Амитабхи, сделанную из лекарственной глины, высотой с человеческий рост ...»;

Оборот третьего листа: «... танки Ямантаки и каждого Сахюусана, Сумбумы (Собрание наставлений) Жанжа Агван Чойдана и Жанжа Пандиды. Дугану преподнесли сделанные полностью из сандалового дерева Ганди (толстые сандаловые доски, используемые для гонга). Хурэ хамбо Доржэчан Балдан Чойнпэлла от высших Учителей получил много посвящений (Ван, Лун, Женан) и практиковал их, тем самым продолжил указанную традицию. Даровал некоторым счастливым (прихожанам) посвящения (Лун и Женан) сложные Учения. А всем ученикам руководство по Пова (перемещение, выпускание сознания — обряд, выполняемый над умершими) на основе Будды Амитабхи, с концентрацией порядка множества взаимосвязей, ведущих в Диважан, в соответствии с легендами по жизнеописанию знатных людей. Четвертым шэрэтэ-ламой пятнадцатого рабжуна в год Железной змеи (1889 г.) стал Лубсан Ванчуг (Вампил) Балсанбо. Он отреставрировал статую Будды Шакьямуни, подаренную шэрэтэ ламой Лубсан Гунга ...».

Четвёртый лист: «...привез в дуган из Кудунского дацана «Даши Лхунболлинг» фигуры Будды Шакьямуни и двух его учеников, изготовленные из золота и меди. Издал садхану шестиразовой Гуру Йоги на основе наглядного соблюдения трех обетов, соответствующих Ламрим Ложону (Практике ступеней пути) ранней и новой традиции Гадамбы. Учащимся дал наставление, как следует совершать ежедневные начитки по Гуру Йоге по рекомендации Винаи: «Встав с постели до утра. соверши начитку». Был известным знатоком, устранившим погрешности (заблуждения) в ретритах по многим идамам. Многим счастливым (прихожанам) дал посвящение Лун к каждому Сахюусану и Сумбум (Собрание наставлений) Панчен Чойжана...».

Оборот четвертого листа: «...даровал посвящение Ван по шестнадцатиликому Авалокитешваре, Тайной Хаягриве и особому Идаму лам Одинокой Ямантаке. На хуралах ламы и верующие от души выражали почтение и совершали даяния, он, не накапливая их, раздавал на хурале. Также поддерживал неимущих. Одевался просто и жил скромно, всё его поведение соответствовало Дхарме. После пятнадцатого рабжуна двадцать пятого отсчета в год Железного кролика Лубсан Чойжи-Ванчук (Чойван) Балсанбо, став пятым шэрэтэ-ламой, совершил круговорот Учения собрания Сутр и Тантр. Если более подробно — проводил посвящения Лун на Сунбум (Собрание наставлений) Зонхавы и многие полные обряды Тантр, посвящения Ван на Жигжэд-Лхажусум (Тринадцать Божеств Ямантаки), Манла-Лхаман (Множество Божеств Будды Медицины) и Долма-Нэржиг (Двадцать одной Тары) по традиции Дубван Ними Байва, посвящения Жинан по тексту Дубтаб Ринжун-Жаза, Гонбо Гачен Жусум (Тринадцать Махакал), семнадцатиликой Махакалы ...».

Пятый лист: «...Особо говоря, приумножал непрерывно посвящения Лун местных счастливых (прихожан) в Сокровенные и обширные руководства Ламрим-Нямгур, Мартид-Дэлам, Лачод и Чагчен. Благодетели привезли Цанид дугану Ганжур монгольской письменности, а Цогчен-дугану — Сунбум Пятого Далай Ламы. Еще до ухода из известных сокровенных Учений для лам составил (издал) начитку по Мигзэму связанному с Гуру Йогой, и шестиразовую Гуру Йогу с созерцанием всех ступеней (Пути к просветлению). Затем пятнадцатого

равжуна сорок первого отсчета в год Огненной овцы шэрэтэ-ламой стал Лубсан Агван Балсанбо ...».

Оборот пятого листа: «...С детства необратимо поверив в Авалокитешвару, беспрерывно начитывал его шестислоговую мантру. В изучении текстов пяти вед был внимателен даже в тяжёлых обстоятельствах, вновь и вновь размышлял и исследовал суть всего услышанного, понимал и запоминал. В учебе следовал учению известных мудрецов, соблюдал порядок слушанья, размышления и созерцания. Когда был цанид-ламой, от сострадания для всех существ великодушно ввел осуществление Мани Рилбу. В должности шунлайва (мастера по ритуалам) совершал для прихожан обряд выноса Догсор, в этот момент над его жилищем все видели яркую радугу. Став уважаемым шэрэтэ-ламой, даровал прихожанам посвящение ван шестнадцатиликой Авалокитешвары, Лун Кадампинского тома и другие ...».

Текст на шестом листе: «...Глиняные статуи Табан Хаана (Панча Раджа) и Дамжан Гарнага (одна из разновидностей Дамжан Дорлэга, в народе именуемая Черный Кузнец). Четвертый шэрэтэ-лама Лубсан Ванчуг и благодетель Самдан преподнесли глиняные статуи Дамжан Сэншонма (Дамжан Дорлэг на льве) и Норлха (Небожитель богатства). Гэлон Сандаг преподнес глиняную статую высотой с человеческий рост Зонхаву. Пятый шэрэтэ-лама Лубсан Чойван и Ханчен (Мудрец) Балдан Чойнпэл подарили двадцать одну статую благословенной Тары Панчен Чоглай Намжала. Гэбшэ Чойин преподнес большие статуи Цэлха Намсума (Аюши Бурхан, Зугдор Намжилма и Сагаан Дара Эхэ). Габжа Балсан подарил глиняные статуи Джэ Ябсрай Сумма (Зонхава и двое его учеников Жалцаб Дарма Ринчен и Хайдуб Тамжад Ченба) в Чойра. Благодетель Яндаг преподнес глиняную статую Тары в Чойра. Гэбшэ Цыренпил преподнес статую Дэмчог (Идама Чакрасамвара) с человеческим ростом в Жуд. Благодетель Балдан преподнес глиняные статуи шестнадцати Найданов (Архатов). Унзад Гатуб — статуэтки восьми Манла (Отошо, Будда медицины). Габжа шанзодба Лубсан Найдан преподнес глиняную статую шестирукой Махакалы хранителя Чойры, благословенную статую (Каче) Хашан Хаана (фигура полного ламы с детьми, играющими на нем), найденную в местности Хулурэтэ, пустая, с отверстием на макушке. Вышние ламы посчитали: это знак того, что ламы этого дацана будут легко постигать пустотность, и отверстие на макушке символизирует, что практикующие сокровенный путь Пова (перемещения) будут способны переселиться в чистые миры ...».

Оборот шестого листа: «...От мирян преподнесен Мир Будды Амиабхи, сделанный из золота, меди и дерева. Благодетели преподнесли Жигжэд Лхажусум (тринадцать божеств Ямантаки). В дацане хранятся:

танки: Чонпрул Жона (пятнадцать чудес Будды), Зонхажаджума (), Тысяча Зонхав на одной танке, Тысяча Минтугбы на одной танке, шестнадцать Найданов (Архатов) на семи танках. Есть очень много других благословенных танк преподнесенных верующим ранее и позднее;

книги: ранее известные Ганжур и Данжур, Жадонба, написанная золотыми буквами самим досточтимым эмши-ламой Лубсан Дампилом, Цанбум Гэпрэнма, написанный золотом, серебром и медью, преподнесенный благодетелем Зургаадай, Жадонба, и Тарва Ченбо, написанная серебром, и другие;

ступы: Жанчуб Шодан высотой с человеческий рост, возведенный известным основателем первого Чойра унзад-ламой Гэлон Лубсан Дагбой, ступа, возведенная жуд-ламой Тойндолом ...».

По воспоминаниям Балдан-ламы Иволгинского дацана (Александра Пиранглаева), в годы его учебы в Буддийском институте примерно в 1996–1997 гг. он «держал в руках «ута бар» и начинал изучать летопись Чесанского дацана, написанную на тибетском языке. По объему она была толщиной в четыре пальца, не было 1,3,5,7-го листов. В то время он не придавал серьезного значения этой книге, потому что еще не освоил тибетский язык, большого интереса к истории дацана не было. Он жил в одном доме с хуваракон Эрдэни Болотовым. Потом уехал учиться в Индию. По прибытии в 2006 г. пытался найти эту книгу, спрашивал у Эрдэни. Он сказал, что по окончании учебы он оставил ее там же и больше не видел. Дальнейшие поиски этой книги оказались тщетными». Утерянная летопись дацана на тибетском языке пока не обнаружена.

В книге Д. С. Жамсуевой «Трансформация северного буддизма в условиях российского общества (по материалам дацанов этнической Бурятии)» также есть сведения о собственной летописи дацана: «...Чесанский дацан отличался от всех других бурятских дацанов не только упорядоченностью архивного делопроизводства, но и еще тем, что имел у себя собственную летопись дацана ...» [Жамсуева Д. С., с. 231, 205]. К большому сожалению, архив дацана не сохранился. В настоящее время имеющиеся материалы, в основном советского и постсоветского периодов, не систематизированы.

«Как следует из летописи, народ, получив известную власть в свои руки, не захотел жить по принципу старых общин, и было принято решение разделиться, организовав свои новые общины как в гражданском, так и в религиозном отношении. Таким образом, от Тугнугалтайского дацана отделяются две группы его прихожан, каждая из которых основывает два новых дацана со своим приходом. Так появились дацаны Хохюртайский и Цулгинский. Одновременно такая же ситуация сложилась и в приходе Анинского дацана, население южной части которого образовал свой приход — Челутаевский (Шолотуевский, Шалутский, Ацагатский) дацан, а северо-восточная часть — Эгитуйский дацан. В это же время от Кудунского дацана отделяется Чесанский дацан со своим приходом» [Жамсуева Д. С., с. 206, 231].

По сведениям архивных источников Института восточных рукописей РАН и Д. С. Жамсуевой, именно Лубсан-Гунга Зундуев, унзад-лама Кудунского дацана был инициатором отделения от Кудунского (Кижингинского) дацана и строительства Чесанского дацана, который «всеми силами души желал быть шэрэтэ или настоятелем этого дацана, а засим, придя к убеждению, что достигнуть этой должности в Кудунском дацане ему не удастся, решил обосновать новый дацан. С указанной целью он подговорил нескольких зайсанов и родовых старшин, питавших нерасположение к Кудунскому дацану за то, что последний оказывал им весьма мало почета, и летом 1823 г. отправились с ними для отыскания места, где было бы возможно построить новый дацан. Летопись окружает это обстоятельство множеством легенд, чтобы доказать, что избранное урочище при речке Чесане было именно самым счастливым для постройки дацана, а засим передает и подробности самой его постройки дацана, свидетельствующие о сравнительно слабом развитии в ту пору буддо-ламайских идей среди населения. Таков,

например, бунт рабочих, возникший при возведении второго этажа здания дацана по той причине, что рабочие эти не хотели строить помещение для ламайских богов-страшилищ. Этот бунт вызвал прекращение работ, так что окончить постройку дацана удалось только в 1828 г.» [ИВР РАН, ф. 44, оп. 1, д. 133, л. 88; Жамсуева Д. С., с. 206, 231].

Земли Чесанского дацана относились к Хоринскому ведомству Верхнекоудинского округа. Дацан располагался в живописной местности у подножия гор Дундата, Заха, Улзыто, между реками Улзыто и Дундата. Эти земли были не только живописными, но были богаты пастбищными угодьями и удобны для водопоя скота. В настоящее время здесь находится село Чесан, основанное на месте дацана в 1936 г. По окончании строительства здание дугана было освящено в 1828 г. Говорят, что центральный храм Цогчен-дуган был красивейшим трехэтажным зданием. В статье «Искусство бурятских дацанов» Р. С. Мэрдыгеев отмечает, что «план бурятских дацанов обычно составляется самим ламой-чертежником. Хотя во всех дацанах имеются отдельные книги по архитектонике, тем не менее ламы не всецело руководствуются ими во многих планах, в компоновке отдельных частей здания заметно то, что эти составители не придерживаются шаблона, а пользуются некоей долей свободы» [ЦВРК ИМБТ СО РАН, общий фонд, инв. № 1916, л. 1, 2; Дамдинов П. Н.]. По своей форме Чесанский дацан относился к сино-тибетскому стилю архитектуры. С элементами тибетского — «шубун хонолго», «эрхи» и индийского стиля — «бадма цэцэг».

Далее Р. С. Мэрдыгеев приводит общую характеристику архитектуры бурятских дацанов того времени и отмечает, что «нет в дацанской архитектуре, как это бывает в западноевропейских постройках, профилировки. В дацанах профилировка заменяется цветными изразцами орнаментов и выступающими концами стропил (как в Китае и Японии). Балясины на балюстрадах встречаются разные: точеные столбики наподобие русских перил, легкие ажурные решетки, представляющие тот же орнамент «утта налтай» и т. д. ... Орнаментация бурятских дацанов несомненно весьма богата и разнообразна ... каждый орнамент имеет своё название и символическое значение — «хана хангирсак», «хатан бугамши», «хорло», «буту утасан», «матарай сул», «мориной туру» и др. Дацанская орнаментика сосредоточена, главным образом, в антаблементе здания и расположена примерно по следующему порядку:

1. Эрхи — чётки (или полоса «табиру» — белые рельефные кружочки на темно-красном фоне).
2. Бадма-цэцэг — лотос (выпуклая порезка стилизованных листьев лотоса).
3. Түмэн-жаргал — орнамент, символизирующий долговечность или бесконечность.
4. Шубуун хонолго — птичий ночлег (треугольные зубцы).
5. Үүлэн — облако.
6. Угалза — завиток, напоминающий рога дикого барана.
7. Хас тамга — свастика, символ твердости, крепости.
8. Маани — молитвенные письмена.
9. Үхэр хоншоор, үүлэн — облака, символизирующие пасть бурхана Чойджи и Ямантаки.

Что же касается красок в архитектуре, то преобладающие цвета те же, что и в живописи, за исключением красных и белых, употребляемых в архитектуре

больше, чем в живописи. Железные крыши зданий окрашиваются обычно в желтый или зеленый цвет, стены в белый и желтый, стержни колонн — в красный, капители, кронштейны окрашиваются преимущественно коричневой и бордовой красками. На резные орнаменты идут, главным образом, ярко-цветные краски. Золото идет на изображение блюд (солнце) на фризах антаблемента, драконов на загнутых углах крыш, антилоп с колесом закона — «хорло», купола — «ганжур» и «жалсан» и, наконец, молитвенных надписей — «маани», расположенных на антаблементах. Серебра в орнаменте совершенно нет» [ЦВРК ИМБТ СО РАН, общий фонд, инв. № 1916, л. 4; Дамдинов П. Н.]. Здание главного соборного храма — Цогчен-дугана Цугольского дацана является вершиной архитектурного мастерства бурятских зодчих.

Чесанским дацан назван по названию реки Чесан, также встречается в разных изданиях и архивах как Чицановский, Цицановский, Чесанский, Чицанайский. Дацан строился самостоятельно, без официального разрешения русского правительства, но с ведома и разрешения бывшей Бурятской главной конторы 11 хоринских родов по образцу бурятских дацанов того времени.

Строительство практически было завершено в 1827 г., до официального открытия Цогчен-дуган наполняли внутренним убранством. Это также связано с исполнением различных обрядов по «окуриванию» и торжественному внесению бурханов и освящению алтарной части главного храма. Сведений об участниках и порядке проведения, точной дате и по фотоматериалам не обнаружено.

В связи с разночтениями по дате строительства Чесанского дацана и с учетом указанных источников датой начала строительства и его завершения можно считать период 1823–1828 гг., годом открытия Чесанского дацана — 1828-й, когда был проведен ритуал освящения (рамнай), начались богослужения и прием верующих ламами. После освящения он получил название: «Гандан Чоймпэллинг», что с тибетского на бурятский переводится как «Тушитын ном дэлгэрхын хиид» — земля, где распространяется учение Тушиты (перевод Балдан ламы, Иволгинский дацан).

Каждый дацан имел своего постоянного защитника (сахюусана), покровителя. Может быть несколько докшитов, т. е. «божеств — хранителей священного буддийского учения». По сведениям А. М. Позднеева, «в настоящее время чествование гения-хранителя начинается обыкновенно со времени освящения храма, а изображение специального гения-хранителя совершается даже до времени основания и закладки монастыря» [Позднеев А. М., с. 18].

Покровителем Чесанского дацана была избрана Дхармапала Балдан Лхамо, санскр. Шримати-дэви. Балдан Лхамо Сахюусан является хранительницей Учения Будды, единственное женское божество среди Восьми Защитников Дхармы. Она является гневной эманацией богини Сарасвати, принявшей этот облик ради покровительства учению. «Является одним из самых широкопочитаемых божеств в тибетском буддизме. Культ Балдан Лхамо популярен на всех уровнях и существует во многих формах: обряды, посвященные богине, совершаются как в храме, так и в быту; крупнейшие адепты буддизма и ученые посвящают ей гимны, обрядовые тексты и трактаты; лучшие мастера, художники воплощают её многоликие пугающие образы в глине, камне и металле, рисуют на холстах; оракулы взывают к ней, моля о предсказаниях; народ слагает о ней мифы и легенды, которые веками передаются из поколения в поколение; каждый день во всех бу-

рятских дацанах звучат ритуальные инструменты и осуществляются различные подношения Балдан Лхамо, ежедневно каждый верующий взывает к ней, совершая кропление утренним чаем; многие носят при себе либо хранят в доме талисманы-срункоры — ксилографически отпечатанные диаграммы с мантрой божества [Сыртыпова С.-Х., с. 3].

«Балдан Лхамо, как уже говорилось, считается гневным проявлением Сарасвати, богини учености. В некоторых текстах говорится, что Балдан Лхамо — это проявление дакини Экаджати в форме хранительницы Учения. В народной интерпретации Балдан Лхамо есть гневное проявление бодхисаттвы Тары. Вся многочисленная свита хранительницы трактуется как проявление силы Балдан Лхамо. Наиболее распространенная форма богини — это дхармапала Балдан Лхамо, один из Восьми Великих Хранителей тибетского буддизма (в монгольской традиции один из Десяти Великих Сахюусанов)» [Сыртыпова С.-Х., с. 76]. В книге Ц. П. Ванчиковой «История бурятского буддизма» указано (табл. 34), что хранительница Учения Будды богиня Балдан Лхамо являлась защитницей четырнадцати бурятских дацанов [Ванчикова Ц. П., с. 82–85].

Несмотря на трудности, усилиями шэрэтэ дацана Лубсангунги Сундуева к 1831 г. были построены девять сумэ. В целях предотвращения хищений и пожаров была организована охрана, как было предписано в «Уложении 11 хоринских родов» от 1823 г., в гл. 1 ст. 1: «Обычно при каждой кумирне выставлять ежегодно одного вооруженного караульного из приходских людей». К этому времени из всех хоринских дацанов только Чесанский дацан имел 9 сумэ, в Агинском ведомстве Агинский и Цугольский дацаны имели по 4 сумэ, дацаны хамниганов и хори-бурят — по 1–2 сумэ.

Архивные источники отмечают, что дацан был построен за счет добровольных пожертвований хоринских бурят. Главное здание (Цогчен-дуган) и внутреннее убранство оцениваются в 714 р. 28 к. Также на средства добровольных пожертвований мирян были построены все девять сумэ: Хурдэ, Майдари, Гунрик, Дымчог, Арьяа-Баала, Очирвани, Аюши, Отошо, Табан Хаан. Эти сумэны построены в 1831 г. по решению мирян Чесанского прихода за счет добровольных пожертвований. Здания сумэнов оцениваются в 647 рублей 24 копейки. В последующем с помощью мирян Чесанского прихода, за счет их добровольных пожертвований были приобретены различные божества, молитвенные книги и другие религиозные атрибуты на общую сумму 12 930 рублей 42 копейки. Общий итог стоимости движимого и недвижимого имущества составляет 2 654 рубля 85 копеек 5/7 серебром [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 574, л. 54–55; Цыбенков Б. Д., с. 19].

Чесанский дацан был построен без «высочайшего повелевания», самостоятельно, без официального разрешения, тайком от русского правительства, но с ведома и разрешения бурятской главной конторы одиннадцати хоринских родов. В 1830 г. тайша хоринских бурят Дамба Дугаров возбудил ходатайство на имя Нерчинского окружного начальника о признании пяти дацанов (Хохюртайского, Цулгинского, Ацагатского, Эгитуйского и Чесанского) законными. 15 мая 1831 г. в том числе Чесанский дацан был официально утвержден по указу № 11957 Иркутского губернского правления [ИВР РАН, ф. 44, оп. 1, д. 133, л. 87, об. 88].

Кроме этого, «в соответствии с указом Иркутского гражданского губернатора от 10 декабря 1832 г. были высочайше утверждены сразу четыре дацана хорин-

ских бурят во главе с настоятелями на территории современной Бурятии — Шулутский дацан «Гандан Даржилинг» (1825) с настоятелем Навааном Мункуевым из Галтайского дацана; Чесанский дацан «Гандан Чоймпэллинг» (1826) с настоятелем унзад-ламой Гунгой Сактоевым из Кодунского дацана; Эгитуйский дацан «Дашгай Рабдил» (1826) с настоятелем Галсаном Ангаевым из Анинского дацана; Хухюртинский дацан «Лхун-Дублинг» (1825) с настоятелем Сультимом Дыльковым из Галтайского дацана» [Бурядайт... С. 100; Юмсунов В., с. 54].

По сведениям Ц. П. Ванчиковой, в конце 1820-х и начале 1830-х гг. были открыты Чесанский (1828), Тарбагатайский (1828), Ононский (1828), Хужиртайский (1829), Гэгэтуйский (1831), Кударинский (1831), Челугайский (1831), Хохюртайский (1831), Цолгинский (1831), Улхунский (1832), Баргузинский (1832), Цэжинско-Бургалтайский (1832) дацаны [Ванчикова Ц. П., с. 82–85]. Обеспокоенные увеличением количества дацанов, дуганов и сумэ в дацанах, царские власти начали проверку установленного соответствия количества лам и хуварак в дацанах. Было направлено письмо шэрэтэ дацанов о предоставлении «правильного» количества штатных лам: «Пандидо хамбо-лама Ишижамсуев. 1833 г. № 41178. Главному ламе дацанов хори-бурят, помощнику Пандидо хамбо-ламы, шэрэтэ Кодунского дацана Тойндолу Цыванову. Прошу предоставить списки выборных лам Эгитуйского, Ацагатского, Чесанского дацанов (со званием) и шэрэтэ каменных Анинского и Агинского дацанов предписываю также предоставить данные о выборных ламах нынче определенному мной человеку (нансо Базарон). Все сведения будут предоставлены генералу, барону Спичкину. В утвержденных чиновниками дацанах не должно быть хоть одного ламы, утвержденного в звании в нарушение закона. Поэтому я надеюсь, Вы как следует подумаете над этим. Главный цоржо-лама Жамсо» [ГАРБ, ф. 519, оп. 1, д. 1, л. 8].

В описываемый период развития Чесанского дацана Данзан Гыван (Чойван) Доржо Ешижамсуев в 1809–1839 гг. пребывал на посту хамбо-ламы. Он младший брат предыдущего хамбо-ламы. При нем было устранено двоевластие в буддийском духовенстве Восточной Сибири, возникшее при хамбо-ламах Ж. Ахалдаеве и С. Хэтырхееве. Указом Иркутского губернского управления Ешижамсуев утверждается главным Пандидо хамбо-ламой «всех дацанов — селенгинских, цонгольских и хоринских» (1809–1834). Гусиноозерский дацан становится официальной резиденцией хамбо-лам. Был разработан проект «строительства 32 дацанов по числу родов у бурят; чтобы в них было штатных лам 600 (у казаков 200 и у ясачных 400) и штатных хуварак 1 400 (у казаков 400, у ясачных 1 000)». В соответствии с этим проектом были построены Аларский и Тункинский дацаны для прибайкальских бурят; Цэжинский для закаменских, Гэгэтуйский, Иройский, Янгажинский, Кударинский — для селенгинских родов; Кодунский, Эгитуйский, Чесанский, Хохюртайский, Ацагатский, Цолгинский, Цугольский — для хоринских; Хужиратский, Тарбагатайский, Бырцульский — для хамниганов; Олхунский, Зугалайский дацаны — для казаков-хамниганов; Агинский дацан для агинских. По свидетельству путешественника М. Кастрена, за 12 тыс. голов скота была приобретена целая богословская библиотека из Тибета. По настоянию хамбо-ламы были записаны истории происхождения бурятских родов. В 1830 г. Ешижамсуев был признан хубилганом (перерожденцем) гэгэна Жамсы. С 1758 по 1834 г. в Восточной Сибири при существующих 34 дацанах открылось 165 сумэ (дуганы небольших размеров).

В сборнике документов Б. Ц. Жалсановой, Л. В. Кураса в разделе ведомостей о состоянии буддийских дацанов Восточной Сибири, стоимости зданий и внутреннего убранства от июля 1835 г. имеются сведения о количестве дуганов и сумэ в дацанах, стоимости движимого и недвижимого имущества, а также в ведомости от июля 1835 г. имеются сведения о количестве комплектных и некомплектных лам и хувараков буддийских дацанов Восточной Сибири. В табличной форме представлено, что только в 8 дацанах из 34 было по 9 и более дуганов: в Гусиноозерском — 17, Цонгольском — 11, Атаганском — 16, Ацайском — 9, Бултумурском — 17, Загустайском — 11, Иринском — 10. В остальных дацанах от 1 до 4 сумэ, только в Уштойском их было 6. «... в Чицанайском дацане числится 1 главный храм, 9 сумэнов, цена заведения дацана 1 730 р., цена бурханов, книг и прочего 3 035 р., всего вообще 4 765 р.» [ГАРБ, ф. 8, оп. 1, д. 888а, л. 2–3. Рукопись; История..., с. 124–127]. «В Чицанайском дацане «Гадан Чайнпинлин» всех лам и хувараков: гылунов — 4, гыцулов — 11, хувараков — 30, итого: 45 человек. Прихожан ламайской веры: мужчин — 663, женщин — 594, всего — 1 257 человек» [ГАРБ, ф. 8, оп. 1, д. 888а, л. 2–3. Рукопись. Подлинник; История... С. 127–130].

В 1841 г. в Чесанском дацане было 35 лам, в том числе 7 гелунов и 14 гыцулов. Комплектных штатных лам еще не было. К приходу дацана относились представители в основном 7 бурятских родов: Зун Хубдуг, Зун Харгана, Хальбан, Батанай, Саганай, Галзуг, Худай. «Из них наибольшее количество составляли представители рода Зун Хубдуг, вторыми по численности были представители рода Зун Харгана, на третьем месте были род Хальбан. Прихожан насчитывалось 1 249 человек. Из них мужчин — 660 человек, женщин — 589 человек» [ГАРБ, ф. 8, оп. 4, д. 20, л. л. 54–55; Студенчество..., с. 19]. Также входили в состав прихода Чесанского дацана «миряне Баруун Эгитэ, нынешнего Еравнинского района и население Читинской области ныне Забайкальского края от Хилка на восток в районе Хяла и Аре нуур до Могзона и Сохонды. Ареал прихода подтверждает, что Чесанский дацан имел большое влияние на огромной территории и был одним из крупнейших дацанов того времени» [Цыренжапов Ц.-Д., с. 12].

Граница прихода простиралась от устья реки Шинтай, на западе по рекам Кудун, Могсохон, хребту Хуурай, по реке Жэбхеээн, на юге до реки Шинтай, на востоке вверх по реке Хилок до реки Садна. Население указанных родов проживало в местностях Дээдэ Худан гол, Чесана, Дээдэ Хёлго, Могсохон, Тураасгай, Зуун Жэбхеээн, Шулуута, Заха, Дундата, Улзытэ, Хуурай Хунды, Ехэ Хунды, Тогуй, Хурэтэ, Сараантай, Хагдануур, Харьяа, Соорэм, Хульхисоон, Больтируу, Могзон. Богатые пастбищными угодьями и удобные для водопоя скота земли не раз становились предметом споров между ламами и мирянами.

В ГАРБ хранится штатное расписание и послужной список 29 некомплектных лам Чесанского дацана от 1841 г.: «Верхнеудинский округ Хоринского ведомства, Чесанский дацан «Гандан Чоймпэллинг». Этот дацан построен в 1828 г. по решению мирян Чесанского прихода за счет добровольных пожертвований... В нем занимаются религиозной деятельностью 29 лам:

1. Шэрэтэ-лама Гунга Сундын, 47 лет, в 1804–1805 гг. принял обеты убаши, хуварака от шэрэтэ-ламы Чоймпилы Тубусэйн, в 1810–1829 гг. принял обеты гэцула, гэлунга от шэрэтэ-ламы Дабы Нуранай, владеет тибетским и монгольским

языками, лекарь, астролог, исполняет духовные и лечебные потребности прихожан. На совместном собрании духовных и светских лиц Кудунского (Кижингинского) дацана в 1814, 1824 гг. избирался унзадом и гэбгы-ламой дацана, в 1828 г. избран даа-ламой. На совместном собрании духовных лиц Чесанского дацана и светских лиц его прихода избран ширэтуем Чесанского дацана и 30 апреля 1833 г. распоряжением № 98 Пандидо хамбо-ламы Гывана Ешижамсуева был утвержден на должность ширэтуя. По исполнению духовных обязанностей характеризуется с положительной стороны.

Из хори-бурят, рода Худай, из ясачных, живет при дацане. Не входит в число комплектных лам, повинность оплачивает сам, личного имущества не имеет, имеет общее имущество с отцом, который проживает на расстоянии одного километра от дацана, возле речки Чесан.

2. Даа-лама Зунды Рабданай, 38 лет, в 1813, 1814, 1828 гг. принял обеты убаши, хуvaraка, гэцула от шэрэтэ-ламы Дабы Нуранай, в 1834 г. принял обет гэлуна от шэрэтэ-ламы Гунги Сундын, владеет тибетским и монгольским языками, исполняет духовные потребности прихожан. На совместном собрании духовных и светских лиц в 1828 г. был избран унзадом и в 1830 г. гэбгы-ламой. По итогам выборов распоряжением № 137 от 23 февраля 1836 г. Пандидо хамбо-ламы Гывана Ешижамсуева был утвержден на должность даа-ламы. В 1841 г. избран даа-ламой. По исполнению духовных обязанностей характеризуется с положительной стороны.

Из хори-бурят, рода Галзут, из ясачных, живет при дацане. Не входит в число комплектных лам, повинность оплачивает сам, личного имущества не имеет, имеет общее имущество с отцом, который проживает в местности Булак, в двух километрах от дацана.

3. Соржо-лама Гомбо Цэцэгтын, 42 года, в 1804, 1806 гг. принял обеты убаши, хуvaraка от шэрэтэ-ламы Чоймпил Тубусэйн, в 1825 г. принял обет гэцула от шэрэтэ-ламы Дабы Нуранай, владеет тибетским и монгольским языками, лекарь, астролог, исполняет духовные и лечебные потребности прихожан. На совместном собрании духовных и светских лиц Кудунского дацана в 1819 г. был избран унзад-ламой, в 1820 г. — «мэдэлчи». В 1828 г. в этом же дацане избран нансо-ламой. По итогам выборов распоряжением № 135 от 23 февраля 1836 г. Пандидо хамбо-ламы Гывана Ешижамсуева был утвержден на должность соржо-ламы. По исполнению духовных обязанностей характеризуется с положительной стороны.

Из хори-бурят, рода Галзут, из ясачных, живет при дацане. Не входит в число комплектных лам, повинность оплачивает сам, личного имущества не имеет, имеет общее имущество со старшими и младшими членами семьи, которые проживают в местности Хухэ Шулуута, в трех километрах от дацана.

4. Шанзодба-лама Намжил Энхын, 48 лет, в 1805, 1807 гг. принял обеты убаши, хуvaraка от шэрэтэ-ламы Чоймпил Тубусэйн, в 1825 г. принял обет гэцула от известного ламы-лекаря Сунрэба Сэлтиин, в 1829 г. принял обет гэлуна от шэрэтэ-ламы Дабы Нуранай, владеет тибетским и монгольским языками, лекарь, исполняет духовные и лечебные потребности прихожан. На совместном собрании духовных и светских лиц в 1829 г. избран гэбгы-ламой. По итогам выборов распоряжением №136 от 23 февраля 1836 г. Пандидо хамбо-ламы Гывана Ешижамсуева был утвержден на должность шанзодба ламы. По исполнению духовных обязанностей характеризуется с положительной стороны.

Из хори-бурят, рода Худай, младший брат зайсана, живет при дацане. Не входит в число комплектных лам, повинность оплачивает сам, личного имущества не имеет, имеет общее имущество с отцом, который проживает в местности Худан, в 30 километрах от дацана.

5. Засаг-лама Дансаран Тобхуин, 26 лет, в 1828, 1830 гг. принял обеты убаши, хуvaraка от шэрэтэ-ламы Дабы Нуранай, в 1836 г. принял обет гэцула от шэрэтэ-ламы Гунги Сундын, владеет тибетским и монгольским языками, лекарь, исполняет духовные и лечебные потребности прихожан. На совместном собрании духовных и светских лиц в 1829 г. избран гэйг-ламой. По итогам выборов распоряжением № 138 от 23 февраля 1836 г. Пандидо хамбо-ламы Гывана Ешижамсуева был утвержден на должность гэйг-ламы. По итогам выборов распоряжением № 440 от 10 ноября 1840 г. Пандидо ламы был утвержден на должность нансо и засаг-ламы. По исполнению духовных обязанностей характеризуется с положительной стороны.

Из хори-бурят, рода Хубдуд, сын «шуулингы», живет при дацане. Не входит в число комплектных лам, повинность оплачивает сам, личного имущества не имеет, имеет общее имущество со старшим братом, который проживает в местности Улзыто, в одном километре от дацана.

6. Даа-лама унзад Жимба Золтын, 33 года, в 1815, 1816 гг. принял обеты убаши, хуvaraка от гелун-ламы Жамьяна Уйлунхын, в 1828, 1829 гг. принял обеты гэцула, гелуна от шэрэтэ-ламы Дабы Нуранай, владеет тибетским и монгольским языками, исполняет духовные потребности прихожан. На совместном собрании духовных и светских лиц в 1829 г. избран унзад-ламой. В 1841 г. избран даа-ламой. По исполнению духовных обязанностей характеризуется с положительной стороны.

Из хори-бурят, рода Харгана, из ясачных, живет при дацане. Не входит в число комплектных лам, повинность оплачивает сам, личного имущества не имеет, имеет общее имущество с матерью, которая проживает в двух километрах от дацана в Чесане.

7. Нансо-лама Чойдоп Намжилун, 33 года, в 1820, 1821 гг. принял обеты убаши, хуvaraка от шэрэтэ-ламы Дабы Нуранай, в 1833 г. принял обет гэцула от шэрэтэ-ламы Гунга Сундын, владеет тибетским и монгольским языками, астролог, исполняет духовные потребности прихожан. На совместном собрании духовных и светских лиц в 1829 г. избран нярба-ламой. В 1832 г. избран гэггы-ламой. По итогам выборов распоряжением №441 от 10 ноября 1840 г. Пандидо Хамбо ламы Гывана Ешижамсуева был утвержден на должность нансо-ламы. По исполнению духовных обязанностей характеризуется с положительной стороны.

Из хори-бурят, рода Галзут, из ясачных, живет при дацане. Не входит в число комплектных лам, повинность оплачивает сам, личного имущества не имеет, имеет общее имущество с отцом, который проживает в одном километре от дацана возле речки Чесан.

8. Жидба-лама Даши Худуин, 52 года, в 1800, 1801 гг. принял обеты убаши, хуvaraка от шэрэтэ-ламы Сондолуна, в 1819 г. принял обет гэцула от шэрэтэ-ламы Малагуна, владеет тибетским и монгольским языками, лекарь, исполняет духовные и лечебные потребности прихожан. На совместном собрании духовных и светских лиц в 1829 г. избран гурумчи-ламой. В 1841 г. избран жидба-ламой.

По исполнению духовных обязанностей характеризуется с положительной стороны.

Из хори-бурят, рода Батанай, из ясачных, живет при дацане. Не входит в число комплектных лам, ученик гэбшэ-ламы Цэбэгэй (Унхэнсэгэй) Чэмэд, повинность оплачивают прихожане, личного имущества не имеет, имеет общее имущество с братом, который проживает в четырех километрах от дацана возле речки Чесан.

9. Гурумчи-лама Дуйндул Дэлгэрын, 33 года, в 1820, 1821 гг. принял обеты убаши, хуvaraка от шэрэтэ-ламы Дабы Нуранай, в 1833 г. принял обет гэцула от шэрэтэ-ламы Гунги Сундын, владеет тибетским и монгольским языками, лекарь, исполняет духовные и лечебные потребности прихожан. На совместном собрании духовных и светских лиц в 1836 г. избран унзад-ламой. В 1838 г. избран гэбгы-ламой. В 1841 г. избран гурумчи-ламой. По исполнению духовных обязанностей характеризуется с положительной стороны.

Из хори-бурят, рода Хубдуд, из ясачных, живет при дацане. Не входит в число комплектных лам, повинность оплачивает сам, личного имущества не имеет, имеет общее имущество с братом, который проживает в одном километре от дацана, возле речки Чесан.

10. Гэбгы-лама Вандан Модохаин, 30 лет, в 1824, в 1825 гг. принял обеты убаши, хуvaraка от шэрэтэ-ламы Дабы Нуранай, в 1837 г. принял обет гэцула от шэрэтэ-ламы Гунги Сундын, владеет тибетским и монгольским языками, лекарь, исполняет духовные и лечебные потребности прихожан. На совместном собрании духовных и светских лиц в 1831 г. избран гэиг-ламой. В 1839 г. избран гэбгы-ламой. По исполнению духовных обязанностей характеризуется с положительной стороны.

Из хори-бурят, рода Худай, из ясачных, живет при дацане. Не входит в число комплектных лам, повинность оплачивает сам, личного имущества не имеет, имеет общее имущество с матерью, которая проживает в 30 километрах от дацана в Худане.

11. Гэбгы-лама Шоймпол Шаданай, 30 лет, в 1829, 1830 гг. принял обеты убаши, хуvaraка, в 1834 г. обет гэцула от шэрэтэ-ламы Гунги Сундын, владеет тибетским и монгольским языками, исполняет духовные потребности прихожан. На совместном собрании духовных и светских лиц в 1836 г. избран гэбгы-ламой. По исполнению духовных обязанностей характеризуется с положительной стороны.

Из хори-бурят, рода Сагаан, из ясачных, живет при дацане. Не входит в число комплектных лам, повинность оплачивает сам, личного имущества не имеет, имеет общее имущество с отцом, который проживает в одном километре от дацана в местности Улзытэ.

12. Унзад-лама Лудуб Занхойин, 23 года, в 1827, 1828 гг. принял обеты убаши, хуvaraка от шэрэтэ-ламы Дабы Нуранай, владеет тибетским и монгольским языками, исполняет духовные потребности прихожан. На совместном собрании духовных и светских лиц в 1830 г. избран бэлигтэ-ламой. В 1839 г. избран унзад-ламой. По исполнению духовных обязанностей характеризуется с положительной стороны.

Из хори-бурят, рода Худай, из ясачных, живет при дацане. Не входит в число комплектных лам, повинность оплачивает сам, личного имущества не имеет,

имеет общее имущество с младшим членом семьи, который проживает в местности Хухэ Шулуута, в трех километрах от дацана.

13. Унзад-лама Лосол Шиндуин, 27 лет, в 1824, 1825 гг. принял обеты убаши, хуварака от шэрэтэ-ламы Дабы Нуранай, владеет тибетским и монгольским языками, исполняет духовные потребности прихожан. На совместном собрании духовных и светских лиц в 1830 г. избран гэйг-ламой. В 1831 г. избран унзад-ламой. По исполнению духовных обязанностей характеризуется с положительной стороны.

Из хори-бурят, рода Хубдуд, сын зайсана, живет при дацане. Не входит в число комплектных лам, повинность оплачивает сам, личного имущества не имеет, имеет общее имущество с отцом, который проживает в 10 километрах от дацана.

14. Ноён-лама Ванжил Сахнагин, 51 лет, в 1812, 1813 гг. принял обеты убаши, хуварака от шэрэтэ-ламы Малагуна, в 1837, 1839 гг. принял обеты гэцула и гелуна от шэрэтэ-ламы Гунги Сундын, владеет тибетским и монгольским языками, исполняет духовные потребности прихожан. На совместном собрании духовных и светских лиц в 1831 г. избран гэйг-ламой. В 1839 г. избран ноён-ламой. По исполнению духовных обязанностей характеризуется с положительной стороны.

Из хори-бурят, рода Хальбан, из ясачных, живет при дацане. Не входит в число комплектных лам, повинность оплачивает сам, личного имущества не имеет, имеет общее имущество со старшими и младшими членами семьи, которые проживают в 60 километрах от дацана, в Кижинге.

15. Зурхайчи-лама Ванжил Банзарай, 36 лет, в 1824, 1826, 1830 гг. принял обеты убаши, хуварака, гэцула от шэрэтэ-ламы Дабы Нуранай, владеет тибетским и монгольским языками, исполняет духовные потребности прихожан. На совместном собрании духовных и светских лиц в 1836 г. избран унзад-ламой. В 1839 г. избран зурхайчи-ламой. По исполнению духовных обязанностей характеризуется с положительной стороны.

Из хори-бурят, рода Бодонгуд, из ясачных, живет при дацане. Не входит в число комплектных лам, повинность оплачивает сам, личного имущества не имеет, имеет общее имущество со старшими и младшими членами семьи, которые проживают в 7 километрах от дацана в местности Жэбхэзэн.

16. Нярга-лама Самдан Уйлахайн, 32 года, в 1823, 1824 гг. принял обеты убаши, хуварака от шэрэтэ-ламы Дабы Нуранай, владеет тибетским и монгольским языками, исполняет духовные потребности прихожан. На совместном собрании духовных и светских лиц в 1836 г. избран тахильчи-ламой. В 1839 г. избран нярга-ламой. По исполнению духовных обязанностей характеризуется с положительной стороны.

Из хори-бурят, рода Хуацай, из ясачных, живет при дацане. Не входит в число комплектных лам, повинность оплачивает сам, личного имущества не имеет, имеет общее имущество с матерью, которая проживает в местности Хухэ Шулуута, в трех километрах от дацана.

17. Бичээчи-лама Лодон Норугин, 26 лет, в 1824, 1825 гг. принял обеты убаши, хуварака от шэрэтэ-ламы Дабы Нуранай, в 1827 г. принял обет гэцула от шэрэтэ-ламы Гунга Сундын, владеет тибетским и монгольским языками, зурхайчи, исполняет духовные потребности прихожан. На совместном собрании духовных и светских лиц в 1839 г. избран бичээчи-ламой. По исполнению духовных обязанностей характеризуется с положительной стороны.

Из хори-бурят, рода Галзут, из ясачных, живет при дацане. Не входит в число комплектных лам, повинность оплачивает сам, личного имущества не имеет, имеет общее имущество с братом, который проживает в одном километре от дацана возле речки Чесан.

18. Чобомба-лама Добчин Удамааин, 32 года, в 1824 г. убаши, в 1825, 1826 гг. принял обеты хуvaraка и гецула от шэрэтэ-ламы Дабы Нуранай, владеет тибетским и монгольским языками, исполняет духовные потребности прихожан. На совместном собрании духовных и светских лиц в 1835 г. избран чобомба-ламой. По исполнению духовных обязанностей характеризуется с положительной стороны.

Из хори-бурят, рода Хубдуг, из ясачных, живет при дацане. Не входит в число комплектных лам, повинность оплачивает сам, личного имущества не имеет, имеет общее имущество с отцом, который проживает в одном километре от дацана, возле речки Чесан.

19. Тахильчи-лама Лодой Тарбаин, 23 года, в 1825, 1829, 1839 гг. принял обеты убаши, хуvaraка и гецула от шэрэтэ-ламы Дабы Нуранай, владеет тибетским и монгольским языками, лекарь, исполняет духовные и лечебные потребности прихожан. На совместном собрании духовных и светских лиц в 1839 г. избран тахильчи-ламой. По исполнению духовных обязанностей характеризуется с положительной стороны.

Из хори-бурят, рода Хубдуг, из ясачных, живет при дацане. Не входит в число комплектных лам, повинность оплачивает сам, личного имущества не имеет, имеет общее имущество с отцом, который проживает в 9 километрах от дацана, в местности Булак.

20. Мэдээчи-лама Жамьян Цогтын, 23 года, в 1828, 1829 гг. принял обеты убаши, хуvaraка от шэрэтэ-ламы Гунги Сундын, владеет тибетским и монгольским языками, исполняет духовные потребности прихожан. На совместном собрании духовных и светских лиц в 1831 г. избран цойбо (чойбо)-ламой. В 1839 г. избран мэдээчи-ламой. По исполнению духовных обязанностей характеризуется с положительной стороны.

Из хори-бурят, рода Харгана, из ясачных, живет при дацане. Не входит в число комплектных лам, повинность оплачивает сам, личного имущества не имеет, имеет общее имущество с матерью, которая проживает в 40 километрах от дацана, возле речки Удын Хангира.

21. Гэйг-лама Шираб Сиирхэнэй, 33 года, 1820, 1821 гг. принял обеты убаши и хуvaraка от шэрэтэ-ламы Дабы Нуранай, владеет тибетским и монгольским языками, исполняет духовные потребности прихожан. В 1838 г. принял обет гецула от шэрэтэ-ламы Гунга Сундын. На совместном собрании духовных и светских лиц в 1835 г. избран гэиг-ламой. По исполнению духовных обязанностей характеризуется с положительной стороны.

Из хори-бурят, рода Хальбан, из ясачных, живет при дацане. Не входит в число комплектных лам, повинность оплачивает сам, личного имущества не имеет, имеет общее имущество с матерью, которая проживает в 10 километрах от дацана в Чесане.

22. Гэйг-лама Цэдуб Юмсурунэй, 28 лет, в 1824, 1825 г. принял обеты убаши и хуvaraка от шэрэтэ-ламы Дабы Нуранай, владеет тибетским и монгольским языками, исполняет духовные потребности прихожан. На совместном собрании

духовных и светских лиц в 1831 г. избран гэйг-ламой. По исполнению духовных обязанностей характеризуется с положительной стороны.

Из хори-бурят, рода Харгана, из ясачных, живет при дацане. Не входит в число комплектных лам, повинность оплачивает сам, личного имущества не имеет, имеет общее имущество с отцом, которая проживает в 5 километрах от дацана в Чесане.

23. Дуганчи-лама Шойнзон Ширууханай, 25 лет, в 1829, 1830 гг. принял обеты убаши и хуvaraка от шэрэтэ-ламы Дабы Нуранай, владеет тибетским и монгольским языками, исполняет духовные потребности прихожан. На совместном собрании духовных и светских лиц в 1839 г. избран дуганчи-ламой. По исполнению духовных обязанностей характеризуется с положительной стороны.

Из хори-бурят, рода Хуасай, из ясачных, живет при дацане. Не входит в число комплектных лам, повинность оплачивает сам, личного имущества не имеет, имеет общее имущество со старшим братом, который проживает в 40 километрах от дацана, в Худане.

24. Цойбо-лама (чойбо) Тогмид Буянтын, 25 лет, 1822, 1823 гг. принял обеты убаши и хуvaraка от шэрэтэ-ламы Дабы Нуранай, владеет тибетским и монгольским языками, исполняет духовные потребности прихожан. На совместном собрании духовных и светских лиц в 1839 г. избран цойбо-ламой. По исполнению духовных обязанностей характеризуется с положительной стороны.

Из хори-бурят, рода Хальбан, из ясачных, живет при дацане. Не входит в число комплектных лам, повинность оплачивает сам, личного имущества не имеет, имеет общее имущество со старшим братом, который проживает в одном километре от дацана, в Чесане.

25. Жама-лама Ойдуб Хубитын, 30 лет, в 1822, 1823, 1827 гг. принял обеты убаши, хуvaraка и гецула от шэрэтэ-ламы Дабы Нуранай, владеет тибетским и монгольским языками, исполняет духовные потребности прихожан. На совместном собрании духовных и светских лиц в 1839 г. избран жама-ламой. По исполнению духовных обязанностей характеризуется с положительной стороны.

Из хори-бурят, рода Харгана, из ясачных, живет при дацане. Не входит в число комплектных лам, повинность оплачивает сам, личного имущества не имеет, имеет общее имущество со старшими и младшими членами семьи, которые проживают в 20 километрах от дацана, в местности Могсохон.

26. Бэлигтэ-лама Галсан Тэжин, 33 года, в 1821, 1822, 1823 гг. принял обеты убаши, хуvaraка и гецула от шэрэтэ-ламы Гунга Сундын, владеет тибетским и монгольским языками, лекарь, исполняет духовные и лечебные потребности прихожан. На совместном собрании духовных и светских лиц в 1839 г. избран бэлигтэ-ламой. По исполнению духовных обязанностей характеризуется с положительной стороны.

Из хори-бурят, рода Худай, из ясачных, живет при дацане. Не входит в число комплектных лам, повинность оплачивает сам, личного имущества не имеет, имеет общее имущество со старшим братом, которые проживают в 40 километрах от дацана, в местности Худанай Гол.

27. Улзытэ-лама Еши Сундын, 56 лет, в 1800, 1801 гг. принял обеты убаши, хуvaraка от шэрэтэ-ламы Сондолуна, в 1813 г. принял обет гецула от шэрэтэ-ламы Дабы Нуранай, в 1839 г. принял обет гелуна от шэрэтэ-ламы Гунга Сундын, владеет тибетским и монгольским языками, исполняет духовные по-

требности прихожан. На совместном собрании духовных и светских лиц в 1839 г. избран улзытэ-ламой. По исполнению духовных обязанностей характеризуется с положительной стороны.

Из хори-бурят, рода Бодонгут, из ясачных, живет при дацане. Не входит в число комплектных лам, повинность оплачивает сам, личного имущества не имеет, имеет общее имущество со старшими и младшими братьями, которые проживают в 8 километрах от дацана, в местности Худанай Гол.

28. Эрхэтэ-лама Тарба Шинхуин, 53 года, в 1821, 1822 гг. принял обеты убашы и хуарака от шэрэтэ-ламы Дабы Нуранай, в 1835, 1839 гг. принял обеты гецула и гелуна от шэрэтэ-ламы Гунги Сундын, владеет тибетским и монгольским языками, исполняет духовные потребности прихожан. На совместном собрании духовных и светских лиц в 1839 г. избран эрхэтэ-ламой. По исполнению духовных обязанностей характеризуется с положительной стороны.

Из хори-бурят, рода Хубдуг, сын зайсана, живет при дацане. Не входит в число комплектных лам, повинность оплачивает сам, личного имущества не имеет, имеет общее имущество со старшими и младшими братьями, которые проживают в 9 километрах от дацана, в местности Хурээтэ.

29. Дархан-лама Балдан Занданай, 23 года, в 1830, 1831 гг. принял обеты убашы и хуарака от шэрэтэ-ламы Дабы Нуранай, владеет тибетским и монгольским языками. На совместном собрании духовных и светских лиц в 1839 г. избран дархан-ламой. По исполнению духовных обязанностей характеризуется с положительной стороны.

Из хори-бурят, рода Батанай, из ясачных, живет при дацане. Не входит в число комплектных лам, повинность оплачивает сам, личного имущества не имеет, имеет общее имущество с отцом, который проживает в двух километрах от дацана, в местности Намагта» [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 574, л. 54–62].

Как видно из списка, все ламы в основном выходцы из Кудунского (Кижингинского) дацана, получившие посвящение и принявшие различные обеты от шэрэтэ Кудунского дацана в разные годы. Это были известные и почитаемые ламы Хоринского ведомства: шэрэтэ Ригдол Дондуб Пунцог Сондолун (Сагаан Хундын Галзут, Сондоол Гелун), шэрэтэ Лубсансодбо Нуранайн Даба (Сагаан Хундын Галзут), шэрэтэ Шоймпол Тубушин (Чоймпил Тубусэйн, из рода Харгана, местности Могсохон, был главным ламой хоринских дацанов), Дансаран Субанов, прославленный лекарь Сунрэб Сэлтин. После основания Чесанского дацана в 1828 г. и избрания шэрэтэ Гунга Сундуев сам давал посвящения и принимал обеты лам и хуараков. Среди них немало эмши-лам, которые продолжили дело своего учителя Сунрэба Сэлтина под руководством шэрэтэ, который также являлся эмши. Поэтому даже не возникал вопрос о необходимости строительства Отошо-сумэ в 1831 г. и впоследствии Домой-дугана — факультета восточной медицины.

Из архивных источников нам известно, что в Чесанском дацане было 7 штатных (комплектных) лам, утвержденных генерал-губернатором в 1832–1833 гг. Из послужного списка 1841 г. мы видим, что Чесанский дацан имел свой штат некомплектных лам из 29 священнослужителей разного уровня, в том числе 7 гелунов, 14 гецулов, 8 нижестоящих титулованных лам. Кроме этого, каждый лама готовил по 2–3 хуарака. Ламы и до настоящего времени различаются по трем

степеням посвящения: гелуны, которые приняли обет соблюдать 253 правила; гецулы, принявшие обет соблюдать 36 правил; банди, соблюдающие 9 правил. Без разрешения нельзя было присваивать очередное звание хуварака, банди, гецула, гелуна и назначать на должность можно было только через общее собрание духовных и светских лиц дацана. По служебной иерархии они делились на должностных и титулованных:

– должностные ламы избирались ламами и прихожанами дацана, избрание подтверждалось главным хоринским тайшой, главным ламой хоринских дацанов и утверждалось Забайкальским военным губернатором: шэрэтэ; шанзодба-лама, который являлся учителем всех лам, обучал философии и филологии; соржо-лама следил за обучением лам в духовной школе, соблюдением обетов, решал правовые вопросы;

– должностные ламы, решение об избрании которых подтверждалось главным хоринским тайшой, главным ламой хоринских дацанов: лацаб-лама являлся помощником (заместителем) шэрэтэ дацана; жидба-лама отвечал за всё, что происходит в сумэнах дацана; гэбгы-лама следил за порядком во время хуралов и следил за нравственностью и дисциплиной лам вне дацана; засак-лама являлся помощником шанзодбы по хозяйству дацана (руководил рабочими дацана, смотрел за дацанским скотом, вел полевые работы); даа-лама обучал лам по медицинским книгам и фитотерапии; нансо-лама обучал лам и практиковал астрологию;

– стоящих ниже титулованных лам назначал шэрэтэ дацана, обсудив при этом с нижестоящими ламами, подчинявшимися ноён-ламе: гэик-лама во время хурала надзирал за нижестоящими ламами; унзад-лама первый начинал чтение молитвы и был главным запевалой на хуралах и молебнах; в обязанности мэдэчи-ламы входили призывы к богослужениям ударами в барабан или трубя в раковину; дацанский нярба следил за хозяйством и казной дацана, ламский нярба следил за достоянием лам; тахильчи во время хуралов зажигал лампы, подносил предметы жертвоприношения и другие атрибуты, чистил жертвенные чашки и чашечки; дуганчи убирал и чистил дацан внутри и снаружи, готовил к хуралу инструменты, книги и прочее; жама, заведующий дацанской кухней, следил за приготовлением общинной пищи и питья в периоды проведения хуралов из продовольственных пожертвований прихожан; чобомба-лама делал жертвенный балин к хуралам и другие молебны; цойбо-лама (чойбо) состоял при шэрэтэ и заведовал штатом;

– ученое сословие лам и некоторые другие не имели административных функций: эмши-лама, являясь лекарем, также был обязан преподавать медицину; зурхайчи-лама, являясь астрологом, составлял ежегодно календари, указывал благополучные дни для совершения разных дел; бэлигтэ-ламой избирали хорошо владеющих тибетским и монгольским языками и письменностью лам, которые осуществляли перевод, редактирование издаваемых книг; бичэчи-лама, ученый писатель, вел летопись дацана, писал биографии лам; гурумчи-лама изучал и толковал догматы веры, изучал и исполнял магические тарни и заклинания, также они являлись исполнителями религиозных обрядов «гурим» против болезней; улзыто и эрхэтэ-ламы помогали старшим ламам в исполнении их обязанностей, дархан-лама — кузнечных дел мастер.

По профессиям ламы делились на простых прислужников, работающих при дацанских кухнях, на работающих по части жертвенных приготовлений, на ре-

месленников, столяров, портных, маляров, резчиков ксилографических досок, рабочих по печатанию книг, караульных при дугане и сумэ, которые охраняли имущество от пожаров и хищений.

Таким образом, до принятия «Положения о ламаистском духовенстве» 1853 г. в Чесанском дацане содержался довольно большой в отличие от других хоринских дацанов внутренний штат, включая некомплектных лам. Это связано с тем, что дацан имел 9 сумэнов и уже в этот период относился к числу крупных дацанов Забайкалья.

По приглашению шэрэтэ-ламы Гунги Сундуева в Чесанский дацан в 1841 г. для передачи буддийских практик из Внутренней Монголии приезжал Хорчид Гэгээн (дооромбо-лама Галсан Содбо). «Он передал различные посвящения, в том числе передачу практики Калачакры (Дуйнхор) в пяти хоринских и селенгинских дацанах, а в Чесанском дал трёхдневное посвящение Дэсрун ван» [Кижингинский... С. 9]. «Скорее всего, обряд посвящения проходил в Хурдэ-сумэ. Ламы только высокого сана могли проводить высшие посвящения — ван (тиб.: «правомочность»), в том числе в систему Дэнсрун-ван. Подобные практики проводились не во всех дацанах. По мнению Балдан гэбшэ-ламы из Буддийского университета Иволгинского дацана, «Дэнсрун-ван» в переводе означает: «ван» — посвящение хангалов (сахюусанов), «дэн» (дэнба или дамба) — учение о высших (главных), «срун» (срунма) — сахюусанах (защитниках). Существует буддийская практика передачи от более высокого посвященного ламы тарни и тексты на разрешение ежедневной практики (лун) Прибежища, мантры различных Будд. Реализованные мастера передавали учение и практику своим ученикам, писали разъясняющие трактаты, затем и их ученики с благословения своих наставников даровали посвящения другим. Так сохранялась чистая линия преемственности».

VII Пандидо хамбо-лама Галсан Чойраб (Сандэлэг) Ванчиков был в Чесанском дацане, «...в возрасте 26 лет во время годовичного пребывания Сандэлэг-ламы в Янгажинском дацане приехал известный в буддийском мире нальжорба ченбо Галсан Содбо из хошуна Хоршид Сэнгэ Ринчен Вана, который получил образование в далеких странах, превосходно давал лекции «Гачой» и владел удивительными шидди (сиддхи — сверхъестественные способности) и ясновидением посредством усердия в различных практиках медитации» [Из истории... С. 30].

«После перехода границы лама Галсан Содбо начал учения с Эгитуйского, Чесанского и Кодунского дацанов и дошел до Янгажинского дацана. Здесь лама Галсан Содбо познакомился с Сандэлэг хамбо-ламой.

В 1845 г. Змеи Сандэлэг-лама вместе с талантливым ламой Сунчог съездили до Эгитуйского и Чесанского дацанов, где принесли много пользы для Учения и живых существ» [Из истории... С. 31; Буддийский...].

В архиве Института восточных рукописей (ИВР РАН) есть сведения от Пандидо хамбо-ламы Ишижамсуева Иркутскому губернскому правлению о том, что «в 1842 г. семь из девяти малых сумэ вследствие своей ветхости были разобраны, а так как буряты своевременно не ходатайствовали об их восстановлении, причем сумэ эти не возобновлялись ими и самовольно, то по времени имена их были исключены из представлявшихся хамбо-ламе ведомостей ... буряты как бы совершенно забыли об их существовании, отправляя все свои хуралы лишь в

главной кумирне и в двух оставшихся малых сумэ Майдари и Аюши» [ИВР РАН, ф. 44, оп. 1, д. 133, л. 89].

Предполагаем, что причина не в ветхости зданий, а в строительстве сумэнов «без высочайшего повеления», поэтому шэрэтэ дацанов и руководство духовенства иногда подавали заведомо искаженные сведения, пытаясь защитить и отстоять имущество, которое могло пострадать в ходе репрессивных мер со стороны властей.

По сведениям 1842 г., шэрэтэ Чесанского дацана продолжал оставаться Гунга Сундуев [НАРБ, ф. 84, д. 574, л. 54; Студенчество... С. 19]. Родом он был из Чесанской долины, местности Заха, сын ясачного из рода Худай, в 1842 г. ему было 47 лет, был известным лекарем, астрологом, хорошо владел тибетским и монгольским языками. Был первым официально утвержденным шэрэтэ в соответствии с указом Иркутского гражданского губернатора от 10 декабря 1832 г., как было выше указано. В 1804–1805 гг. — убаши, хуварак, в 1810 г. — гецул, в 1829 г. — гецул, в 1845 г. в Цугольском дацане принял обет гелуна. С 1814 по 1824 г. исполнял обязанности унзад-ламы, в 1828 г. — даа-лама [ГАРБ, ф. 84, д. 574, л. 54; Студенчество... С. 20]. Был настоятелем Чесанского дацана до 1861 г.

Примерно в период 1842–1848 гг. известный и талантливый ученик первого шэрэтэ Цугольского дацана Л. Дандарова гелун-лама Галсан-Жимба Дылгиров, занимаясь сочинением книг, переводом и распространением буддийских знаний, изучая порядок организации школ в дацанах, становления философского образования в дацанах, посетил Анинский, Чесанский, Эгитуйский, Баргузинский, Челутайский, Янгажинский, Загустайский, Ацайский, Иройский, Хулунский, Цонгольский, Бултурмурский, Тугнугалтайский и другие селенгинские и хоринские дацаны. В 39 лет от своего учителя и настоятеля дацана Л. Дандарова получил письмо о назначении настоятелем, в 1857 г. генерал-губернатором Восточной Сибири Муравьевым был утвержден шэрэтэ Цугольского дацана [Реалии... С. 177–178]. Галсан-Жимба Дылгиров является одним из авторов устава Цугольского дацана. Устав был издан ксилографическим способом в печатне Цугольского дацана и назывался «Устав монастыря Преисполненного добродетельными, приумножающего благодетельное учение, именуемое “Сокровищница трех драгоценных учений”».

В 1845 г. в Цугольском дацане «... Лубсан-Лхундубу (Дандарову. — Д. Н.) от Жандун Арьянандиты Ловсан Дамби Жалсана пришло наставление: «... препоны большие Учению на севере, умилоствлением Лхамо их устраните...». Лубсан-Лхундуб исполнил умилоствление Балдан Лхамо в центре собрания, вместе с специально встретившимся для получения линии преемственности сожона шэрэтэ-ламой Галсан Чойжи Жалсаном, шэрэтэ-ламой Чесанского дацана Лубсан Гунгой, вместе с окружением, прибывшим для получения обетов гелуна, шэрэтэ-ламой Гунейского дацана и ламами Агинского дацана. После шэрэтэ-ламе Чесанского дацана и другим даровал обеты гелуна, шэрэтэ-ламе Бултурмурского дацана руководство по практике сожона, очищения обетов» [Буддийская... С. 23].

Власти поддерживали и поощряли активное участие религиозных организаций и священнослужителей в социальной благотворительности в виде пожертвований в поддержку армии и флота, раненым и инвалидам войны, помощи госпиталям и приютам, бесплатных кухонь для бедных, ночлежек для бездомных, в

борьбе с эпидемиями, также по обращениям местных и центральных органов власти. На начальном этапе своего развития и впоследствии Чесанский дацан всегда принимал участие в благотворительности. Так, до начала 1850-х гг. 13, 14, 15, 16-й сибирские линейные батальоны Русской императорской армии были расквартированы в гарнизонах по линии границы (пограничье) России с сопредельными государствами и территориями. В именном списке хоринских родоначальников и бурят, оказавших пожертвование 14-му батальону, проследовавшему по Хоринскому ведомству до Читинского острога, есть запись от октября 1850 г. о том, что наряду с другими соржо-лама Чесанского дацана Гомбо Цыцыктуев сделал пожертвование 12 баранами [ГАРБ, ф. 8, оп. 1, д. 199, л. 28-32 об. Рукопись. Копия; История... С. 166]. Гецул Чесанского дацана лама Гылык Чойдон Цыденов в 1852 г. был награжден за пожертвования Пекинской духовной миссии от императора государства Российского почетным кортиком. Из архивных источников известны многочисленные пожертвования на протяжении всего периода развития Чесанского дацана, вплоть до начала 1930-х гг.

По данным хоринской летописи Вандана Юмсунова, в 1846 г. в Бурятии было 34 дацана, в них 144 сумэ; количество лам подсчитано по этнографическим группам и по ведомствам: Хоринская степная дума — 759 лам, Селенгинская степная дума — 3 173 ламы, Агинская степная дума — 162 ламы, Урульгинская степная дума — 365 лам, Баргузинская степная дума — 53 ламы, Аларская степная дума — 37 лам. Эти цифры свидетельствуют о степени распространенности ламаизма среди представленных этнографических групп бурятского населения к середине XIX в.

В тематическом перечне документов фонда 8 «Хоринская степная дума» (1816–1921) имеется «Список лам и хувараков 10 хоринских дацанов» от 1850 г. [ГАРБ, ф. 8, оп. 2, д. 375; История... С. 445]. Перечень лам Чесанского дацана совпадает со списком 1852 г.

«В 1851 г. по приглашению второго хоринского тайши Гэндунуа и других верующих шэрэтэ Дандарай ламхай (Лубсан-Лхундуб Дандаров. — Д. Н.) отправился в Чесанский дацан «Гандан Чоймпэллинг», где также даровал посвящение Арья-Баалы, и многие счастливы приняли у него обеты гелона. Находясь в Чесане зиму, он разъяснял своим руководством зурхай и медицину» [Буддийская... С. 33].

В архивном фонде № 459 по Чесанскому дацану на монгольском языке хранится «Донесение о представлении списка лам и хувараков Чесанского дацана “Гандан Чойпэллинг”», написанное по установленной форме, от декабря 1852 г. за № 2, подготовленное лацаб-ламой Зундуем Рабдановым, за подписью шэрэтэ дацана помощнику Пандидо хамбо-ламы хоринских дацанов, главному ламе, цоржо, шэрэтэ Цэвэнову:

1. Гэлун, шэрэтэ Гунга Сундуйин, отроду 58 лет, из ясачных, из рода Худай, утверждён в 1829 г. под № 98 Пандидо хамбо-ламой.

2. Гэлун, лацаб Зундуй Рабдану, отроду 49 лет, из ясачных, из рода Галзут, принял обеты (нахил) в 1828 г., избран в 1840 г.

3. Гэцул, цоржо Гомбо Цэцэгтуйн, отроду 50 лет, из ясачных, из рода Галзут, принял обеты (нахил) в 1831 г., утверждён в 1829 г. под № 135 Пандидо хамбо-ламой.

4. Гэцул, засаг Дансурун Тобхойн, отроду 37 лет, сын шуленги, из рода Хубдуд, принял обеты (нахил) в 1831 г., утвержден в 1829 г. под № 440 Пандидо хамбо-ламой.

5. Гэлун, даа Нинба Золтойн, отроду 44 года, из ясачных, из рода Галзут, принял обеты (нахил) в 1831 г., утвержден под № 266 Пандидо хамбо-ламой.

6. Гэлун, нанцо Чойдоб Намжилун, отроду 44 года, из ясачных, из рода Галзут, принял обеты (нахил) в 1842 г., утвержден под № 441 Пандидо хамбо-ламой.

7. Гэцул, гурумбэ Даши Худуугийн, отроду 63 года, из ясачных, из рода Батанай, избран на общем собрании заслуженных духовных лиц и мирян дацана в 1831 г.

8. Гэцул, жидба Тойндол Дэлгэрун, отроду 44 года, из ясачных, из рода Хубдуд, избран на общем собрании заслуженных духовных лиц и мирян дацана в 1831 г.

9. Гэцул, гэгбуй Шираб Сэрхэну, отроду 44 года, из ясачных, из рода Хальбан, избран на общем собрании заслуженных духовных лиц и мирян дацана в 1831 г.

10. Гэлун, унзад, Лодон Натугийн, отроду 37 лет, из ясачных, из рода Галзут, избран на общем собрании заслуженных духовных лиц и мирян дацана в 1831 г.

11. Гэцул, унзад Лосал Сандуугийн, отроду 37 лет, сын Зайсана, из рода Хубдуд, избран на общем собрании заслуженных духовных лиц и мирян дацана в 1831 г.

12. Гэлун, ноён Ванжил Сахюугийн, отроду 62 года, из ясачных, из рода Хальбан, избран на общем собрании заслуженных духовных лиц и мирян дацана в 1831 г.

13. Гэцул, захирагчи Вандал Модортиин, отроду 42 года, из ясачных, из рода Худай, избран на общем собрании заслуженных духовных лиц и мирян дацана в 1831 г.

14. Гэцул, мэдэчи Лодой Тарбын, отроду 34 года, из ясачных, из рода Цагаан, избран на общем собрании заслуженных духовных лиц и мирян дацана в 1831 г.

15. Гэцул, гуяг Чоймпал Садану, отроду 31 год, из ясачных, из рода Хуасай, избран на общем собрании заслуженных духовных лиц и мирян дацана в 1831 г.

16. Банди, нирба Самдан Ойлахайн, отроду 43 года, из ясачных, из рода Хубдуд, избран на общем собрании заслуженных духовных лиц и мирян дацана в 1829 г.

17. Гэцул, садбумбэ Добчин Одамуугийн, отроду 44 года, из ясачных, из рода Хуасай, избран на общем собрании заслуженных духовных лиц и мирян дацана в 1831 г.

18. Банди, тахильчи Чойнзин Саруухану, отроду 36 лет, из ясачных, из рода Хуасай, избран на общем собрании заслуженных духовных лиц и мирян дацана в 1828 г.

19. Банди, дуганчи Цэдэб Юмсэрун, отроду 39 лет, из ясачных, из рода Харгана, избран на общем собрании заслуженных духовных лиц и мирян дацана в 1819 г.

20. Гэлун, улзэйтэ Тарба Шинхуугийн, отроду 64 года, сын Зайсана, из рода Хубдуд, избран на общем собрании заслуженных духовных лиц и мирян дацана в 1829 г.

21. Банди, жима Балдан Зандану, отроду 38 лет, из ясачных, из рода Батанай, избран на общем собрании заслуженных духовных лиц и мирян дацана в 1828 г.

22. Гэцул Галсан Тэциин, отроду 43 года, из ясачных, из рода Худай, избран на общем собрании заслуженных духовных лиц и мирян дацана в 1826 г.

23. Банди Дамчой Зандану, отроду 40 лет, сын Зайсана, из рода Галзут, избран на общем собрании заслуженных духовных лиц и мирян дацана в 1828 г.

24. Шиираб Додану, отроду 64 года, из ясачных, из рода Хубдуд, избран на общем собрании заслуженных духовных лиц и мирян дацана в 1828 г.

25. Банди Тогмид Буянтуин, отроду 34 года, из ясачных, из рода Хальбин, избран на общем собрании заслуженных духовных лиц и мирян дацана в 1829 г.

Список лам и хуvaraков Чесанского дацана «Гандан Чойпэллинг» подготовил лацаб-лама Зундуй Рабдан от декабря 1852 г.» [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 18, л. 11,12-12 об.]. Рукопись на монгольской письменности, перевод Г. Н. Очировой. По всей вероятности, была проведена проверка (сверка) штатных лам и хуvaraков и их численность в дацанах в преддверии вступления в действие нового Положения 1853 г.

В 1853 г. было утверждено новое «Положение о ламаистском духовенстве». В соответствии с положением запрещалось строить новые дацаны, производить сбор средств и расходовать их на культовые нужды без подачи специальных ходатайств, утвержденных местными бурятскими властями, генерал-губернатором и Министерством внутренних дел в Петербурге. Строительство каждого нового дацана согласовывалось с министром внутренних дел через местную администрацию по ходатайству Пандидо хамбо-ламы. На каждый дацан представлялся план, смета расходов с обоснованием строительства и расходов. Сумма расходов на строительство должна была быть такой, чтобы не быть обременительной для прихожан (§ 34). Всякая пристройка к дацану производилась после согласования и с разрешения Военного губернатора Забайкальской области. Ремонты, изменение планов дацанов и сумэ осуществлялись с разрешения Пандидо хамбо-ламы (§ 30). Произвольное строительство дацанов и сумэ воспрещалось, в случае обнаружения таковых они подвергались уничтожению, а виновные предавались суду (§ 35) [Крайнова Л. Н.].

Как и до принятия Положения 1853 г., основными отчетными документами дацанов остаются годовые отчеты шэрэтэ дацанов, представлявшиеся степным дума́м и Пандидо хамбо-ламе. Годовые отчеты дацанов состояли из следующих разделов или ведомостей:

а) ведомость о количестве движимого и недвижимого имущества (недвижимое имущество — здания дуганов, сумэ, амбары, кладовые, движимое — культовые предметы и атрибуты — статуи, скульптуры, бурханы, религиозные книги, инструменты для хуралов, посуды и т. д., скот) с указанием его стоимости;

б) ведомость о приходах и расходах «джасы» (кассы), в которой указываются остаток кассы от предыдущего года, приход кассы за текущий год (образующийся из приношений верующих, из сдачи в аренду сенокосных угодий дацана, из ростовщических процентов за ссуду денег), расход, производимый в виде выплаты жалования начиная от Пандидо хамбо-ламы до штатных лам, в конце расходной ведомости приводится остаток кассы текущего года;

в) список штатных лам и хуvaraков.

Сохранился интересный документ от 1853 г. в фонде Гусино-Озерского дацана — «переписка по земельным спорам между жителями Хульхисона и ламами Чесанского дацана, по которому подтверждается, что и в середине XIX века от-

ношения между ламаистским духовенством, с одной стороны, и прихожанами, с другой, не всегда были мирными в вопросах землепользования» [ГАРБ, ф. 84, оп. 2, д. 282, л. 1–13; Студенчество... С. 19]. Об этом также есть сведения в архивных материалах Хоринской степной думы (речь идет об одном и том же документе): «Прихожане в своем прошении отмечали, что «они с давних времен неукоснительно следуют приказам своих родовых сайтов и высших лам. Безо всяких возражений выполняют повинности, касающиеся богослужений. Однако, писали они, чиновники при посредничестве высших лам собираются без зазрения совести подвергнуть население страданиям, отобрав сенокосные угодья. В свою очередь, духовенство дацана жаловалось, что ламам нужны земли под пашни и сенокосные угодья, а дацанская джаса не имеет земли. Некоторые простодушные ламы и хуvaraки не имеют в своем владении земли, кроме земли своих родственников, а близлежащее небольшое количество населения располагает большими сенокосными угодьями. Богатые сенокосные угодья, могущие дать корм скоту зимой, без всякой пользы используются в летнее время» [ГАРБ, ф. 8, оп. 1, д. 282, л. 1–13; Цыбенев Б. Д., с. 57].

В тематическом перечне документов фонда 8 «Хоринская степная дума» (1816–1921) имеется «Ведомость о количестве комплектных и некомплектных лам, дацанов» от 10 декабря 1853 г. [ГАРБ, ф. 8, оп. 2, д. 33, л. 179–180 об.; История..., с. 459]. В соответствии с ведомостью в Чесанском дацане числилось 7 комплектных лам, не считая некомплектных лам и хуvaraков, которых было значительно больше. Некомплектные ламы проживали рядом с дацаном в своих войлочных юртах, принимали участие в богослужениях дацана и исполняли духовные потребности прихожан.

В донесении за №1 в Хоринскую степную думу от 25 января 1854 г. за подписью исполняющего обязанности соржо-ламы Чесанского дацана Зундуя Рабданова сообщается, что «при Чисановском дацане находится 4 малых сумэ: Хурдын сумэ, Майдарин сумэ, Оточийн сумэ, Аюшийн сумэ» [ИВР РАН, ф. 44, оп. 1, д. 132, л. 185]. Как мы уже писали выше, количество всех сумэ не указывалось преднамеренно.

В архивном фонде ГАРБ по Чесанскому дацану в 2017 г. имеются переведенные Г. Н. Очировой с монгольского языка списки, которые были составлены в 1854 г. «Посемейный список прихожан Чесанского дацана Батанайского рода» с указанием их места кочевья и расстояния от дацана [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 3, л. 2–5]; «Посемейный список прихожан Чесанского дацана Барун-Хуацайского рода Хилокского родового управления по первой ревизии 1854 г.» с указанием их места кочевья у реки Хилок в местности Жэбхээн и расстояния от дацана [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 2, л. 1 об. –5 об.]; «Донесение о представлении списка прихожан по 9-й ревизии» от 2 сентября 1854 г. от старосты Аюши Тархаева шэрэтэ Чесанского дацана Лубсан Гунге Сундуеву, соржо-ламе Зундую Рабданову и голове-шуленге 14-й степени Тобхоину [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 2, л. 1], а также «Донесение помощника Батанайского рода Намсарая Жамсанова шэрэтэ Чесанского дацана Гунге Сундуину об отправке именных списков прихожан этого дацана по определенной форме» от 10 января 1855 г. [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 3, л. 1.]. Со списками можно ознакомиться на сайте Государственного архива Республики Бурятия [www. gbu-garb. ru](http://www.gbu-garb.ru) и на интернет-портале www. soyol. ru в под-

разделе «Электронная база данных документов на монгольской письменности из фондов Государственного архива Республики Бурятия».

Также в архиве имеются списки людей Могзонского булука, рода Зун Хубдуг и других родов, входивших в состав Чесанского прихода. Все списки составлены на старомонгольском языке [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 4, 25].

Интересным является расчет распределения доходов казны в соответствии с Положением от 1853 г. Согласно расчету, составленному в 1858 г., «доход в дацанскую джасу составил 100 р. 10 к. Из них хамбо-ламе — 10 р. 01 к., шэрэтэ — 20 р. 02 к., в джасу — 30 р. 03 к., гелунам, гецулам, банди — 40 р. 04 к., на канцелярские расходы — 15 р., с остатком — 15 р. 03 к. В 1859 г. остаток составил 101 р. 28 к.» [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 173, л. 62–66; Студенчество... С. 20].

По сведениям архивных источников от 1858 г., согласно «Списку лам Чесанского дацана» штатными ламами являлись:

«– шэрэтэ дацана Лубсангунга Сундуев, 63 года;

– гелуны: Жамсо Шобогоров, 42 года, Вампил Адушеев, 41 год, Чойдоп Намжилов, 49 лет;

– гецулы: Хайдуп Санданов, 30 лет, Гылык-Чойдоп Цыденов, 21 год, в 1852 г. был награжден за пожертвования Пекинской духовной миссии от императора государства Российского почетным кортиком;

– банди: Чойсорон Банзаров» [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 125, л. 14–14 об.].

По Положению 1853 г. был произведен отвод земель состоящему при дацанах штатному буддийскому духовенству: «в 1857 г. Анинскому дацану было выделено 2 участка, 890 десятин удобной земли (всего 958 десятин земли 1 200 сажень); в 1860 г. Бургалтайскому дацану было выделено 12 участков, 752 десятины удобной земли, 1 200 сажень; в 1860 г. Цолгинскому дацану было выделено 6 участков, 410 десятин удобной земли, (всего 438 десятин земли, 1 500 сажень); в 1860 г. Хохюртайскому дацану было выделено 11 участков, 590 десятин удобной земли, (всего 637 десятин земли 2 204 сажени); в 1860 г. Кодунскому дацану было выделено 7 участков, 950 десятин удобной земли (всего 979 десятин земли, 620 сажень); в 1860 г. Чесанскому дацану было выделено 2 участка, 530 десятин удобной земли (всего 532 десятины земли, 1 940 сажень); в 1860 г. Эгитуйскому дацану было выделено 6 участков, 770 десятин удобной земли (всего 821 десятина земли, 2 000 сажень)» [ГАРБ, ф. 8, оп. 1, д. 282, л. 1–13; Цыбенев Б. Д., с. 57].

В период с 1861 по 1866 г. шэрэтэ Чесанского дацана был назначен гелун-лама Жамсо Шобогоров (Жамца Шабагуров). В архиве сохранился рапорт на имя Пандидо хамбо-ламы от 1861 г. об избрании шэрэтэ дацана гелуна Жамсо Шобогорова вместо Лубсангунги Сундуева [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 195, л. 2 об.], а также донесение шэрэтэ Жамсо Шобогорова от 1861 г. о получении диплома на утверждение его на должность шэрэтэ [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 195, л. 54]. Даты жизни — 1815–1866 гг. Родом он был из Чесанской долины.

21 апреля 1861 г. на общем собрании лам и прихожан дацана был подписан «приговор» о желании выписать из Китая священную книгу Данжур, состоящую из 225 томов, стоимостью 675 рублей, через Кяхтинскую таможню [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 201, л. 16–23, 27]. Разрешение за № 1942 было получено от Военного губернатора 17 июня 1861 г. [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 201, л. 29]. В архиве также хранится «донесение шэрэтэ о стоимости бурханов Чесанского дацана» на общую сумму 1 988 рублей [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 220, л. 24–25].

По сведениям архивных источников от 1862 г., согласно «Послужному списку лам Чесанского дацана» штатными ламами являлись:

«...шэрэтэ, гелун-лама Жамцу Шобогоров, из ясачных, имеет отроду 47 годов, поступил в хуараки 16 октября 1830 г., возведен в гецулы 17 декабря 1831 г., в гелуны — 28 февраля 1840 г., в штате лам в 1857 г. утвержден Военным губернатором, шэрэтэ дацана утвержден 28 февраля 1861 г. генерал-губернатором Восточной Сибири;

– гелун-лама Вампил Адушеев, из ясачных, имеет отроду 46 годов, поступил в хуараки 15 февраля 1833 г., возведен в гецулы 20 октября 1835 г., в гелуны — 15 января 1844 г., утвержден в штате лам Военным губернатором от 28 февраля 1857 г.;

– гелун-лама Чойдоп Намжилов, из ясачных, имеет отроду 54 года, поступил в хуараки 27 октября 1823 г., возведен в гецулы 16 декабря 1844 г., в гелуны 27 января 1845 г., утвержден в штате лам Военным губернатором от 28 февраля 1857 г.;

– гелун-лама Чойсорон Банзаров, из ясачных, имеет отроду 34 года, поступил в хуараки 24 апреля 1841 г., возведен в гелуны 24 февраля 1861 г., утвержден в штате лам Военным губернатором от 28 февраля 1857 г.;

– гецул-лама Гылык-Чойдоп Цыдыпов, из ясачных, имеет отроду 26 год, поступил в хуараки 16 февраля 1841 г., возведен в гецулы 20 октября 1844 г., утвержден в штате лам Военным губернатором от 28 февраля 1857 г.;

– гецул-лама Хайдуп Санданов, из ясачных, имеет отроду 34 года, поступил в хуараки 3 июня 1840 г., возведен в гецулы 20 октября 1850 г., утвержден в штате лам Военным губернатором от 28 февраля 1857 г.;

– бандий-хуварак Цырен-Доржо Санжиев, имеет отроду 25 лет, поступил в хуараки 17 ноября 1857 г., утвержден хуваракком Военным губернатором от 24 февраля 1861 г.» [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 213, л. 36 об.].

В 1862 г. (31 декабря 1861 г. по старому стилю) на озере Байкал произошло большое землетрясение. Часть восточного берега Байкала площадью 230 км² провалилась и на её месте образовался залив, названный Провалом. Вода затопила Цаганскую степь, в которой находилось 310 домов и 357 юрт. Пострадало приблизительно 1 300 жителей пяти бурятских улусов, погибло 3 человека. По воспоминаниям пенсионерки Жалсановой Даримы Цыдендамбаевны от 29 июля 2010 г., жительницы села Загустай Кижингинского района, «... село Загустай появилось после прихода переселенцев с Байкала, когда в долину реки Чесан переселилась часть прибайкальских (кударинских) бурят. Старики рассказывали, что посланцы с озера Байкал после землетрясения приехали в Чесанский дацан и в дар привезли рыбу. Ламы указали им территорию, ныне здесь село Загустай, ее им предстояло освоить. Дацан оказывал переселенцам посильную помощь. Предкам современных загустайцев пришлось заняться вместо привычного рыболовства скотоводством. У них не только поменялась сфера деятельности, но и образ жизни, в том числе и в религиозном аспекте. Шаманизм мирно соседствовал с буддизмом».

С 1866 по 1882 г. шэрэтэ Чесанского дацана был назначен Вампил Адушеев (Адучиев). В архиве имеется донесение Пандидо хамбо-ламы Галсан-Чойропа Ванчикова из Гусино-Озерского дацана Военному губернатору Забайкальской области от 17 января 1866 г. за № 2 «о смерти шэрэтэ Чесанского дацана Жамсо

Шобогорова и направлении его диплома шэрэтэ Чесанского дацана, а также о назначении на его место гелун-ламы Вампила Адушеева» [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 280, л. 10–11].

В фондах ЦВРК хранятся метрические записи за 1867 год за подписью шэрэтэ дацана на старомонгольском языке [ЦВРК ИМБТ. ОАФ, д. 2432, л. 127–131], прошение шэрэтэ В. Адушеева об отпуске на имя Пандидо хамбо-ламы Г.-Ч. Ванчикова [ЦВРК ИМБТ. ОАФ, д. 470, л. 32], решение об увольнении из дацана хуварака Г.-Ч. Цыденова [ЦВРК ИМБТ. ОАФ, д. 505, л. 1–10], документы служебной переписки шэрэтэ с Пандидо хамбо-ламой касающиеся административных дел: отпуск, присвоение званий, назначение, увольнение, поступление, об имуществе и др. [ЦВРК ИМБТ. ОАФ, д. 2431, л. 7а–70а] обращение Центрального духовного совета буддийского духовенства к гражданам, истинно верующим Кижингинского и Чесанского дацанов [ЦВРК ИМБТ. ОАФ, д. 2375, л. 107] о совпадении хайлан-хурала в Ацагатском дацане и жуд-хурала в Чесанском дацане ламами из пяти хоринских дацанов (Ацагатского, Анинского, Эгитуйского, Кудунского (Кижингинского) и Чесанского [ЦВРК ИМБТ. ОАФ, д. 633].

Сохранилась в архиве «Метрическая книга новорожденных детей прихожан Чесанского дацана за 1871 г.» [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 26, л. 9–12 об]. С книгой также можно ознакомиться на сайте Государственного архива Республики Бурятия (www.gbu-garb.ru) и на интернет-портале www.soyol.ru) в подразделе «Электронная база данных документов на монгольской письменности из фондов Государственного архива Республики Бурятия».

С конца 1860-х гг. новому шэрэтэ пришлось вести длительную переписку с различными вышестоящими инстанциями светской власти по обоснованию архитектурной реконструкции, сметы, чтобы получить разрешение на строительство нового центрального храма — Цогчен-дугана. 27 марта 1868 г. прихожане дацана на общем собрании решили провести его реконструкцию и составили «приговор прихода инородцев Забайкальской области Верхнеудинского округа ведомства Хоринской степной думы на постройку нового вместо старого Чесанского дацана в трех этажах 27 марта 1868 г.» с планом нового здания. В пояснениях плана было отмечено, что основание здания будет на каменном фундаменте в форме квадрата, по 8 сажень с каждой стороны и высотой до второго этажа в 3 сажени 1 аршин. Первый этаж планировался с одной входной дверью и 14 окнами, крыша на 4 скита, крыльцо и портик у дверей предполагалось сделать внутри вышеупомянутого восьмисаженного квадрата. Второй этаж представлял собой также четырехугольный квадрат по 5 сажень в длину, ширину и высотой от нижнего до 3-го этажа в 2 сажени 1 аршин. На втором этаже планировалась одна входная дверь и шесть окон, крыша на 4 скита. Третий этаж предполагался также в виде квадрата по 2 сажени в длину и ширину, высотой в 1 сажень, с одной входной дверью и 2 окнами, крыша на 4 скита, с одним большим Ганджиром, означенным на крыше чердака вместо креста [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 459, л. 5; ф. 459, оп. 1, д. 5, л. 12]. В архиве среди «Документов о строительстве и ремонте дацана и сумэ за 1868-1911 гг. на 97 листах» также хранятся 3 листа с рисунками эскизного варианта проекта трехэтажного главного здания Цогчен дугана дацана, выполненными простым и цветными карандашами [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 5, л. 5, 7, 9].

К приговору был приложен «Именной список лиц, добровольно жертвующих средства на постройку нового дацана на месте старого Чесануевского от 27 марта 1868 г. (в табличной форме):

1. Выборный Аюша Зундуев — 100 р. 00 к.
2. Оспенный ученик Самдан Башыев — 30 р. 00 к.
3. Шуленга Дугаржаб Думыев — 50 р. 00 к.
4. Голова Гомбо Очиров — 50 р. 00 к.
5. Голова Шагдуржаб Цыремпилов — 40 р. 00 к.
6. Голова Сандан Буниев — 170 р. 00 к.
7. Зайсан Бадма Оглонов — 50 р. 00 к.
8. Зайсан Аюша Дылгыров — 35 р. 00 к.
9. Зайсан Хайдуп Бадмаев — 30 р. 00 к.
10. Зайсан Бамба Бардаев — 54 р. 00 к.
11. Намчи Рабданов — 50 р. 00 к.
12. Дамдин Аюшиев — 60 р. 00 к.
13. Иши Очиров — 50 р. 00 к.
14. Бату Шаданов — 35 р. 00 к.
15. Цыремпил Галуев — 50 р. 00 к.
16. Зайсан Гарма Шантуев — 70 р. 00 к.
17. Принглай Жамбаев — 60 р. 00 к.
18. Наман Намжилов — 30 р. 00 к.
19. Зайсан Боди Сандуев — 45 р. 00 к.
20. Иркету Дырдуев — 45 р. 29 к.

Итого 1124 р. 29 к. С монгольского на русский язык перевел: Цыден Санжиев» [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 5, л. 13].

Также к приговору была приложена «Смета на строительство нового деревянного трехэтажного Цогчен-дугана Чесанского дацана, составленная 24 марта 1868 г. вместо старого» с указанием наименования и количества нужных строительных материалов:

- 192 бревна, каждое длиной 4 сажени, по 16 к. — 3 р. 72 к.;
- 180 бревен, каждое длиной 2 сажени по 8 к. — 14 р. 40 к.;
- 1 820 кровельниц тесовых досок, длиной 2 сажени по 109 р. 20 к.;
- 550 штук клади, длиной 2 сажени по 5 штук, 21 р. 50 к.;
- трехвершковых гвоздей 5 штук по 8 р.;
- бытовой камень 5 сажень по 3 р. — 15 р.;
- 100 пудов извести по 12 штук — 12 р.;
- 3 пуда железа для дверных и оконных крючков и петель по 2 р. 30 к. за пуд 6 р. 90 к.;
- 160 штук стекол, каждая длиной 8, шириной 7 вершков для окон по 20 р. 32 к.;
- плотникам, кузнецам в продолжение 6 недель по 50 к. на каждого в день — 1 350 р.;

Итого: 1 637 р. 72 к. серебром [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 5, л. 24; ф. 84, оп. 1, д. 563, л. 9]. Указано, что от итоговой суммы «предполагается употребить имеющуюся в наличности дацана сумму в размере 513 р. 43 к. серебром», поэтому испрашивается разрешение о выдаче и использовании этой суммы на строитель-

ство нового храма. На недостающую сумму «имеется именной список зажиточных лиц о добровольном пожертвовании».

По тем временам это были огромные деньги. Тем не менее после длительной переписки с конца 1860-х гг. с Хоринской степной думой, городской инородной управой, верхнеудинским опричным исправником по обоснованию архитектурной реконструкции, плана, фасада, сметы было разрешено строительство нового главного храма — Цогчен-дугана.

Приглашенные и местные мастера в совершенстве владели художественными, техническими и строительными приемами. Разнообразными были материалы и техника художественных изделий: литье, штамповка, чеканка, лепка из глины, папье-маше, керамика, резьба по камню и дереву, вышивание, вязание. Чесанский дацан имел и своих мастеров, вместе с тем заказы дацана выполняли народные умельцы из окрестных мест.

Также в фондах ЦВРК хранится прошение шэрэтэ Вампила Адушеева (Адучинова) от 30 марта 1868 г. за № 3 на имя управляющего делами Пандидо хамболамы Г.-Ч. Ванчикова о строительстве нового трехэтажного деревянного храма и направлении с письмом «зубшэлгэ» (приговор, решение) миряномилостынедателей дацана, а также план, смета и список жертвователей с ходатайством к хамбо-ламе об исполнении просьбы мирян о строительстве нового дацана [ЦВРК ИМБТ. ОАФ, д. 2433, л. 17, 20–25]. К обращению приложен русский перевод содержания приговора мирян. В содержании отмечено, что «количество прихожан составляет 2 588 душ обоего пола».

Сохранилась расписка от 2 апреля 1869 г. головы Галзутского рода Гомбо Очирова о том, что он получает 150 р. от дацана и обязуется составить проект и смету ремонта для Цогчен-дугана Чесанского дацана [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 5, л. 10].

По сведениям архива Института восточных рукописей (ИВР РАН), в 1870 г. власти разрешили замену обветшалого здания на новое. В ходе строительства здания к южной стене были пристроены новые наружное крыльцо и портик, поэтому помещение Цогчен-дугана увеличилось в длину на 2 сажени [ИВР РАН, ф. 84, оп. 1, д. 133, л. 89].

В фонде Чесанского дацана хранится «Объяснение головы Галзутского рода Гомбо Очирова от 4 мая 1871 г. № 293 в Хоринскую степную думу»: «Вследствие предписания степной думы от 13 апреля сего года № 110 и приложенном в таковом мне предписании Верхнеудинского окружного исправника от 12 марта сего года № 333 имею честь объяснить думе, что справочные цены, приложенные к смете на постройку Цицановского дацана, были выставлены такие, которые действительно существовали в 1869 г. именно вблизи дацана ... Так как цены в настоящее время на строительные материалы и рабочих людей повысились, то прошу Думу представить новую ведомость о справочных ценах ...» [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 5, л. 48-48 об.].

В фондах архива РГИА хранится дело с документами за период с 4 августа 1873 г. по 30 августа 1874 г. «о разрешении на постройку нового здания Чицановского дацана в Верхнеудинском округе Забайкальской области, план, проект, фасад с лицевой стороны, разрез к проекту нового трехэтажного здания дацана» [РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 1241, л. 6]. Известно, что в 1874–1875 гг. был построен новый трехэтажный деревянный Цогчен-дуган на каменном фундаменте [Даца-

ны... С. 156]. Для мирян, проживавших в войлочных юртах, это было красивое трехэтажное деревянное здание на каменном фундаменте. В 1879 г. был построен забор вокруг дацана.

Среди архивных документов по Чесанскому дацану сохранилось донесение шэрэтэ от 1873 г. на старомонгольском языке с указанием подробной справки о тибетском названии дацана «Гандан Чойпэллинг», о месте расположения — между правым берегом реки Чесана и левым берегом реки Улзытэ, стоимости недвижимого имущества — 343 р., количестве прихожан: 1 182 лица мужского пола, 1 155 лиц женского пола [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 296, л. 137–146].

В тематическом перечне документов фонда 8 «Хоринская степная дума» (1816–1921) имеются «Список податных лиц Чесанского дацана, освобожденных от платы налогов», «Ведомости о причислении лиц к другим ведомствам за 1875 г.» [ГАРБ, ф. 8, оп. 3, д. 389; История..., с. 445].

Из донесения шэрэтэ Чесанского дацана от июля 1914 г. нам известно, что в 1879 г. был построен забор вокруг дацана. О необходимости ремонта он пишет: «забор, построенный в 1879 г., сгнил, сейчас его заново строят» [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 481, л. 47–48; Студенчество... С. 21].

В ежегодном отчете «Ведомости о движимом и недвижимом имуществе дацана» от 31 декабря 1878 г. за подписью шэрэтэ-ламы В. Адушиева указано, что «перечислено 119 наименований имущества общей стоимостью 10 331 р., 16 к., внутреннее убранство общей стоимостью 7 851 р., 75 к., штатных лам 7 человек, поступивших пожертвований 1 182 р., ... здание Цогчен-дугана стоимостью 2 404 р. 41 к., здание Майдари-сумэ стоимостью 50 р., здание Аюши-сумэ стоимостью 25 р.», а также есть запись о наличии в Цогчен-дугане, Майдари-сумэ и Аюши-сумэ Чесанского дацана больших и малых скульптур бурханов (божеств): «... Бурхан Шигэмуни: большая, стоимостью 100 р.; Бурхан Шигэмуни: бронзовая, малая стоимостью 30 р.; Майдари Бурхан: бронзовая, с позолотой, большая, стоимостью 100 р.; Майдари Бурхан: бронзовая, с позолотой, малая, стоимостью 42 р.; Манжушри Бурхан: из красного сандалового дерева, большая, стоимостью 150 р.; Арьяа-Баала Бурхан: бронзовая, с позолотой, средняя, стоимостью 105 р.; Минтугба Бурхан: бронзовая, с позолотой, малая, стоимостью 25 р.; Манжушри Бурхан: бронзовая, с позолотой, малая, стоимостью 40 р.; Арсалан дута Бурхан: малая, стоимостью 20 р.; Дара Эхэ Бурхан: малая, стоимостью 20 р.; Богдо Зонхово Бурхан: бронзовая, с позолотой, большая, стоимостью 150 р.; Балдан Лхамо Сахюусан: медная, литая, средняя, стоимостью 130 р.; Балдан Лхамо Сахюусан: бронзовая, с позолотой, малая, стоимостью 50 р.; Принлай Жалбо: бронзовая, с позолотой, малая, стоимостью 20 р.; Дамжин Доржи Лэгба: бронзовая, с позолотой, средняя, стоимостью 45 р.; Субарган: бронзовая, с позолотой, большая, стоимостью 150 р.; Намжил субарган: из дерева, малая, стоимостью 10 р.; Аюша Бурхан: медная, литая, с позолотой, большая, стоимостью 150 р. [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 32, л. 1, 1 об., 2, 2 об.]. В перечне также указаны танка в количестве 105 шт. различных бурханов (божеств), 2 амбара стоимостью 30 р., здание столовой (джахан) стоимостью 30 руб, 2 шкафа (гунгарва) для хранения томов Ганжур и Данжур стоимостью 80 р. К сожалению, другие сумэ не указаны, перечень их имущества отсутствует.

Предположительно во второй половине 1870-х гг. было построено здание Барай-сумэ (печатня, типография) как вспомогательное здание, не требующее спе-

циального разрешения официальных властей. Барай-сумэ являлся очагом издательского дела всей округи. Книги издавались ксилографическим способом с матриц-клише. Эти печатные доски хранились в отдельном здании в специальных деревянных шкафах (гунгарва). Литература, издававшаяся на тибетском языке, по своему количественному составу и общему объему намного превышала монгольские издания.

Священные книги выписывались дацанами из-за границы согласно «Положению о ламаистском духовенстве Восточной Сибири», утвержденному в 1853 г. В 1880 г. по ходатайству лам Цонгольского дацана, а также в целях сокращения нежелательных сношений бурят с иностранными ламами Министерство внутренних дел разрешило печатать буддийские книги в дацанах. Когда появилась своя печатня в дацанах, книги издавались ксилографическим способом. Тексты книг вырезались на особых дощечках монгольскими и тибетскими буквами. Имелась большая коллекция деревянных досок-клише, с них размножались тексты в необходимых количествах. Очень широко практиковалось переписывание текстов от руки. Первые матрицы, вероятно, были завезены из Монголии. Но уже в XIX в. почти во всех дацанах имелись мастера, резчики по дереву — «бэрчины».

В 1880 г. Гусиноозерский, Анинский, Агинский, Цугольский, Чесанский, Хохюртайский, Эгитуйский, Цулгинский дацаны получили официальное разрешение на издание печатной продукции в своих типографиях, фактически книгоиздательская деятельность всех бурятских дацанов находилась под постоянным контролем со стороны российских чиновников. Согласно списку Пандидо хамболамы Дампила Гомбоева, представленному князю Э. Ухтомскому, который ревизовал в 1887 г. бурятские дацаны, из 34 дацанов 29 имели свои печатни. В этот период в бурятских дацанах издавалось 600 названий книг и брошюр на тибетском и монгольском языках, из них в Цугольском дацане издавалось 169 наименований книг, Гусиноозерском — 97, Джидинском — 52, Эгитуйском — 44, Чесанском — 30 и т. д. [Ламаизм..., с. 75, 79–80].

С 13 апреля 1882 г. по 17 февраля 1892 г. шэрэтэ Чесанского дацана был назначен 59-летний лама Цыван Номшиев. Он поступил в дацан хуваром 4 июня 1869 г. Утвержден банди Военным губернатором Забайкальской области 25 августа 1870 г. Утвержден гелуном Его превосходительством 28 февраля 1874 г.

В 1885 г. шэрэтэ Цываном Номшиевым была проведена десятая перепись населения прихода Чесанского дацана, которая была оформлена надлежащим образом и отправлена в донесении шэрэтэ в 1886 г. на старомонгольском [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 11].

В 1885, 1890 и 1892 гг. под его руководством в Цогчен-дугане производился ремонт по замене нижних венцов здания, крыши и другие работы. В архиве хранится «Смета на материалы для производства исправки к Чицановскому дацану, находящемуся в Хоринском ведомстве Верхнеудинского округа Забайкальской области от 14 февраля 1885 г.» на общую сумму 129 р. 36 к. [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 5, л. 84]. С этой целью согласно смете были приобретены 240 шт. бревен и 144 шт. досок. Разрешение на ремонт было получено 13 сентября 1885 г. за № 2808 и 19 сентября 1885 г. за № 2876 от Приамурского генерал-губернатора [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 481, л. 47-48]. Сохранилось его донесение от 2 марта 1886 г. о выделении денег зайсаном Зун-Хубдудтсом рода Далаем Самбаевым и инородцем

Зун-Харганатского рода Абидой Очировым на ремонт двух сумэ: Отошо и Табан Хаан [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 330, л. 31 об.].

Также при нем в 1887 г. в Чесанском дацане официально издавалось 30 книг и брошюр на тибетском и монгольском языках, как указано выше.

В архиве сохранилось письмо Пандидо хамбо-ламы Дампила Гомбоева от 4 июня 1888 г. в адрес шэрэтэ Цывана Номшиева о распоряжении начальства ликвидировать бумханы, построенные без разрешения, что являлось актом неподчинения бурят указу 1870-х гг. [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 551, л. 76]. Несмотря на предупреждения ремонтно-восстановительные работы были продолжены, сумэны никто не разбирали.

В 1889 г. практически заново отстроено здание Отошо-сумэ по инициативе и на средства зайсана Зун-Хублутского рода Хоринского ведомства Далая Самбаева. Здание было восстановлено по старому плану в виде «одноэтажного квадратного четырехугольника, высота стен 2 сажени, длина и ширина по 4,5 сажени, с 6 окнами и одной входной дверью» [ИВР РАН, ф. 44, оп. 1, д. 133, л. 90].

8 декабря 1889 г. с прошением о восстановлении за свой счет сумэ Табан Хаан обратился к шэрэтэ дацана Эрдэни Абидуев из Зун-Харганатского рода. Здание сумэ было восстановлено в виде «одноэтажного квадратного четырехугольника, с высотой стен в 2 сажени, каждая сторона по 3 сажени в длину, с 4 окнами и одной входной дверью» [ИВР РАН, ф. 44, оп. 1, д. 133, л. 90 об.]. Также сохранилось письмо Пандидо хамбо-ламы шэрэтэ дацана от 1891 г., содержащее распоряжение окружного начальника, запрещающего ремонт и строительство дацанов без разрешения генерал-губернатора [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 551, л. 51]. Но несмотря на строгие предупреждения и запреты ремонтно-восстановительные работы были выполнены. По этому поводу есть подробные воспоминания Э. Э. Ухтомского от 1886 г.: «... медленность, с которою дается в Сибири всякое разрешение, вынуждала иногда инородцев чинить свои молитвенные здания самовольно. Например, испрашивалось произвести какой-нибудь ремонт старой крыши на несколько рублей. Ответ не приходил годами. Утварь чернела от течи, кумирня ветшала: волей-неволей ламы приступали к переделке. Это доносилось начальству, начиналось следствие, производились обычные поборы и т. д.» [Материалы... С. 167].

Из переписки на старомонгольском языке шэрэтэ Цывана Номшиева с Пандидо хамбо-ламой Дампиллом Гомбоевым:

– в своем донесении от 21 февраля 1890 г. пишет об обучении с 10 января 1890 г. русскому языку и письму среди штатных лам и хувараков в соответствии с требованиями по этому вопросу в письме Приамурского генерал-губернатора от 12 августа 1889 г. № 3771; ... от представителей родовой знати есть желающие обучаться в Гусино-Озерском дацане, старосты родов готовы отправить сыновей от родов для обучения русской грамоте и о предстоящем заседании Хоринской степной думы по этому вопросу в соответствии с письмом генерал-губернатора Забайкальской области от 17 августа 1889 г. ... [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 23, л. 8, 8 об.];

– в 1891 г. ламы и хувараки Чесанского дацана по распоряжению Пандидо хамбо-ламы о сборе средств сделали пожертвование денег на учреждение в городе Чита художественной школы искусств [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 551, л. 16, 17];

– разрешение на отпуск (на русском языке): «Вид. Предъявитель сего штатный гецул-лама Чицановского дацана Иши Очиров согласно разрешению Военного губернатора Забайкальской области, изложенному в отношении 1-го отделения областного управления от 12 мая сего г. за № 2089 уволен в трехмесячный отпуск в г. Верхнеудинск на Туркинския и Баргузинския минеральные воды по излечению болезни, а по истечении сроков он обязан явиться в место своего служения и представить сего ко мне. В утверждение чего и дан сей «Вид», подписан с приложением казенной печати от 29 мая 1891 г. Гусино-Озерский дацан. Главный лама, Пандидо хамбо-ламайского духовенства Восточной Сибири Гомбоев» [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 23, л. 19].

В фонде РГИА хранится «Дело Забайкальского областного правления «О разрешении постройки 2-х сумэ при Чицановском дацане», начатое 17 мая 1891 г. В этом деле хранится переписка в период с 1890 по 1899 г. о ремонте и новом строительстве сумэ Отошо и Табан Хаан, Майдари и Аюши, Дымчог. В деле имеются различные письма, донесения, рапорты:

– «письмо от Пандидо хамбо-ламы Д. Гомбоева № 350 от 1890 г. с ходатайством Военному губернатору Забайкальской области о разрешении постройки двух сумэ в честь бурханов Оточи и Табан Хаана, что средства предусмотрены от двух частных лиц: зайсана Зун-Хубдутского рода Далая Самбаева и инородца Зун-Харганатского рода Абида Очирова; о разрешении ремонта или постройки новых сумэ в адрес Верхнеудинского окружного начальника от 17 мая 1891 г. № 2352;

– рапорт на бланке МВД Верхнеудинского окружного начальника от 23 сентября 1891 г. №14895 Военному губернатору Забайкальской области по итогам осмотра Чицановского дацана о ветхом состоянии этих двух сумэ, построенных в начале 1830 г., что средства предусмотрены не от прихожан, а от двух частных лиц;

– письмо Приамурскому генерал-губернатору от 21 октября 1891 г. № 5863 о постройке двух сумэ в Чицановском дацане;

– ответное письмо из канцелярии Приамурского генерал-губернатора от 11 января 1892 г. № 50 с запросом сообщить о длине, ширине, высоте ветхих зданий сумэ и прислать планы на новые здания;

– донесение Главенствующего Пандидо хамбо-ламайского духовенства Д. Гомбоева от 11 июля 1892 г. № 173 Военному губернатору Забайкальской области о представлении плана и фасада строительства двух новых сумэ Отошо и Табан Хаана Чицановского дацана взамен разобранных по причине ветхости, по прежним размерам — Отошо по высоте 2 сажени, длине и ширине квадратной по 4 и ½ сажени, Табан Хаан — по высоте 2 сажени, длине и ширине квадратной по 3 сажени, размеры которых были получены по требованию Пандидо хамбо-ламы от шэрэтэ Чесанского дацана Р. Ч. Ирдынеева от 28 мая 1892 г. за №36;

– ответное письмо в канцелярию Приамурского генерал-губернатора от 24 июля 1892 г. № 707 о прежних и новых размерах сумэ Оточи и Табан Хаана» [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 400, л. 242–260 об.].

В донесении шэрэтэ дацана указано, что «в период с 27 октября 1892 г. по 21 января 1893 г. завершена постройка новых двух сумэ в честь бурханов «Оточи» и «Табан Хаана» вместо пришедших в ветхость старых зданий» [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 399, л. 145–146].

В фонде Чесанского дацана хранится донесение шэрэтэ Ц. Номшиева №13 от 25 мая 1891 г. Первенствующему ламе Пандидо хамбо Д. Гомбоеву «с просьбой назначить шэрэтэ Чесанского дацана вместо него Ринчин Чойван Эрдыниева ..., который много лет служил в Анинском дацане, владеет русским языком, а его назначить гелуном Чесанского дацана» [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 23, л. 3].

С 17 февраля 1892 г. по 1904 г. шэрэтэ Чесанского дацана был назначен в возрасте 51 года Ринчин Чойван Эрдынеев (Ирдыниев), выпускник школы Чойра Анинского дацана, габжа-лама, с 31 декабря 1870 г. хуварак, утвержден в звании бандия Военным губернатором Забайкальской области 16 марта 1873 г., в этом же году принял обеты гецула, утвержден в звании гелуна Его же превосходительством. С 28 февраля 1874 г. гелун Анинского дацана. С 5 февраля по 11 октября 1883 г. исполнял обязанности шэрэтэ Анинского дацана. 16 августа 1887 г. переведен в Чесанский дацан. 17 февраля 1892 г. утвержден его шэрэтэ. Эрдэниламхай из Хульхисона, после смерти был признан «хубилганом», воплощением Очирвани бурхана.

В 1893–1894 гг. при шэрэтэ Эрдынееве были отремонтированы сумэ Майдари и Аюши, после получения «предписания Военного губернатора Верхнеудинскому окружному начальнику о разрешении Приамурского генерал-губернатора от 22 марта 1894 г. отремонтировать два сумэ: Майдари и Аюши» [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 551, л. 84–86]. На общем сходе прихожан дацана был составлен «приговор» о ремонте сумэ Майдари и Аюши по причине их ветхости. В «приговоре» отмечено, что, «осмотрев сумэ бурхана Майдари, имеющее в длину и ширину по 6 сажений, а в высоту 2 сажени, и сумэ бурхана Аюши, имеющее в длину и ширину по 2 сажени 10 вершков, а в высоту 1 сажень и 2 аршина, мы нашли, что оба эти сумэ, в силу своей давней постройки, значительно прогнили как в своей кровле, так и в стенах; дают течь, а потому находящиеся в них бурханы и другие кумиренные принадлежности ... портятся. Ввиду вышеизложенного ... постановили: 1) оба эти сумэ возобновить и исправить в том же самом их размере и виде, в котором они существуют, за тем лишь исключением, что так как окна в сумэ бурхана Майдари чересчур малы, то увеличить объем их; 2) на сей конец, через посредство избранных из среды чиновных бурят они составили соответствующую местным ценам смету ... ремонт сумэ Майдари обойдется в 314 р. 90 к., а ремонт сумэ Аюши — в 76 р. 85 к. сумму ... постановили взять из свободного, хранящегося в казначействе дацана капитала в 614 р. 96 к.; 3) настоящий приговор, вместе с составленным планом, фасадом и сметой, представить надлежащему начальству с ходатайством о разрешении им произвести указанный ремонт» [ИВР РАН, ф. 44, оп. 1, д. 133, л. 91].

В фонде Чесанского дацана хранится «Смета о материалах, работах и стоимости для исправления при Чицановском дацане находящегося в Верхнеудинском округе Хоринского ведомства обветшавшего Сумэ (храма) бурхана «Майдари» от 20 сентября 1893 г.» [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 5, л. 92, 92 об.].

В вышеуказанной папке «Дело Забайкальского областного правления «О разрешении постройки 2-х сумэ при Чицановском дацане» (начато: 17 мая 1891 г.), также хранятся:

– письмо Военного губернатора Забайкальской области от ноября 1893 г. за № 207 Верхнеудинскому окружному начальнику по вопросу о необходимости

ремонта двух сумэ во имя бурханов Майдари и Аюши и в последующем донесении о заключении и планов на два указанных сумэ;

– донесение Первенствующего ламы Пандидо хамбо-ламайского духовенства Восточной Сибири от 10 ноября 1893 г. за № 394 «О представлении приговора прихожан Чицановского дацана и сметы, о разрешении им производства ремонтной 2-х сумэ при том дацане»: «Лама, шэрэтэ Чицановского дацана, находящегося в Верхнеудинском округе ... при рапорте от 5 октября за № 32 представляя коим приговор прихожан своего дацана, постановленный ими на 20 октября, о производстве капитальной ремонтной 2-х сумэ во имя бурханов Майдари и Аюши, пришедших в ветхость, приложив к приговору 2 сметы о потребности материалов, работы и стоимости по которым всего исчислено 391 р. 75 к., какую сумму просят прихожане безвозвратного отпуска из средств дацанской суммы, — просит моего ходатайства о разрешении упомянутыми прихожанами производства и признанных ими по приговору и сметы необходимых исправлений и работ. Признавая ходатайство как шэрэтэ, так и прихожан Чицановского дацана заслуживающим уважения и представляя при сем упомянутых приговор и 2 сметы с переводами на русский диалект, я имею честь покорнейше просить ходатайства Вашего Превосходительства о разрешении просимых исправлений и безвозвратного отпуска дацанских денег 391 р. 75 к., с последующим же не оставить меня без уведомлений предписаний с возвращением представляемых при этом документов. Первенствующий лама Пандидо хамбо Гомбоев»;

– «письмо Военного губернатора Забайкальской области от 2 декабря 1893 г. № 6210 Верхнеудинскому окружному начальнику о препровождении донесения Первенствующего ламы от 10 ноября 1893 г. за № 395 с приложением и планом и просьбе первого отделения областного управления удостовериться, насколько необходима постройка при Чицановском дацане нового сумэ во имя бурхана Дымчог, и донести о последующем своем заключении»;

– рапорт на бланке МВД Верхнеудинского окружного начальника за № 31 от 4 февраля 1894 г. Военному губернатору Забайкальской области о том, что «во исполнение предписания от 2 декабря 1893 г. за № 6210, представляя при этом донесение Пандидо хамбо от 10 ноября 1893 г. за № 395 докладывает, что постройка нового сумэ Дымчог не вызвано необходимостью ввиду того, что: 1) проводятся ремонтные работы в сумэ Майдари и Аюши по рапорту № 30; 2) при незначительности прихода (1 278 душ мужского пола) молитвенные здания вполне достаточны (дацан и два прихода); 3) постройка нового прихода как молитвенного дома на основании ст. 34 Положения о ламайском духовенстве воспрещено, малейшее отступление от этого начнет усиливать буддизм и ламство»;

– рапорт на бланке МВД Верхнеудинского окружного начальника № 30 от 4 февраля 1894 г. Военному губернатору Забайкальской области о том, что «во исполнение предписания от 2 декабря 1893 года № 6207, представляя при этом донесение Пандидо хамбо, что 10 ноября 1893 года № 394 и упомянутыми в моем представлении и два протокола пристава 1-го участка 3 января сего года об осмотре всех построек Чицановского дацана и особо сумэ Майдари и Аюши, Вашему Превосходительству имею честь почтеннейше доложить, что эти два сумэ ... своей ветхости нуждаются в испрашиваемых ремонтах»;

– письмо Военного губернатора Забайкальской области Господину Приамурскому генерал-губернатору от 24 февраля 1894 г. за №14 о том, что «в донесении Первенствующего ламы от 10 ноября 1893 г. № 395 имеется прошение зайсанов Хоринского ведомства Харганатского рода Вачиржапа и Гуружапа Аюшеевых, приговор прихожан Чицановского дацана и ходатайство о разрешении постройки за счет Аюшеевых нового деревянного сумэ во имя бурхана Дымчог, вместо уже убранного с места по случаю совершенной ветхости», «представляя при сем на усмотрение Вашего Величества всю переписку по этому предмету имею честь доложить, что, по моему мнению, постройка при Чицановском дацане нового сумэ Дымчог не вызывается необходимостью ввиду того, что: 1) предстоит ремонтировка сумэ Майдари и Аюши по рапорту № 30; 2) при незначительности прихода (1 278 душ мужского пола) молитвенные здания вполне достаточны (дацан и два прихода); 3) постройка новых таких молитвенных домов на основании ст. 34 Положения о ламайском духовенстве воспрещено, малейшее отступление от этого положения усиливает буддизм и ламство»;

– письмо Военного губернатора Забайкальской области Господину Приамурскому генерал-губернатору от 24 февраля 1894 г. №14/8 о том, что «первенствующий лама при донесении от 10 ноября минувшего года № 394 представил приговор прихожан Чицановского дацана, ходатайствует о разрешении отремонтировать находящиеся при нем два сумэ во имя бурханов Майдари и Аюши, пришедшие в совершенную ветхость, употребив для этой цели 391 р. 75 к. из собственных сумм дацана согласно приложенной смете. Запрошенный по этому поводу Верхнеудинский окружной начальник ... от 4 сего февраля за № 30 доложил, что упомянутое сумэ по своей ветхости действительно нуждается в испрашиваемом ремонте, причем представил два протокола пристава 1-го участка Верхнеудинского округа об осмотре всех построек Чицановского дацана и особо сумэ Майдари и Аюши. Не встречая со своей стороны препятствий и удовлетворении означенного ходатайства Первенствующего Ламы, всю его переписку по этому предмету имею честь представить на усмотрение Вашего Величества и просить о последующем меня уведомить»;

– письмо на бланке канцелярии делопроизводства III Приамурского генерал-губернатора №1431 от 22 марта 1894 г. Военному губернатору Забайкальской области: «Вследствие представления Вашего Превосходительства за № 1478 имею честь уведомить, что согласно с Вашим заключением я разрешаю произвести ремонтное исправление двух сумэ при Чицановском дацане, построенных в честь бурханов Майдари и Аюши. Сообщенная Вами, Милостивый государь, по настоящему предмету переписка при сем возвращается, генерал-губернатор, генерал-лейтенант (подпись неразборчива), правитель канцелярии (подпись неразборчива);

– письмо от Военного губернатора Забайкальской области от 12 мая 1894 г. Верхнеудинскому окружному начальнику: «Вследствие прежних дел Приамурского генерал-губернатора от 22 марта сего года № 1431 дал знать ..., что Его Величество разрешает производство ремонтных исправлений при Чицановском дацане построенных в честь бурханов Майдари и Аюши. Первенствующему ламе возвращаю представленный при донесении от 10 ноября минувшего года №394 приговор прихожан Чицановского дацана с ходатайством о разрешении отремонтировать находящиеся при нем два сумэ во имя бурханов Майдари и Аюши»;

– донесение Первенствующего ламы Пандидо хамбо-ламайского духовенства Восточной Сибири от 12 мая 1894 г. № 145 Военному губернатору Забайкальской области: «По спорным предложениям Вашего Превосходительства от 12 мая за № 3129 будто бы предлагаемый при оном, документы на предмет производства ремонтных исправлений при Чицановском дацане двух ветхих сумэ не оказалось. Посему почтеннейше донося Вашему Превосходительству, я имею честь повторно просить не оставить прислать мне вышеупомянутые документы, Первенствующий лама Пандидо хамбо Гомбоев (подпись)»;

– письмо Первенствующему ламе № 3855 от 3 июня 1894 г. от Военного губернатора Забайкальской области: «... на письмо от 12 мая за № 3129 препровождаю при сем неприложенную к оному переписку о ремонте двух сумэ при Чицановском дацане» [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 400, л. 242–260 об.].

Далее в архиве фонда Института восточных рукописей РАН сохранились записи об итогах и изменениях, произведенных в ходе ремонта: «чисановцы исполнили представленное ими условие, оставив сумэ в том же самом размере лишь по отношению к сумэ Аюши ... Что же касается кумирни Майдари, то она вместо незначительного здания, имевшего в высоту только две сажени, превратилась в двухэтажное сумэ, весьма мало разнящееся от самого дацана. Ныне в этой кумирне Майдари чисановцы отправляют цаннитские хуралы, в служении которых у них участвует не менее 150 человек» [ИВР РАН, ф. 44, оп. 1, д. 133, л. 91 об.]. Это было третье по величине здание монастыря после Цогчен-дугана и Чойра-дугана.

В архиве РГИА сохранилось «письмо на бланке канцелярии делопроизводства III Приамурского генерал-губернатора № 1463 от 26 марта 1894 г. Военному губернатору Забайкальской области: «По приказанию Приамурского генерал-губернатора канцелярия его имеет честь покорнейше просить Ваше Превосходительство переговорить лично с генерал-губернатором при его проезде будущим летом через Читу по вопросу о постройке сумэ Дымчог при Чицановском дацане, о сем говорится в отношении Вашем от 24 февраля сего года №1477, правитель канцелярии (подпись)» [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 400, л. 265].

В 1894 г. (по другим сведениям, в 1896 г.) по приглашению шэрэтэ посетил дацан для благословения прихожан и передачи малого посвящения (лун) находящийся в Кижингинском дацане из тибетского монастыря Гумбум известный Джаягсан гэгэн [Славься... С. 262]. Гостя встречали в соответствии с его высоким положением.

Согласно архивным данным, на общем собрании духовных и светских лиц из числа прихожан был избран староста дацана сроком на 3 года. «Доржо Тойбон из рода Хальбан по ходатайству Верхнеудинского полицейского управления назначен старостой Чесанского дацана распоряжением Военного губернатора Забайкальской области от 10 января 1895 г.» [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 23, л. 52]. В соответствии с Положением от 1853 г. староста заведовал как движимым, так и недвижимым имуществом дацана и подчинялся только шэрэтэ дацана. В его обязанности входила охрана всего имущества, а также ежемесячный учет всех доходов лам и дацана. Должность эта была не только почетна для мирянина, но и весьма ответственна, потому что выбранный претендент утверждался на данную должность Военным губернатором Забайкальской области.

Примерно в этот период, согласно архивным данным, на общем собрании духовных и светских лиц был избран нярбой Чесанского дацана Цэбэг Самданай из рода Хубдуд и утвержден на данную должность Военным губернатором Забайкальской области [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 23, л. 24].

Среди писем Пандидо хамбо-ламы Д. Гомбоева в адрес шэрэтэ Чесанского дацана Р. Ч. Эрдыниеву за № 338 от 15 декабря 1894 г. хранится его обращение: «...в соответствии с письмом отдела Географического общества Российского императора Забайкальской области за подписью губернатора Мациевского и его членов от 7 ноября № 61 прошу отправить на предстоящую выставку денежное пожертвование и разные довольствия в Читу. По распоряжению губернатора Забайкальской области от 15 ноября за № 6692 с 1896 г. будет проводиться всероссийская выставка искусства... В г. Хабаровске организовали комитет под руководством генерал-лейтенанта Рудикова, назначили ответственных в Забайкальской области, чтобы помогали в этом деле ... Прошу Вас объявить всем: 1) для организации филиала Географического общества в Забайкальской области и выставки Вы от себя лично и от всех лам собрать срочно деньги и отправить мне со списком. Как получу, запишу и выпишу квитанцию; 2) собрать интересные книги, бурханы, улигеры, картины, вещи и предметы и отправить на выставку в областной филиал в Читу, Петербург; 3) желающие могут положить свои деньги в местный банк в Чите. Ознакомить людей с этим решением и оставить на их усмотрение. Важны первые 2 пункта и прошу организовать сборы в кратчайшие сроки. Надеюсь на Ваше понимание. Д. Гомбоин» [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 23, л. 50–50 об.].

В фонде Чесанского дацана среди документов за 1890–1899 гг. нами обнаружен редкий интересный документ на старомонгольском языке с русским переводом — текст «Клятвенного обещания» лам дацанов Бурятии:

«Боже, безошибочно различающий истину и неправду, пред лицом Твоим свидетельствую по чистой справедливости и истине в том, о чем спрашивать буду ни для дружбы или вражды, ни страха сильных лиц, ничего не утаю, что знаю, слышал и видел, я буду показывать сущую правду. Если же посягну солгать пред Тобою, судья всеведущий и содержащий в деснице своей Зерцало добродетели и греха, то да отнимется язык мой, тело моё да развергнуто будет в преисподняя земли и душа моя в будущей жизни, да будет предано Хану адских духов и ввержена в вечно пламенеющий ад. В заключение моей клятвы возлагаю на главу мою образ Твой и поклоняюсь Тебе Всесильному Бурхану» [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 23, л. 13, 13 об.].

Среди архивных документов есть «Список лиц и учреждений, сделавших пожертвования в музей Забайкальского областного отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества с 1 марта по 1 ноября 1896 г.». В списке перечислены дацаны, сделавшие пожертвования и количество предметов:

«... — от Чесанского дацана 2 предмета, от Эгитуйского дацана 2 предмета, от Ацагатского дацана 1 предмет, от Токчинского 1, Хохюртайского 1, Тарбагатайского 1, Янгажинского 2, Баргузинского 1, Джидинского 1, Кударинского 4, Загустайского 1, Цонгольского 1, Сартульского 3, Булдумурского 4, Аракыретуйского 3, Иройского 3, Тугнугалтайского 1, Большкского 5, Улетуевского 3, Бур-

галтаевского 3. Всего 112 лицами и учреждениями пожертвовано 3 244 предмета» [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 23, л. 35].

Также есть список людей Зун-Хубдутского рода по итогам ревизии от 28 января 1897 г. [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 13]. Из переписки шэрэтэ Р. Ч. Эрдынеева и Пандидо хамбо-ламы известно, что шэрэтэ в 1898 г. по ходатайству Восточного института отправил ламу в город Владивосток в качестве преподавателя по монгольскому языку, наборщика по монгольской письменности для печатания учебников с заработной платой 400 р., священные книги «Ганжур» на тибетском языке и Юм на монгольском языке, дидактические сутры и шастры, книги по истории буддизма и тибетской медицине — рукописные и печатные [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 551, л. 26–27], а также в 1899–1900 гг. об участии лам и хувараков дацана в сборе средств для строительства церкви «Воскресения Христова», женской гимназии, о пристрое к дацану и другие [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 576, л. 1–67].

Опять же в папке «Дело Забайкальского областного правления "О разрешении постройки 2-х сумэ при Чицановском дацане начато: 17 мая 1891 г.» также хранятся:

– донесение Вр. и. д. Пандидо хамбо-ламы ламайского духовенства Восточной Сибири шэрэтэ Гусино-Озерского дацана Доржиева от 22 декабря 1897 г. № 473 господину Военному губернатору Забайкальской области: «Шэрэтэ-лама Чицановского дацана, находящегося в Верхнеудинском округе, Ирдыниев при донесении от 10 и 11 ноября сего года за № 27 и 28, представляя ко мне 2 приговора прихожан одного дацана, постановленные на 30 октября и 10 ноября, 3 экземпляра сметы и заявления зайсана Хоринского ведомства Барун-Хоацайского рода Данжина Баяндуева, поданного от 20 сентября сего года, о возобновлении тесовой крыши дацана листовыми железными, об окраске как крыши дацана, так и 3-х сумэ, состоящих при оном дацане «Майдари», «Отошо», «Аюши» бурханов, на составленный счет вышеупомянутого зайсана Баяндуева, равно и о снятии 2-х маленьких комнат, состоящих внутри дацана, ... на обе стороны двери и на устройство к дацану нового крыльца для того, чтобы внутри дацана было вместительно, на этот предмет и желания употребить из собственно дацанских сумм 215 р. 30 к. Об чем просит моего ходатайства о разрешении к упомянутой прихожанами производства признанных ими необходимыми исправлений и работ. Признавая ходатайство названного шэрэтэ Ирдыниева, основанного на таком же, предложить заслуживающим уважения и представляя при сем упомянутом: 2 приговора, 3 сметы и заявление зайсана Баяндуева с переводом на русский диалект, я имею честь покорнейше просить ходатайства Вашего Превосходительства о разрешении просимых исправлений к Чицановскому дацану как и на счет зайсана Баяндуева, так и безвозвратного отпуска из дацанских капиталов 215 р. 30 к. в последующем же не оставить меня, уведомить предложением. Временно и. д. Пандидо хамбо, шэрэтэ Доржиев»;

– рапорт Верхнеудинского окружного начальника от 9 июля 1898 г. № 9796 Его Превосходительству господину Военному губернатору Забайкальской области: «По личному осмотру зданий Чицановского дацана и находящихся при нем трех сумэ бурханов «Майдари», «Отошо», «Аюши», оказалось, что трем действительно требуется перекройка крыши, а, так как начатая окраска их осталась неоконченной. Что касается до 215 р. 30 к., ассигнованных на увеличение здания дацана через обращение существующего крыльца и двух больших

комнат в общем зале дацана с пристройкой особого крыльца с крышею, то суммы этой может быть достаточно только при том условии, которое заявлено тов. шэрэтэ дацана, что работы по доставке ... материалов будут преподнесены добровольными жертвователями, с получением той незначительной платы, какая назначена сметой на уплату Об этом имею честь доложить Вашему Превосходительству во исполнение предписания от 13 января с. г. за № 206 с представлением полученной при оной переписке. Верхнеудинский окружной начальник (подпись)»;

– письмо от Военного губернатора Забайкальской области от 3 сентября 1898 г. за № 8054 Пандидо хамбо-ламе: «Предлагаю Вам, Милостивый государь, выделенный к представлению своему от 22 ноября с. г. за № 473 представить мне существующий план Чицановского дацана, а также план предполагаемой в нем перестройки двух комнат на верхнем этаже и постройки к дацану крыльца. Подлин. подал: Воен. губерн., генерал-майор Мациевский. Сверил: Управл. отдел.: Мамин. Верно: Столоначальник (подпись)»;

– письмо от Военного губернатора Забайкальской области от 12 сентября 1898 г. господину Верхнеудинскому окружному начальнику: «Препровождаем при сем донесение Вр. и. д. Пандидо хамбо-ламы от 22 декабря с. г. за № 478 с поименованными в них приложениями по ходатайству прихожан Чицановского дацана и о возобновлении им тесовой крыши дацана листовым железом и об окраске как крыши дацана, так и 3-х сумэ, состоящих при дацане, «Майдари», «Отошо», «Аюши» бурханов на ответственный счет зайсана Баяндаева, равно и оснащении 2-х маленьких комнат, находящихся внутри дацана, и на устройство к дацану нового крыльца и расходы на этот предмет суммы 215 р. 30 к. предлагаю ... всенародно проверить, насколько заслуживает уважения вышеозначенное ходатайство, а также проверить правильно ли названа сумма к расходу на испрашиваемое направление, и о последующем возвращении приложенного и своём заключении мне донести. Генерал-губернатор Мациевский» [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 400, л. 266–277].

А также документы по переписке за период с 12 мая по 14 июля 1899 г., в том числе «на бланке технико-строительного комитета Министерства внутренних дел от 2 июля 1899 г. № 679. Выписка из журнала технико-строительного комитета Министерства внутренних дел от 24 июня 1899 г. № 213. По расширению Чицановского дацана Забайкальской области. «Технико-строительный комитет, рассмотрев препровожденный Департаментом духовных дел иностранных исповеданий, 3 июня сего года за № 1954 признав расширение Чицановского дацана Забайкальской области, не находит препятствий к удовлетворению ходатайства местных прихожан об упомянутом расширении. Согласовав на рисунке надлежащее засвидетельствование, комитет полагал бы о заключении им по утверждению его и рисунка Министром внутренних дел, уведомить Департамент духовных дел иностранных исповеданий с возвращением приложений и 2-х копий с рисунка. Подлинный журнал за подписанием председателя и членов комиссии. На подлинном журнале написано: утверждаю 25 июня 1899 г. за министра внутренних дел Т. С. Бестужев-Рюмин. За зав. делопроизводством Р. Марфельд» [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 400, л. 266–277].

Также в фонде архива РГИА хранится «план, фасад Цицановского дацана» (Цогчен дугана. — Д. Н.) [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 398, л. 25].

«В конце XIX века (в 1898 г. — *Д. Н.*) Пандидо хамбо-лама Чойнзин Доржо Иролтуев предпринял поездку в Индию. Возвращаясь назад через Шанхай, он рассчитывал побывать в западных районах Китая. Но по прибытии в Шанхай Ч. Д. Иролтуев получил от русского посланника в Пекине буряты Найдана Гомбоева телеграмму, в которой последний сообщил, что русские войска заняли дворец Джань-Ша-Эрелту Дорджан гэгэна (придворного хутухты китайской империи). Ч. Д. Иролтуев выехал в Пекин, остановился в занятом русскими войсками дворце, забрал и отправил караванным путем в Россию ценнейшие буддийские книги, бурханы и другие святыни дворца. В числе забранных Ч. Д. Иролтуевым вещей оказалось 110 томов Ганжура и 225 томов Данжура на монгольском языке. Ганжур им был продан шэрэтэ Чесанского дацана Р. Ч. Эрдынееву по цене 25 рублей золотом за каждый том, а Данжур отправлен в придворный хурал (дацан) правителя калмыков Донской области князя Гундутова, для Пандидо хамбо-ламы калмыцкого духовенства Боромантджинова, который давал Ч. Д. Иролтуеву на поездку 15 тысяч рублей» [ГАРБ, ф. 248, оп. 3, д. 21, л. 47-48; Митыпова Г. С., с. 32]. Среди вывезенного имущества были «старинные сутры на пальмовых листах, культовые статуи. В 1903 г. он привез из Индии каменную статую Будды. Статуя и сутры на пальмовых листах в настоящее время хранятся в Музее истории Бурятии» [БТСР... С. 10].

В отчете шэрэтэ дацана Р. Ч. Эрдынеева о движимом и недвижимом имуществе дацана за 1898 г., составленном 2 января 1899 г., мы нашли подтверждение о том, что в Чесанском дацане в Цогчен-дугане находилась выполненная из бронзы (зэс) позолоченная статуэтка Зандан Жуу высотой 25–30 см. В настоящее время такая статуэтка Зандан Жуу хранится в фондах музея в Эрмитаже в г. Санкт-Петербурге. Это одна из бронзовых копий образа Зандан Жуу, хранящихся в Эгигуйском дацане, созданных в XVI — начале XX в. По нашей просьбе в июле 2017 г. Чингисом Цыреторовым и Ириной Шаргакшановой в ходе поисков в Эрмитаже во время выставки была сделана фотография этой статуи на фоне полотна танки, посвященного божеству Ямантаки. Мы решили, что это хороший знак, когда в ходе работы над переводом со старомонгольского обнаружилась запись о наличии Зандан Жуу в Чесанском дацане. Ведь до этого случая были только одни воспоминания стариков и разговоры, не имевшие никаких подтверждений. Сделать перевод архивного источника помогла известный архивист и переводчик Галина Номогоновна Очирова. В перечне имущества дацана указано, что находящаяся в Майдари сумэ «... в-четвертых, под номером 170 позолоченная поверх бронзы статуя Зандан Жуу стоимостью 260 рублей серебром подарил дацану гелун-лама Бальжир-Будажаб Борбооцын с друзьями» [ГАРБ, ф. 459, д. 70, л. 9 об]. Будажаб Барбуцаев был известным и авторитетным ламой, который впоследствии стал одним из шэрэтэ дацана.

И это не единственная священная статуя Зандан Жуу в Чесанском дацане. Еще об одной статуе Зандан Жуу из красного сандалового дерева ростом с 7–8-летнего мальчика писал в своем архиве Г.-Д. Нацов. Поэтому среди «магтаалов» Чесанского дацана есть и «магтаал» про священную статую Зандан Жуу Чесанского дацана.

Кроме этого, есть воспоминания Дашимы Эрдынеевны Цыренбазаровой, записанные мной 20 февраля 2016 г. в г. Улан-Удэ. Она является уроженкой местности Толгой села Булак Хоринского района (ныне Кижингинского), 1937 года

рождения. Сохранились воспоминания её старшего брата Галсана Эрдынеевича Цыренбазарова 1930 года рождения, который, рассказывая в середине 1950-х гг., вспоминал, что, ребяташками он с друзьями Шагдаржаповым Володей и Тогтохын Цырендоржин Бадмой играли южнее местности Толгой на месте разрушенного фундамента какого-то строения или старого дома. Часто бегая по трухлявым бревнам по периметру фундамента, в одном из северных углов фундамента однажды они обнаружили блестящую на солнце часть предмета. Когда выкопали, они увидели маленькую медную или бронзовую позолоченную статуэтку бурхана размером в один локоть взрослого человека. После игры они спрятали статуэтку в роще близ речки Чесан. Это было примерно в конце 1930-х гг. В очередной раз по прибытии в это место они не нашли статуэтку. Взрослым говорить они побоялись и эту историю хранили в тайне. После признания ребяташек было предпринято множество попыток найти, но безрезультатно».

В книге А. А. Терентьева «Буддизм в России — царской и советской (старые фотографии)» есть интересная фотография из архивных источников, запечатлевшая проведение жуд-хурала весной 1902 г. в Эгитуйском (возможно, в Ацагатском) дацане, ринпоче-лама преподает лун (устная передача), в котором участвует шэрэтэ Чесанского дацана. Подписано: «В первом ряду слева направо сидят: ширээтуй Челутаевского дацана, ширээтуй Чесанского дацана, Пандидо хамбо-лама Ч. И. Иролтуев. В центре лама-ринпоче, далее — Агван Доржиев, ширээтуй Эгитуйского дацана, гелун-багша Анинского дацана). Архив А. Т. № 231 а. Ср.: ГМИР №Л-VII-897» [Буддизм..., 484 с.]. Лун — это передача учения и дача устных наставлений, в тантре — это дарование правомочности, в данном случае для проведения жуд-хуралов.

Среди материалов собрания Национального музея Республики Бурятия имеются за подписью Пандидо хамбо-ламы Чойнзон-Доржо Иролтуева (на русском языке) «Послужные списки Бандида Хамба ламайского духовенства Восточной Сибири, шэрэтэ,гылунов и бандиев 32-х дацанов Забайкальской области, и именныи списки ховараков Гусино-Озерского дацана за 19... год». К сожалению, не сохранились несколько первых и последних листов послужных списков и неизвестно, за какой год. По датам нахождения в должности шэрэтэ Чесанского дацана Ринчина Чойвана Ирдынеева (1892–1904 гг.) и Пандидо хамбо-ламы Чойнзон-Доржо Иролтуева (1896–1911 гг.) мы предполагаем, что отчет составлен примерно за период 1900–1903 гг. Кроме этого, в послужном списке вручение награды Р. Ч. Ирдынееву датируется 16 января 1899 г.

В этом документе в перечне послужных списков имеется и «Чицановский дацан», где перечислены штатные ламы дацана в составе:

«1) шэрэтэ Ринчин Чойван Ирдынеев, от роду 58 лет, из ясачных, поступил в хуvaraки 31 декабря 1870 г., утвержден в звании бандия Военным губернатором Забайкальской области 16 марта 1873 г., утвержден в звании гылуна Его же превосходительством 28 февраля 1874 г., в Анинском дацане во время болезни шэрэтэ Жамбаева отправлял обязанности шэрэтэ с 1 февраля по 11 октября 1883 г. Из Анинского дацана переведен в Чесанский 16 августа 1887 г. Утвержден шэрэтэ Чесанского дацана Приамурским генерал-губернатором 17 февраля 1892 г.

2) гылун Боди-Донит Жамбаев, от роду 67 лет из ясачных, поступил в хуvaraки 27 ноября 1870 г., утвержден в звании бандия Военным губернатором Забай-

кальской области 29 февраля 1872 г., утвержден в звании гылуна Его же Превосходительством 16 марта 1873 г.

3) гылун Цырен-Домчой Банзаров, из ясачных, от роду 55 лет, поступил в хуvaraки 27 июля 1876 г., утвержден в звании бандия Военным губернатором Забайкальской области 23 сентября 1880 г., утвержден в звании гылуна Его же Превосходительством 13 сентября 1881 г.

4) гылун Будажап Борбоцаев, от роду 45 лет, из ясачных, поступил в хуvaraки 23 декабря 1883 г., утвержден в звании бандия Военным губернатором Забайкальской области 23 февраля 1885 г., утвержден в звании гылуна Его же Превосходительством 29 ноября 1886 г.

5) гылун Абида Ширап Намсараев, от роду 46 лет, из ясачных, поступил в хуvaraки 16 января 1879 г., утвержден в звании бандия Военным губернатором Забайкальской области 23 февраля 1885 г., утвержден в звании гылуна Его же Превосходительством 14 июля 1888 г.

6) гыцул Иши Очиров, от роду 59 лет, из ясачных, поступил в хуvaraки 5 июля 1874 г., утвержден в звании бандия Военным губернатором Забайкальской области 1 апреля 1875 г., утвержден в звании гылуна Военным губернатором Забайкальской области 31 июля 1875 г.

7) банди Бадма-Чойрап Ирдынеев, от роду 59 лет, из ясачных, поступил в хуvaraки 31 июля 1875 г., утвержден в звании бандия Военным губернатором Забайкальской области 13 ноября 1875 г.

Примечание. В течение года в отправленных донесениях дацана изменений не было. Верно: Пандидо хамбо Чойнзон-Доржо Иролтуев» [Из собрания...].

По ходатайству шэрэтэ после ремонта в 1889 г. сумэ Отошо и Табан Хаан были «высочайше утверждены приказом Министерства внутренних дел за № 3198 от 19 октября 1903 г.» [ИВР РАН, ф. 44, оп. 1, д. 133, л. 90 об.].

В фондах РГИА хранятся: «письмо, препровождающее документы, касающиеся ремонта Чицановского дацана от 7 января 1899 г.» [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 400, л. 294–295]. Это приговор прихожан Чесанского дацана, смета, план, проект и другие документы по переписке по этому вопросу. Сохранились «план, проект пристройки к Чицановскому дацану нового крыльца и портика. Фасад с лицевой стороны с юга, план первого этажа, план второго этажа, разрез утвержден и исполнен 25 июля 1899 г.» [РГИА, ф. 1239, оп. 166, д. 84, л. 14].

После смерти Ринчин Чойвана Эрдынеева в короткий период 1904–1905 гг. исполнял обязанности шэрэтэ гелун-лама Будажап Борбоцаев (в разных источниках: Борбооцын Будажап, Барбозуев, Барбуцаев).

В период с 1905 по 1911 г. шэрэтэ Чесанского дацана был назначен Ринчин Агван Зургадаев. Зургадайн Ринчин-Агван габжа-лама после смерти был признан хубилганом, является уроженцем Верхнего Чесана. Его называли «багша» (Зургадайн багша) в самом высоком смысле. Ему не было равных в диспутах по буддийской философии. Зургадайн Агван-лама предсказал революцию 1917 г., гражданскую войну и многое другое. «В народе был прозван Зургадай Багша, так как днем и ночью не выпускал из рук четки, читая мантру Арья-Баалы (Ом ма ни бад ме хум), количество которых довел до 600 миллионов! Проводил уединенную медитацию в местности Нарин-Булаг. Впоследствии местный Аршан, который берет свое начало в Мухар-Шэбэре, прославился как “Зургадай Багшын аршаан”. В 1903 г., когда 13-й Далай-лама Тубдэн-Жамсо находился в Мон-

голии (Улан-Баторе), он встретился с ним. При встрече приветствовали друг друга, прикасаясь лбами» [Аюржанаева Д., с. 4]. Это означает, что они приветствовали друг друга как равный равному, таково было взаимное уважение двух высокопочтенных лам-хубилганов.

По инициативе Пандидо хамбо-ламы Иролтуева, а также цанид-хамбо Агвана Доржиева с 26 апреля по 1 мая 1905 г. был созван Первый областной съезд всех бурятских родов и буддийского духовенства в г. Чите. «На съезде присутствовало 32 шэрэтэ и гелонгов, 32 мирянина, представители приходов, 85 общественных доверенных, 13 должностных лиц волостного управления, 10 представителей интеллигенции...» [Жамцарано, с. 198]. В съезде в качестве шэрэтэ участвовал лама Будажаб Борбоцаев. Решались важные вопросы по волостной реформе 1901 г. и возможность избрания члена Государственной думы из числа бурят. Делегаты съезда приняли решение: «требовать даровать бурятам широкое самоуправление, независимость от административной опеки, делопроизводство на родном языке... По этому поводу был составлен Батодалаем Очировым протокол и подписан всеми» [Жамцарано, с. 200]. Это прошение 31 января 1906 г. было подано Пандидо хамбо-ламой в Санкт-Петербурге лично Государю Императору.

В книге А. А. Терентьева «Буддизм в России — царской и советской (старые фотографии)» есть фотография со съезда — сугунды шэрэтэ бурятских дацанов, который проходил в 1906 г. в г. Чита, в котором принимал участие и о. шэрэтэ Чесанского дацана Будажаб Борбоцаев. Подписано: «Сидит в центре нижнего ряда — Пандидо хамбо-лама Ч. Д. Иролтуев; справа от него лама Шагжи (Иройский дацан), лама Лайдапов, настоятель Сартульского дацана; слева — настоятели Челутайского, Бырцуйского, Загустайского дацанов. В среднем ряду слева направо: Д. Д. Итигэлов (Янгажинский дацан), настоятели Чесанского, Токчинского, Гунейского, Хохюртайского, Цолгинского, Галтайского дацанов. Стоят в верхнем ряду слева направо: настоятель Цонгольского дацана, два неизвестных ламы, заместитель настоятеля Кижингинского и заместитель настоятеля Агинского дацана Бадлуев» [Буддизм...].

В фондах РГИА хранится «отношение Военного губернатора Забайкальской области от 2 сентября 1906 г. к техническо-строительному комитету Министерства внутренних дел о рассмотрении разрешения инородцу Верхнеудинского уезда Харганатской инородческой волости Гончику Балданову перестроить за свой счет пожертвованный им дом в сумэ бурхана Дымчог при Чицановском дацане» [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 401, л. 78], а также «план и проект постройки сумэ в честь бурхана Дымчог при Чицановском дацане от 13 октября 1906 г. [РГИА, ф. 1239, оп. 166, д. 81, л. 30]. Кроме этого, хранится «ходатайство в техническо-строительный комитет на усмотрение МВД о разрешении перестроить дом Гончика Балданова в сумэ в честь бурхана Дымчог при Чицановском дацане» [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 401, л. 79 об].

Под руководством шэрэтэ-ламы Зургадайн Багши в 1907 г. было заново построено сумэ в честь бурхана Дымчог, где проводились жуд-хуралы, в 1911 г. новое здание сумэ Арья-Баалы. Распоряжением Военного губернатора Забайкальской области в 1911 г. было получено разрешение на строительство сумэ в честь божества Арья-Баалы [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 409, л. 20]. В фондах РГИА

хранится «план и проект постройки сумэ в честь бурхана «Арьяа-баала» при Чицановском дацане от 22 апреля 1911 г.» [РГИА, ф. 1239, оп. 166, д. 84, л. 44].

Имеются сведения, что в начале XX в. прихожане «пожертвовали» дацану здания двух сумэ. «Наряду с действительными пожертвованиями, отмечает исследователь К. М. Герасимова, были мнимые скрывавшиеся под видом личных дарений новые постройки, на которые необходимо получить разрешение Министерства внутренних дел. Так, кумирня для чжуд-хуралов в Чесанском дацане утверждена была как дом, построенный Гончиком Балдановым лично для себя, для проживания во время посещения дацана и только лишь впоследствии пожертвованный дацану». А. М. Позднеев, видевший эту кумирню, заметил, что буряты никогда не строят для себя домов по 12 саженой на каждой стороне. Сумэ было построено обычным способом, затем в ходатайстве на разрешение было предоставлено Министерству внутренних дел как дом, пожертвованный Гончиком Балдановым» [Герасимова К. М., с. 21].

Среди материалов из собрания Национального музея Республики Бурятия нами обнаружены за подписью Пандидо хамбо-ламы Чойнзон-Доржо Иролтуева «Послужные списки Бандида Хамба Ламайского Духовенства Восточной Сибири, Шэрэтэв, Гылунов и Бандиев 32-х дацанов Забайкальской области и именные списки ховараков Гусино-Озерского дацана за 1908 год». В перечне послужных списков имеется и «Чицановский дацан», где перечислены штатные ламы дацана на 1908 г.:

«1) шэрэтэ Ринчин Агван Зургадаев, 63 лет. Поступил в хувараки 31 декабря 1904 г., утвержден в банди 10 апреля 1905 г., утвержден в гылуны 15 июня 1905 г., утвержден в шэрэтэ дацана в ноябре 1905 г.;

2) гылуи Будажап Борбоцаев, отроду 55 лет. Поступил в хувараки 23 декабря 1883 г., утвержден бандием 23 февраля 1885 г., утвержден в гылуны 29 ноября 1886 г., исполнял должность шэрэтэ с 7 ноября 1904 г., награжден Императорским крестом «За труды во время Русско-японской войны» 7 октября 1907 г.;

3) гылуи Буда-Дондуп Далаев, 63 лет. Поступил в хувараки в 1893 г. 15 октября, утвержден бандием в 1896 г. 5 мая, утвержден в гылуны 9 июня 1897 г.;

4) гылуи Рабжай-Добчин Павлов, 42 лет. Поступил в хувараки 24 июня 1899 г., утвержден бандием 30 сентября 1905 г., утвержден в гылуны 4 декабря 1908 г.;

5) гылуи Абида-Ширап Намсараев, 56 лет. Поступил в хувараки 16 января 1879 г., утвержден бандием 23 февраля 1885 г., утвержден в гылуны 14 июля 1888 г.;

6) гецул Иши Очиров, 69 лет. Поступил в хувараки 5 июня 1874 г., утвержден бандием 1 апреля 1875 г., утвержден в гецулы 31 июля 1875 г. (Очиров умер. Назначен Сампилов 7 декабря 1909 г.);

7) банди Найдан Сампилов, 46 лет. Поступил в хувараки 15 мая 1905 г., утвержден бандием 4 декабря 1908 г. Н. Сампилов назначен гецулом сего дацана и на его место назначен Дампил Сампилов от 17 декабря 1909 г.

Примечание. На вакантное место гылуна назначен банди Рабжай-Добчин Павлов. На должность бандия назначен хуварак Найдан Сампилов.

Верно: Пандидо хамбо Чойнзон-Доржо Иролтуев» [Из собрания...]. К сожалению, нет списка внештатных лам и хувараков.

В описи имущества дуганов и сумэ, находящихся в Чесанском дацане, в отчете шэрэтэ дацана о движимом и недвижимом имуществе за 1908 г. мы обнаружили записи о наличии в Майдари-сумэ под порядковым номером 197 позолоченную статую из бронзы Зандан Жуу стоимостью 260 р., а также под № 226 комплект томов Ганжура на монгольском языке стоимостью 3 000 р. [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 89, л. 6 об.]. Это еще раз подтверждает, что в Чесанском дацане все-таки была маленькая копия Зандан Жуу и редкий рукописный на монгольском языке Ганжур.

По сведениям Д. С. Жамсуевой, «на средства прихожанина дацана Чагдурова в 1909 г. было построено здание сумэ Гунрик» [Жамсуева Д. С., с. 210]. Дом описывается как восьмисаженный квадратный сруб из шестивершкового леса, с деревянной крышей, на каменном фундаменте [ИВР РАН, ф. 44, оп. 1, д. 132, л. 188; Жамсуева Д. С., с. 210].

В фондах архива РГИА хранится «план, проект сумэ в честь бурхана Гунрик при Чицановском дацане Верхнеудинского уезда от 5 августа 1911 г.» [РГИА, ф. 1239, оп. 166, д. 84, л. 45].

Согласно прошению об увольнении по болезни от занимаемой должности в архивных источниках имеется в адрес Пандидо хамбо-ламайского духовенства Восточной Сибири (на бланке МВД) распоряжение Военного губернатора Забайкальской области (город Чита) от 5 августа 1911 г. № 5037 за подписью исполняющего делами губернатора, вице-губернатора (подпись): «Канцелярия Иркутского генерал-губернатора от 21 июля 1911 г. № 6913 уведомила, что главный начальник края уволил от 19 июля 1911 г. шэрэтэ Чицановского дацана Ринчин-Агвана Зоргадаева от занимаемой должности, согласно прошению по болезни. Сообщая об этом Вам, Милостивый Государь, для сведения и соответствующих распоряжений прошу отобрать от Зоргадаева диплом на звание шэрэтэ и препроводить таковой мне» [ГАРБ, оп. 1, ф. 84, д. 403, л. 35].

Из документов, касающихся строительства зданий сумэ, сохранилось распоряжение Военного губернатора от 1911 г. о постройке при Чесанском дацане сумэ в честь бога Арья-Баала [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 409, л. 20; Студенчество... С. 21].

В связи с болезнью была удовлетворена просьба шэрэтэ Чесанского дацана Ринчин-Агвана Зургадаева об освобождении от занимаемой должности. До назначения нового шэрэтэ в короткий период с 1911 по 1912 г. исполнял обязанности шэрэтэ Чесанского дацана, возможно до 1913 г., Абида-Ширап Намсараев.

По нашим сведениям, после Абида-Ширапа Намсараева в период с 1912 по 1917 г. шэрэтэ был назначен Будажап Борбоцаев.

По архивным источникам ГАРБ, в 1912 г. мирянином Гэлэгом Шагдаровым было пожертвовано здание сумэ «Гунрик». В конце августа 1912 г. по распоряжению Пандидо хамбо-ламы во всех дацанах был проведен большой торжественный хурал, посвященный 100-летию Победы в Отечественной войне 1812 г.

В одном из донесений шэрэтэ Чесанского дацана было отмечено, что в 1912 г. из Баруун Жуу (Тибет, г. Лхаса) по приглашению шэрэтэ в Чесанский дацан прибыли три святых — Агпа Гэгэн, Минягсан Гэгэн и Гунзэн Гэгэн — для передачи сложных буддийских практик и давали тайные тантрийские посвящения разных божеств буддийского пантеона. В доме местного унзад-ламы Найдана Санданова они в течение трех дней и ночей провели молебен и были приятно удивлены уче-

ностью и глубокими знаниями чесанских лам и хувараков, также уважительным отношением, порядочностью, религиозностью местного населения. Это также отмечено в книге Ц.-Д. Цыренжапова «Чесанский дацан» (с. 13).

В 1912–1913 гг. посетил Бурятию Агпа Гэгэн из тибетского монастыря Гумбум и дал посвящения по тантре в хоринских и селенгинских дацанах, в том числе в Чесанском дацане передал Учение и практику ванн (полное тантрическое посвящение) Ямантаки. Он проводил специальный обряд на разрешение и передачу Учения и ежедневной практики Ямантаки как от более высокого посвященного ламы. Это был второй приезд Агпы Гэгэна в Чесанский дацан. Это обстоятельство придавало значимость Чесанскому дацану — приезд высоких лам из Тибета и Монголии всегда было большим событием для дацанов. Проводились торжественные хуралы с участием местной знати и при большом скоплении прихожан.

Интересна история хуралов во здравие царствующего Дома Романовых, которые проводились в том числе в Чесанском дацане. В феврале 1913 г. Пандидо хамбо-лама Даша-Доржо Этигэлов был приглашен на празднование 300-летия дома Романовых в столицу Российской империи — г. Санкт-Петербург. Делегация во главе с XII Пандидо хамбо-ламой Даши-Доржи Этигэловым была тепло встречена в Департаменте по религиозным делам Министерства внутренних дел. 21 февраля Пандидо хамбо-лама провел торжественный молебен за здравие и благоденствие императора и всего царского дома в Санкт-Петербургском буддийском храме «Гунзэчойнэй». 300-летие царствующего дома Романовых отмечалось в течение всего 1913 г. 22 февраля Пандидо хамбо-лама Даша-Доржо Этигэлов присутствовал на торжественном обеде в честь 300-летия дома Романовых в резиденции царя Николая II. От имени всех бурят, духовных и светских, он произнес поздравительную речь. 19 марта Пандидо хамбо-лама Даша-Доржо Этигэлов, шэрэтэ Цугольского дацана, Бадмаев Гатап, Гомбо и Сокто Бадмажаровы были на личной аудиенции у императора.

По всем городам России в храмах отслужили благодарственные молебны, прошли войсковые парады местных военных гарнизонов, давались торжественные балы, обеды и приёмы губернаторами и градоначальниками, устраивались исторические выставки и народные гулянья. Весной 1913 г. во всех бурятских дацанах прошли торжественные молебны во здравие Дома Романовых, в том числе и в Чесанском дацане.

После начала Первой мировой войны по инициативе Д.-Д. Этигэлова в Верхнеудинске было создано общепобурятское общество, куда вошли 120 духовных и светских лиц, в том числе шэрэтэ всех дацанов. Общество собрало для помощи фронту 130 тысяч рублей, а также продукты питания, обмундирование, медицинские принадлежности и постановило оборудовать в прифронтовой полосе лазарет на 30 тысяч рублей.

Во время Первой мировой войны Пандидо хамбо-лама Д.-Д. Этигэлов вместе с другими ламами был приглашен на поклонение горе Бурин-Хан. Прибыв на место поклонения, Пандидо хамбо-лама вокруг горы насчитал 108 бараньих голов, принесенных в жертву. «Какая жестокая эта гора, прерывает жизнь ста восьми живых существ. Если она хочет есть голову, то на, возьми, ешь мою» («Ямар хатуу хада уула гээшэб, 108 амитанай ами таһалха. Тархи эдихэ гээ хаа, маа, минии тархи эди») — с этими словами он распилил бараньи головы, прине-

сенные в жертву. Ламы, уже приготовившиеся читать молитвы, были потрясены увиденным. С тех пор этой горе преподносили только белую, молочную, пищу. После этого случая хамбо-ламой было направлено циркулярное письмо всем шэрэтэ дацанов о запрещении большого забоя скота для пожертвования на хуралы и другие молебны. Это еще раз показывает его милосердное отношение ко всем живым существам.

Д.-Д. Этигэлов всегда подчеркивал свою верность присяге, данной императору. Это можно назвать традицией бурятского буддизма — видеть в русских монархах воплощение милосердной Белой Тары, женского божества, олицетворяющего добродетельное поведение просветленных существ — мать Будд прошлого, настоящего и будущего.

Среди архивных документов есть список населения по итогам ревизии в Сарантуевском, Верхне-Хилокском и других булуках по состоянию на 1914 г. [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 15].

В марте 1914 г. Пандидо хамбо-лама писал шэрэтэ дацана о своем отношении об исключении из числа православных инородца Улан-Бургасунского рода Харганатской волости Николая Прохорова [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 453, л. 7]. Шэрэтэ отвечает, что является сторонником добровольного принятия решения о вступлении на путь буддийского монаха и оказании всяческой помощи ему в этом случае его обращения в дацан.

В ГАРБ сохранилось донесение шэрэтэ Пандидо хамбо-ламе о сумэ дацана. В донесении от июля 1914 г. написано, что «дацан построен в 1831 г. и утвержден Иркутским губернским правлением от 15 мая 1831 г. за № 11957. Новый построен в 1874 г., в 1885, 1890, 1892 гг. отремонтирован и покрашен. 9 сумэ вместе с дацаном были построены, но из-за ветхости заново были построены сумэ Отошо, Табан Хаан, в 1894 г. Майдари и Аюши, Арья-Баала в 1894, 1911 г. 1907 г. — здание сумэ Дымчог был пожертвован Гончиком Балдановым, в 1912 г. — здание сумэ Гунрик пожертвован гелуном Шагдаровым. Пришедшие в ветхость здания сумэ Очирвани и Хурдэ не реставрированы. Забор построен в 1879 г., сгнил, сейчас заново строят» [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 481, л. 47–48; Студенчество..., с. 21]. Из донесения известно, что в 1914 г. был заново построен новый забор вокруг дацана.

В 1914 г. по приглашению шэрэтэ посетил Чесанский дацан для благословления прихожан и передачи практики Учения из монастыря Лавран Гунчэн гэгэн, находящийся в Кижингинском дацане [Славься... С. 262]. По другим сведениям, Кижингинский дацан посетил «8 августа 1914 г. Гунтэн гэгээн (Жамьян Дамбинима) из монастыря «Лавран Дашичил» и дал посвящения по тантре в хоринских и селенгинских дацанах [Буддийская... С. 24–25].

В этот период Чесанский дацан участвовал в сборе пожертвований по обращению местных властей, Хамбо-ламы, а также Военного губернатора. В архивных документах (ГАРБ) сохранились письма в адрес шэрэтэ Чесанского дацана:

– «Верхнеудинский уездный комитет по устройству и производству сбора пожертвований на воздушный военный флот от 17 октября 1914 г. председателю Чесанского участкового комитета по сбору пожертвований на воздушный военный флот ... Шэрэтэ Чесанского дацана.

Его превосходительство Военный губернатор Забайкальской области, идя навстречу желанием Августейшего Председателя Высочайше утвержденного

особого комитета по усилению военного флота на добровольные пожертвования военного флота, на добровольные пожертвования его Императорского Высочества князя Александра Михайловича, предписанием от 2 июня с/г за № 600 предложил мне организовывать Верхнеудинский военный комитет по сбору добровольных пожертвований на воздушный военный флот, подразделяющийся на участковые местные комитеты.

Журналом заседания Верхнеудинского уездного комитета от 17 сентября с/г, с участием представителя от духовенства благочинного священника о. Иннокентия Тяжелова, постановлено учредить по уезду за участковых комитетов, в том числе и Чесанский.

Председателем означенного участкового комитета постановлено избрать Вас. Сообщая о вышеизложенном, я долгом считаю от имени уездного комитета просить Вас как истинного сына дорогой и великой России принять участие в этом благородном, высокой важности деле и организовать однодневные сборы пожертвований в районы введенного вами дацана. Октября 22 дня сего 1914 г., для чего вместе с сим препровождаю Вам 1 шт. кружки (обратная сторона) 1 щиток, 100 шт. жестяных бесплатных значков, 3 шт. серебряных жетонов ценою в 3 р., 100 бронзовых. Лицам, коими будут приобретены платные жетоны, уездный комитет вышлет Вашему уведомлению свидетельства права ношения таковых.

Сбор должен производиться не менее как двумя лицами на каждую кружку, преимущественно из дамского персонала, кружки должны быть до сбора припечатаны Вашей именной или должностной печатью и печатью местной полицейской власти. Вскрывать кружки после сбора волостной или сельской надволостной или сельской власти. Вскрывать кружки после сбора надлежит также в присутствии местной полицейской волостной или сельской власти, о чем должен быть составлен протокол. Подсчет денег в каждой кружке производится не менее двумя.

Отчет в комитет не позже как 25 октября. За Председателя комитета подпись...» [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 5, л. 00];

– письмо об оказании помощи беднейшим семьям: «Верхнеудинская уездная комиссия комитета Императорского Высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну 17 апреля 1915 г. № 117 г. Верхнеудинск. Господину шэрэтэ Чесанского дацана. Просим организовать для сбора на продажу колоса ржи на обсеменение полей и других сельскохозяйственных работ в помощь беднейшим семьям лиц Верхнеудинского уезда, призванных на войну» [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 17, л. 00];

– письмо на бланке МВД от Военного губернатора Забайкальской области от 18 февраля 1915 г.: «Милостивый Государь! Прилагается для ознакомления печатное обращение Читинского местного отдела, где с достаточной ясностью указаны цель и задачи отдела и, зная Вашу отзывчивость ко всему доброму, хорошему и нужному, прошу как о распространении среди бурятского населения сведений об отделе и его задачах, так равно прошу о принятии посильного участия в этом симпатичном начинании.

Несмотря на целый ряд других раздающихся со всех сторон призывов к такой же благотворительности, все-таки обращаюсь к вам в надежде, что Вы ответите и поможете Читинскому отделу означенного общества облегчить участь

всех тех, кто в силу военных обстоятельств испытывает или будет испытывать нужду в помощи.

Уважающий Вас подпись ...

Протокол.

1-го заседания совещания членов комитета забайкальских бурят по сбору пожертвований на нужды войны, состоявшегося 23 января 1915 г. в г. Верхнеудинск.

Нижеподписавшиеся члены вышеозначенного комитета под председательством Пандидо хамбо-ламы ламайского духовенства Восточной Сибири Д. Д. Итигэлова и при участии почетных бурят их духовенства и интеллигенции, имели суждение о нижеследующем:

1. О командировании в Петроград уполномоченного от бурятского комитета в Забайкалье для организации и открытия там при Буддийском храме лазарета для оказания помощи раненым и больным воинам.

2. Об образовании при лазарете, означенном выше, для общего заведования и наблюдения особой комиссией.

3. О желательности командирования в Петроградский бурятский лазарет старшим врачом коллежского советника и врача П. С. Ямпилова (родом из бурят).

4. О посылке телеграммы Верховному Главнокомандующему с просьбой передачи поздравления участвующим в войне казакам-бурятам и тунгусам Забайкальского казачьего войска по случаю наступления 2 февраля нового года «Цаган-Сары».

При прослушивании означенных вопросов члены комитета постановили по 1-му пункту избрать и единогласно избрали уполномоченным от комитета для организации и открытия в Петрограде Бурятского лазарета в 30 кроватей для оказания помощи раненым и больным воинам цаннито-хамбо Агвана Доржиева. Для оказания содействия г. Доржиеву по организации и открытию лазарета командировать члена комитета коллежского асессора Падмажапова с правом решающего голоса, по чему назначить на путевые и другие расходы по 250 р. в месяц.

По 2-му пункту: единогласно избрать и избрали комиссию при Петроградском лазарете из следующих лиц: профессора О. И. Щербатского; приват-доцентов А. А. Руднева и В. Л. Котвина; д-ра Ю. Д. Талько-Грынцевича, лектора Б. Бардина, г. Л. Жабэ, Шираб-Нимбо Сундуева (он же Сираб-Нимбо Сундуев) и Цырен-Гиунцун Цыренжапова; просит также студентов Р. В. и Б. В. Вампиловых оказать всяческое содействие организации и открытию лазарета имени бурят в Петрограде.

По 3-му пункту: просить председателя комитета Пандидо хамбо-ламу Д. Д. Итигэлова послать военному министру телеграмму с соответствующим ходатайством.

По 4-му пункту: разрешить пункт в положительном смысле и просить [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 5];

– письма в адрес шэрэтэ Б. Борбоцаева от Военного губернатора Забайкальской области от 19 мая 1915 г. № 1124 с просьбой оказать сельскохозяйственную помощь семьям воинов, ушедших на фронт: «Будожалу Борбоцаеву ширетую Чечаноского Дацана. Милостивый Государь Будожал Борбоцаевич! Забайкаль-

ский отдел Комитета Императорского Высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны, изыскиваю средства для оказания сельскохозяйственной помощи семьям воинов, решил открыть подписку среди населения области, надеясь, что оно отнесется к этой насущной безотлагательной нужде с той же отзывчивостью, с какою жертвовали крупные суммы на формирование двух полевых лазаретов, посланных на Кавказские и Западные фронты наших военных действий.

Долг перед родиной обязывает каждого из нас прийти на помощь семьям наших героев при полевых работах, так как многие стоят на краю разорения и без посторонней помощи не могут даже обсеменить свои поля. Нужда громадная — время не терпит. Исполняя поручение отдела, имею честь покорнейше просить Вас, милостивый государь (обратная сторона), помочь мне в этом сборе и предложить прилагаемый лист лицам в районе Вашего жительства. Всякая жертва будет принята с горячей благодарностью. Собранные деньги вместе с подписным листом не откажите прислать мне.

Усердно прося не пренебречь ради святого дела и высокого чувства любви и сострадания к ближним теми тяготами, которые обычно выпадают на долю производящего сбор пожертвования, имею честь просить принять уверение в полном уважении и преданности» [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 5];

– письмо шэрэтэ дацана: «Забайкальский вице-губернатор, председатель Комитета по сбору пожертвований для постройки дома инвалидов имени генерал-лейтенанта А. И. Кияшко ширетую Чицановского дацана Б. Б. Борбоцаеву от 22 сентября 1916 г. № 76: «Милостивый государь Будажап Борцаевич! Среди присутствовавших на банкете в день 35-летия службы в офицерских чинах Военного губернатора Забайкальской области, генерал-лейтенанта Кияшко возникла мысль построить в г. Чита дом для утративших трудоспособность имени Андрея Ивановича Кияшко и тут же было собрано под подписку до 3 000 р.

Дом предназначается служить приютом для воинов, утративших трудоспособность от ран и увечий нынешней войны, а с течением времени, вследствие естественной убыли инвалидов, необходимость в призрении их отпадет, дом будет служить прибежищем для неимущих жителей области, утративших трудоспособность по каким бы то ни было причинам.

Высокая цель, преследуемая задуманной постройкой дома, а также всеобщее уважение, которым пользуется генерал-лейтенант Кияшко, дают уверенность, что в постройке дома для инвалидов пожелают принять участие широкие слои населения области своими пожертвованиями, и поэтому Комитет по сбору пожертвований для постройки дома поручил мне как своему председателю препроводить Вам подписной лист за № 76 и просить Вас оказать широкое содействие сбору денег.

Собранные деньги вместе с подписным листом не откажите препроводить или казначею комитетами, управляющему Читинским отделением Государственного Банка Павлу Федоровичу Веремьеву. Прошу принять уверенность в полном уважении и преданности» [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 5].

В 1915 г. Пандидо хамбо-лама Даша-Доржо Этигэлов, посетив все дацаны, организовал сбор средств. На собранные деньги были приобретены товары повседневной потребности и отправлены к Пасхе на действующий фронт и в госпитали. Кроме того, в прифронтовые госпитали были направлены эмши-ламы во главе с кенсур Пандидо хамбо-ламой Ч. Иролтуевым.

Среди архивных документов также есть список населения Могзонского сомона, относящегося к Чесанскому приходу, по итогам ревизии от 1 декабря 1917 г. [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 17].

Революция 1917 г. расколола буддийское духовенство на «обновленцев и консерваторов», расшатала его устои и в последующем привела к уничтожению дацанов и физическому истреблению священнослужителей. Обновленцам во главе с Пандидо хамбо-ламой Агваном Доржиевым «национально-освободительный и антиимпериалистический характер» Октябрьской революции вселил надежду, они ожидали, что советская власть с ликвидацией национального неравноправия во всех областях обеспечит равноправное сосуществование буддизма наравне с другими конфессиями. Внутренний раскол буддистов власти активно поддерживали и использовали в своих целях.

На территории Кижинги весной 1917 г. были созданы три хошуна: Цаганский — в Чесане, Бодонгутский — в Кижинге, Хальбинский — в Верхней Кижинге (к этому хошуну относилась ст. Бада, ныне территория Хилокского района Забайкальской области).

С 1917 по 1919 г. шэрэтэ Чесанского дацана был рабжа-лама Дамчой Павлов. Во время учебы на хуварака в дацане Монголии он был наречен Жамьяновым Рабжой. Потому на памятной мраморной плите на малой родине в Укурике Забайкальского края на субургане среди 35 имён его имя написано как «габжа-лама Жамьянов Рабжа». Павлов Рабжа (он же Добчин), 1868 г. р., уроженец Могзонского сомона, населенного пункта Орто (в настоящее время Укурик), холост. Был репрессирован, реабилитирован Прокуратурой РБ 22.07.1993 г.

В фондах Музея истории Бурятии хранится «протокол участковой избирательной комиссии», который был «составлен в Чисановском дацане Цаганского хошуна 14 ноября 1917 г.» по выборам членов Учредительного собрания. В протоколе отмечено, что «...выборы членов Учредительного собрания назначены на 12,13,14 ноября 1917 г. по округу Забайкальскому в избирательном участке Чисано-Гольского уезда Верхнеудинского Хоринского аймака, в который входит часть Цаганского хошуна, была назначена участковая избирательная комиссия в составе председателя Цыбигдоржо Эбугунова, секретаря Дондуба Доржиева и членов Жамсарана Вампилова, Дашибыла Эбугунова. Представители от группы, заявившие кандидатские списки: Березовский, Березовская, Басарманова, Гольдберг, Гольдберг, Гершман, Гершман и Иткина... Число действительных голосов оказалось 371 (триста семьдесят один). Во время заседания обстоятельства, препятствующие правильному производству выборов, не возникли ... Во время производства выборов присутствовало не менее трех членов участковой избирательной комиссии, а председатель и секретарь ни разу не отсутствовали одновременно. Настоящий протокол прочитан председателем и одобрен секретарем». Председатель (подпись), члены (подписи), секретарь (подпись) Д. Доржиева и печать [Из собрания...]. К сожалению, списков избирателей не обнаружено.

В государственном архиве сохранилась «Метрическая книга жителей Могзонского сомона» от 1917 г. [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 17, л. 3–17 об], которые относились к приходу Чесанского дацана. С книгой можно ознакомиться на сайте Государственного архива Республики Бурятия www.gbu-garb.ru и на интернет-портале www.soyol.ru в подразделе «Электронная база данных документов

на монгольской письменности из фондов Государственного архива Республики Бурятия».

В 1918 г. на средства прихожан был сделан ремонт дацана в сумэ Гунрик. А. М. Позднеев, посетивший дацан в 1919 г., пишет: «В настоящее время это кумиренное здание представляется совершенно оконченным, хотя обычная кумиренная утварь в него еще не внесена, а потому оно совершенно пусто и стоит без всякого употребления. Таким образом, с постройкою сумэ Гунрика у чисановцев, для совершенного выполнения заветов Пандидо хамбо-ламы Гонбоева, осталось возобновить постройкою еще два новых сумэ, — Арья-Баала и Очир-вани. Чисановцы твердо помнят этот завет и стараются, если возможно, скорее исполнить его, почему весьма вероятно, что они не будут даже ремонтировать своей разваливающейся главной кумирни, прежде чем возведут здания двух этих малых кумирен Очир-вани и Арья-Баала» [ИВР РАН, ф. 44, оп. 1, д. 132, л. 189; Жамсуева Д. С., с. 210].

После шэрэтэ рабжа-ламы Павлова от 1919 до 1920 г. шэрэтэ был назначен Бальжир Ямпиллов. Имел ученую степень габжа-ламы. Лама Ямпилай Бальжир после смерти был признан «хубилганом» (воплощением) божества Ямантаки.

В 1915 г. при Кижингинском дацане, в долине реки Кижинги, в местности Залаата было начато народное строительство Великой Ступы Всевидящего Адибудды — Джарун Хашор, которое продолжалось в течение 4 лет и было завершено 24 июля в 1919 г. Строительство осуществлялось под руководством габжа-ламы Балдандоржо Будаева из рода доргошо Галзут, уроженца местности Шанаа (Доодо Хэжэнгэ), а также Шойдога Нимаева и художника Шойдога Мархадаева. Святыня была подобна Великой ступе «Бодхнатх», находящейся вблизи города Катманду — столицы Непала. По легенде, она была воздвигнута во времена Будды Кашьяпы в III в. до нашей эры. Для исполнения обряда освящения (рамнай) шэрэтэ-ламы пяти хоринских дацанов: Ацагатского, Анинского, Эгитуйского, Кижингинского и Чесанского — поехали приглашать Ганжурва Гэгэна из Цугольского дацана. Обрато «до станции Бада доехали на поезде, оттуда на лошадях к подножию горы Залаата, где был воздвигнут субурган. Около него были поставлены три белые юрты, настелены ковры и дорожки. Гэгэна посадили на сэнти-жууза и подняли на плечи восемь юношей одного роста. А учащиеся Читинской гимназии Аюшын Андан и Шодхойн Анзад (оба из с. Могсохон), Дондой Дэлэг и Шогдойн Будажаб (оба из местности Тураасгай), Хоршын Василий (из Толгой) и другие сопровождали его повсюду. Освящение было проведено в Думы-дугане (шатре), вмещающем более ста человек» [Кижингинский... С. 24–25]. Лама Ямпилай Бальжир принимал участие в освящении ступы вместе с другими ламами и хуваками, прибывшими из 5 дацанов, возглавил обряд Ганжурва гэгээн, приехавший по специальному приглашению из Цугольского дацана. Ганжурва гэгээн, он же Данзан Норбоев, один из бурятских лам, признанный прижизненно «хубилганом». Будучи подростком, в 1905 г. выехал в сопровождении лам из Цугольского дацана в Лавран для дальнейшего обучения в школе цаннита. В 1909 г. отправился для продолжения образования в Тибет, Лхасу, и в 1916 г. по окончании школы цаннита получил звание лхарамбы. В 1918 г. вернулся в Цугольский дацан.

«Хубилган» (перерожденец, тулку) — «это лица, в которых снова воплощаются или перерождаются буддийские божества и бодхисаттвы, снисходящие на

землю, к людям в человеческом обличье, чтобы помочь достичь цели их религиозным усилиям: войти в состояние нирваны, прорвать цепь перерождений, освободить человечество от страданий» [Мир... С. 121]. В бурятском буддизме культ «хубилганов», а также народная вера в «хубилганов» основываются на представлении о перевоплощении или переселении души умершего святого монаха в тело маленького ребенка, как правило, мальчика. Примером тому являются Ганжурва гэгээн, Бидия Дандарон. Также известны ламы, которые были признаны после смерти «хубилганами», воплощениями различных божеств (бурханов), как это имеет место в Чесанском и в других дацанах Бурятии. «Наиболее известны следующие 4 линии бурятских хубилганов (хотя они не являются единственными): 1) линия Норбоева; 2) линия Дандарона; 3) линия Тудупнимы; 4) линия Содоева» [Мир... С. 125]. В статье Ц.-Д. Чимитова, опубликованной в газете «Буряад үнэн» № 243 от 21 декабря 1993 г. «Үндэр солотон биил хэн» отмечено, что «шэрэтэ Зургаадайн Агван, габжа-лама, являлся хубилганом божества Арьяа-Баалы», а также «шэрэтэ Эрдэнийн Ламхай, габжа-лама, являлся хубилганом божества Очирвани». Об этом также пишет Ц.-Д. Цыренжапов в книге «Чесанский дацан» (с. 12–13, 2015). Есть краткие сведения о шэрэтэ Ямпилай Бальжир габжа-ламе, хубилгане божества Ямантаки в книге «Кижинга. Времен связующая нить», изданной в 2011 г. (с. 141), в статье Д. Ц. Цыбиковой «Чесанский дацан “Гандан Чойпэллинг”».

Об этом явлении существует очень мало данных и литературы, включая вторичные источники. Имеющиеся в ограниченном количестве сведения о хубилганах Чесанского дацана окутаны различными преданиями, легендами. Наверно, это связано с тем, что в бурятском буддизме не сложились традиции и правила поиска и установления хубилганов, как это было развито в Тибете и Монголии. В противном случае это явилось бы нарушением установленных норм и правил взаимоотношений царского правительства и буддийского духовенства. Тем не менее в дацанах Бурятии есть свои известные «хубилганы».

После освящения ступы проводились традиционные «Эрын гурбан наадан». «На соревновании по конным скачкам первым прискакал знаменитый по тому времени «хулэг из Чесаны» [Кижингинский... С. 26]. Родная сестра Намжилона Бадмы Намжиловича Долгор Намжиловна, известная учительница, в своих воспоминаниях рассказывала о большом мастерстве обучения лошадей своего знаменитого брата: «В 1919 г. обученный им конь Намжил Хээр (гнедой Намжила) занял первое место среди 70 скакунов на празднике в честь рамнай (торжественного открытия) субаргана Джарун Хашор».

В период с 1920 по 1935 г. шэрэтэ Чесанского дацана был Нимаев Гуро (Гуробазар). Имел ученую степень габжа-ламы, являлся учителем известного Няняа-ламы, Жалсанова Шойжола Доржиевича. Уроженец местности Заха или Дундата Чесанской долины. Находился в должности соржо. Это был самый драматичный период развития Чесанского дацана — революционные потрясения, гражданская война, антирелигиозные гонения и притеснения, период репрессий, аресты, расстрелы и ссылки, попытка сохранить священные книги, культовые предметы, храмовые здания и строения монастырского комплекса, в конечном итоге веру.

Революционные события в Бурятии и в целом по стране не могли не влиять на повседневную жизнедеятельность Чесанского дацана. Вышестоящие ламы дацана непосредственно разделились на обновленцев и консерваторов. В этот пе-

риод в ходе раскола обновленцы одержали верх, а ламы, которые поддержали «балагатское движение» во главе с ламой Найданом Сандановым, вынуждены были уйти из дацана.

В 1921 г. в устье реки Чесан в местности Адагай Шулуута вблизи села Михайловка был построен деревянный, на каменном фундаменте, двухэтажный Челутаевский дуган (Шулуутын дуган, Шулутовский, Челотайский). Шэрэтэ дугана с 1921 по 1935 г. служил сторонник группы консерваторов лама Найдан Санданов [Цыбенков Б. Д., 2001, с. 12]. Это явилось следствием непримиримого раскола среди лам Чесанского дацана на обновленцев и консерваторов. Дуган был построен очень быстро, без разрешения официальных властей и Пандидо хамбо-ламы. По другим сведениям, он был построен в 1919 г.

«Вскоре после этого сторонники балагатского движения покинули Чесанский и Кижингинский дацаны и сосредоточились в Шулуутайском дацане к востоку от Кижинги, который стал главным дацаном балагатов. 8 марта 1920 г. председатель Бурят-Монгольского управления ДВР Ринчино по ходатайству Пандидо хамбо-ламы Цыремпилова выселил лам-бунтовщиков и опечатал новый дацан. Но ламы во главе с вернувшимся из ссылки Найданом Сандановым самовольно сорвали печать и обратно прикочевали туда» [Лубсан Сандан...].

Ламы Чесанского дацана, также как и ламы в других дацанах, практиковали уединенную медитацию или «затворничество» (бүтээл, даяанда нууха). Потибетски затвор звучит как «цам», что в переводе означает установку ограничений, границы. Имеется в виду установление ограничений, за пределы которых выходить нельзя. Затвор по сути является духовной тренировкой. Медитация потибетски звучит «гом», что в переводе означает выработку привычки, привыкание. Существует три уровня выработки привычки: тело, речь и сознание. Соответственно есть три вида «цама», т. е. устанавливаются границы для тела, речи и сознания. Считается, что чем меньше территория цамы, тем эффективнее практика.

Затворы бывают двух видов: строгий и облегченный. По практикам подразделяются на традицию Сутраяны и Тантраяны. Касаясь затворов сознания они делятся на медитацию аналитическую и однонаправленную. В Тантраяне затворы бывают связанные с дыханием или визуализацией. В буддизме существует огромное количество школ, традиций, что можно даже растеряться от обилия всевозможных затворов.

В традиции Тантраяны три составляющие человека: тело, речь и сознание — считаются одинаково важными, взаимозависимыми. Поэтому нельзя говорить, что в затворах есть мелочи, второстепенное. То, что на первый взгляд кажется мелочью, может сыграть в свое время важную роль.

«В строгих затворах каждый день расписан по часам. Затвор разделен на сессии (*тун* потибетски). Минимально закрываются на три дня, бывают и однодневные затворы, чаще на 7 или 15 дней. Новая или убывающая луна имеет некоторое значение в зависимости от конкретной практики. Питание в затворах может быть разным в зависимости от практики, школы. Чаще постятся, т. е. питаются вегетарианской пищей. При некоторых затворах разрешается есть мясо, но только определенных видов и частей. Лучшим считается двухразовое питание: утром и в обед. Если затворник занимается практикой выполнения ста тысяч простираций, тогда нужно питаться хорошо, чтобы хватило сил. Затвор по про-

стираниям не превышает ста дней, т. е. нужно в день делать минимум одну тысячу простираний.

В затворы садятся на определенное количество времени или на определенное количество практик... Необходимо иметь физическую подготовку, хорошее здоровье, уметь принимать правильные позы, иметь надежного, пунктуального помощника, который будет ухаживать, помогать, приносить еду и т. д. При всех буддийских храмах, монастырях обычно бывают маленькие сооружения: медитационные кельи для затворов. Самым доступным затвором является начитка мантр. Чаще всего нужно бывает начитать ее сто тысяч раз».

Цель затворов заключена в привыкании тела, речи и сознания к буддийскому образу жизни. Тело должно привыкнуть питаться, двигаться, дышать, сидеть, лежать, спать так, чтобы была правильная циркуляция энергии и не создавались причины к накоплению негативной кармы. Соответственно речь должна привыкнуть говорить только полезное, доброе, или же мантрами. Сознание должно научиться и привыкнуть думать так, чтобы создавать минимальную карму, а если создавать, то только позитивную. Тело, речь и сознание должны действовать в унисон, все их действия должны быть под контролем. Ум обуздан, речь осознанна, поступки контролируются.

В затворе монах остается наедине с самим собой, собственным сознанием. Считается, что после различных буддийских очистительных методик начинают проявляться всевозможные формы негативной кармы. Чем сильнее медитация, тем глубже её «выкорчевывание». Поэтому строгий затвор свыше 7 дней возможен только при должном отречении от сансары, хорошем знании Учения и тщательной подготовке. Облегченные затворы до 7 дней не представляют угрозы для психики. Затвор — это тяжелый труд по усмирению ума, это годы упорных, трудных тренировок сознания, речи и тела.

Как было написано выше, проводил уединенную медитацию (затвор) в местности Нарин-Булаг шэрэтэ Чесанского дацана Зургаадай, багша-лама. Впоследствии местный аршан (источник), который берет свое начало с Мухар-Шэбэра, прославился как “Зургаадай Багшын аршаан”. По другим сведениям, проводил медитацию в местности Обоото, недалеко на севере от села Загустай Кижингинского района.

По информации Иннокентьевой Намсалмы Жамьяншираповны, дочери гэбшэ-ламы Цыбикова Жамьянширапа Будановича из Чесанского дацана, записанной в марте 2012 г., «ко второй половине 1960-х годов наступило время некоторого послабления гонений... В это время Жамьянширап-гэбшэ увидел сон, в котором Зургаадайн Багша, первый учитель, сердито бросил перед ним заготовки ножей с упреком, почему до сих пор не сделал, после которого он долго мучился вопросом: что же он не сделал, что должен был сделать? Ведь по велению времени внешне как бы отошел, сложил сан, но душой не отступал ни на йоту от учения Будды, помогал людям как мог, порой рискуя. Всем сердцем болел за возрождение религии и немало делал для этого. И Жамьянширап-гэбшэ решил поставить шодон (ступа) на месте, где Зургаадайн Багша сидел (в отшельничестве даяанда, медитировал долгое время, изучая, познавая истину Учения) в местности Обоото, недалеко на севере от с. Загустай (до сих пор почитаемое место). В это благое дело многие вносили свою лепту, кто чем мог, а особенно помогали Цырендондок Чимитов и Будашири Дондоков. Сама ступа была сложена с предосто-

рожностями, с учетом сложного времени в несколько завуалированном виде, в виде обычной печи, а внутри был установлен маленький латунный субурган, символ и «шун» (святая сердцевина). Но... нашелся доносчик. Святое содержимое успели вынуть, запаять в бак для воды, вывести ночью в лес и спрятать в надежде, что наступит ещё хорошее время. Что оно наступит, не сомневались, так как в святых писаниях об этом было сказано, но оставался вопрос: когда?

В это время Цырендондок Чимитов находился на руководящей работе и в связи с этим делом был исключен из рядов КПСС и снят с должности. Будашири Дондоков тоже привлекался, но все обошлось. Самого Жамьянширап-гэбшэ вызывали, выведывали, делали внушение, но для «дела» ничего существенного не нашли...». Осенью 1981 г. гэбшэ-лама Жамьянширап в последние дни жизни возобновил работу по установке субургана, вынужденно приостановленную десятком лет назад, уже тяжело больным руководил процессом. Дондоков Будашири Дармаевич, к сожалению, не могу назвать, кто ещё с ним был, вернул из леса (тайника) святую сердцевину (шун), молодые земляки поместили её внутрь сооружения, напоминающего печь, замуровали, побелили, завершили работу, благое дело, начатое в конце 1960-х годов, буквально в предпоследний день ухода Жамьянширап-гэбшэ. Ушел он успокоенный, с чувством исполненного долга перед Учителем, завершенности дел в жизни. Попросил принести Зургаадайн Багшын гундаа (портрет), покался перед ним и под утро покинул нас [Цыренжапов Ц.-Д., с. 66–67].

Воспоминания моего старшего брата Дагбы Дампиловича Намнанова (1955 г. р., уроженца села Кижинга): «... мальчишками мы бывали на северо-западной стороне от дацана в местности Заха и там в скалистых пещерах находили обломки буддийских атрибутов, по объяснениям дедушки и бабушки, это были места затворничества лам».

В ходе обследования местности, которое организовал шэрэтэ-лама Жаргал лето 2015 г., также было обнаружено место, где проводили медитацию ламы.

Вспоминает о нахождении таких мест в период школьных лет Гыван-лама: «В летнее время с одноклассниками мы ходили по тем местам и обнаруживали обломки буддийских атрибутов, некоторые из нас приносили их даже домой, но под строгим наказом родителей возвращали на прежнее место» (записано автором во время встречи с Гыван ламой Базаровым, сыном бывшего шэрэтэ Чесанского дацана Цыдендамба ламы Базарова, в дацане на Верхней Березовке, г. Улан-Удэ, 8 августа 2017 г.).

Серьёзные последствия для развития Чесанского дацана имели такие переломные моменты в истории развития бурятского ламаизма, как обновленческое движение 1920-х гг., уничтожение дацанов и ламаистского духовенства в 1930-е гг., борьба советской власти против религии и церкви и ответная реакция духовенства, печальные итоги этого противостояния.

Советское государство внешне демонстрировало доброжелательное отношение к буддийской конфессии в целях завоевать поддержку верующих буддистов. Эта поддержка нужна была большевикам для продвижения «мировой революции» на буддийский Восток. Так, местные власти Бурятии способствовали организации съезда буддийского духовенства и мирян 15 октября 1922 г. в Ацагатском дацане. Организатором был Цаннит-Хамбо Агван Доржиев. От Чесанского дацана принимал участие в работе съезда шэрэтэ-лама Гуробазар Нимаев. Это

было важным событием для верующих мирян и буддийского духовенства, которое явилось первым духовным съездом буддистов двух бурят-монгольских автономных областей — Дальневосточной республики и РСФСР, на котором был избран Пандидо хамбо-лама Цынгунжап Баниев [Чимитдоржин Г. Г., с. 117–118]. Съезд прошел под влиянием обновленцев. Он провозгласил модернизацию на обновленческих принципах всех сфер буддийской общины, деятельности и быта духовенства. Итогом бурных дискуссий было принятие важных документов — «Положение об управлении делами буддистов Сибири», «Устав внутренней жизни монашествующих в буддийских хидах Сибири». Был избран высший орган управления — Духовный собор — из представителей лам и мирян. Для постоянной работы был создан Центральный духовный совет в составе 5 человек во главе с Пандидо хамбо-ламой как единый административный орган управления ламаистской церкви Бурятии. Но вскоре эти документы были сняты с регистрации как несоответствующие советскому законодательству.

Состояние раскола между обновленцами и консерваторами продлилось 7 лет. Власть умело использовала в политических целях внутренний конфликт в буддийском духовенстве. В условиях «обострения классовой борьбы с врагами революции» были утверждены в 1923 г. новые «Правила о порядке проведения в жизнь Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви». В мае 1923 г. Бурят-Монгольский обком РКП (б) поставил задачу об «изоляции» буддийского духовенства и преодолении его влияния на массы [Тогмитов Б., с. 24]. В связи с этим власти начали учет и конфискацию имущества буддийских храмов, ужесточили учет уплаты налогов священнослужителями. «Решением Кижингинского хошуна № 2925 от 12 июня 1923 г. была создана специальная комиссия под председательством учителя Кудара-Бурятской школы Рабдана Аюшеева для оценки всего имущества двух чесанских дацанов, среди которых были редчайшие священные книги — 2 комплекта 108 томов Ганжура, 2 комплекта 226 томов Данжура. Имущество двух дацанов начиная со зданий, святых книг, многочисленных статуэток различных божеств, множества молитвенных атрибутов (пиалы, светильники, кувшинчики, сделанные из меди, бронзы, серебра, золота) и других предметов культа имели архитектурную и историческую ценность, составляли внушительную сумму» [История...; Аюржанаева Д., с. 4].

В фондах Музея истории Бурятии хранится письмо с пометкой «срочно» от Хоринского аймачного исполнительного комитета от 20 декабря 1923 г. № 5377 за подписью зав. отделом управления Сункуева и секретаря Ташкинова, делопроизводителя Ирдыниева в адрес шэрэтэ Чесанского дацана: «Отдел управления аймисполкома предлагает Вам к 15 января 1924 г. представить сведения на лам и хуvaraков вверенного Вам дацана по прилагаемым формам в двух экземплярах. Ответственность за правильность составления и своевременность предоставления требуемых сведений персонально возлагаю на Вас. Сведения должны быть представлены на русском языке. Исполнение безоговорочное». Форма списка указана на обратной стороне листа: «Именной список лам и хуvaraков Чесанского дацана Кижингинского хошуна (номер по порядку, фамилия и имена лам и хуvaraков, возраст, место приписки) [Из собрания...]. В связи с тем, что часть лам и хуvaraков Чесанского дацана находилась в «непризнанном» буддийском духовенстве и Пандидо хамбо-ламой Шулутовском дугане, местные власти направили письмо от Хоринского аймачного исполнительного комитета

от 28 января 1924 г. № 1 за подписью заместителя председателя Сункуева и секретаря Ташкинова в адрес шэрэтэ Челотайского дугана и копию шэрэтэ Чесанского дацана. Данное письмо хранится также в фондах Музея истории Бурятии: «Аймисполком предлагает в недельный срок по получении сего представить списки лам и хуvaraков Челотайского дугана, в трех экземплярах каждый на русском языке, точно придерживаясь преподанной ранее формы. Неточное и несвоевременное представление сведений может повлечь за собой привлечение Вас к судебной ответственности» [Из собрания...]. К сожалению, списки лам и хуvaraков обнаружить не удалось.

В 1924 г. вышло постановление ЦИК БМАССР о введении в дацанах «вместо должности шэрэтэ-лам должность председателя дацанского совета, избираемого общим собранием общины дацана». На общем собрании лам и хуvaraков председателем Чесанского дацанского совета был избран габжа-лама Гуробазар Нимаев.

В архивных источниках сохранился «Список недоимщиков по государственным налогам по Чесанскому дацану Кижингинского хошуна», составленный 8 октября 1924 г. К сожалению, из-за отсутствия предыдущих листов невозможно восстановить полный список имен лам и хуvaraков, всего в списке было 240 имён, на сохранившихся листах список начинается с номера 208, заканчивается 240-м номером. Таким образом, можно сделать вывод, что в дацане числилось как минимум 240 лам и хуvaraков-«недоимщиков», сколько всего было в 1924 г. в дацане лам и хуvaraков, неизвестно:

- «208. Борбозуев Будажаб
- 209. Павлов Рабжа
- 210. Гармаев Намдан
- 211. Цыренов Гуробазар
- 212. Гончиков Дамба
- 213. Цыбыков Сандит
- 214. Эрдыниев Жамъян
- 215. Мижитов Доржи
- 216. Цыренов Будашира
- 217. Базаров Сультим
- 218. Шадыпов Ринчин
- 219. Балданов Ширап
- 220. Дашибылов Данзан
- 221. Санжиев Ванчин
- 222. Ешиев Гуробазар
- 223. Цыренов Дулзын
- 224. Лодоев Жамбал
- 225. Иванов Равжа
- 226. Санжитов Норбо
- 227. Ганжуров Гымпил
- 228. Намжуев Жамсо
- 229. Перенгалаев Будажап
- 230. Жамцаранов Доржо Ж.
- 231. Аюшиев Сультим
- 232. Гатапов Дымбрыл
- 233. Дандаров Гуро-Доржи

234. Галсанов Базар-Шоймпол
235. Самбаев Бадмацырен
236. Дамбинов Ширап
237. Будаев Бальжир
238. Цыренов Цырен-Доржи
239. Балданов Цыренжап
240. Нимаев Гуробазар» [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 24, л. 44-47].

Сохранилось письмо в дацком шэрэтэ Чесанского дацана от финансового инспектора Терентьева об уплате подоходного налога ламами дацана за 1925 год (к сожалению, список лам дацана отсутствует):

«Препровождая список (окладную книгу) плательщиков государственного подоходного налога из числа ламского населения за первое и второе полугодие 1925 г., сообщаю дацкому, что весь причитающийся с лам налог по окладным книгам как за первое, так и за второе полугодие подлежит внесению одновременно в течение двухнедельного срока со дня объявления плательщикам окладов налога и сроков уплаты его, а потому дацкому вменяется в непреременную обязанность немедленно по получении сего совместно с представителем хошисполкома созвать общее собрание плательщиков для объявления окладов налога, срока уплаты его и срока обжалования, предложив плательщикам уплатить исчисленные с них оклады в течение двухнедельного срока со дня объявления, памятуя, что подача жалоб или ходатайств не приостанавливает уплаты налога.

Примечание: дацанские комитеты могут внести налог за всех лам из средств дацкома с тем, чтобы затем взысканные налоги погасить путем взыскания с плательщиков.

Все поступающие в уплату налога суммы отмечать по окладным книгам с указанием времени поступления денег, причем на своевременно поступившие оклады пеня не начисляется, а по истечении назначенного двухнедельного срока начислять пеню в размере: за первые две недели просрочки по $\frac{1}{4}\%$ в день и в дальнейшем по $\frac{1}{2}\%$ в день.

Поступления налога, недоимки и пени отмечать в графах 20, 21, 22 и 23 окладной книги: из внесенных сумм после срока удерживать сначала пеню, а затем остатки зачислять в уплату недоимки. Поступления в дацане не задерживать, а срочно сдавать в хошисполком.

Особых окладных листов на имя плательщиков выдаваться не будет, т. к. дацкому высылается список плательщиков. Приложение: список

Финансовый инспектор Терентьев (подпись)

И. о. делопроизводителя Афанасьев (подпись)» [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 24, л. 92].

В Бурятии действие закона, инструкции и правил по отделению церкви от государства и школы от церкви началось с 17 декабря 1925 г., когда высшие органы власти — ЦИК и СНК — республики приняли постановление о проведении в жизнь этого декрета. Кроме этого, на большей части территории Бурятии действовали законы не РСФСР, а ДВР (до 1922 г). По этому декрету ламаистская церковь юридически отнесена к категории частного общества [Герасимова К. М.]. В соответствии с этим постановлением вся собственность дацанов переходит к государству.

ЧЕСАНСКИЙ ДАЦАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В фондах Музея истории Республики Бурятия хранится «Заявка на заготовку дров ламам Чесанского дацана в Кульское лесничество». На обратной стороне списка лам Чесанского дацана написано обращение объездчику № 4 объезда Тобрукину: «На обороте сего представляется персональный список лам Чесанского дацана с указанием требуемого количества дров на 1925/26 г., с оценкой на 55 (пятьдесят пять) р. 69 к., которые предлагается вручить в порядке взыскания и представить в канцелярию Кульского лесничества. Кроме того, взыскание 1 руб 8 к. за оплату лесорубочного билета и гербового сбора, с получением от Вас денег будет выписан лесорубочный билет на имя лам Чесанского дацана. Списание лесов Хоринского аймака: лесничий (подпись) Цынцеров» [Из собрания...]. В списке от 1925 г. всего 29 лам-домохозяев Чесанского дацана:

№п/п	Имя, фамилия хозяев	Рубль	Копейка	Примечание
1	Будьжап Борбозуев	3	71	
2	Бодичирап Цыринов	1	84	
3	Ванчик Санжиев	1	85	
4	Бальжир Будаев	1	84	
5	Ганжуков Гымпил	1	84	
6	Ринчин Чаданов	1	84	
7	Султим Базаров	1	85	
8	Ринчин Ирдыниев	1	85	
9	Гурубазар Нимаев	1	86	
10	Султим Аюшиев	1	86	
11	Цыдыпжап Болданов	1	86	
12	Цыдып-Доржи Цыренов	1	86	
13	Чироб Галданов	1	86	
14	Ровжа Пойвалов (Павлов)	1	86	
15	Гурубазар Цыренов	1	86	
16	Галдан Жамбалов	1	86	
17	Сандиг Цыбыков	1	86	
18	Намдак Гармаев	1	86	
19	Жамса Намжуев	1	86	
20	Ровжа Иванов	1	86	
21	Гылык-Жамса Самданов	1	86	
22	Бадма-Цырен Самбаев	1	86	
23	Жамьян Ирдынеев	1	86	
24	Жамбал Лодоев	1	86	
25	Доржожалсан Жамсаранов	1	86	
26	Будьжап Пирангалоев	1	86	
27	Дулзын Цыренов	1	86	
28	Гурубазар Ишеев	1	86	
29	Данзан Дашибылов	1	86	
Притом гербового сбора за бланк 1 р. 8 к.				
	Итого	55	69	

(Из собрания Национального музея Республики Бурятия).

Общая «численность буддийского духовенства в 1925 г. в Бурят-Монгольской АССР составляла 9 066 человек». В 1925 г. в Бурят-Монгольской АССР количе-

ство буддийских храмов и монастырей было 43 [Ербанов М. Н., с. 36], по другому источнику — 46 [Сводка сведений. № 3]. По количеству лам и хувакаков, дуганов и сумэ Чесанский дацан относился к числу крупных монастырских комплексов.

В конце декабря 1925 г. состоялся Второй всебурятский съезд буддистов Бурятии, в работе которого принимал участие шэрэтэ-лама Чесанского дацана Гуро Нимаев. На съезде выступал с речью Хамбо-лама Агван Доржиев. Были приняты устав Буддийской общины и Положение о буддийском духовенстве Бурят-Монгольской АССР, а также выбраны делегаты на предполагавшийся Всесоюзный съезд буддистов (20 человек от духовенства и 5 представителей мирян). [Чимитдоржин Г. Г., 185 с.].

В положении предусматривалось обеспечение свободы совести и вероисповедания, демократизация управления делами буддистов, развитие духовного и светского образования, открытие новых дацанов с согласия самих буддистов, ограничение роскоши в быту ламаистского духовенства и поборов с прихожан. Эти положения были следствием революционных перемен, нарастающего национально-освободительного движения, выдвигались требования по созданию национальной автономии во главе с законодательным органом, развитию национальной культуры, образования, предоставлению полной свободы вероисповедания. После Февральской революции и установления советской власти в Бурятии начали открываться новые дуганы и духовные школы. Вместе с тем внутри самого духовенства усиливалась борьба между двумя течениями. Обновленцы во главе с Хамбо-ламой Агваном Доржиевым добивались реформирования ламаистской церкви, в свою очередь, консерваторы отстаивали прежние взгляды и подходы, желали сохранить всё по-старому.

На съезде также было принято решение о предоставлении права присутствия в качестве гостей наряду с ламой Кижингинского дацана Ц. Очировым Добчину Доржиеву, который представлял интересы консервативной группы и должен был выступить с докладом. Противоборствующие стороны привлекали на свою сторону своих прихожан. Спорное решение по владению монастырем являлось одним из внешних проявлений между обновленцами и консерваторами. Обновленцы собрали до 600 подписей домохозяев, консерваторы — до 800 подписей юртовладельцев. Заявление консерваторов было отклонено в связи с тем, что вовремя не было оформлено заявление. На это решение аймачного исполкома 60 лам-консерваторов грозились снять с себя сан и провели богослужение в ограде дома одного из лам под сараем [ГАРБ, ф. 1, оп. 1, д. 871, л. 61].

Существование «сарая-дугана» в Ацагатском дацане подтверждает житель села Ацагат Цыренов Юндун: «... мы, не делая различий, молились и в Цогчен-дугане, и в сарае-дугане. Для нас было непонятным такое разделение лам» [Митыпова Г. С., с. 37]. Наступление на дацаны было основано на мерах не только экономического характера, но и идейно-политического воздействия. В соответствии с новыми нормативными налоговыми документами «школа тибетской медицины облагалась земельной рентой в сумме 8 551 р. за участки земли, занятые под школу, больницу и строение для обслуживающего медицинского персонала, учеников и лам» [ГАРБ, ф. 248, оп. 3, д. 127, л. 15, 1932 г.].

В 1926 г. вышел «Циркуляр о правилах регистрации богослужебного и небогослужебного имущества буддийско-ламаистской церкви на основании поста-

новления ЦИК и СНК БМАССР об отделении церкви от государства», с которой началась национализация дацанов и передача их зарегистрированным группам верующих. Сторонники обновленцев, составлявшие меньшинство, сумели организовать быстрее и получили в свое пользование большую часть дацанов по праву первой заявки. В сопровождение циркуляра была издана инструкция всем председателям аймисполкомов с грифом: «Совершенно секретно». При проведении национализации дацанов борьба между обновленцами и консерваторами резко обострилась, что отмечалось на заседании антирелигиозной комиссии Буробкома» [Цыремпилова И. С., с. 95–96]. Несмотря на принятые меры и строгий контроль национализация растянулась на два года и завершилась только в 1928 г. В таблице, «О ходе национализации дацанов: по данным 1926 г.», составленной И. С. Цыремпиловой по материалам ГАРБ из фонда 1-п, д. 955, л. 20–23, в Чесанском дацане верующих «консерваторов» было 30, «обновленцев» — 50 [Цыремпилова И. С., с. 97–98]. Немалая часть священнослужителей оставалась безразличной к проведению реформы и занимала нейтральную позицию.

В фондах Музея истории Бурятии хранится «Извещение о наступлении срока обязательного страхования от огня Чесанскому духовному комитету Чесанского дацана от Бурят-Монгольской конторы государственного страхования от 12 июня 1926 г. № 549 с. Додо-Анинск» с предложением возобновления страхования арендованного имущества БМАССР и находящегося в ведении дацанского комитета, срок которого истёк 8 июня 1926 г.», документ подписан управляющим конторой, агентом, есть приписка от руки: «Внесшим платеж добровольно будет предоставлена большая рассрочка. В противном случае страховые платежи будут взысканы все сразу» [Из собрания...].

В середине 1920-х гг. советская власть перешла к административно-репрессивной политике в отношении религии. В феврале 1926 г. Бурят-Монгольский обком ВКП(б) поручил Совнаркому республики ликвидировать право собственности и статус юридического лица религиозных общин, прекратить «принудительные сборы» со стороны лам и дацанов в отношениях с мирянами, не допускать участия духовенства в воспитании и образовании молодежи. В течение 1927 г. буддийские священнослужители добились отмены призыва в армию, но были лишены избирательных прав, что явилось мерой политического воздействия на буддийское духовенство.

В 1927 г. были приняты постановления ЦИК и СНК республики № 501 и № 502 о ламском землепользовании. До этого постановления ламы, проживающие в дацане, не имели права на землю наравне с другими землепользователями, также были признаны права для лам, проживающих вне дацана. С принятием постановления усиливалось налоговое обложение дацанов и лам с высоким положением. Наркомат земледелия РСФСР от 13 марта 1928 г. в своем циркулярном решении о правах на землепользование служителей культов сделал наделение земель семей священнослужителей почти нереальным. Примерно в конце 1920-х гг. шэрэтэ Чесанского дацана был вынужден закрыть Отошо-сумэ, Домойдуган, где проводились богослужения и лечебная практика эмчи-лам.

В августе 1928 г. в Верхнеудинске был проведен Третий съезд буддистов Бурят-Монголии. Подведены итоги обновленческой реформы. Большинство дацанов было передано обновленцам. От Чесанского дацана участвовал шэрэтэ-лама Гуро Нимаев. На съезде были отмечены «хорошие отношения со светской вла-

стью». Но это оказалось затишье перед бурей. «Были ужесточены налоги на 1928–1929 гг.: в отношении дацанов на здания и строения в размере 2% стоимости; на земельные участки рента в размере 2 копейки с квадратного метра; на лам и хуварак в виде самообложения в размере 200%-ного оклада подоходного налога; подоходный налог, установленный по облагаемому доходу, оклад налога не выше 75% оклада подоходного налога; культсбор определялся в процентах к установленному доходу, по подоходному налогу в зависимости от суммы дохода от 9 до 24%; местные налоги с жилых строений 1,5% по стоимости по страховой оценке. Налоги не учитывали реального получаемого дохода, когда ламы облагались налогом до 2–3 тысяч рублей» [Актуальные... С. 185].

С 1929 г. Союз воинствующих безбожников развернул агрессивную деятельность в соответствии с планами «безбожных пятилеток» (1929–1932 и 1933–1937 гг.), задачей которых было «окончательно покончить с религией. В связи с начавшимися гонениями со стороны государства, отделением церкви от государства были закрыты церкви, мечети, дацаны. Всецело все эти меры коснулись и Чесанского дацана. Особенно невосполнимой была утрата редчайших многотомных собраний священных Ганджура и Данджура на тибетском и монгольском языках в шелковых обложках. Часть культовых предметов была похищена, статуи божеств, изготовленные из цветных и драгоценных металлов, распилены, раскорезаны и выброшены. Ценнейшие и редчайшие книги, письма, уникальные документы сожжены. Множество культовых предметов из драгоценных металлов, буддийские танки, священные книги были вывезены в архивы и музеи Верхнеудинска (Улан-Удэ), Санкт-Петербурга, Москвы.

«В канцелярии дацанов отлагалась различного содержания исходящая и входящая документация. Переписные листы первой всеобщей переписи населения, документы тибетской медицинской школы, циркуляры, предписания, переписка Хамбо-ламы (главы бурятских буддистов) с шэрэтэ (настоятель дацана), годовые отчеты, сведения о расходах и доходах дацана, списки лам, постановления, распоряжения, инструкции Центрального совета буддистов (Национальный архив Республики Бурятия Ф. 84 — «Гусиноозерский дацан», Ф. 522 — «Зугалайский дацан», Ф. 521 — «Цугольский дацан», Ф. 471 — «Хужиртаевский дацан», Ф. 470 — «Кудунский (Кижингинский) дацан», Ф. 459 — «Чесанский дацан», Ф. 443 — «Токчинско-Зуткулейский дацан», Ф. 430 — «Тугно-Галтайский дацан», Ф. 285 — «Эгитуйский дацан»). Это далеко не весь перечень документов, которые хранятся в стенах богослужбных учреждений. Архивы религиозных культов представляют собой уникальные страницы отечественной и всемирной истории. Отдельной строкой следует выделить комплекс материалов Пандидо хамбо-лам как единовластных глав буддийского духовенства [7], шэрэтэ буддийского духовенства Кодунского [8], Чесанского [9], Янгажинского [10] дацанов» [Кучумова О. П.].

В борьбе с дацаном усердствовали и местные органы власти, например, Курбинский сомсовет на своем заседании от 6 ноября 1929 г. принял постановление о категорическом воспрещении продавать ламам, проживающим в дацанах, мясо, хлеб и другие продукты, за нарушение запрета предусматривалось преследование в уголовном порядке по ст. 109, 111 и 112 Уголовного кодекса [ГАРБ, ф. 1, оп. 1, д. 591, л. 11].

ЧЕСАНСКИЙ ДАЦАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В указанный период повсеместно происходил процесс закрытия дацанов по аймакам республики, инвентаризация и передача имущества дацанов в государственную собственность, в том числе культовых предметов в антирелигиозный музей в г. Верхнеудинске. В фондах архива Совета Народных Комиссаров БМАССР имеется опись имущества Агинского, Ацагатского и Чесанского дацанов. Как следует из акта от 3 сентября 1929 г., проведено обследование Чесанского дацана в отношении ремонта и санитарного состояния. Предлагается ремонтные работы закончить до 20 октября 1929 г. В ходе инвентаризации было описано 408 предметов буддийского культа в Цогчен-дугане, в сумэ Табан Хаан и Арья-Баала на общую сумму 9 579 р. 90 к. [Ф. Р. 248, оп. 3, д. 42, л. 36–38].

**Опись имущества молитвенных зданий, находящихся
в Чесанском дацане Хоринского аймака**

Составлено 3 сентября 1929 г. (ГАРБ, Ф. Р. 248, оп. 3, д. 42, л. 38)

Номер по порядку	Наименование и описание предметов	Кол-во
Нижний этаж		
1	Боги «Шампан жин у-а» на синем сатине	1
2	«Намжилма» на синем шелке с белой подкладкой	1
3	«Абида» на белом шелке	1
4	«Отошо» на синем сатине	1
5	«Майдари» на синем шелке	1
6	«Абида» на черном шелке (старый)	1
7	«Душик-суна» на синем сатине	1
8	«Цаган Дара эхи» на разном простом материале	1
9	«Аюши» на синем шелке	1
10	«Дара-эхи» на синем шелке с простой подкладкой	1
11	«Цаган Дара эхи» на синем фоне с ситцевой подкладкой	1
12	«Чидон» на красном шелке	1
13	«Будда» на синем шелке с простой подкладкой	1
14	«Абида» на синем шелке с простой подкладкой	1
15	«Бурхан-бакшид» на синем шелке	1
16	«Отошо» на черном сиртюке	1
17	«Мин-Тугва» на простом ситце	1
18	«Доржи-Жимба» на синем шелке (простой)	1
19	«Арья-Баала» на простом ситце	1
20	«Замбала» на простом ситце	1
21	«Абида» на желтом шелке на простом подкладе	1
22	«Будда» на синем шелке (старый)	1
23	«Мин-Тугва» на синем шелке и красном шелке	1
24	«Арья-Баала» на красном шелке	1
25	«Будда» на синем шелке с красной подкладкой	1
26	«Майдари» на желтом шелке	1
27	«Дади» на шелке разного цвета размером 2 метра	1
28	«Хэнгэрик» (барабан)	1
29	«Ниндар» (шелка разного цвета размером 3,5 метра)	1
30	«Жилсан» на белой простой материи	1
31	«Шираб-сошо» на синем сатине с простой подкладкой	1
32	«Бурхан-Бакшид» на синем шелке с красной подкладкой	1
33	«Майдари» на синем шелке	1

Глава 1. История создания Чесанского дацана

34	«Душик-суна» на синем шелке	1
35	«Абида» на синем шелке	1
36	«Богдо-Зонхово» на синем шелке	1
37	«Мин-Тугва» на синем шелке	1
38	«Дина-Тугва», украшенная для богов шелком	1
39	«Лавари-Шукур» для украшения богов	1
40	«Богдо-Зонхово» на синем шелке	1
41	«Абида» на синем шелке	1
42	«Мяндар» (шелка разного цвета для украшения богов)	1
43	«Майдари» на темно-синем шелке	1
44	«Бадан-Жилсан» (шелка 5-ти цветов)	1
45	«Лабари» (шелка разного цвета для украшения богов)	1
46	«Сэнти» (стол-сиденье Пандидо хамбо-ламы с рисунками, позолоченный)	1
47	«Хадак» (шелк желтый размером 3,5 метра)	
48	«Хадак» поднебесного цвета, шелковый, размером 4 метра	1
49	«Хошилто» из далембы	1
50	«Олбок» (потник, крытый светлым шелком)	1
51	«Хадак» (шелк поднебесного цвета)	1
52	«Олбок» (потники, покрытые разными материалами и обшитые шелком Р/С)	1
53	«Шоиго» (костюм для богослужения «Тырма», материалы заграничные)	1
54	«Дин-а» из коричневого заграничного материала (старый)	1
55	«Лагои» из далембы желтого цвета	1
56	«Намжир» из желтого заграничного шелка	1
57	«Намжир» из желтого заграничного шелка	1
58	Скатерти «Дэбисхэр» из синего шелка	1
59	«Богдо-Зонхово» на синем шелке (старый)	1
60	«Яман-Дага» на синем шелке	1
61	«Жу-шигэмуни» на синем шелке	1
62	«Богдо-Зонхово» на синем шелке (старый)	1
63	«Дара-эхи» на синем шелке	1
64	«Зугдэр-Намжилма» на синем шелке	1
65	«Зонха-Жиджу» на красном шелке	1
66	«Мин-Тугва» на синем шелке	1
67	«Аюши» на синем шелке	1
68	«Цаган-Дара-эхи» на синем шелке	1
69	«Абидын Чингад» на синем шелке	1
70	«Манзо-Шури» на синем шелке	1
71	«Чикурто» на синем шелке	1
72	«Арья-Баала» на синем шелке	1
73	«Цаган-Дара-эхи» на синем шелке	1
74	«Абида» на синем шелке	1
75	«Майдари» на синем шелке	1
76	«Очир-Вани» на синем шелке	1
77	«Донгид-шагбо» на синем шелке, украшен одним хадаком	1
78	«Абида» на синем шелке с простой подкладкой	1
79	«Чихур» на белом шелке	1
80	«Арья-Баала» на синем шелке	1
81	«Майдари» на синем шелке	1
82	«Дара эхи» на синем шелке	1
83	«Бадан-Жилса» на шелке разного цвета	1
84	«Ниндар» из шелка разного цвета (хадаки)	1
85	«Лавари» из шелка разного цвета	1
86	«Абида» на синем шелке	1
87	«Намжилма» на темно-синем шелке	1

ЧЕСАНСКИЙ ДАЦАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

88	«Дара эхи» на синем шелке	1
89	«Арьяа Баала» с большим размером, из заграничного шелка разного цвета	1
90	«Дади» украшения из шелка разного цвета	1
91	«Тушилга» крашен в коричневый цвет	1
92	«Олбоки» (покрыты шелками разного цвета)	1
93	«Дингаг» из шелка разного цвета	1
94	«Олбоки» (покрыты шелками разного цвета)	1
95	«Олбоки» (покрыты простыми материями)	1
96	Ковры, ковер	1
97	Ковер маленький	1
98	«Махаранзо» на темно-синем шелке	1
99	«Тредвин-хорло» на материи, в рамке	1
100	«Сымбрэ-тугэжурьк» на синем шелке	1
101	«Гыбчин-шире» (диван, окрашен в темно-коричневый цвет)	1
102	Стол под бурхана, позолоченный, разного цвета	1
103	«Аягин-шире» (столы, крашенные, разного цвета)	1
104	Медные шашки разной формы	1
105	«Сугсэ» (медные шашки большого размера, посеребрянные)	1
106	«Шире» (столики для богов, покрашенные и позолоченные)	1
107	«Сылга-намсан» с тремя головами, из меди, покрыты хадаками, стоящее «Сумэ», покрашено в коричневый цвет, рамы со стеклом, 5 разных бурханов, позолоченных разными шелками	1
108	«Бадан» из далембы	1
109	Шкаф крашенный, красный	1
110	Боги «Ногон Дара эхи» на темно-синем шелке с белой подкладкой	1
111	«Богдо-Зонхово» и другие, всего 24 божества, находятся в большой раме со стеклом, покрашены в коричневый цвет, под рамой позолочено, шелка разного цвета	1
112	«Сышин» (чашка медная)	1
113	«Сан» (чашка медная)	1
114	Шкаф большой, крашенный в красный цвет	1
115	«Бичхур» (дудки медные)	1
116	«Мандал» медный	1
117	«Найдан-жидун» в большой раме со стеклом, покрашен в коричневый цвет, позолочен, шелка разного цвета (боги медные и серебряные, всего 41 шт.)	1
118	Чайник сабдур и бумба медная	1
119	«Хонхо» медный для богослужения	1
120	«Очир» для колокола	1
	Верхний этаж	
121	Шкаф покрашенный, коричневый	1
122	«Сымин» медный для богослужения	1
123	«Сан» медный для богослужения	1
124	«Бумба» медный для богослужения	1
125	«Тодбо» медный для богослужения	1
126	«Хэнгрик» (барабан для богослужения)	1
127	«Майдари» на синем сиртюке	1
128	«Огошо» на черно-синей материи	1
129	«Абида» на черной бязи	1
130	«Цаган-Чикурто» на простом материале синего цвета	1
131	«Аюши» под большой рамой, на синем шелке с белой подкладкой	1
132	«Шадар-хорчин» на синем шелке с красной подкладкой	1
133	«Дал-са» на простой черной материи	1
134	«Няндар» (хадаки шелковые)	1
135	«Олбоки» (покрыты простой материей)	1
136	Стол «Аягин-шире» крашенный	1

Глава 1. История создания Чесанского дацана

137	«Намнан-Гарбу» на синем шелке	1
138	«Жамьян» на черной простой материи	1
139	«Богдо-лама» на желтом шелке	1
140	«Жамсаран» на черной простой материи	1
141	«Арья-Баала» на синей простой материи	1
142	«Намжилма» на красном шелке	1
143	«Цаган Дара эхи» на синем шелке с красной простой подкладкой	1
144	«Ниндар» (хадаки из шелка разного цвета)	1
145	«Цаган Дара эхи» на черной простой материи	1
146	«Арья-Баала» на синем шелке (старый)	1
147	«Абида» на коричневом шелке	1
148	«Аюши» на синем шелке	1
149	«Тахил» для богослужения	1
150	«Бурхан-багши» на синем шелке (порванный)	1
151	«Богдо-Зонхово» на синем шелке	1
152	«Очир-Дара» на желтой простой материи	1
153	«Абида» на разном простом материале	1
154	«Дорсом» на разном простом материале	1
155	«Очир-Вани» на простом синем материале	1
156	«Арья-Баала» на простом синем материале	1
157	Чашки медные разной формы	1
	<i>В деле отсутствует одна страница — нет номеров 158–216</i>	
217	Скамейки крашенные в красный цвет	1
218	Стол «Аягин-шире» (покрашены в разные цвета)	1
219	«Олбоки» (покрыты разными материалами)	1
220	Чайник «Гусь» эмалированный	1
221	«Хунык» (ведро)	1
222	Чашки «Сухсо» медные	1
223	Лампа висячая	1
224	«Мандала» медный, разукрашен в красный цвет	1
225	«Бадан-Жилсан» из разных шелков	1
226	«Хадаки» из шелка разного цвета	1
227	«Гандан» из дерева	1
228	«Хадаки» из шелка разного цвета	1
229	«Лавари» из шелка разного цвета	1
230	«Дамжин» на шелке разного цвета	1
231	«Лхамо» на синем шелке	1
232	«Яман-Дага» на синем шелке	1
233	«Бурхан-Бакши» на синем шелке	1
234	«Ломба» на черной простой материи	1
235	«Шогджол» на синем шелке	1
236	«Намсарай» на черном шелке	1
237	«Богдо-Зонхово» в маленькой раме, покрашен в коричневый цвет	1
238	«Сугсэ» чашки медные	1
239	«Годбо» медные	1
240	«Хонсо» для богослужения	1
241	Столы «Аяги-шире», крашенные в разные цвета	1
242	«Олбоки» (покрыты простыми материями)	1
243	Чаны «Тогон» чугунные	1
244	Чаны «Тогон» на 10 ведер чугунные	1
245	«Хунык» ведро	1
246	Таз простой	1
247	«Ниндар» (хадаки из шелка разного цвета)	1
248	«Олбоки» (покрыты разными материями)	1

ЧЕСАНСКИЙ ДАЦАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

249	«Гредбин-Хорло» в раме	1
250	Столы «Аягин-шире» крашеные	1
251	Столы большие крашеные	1
252	Бойпур крашенный	1
253	Диван «Чиблин шире», окрашен в красный цвет	1
254	«Бадан-Жилсан» из разного шелка	1
255	«Лаври» из шелка разного цвета	1
256	«Либон-шойдон» в раме	1
257	«Синтиб» окрашенный в коричневый цвет	1
258	«Олбоки» из разного шелка	1
259	«Хадык» из шелка разного цвета	1
260	«Ниндан шогони» на синем сатине с простой подкладкой	1
261	«Лыгдре-ма» на синей материи	1
262	«Зандан-Жуу» в рамке на бумаге	1
263	«Арья-Баала» на простом белом материале	1
264	Поварешка «Шанага» простая	1
265	«Бумб» медный	1
266	Ложки «Халбага» серебряные	1
267	«Голи» медный	1
268	«Хадаки» на шелках разного цвета	1
269	«Ниндар» из шелка разного цвета	1
270	«Лаври баданжилкан» из разных шелков	1
271	«Жинчан» шелковый, разного цвета	1
272	Скатерть «Ширен дэбисхэр» шелковая (старая)	1
273	«Бадан» из простой желтой материи	1
274	«Дон-Буре» (дудки)	1
275	«Гусэ» (чайник эмалированный)	1
276	«Боготур» медный	1
277	«Кучига» (занавески из красного материала)	1
278	«Магда-самин-донкид» в рамке, покрашен в коричневый цвет	1
280	Стол русский, окрашен красной краской	1
281	«Сугсэ» (чашки разной формы, медные)	1
282	«Мандал» медный разукрашенный	1
283	Шкаф (окрашен в красный цвет)	1
284	«Майдари» в большой раме со стеклом, покрашен коричневым цветом. Майдал 4 шт., посеребренные, божества, 34 шт., разукрашенные шелками разного цвета. Медяши посеребренное (металл)	1
285	«Найдан» на синем шелке	1
286	«Шампран жин-у-а» на синем шелке	1
287	«Зообо жуни» на синем шелке	1
288	«Гобил-са»	1
289	«Ванчик-журык» на темном шелке	1
290	«Аюши» на красном шелке	1
291	«Шагдар» на синем шелке с красной подкладкой	1
292	«Арья-Баала» на синем шелке	1
293	«Манзо-Шури» на синем шелке	1
294	«Гунгрик» на белом шелке	1
295	«Гомбо» на желтом шелке	1
296	Шкаф крашенный, красный	1
297	«Богдо Зонхово» на синем шелке с простой подкладкой	1
298	«Харанга» медное	1
299	«Ямандага» на красном шелке	1
300	«Гонгор» на черном простом материале	1
301	«Тахал» на синем сатине	1

Глава 1. История создания Чесанского дацана

302	«Шойжил» на синем шелке	1
303	Занавеска большая из простого материала	
304	«Жилхор» в красной рамке	1
305	«Сомон», украшен разными шелками	1
306	«Гомбо» в рамке, металлический, медный, разукрашен шелками разного цвета	1
307	«Гун-а» на синем шелке	1
308	«Лугда-газох» из дерева, покрашен золоченым цветом	1
309	«Гонгор» (дудки)	1
310	«Хадак ниндар» (разные шелка)	1
311	«Лаври» из разного шелка	1
312	Чашечки разной формы, медные	1
313	«Хонхо» (колокол медный)	1
314	«Хэнгэрик» (барабан)	1
315	«Сан» медный	1
316	«Тогбо» медный	1
317	«Бумба» медный	1
318	Стол «Аягин-шире» крашенный в красный цвет	1
319	«Олбоки» (потники, покрытые разными простыми материалами)	1
320	«Диважин» в большой круглой раме, разукрашен разными шелками, позолоченными и серебряными материалами	1
321	«Олбоки», покрытые разными простыми материалами	1
	Табан Хаанай сумэ	
322	Хадаки разного цвета, шелковые	1
323	«Цаин-цагай-мянган-бурхан» на простом материале	1
324	«Гун-а» на красном шелке	1
325	«Майдари» на красном шелке	1
326	«Бурхан-Багши» на синем шелке	1
327	«Ногон-Дара-эхи» на синем шелке	1
328	«Отошо» на простом материале	1
329	«Аягин-Шире» покрашен в коричневый и красный цвета	1
330	Стол «Бандаб» большой, окрашен в красный цвет	1
331	«Лаври» из простого материала, черный	1
332	«Сугсэ-.....» (чашки медные для богослужения)	1
333	«Аюши» в раме, покрашен красной краской	1
334	«Арья-Баала» на синем шелке	1
335	«Табан Хаан» на синем шелке	1
336	«Аюши» на синем шелке	1
337	«Лаври» на разноцветном шелке	1
338	«Манзо-Шури» на простой синей материи	1
339	«Зонхово» на синем шелке	1
340	«Абида» на синей простой материи, старый	1
341	«Чикурто» на синем шелке	1
342	Чайники медные большого размера	1
343	Чайники медные среднего размера	1
344	Чайники медные малого размера	1
345	Шкаф (окрашен красной краской, небольшого размера)	1
346	«Ди..... из шелка на простом подкладе	1
347	«Дэбисхэр» старый, шелковый, с подкладом	1
348	Фонари	1
349	«Наста» (чашки серебряные большого размера)	1
350	«Наста» (чашки серебряные малого размера)	1
351	«Сугсэ» (чашки медные большого размера)	1
352	«Сугсэ» (чашки медные среднего размера)	1

ЧЕСАНСКИЙ ДАЦАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

353	«Сугсэ» (чашки серебряные малого размера)	1
354	«Госто» большого размера, медный	1
355	«Наста» медные, малого размера	1
356	«Наста» медные, среднего размера	1
357	«Бумбэ» медный	1
358	Божества разные на синем шелке	1
359	«Бадан-Жилсан» из шелка разного цвета	1
360	Шкаф простой	1
361	«Хэнгэрик» (барабан)	1
362	Харанга медные	1
363	«Сылин» медный	1
364	«Сан» медный	1
365	Поварешка простая	1
366	«Майхан» (палатка из простой материи)	1
367	Лампа висячая	1
368	Барабан на тележке	1
369	«Л. бан» на телеге на 4-х колесах, крашен красной краской	1
370	Чаша «Тогон» чугунная	1
371	«Ногоон-морин» (конь зеленый, дерево, на 4-х колесах)	1
372	«Бадан-Жилсан» шелка разного цвета	1
373	«Хоик» железный, из стали	1
374	«Самба» на красном шелке	1
375	«Дамдин» на разном шелке	1
376	«Табан Хаан» на разном простом материале	1
377	«Дамжин» на разном простом материале	1
378	«Шагдар» на синем шелке	1
379	«Ямандага» на простом желтом материале	1
380	«Балсамбабо» на синем шелке	1
381	«Жилхор» на черном простом материале	1
382	«Дамдин» из дерева, покрашен красной краской, под стеклом	1
383	Чашки «Сугсэ», серебряные	1
384	Чашки «Сугсэ», медные	1
385	«Лаври» из шелка разного цвета	1
386	«Бичхур» (дудки серебряные)	1
387	«Сугсэ» (чашки серебряные)	1
388	«Гандан» серебряный	1
389	«Бадан-Жилсан», шелковый	1
390	«Голсур» медный	1
391	«Яшмы» костяные	1
392	«Хадаки» из шелка разного цвета	1
393	Сахарница серебряная	1
394	Сахарница стеклянная	1
395	«Богдтур» медные	
396	«Лхамо» в раме под стеклом, окрашен красной краской, весь разукрашен шелками, «Лхамо» медный	1
397	Чаны на 40, на 13 и на 14 ведер	1
398	Чайники медные	1
399	Ведро простое	1
400	Поварешка старая	1
401	Ковшики большие	1
402	Чаны по 20 ведер	1
	Маанин сумэ (Арья Балын)	
403	«Арья-Баала» медный, в рамке, окрашен красной краской, под стеклом	1
404	Боги разные на простых материях	1

Глава 1. История создания Чесанского дацана

405	«Бадан-Жилсан» шелковый, разного цвета	1
406	«Олбоки» (потники, покрытые простыми материями)	1
407	Чашки и чайник медные	1
Всего на сумму 9 579,90 р.		

Итого имущество Чесанского дацана: девять тысяч пятьсот семьдесят девять рублей (9579) 90 копеек. *Председатель Комиссии »*

Как видно из описи, в дацане уже нет многих культовых предметов, священных книг. По всей видимости, в целях сохранения ценные книги, вещи и предметы до инвентаризации были вывезены из дацана, перепрятаны ламами, выданы для хранения доверенным лицам до лучших времен. Именно в 1929 г., будучи в командировке, Хоца Намсараев привез из Чесанского дацана тома бесценного рукописного Ганжура на монгольском языке и сдал в Буручком в г. Верхнеудинске. Не сохранились описи имущества в других дуганах и сумэ.

Постановление бюро Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) от 22 марта 1930 г. по вопросу об обложении лам ещё больше усугубляло состояние священнослужителей. Все эти меры носили целенаправленный характер, подрывали экономическое положение буддийских монастырей, расшатывали устои духовенства, его хозяйственные и административные структуры. В фондах Музея истории Республики Бурятия сохранились два извещения: «Извещение № 214 на уплату аванса в счет подоходного налога на имя ламы Чесанского дацана Цыренжапа Ванчикова» с указанием срока уплаты 1 апреля 1931 г. в размере 9 р. 50 к., со штрафом 3 рубля; 1 июля 1931 г. в размере 9 р. 50 к.; 1 октября 1931 г. в размере 9 р. 50 к.; «Извещение № 218 на имя ламы Чесанского дацана Жамбалова Бадма-Доржо», с теми же сроками оплаты, но в размере 16 р., со штрафом 3 р.

Извещения скреплены печатью и подписью инспектора прямого налогового участка. На балансе извещения с правой стороны написаны 6 пунктов Правил платежей, порядок оплаты штрафов и пени, порядок обжалования, отметка о вручении, дата и подпись налогоплательщика [Из собрания...]. По всей видимости, указанные извещения были выписаны всем ламам и хуваракам Чесанского дацана в соответствии с представленными ранее аймачным властям списками лам и хуvaraков.

В сложных условиях Чесанский дацан продолжал свою деятельность. Поэтому из дацана уходили хувараки и ламы низших сословий, сокращалось число обучающихся хуvaraков, усиливались гонения и преследования по политическим мотивам. В начале 1930-х гг. центральные власти выступили с критикой антибуддийской работы на местах. В 1933–1934 гг. власти Бурятии начали наступление по всем направлениям по принудительной ликвидации буддийской конфессии в республике. В мае 1933 г. было ликвидировано несколько дацанов насильственными методами. Пропагандистская работа считалась проявлением «мягкотелости», и в 1934 г. было принято решение сократить издание антибуддийской литературы, в том числе журнала «Эрдэм ба шажан». В декабре 1935 г. на V пленуме обкомом республики провозглашались лозунги и призывы о «повышении боеспособности ... по борьбе с влиянием ламства и дацанов». В таких условиях оставаться в дацанах для лам и хуvaraков становилось опасным. Притеснения и

гонения, изъятие имущества лам и дацанов, аресты и высылки стали обыденным явлением.

В докладе заместителя Председателя БурЦИК Маслова за 1933–1934 гг. отмечено, что резко сократилось количество совершения религиозных треб вне дацана, посещение дацанов прихожанами, сократилось количество эмши-лам, лекарственные травы были под запретом. Местные власти запрещали проводить похороны по церковным обрядам.

В связи с этим 5 мая 1934 г. Хамбо-лама Агван Доржиев был вынужден написать жалобу члену Президиума ВЦИК тов. П. Т. Смидовичу о перегибах и бесчинствах местных властей, оскорблениях и дискредитации священнослужителей. Тем не менее преследование лам и уничтожение дацанов продолжались. Итогом антирелигиозной политики власти, гонений и репрессий в отношении представителей буддийского духовенства является резкое сокращение количества лам и хуваракон: в 1914 г. — 13 446 человек, в 1935 г. — 1 200 чел., оставалось 27 дацанов из 44 [ГАРБ, ф. 248, оп. 3, д. 19, л. 4].

В Бурятии с 1925 г. с началом действия закона об отделении церкви от государства от 1918 г. был нанесён значительный урон буддийской религии, что явилось фактическим разрушением духовной культуры бурят. Веками созданные и накопленные духовные ценности были разрушены и уничтожены за короткий период. Из 47 действующих дацанов и дуганов в начале века практически ничего не сохранилось. 1 864 высокообразованных учёных ламы были отправлены в тюрьмы, ссылки, на каторжные работы, сотни расстреляны. Например, в Анинском дацане «в 1916 г. высших лам было 6 человек, габжа — 103, гэбшэ — 206, хуваракон — 262, эмши — 12, гурэмши — 39, абаралчи — 3, всего 620 человек», «в 1925 г.: высших лам было 6, габжа — 90, гэбшэ — 180, хуваракон — 120, эмши — 9, гурэмши — 39, абаралчи — 3, всего 446 лам», «в 1934 г.: высших лам было 1, габжа — 62, гэбшэ — 66, хуваракон — 5, эмши — 1, гурэмши — 39, абаралчи — 1, всего 135 лам. Эти 135 лам разделены на группы: обновленцы — 36 лам, из них трое — хуваракон, гэбшэ — 17, габжа — 16; нирванисты — 99 лам, из них два хуваракон, гэбшэ — 64, габжа — 33, из них девять человек — гурэмши, и один эмши. Этот список правдиво отражает реалии того времени» [Нацов Г.-Д., с. 27]. По Эгитуйскому дацану Г.-Д. Нацов пишет: «... 8. В начале 1934 г. шэрэтэ стал габжа Намсараев Чойдор, лама-лекарь. Должность шэрэтэ он занимает до сего дня, живет в Эгите. 9. Раньше в 1910-х гг. здесь было более 600 лам, сейчас постоянно при дацане находится более 150 лам ...» [Нацов Г.-Д., с. 37]. По сведениям совета Кудунского (Кижингинского) дацана, «в 1920 г. было 254 ламы старше 20 лет, в 1925 г. — 157, в 1930 г. — 137, в 1932 г. — 119, в 1933 г. — 111, в 1934 г. — 99. До 1931 г. были ламы моложе 20 лет, но их не включали в список дацанских лам. После 1931 г. лам моложе 20 лет уже не было. Из этих 99 лам: гэбшэ — 39, габжа — 44, эмши — 1, гурэмши и абаралчи-лам не было» [Нацов Г.-Д., с. 28].

О последнем хурале в Чесанском дацане известно по информации Иннокентьевой Намсалмы Жамьяншираповны, дочери гэбшэ-ламы Цыбикова Жамьянширапа Будановича, записанной в марте 2012 г., ее отец с 10 лет был хуваракон Чесанского дацана, защитил высокое звание гэбшэ в Цугольском дацане (школа цанид и школа буддийской иконописи «лун») и служил в Чесанском дацане до его закрытия: «... Перед закрытием отслужили хурал «Диваажин», о чем поведе-

ла бабушка Цыренбазарова Дымит-Намнан Раднаевна». Также об этом пишет в книге о Чесанском дацане Ц.-Д. Цыбикжапов: «... Напомним, что в 1934 г. состоялась последняя служба хурала «Диваажин»...» [Цыренжапов Ц.-Д., с. 61, 67]. По всей вероятности, это был последний большой хурал «Диважан», проведенный в Диважан-дугане в 1934 г. до официального закрытия дацана в 1938 г.

По указанию местных властей в 1936 г. Чесанский дацан и Шулутовский дуган были закрыты. К этому времени многие ламы были арестованы, сосланы в лагеря, расстреляны. Немногим удалось бежать за границу. Оставшиеся были вынуждены отречься от своих религиозных убеждений, снять с себя монашеский обет, одевание и стать простыми мирянами. Официально было запрещено заниматься религиозной деятельностью. К 1940 г. в Бурятии не осталось ни одного действующего буддийского храма или монастыря. Если в 1925 г. численность буддийского духовенства в Бурятии составляла 9 066 чел. [Ербанов М. Н., с. 36], то уже в 1936 г. осталось 900 чел. [Кандидов Б., с. 10].

С 1 января 1937 г. на месте дацана обособилась машинно-тракторная станция (МТС), дома лам и хувааров были переоборудованы под общежития, конторы. Для чистки деталей тракторов в бригадах использовались листы книг, хранившихся в дацане [Студенчество... С. 21–22]. Станция должна была обслуживать 12 колхозов. Сюда стали приезжать специалисты, люди из других сел, так, в 1936 г. образовалось село Чесан.

Весной 1937 г. здания Чесанского дацана были разобраны и перевезены в с. Булак, а также в с. Михайловка были построены школа Верхнего Кодуна и дома для учителей. В этой школе проучились многие поколения детей, начиная с села Хуртэй вплоть до села Могсохон, и получили путевку в жизнь. В большом красивом здании Жуд-дугана открыли клуб, библиотеку. 1 апреля 1937 г. пришли первые колесные трактора и из них сформировали 10 тракторных бригад (в селах Улзыто, Загустай, Губээ. — Д. Н.). Некоторые здания дацана были переделаны под общежитие для механизаторов. Были открыты курсы трактористов.

После ликвидации остатков и обособления МТС на месте дацана постановлением Президиума Верховного Совета БМАССР № 7 от 31 июля 1938 г. Чесанский дацан был официально закрыт, в том числе Шулутовский дуган на северо-западе с. Чесан Кижингинского района. Кроме фундамента Цогчен-дугана и некоторых зданий на месте прежнего дацана ничего не сохранилось. В настоящее время жителями обнаруживаются обломки культовых предметов алтаря и железные, медные и глиняные куски и обломки.

Всё конфискованное имущество дацанов вывозилось в Верхнеудинск в Антирелигиозный музей. В 1938 г. В. Д. Якимов (ученый секретарь Монгольского кабинета г. Санкт-Петербурга) предлагал в своем отчете «передать все дацанское имущество учреждению, которое только и могло бы обеспечить сохранность и дальнейшее освоение дацанских сокровищ, — АН СССР», «Культовые фонды, их собирание, распределение, изучение и т. д. необходимо сосредоточить в ЦАМ в Москве, а фонды книжные и рукописные — в Ленинградском институте востоковедения» [Синицын Ф. Л., с. 466]. Таким образом, самые ценные культовые предметы дацанов были вывезены в фонды музеев Москвы и Санкт-Петербурга.

В середине 1970-х гг. здание Жуд-дугана было разобрано и пушено на дрова [Цыренжапов Ц.-Д., с. 15–16; Кижинга..., с. 142]. «Это было сделано примерно в 1970–1971 гг. по решению местной власти, директором совхоза «Чесанский»

тогда был Черкал Иринчеевич Бардунаев и секретарем парткома — Илья Николаевич Рубцов» [Цыбикова Д.].

По информации Владимира Иммануиловича Авдеева (в настоящее время проживает в г. Улан-Удэ, уроженец с. Михайловка, записано с его слов в марте 2017 г.), выпускника Михайловской СОШ, «деревянное здание Цогчен-дугана, которое простояло до середины 1970-х гг., и другие здания Чесанского дацана по распоряжению сверху были разобраны и пущены на дрова».

В истории Чесанского дацана есть много интересных событий и легенд, связанных с известными ламами и святынями дацана. Заслуживает особого интереса факт наличия у дацана священной реликвии, по своей исторической, художественной, культурной ценности сравнимой со статуей знаменитой Зандан Жуу Эгитуйского дацана. Из архива Г.-Д. Нацова «Сведения, извлеченные из материалов, которые собирались с 1935 по 1937 год» (опись 3, № 45) известно, что «в Чесанском дацане находится статуэтка будды из красного сандала размером с пятилетнего ребенка. Этот будда был привезен китайскими монахами (хуу шанг) вместе с эгитуйским Зандан Жуу. Так как эгитуйский и чесанский ламахаи во время посещения Пекина оба намеревались приобрести Зандан Жуу, то этого сандалового будду передали в Чесанский дацан. Находится он там сейчас или нет, не известно. Каково происхождение этого будды? Говорят, что это очень редкий будда. Он в свое время был святыней (шутээн) тибетского царя Сронцзан гамбо. Эти сведения получены от Занаева Жамсо из Кижинги» [Нацов Г.-Д.].

Это еще одна статуя Зандан Жуу, которая была установлена в алтаре Цогчен-дугана. О первой из них мы писали выше: позолоченная, из бронзы, высотой 25–30 см, подаренная дацану гелун-ламой Будажапом Борбоцаевым и его друзьями в 1898 г. Эти бесценные священные статуи Зандан Жуу впервые нашли свое долгожданное подтверждение из архивных источников ГАРБ и известного исследователя истории бурятских дацанов, бывшего ламы Генин-Дармы Нацова.

«В настоящее время продолжается поиск этой буддийской святыни в фондах музеев и в архивных источниках. Возможно, ламы Чесанского дацана спрятали святыню «до лучших времен» в период, когда изымали имущество дацанов в 1930-е гг. Есть неподтвержденные сведения из воспоминаний старожилов села Булак Кижингинского района о том, что трое лам Чесанского дацана по решению шэрэтэ, узнав о предстоящей конфискации имущества, на телеге вывезли в ночь эту святыню вместе с другими культовыми предметами и спрятали на северо-западе в лесу на вершине холма в местности Заха недалеко от Чесанского дацана. Несколько раз были предприняты попытки поисков, но безрезультатно», — рассказывает шэрэтэ Чесанского дацана Жаргал-лама.

В статье С. Д. Сыртыповой, Х. Ж. Гармаевой, А. А. Базарова «Буддийское книгопечатание Бурятии XIX — нач. XX в.» подробно описывается судьба имущества дацанов. В результате многочисленных обращений А. Доржиева, А. И. Герасимовой и других образованных людей в руководящие органы страны о необходимости сохранения культурно-исторических памятников в 1939 г. была создана комиссия Академии наук СССР [Дандарон Б. Д., с. 131–143].

В отборе экспонатов для музеев и научных учреждений Академии наук от Института востоковедения АН СССР принимал участие Евгений Михайлович Залкинд, который в своем «Отчете об обследовании дацанов БМАССР в 1939 г.» писал: «Руководящие органы Бурят-Монгольской АССР допустили расхищение

и уничтожение больших культурных и материальных ценностей и нередко принимали принципиально неправильные решения по отношению к пережиткам ламаизма».

«... Уже осенью 1939 г. начала свою работу экспедиция АН СССР, и руководители сельских советов на местах были обязаны способствовать работе и организовать планомерный сбор, упаковку и сдачу имущества дацанов участникам экспедиции. Членами экспедиции был осмотрен 21 дацан из 42 учтенных; согласно их заключению, «остальные дацаны либо вовсе давно не существовали, либо имущество в них было вывезено или ликвидировано, а здания использовались местными организациями (например, военными)». Осмотрены следующие дацаны БМАССР: Янгажинский, Онинский (Анинский), Кижингинский, Чесанский, Ацагатский, Эгигуевский, Кыренский, Хойморский, Хандагатайский, Баргузинский, Галтайский, Хохюртаевский, Санагинский, Дэристуевский, Цонгольский, в Агинском национальном округе Читинской области: Агинский, Цугольский, Токчинский, Хужуртайский, Ульханский, Гуновский».

«Таким образом, от Эгигуйского сельского совета было принято «ящиков и сундуков в количестве 42, заполненных, упакованных предметами ламского обихода, книгами, одеждой и бурханами, 2 ящика незаполненных, с книгами на монгольском и тибетском языках, курительницами медными, печатными досками и печатным станком (сломанным), состоящим из рамы, двух валиков для накатки и одного с текстом молитвы и другими предметами, которые были взяты «навалом, ввиду отсутствия на месте упаковочного материала».

«Из имущества Кижингинского дацана собрано «книг 114 штук, икон 141 штука + 1 подставка, бурханов 241 штука (из них глиняных 5, деревянных 12, остальные медные), трубы, раковины и т. д.; в Хандагатайском дацане книги не зафиксированы, судя по описи, были иконы и литые скульптуры, декорации здания дацана — 30, которые отгружены в 6 ящиках. Примерно то же самое в Баргузинском дацане и по дацанам Мухоршибирского аймака. Из трех тункинских дацанов к тому времени уже почти ничего не осталось, при ликвидации дацанов все было сожжено, сохранились только Ганджур и некоторые книги; из Янгажинского дацана вывезено 32 ящика с книгами, позднее храм был уничтожен полностью. Из семи ликвидированных закаменских и джидинских дацанов сохранилось имущество только Цолгинского дацана. Целиком упаковано имущество Анинского дацана — вывезено 410 больших и средних ящиков, тюков и пакетов, в том числе книги религиозного содержания, коллекция Ганджура, Данджура, всего 5 984 книги, скульптуры 1 000 будд от 20 до 35 см. В декабре 1939 г. начальник экспедиции А. Г. Гатов заключил договор с директором Читинского областного музея Тяжеловым о том, что музей передаст им часть культового имущества бывшего Агинского дацана. Таким образом, библиотека Агинского дацана сохранилась в наибольшей степени, основная часть ее была вывезена Институтом востоковедения АН СССР в Ленинград, где и находится поныне» [Сыртыпова С. Д.].

В этот период активно предпринимались административные и репрессивные меры в отношении буддийских священнослужителей и верующих мирян. Пресекалось проведение буддийских праздников и молений, в частности празднование Сагаалгана, запрещались издания буддийской литературы, практиковалось унижительное отношение к буддийским священнослужителям. Тысячи буддийских

священнослужителей были подвергнуты арестам и пыткам, ссылкам и расстрелам, немногим удалось бежать за границу, избежать лагерей и смерти. «По рассказу ныне покойного Самбу Цынгугева, работавшего председателем колхоза «Коминтерн», настоятеля Шулутского дугана Намдана Сандакова без суда и следствия увезли из Хоринской тюрьмы в глухую тайгу и расстреляли якобы за то, что он руководил строительством этого дацана. Данное ужасное событие произошло в 1920-х гг. ушедшего века» [Студенчество... С. 14]. Речь идет о ламе Найдане Санданове, шэрэтэ Шулутовского дугана Чесанского дацана.

До окончательного закрытия Чесанского дацана предположительно в период с 1935 по 1938 г. шэрэтэ Чесанского дацана был Тогмит Дагбаев. Его называли в народе Дагбын Тогмит-лама.

Это был самый тяжелый и трагический период в истории Чесанского дацана. Практически были закрыты все дуганы и сумэ. Дацанский духовный комитет действовал лишь формально. На территории дацана действовала МТС. В дацане остались ламы, которым некуда было идти. В настоящее время о председателе духовного комитета или шэрэтэ Тогмите Дагбаеве никаких сведений не обнаружено.

В Книгу памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия включены имена немногих репрессированных лам Чесанского дацана. Этот список из 26 лам и хуvaraков создал Анатолий Дамбаевич Жалсараев и передал Жалсан-ламе Чесанского дацана. Сведения о 26 ламах передал мне 27 июля 2017 г. гелун Чесанского дацана Жалсан-лама:

1. Уголовное дело 549: Дансаранов Цынге, 1875 г. р., уроженец БМАССР, Хоринского района, Чесанского сомона, населенного пункта Чесан. Габжа-лама. Проживал: Хоринский район, Чесанский сомон, населенный пункт Чесан. Арестован 26.08.1929 г. Дело рассмотрено БМ ОО ОГПУ 22.05.1930 г. по ст. 58–10. Решение по делу: прекращено. Реабилитирован Прокуратурой РБ 23.02.1993 г. (*т. 7, с. 59*)

2. Уголовное дело 714: Энигмытов Санжи, 1890 г. р., уроженец БМАССР, Хоринского района, Чесанского сомона. Лама. Проживал: Хоринский район, Чесанский сомон. Арестован в 1931 г. Дело рассмотрено БМ ОО ОГПУ 17, 28 октября 1931 г. по ст. 58–10. Решение по делу: прекращено за недостаточностью материалов. Реабилитирован Прокуратурой РБ 01.09.1992 г. (*т. 6, с. 227*)

3. Буданов Лудуп, 1880 г. р., уроженец БМАССР, Хоринского района, с. Верхний Чесан; бурят; малограмотный. Проживал: БМАССР, Хоринский район, Чесанский дацан. Арестован 24 января 1933 г. Приговорен: Верховным судом БМАССР 10 ноября 1933 г., обв.: ст. 58–10, 58–11. Приговор: умер. Реабилитирован 23 июля 1993 г. Прокуратурой РБ. (*подготовительные материалы*)

4. Уголовное дело 2978: Дандаров Дугар, 1891 г. р., уроженец Бурят-Монгольской АССР, Кижингинского аймака, Чесанского сомона, населенного пункта Хусан-Кутул. Степной гэбшэ-лама. Проживал: Бурят-Монгольская АССР, Кижингинский аймак, Чесанский сомон, населенный пункт Хусан-Кутул. Арестован 24 января 1933 г. Дело рассмотрено Главным судом Бурят-Монгольской АССР 10 ноября 1933 г. по статьям 58–10, 58–11. Решение по делу: прекращено в связи со смертью обвиняемого. Реабилитирован Прокуратурой Республики Бурятия 23 июля 1993 г. (*т. 5, с. 55*)

5. Уголовное дело 2978: Шагдуров Цыремпил, 1867 г. р., уроженец Бурят-Монгольской АССР, Кижингинского аймака, Чесанского сомона. Степной гэбшэ-лама. Проживал: Бурят-Монгольская АССР, Кижингинский аймак, Чесанский сомон. Арестован 24 января 1933 г. Дело рассмотрено Главным судом Бурят-Монгольской АССР 10 ноября 1933 г. по статьям 58–10, 58–11. Решение по делу: прекращено в связи со смертью обвиняемого. Реабилитирован Прокуратурой Республики Бурятия 23 июля 1993 г. (*т. 5, с. 227*)

6. Уголовное дело 2978: Гармаев Цырен-Базар, 1896 г. р., уроженец БМАССР, Хоринского района, Чесанского сомона. Бурят, габжа-лама Чесанского дацана, проживал: Чесанский дацан. Арестован 25.01.1933 г. Дело рассмотрено Главным судом БМАССР 10. 11. 1933 г. по ст. 58–10, 58–11. Решение по делу: 5 лет лишения свободы. Реабилитирован Прокуратурой РБ 22.07.1993 г. (*т. 3, с. 54*)

7. Уголовное дело 2978: Жамбуев Шойжоп, 1866 г. р., уроженец БМАССР, Хоринского района, Чесанского сомона, населенный пункт Культисонский. Бурят, женат, габжа-лама Чесанского дацана, проживал: Чесанский дацан. Арестован 25.01.1933 г. Дело рассмотрено Главным судом БМАССР 10.11.1933 г. по ст. 58–10, 58–11. Решение по делу: штраф 1 000 р. Реабилитирован Прокуратурой РБ 22.07.1993 г. (*т. 3, с. 83*)

8. Уголовное дело 2978: Павлов Рабжа (он же Добчин), 1868 г. р., уроженец БМАССР, Хилого-Хатхцатайского района, Могзонского сомона, населенного пункта Орто. Холост, лама-габжа Чесанского дацана, проживал: Чесанский дацан. Арестован 25.01.1933 г. Дело рассмотрено Главным судом БМАССР 10.11. 1933 г. по ст. 58–10, 58–11. Решение по делу: штраф 1 000 р. Реабилитирован Прокуратурой РБ 22.07.1993 г. (*т. 3, с. 84*). Известно, что в период 1917–1919 гг. был шэрэтэ Чесанского дацана. Он же Жамьянов Рабжа (Дамчой).

9. Уголовное дело 2978: Жалебуев Шойжон, 1866 г. р., уроженец Бурят-Монгольской АССР, Кижингинского аймака, населенного пункта Кулькисон. Бурят, проживал: Бурят-Монгольская АССР, Кижингинский аймак, населенный пункт Кулькисон, женат, лама-габжа Чесанского дацана. Арестован 25 января 1933 г. Дело рассмотрено судебной коллегией Верховного суда РСФСР 27 января 1934 г. по статьям 58–10, 58–11. Решение по делу: приговорен к штрафу. Реабилитирован Прокуратурой Республики Бурятия 22 июля 1993 г. (*т. 3, с. 83*)

10. Уголовное дело 2978: Гатапов Дымбрыл, 1889 г. р., уроженец Бурят-Монгольской АССР, Хоринского аймака, населенного пункта Отчи. Лама-гэбшэ. Проживал: Бурят-Монгольская АССР, Кижингинский аймак, населенный пункт Чесанский дацан. Арестован 25 января 1933 г. Дело рассмотрено Главным судом Бурят-Монгольской АССР 25 апреля 1934 г. по статьям 58–10, 58–11. Решение по делу: освобожден за недоказанностью состава преступления. Реабилитирован Прокуратурой Республики Бурятия 23 июля 1993 г. (*т. 5, с. 42*)

11. Уголовное дело 2978: Жамбалов Галсан Жамбалович, 1898 г. р. Гэбшэ. Проживал: Бурят-Монгольская АССР, Кижингинский аймак, населенный пункт Чесанский дацан. Арестован 25 января 1933 г. Дело рассмотрено Главным судом Бурят-Монгольской АССР 25 апреля 1934 г. по статьям 58–10, 58–11. Решение

по делу: освобожден за недоказанностью состава преступления. Реабилитирован Прокуратурой Республики Бурятия 23 июля 1993 г. (*т. 5, с. 73*)

12. Уголовное дело 3979: Антонов Даши, 1884 г. р., уроженец Бурят-Монгольской АССР, Хоринского аймака, населенного пункта Эхин Хурэ. Бурят, грамотный по-тибетски, проживал: Бурят-Монгольская АССР, Кижингинский аймак, населенный пункт Сулхарын Адаг. Арестован 24 ноября 1937 г. Дело рассмотрено тройкой при НКВД Бурят-Монгольской АССР 27 декабря 1937 г. по статьям 58–10, 58–11. Решение по делу: приговорен к высшей мере наказания (ВМН). Реабилитирован Верховным судом Бурят-Монгольской АССР 7 сентября 1957 г. (*т. 1, с. 63*)

13. Уголовное дело 1331: Дамдинов Шойнзон, 1896 г. р., уроженец Бурят-Монгольской АССР, Кижингинского аймака, населенного пункта Кодун. Лама. Проживал: Бурят-Монгольская АССР, Кижингинский аймак, населенный пункт Шелота. Арестован 29 ноября 1937 г. Дело рассмотрено тройкой при НКВД Бурят-Монгольской АССР 26 декабря 1937 г. по статье 58–10. Решение по делу: приговорен к 10 годам заключения в концлагерь. Умер в заключении 14 августа 1942 г. Реабилитирован Прокуратурой Бурятской АССР 3 октября 1989 г. (*т. 4, с. 53*)

14. Уголовное дело 3492: Балданов Ширап, 1900 г. р., уроженец Бурят-Монгольской АССР, Кижингинского аймака, населенного пункта Чесан. Служитель культа. Проживал: Читинская область, Хилокский район, населенный пункт Гыршулун. Арестован 3 декабря 1937 г. Дело рассмотрено особой тройкой при УНКВД по Читинской области по статьям 58–2, 58–11. Решение по делу: приговорен к высшей мере наказания (ВМН). Реабилитирован Прокуратурой Бурятской АССР 9 октября 1989 г. (*т. 4, с. 27*)

15. Уголовное дело 5113: Самбуев Цыренжап, 1895 г. р., уроженец БМАССР, Хоринского района, Чесанского с/с, населенного пункта Боролжа. Лама-габжа Чесанского дацана. Арестован 07.02.1938 г. Дело рассмотрено тройкой НКВД БМАССР 10.03.1938 г. по ст. 58–10. Решение по делу: высшая мера наказания (ВМН) с конфискацией имущества. Реабилитирован Прокуратурой БурАССР 21.11.1989 г. (*т. 7, с. 129*)

16. Уголовное дело 5113: Цыбиков Балдан, 1874 г. р., уроженец Бурят-Монгольской АССР, Кижингинского аймака, Чесанского сельсовета, населенного пункта Шаралмат. Лама-гэбшэ Чесанского дацана. Арестован 7 февраля 1938 г. Дело рассмотрено тройкой при НКВД Бурят-Монгольской АССР 10 марта 1938 г. по статье 58–10. Решение по делу: приговорен к высшей мере наказания (ВМН) с конфискацией имущества. Реабилитирован Прокуратурой Бурятской АССР 21 ноября 1989 г. (*т. 7, с. 122*)

17. Уголовное дело 5113: Сандуев Лодой, 1871 г. р., уроженец Бурят-Монгольской АССР, Кижингинского аймака, населенного пункта Сулхара. Лама Чесанского дацана. Арестован 7 февраля 1938 г. Дело рассмотрено тройкой при НКВД Бурят-Монгольской АССР 10 марта 1938 г. по статье 58–10. Решение по делу: приговорен к высшей мере наказания (ВМН) с конфискацией имущества. Реабилитирован Прокуратурой Бурятской АССР 21 ноября 1989 г. (*т. 7, с. 95*)

18. Уголовное дело 5113: Жалсанов Соднойбол, 1886 г. р., уроженец Бурят-Монгольской АССР, Кижингинского аймака, Чесанского сельсовета, населенного

пункта Дондод. Лама Челутайского (Чесанского?) дацана. Без определенного места жительства. Арестован 17 февраля 1938 г. Дело рассмотрено тройкой при НКВД Бурят-Монгольской АССР 10 марта 1938 г. по статье 58–10. Решение по делу: приговорен к высшей мере наказания (ВМН). Реабилитирован Прокуратурой Бурятской АССР 21 ноября 1989 г. (*т. 7, с. 38*)

19. Уголовное дело 1121 с: Данжиев Лыгба-Ширап, 1876 г. р., уроженец БМАССР, Хоринского района, Чесанского с/с. Лама Чесанского дацана. Арестован 18.02.1938 г. Дело рассмотрено УГБ НКВД 20.02.1939 г. по ст. 58–1 «а», 58–2, 58–9, 58–11. Решение по делу: прекращено за отсутствием состава преступления. Реабилитирован Прокуратурой РБ 29.01.1993 г. (*т. 7, с. 58*)

20. Уголовное дело 1121с: Дашибылов Дамба-Даржа, 1899 г. р., уроженец БМАССР, Хоринского района, Чесанского с/с. Лама. Проживал: ст. Мозгон. Арестован 18.02.1938 г. Дело рассмотрено УГБ НКВД 20.02.1939 г. по ст. 58–1 «а», 58–2, 58–9, 58–11. Решение по делу: прекращено за отсутствием состава преступления. Реабилитирован Прокуратурой РБ 29.01.1993 г. (*т. 7, с. 61*)

21. Уголовное дело 864: Дамдинов Шойдок, 1888 г. р., уроженец Бурят-Монгольской АССР, Кижингинского аймака, Верхне-Кижингинского сомона. двое детей, лама-габжа, проживал: Бурят-Монгольская АССР, Верхне-Кижингинский сомон. Арестован 18 марта 1938 г. Дело рассмотрено Верховным судом Бурят-Монгольской АССР 4 июля 1941 г. по статье 58–10, часть 2. Решение по делу: приговорен к 5 годам заключения в концлагерь с поражением в правах на 3 года. Реабилитирован Прокуратурой Республики Бурятия 30 марта 1992 г. (*т. 3, с. 66*)

22. Уголовное дело 243: Одонов Намжил, 1874 г. р., уроженец Бурят-Монгольской АССР, Кижингинского аймак, Чесанского сельсовета, населенного пункта Дондобо. Габжа. Место жительства не указано. Арестован 25 апреля 1938 г. Дело рассмотрено Хоринским районным отделом НКВД Бурят-Монгольской АССР по статьям 58–2, 58–10, 58–11. Решение по делу: прекращено. Реабилитирован Прокуратурой Республики Бурятия 13 апреля 1992 г. (*т. 6, с. 146*)

23. Уголовное дело 429: Гармаев Даши-Жамсо, 1878 г. р., уроженец БМАССР, Хоринского района, из Баянгола. Лама-агарамба Чесанского дацана. Арестован 31.05.1938 г. Дело рассмотрено Верховным судом БМАССР 25.03.1939 г. по ст. 58–10, ч. 1. Решение по делу: 10 лет лишения свободы. Реабилитирован Прокуратурой БурАССР 30.04.1992 г. (*т. 4, с. 41*)

24. Уголовное дело 226: Бодиев Дугар, 1899 г. р., уроженец Бурят-Монгольской АССР, Кижингинского аймака, населенного пункта Сулхара. Бурят, образование высшее тибетское, проживал: Бурят-Монгольская АССР, Кижингинский аймак, населенный пункт Сулхара. Арестован 3 июня 1938 г. Дело рассмотрено тройкой при НКВД Бурят-Монгольской АССР 20 ноября 1938 г. по статьям 58–2, 58–7, 58–9, 58–11. Решение по делу: дело прекращено. Реабилитирован Прокуратурой Республики Бурятия 16 апреля 1992 г. (*т. 1, с. 196*)

25. Уголовное дело 429: Гомбоев Сандан, 1899 г. р., уроженец Бурят-Монгольской АССР, Кижингинского аймака, населенного пункта Чесанский дацан. Гэбшэ. Арестован 6 июня 1938 г. Дело рассмотрено Верховным судом Бу-

рчат-Монгольской АССР 25 марта 1939 г. по статьям 58–10, часть 1, 58–11. Решение по делу: приговорен к 10 годам заключения в концлагере. Реабилитирован Прокуратурой Республики Бурятия 30 апреля 1992 г. (*т. 4, с. 44*)

26. Уголовное дело 8026: Абидуев Зундуй, 1875 г. р., уроженец БМАССР, Кижингинского района, Сулхара. Бурят, грамотный по-тибетски и по-монгольски, лама Чесанского дацана до 1927 г., проживал в БМАССР, Кижингинский район, населенный пункт Ушхайта, арестован 10. 12. 1942 г., дело рассмотрено военным трибуналом войск НКВД БМАССР 24. 03. 1943 г. по ст. 58–10, 58–11. Решение по делу: 10 лет лишения свободы. Реабилитирован Верховным судом БурАССР 18.03.1991 г. (*т. 1, с. 28*)

В книге А. А. Терентьева есть сведения еще об одном известном ламе из Чесанского дацана, который служил в буддийском дацане «Гунзэчойнэй» в Санкт-Петербурге, фамилия, имя его указаны неточно, правильное написание: «Жамсаранов Доржи-Жалсан»: «...список лам и востоковедов, работавших в этой, как писал Дылыков, «по существу контрреволюционной организации»: ... 8. Жамсарано, Доржи Жамсаранович, 1900–1937, лама Чесанского дацана. В 1927 г. избран членом духовного совета Бурятии. Духовным советом был назначен заместителем уполномоченного представителя при Ленинградском буддийском храме. В 1931–1936 гг. — управдом и управделами тибетско-монгольской миссии. Арестован 17 января 1937 г. Приговорен к расстрелу. Расстрелян в Ленинграде 24 августа 1937 г.». (Санджи Данцикович Дылыков, научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (1938). В 1971 г. защитил ученую степень доктора исторических наук, занимался буддийской деятельностью, регулярно ездил за границу на международные буддийские съезды, был избран одним из вице-президентов Всемирного братства буддистов) [Буддизм...]. Имя ламы Д.-Ж. Ж. Жамсаранова наравне с другими навечно вписано в мемориальную мраморную плиту, установленную на стене здания дацана Гунзэчойнэй в г. Санкт-Петербурге.

По воспоминаниям ламы Чесанского дацана Нимы Жапова (бывшего шэрэтэ Иволгинского дацана), «в лесах вблизи станций Сохондо и Могзон в 1935–1937 годы вместе с Нима-ламой и Сан-Дылык-ламой скрывались еще 20 лам, среди которых были ламы Чесанского дацана: Дархан Амбэ, Халзан Амбэ, Цыбик Бахан Ахэ, Цыдыпов Цыбик и другие» [Цыренжапов Ц.-Д., с. 32].

Многие до сих пор не знают о судьбе своих родственников и продолжают искать о них сведения. Например, писали на сайт Чесанского дацана «ВКонтакте» (записи 2017 г.): «Гармаев Рабдан гэжэ лама Чесаанын дасанай, дайнда мордохон. Есть ли про него какая-нибудь информация?».

«Здравствуйте, меня зовут Валерий, я из Батанайского рода. Мой прадед служил в Чесанском дацане, его звали Даба-Самбу Эрдэнеев (возможно, неправильно написано). В тридцатые годы был арестован и убит в Могзонской тюрьме. Вот и все что мне известно...

Татьяна Самбуева из Аги искала своего деда, габжа-ламу Эрдэнин Самбу, который служил в Чесанском дацане, «был арестован в 1938 г., отправлен в Хабаровский край, расстрелян с другими ламами в местности Зима». Их поиски увенчались успехом — габжа-лама Чесанского дацана Эрдынеев Самбу, даты жизни: 1887–1941 гг., уроженец с. Укурик Хилокского района Читинской обла-

сти, был репрессирован в 1937 г. По архивным сведениям, приговор приведен в исполнение в декабре 1941 г. в Красноярском крае. Поэтому надо продолжать поиски, делать запросы в архивы и т. д.

«Во второй половине 1930-х гг. в республике отмечается активность религиозных обществ. Это было связано с принятием в 1936 г. новой Конституции СССР, ст. 124, которая предусматривала: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа — от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами». В соответствии со ст. 135 духовенство получило избирательное право наравне со всеми гражданами страны. В оперативных сводках НКВД 1937 г. указывалось на активизацию верующих в связи с принятием Конституции. В качестве примера приводится высказывание члена колхоза «Улан-Булак» Чесанского сомона Хоринского района: «Сейчас производится перепись населения, что является сбором сведений о верующих, если в результате переписи верующих окажется много, то могут открыть нам дацаны». Также в Гусиноозерском, Эгитуйском дацанах имели место факты организации и празднования ежегодного религиозного праздника «Сагаалган» [Религия... с. 145].

Во время Великой Отечественной войны представители различных религиозных конфессий, в том числе буддисты, принимали активное участие в патриотическом движении по защите Отечества, вносили посильный вклад в победу в тылу и на фронте. Государственная политика в отношении церкви существенно поменялась, но церковь оставалась полностью зависимой от государства и коммунистической идеологии. По окончании войны ламы Бурятии решили обратиться непосредственно к самому Сталину. В составе делегации лам, обратившихся в 1945 г. с ходатайством к самому И. В. Сталину по открытию в Бурятии буддийского храма, был и лама Чесанского дацана Цыбжит Дампилов, 1884 года рождения. Жители села Верхняя Иволга собрали подписи верующих и обратились к И. В. Сталину. Из воспоминаний ламы Манжапа Мархаева: «... в Москву за разрешением ездили: лама из Аги, ученик Агвана Доржиева лама Хайдуб Галсанов (был дид-хамбой), лама Лубсан Нима Дармаев, лама Цыбжит Дампилов из Чесанского дацана, лама Орсон Нимаев ...» и другие. Итогом поездки стало постановление СНК БМАССР, по которому было удовлетворено ходатайство групп верующих об открытии буддийского храма «Хамбинское сумэ» в улусе Средняя Иволга.

Мы решили включить историческое постановление Совнаркома БМАССР № 186-ж от 2 мая 1945 г., благодаря которому начала возрождаться буддийская церковь в СССР:

«Совет Народных Комиссаров БМАССР постановляет:

1. Удовлетворить ходатайство групп верующих об открытии буддийского храма «Хамбинское сумэ» в улусе Средняя Иволга.
2. Передать помещение бывшего молитвенного дома Маани религиозной общине под буддийский храм «Хамбинское сумэ».
3. Представить настоящее постановление в Совет по делам религиозных культов при СНК СССР на рассмотрение.

Зам. председателя СНК БМАССР М. Ершов.

ЧЕСАНСКИЙ ДАЦАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Зам. управляющего делами СНК БМАССР Н. Хадаханов» [Копия документа из архива Иволгинского дацана].

С 1946 г. были снова открыты два дацана — Иволгинский в Бурятии и Агинский в Агинском Бурятском округе Забайкальского края, которые действуют и в настоящее время.

В 1946 г. лама Цыбжит Дампилов в качестве делегата принимал участие в съезде буддистов, представляя Чесанский дацан [ГАРБ, ф. 248, оп. 1/3, д. 71, л. 170]:

Регистрационный лист делегатов съезда буддистов 1946 г.

1	Монгуш Чимба Базыр	1884	лама	Тув. а. о., Дзун-Хем. р-н, сомон Чадан
2	Дава Монгуш Хазага	1886	лама	Тув. а. о., сомон Сут-Холь
3	Хомушку Амурта Де-мир	1892	лама	Тув. а. о., Борун-Демчик
4	Цыденов Бальжинима	1876	мирянин	с/с Иволгинский
5	Нимаев Батан	1885	мирянин	с/с Гильбиринский
6	Гармаев Галсан	1889		
7	Аюшеев Радна	1876	мирянин	Кижингинский р-н, с/с Ходонский
8	Цыренов Будожап	1872	мирянин	Заиграевский р-н, с/с Доодо-Илькинский
9	Цыденжапов Данзан	1886	лама	Селенгинский р-н, с/с Иройский
10	Дылыкжапов Лхама-жап	1884	лама	Селенгинский р-н, с/с Иройский
11	Будаев Чогдон	1872	лама	Заиграевский р-н, с/с Курбинский
12	Цыденов Дымбыл	1892	лама	Мухоршибирский р-н, с/с Сутайский
13	Дампилов Цыбжит	1884	лама	Кижингинский р-н, с/с Чесанский
14	Тарбаев Дашимолон	1894	лама	Иволгинский р-н, с/с Гильбиринский
15	Рэгдэлов Гомбожап	1892	мирянин	Кяхтинский р-н, с/с Субуктуйский
16	Чойванов Цырен	1886	лама	Закаменский р-н, с/с Цакирский
17	Нанзытов Найдан	1892	лама	Хоринский р-н, с/с Анагинский
18	Балданов Бато	1888	мирянин	Заиграевский р-н, с/с Дабатуйский
19	Санданов Бато	1891	мирянин	Улан-Удэ, 9-й участок
20	Хомушку Карима Дар-жа	1895	лама	Тув. а. о., Борун-Хемчик р-н
21.	Жигжитов Самбу	1880	лама	Чит. обл., Карымский р-н с/с Агинский
22	Жалсанов Бато	1897	мирянин	Чит. обл., с/с Агинский
23	Багуев Даба	1891	мирянин	
24	Санжиев Самдан	1879	мирянин	
25	Жамбалов Цырен	1876	мирянин	с/с Алханайский

Глава 1. История создания Чесанского дацана

26	Цыдыпов Данзан	1892	мирянин	Чит. обл., с/с Токчинский
27	Цыренов Чагдор	1861	мирянин	Чит. обл., с/с Ага-Хангильский
28	Доржиев Даба	1884		Ирк. обл., г. Черемхово, ул. Красной Звезды, д. 60
29	Чагдунов Базар	1894	лама	Ирк. обл., ул. Касьянова, д. 3
30	Байминов Сиван	1892	лама	Ирк. обл., г. Зима
31	Доржиев Ширап Жамцо	1883	лама	Иволгинский р-н, Хамбинское сумэ
32	Жамьянов Ринчин	1881	лама	Хамбинское сумэ
33	Ринчинов Бавасан	1892	лама	Селенгинский р-н, с/с Ноехонский
34	Доржиев Ринчин	1882	лама	Хоринский р-н, с/с Анинский
35	Жамбалон Дамба	1892	лама	Тункинский р-н, с/с Кырен
36	Цыденов Чернин	1892	лама	Мухоршибирский р-н, с/с Сутайский
37	Намсараев Цырен-Гарма	1876	мирянин	Иволгинский р-н, с/с Иволгинский
38	Дармаев Лубсан Нима	1890	лама	Хамбинское сумэ
39	Гомбоев Дашинима	1895	мирянин	с/с Иволгинский
40	Цыремпилов Сандак	1872	мирянин	с/с Гильбиринский
41	Цыренжапов Доржи	1890	мирянин	с/с Оронгойский
42	Дармаев Шираб	1881	мирянин	с/с Иволгинский
43	Будаев Нима	1877	мирянин	Заиграевский р-н, с/с Дабатуйский

За короткий период, уже через два года, в Хамбын сумэ количество лам выросло, их служило 15, в том числе гэбшэ-лама Жамбалов Бадма-Доржи из Чесанского дацана.

Список зарегистрированных лам Хамбинского сумэ
(1948 г.)

1. Доржиев Шарап Жамцо, 1883 г. р., Иволга, габжа
2. Жамьянов Ринчин, 1881 г. р., Верхний Оронгой, габжа
3. Дармаев Лубсан-Нима, 1890 г. р., Бургастай, габжа
4. Балданов Цырен-Доржи, 1876 г. р., Бургастай, габжа
5. Будаев Чимит, 1887 г. р., Челута, рабжамба
6. Тасарунов Чагдур, 1884 г. р., Улигтуй, габжа
7. Аюшеев Ринчин-Доржи, 1881 г. р., Кудара, габжа
8. Мункожапов Чагдор, 1886 г. р., Харгана, габжа
9. Цыденов Чернин, 1892 г. р., Сутай, гэбшэ
10. Дандаров Дондок, 1893 г. р., Харлун, габжа
11. Гомбоев Жамьян-Шарап, 1886 г. р., Гарга, габжа
12. Раднаев Балсамбу, 1881 г. р., Могойтуй, гэбшэ
13. Жамбалов Дамба, 1893 г. р., Хоймор, габжа
14. Шагдунов Ширап
15. **Жамбалов Бадма, 1890 г. р., Кижинга, гэбшэ** [ГАРБ, ф. 248, оп. 4, д. 80, л. 87].

Среди документов ГАРБ мы нашли список делегатов нового состава ЦДУБ СССР, избранных на съезде, прошедшем 13–14 октября 1956 г. В нем числится известный гэбшэ-лама Чесанского дацана Жамбалов Бадма-Доржи:

«Шарапов Еши-Доржи, 1892 г. р., гэбшэ, гелун, председатель ЦДУБ, Пандидо хамбо-лама. В 1900–1904 гг. учился в приходском училище в г. Чите, затем в Гусиноозерском дацане.

Гомбоев Жамбал-Доржи, 1897 г. р., габжа, гелун, дид хамбо-лама, заместитель председателя ЦДУБ.

Жамбалов Бадма, 1890 г. р., гэбшэ, гелун, дид хамбо-лама, заместитель председателя ЦДУБ.

Цыренов Бат, 1895 г. р., габжа, гелун, член ЦДУБ.

Самбуев Бадма, 1907 г. р., мирянин, член ЦДУБ, уроженец с. Укурик Хилокского р-на Читинской области.

Кандидаты в члены:

Бальчинов Лобсан-Нима, 1888 г. р., гэбжэ, гелун, кандидат в члены ЦДУБ, уроженец с. Тасархай Джидинского аймака. В 1901–1930 гг. учился в Гусиноозерском дацане. С 1930 по 1942 г. находился в заключении. С 1942 по 1953 г. жил в Усолье Иркутской области. Хорошо знает тибетский, русский, монгольский языки. Пользовался авторитетом среди лам.

Цыбиков Цырен Доржи, 1892 г. р., мирянин, кандидат в члены ЦДУБ.

Члены ревизионной комиссии:

Бальжинимаев Насык-Доржи, 1917 г. р., мирянин, председатель комиссии.

Гомбоев Дашинима, 1894 г. р., мирянин, член ЦДУБ.

Доржиев Будожап, 1896 г. р., гэбшэ, гелун, член ЦДУБ, уроженец Борзинского района Читинской области, учился в Цугольском дацане. Имел авторитет среди лам и верующих.

Рыгдылов Зандра, 1897 г. р., гэбшэ, гелун, член ЦДУБ. Уроженец Нижне-Курбинского аймака. С 1910 по 1934 г. учился в Шулутайском дацане. В 1935–1942 гг. работал в разных учреждениях Иркутской области. В 1942–1945 гг. служил в рядах Советской армии. С 1945 г. трудился чернорабочим в Заиграевском районе. В июне 1956 г. зарегистрирован как лама Иволгинского дацана. Прикреплен к Заиграевскому аймаку.

Эрдынеев Тудуб, 189 г. р., мирянин, член ЦДУБ [ГАРБ, ф. 248, оп. 4, д. 98, л. 57–60].

Авторы Ц. П. Ванчикова и Д. Г. Чимитдоржин, описывая расширение географии буддизма в послевоенном СССР, отмечают: «В этот период дацаны использовались в политических целях, в основном для демонстрации существования принципов «свободы совести» в СССР. Как уже говорилось выше, в начальный период ламы с трудом соглашались вести религиозную деятельность, опасаясь репрессивных мер со стороны властей, а верующие предпочитали отправлять религиозные обряды на дому. Гонения и репрессии на религию оставили глубокий след в сознании верующего населения, многие люди боялись посещать дацаны. Под особым контролем властей находились интеллигенция, госслужащие и молодежь. Ламам категорически запрещалось иметь учеников.

Тем не менее у некоторых лам ученики появляются и даже за пределами традиционных буддийских ареалов. Наиболее известна группа, сложившаяся вокруг

бурятского ламы Б. Дандарона (преемника ламы Сандана Цыденова), в которую входили люди из Бурятии, европейской части России, Украины и Прибалтики. Об этом уже написано много книг. В 1972 г. с Дандароном сотрудничали некоторые другие ламы, например мастер Калачакры Цыренжаб Гатабон (Гатавон), прославившийся, как рассказывал Б. Дугаров, тем, что некогда выиграл диспут в знаменитом тибетском монастыре Лаврон. По просьбе Б. Д. Дандарона он даровал посвящение Калачакры известному ныне буддологу и философу А. М. Пятигорскому [Ванчиков Ц. П., с. 34]. Цыренжаб Гатабон (1890–1979 гг.) успешно окончил образовательный курс и защитил в Чесанском дацане высокое звание «аграмба» — почётное тантрийское звание «Дордже-зинрамба» («Держатель Ваджра»).

С началом репрессий Гатабон-лама покинул родные места и направился в сторону железной дороги. Через несколько дней он добрался до железной дороги и пошел вдоль её полотна «куда глаза глядят». Была зима, стоял лютой мороз, проходящий товарный поезд вдруг остановился посреди голой степи — машинист увидел одинокого путника и проникся к нему состраданием. Этот русский человек стал для бурятского ламы настоящим Бодхисаттвой. Машинист жестом подозвал Гатабона, посадил его в паровоз и увез в Черемхово, где Гатабон-лама на свободе пережил смутное время [Буддизм. Каноны... С. 443].

Учителем Гатабона был Хуваргэ-багши (Хубургай-лама). «Хубургай (прозвище от слова «хуварак»; имя никто не вспомнил) — лама из Эгитуйского дацана (Еравнинский район), был знаменитым дуинхорвой (тибет. «калачакринец»), практик системы Калачакра. Эгитуйский дацан славился Дуйнхор-дацаном — факультетом Калачакра-тантры. По всей Бурят-Монголии это был самый известный факультет данного направления. Хубургай-лама прошел обучение в Дуйнхор-дацане и впоследствии стал его главой. Как практик он достиг такого уровня, что давал высшие посвящения — ван (тиб.: «правомочность») — в систему Калачакра. Последний ванн Калачакры он поставил в Эгитуйском дацане в 1926 г.» [Буддизм. Каноны... С. 440].

В послевоенные годы в Бурятии кроме Иволгинского и Агинского дацанов продолжало нелегально действовать несколько сотен бывших лам, выпущенных из лагерей и вернувшихся с войны. Они выполняли религиозные ритуалы и обряды по просьбе односельчан и практиковали восточную медицину. За ними осуществлялся контроль со стороны КГБ, но репрессивные меры не принимались, отпускали после предупреждений и собеседований.

По устным воспоминаниям, «в начале 1950-х гг. Жуд-дуган Чесанского дацана был в очередной раз перестроен в клуб с библиотекой, внутри переделали и отремонтировали здание. Было окончательно разобрано примерно в 1972–1973 гг. и пущено на дрова. В ходе демонтажа долго не могли разобрать пагоду. Обвязали тросом и стащили с помощью трактора. Всё это происходило на глазах очевидцев, жителей села, под руководством партийных руководителей». По другим сведениям, здание снесли 1978 г. по решению дирекции и партийного комитета совхоза «Чесанский». Сохранилась в фондах Музея истории Бурятии фотография Чойра-дугана, выполненная Жабоном в 1969 г. Возможно, фотография подписана ошибочно по названию дугана, потому что здание Чойра-дугана было двухэтажным, разобрано и вывезено в с. Михайловку для строительства школы и домов для учителей. Сохранилась фотография Цогчен-дугана Чесанского дацана

от 1935 г. в газете «Буряад үнэн» от 26 февраля 1991 г. № 41. Слева от здания Цогчен-дугана на заднем плане видно двухэтажное здание Чойра-дугана.

В 1991 г. при Иволгинском дацане был открыт Буддийский институт «Даши Чойнхорлин», религиозное высшее учебное заведение для подготовки кадров священнослужителей, преподавателей, переводчиков канонических текстов, художников-иконописцев. Процесс образования построен по системе монастырского образования традиции Гоман-дацана. В 1991 г. действующих дацанов в Бурятии стало 12, в том числе Чесанский дацан. В период возрождения дацанов очень остро стоял вопрос о подготовке кадров.

В газете «Буряад үнэн» № 41 от 26 февраля 1991 г. опубликованы магтаалы о Чесанском дацане [Түрэл...].

Баршыгаа тойрогшо
Баян сагаан Чисаана.
Баян Чисаанын хойморто
Баталгатай сагаан дасан лэ.
Баталгатай сагаан дасанда
Баглайрхажа мүргэе.
Үлзытээ тойрогшо
Үргэн сагаан Чисаана.
Үргэн Чисаанын хойморто
Үндэр сагаан дасан лэ.
Үндэр сагаан дасанда
Үнжөө, хонон мүргэе.
Дундатые тойрогшо
Дуулим сагаан Чисаана.
Дуулим Чисаанын хойморто
Дугантай сагаан дасан лэ,
Дугантай сагаан дасанда
Дуурхажа мүргэе.
Дошходой Сүмын хуралда
Дуун бүрээ татая,
Дошходой Сүмын аршанһаа
Долоо домнон хүртэе.
Гандан бэшхүүр татажа,
Ганжуурай сүмэдэ хуралтай.
Ганжуурай сүмын аршанһаа
Ганса домнон хүртэе.
Сан, хэнгэргэн дэлдээндэ
Сахюусанай хуралда мүргэе.
Һанаһан хэрэгээ бүтээлгэндэ
Һанан, һанан мүргэе.
Бүрээ бэшхүүрэй дэлдээндэ
Бурхан багшадаа мүргэе.
Бүтээхэ хэрэгээ һанахадаа
Буяншалан, дурдан мүргэе.

Орохо наран соо

Амар зугуун Шамбала,
Олон ерэхэ мэргэдэй
Уулзахын орон тэндэ лэ.
Гараха наран соо
Гансал зугуун Шамбала.
Ганса ерэхэ мэргэнэй
Гансахан орон тэндэ лэ.
Дамаари хонхын дэлдээндэ
Дошходой хуралда мүргэе.
Домтой хэрэгэй бүтээлгэндэ
Дурдан, дурдан мүргэе.

Байхаяа түблэн ургагша
Баян Сүмбэр хөөрхы.
Баян Сүмбэрэй шэмэглэнь
Байра Зандан гэлэй лэ.
Барандаа шүтэһэн Багшамнай
Баруун Жуугай Саарамба (h),
Багаханууд дүүнэдтээ дуулгалтай
Багын найхан буян лэ.
Ороноо түблэн ургагша
Орьёлоо Сүмбэр хөөрхы.
Орьёлоо Сүмбэрэй шэмэглэнь
Угай Жуугай Саарамба.
Олонхон дүүнэртэ дуулгалтай
Угай найхан буян лэ.
Замбуулинаа түблэн ургагша
Жабхалан найхан Сүмбэр лэ.
Жабхалан Сүмбэрэй шэмэгынь
Зандан Жуугай гэлэй лэ.
Заягаасан шүтэһэн багшамнай
Жагар Жуугай Саарамба.
Жаахануур дүүнэртээ дуулгалтай
Заяанай найхан буян лэ.

Ниже приводим современные магтаалы о Чесанском дацане, опубликованные в газете «Хэжэнгэ», подборка Цырендондока Чимитова «Чисаанын дасанай шэнэ магтаалнууд» (*Хэжэнгын аймаг, Загашата нютаг*):

Нарьдаг шэлэһээ эхитэй
Найхан сагаан Чисаана.
Найхан Чисаанын хойморто
Найхан бүтэһэн дасан лэ.
Найхан бүтэһэн дасанда
Намын Доншод хуралтай,
Намын Доншод хуралда
Нанан, нанан мүргэе.

Шэлэ хүбшэхөө эхитэй
Сэлгээ сагаан Чисаана.
Сэлгээ Чисаанын хойморто
Шэнээр бүтээхэн дасан лэ.
Шэнээр бүтээхэн дасанда
Шигэмүүнийн хуралтай
Шигэмүүнийн хуралда
Шэлжэн, шэлжэн мургэе.

Долоон хүбшэхөө эхитэй
Дуулим сагаан Чисаана.
Дуулим Чисаанын хойморто
Домнон бүтээхэн дасан лэ.
Домнон бүтээхэн дасанда
Доншод тамын хуралтай.
Доншод тамын хуралда
Дурдан, дурдан мургэе.

Далай хама хиидээ сахюусандаа
Долоо домнон дурдан мургэе,
Далай лама Данзан-Жамсадаа
Дохин, дохин дурдан мургэе,
Шажан бурхамнай хөөргөө эрьежэ.
Чисаанын дасан хүнэһэнхөө мүндэлбэ,
«Чоймпэллинг» нэрэмнай дахинаа ерэжэ,
Шүтээхэн Буддадаа хүгэдэн мургэнэб.

Также в фоноархиве Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН хранятся образцы магтаалов на тибетском и старомонгольском языках в честь бурятских дацанов: Агинский, Анинский, Кудунский (Кижингинский), Эгитуйский и другие, в том числе монгольские и тибетские. Внехрамовое чтение «маани» является дацанской традицией, которая хорошо сохранилась у бурят, особенно у южных и восточных. Главным назначением магтаалов является изучение буддийской молитвы, «маани», вне службы, в обычной повседневной жизни мирянина. Самой распространенной темой бурятских «магтаалов» и жанровой разновидностью буддийских песнопений является прославление буддийских дацанов и восхваление жизнедеятельности выдающихся буддийских священнослужителей. Тексты магтаалов со временем подвергались изменениям на вербальном и музыкальном уровнях и практически превращались в народные интерпретации известных буддийских молитв. Миряне, не знающие тибетского и старомонгольского языка, заучивали молитвы наизусть, запоминали тексты (вербальный и музыкальный) и передавали их устным путем. В основном «маани» знают и читают люди старшего возраста. Известны также магтаалы и молитвы, которые исполнялись на бурятском языке. В настоящее время по селам районов есть пожилые люди, которые собираются вместе и исполняют магтаалы и маани.

В 1919 г. был построен Шулутовский дуган. К этому времени, по словам информатора Ц.-Д. Чимитова, при Чесанском дацане кроме Цогчен-дугана было

пять дуганов: Диважин, Чойра, Домой, Сахюусан и Жуд, в которых служили двенадцать утвержденных штатных лам, освобожденные от податей [Студенчество..., с. 21; Цыренжапов Ц.-Д., с. 12]. «В 1920 г. на территории современного Хоринского аймака находилось четыре больших дацана: Анинский, Кижингинский, Чесанский, Челутайский и Ацагатский Мамба дацан» [Нацов Г.-Д., с. 26].

В начале 1920-х гг., по воспоминаниям современников, Чесанский дацан действительно представлял собой большой поселок. Все сумэ к этому времени были восстановлены и функционировали. Из архивных источников известны даты восстановления (ремонта) всех зданий сумэ: 1854 г. — Хурдэ и Отошо; 1889 г. — Отошо и Табан Хаан; 1893–1894 гг. — Майдари и Аюши; 1907 г. — заново построен Дымчог; 1909 г. — Гунрик; 1911 г. — Арья-Баала; 1918 г. — Гунрик.

В 1914 г. подано ходатайство о проведении ремонта в сумэ Очирвани, Хурдэ. В центре этого сумэ возвышался храмовый комплекс, огороженный глухим деревянным заплотом. Как и все дацаны, он представлял собой прямоугольное огороженное место, строго ориентированное по сторонам света. Вокруг центрального Цогчен-дугана симметрично располагались дуганы (храмы-факультеты). Внутри ограды располагались храмы-сумэ (лхаканы), посвященные культу отдельным божеств, множество вспомогательных зданий, в том числе кухня, карательный дом и другие.

Обычно рядом с Цогчен-дуганом воздвигали субурганы (санскр. ступа; тибетский чортен), которые могли размещаться и за оградой монастыря. Ближе к ограде располагались жилища монахов (обычные деревянные дома и войлочные юрты), библиотека, печатня и различные хозяйственные постройки. Храмы и жилища были обращены центральным фасадом в южную сторону. Южные ворота дацанов считались главными, ими пользовались в торжественных случаях. Ворота главного входа были в виде павильона с колоннами и простыми боковыми воротами на западной и восточной стороне. Внутри ограждения Цогчен-дуган имел свою деревянную ограду с входными воротами.

В указанный период развития Чесанский дацан представлял собой крупный буддийский монастырский комплекс, состоящий из 6 важнейших дуганов: главный Цогчен, затем Диважан, Чойра, Домой, Сахюусан и Жуд, а также Шулутовский дуган и 9 сумэ: Хурдэ, Майдари, Гунрик, Дымчог, -Баала, Очирвани, Отошо, Табан Хаан, Аюши. Кроме этого, функционировал Барай сумэ — печатня дацана. Количество лам и хуvaraков в них доходило до 600. Алтари малых и больших храмов украшали тысячи буддийских скульптур и изображений божеств. «До революции только Бултумурский дацан в своем комплексе имел 19 дуганов и сумэ и относился к самому большому дацану по их количеству» [ГАРБ, ф. 454, оп. 12, д. 1, л. 1]. Один из первых бурятских дацанов (первое деревянное здание построено в 1758 г.) — Тамчинский (Гусиноозерский) — имел 19 дуганов и сумэ [Тамчинский дацан, с. 7, 19]. В то время на территории Анинского дацана стояло 26 субурганов — это было самое большое количество субурганов при дацане. В настоящее время здесь построено 108 субурганов, как и прежде, это также самое большое количество субурганов среди дацанов Бурятии и России.

В комплекс дацана входили и вспомогательные здания и помещения, служившие для хранения и приготовления ритуальной и обычной пищи — «чодхан»

(склад) и «джахан» (кухня). Чодхан предназначался для приготовления «пожертвования бурханам». Ламы, называвшиеся «тахильчи», готовили всё необходимое для алтарей: чистили светильники *зула*, жертвенную посуду, готовили жертвенную воду *аршан*. В этом же помещении хранилось масло для заполнения светильников и благовония. Балины (особый вид подношений) также производили в чодхане.

Джахан — это монастырская кухня, в которой готовили пищу для лам и мирян во время больших богослужений. В монгольских дацанах, как писал А. М. Позднеев, «джама есть лама, которого вообще можно назвать монастырским поваром». Рецепт приготовления дацанского угощения хранился мастерами в секрете и обычно передавался в устной форме. Например, «боово» — самое вкусное угощение для божеств. Эти пресные лепешки, жаренные в масле, всегда готовили к большим хуралам и праздникам. Их подносили в качестве угощения божествам, ламам и друг другу. Угощали молодоженов во время обряда «благословение семьи». Боовы сохраняют вкусовые качества и бывают пригодными для употребления достаточно долгое время. Поэтому их брали с собой в дальнюю дорогу.

Во вспомогательных зданиях и сооружениях хранились травяные сборы для изготовления лекарств, хозяйственный инвентарь, культовое имущество и предметы, как, например, украшенная деревянная лошадь и телега для проведения хурала, посвященного Будде Майтрейе (Будде Грядущего), и другие вещи.

Обо всем движимом и недвижимом имуществе есть сведения, сохраненные в архивных источниках. Несомненно, такой крупный дацан, как Чесанский, не мог не иметь собственности. Мы предприняли попытку хотя бы частично, основываясь на скурых данных информаторов, восстановить картину. В настоящее время мы не располагаем подробной информацией о времени постройки, проведении ремонтов и перестроек этих зданий, а также достоверными сведениями об их планах.

В комплекс Чесанского дацана входили ступы (субурганы) и различные хурдэ, возведенные вокруг дуганов и сумэ. Все субурганы были связаны со значительными событиями дацана или посвящены высоким и особо почитаемым ламам, но по архивным источникам время их возведения, количество нами не выявлены. Это связано с тем, что на строительство субурганов не требовалось специальное разрешение русского правительства, также как и на многочисленные хурдэ (молитвенные барабаны) вокруг храмовых зданий или по периметру дацанов, символически оформленных сэргэ (коновязей). К сожалению, в архивных источниках практически нет сведений о количестве ступ (субурганов), хурдэ (молитвенных барабанов) и сэргэ (коновязей), которые являлись характерными атрибутами дацанов. По воспоминаниям Намжил-Доржо Жанаевича Жамьянова, 1929 года рождения, жителя села Могохон Кижингинского района (запись сделана автором 20 августа 2017 г.), справа и слева от центрального входа на территорию дацана были установлены два «сэргэ», деревянные коновязи. На старой фотографии с левой стороны Цогчен-дугана просматривается один субурган, а из Ведомости 1878 г. нам известно о наличии двух субурганов. Во всяком случае, на территории дацана всё-таки были субурганы, неизвестно только их количество и с чем они связаны. В настоящее время здесь возвышается восемь субурганов.

По воспоминаниям жителей села Чесан Кижингинского района, наших современников, Дашимы Эрдынеевны Цыренбазаровой (село Булак Кижингинского района, в настоящее время проживает в г. Улан-Удэ), Виктора Александровича Павлова, Дашимы Цыреновны Цыбиковой (записи произведены в июле 2016 г.), «перед дацаном были посажены разные деревья — сосны, ели, березы, тополя и разные кустарники, здесь был целый сад. Под деревьями были установлены скамейки для отдыха. Сад имел отдельную ограду».

Мы предполагаем, что этот сад символизировал священную рощу в Варанаси. Эта традиция пришла к нам из Индии и Тибета, где бытует традиция при монастырях сажать сады. «Каждое дерево было посвящено какому-нибудь Будде» [Горохов В. А., с. 87]. Во всех буддийских странах особо почитается дерево бодхи, под кронами которого Сиддхарта Гаутама достиг просветления и стал Буддой. В практике бурятских дацанов, таких как Агинский, Цугольский, Анинский и Зугалайский, начали высаживать деревья и кустарники еще в середине прошлого столетия. В 1903–1904 гг. вольный слушатель Санкт-Петербургского университета Базар Барадин в своем дневнике о бурятских дацанах писал, что «священная роща служила своего рода открытым залом, куда с наступлением сумерек под кроны деревьев выходили ламы для прочтения и заучивания молитв, там же проводились диспуты, религиозные обряды».

Интересны воспоминания князя Э. Э. Ухтомского, посетившего много буддийских монастырей в Забайкалье XIX — нач. XX в., в том числе Чесанский дацан: «Посетивши три дацана Селенгинского ведомства (Чжидинский, Гусиноозерский и Бултумурский), а затем шесть хоринских (Цулгинский, Тугнугалтаевский, Хокюртаевский, Ходонский, Чицановский и Эгитуевский), я постепенно убеждался в том, что трудно обмануть бдительность инородцев и стать на твердую почву при ознакомлении с ламским бытом и влиянием на единоплеменников. Бурятские степи искони привыкли жить одною жизнью, более или менее общими интересами, и передавать вести друг другу с поражающею быстротою. Наезжать в дацаны неожиданно, заставить их врасплох удастся довольно немногим, и то местным чинам земской полиции, которые ламам чаще всего не страшны, как свои люди, радеющие лишь о деньгах и угощении. Когда же чужой человек, лицо незнакомое (особенно если о появлении его заблаговременно известно) очутится с глазу на глаз в глуши, перед сплошным инородческим населением, то не вновь прибывший контролирует его действия, а оно, напротив, с упорным, неослабевающим вниманием, день и ночь следит за его образом мыслей, характером, наблюдательностью, пониманием и оценкою фактов и т. п. Такое положение в конце концов делается тягостным и трудно выносимым, лишает самоуверенности и бодрости. Так было и со мною, пока судьба не помогла выйти из-под гнета внешних условий» [Материалы по истории... С. 128-129].

Известный исследователь Владимир Обручев писал: «Буряты придерживались ламаизма (тибетской формы буддизма) и имели несколько храмов, называемых дацанами, вокруг которых жили в отдельных домах монахи-ламы. Самый крупный храм находился на южной половине западного берега Гусинового озера, второй, поменьше, — в долине речки Чесана, правого притока р. Худун» [Обручев В.].

Известный буддолог (индолог) А. П. Баранников в своих воспоминаниях об экспедиции в Забайкалье в 1923 г. после посещения Агинского, Цугольского, Гу-

синоозерского (Тамчинского), Иройского и Ацайского дацанов писал: «Сюда приезжает каждый не только молиться, почти каждый имеет здесь сына или родственника, сюда он отдает учиться своего сына, причем ученье производится по средневековому методу — при помощи заучивания целых томов религиозного содержания. В дацан он приходит лечиться у ламы-врача, а лама-астролог составляет гороскоп его ребенку, определяет счастливые и несчастные дни и часы для начала того или иного дела. Дацан, наконец, дает буряту удовлетворение его эстетических запросов — в дацане, и только в дацане, он найдет прекрасную архитектуру, сооружения, импонирующие ему и размерами, и своим наружным и внутренним блеском; тут он видит блестящую живопись и скульптуру, слышит музыку большого оркестра, играющего на разнообразных инструментах...» [Материалы по этнографии... С. 136].

1.2. «Положение о ламаистском духовенстве 1853 г.» и его влияние на деятельность Чесанского дацана

«Первые письменные источники о распространении буддизма в Хоринском ведомстве Забайкалья датируются в 50-ми годами XVIII века в канцелярии по пограничным делам об утверждении тибетца Лубсан Ширапа главным ламой над 33 хоринскими ламами. Кроме этого, есть описание профессора Гмелина, побывавшего в 1735 г. у хоринского тайши Иринцея Шодоева, об особой молельной юрте тайши и предметах ламаистского культа в семье Шодоева» [Гирченко В., с. 132].

В 1741 г. императрица Елизавета Петровна выпустила указ и узаконила существование «ламайской веры». Всего было учреждено 11 дацанов и в них 150 штатных лам. Они были освобождены от податей и выделены в отдельное сословие. Впервые были юридически оформлены и регламентированы все вероисповедные дела среди бурятского населения, вошедшего в состав российского государства. Ламы получили официальное разрешение и правовые основы на проповедь своего учения среди кочующих бурятских родов. В 1764 г. Екатерина II учредила пост Пандидо хамбо-ламы («учёный настоятель») — главы буддистов Восточной Сибири и Забайкалья, которым стал Дамба-Даржа Заяев, главный лама старейшего в Бурятии Цонгольского дацана. Это утверждение считается правовым признанием буддизма — одной из государственных религий. В 1766 г. бурятские ламы, в свою очередь, признали Екатерину Великую воплощением Белой Тары на Земле.

Указом Иркутского губернского правительства от 13 марта 1773 г. хоринскому тайше Дамба-Дугару Иринцеву было предписано построить в каждом роде по одному кошмовому храму со штатными ламами» [Нацов Г.-Д., с. 173]. В 1773 г., по сведениям Г.-Д. Нацова, по решению хоринского тайши Дамба-Дугара Иринцева была поставлена кошмовая юрта — дацан, с этого берет свое начало история Чесанского дацана.

«Книга записей судебных законов, выработанных 8 числа последнего месяца 1775 г. на сборе сайтов двадцати двух отоков всего Селенгинского ведомства», содержит разъяснения по наказаниям за проступки против духовных лиц и наказаниям самих лам.

В другом памятнике обычного права бурят — «Положении 11 хоринских родов по управлению внутренними делами и судопроизводству» от 1808 г. содержатся в пунктах 1–8 виды и меры наказания в зависимости от ранга пострадавшего и виновного.

Манифестом императора Павла Петровича от 18 марта 1797 г. и указом императора Александра Павловича от 22 июля 1822 г. вновь было подтверждено разрешение свободного исповедания и распространения буддизма. Местные администрации, за исключением назначения на должности главного ламы и его помощника, почти не вмешивались во внутренние дела буддийских монастырей. Реформы М. М. Сперанского 1822 г. не коснулись буддийской церкви и оставили положение монастырей без изменений, за исключением того, что ламы теперь должны быть в подчинении земской полиции. Вскоре после этой реформы с учетом назревшей необходимости царское правительство принялось за устройство административных дел ламаистской церкви.

В «Селенгинском уложении 1823 г.» нет отдельной части, посвященной духовным вопросам и взаимоотношениям. В Уложении выделены две категории лам — комплектные, которые освобождены от уплаты податей и несения общественных повинностей, и податные ламы. Как одно из требований определен обет безбрачия для лам, а также выборность лам при повышении в звании и включение их в комплектные. Это требование было позже отражено в «Положении» 1853 г. [Реалии... С. 160–161].

В период строительства и открытия Чесанского дацана действовало «Уложение 1823 г. 11 хоринских родов» [Обычное право... С. 60–84]. В Уложении вопросы буддийской религии выделены в отдельные главы. Первая глава «О буддийских кумирнях и находящихся в них ламах» и вторая глава «О разбирательстве тяжб между ламами и мирянами из-за ссор» были посвящены основным направлениям жизнедеятельности дацанов, взаимоотношениям лам с мирянами. Согласно ст. 7 гл. 1 «ламы, живущие около дацана своими юртами, там же получают покосы. Одиноко живущие ламы наделяются покосами по числу лошадей и дойных коров в зимнее время. Живущие в улусах ламы получают из территории того общества».

В других главах в соответствующих статьях определены правила в отношении лам и хувараков, например, в гл. 8 ст. 65 запрещено курить в монастырях, кумирнях как мирянам, так и ламам. Всего Уложение 1823 г. имело 12 глав и 142 статьи. Почти во всех сводах обычного права селенгинских и хоринских бурят имеются статьи о ламаистском духовенстве. В них говорится о ламах различных степеней и должностей в дацанах, численность которых зависела от количества дуганов и сумэ.

По распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири А. С. Лавинского в 1826 г. был составлен проект ограничительных правил для буддийского духовенства. Эти правила были представлены на рассмотрение в Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел и переданы в Министерство иностранных дел. Правительство, опасаясь, что ограничительные меры могут вызвать «удаление лам вместе с населением в китайские пределы», не утвердило проект А. С. Лавинского. С этого момента началась разработка законоположения о ламаистском духовенстве Восточной Сибири, растянувшаяся на три десятилетия.

«В фондах Музея истории Бурятии хранятся тибетоязычные уставы — джяки — бурятских дацанов, выполненные на шелковых свитках. В частности, имеется устав внутреннего распорядка Цонгольского дацана (Балдан Брайбун), свидетельствующий о продолжении монастырских традиций тибетского монастыря Сэра» [Реалии... с. 159]. В конце 1820-х гг. Цугольский дацан имел свой устав, который содержал только аспекты религиозной деятельности с большим акцентом на духовность.

В 20–30-х гг. XIX в. непосредственно вопросами управления буддийской общиной занимались Министерство иностранных дел царского правительства, а также генерал-губернатор Восточной Сибири А. С. Лавинский, которые с целью создания собственного законодательного проекта в отношении буддистов России отправили в Иркутскую губернию Павла Львовича Шиллинга фон Канштадта. Приверженец либеральных взглядов, Шиллинг провел масштабное исследование буддийской общины. В целях исключения вероятного возникновения предвзятости со стороны Цонгольского или Тамчинского дацанов поручил третьей незаинтересованной стороне — Кодунскому дацану — составить устав по управлению буддийской общиной. Согласовав с Пандидо хамбо-ламой Гываном Ешижамсуевым, «Шиллинг представляет официальный запрос о составлении проекта устава по управлению буддийскими дацанами главному тайше хоринских бурят Верхнеудинского округа Иркутской губернии Жигжиду Дамбадугарону и главному ламе хоринских дацанов Тойндолу Цеванову. По распоряжению тайши в Кудунском дацане собрались высшие ламы Кудунского дацана — упомянутый Тойндол Цеванов и шанзодба Лхундуб Дандарын, а также заседатель Хоринской степной думы Доржи Дарбаев, зайсан Тугулдур Тобоев для обсуждения проекта» [Цыремпилов Н., с. 107].

Уже в августе 1830 г. шэрэтэ Кудунского дацана лично вручил Шиллингу Кудунский устав, «озаглавленный как «Религиозный устав монголо-бурятского духовенства Забайкалья», состоявший из 289 пунктов и содержавший принципы управления делами буддийской монастырской сангхи и порядок ее взаимодействия с органами власти» [Цыремпилов Н., с. 107].

В настоящее время изучена единственная неполная копия, состоящая из 148 глав. Кудунский дацан является наиболее близким к Чесанскому дацану территориально и даже по организации внутренней и внешней жизнедеятельности. В различных публикациях (Галданова и др., 1983, Яроцкий, 1963) этот документ носит название по месту создания «Кудунский устав», а не официальное его наименование. В настоящее время неизвестно о наличии устава (Джаиг) Чесанского дацана, полный Кудунский устав хранится в музее в Санкт-Петербурге.

В неполном тексте Кудунского устава отражены такие направления деятельности, как «строительство дацанов, сбор пожертвований и контроль над ним, религиозное образование, внутренняя дацанская иерархия, должностные обязанности монахов, медицинская и ритуальная практика и прочее», «...148 статей, распределенных по 7 главам, некоторые из которых, в свою очередь, разбиты на части:

1. Виды дацанов и монастырей. О возведении новых дацанов.
2. Дацанские службы.
 - 2.1. Общие положения.
 - 2.2. Постоянные службы.
 - 2.3. Особые службы.

- 2.4. Поведение монахов, согласно монастырским правилам.
3. Дацанская казна и поступление средств.
4. Категории монахов, необходимых для каждого дацана.
5. Выборы степенных, почетных и должностных комплектных монахов.
6. Наказания за нарушение монашеских обетов.
7. О дацанских школах.
 - 7.1. Общие положения о школах.
 - 7.2. Специальные школы.
 - 7.3. Подготовка в дацанах эмшэ, зурхайша и гурумшэ и их помощь нуждающимся.

7.4. Об астрологах.

7.5. О медитации и проведении ритуалов» [Цыремпилов Н., с. 107–108].

В проекте монахи выдвинули предложение о введении в структуру управления дацанами переходного звена между монастырями, их настоятелями и администрацией Пандидо хамбо-ламы. В своем уставе Шиллинг этому «переходному звену» дал наименование об окружных духовных управлениях. При расчете количества дацанов предлагался один дацан на тысячу душ верующих с приходом, обслуживающим территорию в сто верст по окружности (ст. 3). Возведение дацанов должно было осуществляться за счет верующих. Устав предписывал выбирать из числа мирян ответственных за пожарную безопасность «со своим инвентарем» и охрану имущества (ст. 14–17). Для поддержания необходимой тишины вокруг монашеской обители правила запрещали мирянам кочевать ближе трех верст от дацана. Устав определял минимальное количество (70 человек) для нормального функционирования каждого дацана. Все монахи подразделялись на три категории по степени посвящения (гелун, гецул, банди) и на четыре категории по своим функциям (ст. 57–58): степенные ламы (шэрэтэ, лацаб, соржо, шанзодба, даа лама, нансо); почетные ламы (жидба, гурумчи, гэсгы, 2 унзада); должностные ламы (ноён-лама, захирагчи, нирба, 4 бичээчи, сойбон, 2 тахильчи, 9 сойбо и 2 жама); ученые ламы (бэлигтэ, улзйтэ, эрхэтэ, дархан, тойн, 8 зурхайчи, 10 эмши, 2 зурачи, сийлэчи (ст. 58). Предполагалось ввести институт убашы (ст. 60), принявших пять базовых обетов из расчета 1 от 200 прихожан обоего пола, которые должны были состоять при дацане и проходить обучение в религиозной школе, чтобы восполнить в случае естественной убыли и расстрижения заменить банди в штате дацана. Все должности были выборными, с участием членов прихода (ст. 68), первые лица дацана утверждались губернскими властями (ст. 70). В уставе подробно были расписаны все функции монахов, начиная от шэрэтэ и заканчивая учеными ламами. Основной обязанностью лам перед обществом и государством являлся долг «молиться за спокойствие и счастье всех живых существ, молиться за спокойствие и счастье монарха и всех подданных, молиться за долгую жизнь и обретение святости Будды в будущих перерождениях» (ст. 19). Подробный анализ категорий лам с их обязанностями подтверждает наше предположение о том, что подобная администрация в дацанах существовала в таком или примерно таком виде с момента возникновения первых монастырей в Забайкалье. Кудунский устав наделял широкими полномочиями окружные духовные управления, которые фактически регулировали всю жизнь в дацане. Разработчики устава, таким образом, стремились в некоторой степени воссоздать организацию родовых управлений бурят-монголов, согласно Уставу Сперанско-

го. Независимые друг от друга степные думы напрямую подчинялись губернским властям. Эти же принципы пытались перенести на религиозную администрацию [Цыремпилов Н., с. 109-115]. В целом Кудунский устав предполагал активное участие государства в жизни буддийской общины, при этом больший акцент делался на духовность.

В 1831 г. Министерство иностранных дел командировало в Восточную Сибирь чиновника Шиллинга фон Канштадта для изучения административного устройства ламаизма в Забайкалье, проверки данных генерал-губернатора Лавинского и составления нового проекта по ламаистской конфессии в Восточной Сибири. Две задачи в работе Канштадта были главными: первая — устранить земских чиновников от управления религиозными делами бурят и вторая — сосредоточить духовную власть в руках хамбо-ламы. Устав Шиллинга, составленный после изучения оригинальных дацанских уставов и материалов обычного права, в принципиальных положениях повторяет Кудунский устав, он обсуждался в течение семи лет в различных ведомствах, министерствах и в итоге был отклонен. С 1838 по 1841 г. решался спор о ведомственном подчинении духовных дел ламаистов Восточной Сибири.

После экспедиции Павла Шиллинга селенгинские и хоринские буддисты, не дождавшись от властей свода правил и принципов управления буддийской сангхой, предложили новый устав по отдельному управлению. В августе 1841 г. на общем совете Пандидо хамбо-ламы Гывана Ешижамсуева, шэрэтэ, соржо и почетенных лам дацанов, а также «атаманов четырех хоринских и селенгинских полков, тайши и уважаемых людей были обсуждены «замечания относительно улучшения управления ламами и религиозной жизнью высшим начальством». Новый устав явился комплексом поправок к нормам обычного права бурят-монголов. Предлагалось официально разрешить дацанам открывать мастерские и печатные дворы, готовить своих печатников, принять правила регулирования медицинской деятельности монахов, утвердить процедуру выборов ремесленников, иконописцев, книгопечатников, учителей тибетского, монгольского, русского языков. Предлагалось поставить религиозно-образовательную систему под контроль властей с целью её официальной легимитизации, установление надзора главными тайшами за делами религиозной администрации в точном соответствии с пожеланиями генерал-губернатора А. С. Лавинского. Кроме этого, предлагалось упорядочить вопросы наследования ламами имущества, распределения подношений от мирян, снабжение регулярным пайком высших лам, утверждение форм одежды, которые были подробно описаны. В новом уставе было отражено стремление буддистов к диалогу с властями. Но данная инициатива осталась без внимания со стороны власти, тем не менее данный устав является подтверждением активного поиска буддистами путей конструктивного взаимодействия с властями после неудачи шиллинговского устава. Буддисты выражали согласие на систему зависимости сангхи от родовых органов управления, которая являлась шагом навстречу тем чиновникам, которые видели в такой зависимости ключ к эффективному контролю над делами сангхи [Цыремпилов Н., с. 135–138].

«В монгольском фонде ЦВРК хранится 4 экземпляра устава Цугольского дацана — ВМ-29, МП-47, МП-933, МП-1251. Композиционно данное сочинение делится на три части: вводная, основная и заключительная. Основная часть делится на две части, указанные самим автором. Автором является известный уче-

ник первого шэрэтэ Цугольского дацана Л. Дандарова — Галсан-Жимба Дылгиров, который стал вторым шэрэтэ этого известного дацана. Устав был издан в печатне Цугольского дацана ксилографическим способом. В вводной части указано, что цель данного сочинения — «дать правила о том, чего следует придерживаться и чего избегать хуаракам во время служб». В первой части устава приводятся наставления о необходимости следования учению Будды, описываются общие требования к монахам, соблюдению ими правил и обетов. Во второй части определены названия ежегодных и ежедневных хуралов, приведены порядок отправления хуралов и служб, правила поведения монахов во время хуралов. В сочинении подчеркивается важность почитания лам, необходимость учения как источника святости, собрания 10 духовных деяний, усердия в следовании принятым обетам. В уставе не приводится иерархия лам и административное устройство дацана, неоднократно отмечаются преемственность буддийской традиции и широкие исторические взаимосвязи тибетских, монгольских и бурятских духовных центров. Из колофона устава известно, что он изначально был написан на тибетском языке, указаны краткие биографические сведения Г.-Ж. Дылгирова. На монгольский язык был переведен через 50 лет. Цугольский устав ориентирован в основном только на монастырскую богослужебную практику и регламентирует нормы ее проведения, его можно рассматривать как основной духовный закон буддийского монастыря, определяющий тщательное исполнение буддийских устоев и упорядочивающий его внутреннюю жизнь» [Реалии... С. 181–189].

В 1841 г. вышло «Новое постановление о жизни и обычаях (Правила, установленные селенгинскими и хоринскими главными и почетными духовными и светскими сайтами в 1841 г.)». В этом документе более подробно описаны взаимоотношения светских и духовных лиц, обязанности лам, циклы хуралов в дацанах, меры наказания провинившихся священников, определены знаки отличия и одеяния лам в зависимости от положения и звания и другие вопросы.

С 1841 по 1843 г. разработка проекта правил о ламах перешла в руки главного управления Восточной Сибири, предложившего новую идею, а именно учреждение контроля над всеми административными, финансовыми, хозяйственными и кадровыми вопросами внутренней деятельности дацанов, осуществляемого светским инородческим управлением, по инстанции и губернскими властями. Проект законоположения, разработанный губернской администрацией, также не был утвержден.

В Забайкалье из Петербурга был командирован чиновник Департамента духовных дел МВД Левашев, которому кроме сбора дополнительных сведений о ламаизме поручено было выяснить взаимоотношения между православием, ламаизмом и шаманизмом. В отличие от Шиллинга Левашев не стремился ознакомиться с ламаизмом по оригинальным источникам, счел его необременительным. В 1849 г. Левашев представил свой «Устав для руководства ламайскому духовенству Восточной Сибири», который также не был утвержден.

В 1851 г. было принято «Хоринское положение» по указанию Военного губернатора Забайкальской области и атамана Забайкальского казачьего войска предписанием от 8 октября за №117 на основе предыдущего положения 1823 г. [Обычное право... С. 85–110]. Новое положение состояло из 19 глав и 197 статей. Первые 8 глав были посвящены организации жизнедеятельности дацанов, вопросам избрания и утверждения лам, ламских школ, исполнения ламами обе-

тов, посвящения в хувараки, имущества лам и дацанов и другим. Первая глава содержит 6 статей и предписывает создание канцелярии во главе с главным ламой хоринских дацанов. Во второй главе был определен порядок проведения хуралов в дацанах, рассмотрен вопрос о расходах на проведение хуралов. Третья глава посвящена штатному расписанию: «в каждом дацане должны быть один шэрэтэ, один лацаб, один цоржи, один шанзотба, один засак, один да, один нансу, два гэсхуя, два гэика, два унзата, два нирба, два тахильчи, один дуганчи, один жама, один сойбон. Из этих лам первые девять являются должностными, последние одиннадцать — титулованными. Остальные хувараки нужны для чтения вышеупомянутых великих книг и службы многочисленных хуралов». Глава четвертая «Об избрании и утверждении должностных лиц и лиц, носящих почетное звание лам» регламентирует назначение на должность и требования к кандидатам. В главе пятой «О ламских школах» устанавливается шесть ступеней в образовании лам. В шестой главе «Об исполнении ламами обетов, покаяниях и наказаниях за большие и малые проступки», в п. 43 отмечено, что ламы разделяются по трем степеням посвящения: 1) гелонги — 253 обета; 2) гэцулы — 36 обета; 3) банди — 9 обетов. Глава седьмая «О посвящении в хувараки и замещении мест выбывших лам» содержит требования к хуваракам. Стать банди или хувараком могли только те, кто овладел тибетской и монгольской грамотой, выучил рапсал и докшиты, раздел Ламрима, прошел экзамен у цоржо-ламы, а также должен был поручить свои светские обязанности по уплате податей другим людям. Восьмая глава «Об имуществе и джасе дацанов и имуществе лам» определяет порядок учета имущества, отчетности, распределения доходов и расходов, в том числе наследование имущества лам. Главы с 9 по 19 посвящены правовым вопросам светских лиц» [Реалии... С. 168–173].

В 1852 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев представил очередной проект «Положения о ламайском духовенстве», который был отредактирован в Министерстве внутренних дел, рассмотрен в Сибирском комитете сената, утвержден царем 15 мая 1853 г. и было объявлено 9 июля 1854 г.

Быстрое утверждение проекта Н. Н. Муравьева было связано с активизацией дальневосточной политики царизма. В проекте Н. Н. Муравьева, принятом за основу «Положения 1853 г.», многое использовано из предыдущих предложений Министерства внутренних дел и Министерства иностранных дел о централизации административного управления ламаистской церкви путем сосредоточения власти в руках одного хамбо-ламы и всех ограничительных мерах, на которых настаивали губернские администрации.

Вероисповедными делами бурят-ламаистов до середины XIX в. занимались учреждения ведомств иностранных дел (Посольский приказ, Посольская канцелярия, Коллегия иностранных дел, Министерство иностранных дел).

Правительство предпочитало иметь в Забайкалье сильную, централизованную церковную власть, способную подчинить все центробежные силы, считая, что легче иметь дело с одним хамбо-ламой, чем с десятками соперничающих настоятелей монастырей.

«Положение о ламайском духовенстве Восточной Сибири» 1853 г. рассказывает об иерархическом и хозяйственном устройстве дацана, порядке управления, регламентирующем основные сферы жизни лам и хувараков и хозяйственно-административной жизни дацанов. Пандидо хамбо-лама утверждает шэрэтэ.

Правительство контролировало личный состав управления дацанов. Зачисление в штат, назначение на штатные должности, возведение в духовные степени производились через хамбо-ламу, но вступали в силу только после утверждения царской администрацией и выдачи соответствующих официальных дипломов.

«Зачисление в штат производилось из так называемой Гусиноозерской школы хуvaraков, ученики которой являлись кандидатами на замещение вакансий в любом дацане. Официальная карьера любого ламы обеспечивалась только официальными, заверенными губернскими властями дипломами о возведении в духовное звание и назначение в штат, без этой формальной стороны получение штатных должностей в дацане было невозможно» [Птицын В. В., с. 37; РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 410а, л. 106, 60].

Вся повседневная жизнедеятельность дацана в основном была организована в рамках данного положения и определяла количество, порядок выбора и назначения ламаистских священников на должности, их подчинение светской власти. Этим же документом были установлены жесткие ограничения и правила постройки дацанов и ведения их хозяйственной деятельности».

Положением 1853 г. было определено «комплектное» количество дацанов, штат этих 34 дацанов был установлен в рамках приложения о штатном расписании в количестве 285 лам. Понятия «штат» и «комплект» никак не различались. Все остальные ламы были признаны вне закона, на них не распространялись права и льготы для штатных лам. По этому положению многие вышеназванные духовные должности были упразднены и введены должности хамбо-ламы (глава буддийского духовенства) и шэрэтэ (настоятель монастыря). В соответствии с данным положением все духовенство Восточной Сибири делилось на шесть степеней: 1) для управления всем буддийским духовенством призвали главного Пандидо хамбо-ламу (главенствующего ламу всех дацанов Восточной Бурятии); 2) трех помощников по духовным округам (Гусиноозерский (Тамчинский), Цонгольский, Кудунский); 3) степенных лам (шэрэтэ, соржи, шанзадба, цзасак, даа, нансо); 4) почтенных лам (лацаб, чжудба, агарамба); 5) должностных лам (гэбгуй, унзад, ноен-лама, захирагчи, нярба, бичечи, мэдэчи, чобомба, чжами, гэюк, чженжунчи, тахильчи, дуганчи, сойбан); 6) ученых лам (биликту, улзейту, эрхэту, дархан, тойн, цзурхайчи, эмши, дзурачи).

«Согласно положению религиозными делами, дацанами и ламами ведал хамбо-лама, который подчинялся «...непосредственно департаменту иностранных исповеданий Министерства внутренних дел, а отчетностями обязан перед губернатором Забайкальской области и генерал-губернатором Восточной Сибири», а назначение настоятелей — шэрэтэ производилось по рекомендации хамбо-ламы Военным губернатором Забайкальской области с утверждением у генерал-губернатора Восточной Сибири».

«На хамбо-ламу была возложена ответственность за надлежащее исполнение всех пунктов данного положения (§ 6). Избирался Пандидо хамбо-ламой из трех претендентов. Важным условием для занимаемой должности были не только необходимые для этого знания и качества, но и обязательное владение русским языком (§ 8). Это условие было весьма проблемным явлением, т. к. буддийскими священниками были либо выходцы из местного населения, которые русским языком не владели или владели плохо, либо монгольские ламы, которые читали по-монгольски и по-тибетски, но не владели русским языком».

«Пандидо хамбо-ламе предоставлялось право собирать в духовном правлении съезды из шэрэтэв всех вверенных дацанов и светских почетных представителей от каждого ведомства для обсуждения важных религиозных вопросов и хозяйственных нужд бурят» [Крайнова Л. Н., с. 6–7].

«Контроль за перемещениями буддийских священнослужителей был строгий, а сама процедура достаточно бюрократической, что в целом потребовало около двух месяцев для рассмотрения ординарного дела в канцеляриях хамбо-ламы и Военного губернатора Забайкальской области. Как свидетельствуют архивные документы, с администрацией генерал-губернатора согласовывался отпуск штатных лам на лечение на минеральных водах или по другим причинам, включение в число штатных лам и хуваракон, исключение из податного состояния и др. Поэтому согласно пункту 40 данного положения хамбо-лама и шэрэтэ не могли покидать пределы своих приходов. Этот порядок распространялся на всех штатных лам и хуваракон. Любой лама, желающий получить отпуск, должен был обратиться с письменным разрешением на имя шэрэтэ своего дацана, далее его прошение с приложением письма шэрэтэ посылалось хамбо-ламе, который, в свою очередь, ходатайствовал перед органами власти о выдаче разрешения. Также требовали получения разрешительных документов и другие отлучки из дацана. Например, сохранились письма из Забайкальского казачьего войска, адресованные хамбо-ламе, о необходимости присутствия буддийского священнослужителя и присылки штатного ламы для исполнения обрядов и приведения к военной присяге казаков-бурят, буддистов по вероисповеданию» [Аюшеева М. В.].

«Следующим по значимости в ламаистском духовенстве были шэрэтэ-ламы, которые являлись настоятелями монастырей. Назначались шэрэтэ «из среды лам всех дацанов в совокупности» (§ 14), их представление и распределение по дацанам зависело от усмотрения Пандидо Хамбы (§ 13). Шэрэтэ утверждались в должности генерал-губернатором, с выдачей диплома, по непосредственному представлению Пандидо хамбо-ламы (§ 15). В обязанности шэрэтэв входило не только заведование своим дацаном, на них также возлагались управление и ответственность за подчиненных ему лам и других проживающих при дацанах лиц, исполняющих религиозные обеты: гелуны, гецулы, варма рабжуны (монашеские степени в ламаистских монастырях) (§ 16). Помощником и заместителем шэрэтэ являлись чоржи (§ 2, п. 3), он же в случае болезни или отсутствия шэрэтэ исполнял религиозные обряды у мирян (§ 18)».

«Все остальные должности в дацанах: чоржи (соржо) — помощник шэрэтэ, ловбоны — проповедники, гэбгы и унзады, за исключением шэрэтэв, утверждались в должности по приказу Пандидо хамбо-ламы, от усмотрения которого и зависело распределение их по дацанам, повышение и перемещение их из одного дацана в другой (§ 19)».

«Все ламы, согласно религиозному учению, должны были совершать хуралы в дацанах и сумэ, а также исполнять духовные потребности мирян по приглашению вне дацанов, проповедовать благоразумный образ жизни (§ 20). Все остальные должности, связанные с культовыми и финансовыми делами монастырей, считались вне закона».

«При каждом дацане содержалось определенное штатом количество лам и учеников. Принимать учеников или лам сверх штата дацана строго воспрещалось (§ 29). Новые ламы из числа учеников школы при Гусиноозерском (Тамчинском)

дацане зачислялись на вакантные места в штат любого дацана. Ламы и проживающие при монастырях миряне, которые дали обет гелуна, гецула и вармарабжуна, должны были носить одежду, соответствующую присвоенным религиозным учением степеням, по возможности из дешевых материй, «дабы не обременять своих родителей и родственников (§ 36). Однако вне стен монастыря не возбранялось ношение светской одежды».

Положение 1853 г. определило и решение одного из насущных вопросов — о наделении земель. Наделение дацанов землей производилось из земель прихожан, поскольку в противном случае «наделение дацанов было бы равносильно дополнительному наделению инородцев». Планы наделов определялись преимущественно с целью разрешения возможных споров, однако выдача этих планов не основывалась «ни на норме права, ни на постановлении центрального правительства или главного местного управления краем, а лишь на отдельных немотивированных указаниях областного правления, из которых первым по времени был указ от 4 мая 1857 г. за № 2796» [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 409, л. 80].

«В 1853 г. 25 забайкальских дацанов владели 14 521,5 десятины земли на 98 участках. На одно штатное лицо духовного звания приходилось 46,2 десятины земли. Самым крупным землевладельцем был Агинский дацан: ему было выделено 1 376,5 десятины земли на 5 участках» [Пржиборовский С. В., с. 3].

«Каждый дацан имел в собственности определенное количество десятин земли «из инородческих, казенных пустопорожных и кабинетских земельного уезда, в котором таковые находятся» (§ 49): Пандидо хамбо-ламе отводилось 500 десятин, шэрэтэ по 200, гелунам и гецулам по 60, банди по 30 и хуваракам по 15 десятин. Количество и качество земли, принадлежащей дацану, могли быть разными. Таким образом, в 1863 г. Гусиноозерский дацан владел 1 500 десятинами земли, Агинский — 1 400, Аларский и Цугольский — 1 200 десятинами.

Духовные лица не должны были иметь никакой собственности и содержаться должны были, как и дацаны, за счет пожертвований мирян. При вступлении в ламаистское духовенство послушник должен был отказываться от всего своего состояния в пользу родителей или иных родственников (§47,48). Если же лицо духовного звания не соглашалось лишаться собственности, то оно должно было выбыть из духовного звания в светское (§ 50)».

По нашему подсчету, согласно Положению 1853 г. Чесанский дацан на 1858 г. по штатному списку [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 125, л. 14–14 об.] на 7 лам, в том числе шэрэтэ, 5 лам и 1 банди, имел 530 десятин пастбищных и сенокосных земель. Кроме этого, некомплектные ламы, несмотря на запрет, тоже имели свои земли. В связи с этим возникали конфликты с мирянами.

Движимое и недвижимое имущество дацанов находилось в ведении казначейства (джасы) во главе с ламой-казначеем — нирбой. Джаса подразделялась на «джасу дацана», принадлежащую всей общине в целом, и «джасу лам и хувараков», распределяемую среди духовенства в зависимости от должностной иерархии и духовных степеней лам. Кроме общей джасы дацана существовали отдельные казначейства дуганов.

«Заведовали «как движимым, так и недвижимым» имуществом дацанов старосты, которые избирались на три года из среды прихожан. Должность эта была не только почетна для мирянина, но и весьма ответственна, ответственна настолько, что выбранный претендент утверждался на данную должность Воен-

ным губернатором Забайкальской области (§ 51). Староста находился в подчинении шэрэтэ. В его обязанности входила охрана всего имущества, а также ежемесячный учет всех доходов лам и дацана (§ 52)».

Настоятели дацанов должны были ежегодно отчитываться перед хамбо-ламой о состоянии хозяйственной деятельности, о стоимости движимого и недвижимого имущества, о доходах и расходах, о послужных списках личного состава. В свою очередь, эти сведения представлялись хамбо-ламой в губернское управление.

«Хозяйство, находящееся при каждом дацане, безраздельно принадлежало всей общине, к которой относился дацан, и находилось в заведовании шэрэтэ (§ 54). Денежные доходы дацанов или сумэ, которые складывались из добровольных пожертвований мирян, продажи религиозных предметов, фиксировались в специальной книге. Интересен тот факт, что полученный капитал ламы и миряне имели право с общего согласия положить в Государственный банк под проценты, пустить в ход в торговом предприятии или же учредить при дацане общественный банк, получая в год не более 12%. Полученные таким образом средства советом мирян и духовных лиц расходовались на нужды дацана или сумэ или шли на субсидию неимущим мирянам, проживающим при дацанах для исполнения религиозных обетов (§ 55). Денежные доходы каждого дацана делились на 10 частей и распределялись следующим образом: 10% отсылалась раз в год, 1 января, шэрэтэ каждого дацана ПандидоХамбо-ламе на его содержание и покрытие канцелярских доходов, 20% поступали в пользу шэрэтэ, 30% отпущались на содержание дацанов и канцелярские расходы при них, остальные же 40% делились между ламами (§ 56). Доходы, полученные от пожертвований и приношений, не включались в расходы на содержание лам. Такие расходы, как наем сторожей, отопление, освещение, свечи, курительные вещества для дацанов или сумэ, миряне по совместному решению, которое фиксировалось в инородческих управлениях, покрывали сбором от 5 до 10 копеек с каждой души» [Крайнова Л. Н., с. 8–10].

Наличие большого движимого и недвижимого имущества способствовало развитию торговых, ссудно-ростовщических и арендных операций джасы дацана. Дацанские хозяйства занимались продажей скота на городских рынках, в Кяхте его меняли на чай, который пользовался большим спросом у населения. В ходе торговых операций в джасу дацанов поступало больше дохода, чем от простого содержания скота. Подношения прихожан тоже становились предметами продажи. Также ламы получали серьезный доход от перепродажи заграничных предметов культа.

Как и все дацаны, Чесанский дацан занимался продажей бурханов, образов, молитв, поясов и других культовых предметов, что являлось одной из существенных статей доходов казны. Кроме этого, в казну (джасу) дацана поступали различного вида пожертвования мирян — плата за заказные молебны и чтение обрядников о благополучии и здравии семьи, о сохранении долгой жизни новорожденному, об излечении от болезней и недугов; вклады на помин души, для «очищения от грехов и накопления добродетелей» умершего и обеспечения ему лучшего перерождения в будущей жизни. В джасу дацана зачислялись подарки, подношения за оттиски богов и книг с ксилографических досок джасы, а также приношения в покаяние за совершенные грехи, штрафы духовных лиц и т. д.

Кроме джасы лам и хуvaraков существовали и индивидуальные доходы лам, которые не поступали в эту джасу. Эти доходы состояли из персональных подарков или платы за исполнение религиозных нужд в улусах. Удовлетворение религиозных потребностей населения было стабильным источником большей части доходов дацанских джас и лам.

Имущество джасы дацана записывалось в книгу с печатью и находилось под наблюдением нярбы дацана. Приход и расход по этой книге подвергались ревизии со стороны Пандидо хамбо-ламы. Ежегодно в октябре проводился подсчет доходов и расходов.

Штатные ламы забайкальских дацанов утверждались персонально губернатором Забайкальской области, шэрэтэ, Иркутским генерал-губернатором. Штатные ламы проживали на территории дацана, не имели своей собственности. Как правило, они владели тибетским и монгольским языками, астрологическими и медицинскими знаниями.

По своим обетам ламы в бурятских дацанах делились на хуvaraков, гецулов и гелунов. Хуvaraки являлись первой ступенью монашества и самыми младшими по возрасту монахами. Следующий обет гецула получали по желанию все имеющие обет хуvaraка и достигшие юношеского возраста. Самым старшим обетом монашества является обет гелуна. В этот сан посвящались монахи, достигшие возраста старше 20 лет и имеющие обет гецула.

Органом управления дацаном являлись сугунды — дацанский совет, состоящий из старейшин и представителей исполнительной власти (шэрэтэ, надзиратель, эконо и др.). Сугунды обсуждал и принимал решение по организационным вопросам жизнедеятельности дацана. Обязанностью шэрэтэ, избранного ламами дацана и представителями местного населения на известный срок, являлись забота и поддержание нравственной дисциплины лам и хуvaraков, организация учебного процесса, нравственное просвещение мирян своего прихода путем публичной проповеди, наставлений и деятельного участия в деле преподавания буддийского учения.

Вся жизнедеятельность Чесанского дацана неотъемлемо подчинялась правовым нормам, действующим в отношении буддийского духовенства на протяжении всего периода развития дацана. Чесанский дацан по духу своему, организации внутреннего уклада жизни и развития и в территориальном плане был наиболее близок к Кудунскому дацану. Большинство лам до перехода в Чесанский дацан в 1840–1850 гг. были выходцами из Кудунского дацана, принимали обеты и посвящения (лун) у шэрэтэ именно этого дацана и безусловно оказывали влияние на его организацию жизнедеятельности. Поэтому если и был устав Чесанского дацана, то вряд ли бы он кардинально отличался от устава Кудунского.

«В дацанах, независимо от ограничений и запретов Положения 1853 г., находились тысячи лам и хуvaraков, они получали «незаконное» посвящение в духовное сословие и богословское образование не в Гусиноозерской школе хуvaraков, а в бурятских, монгольских и тибетских монастырских школах, получали богословские ученые звания, даже рекомендации от ургинских иерархов для замещения штатных вакансий в бурятских дацанах» [Кудрявцев Ф. А., с 37].

Дацаны не всегда строго следовали требованиям положения и допускали некоторое своеволие в решении различных вопросов уклада жизни дацана. Были исключения, например, направление для дальнейшей учебы прилежных

хувараков в различные монастыри Монголии, Тибета, Индии, приглашение из этих стран высокочтимых лам для передачи буддийских практик, содержание превышающего количества лам и хувараков при дацанах, строительство различных зданий и строений (дуганы и сумэ, в том числе кухни и печатни) в дацанах, различные сборы среди мирян на нужды дацанов.

Полученное на строительство разрешение сопровождалось требованием, чтобы по возведении нового здания дацана его старое здание было уничтожено и на его месте не была сооружена ни часовня, никакое другое молитвенное здание.

Развитие Чесанского дацана, как и буддизма в России в целом, проходило в условиях жесткого государственного контроля, преодоления сопротивления шаманистов, стремления привести всех подданных в православие. В насаждении оседлости и земледелия среди кочевых бурят-монголов царская власть отводила ведущую роль дацанам и буддийским священнослужителям. Кроме того, в развитии дацанов была заинтересована местная аристократия и знать, рассматривающие их как источник легитимизации их власти при умелом использовании большого властного потенциала, заключенного в буддийских символах и практике [Намнанов Д. Д., с. 181].

Тем не менее рубеж XIX–XX вв. можно назвать периодом благоприятного развития буддизма в России. Как в Чесанском, так и в других дацанах были построены все необходимые культовые сооружения (дуганы, сумэ, субурганы и другие), несмотря на то, что с 1853 г. согласно Положению о буддистах Восточной Сибири запрещалось строить новые дацаны, производить сбор средств и расходовать их на культовые нужды без подачи специальных ходатайств, утвержденных местными бурятскими властями, генерал-губернатором и Министром внутренних дел России. Однако этот тройной контроль не помешал дацанам еще вести строительство в огромном объеме, никогда еще на строительство, оборудование и украшение не расходовалось столько народных средств и труда, как во второй половине XIX в. и начале XX в. [Намнанов Д. Д., с. 181–182].

1.3. Священные книги Чесанского дацана

В библиотеке дацана хранились редкие книги, рукописи, разнообразные этнографические материалы, манускрипты, ксилографы и прочие печатные и рукописные издания. В каждом дугане была своя библиотека. Главным достоянием были письменные памятники — священные канонические «полные собрания на монгольском и тибетском языках Ганжур в 108 томах, 2 комплекта, Данжур в 226 томах, 2 комплекта, Юм в 21 томе, 2 комплекта, 12–15 тысяч сумбумов — собрания сочинений тибетских и монгольских священнослужителей и различных буддийских текстов» [ГАРБ, ф. 425, оп. 33, д. 20, л. 1]. Сумбумы — собрания сочинений отдельных авторов, которые составляют наряду с канонической, школьной и класса «торбу» (отдельные издания) литературой значительную часть в составе буддийской литературы. Сумбумы по-тибетски — молитвенники, являются сокровищами дацанов. Полные комплекты собраний Ганжура и Данжура имелись в очень немногих, как правило в крупных, дацанах, к тому же на двух языках.

Имелись сочинения знаменитого Цзонхавы, его учеников, далай-лам и многих тибетских и монгольских средневековых ученых-схоластов, учебники философов

ских школ различных монастырей, сочинения по истории буддизма, медицине, астрологии, религиозной дидактике, молитвословы, сборники тарнических заклинаний (тарни — мантры буддийских йогических практик). Научная ценность этой литературы была огромной, ибо она представляла собой всю обширнейшую систему индо-тибетского буддизма. К сожалению, указанные раритеты были безвозвратно утеряны и уничтожены, за редким исключением, которые попали в музеи и хранилища архивных источников.

«По приблизительному подсчету минимальное количество буддийской литературы по состоянию на 1914 г. в сорока основных бурятских дацанах составляло 450 тысяч томов (по 400 страниц в среднем) и оценивалось в 4,5 млн рублей в ценах 1914 г. Это без учета того, что в отдельных дацанах имелись особо ценные издания, «художественно переписанные «девятью драгоценностями», золото, серебро, медь, железо, коралл, жемчуга, раковина, бирюза, лазурит, на специальным способом изготовленной черной бумаге». Такой Ганжур был в Кыренском дацане Тункинском аймака, в нескольких дацанах Селенгинского аймака, в Цугольском дацане и др. Одна переписка Тункинском Ганжура в 110 томах обошлась в 63 250 р. Двусторонний переплет стоил не менее 10 рублей за том, каждый том был дополнительно обернут в три обертки из китайского шелка по 1 м. (каждая около 650 р.), итого, всего без учета бумаги и драгоценных красок - 65 тысяч рублей в ценах 1909-1910 гг.» [Сыртыпова С. Д., с. 28].

«Начало систематическому изучению коллекций книг тибетского и монгольского фондов ХВРК ИМБиТ было положено в середине 50-х гг. Важную роль для приведения фондов в надлежащий порядок сыграли бывшие ламы, знатоки и практики буддизма, принятые в качестве сотрудников института для работы в рукописном отделе Лодой Ямпиллов, Гымпыл Гомбожапов, Бато-Мунко Дашиев, Бидья Дандарон. Потому систематизация буддийской литературы в фондах была подчинена традиционной классификации, существующей в тибетском буддизме, с выделением канонических изданий — Ганджур, Данджур (тиб. bka' gyur; bstan gyur), авторских собраний сочинений — сумбумов (тиб. Gsung 'bum) и отдельных изданий (тиб. thog bu)» [Сыртыпова С. Д., с. 36].

Ганжур означает по-тибетски «перевод предписаний», «перевод откровений» и является собранием наиболее авторитетных, принадлежащих Будде Шакьямуни текстов и изречений, имеющих безусловную каноническую силу (перевод сказанного Буддой). Ганжур — главный источник основных положений догматики и предмет культа для буддийского священнослужителя. Издается Ганжур в 100, 102 томах и более (до 108), содержащих в общей сложности 1 083 отдельных сочинения. Обычно он подразделяется на 7 основных частей. Первый раздел носит тибетское название Дул-ва (санскр. Виная), что означает «монашеская дисциплина» или «правила поведения монашеской общины», и содержит несколько сочинений. Второй раздел — Шэрчин, объемом от 21 до 24 томов, посвящен Праджняпарамите, т. е. «высшей ступени абсолютной (потусторонней) мудрости» или «высшей мудрости, переводящей на другой берег существования». Третий раздел — Пал-чэн — пространно (в 6 томах и 24 главах) излагает одно из наиболее популярных сочинений махаяны — Махаваипульва-сутру («сутру о великом собрании»). Четвертый раздел посвящен вопросам религиозной морали — Кон-цээг или Гонзаг (санскр. ратна-кута — «гора драгоценностей»), а также 5–6 томов диалога Будды со своими учениками и высказывания различных

авторитетных для буддистов личностей по вопросам этики и метафизики. Пятый раздел — До (270 произведений) или До-дэ (санскр. сутра), т. е. «руководство», «поучительные речи». Состоит из 30 или 32 томов и частично совпадает по содержанию с Сутта-питакой палийского канона, включая сочинения махаяны, что позволяет понимать идеологию ламаизма. Шестой раздел — Ньигдай «освобождение от горестей» (санскр. «нирвана»), состоящий из двух томов «рассказа о великой кончине», «перехода в нирвану» Шакьямуни, его последние наставления, трагические переживания всех живых существ, вызванные «уходом учителя», поднесение ему жертв, сожжение тела и другие. Седьмой раздел — Джюд (санскр. тантра — букв. «сплетение», «ткань»). Это 22 или 24 тома сочинений тантризма, которые, таким образом, вводятся в состав канонической литературы ламаизма.

Вызывает большой интерес история комплекта Ганжура из Чесанского дацана, представленная в публикациях Ц. П. Ванчиковой. Ганжур является культурной и исторической ценностью, памятником монгольской письменной культуры и буддийских канонов. В настоящее время в монгольском фонде ЦВРК ИМБТ СО РАН хранится уникальный комплект рукописного монголоязычного Ганжура, который до 1929 г. хранился в Чесанском дацане. Данный Ганжур является «парадным изданием», иллюстрирован изображением божеств, написан красными чернилами.

Как мы уже писали выше, собрание томов Ганжура было куплено примерно в 1898 г. у Пандидо хамбо-ламы Чойнзина Доржо Иролтуева по его возвращении из Пекина шэрэтэ Чесанского дацана Р. Ч. Эрдынеевым по цене 25 рублей золотом за каждый том [ГАРБ, ф. 248, оп. 3, д. 21, л. 47–48].

По сведениям Ц. П. Ванчиковой, он был приобретен на средства верующих и привезен паломниками или ламами Чесанского дацана из одного из монастырей Долоннора. В комплекте насчитывается 110 томов, отсутствуют 4 тома и «гарчаг» (оглавление). Более подробные сведения об истории его приобретения отсутствуют. Количество томов увеличивается в связи с тем, что написан в рукописном варианте. В печатном варианте обычно насчитывается до 108 томов. В архивном фонде Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН хранится несколько документов, связанных с историей их поступления в фонды Бурятского ученого комитета (сейчас ИМБТ) в 1929 г., в том числе акт от 21 сентября 1929 г. о том, что сотрудник Буручкома Намсараев Хуца доставил в библиотеку Буручкома 110 томов «Ганжура» на монгольском языке, привезенные из Чесанского дацана [Ванчикова Ц. П., с. 157–165; Пурбуева Ц. П., с. 26–29; Пурбуева Ц. П., с. 47–48]. По сведениям Л. Я. Ямпилова, отсутствующие тома в настоящее время хранятся в частной библиотеке в с. Ульдурга Еравнинского района у одного из родственников служителя Чесанского дацана.

Отмечается, что во всем мире было издано в рукописном варианте всего четыре экземпляра на монгольском языке: один находится в научной библиотеке Санкт-Петербургского университета (написанный черными чернилами), один в научной библиотеке г. Улан-Батора в Монголии, один г. Хух-Хото в Китае, а также Ганжур Чесанского дацана, хранящийся в настоящее время в ЦВРК. «В Ацагатском дацане имелся Ганжур, написанный серебром, который был привезен из Тибета Агваном Доржиевым как подарок от Далай ламы» [Цыбенев Б. Д.,

с. 85]. Описание петербургского рукописного Ганжура есть в работе З. К. Касьяненко [Каталог... 380 с.].

В ЦВРК имеются архивные документы по истории приобретения комплекта монгольского Ганжура. Среди них:

1. Командировочное удостоверение, выданное Х. Намсараеву 15 июня 1929 г.: Бурят-Монгольский ученый комитет действительно поручает предъявителю сего научному сотруднику Х. Намсараеву вести переговоры о передаче в ведение Ученого комитета сочинения «Ганжур» на монгольском языке (*ЦВРК ИМБТ, ф. 9, т. 57, л. 41*).

2. Командировочное удостоверение, выданное Х. Намсараеву 7 сентября 1929 г. Научный сотрудник Бурят-Монгольского ученого комитета тов. Намсараев Хуца командирован в Хоринский, Еравнинский аймаки и в район ст. Могзон Забайкальской железной дороги Читинского округа для получения находящихся у отдельных граждан девяти томов монгольского Ганжура из библиотеки Чесанского дацана, которые были взяты этими гражданами на временное пользование. Согласно информации Л. Я. Ямпилова (1910–1993), отсутствующие тома хранятся в частной библиотеке в с. Ульдурга Еравнинского района (*ЦВРК ИМБТ, ф. 9, т. 53, л. 45*).

3. Акт. 1929 г. 21 сентября составлен настоящий акт в том, что сотрудником Буручкома Намсараевым Хуца сдан в библиотеку Буручкома 110 томов «Ганжура» на монгольском языке, привезенные из Чесанского дацана (*ЦВРК ИМБТ, ф. 9, т. 53, л. 150*).

По сведениям Н. В. Цыремпилова, «известный бурятский писатель Хоца Намсараев (1889–1959) 21 сентября 1929 г. лично доставил Ганжур из Чесанского дацана в Буручком в г. Верхнеудинск на хранение. Со ссылкой на информацию, сообщенную нам сотрудницей ИМБТ Юмжаной Жабон, мы пишем, что еще ранее в начале XX в. этот Ганжур был тайно вывезен из Пекина бурятскими ламами и казаками и отправлен на хранение в Чесанский дацан. Есть также ссылка на отрывок из книги Ш. Б. Чимитдоржиева «Кто мы, бурят-монголы?», где он сообщает, что по наводке Найдана Гомбоева, главы почтовой службы Российского посольства, Пандидо хамбо-лама Иролтуев посетил г. Пекин в дни Ихэтуаньского восстания и отобрал из разрушенного императорского дворца ценности, в числе которых, по всей видимости, кроме Зандан Жуу был также вывезен и монгольский Ганжур».

Данжур — второй важнейший сборник ламаистской литературы — «перевод учений» или «перевод толкований» (перевод пояснений к сказанному Буддой). Он содержит основные положения буддизма и дальнейшее их развитие, сделанное схоластами Индии вплоть до X в. н. э. Его 225 томов также солидны, как и тома Ганжура. Основную массу входящих в Данжур произведений составляют, как и в Ганжуре, переводы с санскрита, дополненные переводами с китайского и других языков. Лишь немногие сочинения, вошедшие в Данжур, могут считаться оригинальными тибетскими. Данжур делится на две большие части: Джюд (тантра) и До (сутры). Джюд имеет 88 томов, состоящих из 2 640 трактатов, заклинаний, магических призывов и восклицаний, «лечебных» формул, молитв и т. д., расположенных вперемежку. В Джюд входит все 24 тантрийские системы, объединенные «четырьмя отделами тантр». Одно из произведений высшего из четырех отделов тантр (Анuttара-йога-тантры) — это трактат Калачакры («Колесо

времени»), занимающий в Данжуре 5 томов, который в современном ламаизме имеет особое значение.

В части До 137 томов, состоящих не из самих сутр, а из комментариев к некоторым сутрам, вошедшим в Ганжур, и из оригинальных сочинений крупнейших буддийских авторов 1-го тысячелетия н. э. Сюда входят важнейшие сочинения «шести украшений Индии» — Нагарджуны, Арьядевы, Асанги, Васубандху, Дигнаги и Джармакирти — и разъяснения к этим сочинениям, сделанные другими авторами.

О судьбе священных книг Данжура, Юма Чесанского дацана неизвестно. История священной книги «Юм» (в переводе с тибетского — «мать») восходит к временам Будды. Она входит в состав «Ганжура» — Учения Будды, состоящего из 108 томов. Юм дает понятие Пустотности, без постижения которого в буддизме нет избавления от Неведения и достижения Просветления. Вполне возможно, что Пандидо хамбо-лама Итигэлов, в совершенстве постигший Учение Будды, в свое время читал именно эти тома священной книги. В 60–70-е гг. прошлого века пожилые люди, знающие старомонгольскую письменность, читали Юм. Они знали, что книга периодически требует чтения. Декламация сутр ведет ум к непосредственному осознанию запредельной мудрости, к постижению тайны Учения и приумножению благих заслуг.

Некоторые произведения из первого каталога Цугольского дацана с переводами и комментариями, выполненными известным переводчиком буддийской литературы Г.-Ж. Дылгыровым, были переизданы в том числе и в Чесанском дацане. «Переводы Г.-Ж. Дылгырова, комментарии и авторские труды, включенные в первый каталог Цугольского дацана, пользовались большим успехом у широких масс народа. Это красноречиво подтверждает тот факт, что из 30 сочинений из этого каталога 22 произведения были переизданы другими дацанами. Главным образом, их переиздавали в дацанах Хоринского ведомства, в которых хорошо была налажена книгоиздательская деятельность. Особенно много произведений из первого каталога было переиздано в типографиях Ацагатского дацана (11 сочинений), Эгитуйского дацана (9 сочинений), по 2–3 произведения — в Анинском и Чесанском дацанах. В Агинском дацане также переиздавали тексты, выпущенные Г.-Ж. Дылгыровым. В первом ксилографированном каталоге Агинского дацана *mongyol-im iisiig-iin terigiiten kedtin jiiil nom-ud-un garsay amui* «Каталог «монгольской азбуки» и прочих книг разного рода» содержатся 7 произведений из данного каталога» [Сыртыпова С. Д., с. 58].

В Национальном музее искусств имени Богдана и Варвары Ханенко (бывшее название — Киевский музей западного и восточного искусства) в числе уникального собрания предметов зарубежного искусства в Украине, в запасниках музея среди памятников тибетской письменности хранятся рабсалы Чесанского дацана.

О существовании рабсалов в Киевском музее Ханенко пишет Е. Д. Огнева в статье «Памятники тибетской письменности в Украине»: «... рабсалы, или же чойчжод-рабсалы, т. е. тексты с обязательным соборным чтением в философских школах при дацанах, представлены рабсалами Цонгольского (VII/11) и Чисанского/Чесанского (IV/16) дацанов» [Огнева Е. Д., с. 216; Востриков А. И., с. 301].

Мы связались с заведующим отделом искусства Востока данного музея в августе 2017 г., она подтвердила наличие в музее рабсалов Чесанского дацана. В своем письме ведущая научная сотрудница отдела искусства Востока Марта Логвин написала, что в настоящее время «нужный Вам рабсал еще не оцифрован. Работа по фотофиксации и сканированию этого памятника требует усилий нескольких специалистов, включая реставратора старинных книг, для этого нам придется обратиться в Национальный реставрационный центр, поскольку в штате музея нет именно такого узкого специалиста». По словам заведующей отделом Галины Ивановны Биленко, «после оцифровки данные раритеты будут в открытом доступе». Надеемся, что дацан когда-нибудь сможет вернуть хотя бы копию этих рабсалов.

В «Ведомости о движимом и недвижимом имуществе дацана на 31 декабря 1878 г.» перечислены буддийские книги (молитвословы), в том числе канонические книги Ганжур и Данжур с указанием их стоимости:

«– 1 том Жадомба судар, 395 страниц, на тибетском, написан белым серебром на черном листе, стоимость 250 р.;

– 1 том Тарба Ченбо судар, 100 страниц, на тибетском, написан золотом на черном листе, стоимость 51 р.;

– Ганжур судар, 101 том, стоимость 600 р.;

– Данжур судар, 225 томов, стоимость 675 р.;

– 1 том Алтан Гэрэл судар, на тибетском языке, стоимость 3 р.;

– 1 том Жадомба судар, на тибетском языке, стоимость 3 р.;

– на монгольском 23 тома Богдо Зонхово Жалсоб Богдын сумбум, стоимость 64 р.;

– на монгольском 1 том Маани Ганбум, 609 страниц, стоимость 609 р.;

– на монгольском 1 том Ламрим Шинбу, 300 страниц, стоимость 300 р.;

– на монгольском 1 том Алтан Гэрэл, 237 страниц, стоимость 118 р.;

– на монгольском Ёноной хургаал, 4 страницы, стоимость 2 р.;

– на монгольском 1 том Тарба Шинбу судар, 156 страниц, стоимость 78 р.;

– на монгольском 1 том Хайландама, 133 страницы, стоимость 133 р.;

– на тибетском 1 том Чойжид рабсал, 366 страниц, стоимость 183 р.;

– на тибетском 1 том Гаржама, 60 страниц, стоимость 60 р.;

– на тибетском начало Гонда Задай, 18 страниц, стоимостью 18 р.;

– на тибетском начало Гунчэн Дэмбрэл, 32 страницы, стоимостью 32 р.;

– на тибетском начало Риглам Чойне, 82 страницы, стоимостью 82 р. ...»

[ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 32, л. 8–10].

В примечании отчета об имуществе дацана есть сведения за 1915 год о пожертвованиях лам в библиотеки дацана: «...1) от Данзан Дампилуна: № 535 — Банчин Балдан Ешин сумбум в 9 томах за 18 р.; № 536 — Банчин Шоглой Намжилун сумбум в 9 томах за 18 р.; № 537 — Сонпрул юм за 15 р.; № 538 — Дара Эхэ бурхан 21 шт. по 1 р.;

2) от гелуна Дампила Сампилуна: № 539 — Жилбан-абиин сумбум в 25 томах за 50 р.; № 540 — Жидун Нендби Доржийн сунжид в 28 томах за 56 р.;

3) от инородца Широба Чойвану: № 541 — Ехэ Цэнди Жэбээл-дэйгээр (дэлгэр) за 50 р. Всего за 2015 год пожертвований было на сумму 208 р. Вместо шэрэтэ гелун Сампилун (подпись). Староста дацана Вампилун (подпись)» [ГАРБ, ф. 459,

оп. 1, д. 91, л. 10–10 об.]. В других отчетах также есть перечень буддийских книг, приобретенных дацаном или пожертвованных ламами и прихожанами.

«Образцы печатных изданий бурятских дацанов свидетельствуют о большом внимании, уделявшемся книгопечатанию, искусности мастеров и тщательности технологической обработки матриц, обложек, оберток и ярлыков для книг. Традиция изготовления, хранения и использования книг свидетельствует об особом трепетном отношении бурят к учению, образованию. Бурятские ксилографы выгодно отличаются высоким качеством печати, грамотным набором текста, каллиграфической резьбой, различными дополнительными декорациями. Существование централизованного института Хамбо-ламы как главы буддийской церкви Восточной Сибири обеспечивало междацанские связи, а стало быть, и взаимообмен факультетов разных монастырей печатной продукцией» [Сыртыпова С. Д., с. 16–17].

В канонических изданиях записаны все догмы веры, культы и традиции, указаны правила и нормы, обязательные для адептов буддийской религии. Также в них описаны исторические сведения, мифы и жизнеописание основателей буддийской религии и их последователей, оставивших важный след в истории формирования верования. Главным условием для глубокого и полного постижения теории и практики Дхармы является принятие монашества. После принятия обета монахи последовательно погружались в изучение широкого круга канонических источников, входящих в свод буддийского канона — Ганжур и Данжур, а также сумбумы с целью правильного осознания смысла Учения Будды Шакьямуни, сочетающего в себе методы сутры и тантры.

1.4. Большие и малые хуралы

Хурал — собрания лам-монахов, священнодействие, буддийская служба. Он помогает очистить ум от отпечатков неблагих деяний, совершенных телом, речью и умом. В Монголии и Бурятии хуралы делят на большие и малые. Малые хуралы читаются каждый день, в основном на тибетском языке. Даты проведения малых повседневных молебнов устанавливают согласно традициям каждого монастыря или же выявляют по астрологическому признаку. При этом наиболее благоприятными для умножения добродетели считаются 8, 15 и 30-й лунные дни. Большие хуралы созываются в дни священных дат, связанных с четырьмя знаменательными событиями в деятельности учителя Шакьямуни и его становления Буддой, а также в дни, посвященные нисхождению учителя Будды Шакьямуни из области небожителей в сферу людей. По своей структуре хурал разбивается на предварительную, основную и заключительную части. В большинстве случаев проведение больших хуралов рассчитывают на три дня, но иногда и дольше. При этом средний день, а иногда и последний день приходится на основную дату для проведения молебна. Всего на проведение больших и малых хуралов в общем отводилось 92 дня в течение года.

В 8 хоринских дацанах (по сведениям Хоринской степной думы от 10 декабря 1853 г.) проводились в течение года 15 больших и главных хуралов:

«1-й по монгольскому или лунному исчислению начинается с 1 числа весенней луны и продолжается по 15-е число. Этим хуралом приносится моление, воспоминание чудес, показанных Шигимунием, он продолжается 15 дней.

2-й бывает 15 числа последней весенней луны, это проповедование Шигимунием учения Цаган-Курдун (о течении времени), 1 день (речь идет о Сагай Хурдэ).

3-й в 7-е число летней луны, проводится моление по случаю рождения Шигимуниа, один день (одна из версий, 7-е число первой летней луны, речь идет о зачатии).

4-й в 15-е число летней 1-й же луны, воспоминание святости божества Шигимуниа и переселении его от сего места, один день (речь идет о рождении, просветлении и уходе в нирвану).

5-й в 4-е число летней последней луны, о первоначальном проповедовании Шигимунибурханских учений своего Ассоро-Тынгыримо полубогам, обитающим в другом мире (речь идет о Майдари-хурале, посвященном первому повороту колеса учения).

6-й в 15-й день последней же летней луны, о значении в утробе матери Шигимуни бурхана, один день.

7-й в конце в последних числах летней последней луны, избираются счастливые дни, в которые производятся чтения Юм, состоящего из 21 тома, этот хурал продолжается три дня.

8-й также летом и осенью избираются счастливые дни, в которые производятся чтения книг Ганжура и Данжура, состоящих 1-я из 108-ми, последняя из 225 томов, полагается для первой и последней 20 дней.

9-й в 29-й день последней луны о переселении Шигимуни бурхана из царства 33 тынгыриев Замбу Тибе (здешний мир), один день (речь идет о хурале Лхабаб дуйсэн, снисхождение Будды Шакьямуни с 33 небес в Замбудиву).

10-й с 23-й по 25-ю зимнюю первую луну в честь бога Зонхавы, просветителя Тибета Шигимунием шигимунианской верой, три дня (речь идет об основателе школы Гелугпа Зонхаве).

11-й в 29-е и 30-е числа последней луны проводится моление по древнему обряду два дня (речь идет о хуралах Сагаалгана, которые проводятся с 27-го по 30-е число).

12-й по русскому исчислению 25 июля, 22 августа, 20 ноября и 6 декабря, то есть великаторжественные дни рождения, коронование, восшествие на всероссийский престол (...) его императорского величества, о здравии и долголетию их императорских величеств государя и государыни и всего августейшего дома, четыре дня.

«В сих 12 хуралах составится 63 дня, сверх этого между вышеозначенными хуралами отправляется богослужение Началу четырех источников божества, а именно бурханам, именуемым Ламарин, Аюша, Отошо, Найдан, Мандуб, Диглинзон, Сундуй, Гунрик, Дара Инкэ, Тарба, Соге Цокто, Зандан, Соге Ямандага, Маха Гала, Иргин Халу Укин Тынгыри, о четырех лицах Махагале, Жамасарану, бывшего цылибою дорлику Дондукбал Даон, Ганжию (...) в честь пяти царей, хранителей священного писания» (Речь идет о богослужении бурханам: Ламриму, Аюше, Отоше, Найдану, Мамбе, Дорлигхану, Сундую, Гунригу, Дара Эхэ, Тарбе, Соге Цокто Зандану, Соге Ямандаге, Махакале, Эрлиг Хаану, Ухин Тынгырию, четырехликому Махакале, Жамсарану, Дамжан Дорлику, Дорже Даяну (Табан Хаану), Ганжуру) [ГАРБ, ф. 8, оп. 2, д. 33, л. 179–180 об. Рукопись. Подлинник; История Хоринской... С. 260–262].

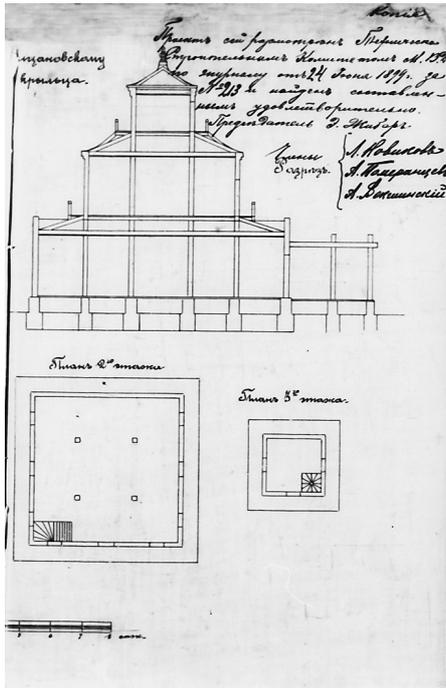
Система Калачакра обеспечивала астрономическую и астрологическую службу буддизма. Во время хуралов «больших чтений» читали книги «Ганжур», «Данжур», «Юм», «Ламрим», «Сундуй», «Алтан Гэрэл», «Жаадамба» и другие канонические буддийские сочинения. Ежегодно во время Ганжур-хурала читали поочередно Ганжур и Данжур. В связи с тем, что Ганжур состоял из 114 частей, как в Чесанском дацане, прочитать в течение трех дней, отведенных на проведение хурала, было невозможно. Поэтому ежегодно начинали читать с того места, на котором остановились в прошлом году. Таким образом, чтение всех томов Ганжура и Данжура растягивалось на несколько лет.

Хурал Белого месяца проводили в течение 15 дней, Ганжур-хурал (8-й день второго лунного месяца) — декламация всех томов священных текстов Учения Будды, собранных в сводах «Ганжур» и «Данжур», Дуйнхор-хурал (15-й день третьего лунного месяца) посвящен Владыке Времени Калачакре, Дончод-хурал (15-й день четвертого лунного месяца) посвящен дню рождения Будды Шакьямуни, достижению им Просветления и уходу в махапаранирвану, Майдари-хурал проходил в течение 3 дней (15-й день пятого лунного месяца), посвящен первому повороту учения Будды Шакьямуни, Лхабаб Дуйсэн-хурал (22-й день девятого лунного месяца) посвящен нисхождению Будды Шакьямуни с небес духовного царства Тушита на Землю, где он давал настаивания своей великой матери Махамайе, Зула-хурал (25-й день десятого лунного календаря) посвящен уходу в Нирвану Великого Учителя Богдо Зонхавы (Чже Цонкапа), проводится в течение трех дней, праздник подношения Вселенной тысячи лампад.

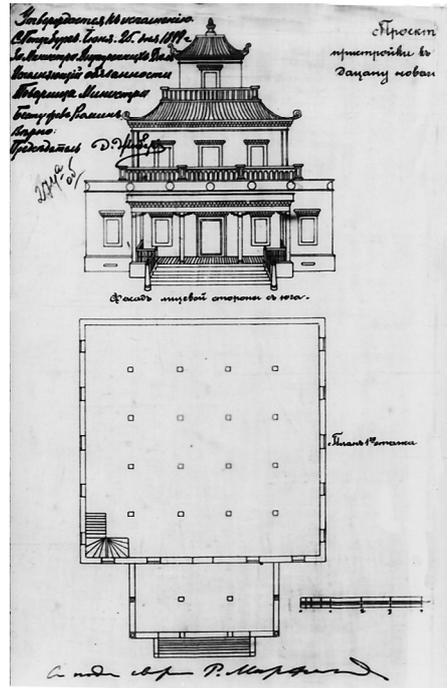
Наряду с основными шестью хуралами проводились Жуд-хуралы. А. М. Позднеев при описании монгольских монастырей указывает на существование кумирен, называющихся жуд-сум: «Это те кумирни, в которых исключительно читаются молитвы, причисляющиеся к последней части буддийских молитвенников — Чжуд, и отсюда заимствованное своё специальное имя. Таким образом, третья часть буддийских молитвенников не только не читается во всех монастырях, но и даже не во всех больших обителях совершают служение Чжуд, яснее сказать, оно обязательно находится там, где изучается высшее богословие, где основаны школы цаннита» [Позднеев А. М., с. 308].

По сведениям Д. С. Жамсуевой, «в Агинском дацане школа цаннит возникла в 1850–1860 гг., чуть ранее хамбинского Гусиноозерского дацана» [Жамсуева Д. С., с. 46]. По данным Б. Дандарона, «школа Джуд в Агинском дацане основана в 1880 г.» [Б. Д. Дандарон..., с. 121]. «В Агинском, Цугольском и селенгинских монастырях тантру изучали по «джуд-дод лавранской системе», а в пяти хоринских дацанах по системе «джуд-мад лхасской традиции» [Ламаизм в Бурятии... С. 63]. Имелись в виду Анинский, Эгитуйский, Чесанский, Ацагатский дацаны, после революции с 1924 г. начали проводить и в Кижингинском дацане.

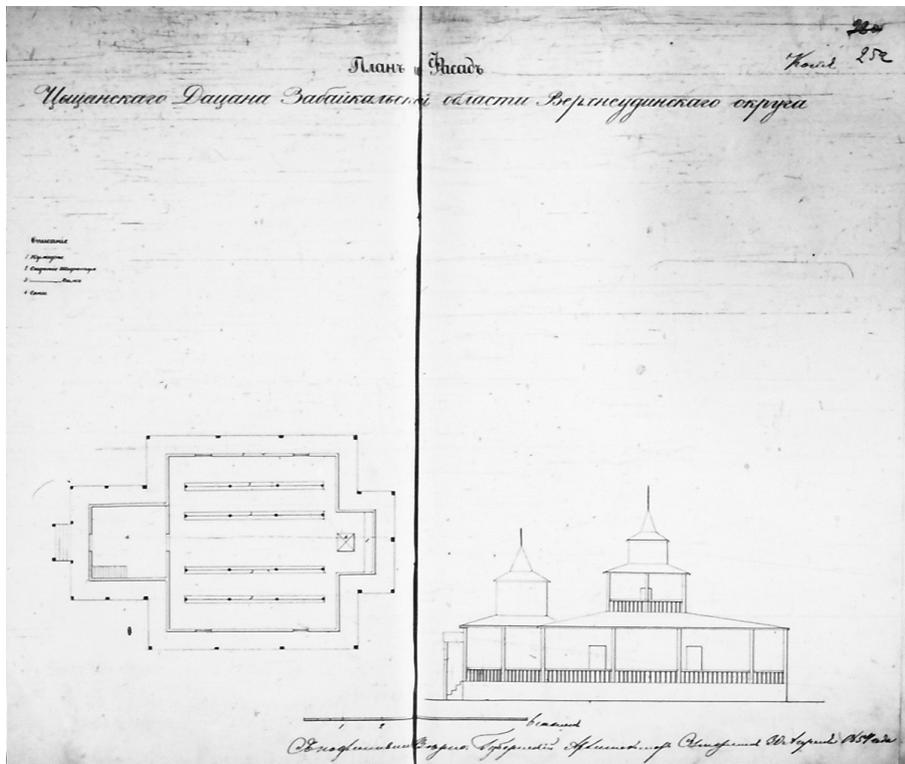
На начальном этапе Жуд-хуралы всегда проводили под руководством специально приглашенных тибетских лам. Тантрийские культы по ритуалам высших тантр были закрытыми, предназначенными только для посвященных из числа духовенства. Окончившие курсы цаннита лица могли посещать вторую высшую школу буддизма — «Жуд», состоящую в постижении абсолюта путем созерцания. Начинающие обучение в школе «Жуд» (тантре) должны были принять посвящение «Ван», который включает в себя принятие обета.



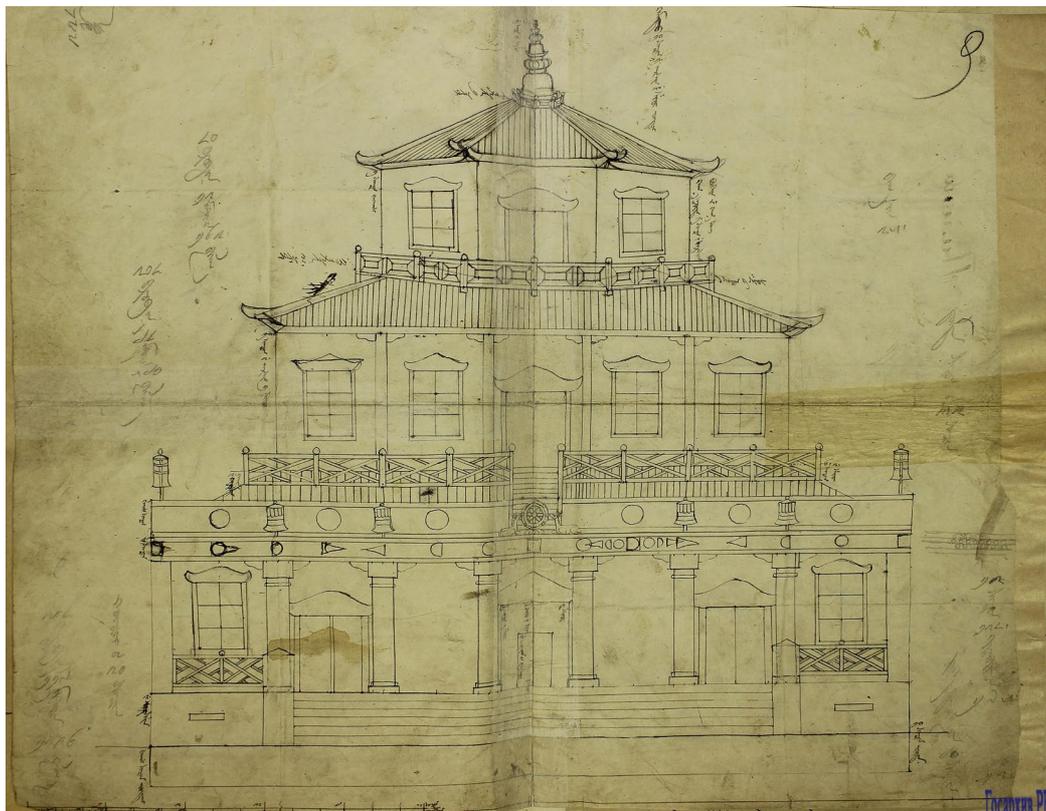
Проект нового крыльца Цокчен-дугана Чесанского дацана. 1899.
РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 400, л. 266–277



Проект нового портика Цокчен-дугана Чесанского дацана. 1899.
РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 400, л. 266–277



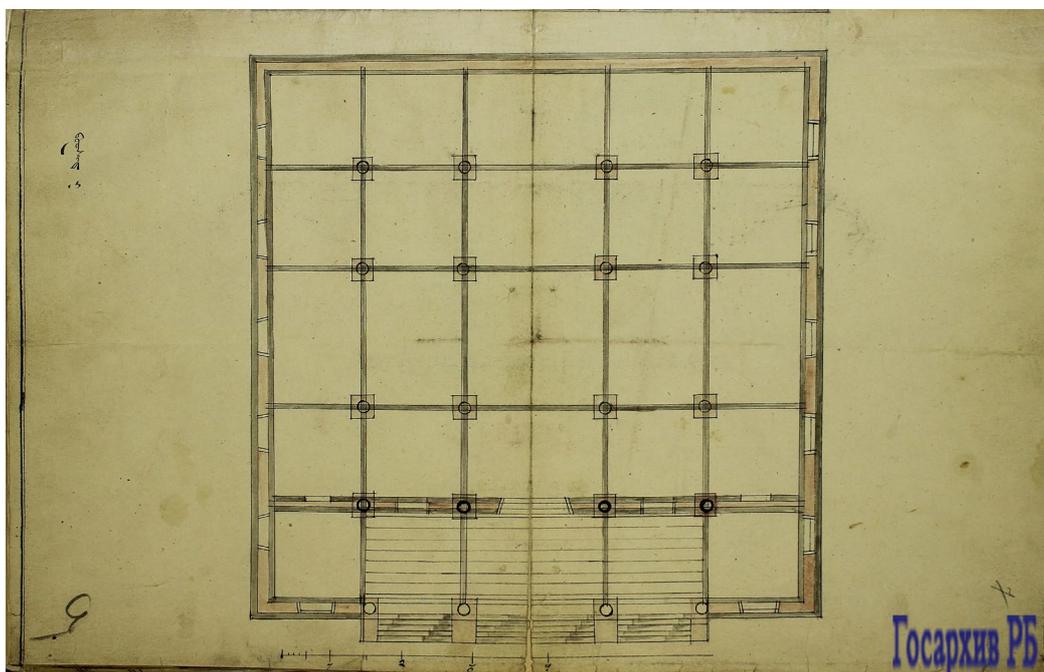
План фасада Цокчен-дугана Чесанского дацана.
РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 398, л. 25



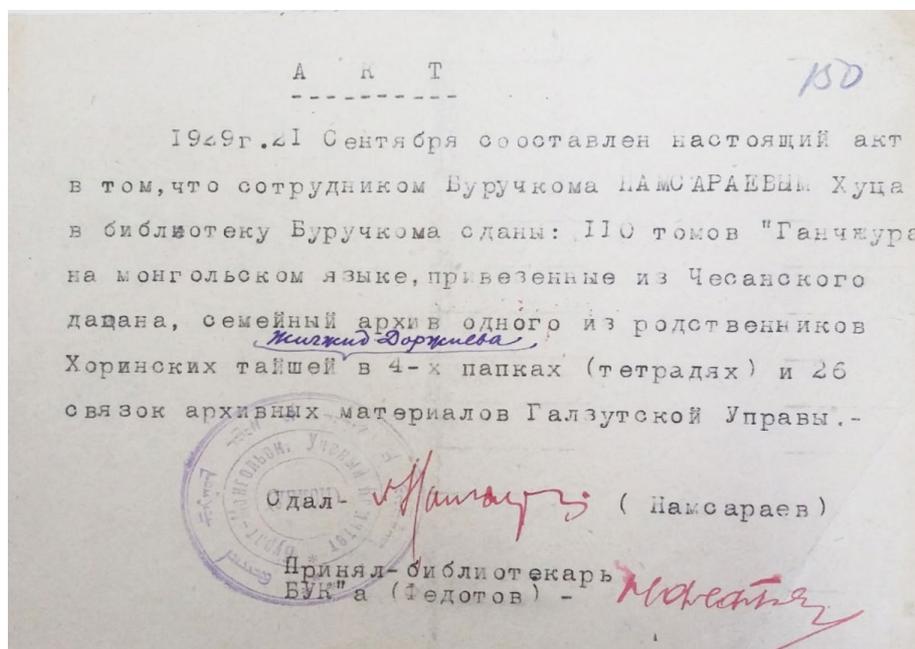
Проект Цокчен-дугана Чесанского дацана (эскиз). ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 5, л. 9



Проект Цокчен-дугана Чесанского дацана (эскиз). ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 5, л. 7



Проект Цокчен-дугана Чесанского дацана (эскиз). ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 5, л. 5



Акт сдачи Х. Намсараевым в Буручком 21 сентября 1929 г. 110 томов канона Ганжур ЦВРК ИМБТ, ф. 9, т. 57, л. 150



Четвертый ряд слева: лама Шойжал Жалсанов; третий ряд (самый высокий) лама Нима Жапов, шэрэтэ Иволгинского дацана. Фото из архива Чесанского дацана



Передача буддийской практики Жуд в Эгитуйском дацане. В центре Агпа-гэгэн. Слева направо: шэрэтэ Челутаевского дацана, шэрэтэ Чесанского дацана Ринчин Чойван Эрдынеев, Пандито Хамбо лама Чойнзин Доржи Иролтуев, Цанид Хамбо Агван Доржиев, шэрэтэ Эгитуйского дацана, гелун Анинского дацана. 1902



Жамьян Дамбинима, Гунчэн-гэгэн из монастыря Лавран Дашичил, проводивший передачу практики Учения в Чесанском дацане



Ганжурва-гэгэн Данзан Норбоев (1858–1935), освятивший в с. Кижинга субурган Джарун Хашор



Лама Найдан Санданов, шэрэтэ Шулутовского дугана Чесанского дацана



Лубсан Лхундуб Дандаров, перероженец Богдо Панчена, шэрэтэ Цугольского дацана



Джа Яг Сан Ринпоче XIII Галсан Цултим Данбий Нима из монастыря Гумбум



Проповедь Джа Яг Сан Ринпоче XIII Галсан Цултим Данбий Нимы во второй приезд в Чесанский дацан в 1912 г.



Агпа-гэгэн из монастыря Гумбум, проводивший передачу практики Учения в Чесанском дацане в 1912–1913 гг.



Мастер Калачакры Цыренжаб Гатабон, защитивший звание доржезинба в Чесанском дацане



Фотокопия страницы одного из 110 томов буддийского канона Ганжур Чесанского дацана из фонда ЦВРК ИМБТ



Бронзовая копия Зандан Жуу, созданная в XVI — начале XX века. Такая копия являлась реликвией Чесанского дацана. В настоящее время одна из 12 копий хранится в Эрмитаже в Санкт-Петербурге



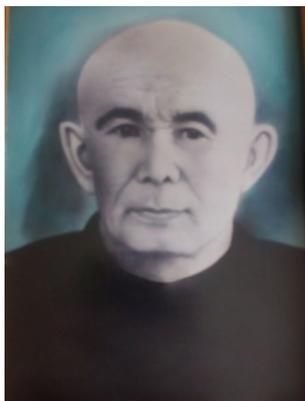
110 томов священного канона Ганжур Чесанского дацана хранится в фонде ЦВРК ИМБТ. Д. Д. Намнанов. Сентябрь 2018 г.



II Духовный Собор буддийского духовенства. 22 декабря 1925 г.
г. Верхнеудинск (Выделен Пандито Хамбо-лама Д. Мункожапов)



Съезд (сугунды) шэрэтэ бурятских дацанов. Первый ряд, слева четвертый — пандита хамбо-лама Ч.-Д. Иролтуев, справа от него — Шагжи (Йройский дацан), Айдапов, настоятель Сартульского дацана. Слева от него — настоятели Челутайского, Бырцуйского, Загустайского дацанов. Второй ряд (слева направо): Д.-Д. Итигелов (Янгажинский), настоятели Чесанского, Токчинского, Гунэйского, Хохюртайского, Цолгинского, Галтайского дацанов. Третий ряд (слева направо): настоятель Цонгольского дацана, два человека — не установлены, заместитель настоятеля Кижингинского дацана, заместитель настоятеля Агинского дацана Бадлуев



Лама Цыренбазар Гармаев, эмши, гэбшэ (?–1968)



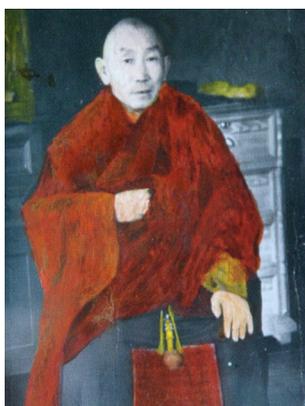
Шой-баабай. Лама Пирангалай Цынгеевич Гармаев (1911–1986)



Лама Намжил Будаевич Гылыков (1910–2002)



Лама Осор Аюшеевич Гылыков (1873–1953)



Лама Сандан Шагдаров (1910–1979), гэбшэ, астролог



Лама Гарма Доржиев (1897–1982)



Лама Аюша Шойдорович Дулмаев (1904–2000), защитивший степень гэбшэ в Чесанском дацане



Лама Будаев Цэрэнович Ендонов (1890–1956), защитивший степень аграмбы в г. Лхасе



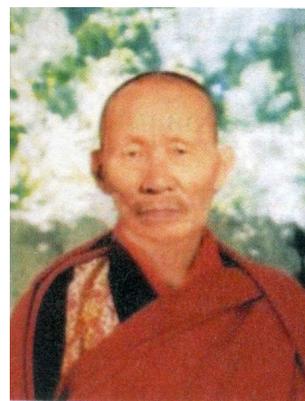
Лама Сан-Дылык Цэрэнович Ендонов (1905–1978), гэбшэ, эмши, как и его отец



Няня-лама. Шойжал
Доржиевич Жалсанов
(1905–1982)



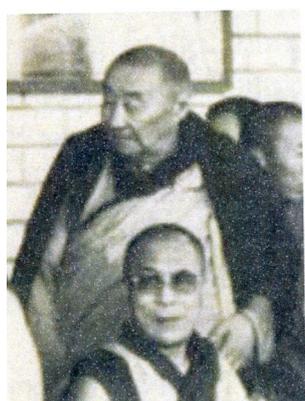
Лама Бадма-Доржо Жам-
балов (1891–1967), шэрэтэ
Иволгинского дацана, дид
Хамбо лама



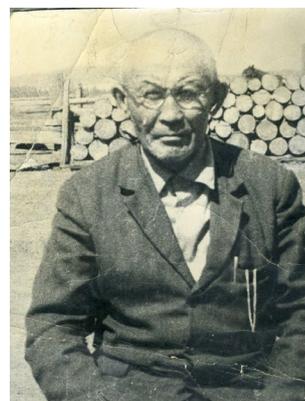
Лама Галсан Жамбалович
Жамбалов (1896–1983)



Лама Самбу Эрдынеев
(1887–1941), габжа



Лама Нима Жапов (1905–
1989) с Далай-ламой



Лама Цыренжаб Шерни-
нов (Баабайхан)



Лама из Чесанского даца-
на, учитель ламы Намжи-
ла Будаевича Гылыкова



Урда Убгэн (Хусоотын
баабай). Морхоон
Сультим, гэбшэ лама,
родом из Монголии



Лама Намдаг Сангитович
Намсараев (1898–1942)



Лама Шиrapдopжo Сaн-
жигeвич Сaнжигeв
(1899–1983)



Гэлун-лама Нацаг-Доржо
Базаров (слева)
и Радна-Базар



Лама Соном Бахан-ахай



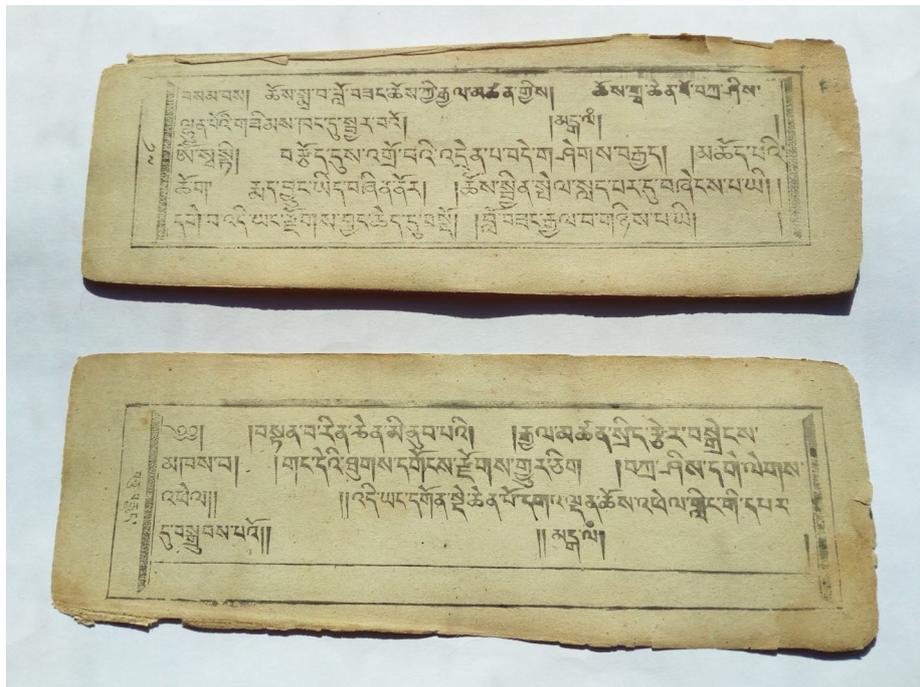
Лама Жамьянширап
Буданович Цыбиков
(1899–1981)



Лама Жанчипдоржо
Бадмаевич Чимитов
(1920–1974)



Слева направо: габжа Ш. Жалсанов, гэбшэ
Жамьян Шиrap и его брат



Фотокопии листов Отошо, напечатанные в Чесанском дацане.
Отошын бар находится у ламы Гывана Базарова. 2018



Сын Цыдендамба-ламы соржо-лама дацана Хамбын Сумэ Гыван Базаров
за чтением молебна Отошо. 2018

До революции на территории современной Бурятии только в четырех дацанах — Ацагатском, Анинском, Эгитуйском и Чесанском — проводился один из высочайших и значительных по сути молебн «Жуд». Порядок и правила проведения хуралов были очень строгими, в том числе порядок приема пищи. На период проведения хурала у себя в дацане или участия в другом дацане шэрэтэ просили освобождения от исполнения обязанностей у самого хамбо-ламы. В подтверждение этого мы нашли в архиве приказ: «Приказ Пандидо хамбо-ламы №189 от 12 марта 1908 г. шэрэтэ-ламе Эгитуйского дацана Зодбоеву. По решению Военного губернатора Забайкальской области №1987 от 29 февраля Вам было предписано исполнять тантрийские хуралы в 1908 г. в Вашем дацане и также в Анинском, Ацагатском, Чесанском дацанах в свободное время от своих обязанностей время. Вместе с тем посылаем Вам свидетельство №158. Во время проведения тантрийских хуралов в течение 1908 г. Вы будете вынуждены отлучаться из дацана, поэтому предписываю Вам подобрать кому, какому гэлуну Вы доверили бы временное исполнение своих обязанностей. Пандидо хамбо-лама Иролтуев» [ГАРБ, ф. 285, оп. 2, д. 124, л. 9].

По описанию А. М. Позднеева, посетившего Анинский дацан в 1909 г., «бродячая школа гонуд» состояла из 88 человек, которые совершали «ярнай хурал». «Помещались они во дворе Хурдэнэй сумэ, согласно требованию хурала, не выходя за кумиренную ограду, проводя всю ночь вместе в кумирне. По установленному обычаю ламы эти по окончании «ярнай-хурала» должны были оставаться на зимовку в этом же дацане, а следующей весной предпринимали новый путь через Ацагатский и Чесанский в Эгитуйский дацан, где опять будут совершать «ярнай-хурал» и затем проводить зиму 1910/11 г.» [ИВР РАН, ф. 44, оп. 1, д. 133, л. 74; Дневник вольнослушателя... С. 195–196; Жамсуева Д. С., с. 80–81].

По сведениям Б. Барадина, «в школе «гонуд» служили ламы из 5 хоринских дацанов. Служили «хату-тарни-хурал», что дословно переводится как «сложная, тяжелая мантра», свыше 100 лам, которые в течение года по ходу солнца должны были проходить по дацанам круг пешком. Службу гонуд-ламы начинали до восхода солнца, ночевали в Хурдэнэй сумэ в сидячем положении, имели право только один раз в сутки питаться, не снимали одежду в течение месяца. В эту школу попадали только сильные духом и телом ламы, так как многие ламы боялись жесткой дисциплины и аскетичного образа жизни. Начиная службу с Анинского дацана они продолжали хурал в Эгитуйском, затем в Чесанском дацане, после в Кижингинском и Челутайском (Ацагатском). Каждый приход гонуд-лам в перечисленные дацаны сопровождался большим притоком прихожан. На следующий год круг повторялся заново».

В работе Г. С. Митыповой по истории Ацагатского дацана есть в табличной форме «Список нештатных лам и хуvaraков, кочующих по местности Ана, Кодун и по реке Уде. 1870 г.» из 102 человек за подписью бывшего епископа Селенгинского Мартериана III, среди которых перечислены ламы Чесанского дацана:

- «... 13. Ванзад Галшын, из рода Хальбин, из местности Жэбхэзхэн.
- 25. Цэрин Габуин, из рода Барун Хуасай, из местности Жэбхэзхэн.
- 41. Лодон-Доржи Баянай, из рода Галзут, из местности Дундата.
- 45. Самдан Багшин, из рода Худай, из местности Чесана.
- 66. Дамшаа Бахын, из рода Галзут, из местности Чесана.
- 75. Цэвэн Цоктоин, из рода Галзут, из местности Заха.

76. Дарма Дондогун, из рода Галзут, из местности Заха.
 77. Лосол Санжиин, из рода Галзут, из местности Дундата.
 78. Дансрун Сангачиин, из рода Хубдууд, из местности Чесана.
 101. Арсалан Тарбаин, из рода Хуацай, из местности Булаг.

102. Домшой Данзайн, из рода Хуацай, из местности Булаг» [Митыпова Г. С., с. 48–50; ГАРБ, ф. 425, оп. 1, д. 3, л. 1–2 об.]. Возможно, в списке содержатся имена и других лам Чесанского дацана. Предполагаем, что это и есть те самые ламы из Анинской дацанской школы Джуд, созданной по системе так называемой «бродячей школы гонуд», они и участвовали в Джуд-хуралах поочередно в каждом из хоринских дацанов: Анинском, Эгитуйском, Ацагатском (Челутайском), Чесанском, в более поздний период и в Кудунском (Кижингинском).

По сведениям Г.-Д. Нацова, «... бурятские ламы приложили много усилий, чтобы установить здесь традицию проведения хуралов «Джуд», то есть распространить тантризм. В 1880 г., в период пребывания в Агинском дацане Агвана Доржиева, лама Намаганов Жанчиб-Султэм получил от тибетского гэгэна разрешение на введение в бурятских дацанах хуралов «Джуд». Провели сбор пожертвований среди лам хоринских дацанов, нойонов, богачей, степных лам и мирян. Собрав огромные пожертвования, ламахаи Намаганов и Агван Доржиев как представители бурятской церкви отправились в Тибет с большими подношениями. Вернулись, получив разрешение от Далай ламы на проведение хуралов «Джуд» в бурятских дацанах в присутствии нескольких тибетских лам. Впоследствии Далай-направил сюда авторитетного ламу Равжа аграмба вместе с четырьмя другими ламами. Однако, находясь в пути, эти ламы отравились, и в Бурятию прибыл только один Равжа аграмба.

В 1912 г. в Северном Хори, в Анинском дацане, Равжа аграмба вместе с десятью самыми грамотными ламами положил начало традиции проведения хуралов «Джуд». Однако официальное разрешение со стороны русской администрации на проведение хуралов «Джуд» получено не было, поэтому они проводились в сугубо тайной обстановке, поочередно в каждом из хоринских дацанов: Анинском, Эгитуйском, Челутайском, Чесанском. Соблюдали четкую конспирацию при передвижении из одного дацана в другой, ходили пешком, использовать лошадь, ездить верхом не разрешалось. Люди, удивлялись, почему известные ламы, прославленные учителя Челутайского дацана, ламахаи Гармаев добирались до Анинского дацана пешком.

В 1900 г. из Тибета пригласили большого ламу Ринпоче, чтобы проводить хуралы «Джуд» в более широком масштабе. Собралось более 60 лам, имеющих звание габжа, и был проведен хурал в строжайшей тайне от администрации. Однако по непонятной причине внезапно нагрянула полиция из Верхнеудинска, которая арестовав Ринпоче, продержала его несколько дней в тюрьме. Все ламы, нойоны переполошились, собрали большую сумму и вручили взятку верхнеудинскому начальству, чтобы освободить Ринпоче.

Отчего первоначально Жуд-хуралы проводились в такой тайне? Тибетские ламы, которые возглавляли проведение хуралов «Джуд», настаивали, что надо держать в секрете от русского начальства совершение хуралов «Джуд», во время которых читаются сокровенные тантрийские тексты. Все же впоследствии в результате ходатайства Пандидо хамбо-ламы Иролтуева перед высшими учрежде-

ниями власти официальное разрешение на проведение хуралов «джуд» было получено. Снова пригласили тибетского ламу, чтобы он руководил проведением хуралов.

В 1918 г. он умер в Эгитуйском дацане, и после этого до сего дня джуд-хуралы проводятся под руководством бурятских лам. С 1924 г. джуд-хуралы, кроме четырех названных дацанов, стали проводиться еще в Кижингинском дацане. Сейчас они проводятся очень активно уже в пяти хоринских дацанах. С 1918 по 1925 г. в отправлении джуд-хуралов участвовало более 80 лам. После 1930 г. их стало еще больше. В чем причина? Сами ламы объясняли: «Перед уничтожением религии набирает силу тантризм, который сохранится» и по мере возможности старались рапространять эту мысль ... 1935 год, 28 июля опись 5, №12 «О Шамбале и Джуд-хурале» [Нацов Г.-Д., с. 138-140].

В 1933 г. в проведении Джуд-хурала в Анинском дацане участвовало 142 ламы из указанных выше дацанов. Время проведения хурала поочередно в разных дацанах в течение года занимало 154 дня с учетом передвижения и организации подготовки.

«В 1934 г. в Ацагатском дацане был проведен хурал «Хайлан». Участвовало 109 человек из 5 дацанов: Эгитуйского, Анинского, Чесанского, Кижингинского, Ацагатского. Это богослужение проводилось ежегодно в летнее время во избежание греха прерывания жизни новых существ во время хождения по земле, ибо это время, когда мелкие живые существа живут наиболее активной жизнью. Во время хурала, который длился в течение 45 дней, старались ограничить хождение. Из 5 вышеназванных дацанов прибыло 88 человек, ацагатских лам было 21 человек» [Цыбенков Б. Д., с. 71].

Ежедневно проводились молебны в Цогчен-дугане, посвященные покровителю Чесанского дацана Балдан Лхамо, санскр. *Шримати-дэви*. Проводился зула-хурал, посвященный чествованию выдающегося иерарха буддийской церкви, основателя тибетской школы Гелуг — реформатора и философа Дже Цзонхавы (1357–1419 гг.). Ежемесячно 25 числа десятого лунного месяца по лунному календарю и назван так потому, что в этот праздник принято зажигать 1000 штук лампад — зула. В «Ведомости о движимом и недвижимом имуществе дацана на 31 декабря 1878 г.» подписанная шэрэтэ Чесанского дацана ламой Вампиллом Адушеевым перечислены большие медные 1000 штук сугсэ стоимостью 100 рублей и маленькие медные 1000 штук наһата сугсэ стоимостью 125 рублей [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 32, л. 6]. Хурал «Цзумай» (Тысяча лампад) совершается до сих пор в воспоминание кончины Дже Цзонхавы, великого основателя желтого течения Учения Будды. Это очень красивый ритуал. Начало его привязано ко времени восхождения созвездия Плеяд и в это время во всех крупных дацанах зажигают тысячи светильников. В стущающихся сумерках мерцают бесчисленные лампы, словно приветствуют созвездие Плеяд на потемневшем небосклоне, напоминая всем о духовном подвиге Великого Учителя.

Как и во всех дацанах, проводился Найдан-хурал, который посвящался 16 архатам, «современникам» Будды Шакьямуни, его ближайшим последователям и проповедникам буддийского вероучения. Архаты исполняют завет самого Шакьямуни сохранить буддийское учение после смерти Учителя до прихода пятого Будды — Майтреи. Как правило, этот хурал проводился в одном из сумэ Арьяа-Баала, Гунрик или Дэмчок.

Проводились и хуралы в честь богинь Белой Тары и Зеленой Тары, которые специализируются на защите людей от внезапных бедствий, несчастий, даруют и защищают детей; хуралы в честь этих богинь были популярными, читались в каждом дацане» [Ламаизм в Бурятии... С. 215–216].

«Так как главнейшие сношения России с Монголией начались в царствование Екатерины Второй ..., то ламы приурочили её к одному из хубилганов Дара Эхэ. Название русского царя «белым» дало этому призванию еще большую пищу и определенность» [Позднеев А. М., с. 69]. «Молитвы за благополучие государей-императоров — воплощения Белой Тары возносились начиная с 1888 г., поскольку 17 октября император Александр III и царственные родственники спаслись при крушении поезда. Молитва была составлена Пандидо хамбо-ламой Жамбалом Гомбоевым» [Птицын В. В., с. 25–26].

По архивным сведениям, «чисановцы отправляют цаннитские хуралы, в служении которых у них участвует не менее 150 человек» [ИВР РАН, ф. 44, оп. 1, д. 133, л. 91 об.]. Чесанский дацан входил в общину «джудских» хуралов, состоящих из лам высшего сословия Анинского, Ацагатского, Эгитуйского дацанов. Джуд-хуралы проводились по очереди в каждом дацане.

Проводились и специальные молебны (ритуал), например, по вызыванию дождя в засушливый период летних месяцев по просьбе прихожан. Сохранилось свидетельство очевидца известного декабриста Н. Бестужева, который наблюдал это в Тамчинском дацане и писал об этом в своем письме от 14 октября 1841 г. сестре Елене: «... Я был свидетелем молений бурятских ... о дожде ... три ламы ... сидели перед маленьким столиком, на котором в медных чашечках лежали зерна разного хлеба, вода, молоко, арака или вино, сыр, творог. На самом краю берега сложен был из камней жертвенник, на котором курились различные горные травы, тут же собранные. Барабан, тарелка, колокольчик у старого ламы составляли музыку, сопровождавшую их пение ... Наконец, когда по прочтении молитв на жертвенник возложены были новые травы, все припасы, стоявшие на столе в чашечках, по очереди были брошены или выплеснуты в реку в жертву добрым духам, — начал как будто нарочно накрапывать дождь, и когда гром барабана и тарелок, звон колокольчика и возвышенные голосам слились с ревом ветра — блеснула молния, загремел гром и пролился обильный дождь, который разогнал всех, и молельщиков, и любопытных» [Письма из Сибири... С. 105].

В 1841 г. по приглашению шэрэтэ Чесанского дацана для передачи буддийских практик приезжал из Внутренней Монголии Хорчид-гэгээн (доромбо-лама Галсан Содбо), который проводил высшие посвящения — «ванн» (тиб.: «правомочность») — передачи практики Калачакры (Дуйнхор), а также трехдневное посвящение в систему «Дэсрун ванн». Подобные практики проводились не во всех дацанах. С тех пор в Чесанском дацане молебен, обращенный к боже-ству Калачакре (хурал «Дуйнхор»), проходил 15 числа третьего лунного месяца в Хурдэ-сумэ. В этот день Будда Шакьямуни в образе Калачакры проповедовал учение сокровенной мантры. Большие молебствия проводились, чтобы почтить деяния других учителей буддийской традиции.

Большим событием для буддийского духовенства и мирян было завершение строительства в 1919 г. в Кижинге ступы «Джарун Хашор», на освящение (рам-най) который были приглашены настоятели 5 дацанов, в том числе шэрэтэ Чесанского дацана габжа-лама Бальжир Ямпиров.

Из функционировавших в 1920-е гг. на территории современной Бурятии только в четырех дацанах — Ацагатском (Шулутском), Анинском, Эгитуйском и Чесанском — проводился один из высочайших и значительных по сути молебн «Джуд».

По традиции после больших хуралов, проводимых в летний период, устраивались спортивные состязания «Эрын гурбан наадан» — Три игры мужей, в которых принимали участие и ламы, и миряне, состязались по стрельбе из лука, конной скачке и бурятской борьбе. В архивных документах и путевых записках исследователей описываются народные игры, которые проводились среди хоринских бурят по важным праздникам. Миссионер Алексей Малков описывает народный праздник, утроенный после хурала в Цугольском дацане в июле 1865 г.: «С обеда начались сборы к окончательному акту празднества. Сбегались добрые молодцы на белых и соловых рьяных конях на нарочитое место, устанавливались в шеренгу, делали счет бегунцам, условливались в мете и толковали об устранении помехи друг другу во время самого бега... Хозяева бегунцов сажали на них седоков, таких легоньких и маленьких, что едва можно видеть в седле, но притом таких смелых и цепких, что несмотря на их детский возраст, и в ум никому не придет сказать или помыслить об их падении. Так хорошо приучают буряты детей своих сидеть на лошадях. Для них бег на всем скаку — потеха. В то же время происходили сборы к угощению. Со всех сторон тащили в кунурах и тыбшинах мясо, арцу, несли воду, самовары, чайники, чашки и прочие принадлежности пира... Борцы рассаживаются поровну один против другого на расстоянии нескольких саженой. Пространство между ними служит для них площадью арены. Рассевшись таким образом, каждый снимает с себя гутулы (сапоги), скидает рубаху, если была, и засекает порты так высоко, что из них делается нечто вроде препоясания ... Оформившись таким образом, борцы получают предварительно благословение от Шэрэтэ, каждый отдельно, потом сходятся ... Равно сильные и малознающие сметку в борьбе часто возятся до утомления себя и зрителей, так и расходятся или уже их разводят, как угоревших в бою петухов. Одержавшие верх идут опять на благословение к Шэрэтэ и получают от него в приз или кирпич, или сколько-нибудь серебрянников ... Пока продолжалась борьба, прибежали бегунцы. Передового брал один из лам, ставил мордой перед лицом главных лам, потом подходил глашатай; получив благословение от Шэрэтэ и хадак на руку, садился на коня и громким звонким голосом ... отчетливо читал похвалу коню, люду бурятскому и главному ламе Шэрэтэ. По окончании хадак, который висел у него на руке, был поднесен им Шэрэтэ. Потом подвели другого коня, которого тот же импровизатор восхвалял перед князем Гантимуровым и хадак был поднесен князю; дальше — мне, потом Тайше. Седоки остальных бегунцов, въезжая в круг, только громким окликом давали знать, чья лошадь, делая при этом под такт оклика шапкой (малахаем) полукруг над своей головой. Этим и заканчивается праздник ...» [Малков А., с. 239–248].

Такое же описание народного праздника сделал миссионер Анинского стана Н. Виноградов, присутствовавший на хурале в Анинском дацане на освящении сумэ Майдари-бурхана 17 октября 1897 г. [Виноградов Н., с. 170–178].

Существует много различных по своему значению хуралов, посвященных разным божествам и важнейшим событиям буддийской истории, ежедневные ритуалы в честь защитников и хранителей учения — сахуюсанов и другие обря-

ды и молебны по просьбе прихожан, помогающие и защищающие верующих от различных негативных сил.

«Для каждой категории божеств предназначается вполне определенный набор служб, в зависимости от ранга божества, его характера, функций, внешнего облика и т.д. Так, 1) славословия или магталы (тиб. *bstod pa*) могут предназначаться практически всем категориям божеств от Будд до сабдаков; 2) садханы, или дубтабы (тиб. *bsgrub thabs*, букв. «способ реализации»), предназначаются для божеств высших разрядов пантеона, тех, которые входят в понятие Триратны, т. е. существ просветленных, как мирных, так и гневных; 3) солдебы (тиб. *sol debs*), или просьбы; 4) солчеды — подношения, угощения (тиб. *sol mchod*); 5) сан чога (*sangs cho ga* — подношение воскурений); 6) сержэм (тиб. *gser skyems*) — подношения напитка; 7) подношения балина (*trior bul*) — относятся практически ко всем разрядам обожествляемых существ; 8) догжуры (тиб. *jlog sgyur*) — ритуалы возврата, преодоления (букв. "возврата") зла силовыми методами обращены к гневным и полугневным божествам; 9) мандал шива «подношение мандалы»; 10) жабтуй (*skyabs 'thus* — очистительное омовение) связаны с обращением к высшим разрядам божеств. При исполнении полного ритуала по культуре определенного божества различные типы ритуальных действий совмещаются в одну большую службу — чествование, в финале которой исполняется танраг (тиб. *gtang rag*) — благодарение, воздаяние за исполнение просьбы» [Сыртыпова С. Д., с. 169].

По буддийскому вероучению и утверждению шэрэтэ Жаргал-ламы, «хуралы обладают большой силой воздействия на человека, на разрешение его проблем. Когда ламы читают молитвы, то буддийские божества, которым посвящается молебен, незримо присутствуют в эти моменты в дацане. Внутреннее обращение человека к ним посредством молитвы, просьбы дает положительный эффект. Во время хурала дацан наполняется мощной божественной энергетикой, очищая все вокруг, все присутствующие в дацане люди получают благословение».

1.5. Музыкальные инструменты, используемые при проведении хуралов и молебен в бурятских дацанах

Неотъемлемыми атрибутами во время проведения больших и малых хуралов являются различные буддийские музыкальные инструменты. В системе культовой музыки в дацанах большое место занимают буддийские музыкальные инструменты, они были завезены ламами из Тибета и Монголии в конце XVII в. Звучание культовых музыкальных инструментов можно услышать и в настоящее время в период традиционных буддийских праздников — хуралов, а также в обычной ритуальной службе в дацане.

Состав инструментов оркестров дацанов перешёл из тибетского оркестра, в состав которого входили барабаны разных размеров, медные трубы длиной до трех-четырёх метров, морские белые раковины, медные тарелки. Отдельные инструменты сопровождали ежедневные хуралы. О наличии этих инструментов в Чесанском дацане есть записи, сделанные в ходе ревизии за подписью шэрэтэ-ламы Вампила Адушеева в «Ведомости о движимом и недвижимом имуществе дацана на 31 декабря 1878 г.» [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 32, л. 8], а также в более ранних и последующих отчетах о движимом и недвижимом имуществе дацана.

23 апреля 1867 г. в Москве под названием «Народы России» была организована первая этнографическая выставка России. Вызывает интерес отношение к выставке Чесанского дацана. Выставка рассказывала о традиционной культуре народов практически всех регионов Российской империи, в том числе бурят. На фоне ландшафтов, тщательно подобранных для каждого представленного региона, крестьянских жилищ и хозяйственных построек располагались группы фигур-манекенов, одетых в традиционные костюмы различных народов России и зарубежных славянских стран. На выставке было представлено около 300 манекенов в национальных костюмах, 450 комплектов и деталей одежды, 1 100 предметов быта, а также музыкальные инструменты, модели построек и орудий труда, лубочные картинки и около 1 600 фотографий.

Вызвал широкий интерес доклад профессора Московского университета А. С. Владимирского «О законах музыкальной гармонии и национальных инструментах, доставленных на этнографическую выставку» в ее «парадную часть». Главное внимание было уделено их конструкции, включая описания не только важнейших звукообразующих частей, таких как резонатор, гриф, струны, но и внешнего вида корпуса со всеми украшениями, резьбой. Он показал наряду с другими инструменты, употребляемые при буддийском богослужении — сельнимы (тарелки) и хон-хо (бронзовый колокольчик) из Забайкальской области. Среди ударных мембранофонов были забайкальские: «кынгырык» (хэнгэрэг) и «дамара» (дамаари), употребляемые при буддийском богослужении. Духовые инструменты были представлены в своих основных разновидностях, в том числе «голин-бурэ» (үхэр-бүрээ) из Забайкалья — инструмент, применявшийся во время буддийского богослужения. Среди язычковых «буддийский бишкур» (бишхүүр) — деревянная труба с медным мунштуком и раструбом.

В числе шэрэтэ за оказанное содействие и помощь в сборе предметов буддийского культа шэрэтэ Чесанского дацана Вампил Адушеев был награжден бронзовой медалью «За усердие» и дипломом Императорской этнографической выставки 1867 г.

В каждом дацане был специально назначенный лама — джиджук (чжинчжуг), который был помощником унзада, руководил игрой на музыкальных инструментах. Даже в самом маленьком дацане было минимальное количество музыкантов: бишхурчи — 2 (играющих на бишхуре), ганлинчи — 2 (играющих на ганлине), дунгар-буречи — 2 (играющих на раковине), хэнгэргэчи — 4 (играющих на барабане), буречи — 4 (играющих на трубе, из них 2 играющих на ухэр буре), саньчи — 2 бьющих в сан, дамаарчи — 2 бьющих в дамаари, дэншикчи — 2 бьющих в дэншик, дудармачи — 1 ударяющий в дударма, все гелуны ударяли в хонхо (колокольчики). Практически это был целый музыкальный оркестр. При исполнении хуралов большое значение придавалось культовой музыке, которая усиливала мелодичное синхронное произношение молитв ламами.

«Музыка различается по стилю исполнения в зависимости от назначения ритуалов и бывает успокоительная, расширительная, подчиняющая и суровая, разрушительная. Первая музыка тихая, с постепенными, едва выраженными вариациями, вторая более насыщенная, подобная журчанию воды или рассыпанию драгоценных камней. Третья — напряженная, одновременно грустная и веселая, чарующего и манящего характера. И, наконец, последняя применяется при подавлении маар и демонов, она подобна тысяче громов, подавляющая своим гро-

хотом и воем, потрясающая невообразимыми неожиданными манипуляциями, перемежающимися паузами гнетущей тишины. Каждый инструмент, используемый в ритуалах, имеет определенное, особое значение, формально за ним закрепленное. Но это значение может меняться, если один и тот же инструмент используется в разных ритуалах. В традиции сутр музыкальные инструменты и вокальное исполнение используются как аккомпанемент религиозных церемоний, а в тантре они являются важной частью самой практики» [Буддизм... С. 540–542].

Во время хурала ламы в специальном одеянии исполняли обрядовый танец Цам, который проводился на открытом воздухе, церемонию сопровождал весь оркестр.

В архиве Г.-Д. Нацова в его кратких заметках есть ценные сведения о музыкальных инструментах отдельных дацанов, которые использованы в их описании в работе Т. Б. Шагжиной. Туяна Баировна в своей работе «Использование культовых буддийских музыкальных инструментов во время традиционных буддийских праздников» (2013 г.) дает подробную характеристику культовых буддийских музыкальных инструментов и их назначений. Мы решили дать краткие сведения об этих инструментах.

«Культовые буддийские музыкальные инструменты делятся на четыре группы: потрясаемые, ударные, духовые, струнные, причем последние при буддийских молебнах уже не употребляются. Общее количество отдельных инструментов насчитывается около 24. В настоящее время дацаны в составе своих музыкальных принадлежностей имеют только 10–12, которые более других соответствуют религиозному канону и по своей природе являлись сигнальными.

К первой группе «потрясаемых» инструментов относятся:

– хонхо — это символ высшей мудрости, это небольшой культовый колокольчик с рукояткой, увенчанной ваджрой (вачиром), иногда с изображением богини Дара-эхэ. Необходимую принадлежность к хонхо составляет ещё ваджра (vadjra) — это род небольшого скипетра. Он обязательный атрибут богослужения, его назначение — прогонять препятствия, демонов, злых духов, которые всегда стараются смущать дух служащих. На наружной стороне колокольчика начёркивается шесть мистических слогов — «Ум-ма-ни-бад-мэ-хум». Колокольчик и ваджра используются в ритуалах всегда одновременно и символизируют женское и мужское начала. В служениях хонхо как музыкальный инструмент составляет принадлежность первенствующего в хурале — унзад-ламы, который в установленное время (по большей части при произнесении тарни), берёт хонхо в левую руку, а в правую — ваджру и звонит, завершая этим чтение молитвы или какого-либо раздела богослужения;

– дамару (дамаари) — это род небольшого барабанчика или колотушки. Дамару представляет собою пустой, двухсторонний деревянный ручной цилиндр, по форме напоминающий песочные часы. Состоит из двух одинаковых конусовидных барабанчиков, скреплённых поясом или так называемой талией, к которой привязаны на шёлковой нити кожаные шарики, при встряхивании ударяющиеся об одну и другую мембраны, и производят звук вроде барабанной дроби. Корпус изготовлен из дерева, а мембраны из кожи. Дамару различают по величине, форме и оформлению. Некоторые дамару раскрашены, разрисованы; другие украшены орнаментом из серебра и драгоценными камнями. Дамару является

одним из главных сакральных инструментов, символизирующих каноны буддизма.

Ко второй группе «ударных» инструментов относятся:

– хэнгэрэг — плоский двухсторонний барабан, бывает трёх видов: большой, средний и малый. Барабан используется во время ритуальных процессий. Корпус деревянный, окрашенный красной краской, и украшается изображением пяти или семи взаимно переплетающихся драконов. На эти стенки барабана без посредства обручей натягивается кожа. В качестве украшения также используют изображение лотоса. Играют на нём изогнутой деревянной палочкой в форме вопрошительного знака с кожаной шишечкой «дохюур». Иногда на ручке завязывают шелковый шарф как символ почитания божественного музыкального инструмента. Большой хэнгэрэг обычно подвешивают к потолку дацана, а средний и малый устанавливают на подставку;

– сан — парные большие тарелки (дэльбэ) с головками (саран) посередине; головки эти служат вместо рукоятки, в них вдеваются хадаки и, держась за них, ударяют тарелками одна о другую. Диаметр тарелок 30 см. Более часто цан делается из композиции, составленной из меди, чугуна и серебра;

– дэнчик (дэншэг) — две миниатюрные вогнутые медные тарелочки, соединённые кожаным ремешком за рукоятки. При игре зажимается в ладони расширением вверх и покачивается из стороны в сторону, язык при этом, привязанный верёвкой к центру, ударяется о края, и издается ритмичный звон. Используется для распеваний молитв и мантр;

– дударма — состоит из четырёхугольной деревянной рамки с рукояткою на одной стороне. В середине эта рамка разделяется перегородками от 9 до 12 квадратиков, в каждом из которых помещается по одной медной тарелочке, различной величины и звуковысотной настройки. Ударами металлической палочкой, производимыми с различной силой и по различным частям тарелочек, извлекают множество разнообразных звуков.

К третьей группе «духовых» инструментов относятся:

– дунгар-бурэ — обыкновенная морская раковина, звук которой подобен рогу. Дунгар — белая раковина, а бурэ — трубка. Дунгар-бурэ различают по величине. Употребление раковины как инструмента при богослужениях буддисты относят к временам Будды Шакьямуни. Дунгар-бурэ используют во время хуралов и как сигнал для призвания к богослужению. Звукоизвлечение происходит путём вдувания воздуха сильной струёй в узкую часть раковины при одновременном закрытии ладонью правой руки широкой части. Обычно раковина оправляется в серебро с изображением благоприятных буддийских символов и украшается драгоценными камнями. Используется для исполнения ритуальных обрядов;

– бишхур — музыкальный деревянно-духовой язычковый инструмент типа гобоя. Он является единственным инструментом, способным интонировать мелодии в пределах пяти звуков. Состоит из конического или цилиндрического деревянного корпуса, скреплённого металлическими кольцами, и медного раструба. Имеет 8 отверстий. Длина инструмента около 60 см. Нижняя часть инструмента — медный раструб. В дацанском оркестре бишхур выделяется своим сочным, резким и несколько необычным звуком, напоминающим английский рожок;

– ганлин — культовый духовой инструмент, состоящий из трёх частей, средняя часть изготавливается из стали, а две конечные — из серебра. Передняя часть

ганлина обыкновенно бывает несколько сжатой и заканчивается изображением головы дракона или же двумя отверстиями, которые называются «лошадиными ноздрями». Звуки ганлина напоминают собой ржание мифического коня «ачжинай морин», который переносит верующих из этого мира в блаженную обитель Сукхавати. Используется при совершении обряда *чод*. Просто так дуть в ганлин запрещается, только в ритуальных целях;

– буреэ — большая медная труба приблизительно в сажень длиной. Используется для выражения почтения и преклонения перед мирными божествами. Она сделана из меди, украшена резьбой из дерева и позолотой. В начале каждого раздела большого коллективного ритуала в монастыре громко играют на всех музыкальных инструментах;

– ухэр-буреэ — большая медная коническая труба, похожая на хобот слона. Самый крупный духовой инструмент, используемый в буддийской ритуальной музыке. Обычно весом до 10 кг и длиной до 2–3 м (могут достигать 4–5 м), раструб инструмента в диаметре 27 см при игре устанавливается на специальную подставку, при исполнении в помещении или на плечо помощника-хуварака, при исполнении вне помещения. Телескопическая труба изготавливается из меди или латуни, некоторые инкрустируются и украшаются. Когда раструб направлен в горы, происходит поразительный эффект эха. Несомненно, низкий звук дунчена влияет на физиологическое и психологическое состояние человека. Считается, что этот инфразвук производит поистине космический эффект, соединяя Небо и Землю, Свет и Темноту. Инструмент состоит из трёх частей, вставляемых одна в другую. Мундштук чашеобразной формы. Конусовидный ствол расширяется постепенно, переходя в раструб, заканчивающийся конусообразным кольцом. Ухэр-буреэ имитирует рёв быка или слона, придаёт всей массе разнородных звуков и шумов культового оркестра земной фундамент. Звуки этого инструмента обладают такой интенсивностью, громкостью, что слышны за 5–6 км от дацана. Для достижения продолжительного звучания часто используется два инструмента. Дунчен часто можно услышать в монастырях на рассвете и на закате, перед ритуалами и другими важными событиями, а также при прибытии важных лам» [Шагжина Т. Б.].

Кроме этого, в дацанах можно увидеть «тибетскую поющую чашу». Изготавливается из сплава семи металлов. Обычно используются золото, серебро, свинец, железо, олово, ртуть и медь. Используют чаши отнюдь не для забавы. Это мощное средство для медитации и целительства. Энергетические поля, произведенные поющими чашами, обладают особой природой: звук возникает в них, двигается по спирали наружу расширяющимися кругами, исходящими из чаши, и в то же время закручивается по спирали внутрь чаши.

«Ежегодно ламы устраивали несколько праздников для привлечения богомольцев и сбора подаяний, необходимых для поддержания храмов и существования лам» [Обручев В.]. В докладной записке директора антирелигиозного музея А. И. Герасимовой в середине 1930-х гг. при ликвидации Гунейского, Токчинского и Хужиртаевского дацанов было отмечено, что «культовое имущество трех дацанов разрушено в показательном порядке с привлечением масс верующих ... Уничтожено 9 комплектов дацанских оркестров» [ГАРБ, ф. р. 475, оп. 1, д. 1, л. 59].

В «Ведомости о движимом и недвижимом имуществе дацана» от 31 декабря 1878 г. за подписью шэрэтэ Вампила Адушеева на имя Пандидо хамбо-ламы перечислены музыкальные инструменты: медные колокольчики с Очиром 7 шт. стоимостью 10 р. 50 к., 2 пары сильнина стоимостью 35 р.; 2 пары сильнина малых стоимостью 15 р.; 2 пары ехэ сан стоимостью 30 р.; 4 пары бага сан стоимостью 20 р.; 2 шт. хэнгэрэк стоимостью 30 р.; 10 шт. кожаных хэнгэрэк стоимостью 20 р.; 1 пара большая бронзовая бурез стоимостью 75 р.; 2 пары малых бронзовых бурез стоимостью 35 р.; 6 шт. дунгар бурез стоимостью 15 р.; 2 пары бронзовых ганлин стоимостью 35 р.; 3 пары бронзовых бишхуур стоимостью 25 р. [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 32, л. 12]. По мнению Балдан-ламы (Александра Пирнгаллаева), «это инструменты практически на 2 оркестра».

В своей работе «Буддийский храм как культурно-символический текст: культурологический подход» М. С. Антонова очень точно подчеркивает значение музыкальных инструментов в дацанах во время проведения хуралов: «...» Звучащее» пространство в буддийском храме представлено музыкальными инструментами и песнопениями. Символика «звучащего» храмового пространства представляет собой определенный тип чувствования, прежде всего устремленный к всеобщей собранности. В этом смысле музыкальное «обрамление» выступает как символ духовности. Видом буддийского храмового пения считаем исполнение мантр, мелодизму которых присуща уравновешенность, неторопливость, поступательное движение, а также сочетание звуков, порождающих вибрации определенного строя (определенной чистоты). Произнося (пропевая) мантру, человек «настраивает» себя на соответствующую «волну», приобретая необходимые духовные качества или получая защиту (у каждой мантры есть свое значение). В сакральный мир созвучий и символов нас погружает буддийский музыкальный инструментарий: дунчен — большая труба (изобретенная тибетскими мастерами), издаваемые звуки которого (по уровню громкости) провозглашают мужское и женское начало мироздания; ваджра-колокольчик, символизирующий мудрость и представляющий женский аспект; вина (лютня), олицетворяющая ступени мудрости в науке и искусстве; дамару (двойной ритуальный барабан), символизирующий двойственность Сансары с её непостоянством» [Буддийские... С. 173].

В заключении первой главы следует отметить, что история большого Чесанского дацана берет свое начало с первой кошмовой юрты, возведенной в 1773 г. в Чесанской долине. Чесанский деревянный дацан был официально открыт в 1828 г. в числе первых среди хоринских дацанов. По своей форме дацан имел сино-тибетский стиль архитектуры. Границы прихода дацана охватывали достаточно большую территорию. В состав прихода входили семь основных родов, а также представители других родов. Как известно, в конце XIX в. в Хоринском ведомстве не было единой территории проживания по отдельным родам, повсеместно преобладали улусы со смешанным расселением из представителей различных хоринских родов и поколенных ответвлений. Это связано с тем, что произошла замена родового принципа организации ламской общины и дацанского прихода на территории (по сторонам света). До революции вся повседневная жизнедеятельность дацана в основном была организована в соответствии с «Положением о ламайском духовенстве Восточной Сибири» 1853 г.

В ходе исследования установлено из архивных источников о наличии в Чесанском дацане таких святынь, как скульптура Зандан Жуу из красного сандалового дерева высотой 1,20–1,30 см, одна из бронзовых позолоченных копий образа Зандан Жуу, хранящегося в Эгитуйском дацане, высотой 20–30 см. Таких статуэток в дацанах Забайкалья насчитывалось всего около 10–12 штук. Дацан имел два комплекта полных томов священных канонических книг Ганжур и Данжур на монгольском и тибетском языках. В настоящее время один из редких рукописных комплектов Ганжура Чесанского дацана на монгольском языке хранится в книгохранилище ЦВРК БНЦ СО РАН. Собраны из различных источников магталы о Чесанском дацане, а также обнаружены рабсалы Чесанского дацана в Национальном музее Украины в г. Киеве.

Государственным архивом Республики Бурятия осуществлен перевод Г. Н. Очировой с монгольского языка метрической книги Чесанского дацана и посемейные списки прихожан по родам. Со списками и метрической книгой можно ознакомиться на сайте Государственного архива Республики Бурятия www.gbu-garb.ru и на интернет-портале www.soyol.ru в подразделе «Электронная база данных документов на монгольской письменности из фондов Государственного архива Республики Бурятия».

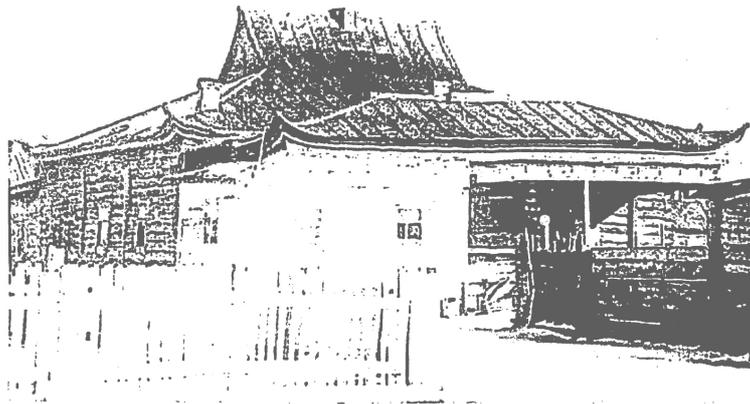
Таким образом, в конце XIX — начале XX в. Чесанский дацан сформировался как единый целостный архитектурный ансамбль. Рубеж XIX–XX вв. можно назвать пиком расцвета Чесанского дацана. В этот период своего развития дацан представлял собой крупный буддийский монастырский комплекс, состоящий из 6 важнейших дуганов — главный Цогчен, затем Чойра, Жуд, Сахюусан, Диважан, Домой, а также Шулутовский дуган и 9 сумэ — Хурдэ, Майдари, Гунриг, Дымчог, Арьяа-Баала, Очирвани, Отошо, Табан Хаан, Аюши. Кроме этого, функционировал Барай сумэ — «печатня» (типография) дацана.

Расположенный в живописной местности Чесанской долины, застроенный компактно и целесообразно по всем буддийским канонам, он действительно являлся центром религиозной, культурной и административно-хозяйственной жизни для местного населения. Общий образовательный уровень Чесанского дацана не уступает ведущим монастырям Тибета, Монголии, Бурятии. Дацанская школа «цаннит», эмши ламы были известны далеко за пределами Чесанского прихода. Была открыта двухклассная приходская школа (училище) для местного населения. Велась издательская и переводческая деятельность, в период строительства дуганов и сумэ получило развитие бурятское зодчество и каноническая архитектура. Стилизованная в традициях древних буддийских монастырей, красочный интерьер храмов, украшенный скульптурами буддийских божеств, филигранно расписанные танки на ткани придавали дацану аскетичный и в то же время великолепный вид. Чесанский дацан стал известным своей школой среди дацанов Забайкалья, одним из центров духовной жизни мирян, их общения и веры.



Глава 2

**ХРАМОВЫЙ КОМПЛЕКС:
ФАКУЛЬТЕТЫ, КУЛЬТОВАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ
И СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ**



2.1. Факультеты Чесанского дацана

«В Восточном Забайкалье буддизм явился обучающим условием ценностного единства основных направлений системы дацанского образования. Забайкальские ламы учили учащихся просветлению как умственной деятельности или мудрости. Центральную позицию в мировоззрении дацанского образования занимал сострадательный ум, из которого возникла бодхичитта. Альтруистическая мотивация двигала адептом во время практики парамит. Она имела два аспекта: пять первых совершенств и мудрость. Шесть совершенств, практика дисциплины (дисциплина бодхисаттв, дисциплина тантры), отказ от десяти негативных действий, трех недобродетелей тела, четырех недобродетелей речи, алчности — таков путь, рекомендуемый учащимся дацанов Восточного Забайкалья. Этот путь, представляющий собой совокупность моральных норм, психотехнических процедур и определенных «теоретических» представлений, выделен как обучающий метод буддизма в религиозно-философском образовании восточнозабайкальских дацанов. Буддийская традиция говорит о нем как о сочетании культуры поведения (шила), культуры психики (читта или самадхи) и культуры мудрости (праджня)» [Будаева С. Ц.].

«Буряты отличались высоким процентом духовенства в соотношении на душу населения: «Так, в докладной записке секретариата Бурревкома БурАССР от 18 мая 1922 г. сообщается, что ламство составляет 21% бурятского населения (в то время как среди мусульманского населения России соотношение было 1 мулла на 300 человек (0,3%), а среди православного — 1 священник на 1 000 человек (0,1)). Это означает, что не менее 20–25% населения бурят до революции 1917 года было грамотным и владело тибетской и монгольской письменностью. Немаловажную роль в данном вопросе играл также фактор культовости буддийской книги. Согласно буддийскому вероучению, книга, сутра является физическим проявлением или символом слова Будды, в то время как скульптура или живописное изображение есть символы тела Будды, а ступа (субурган) символом сознания Будды. Однако, несомненно, имела значение также и природная склонность бурят к книге и учению, отмечавшаяся многими исследователями как национальная черта характера» [Сыртыпова С. Д., с. 15].

«Большую роль в распространении буддийской религиозно-философской системы среди бурят, в том числе хоринских родов, сыграли монгольские и тибетские ламы, прибывшие на территорию Забайкалья в XVIII в. Также необходимо отметить заслуги и местных лам, которые получили высокое образование в Тибете и Монголии. Официально утвердившиеся границы между Российской империей и странами Востока не позволили многим ламам из Бурятии свободно получить образование в соседних странах. Возможность приобретения духовного образования, в том числе философского, стали предоставлять местные крупные дацаны. Наибольшей популярностью и авторитетом пользовались Цугольский, Гусиноозерский (Тамчинский), Агинский, Анинский, Чесанский и Кудунский (Кижингский) дацаны» [Будаева С. Ц.].

Тибетское слово «дацан» «обозначает духовное учебное заведение с полным курсом обучения, являющееся своеобразным аналогом института или факультета. По своей специализации эти факультеты подразделяются на общие или религиозно-философские, тантрийские, медицинские, ламримовские, астрологические или Калачакры, Хэваджры и Ваджрабхайравы» [Мир... С. 47]. В соответствии с «Положением о ламаистском духовенстве» 1853 г. число хувараков составляло 35 человек, которые должны были постоянно находиться в Гусиноозерском дацане. Только в этом дацане было разрешено иметь дацанскую школу, все остальные школы считались незаконными.

В структуре дацанской системы образования базовым является религиозно-философский факультет. А. М. Донец в статье «Дацанская система образования и тибетоязычная учебная литература» рассматривает основные предметы, делает анализ тематики, основной, обязательной и дополнительной литературы религиозно-философского факультета. На основе анализа учебной литературы называет три принципа, на которые опирается дацанская система образования: интегральность, двуединство абсолютной и относительной истин, коллективность. К основному принципу дацанской системы образования относится «участие в диспутах с постоянно меняющимися партнерами, помогающими друг другу усваивать философские идеи, вырабатывать беспристрастность и находчивость» [Мир..., с. 55].

Бурятский буддизм развивался в традиции школы Гелугпа, особое внимание в которой уделялось монастырскому образованию и предъявлялись высокие образовательные стандарты. Процесс образования в дацанах Бурятии проводился по системе монастырского образования традиции Гоман-дацана. «Стандарты в области образования в бурятском буддизме стали устанавливаться в период создания первых монастырей. Так, первый стационарный Цонгольский дацан славился на всём Забайкалье монастырскими духовными школами, которые следовали программам дацанов знаменитого тибетского монастыря “Балдан-Брайбун”» [Ванчикова Ц. П., Чимитдоржин Д. Г., с. 83]. Многие современные молодые ламы прошли обучение в Индии, именно в Балдан-Брайбун Гоман-дацане, в том числе и хувараки, выходцы из Чесанского дацана.

Анинский дацан «Гандан Шаддублинг», основанный в 1775 г., являлся одним из крупных центров классического буддийского образования Центральной Азии. Это первый каменный буддийский храм на территории России. В Анинском дацане исстари в присутствии представителей генерал-губернаторства каждый тайша торжественно вступал в должность, присягая на верность Российскому государству. Ламы дацана в начале каждого года по лунному календарю, в дни праздничных хуралов «Монлам-Ченмо», всегда читали молитвы благопожеланий в честь каждого тайши, в честь каждого нойона — глав 11-ти родов хори-бурят.

Именно Анинский дацан стал первым из всех дацанов, который посетил представитель императорского дома Романовых. А в алтаре Цогчен-дугана был установлен бюст Екатерины Великой, которую верующие почитали как воплощение аспекта благой энергии Богини Белая Тара. Эта традиция была заложена первым Пандидо хамбо-ламой Дамба Даржа Заяевым, получившим в 1764 г. этот высокий государственный пост по высочайшему указу. Именно Екатерина II основала институт Пандидо хамбо-лам России, что означало обретение буддийской церк-

вью Российской империи автокефалии, обретение независимости от тибетских и монгольских иерархов.

Здесь в философской школе дацана в течение 23 лет будущий XII Пандидо хамбо-лама Даша Доржо Этигэлов постигал основы теории и практики Учения Будды, прежде чем начать свой великий путь йоги.

Большинство дацанов в начале XX в. имело философские факультеты. Кроме философских, внутренних дисциплин изучались другие науки, особо выделялись факультеты астрологии и медицины. Следующим этапом в монастырском обучении было изучение тантр. По завершении философского образования монахи поступали на факультеты систем тантры Гухьясамаджи, Ямантаки, Чакрасамвары, которые следовали программам тибетских тантрийских школ (Жуд мад и Жуд дод). По окончании после успешной сдачи экзамена получали ученую степень «аграмба» (знарок тантры). По своим ученым званиям ламы делились по факультету цаннит: габжа, рабжамба, дорамба, лхарамба; по факультету акпа — аграмба, по факультету тибетской медицины — манрамба.

Наиболее крупные дацаны имели три факультета — общий (философский — цанид), тантрический (джуд) и медицинский, в небольших дацанах был только общий факультет; на тантрический факультет принимали только монахов, получивших общую философскую подготовку, а в группы по изучению «Калачакра тантры» — только самых способных из числа допущенных к изучению тантр. Поэтому в Чесанском дацане для изучения школы цанид были построены Чойра-дуган (философский факультет), Жуд-дуган (тантрический факультет), Домой-дуган (медицинский факультет). По окончании тантрического факультета часть выпускников определялась для дальнейшей службы в Хурдын-сумэ, Гунриг-сумэ, Дымчог-сумэ. По окончании медицинского факультета часть выпускников направлялась в Отошо-сумэ. Большая часть выпускников продолжала оставаться в Чойра-дугане.

Закончившие обучение хуvaraки и ламы защищали ламские (богословскую) степени «гэбшэ» и «габжа» по основным канонам буддийского учения («габжийн дамжаа бариха», «домын дамжаа бариха»). Это своеобразные экзамены в форме диспутов, и в случае успешного проведения диспута присваиваются ученые степени: «гэбшэ» и «габжа». По случаю успешной защиты этих степеней проводится официально принятая раздача подарков высшим ламам и угощение лам и хуvaraков своего дацана (гэбшэйн, габжийн дом табиха). Эта традиция в некоторых монастырях Индии, Тибета, Монголии соблюдается и в настоящее время. Ламы, защитившие ученую степень габжа, получали право носить мантию (жанши) желтого цвета. Гэбшэ-ламы носили мантию коричневого цвета. Мантию ламы надевали при особых богослужениях. При проведении обычных ежедневных хуралов в мантию облачался только гэбгы-лама или гэсхы-лама для контроля за соблюдением порядка во время богослужения, а вне храма они следили за нравственным поведением монахов.

Изучение тибетской медицины было развито в крупных дацанах, где открывались школы — Манба дацаны (дуганы), Домой, Отошо (дуганы и сумэ), где готовили эмши-лам. Наиболее известные школы по изучению тибетской медицины существовали в Цугольском, Агинском, Ацагатском и других дацанах. Эти дацаны имели свои печатни и имели возможность выпускать ксилографы на тибетском и старомонгольском языках, в том числе медицинской литературы. Чесан-

ский дацан имел один комплект матриц для издания литературы по школе цаннит и манба. О широком распространении тибетской медицины среди бурятских дацанов говорит большая и уникальная коллекция медицинских книг и брошюр, хранящихся в Центре восточных рукописей и ксилографов, которая в прошлом принадлежала бурятским дацанам.

Лобсан Лхундуб Дандаров, основатель Цугольского дацана, один из наиболее известных лам в истории бурятского буддизма, в 1845 г. основал первую бурятскую школу классического буддийского философского образования (цанид). Школа цанид Цугольского дацана послужила основой для создания впоследствии подобных школ в других бурятских дацанах. Система «цанид» предполагала последовательное изучение пяти дисциплин, на что уходило около пятнадцати лет (как правило, родители отдавали в монастыри детей в очень раннем возрасте):

1. Логика (праманавартика) — по сочинениям Дхармакирти (гносеология).
2. Праджняпарамита (путь «классической» Махаяны) — по тексту Майтрейи Абхисама-аламкара (теория просветления, то есть достижения состояния Будды).

3. Мадхьямика — по трактату Чандракирти «Мадхьямакаватара» (теория срединности, учение о пустоте — относительности бытия).

4. Абхидхарма — по «Абхидхармакоше» Васубандху и «Абхидхармасамуччае» Асанги (энциклопедия канонической философии).

5. Виная (прежде всего Винная муласарвастивадинов) — этика монашества.

Программа обучения состояла из пяти разделов. Курсы разбивались на 14 классов — зинда:

- в первый и второй годы осваивали старомонгольский и тибетский языки, изучали наизусть тексты. Обучались переводу с тибетского на монгольский, рисованию и ремеслам;

- в третьем и четвертом классе изучалась логика;

- с пятого по девятый — курс праджняпарамиты. Шло изучение тибетской медицины, включавшее годичный курс теории и курс практической терапии и хирургии;

- десятый и одиннадцатый классы — мадхьямика. Хувараки получают в том числе знания по астрологии и астрономии;

- в двенадцатом-тринадцатом классах — курс абхидхармы;

- после девятого года обучения начиная с четырнадцатого класса молодые ламы сдавали экзамены на степень «габжа»;

- после восьмилетнего обучения логике и праджняпарамите ламы получали степень «гэбшэ»;

- после четырех классов мадхьямики и абхидхармы, после восьми классов Винаи — степень «габжа».

В бурятских и монгольских монастырях высшая степень именовалась «габжа» или «габжу».

Система богословского образования «подчинялась образцам ведущего монастыря ламаистской традиции — Гоман-цаннит» [Ламаизм в Бурятии... С. 56]. Между тем обучались и в Тибете при монастыре Лавран, в Монголии в Урге (Улан-Баторе) или в местных дацанах Бурятии.

В соответствии с «Хоринским Положением 1851 г.», главой 5 «О ламских школах» ст. 40 обучение лам имело 6 ступеней:

«Первая ступень — мэжиба. Обучение чтению, письму на тибетском и монгольском языках и подобное по системе «толта», заучивают наизусть рапсал и докшиты, изучают ритуал чтения молитв.

Вторая ступень — шоксаба. Должны хорошо овладеть переводом с тибетского на монгольский язык таких книг, как большой и малый Ламрим, Ложон, изучить правила обета, хорошо изучить книги по Дулбе.

Третья ступень — маарамба. Досконально изучают все книги по медицине.

Четвертая ступень — чжигремба. Полностью изучают книги по астрологии.

Пятая ступень — цанид. Полностью изучают Цадма, Парчин, Ума, Онбо, Дулба — эти пять томов книг.

Шестая ступень — агримба. Целиком изучают четыре отрасли тантрийских книг.

Из этого следует, что уже на второй ступени образования ламы должны изучить обеты и необходимую литературу по Винае. А на пятом курсе полностью изучить книги по Дулбе.

Для получения более высокого уровня образования ламам, достигшим высокой учености, разрешалось шэрэтэ отбывать в другие дацаны для дальнейшей учебы, в том числе за рубежом.

Эгитуйский дацан славился Дуйнхор-дацаном — факультетом Калачакра-тантры. По всей Бурят-Монголии это был самый известный факультет данного направления. Хубургай-лама прошел обучение в Дуйнхор-дацане и впоследствии стал его главой. Как практик он достиг такого уровня, что давал высшие посвящения — ван (тиб.: «правомочность») — в систему Калачакра. Последний ван Калачакры он поставил в Эгитуйском дацане в 1926 г.» [Буддизм. Каноны... С. 440]. «Хубургай (прозвище от слова «хуварак»; имя никто не запомнил) — лама из Эгитуйского дацана (Еравнинский район) был знаменитым дуинхорвой (тибет. «калачакринец», практик системы Калачакра). Учителем Гатавона был Хуваргэ-багши (хубургай-лама).

«В полном объеме программы монастырских школ вся учебная литература была издана только в Агинском дацане. По остальным дацанам наблюдалась следующая картина: хоринские дацаны (Кижингинский, Чесанский, Эгитуйский, Анинский, Ацагатский) в общей сложности имели один комплект матриц для издания литературы по школе цаннит и манба; официальных сведений об учебных изданиях селенгинских дацанов нет, этот вопрос требует специального изучения» [Ламаизм в Бурятии... С. 78].

«В Чойре-дугане хувараки проходили школу Цаннит, где изучали систему буддийской философии в реалистическом направлении, в противоположность символическому. Реалистическое направление в изучении буддизма называется «цаннит-текпа», в литературе — сутра. В круг изучения дисциплин входят гносеология, санскр. *прамана*; теория достижения состояния Будды, санскр. *парамита*, учение срединности и пустоте санскр. *мадья-мана*, метафизика санскр. *абхидхарма* и этика монашеской жизни санскр. *винная*» [Летописи... С. 94].

В Чойра-дугане изучали буддийскую религию и философию, периодически проводились диспуты — состязания, выпускные экзамены «дамжаа». Собирались ламы из разных дацанов, которые стремились повысить свои знания, реши-

ли участвовать в диспутах и посоревноваться в глубоких познаниях цаннита, а также ламы, решившие продолжить обучение трактатов по богословию, философии, логике, этике. Цаннит-ламы проводили время в чтении и составлении выписок из различных сочинений, изучали различные толкования и комментарии по отдельным интересующим их вопросам, производили сличение текстов. Ламы стремились изучить «илэрхэй аймак саба», что позволяло им изучить не только точный смысл писаний, но и держать в своих руках таинственные силы управления природой. В дальнейшем ламы этой школы пополняли состав «бродячей школы гонуд лам».

Школу Чойра еще называют «монастырской школой». Обучение в ней открывало в дальнейшем путь к духовной карьере. С возникновением школы Чойра появилось церковное требование обязательного обучения цанниту каждого ламы. Без этого образовательного ценза немислимо было продвижение по реальной, а не выдуманной царскими чиновниками, должностной иерархии дацанского управления. Изучение «цаннита» и присвоение звания «гэбшэ» по окончании проводились не во всех дацанах Бурятии, «в Забайкалье ... не менее как в десяти дацанах существует уже изучение цаннита и звание гэбшэ дается на месте» [Кирилов Н. В., с. 120]. Цугольская школа цаннит была первой в Забайкалье и основана в 1845 г. по летописи хоринских бурят, по сведениям А. М. Позднеева в 1821 г.

По другим сведениям, школа «Чойра» начала действовать впервые в Забайкалье в Цугольском дацане в 1859 г., затем в Агинском дацане. Цаннитская школа Цугольского дацана считалась лучшей. Открытие такой школы свидетельствовало о высокой степени подготовленности лам Чесанского дацана и не случайно, что «первыми основателями цаннитских школ Агинского, Гусиноозерского в 1861 г. и других богословских школ были первые ученики цугольского цаннита» [ИВР РАН, ф. 44, оп. 1, д. 133, л. 106 об.]. По окончании школы звание «гэбшэ» присваивалось на месте [Кирилов Н. В., с. 120]. Все бурятские дацаны школы «Чойра» изучали цаннит по системе тибетского Гоман-дацана, за исключением Цонгольского дацана, который следовал системе тибетского монастыря Сэра.

В Кижингинском дацане: «В начале зимы 1890/91 г. при дацане была открыта школа «Чойра» [Славься... С. 262]. В этой же книге в разделе о Чесанском дацане отмечается: «Дацан славился учеными ламами, там жил Агпа Гэгэн (по-тибетски: ринпоче), прибывший из Тибета. Школа «Чойра» здесь была создана во второй половине 70-х годов XIX в., что на более 10 лет раньше, чем в Кижингинском дацане» [Славься... С. 268].

«В больших монастырях по преимуществу сосредоточивается изучение буддизма, высшие школы которого известны под именем цаннита. Ламы, изучающие это высшее богословие, совершают свои богослужения и производят религиозные диспуты в специально назначенных для этого храмах, получающих название «цанидэйн сумэ» (монг.). Окончившие курс цаннита получают ... право совершать тантрическое богослужение, для которых также устраиваются особые храмы — Джудын сумэ» [Позднеев А. М., с. 18]. Школы «Жуд» в бурятских дацанах появились позднее философских.

В Жуд-дугане размещаются школы «Жуд» по изучению тантризма. Жуд — тантра, основа Учения Будды в Тибете, Монголии, Бурятии. В Чесанском дацане

тантру изучали по системе «джуд-мад лхасской традиции». В этом дугане на торжественные богослужения в честь идамов-бурханов Жигжед (Ямандаги), Сандуй (Гухьясамаджа), Дымчог (Чакрасамвара) и отчасти Чагдор (Ваджрапани) собирались ламы и хуvaraки школы Жуд. Среди жудских школ бурятских дацанов только в Анинской дацанской школе «Жуд» была система так называемой «бродячей школы гонуд». В 1878 г. в Агинском дацане была основана школа «Дуйнхор» — Калачакры, чем и завершилось построение основных направлений высшего духовного образования по тибетскому образцу.

В соответствии с курсом обучения периодически проводились диспуты — состязания, выпускные экзамены «домын дамжаа бариха» (защищать ламскую степень). Порядок диспута в Тамчинском дацане подробно описан А. М. Позднеевым: «По окончании утреннего богослужения ламы, намеревающиеся давать объяснения, встают со своих обычных мест и садятся на приготовленных для них седалищах у горнего места кумирни. Умеющий давать вопросы встает, снимает шапку и мантию, оставляя их на своем месте в общем ламском круге, и подходит к своим диспутантам. Став перед ними и держа четки в правой руке, он, прежде всего, ударяет правую ладонью левую, после чего разводит руками, опуская левую ладонь книзу, а правую поднимая вверх, причем произносит: «дис!». Опущение левой ладони книзу в таинственном смысле знаменует прикрытие дверей адов, дабы не возрождались в них существа; поднятие правой руки означает возведение из мест злополучных перерождений существ, которые преследовали эти перерождения прежде... Возглас «дис!» составляет слог, изображающий сердечную сущность Манджушри, почитаемого источником мудрости, и назначается как бы для свидетельства о призывании божественной помощи к разъяснению истины. После сего лама-совопросник предлагает свой вопрос первому из сидящих и, если тот не отвечает, снова предлагает тот же вопрос; удар в ладони долженствует свидетельствовать собою горячность, с которою спрашивающий относится к диспуту. Если разрешающий не ответит после повторения ему вопроса в третий раз, спрашивающий касается рукою правого плеча его, что означает победу, и переходит ко второму сидящему для ответов с тем же вопросом» [Позднеев А. М., с. 197–198]. Также подробное описание практики проведения ежедневного учебного диспута в ходе учебного процесса в дацанских школах представлено в коллективной монографии «Буддизм в истории и культуре бурят» под редакцией И. Р. Гарри [Буддизм в истории... С. 140–146].

«Способ изучать богословие посредством диспута перешел в Тибет из Индии... Последователи Цзонхавы применяли эти диспуты для практики изучения богословия в дацанах» [Донец, 2004, с. 24]. Открытый диспут является главной «школьной практикой монастырской системы образования и является важнейшим аспектом, поскольку согласно традиционным представлениям умение практически оперировать материалом в целях защиты учения имеет большое значение, чем пассивно усвоенные знания» [Базаров, 1999, с. 53].

Практика философского диспута выполняла задачу воспроизводства буддийской мыслительной традиции и контроля над уровнем образованности послушников, ведь ученые степени присваивались монахам только по результатам взаимных дискуссий.

«Среди школ Жуд бурятских дацанов только в Анинской школе была бродячая школа-гонуд для лам 5 дацанов хори-бурят, открытая по инициативе А. Дор-

жиева. Школа отличалась особым аскетизмом: питались раз в сутки, в течение месяца не снимали одежду, спали в сидячем положении. Богослужения также отличались спецификой, проводили «хатуу тарниин хурал» (богослужение сложной тантры), в котором принимали участие более 100 монахов. Схема перемещений во время богослужения была следующей: исходной точкой являлся Анинский дацан, затем Эгитуйский, далее проводили хуралы в Чесанском дацане, после в Кижингинском и Ацагатском. Эти ежегодные хуралы проходили в сопровождении большого количества верующих. В 1909 г. в школе гонуд числилось 88 человек [Жамсуева Д. С., с. 61]. По сведениям, полученным от шэрэтэ Анинского дацана Еши-Лэгцога Дарижапова, больные, женщины, дети ложились прямо на дороге и через них перешагивали все 99 лам. Многие делали подобное несколько раз. Приблизительно в 1890-х гг. богатый бурят из местности Эгита Номгон Дугар преподнес ламам школы 99 отборных скакунов бурятской породы» [Цыбенков Б. Д., с. 71].

В Чесанском дацане кроме реалистического направления в буддизме, как было описано выше, изучали и символическое направление. Это направление рассматривается как специальное, с высоким уровнем подготовки, имеет тайную для посвященных часть учения. Монахи, допущенные к изучению символики, должны были пройти специальное посвящение (лун). Основное различие между этими двумя направлениями заключается в том, что путь по первому направлению начинается с постепенного изучения самой основы Учения, которая ведет к «основной цели» или состоянию Будды через вступление в монашество, исполнения шести парамит совершенствования, четырех деяний на пользу живых существ и т. д. Символическое же направление предполагает непосредственное осуществление «основной цели» или с готового состояния Будды. Поэтому монах, идущий по этому пути, должен строго соблюдать обеты и представлять себя как Будду со всеми помыслами и действиями самого Будды. Это считается скорейшим путем просветления в течение одной человеческой жизни. Данная теория считается чрезвычайно сложной и доступной только для тех, кто достиг высокого уровня подготовки в изучении цаннит, строго соблюдает данные обеты, ведет подвижнический образ жизни, имеет опыт медитации и управления сознанием. В зависимости от программы образовательный курс символики проходил в течение трех или четырех лет: трехгодичный курс — 1-й год зинда огма (младший класс), 2-й год зинда барма (средний класс), 3-й год зинда гонма (старший класс); четырехгодичный курс — 1-й год Шугмый зинда (обрядовый класс), 2-й год Жедримбий зинда (класс изучения начальной теории символики), 3-й год Дигабый зинда (класс изучения комментариев), 4-й год Гарамбын зинда (класс кандидатов на ученое звание или изучения высшей теории символики).

Курс символики изучается по объяснительно-толковательному методу. Окончившие курс и пробывшие в нем более 10 лет дополнительного времени для совершенствования в теории символики защищают звание «аграмба», что значит «совершенный знаток символики» (иногда эта степень называется Доржезинрамба — «Держатель ваджра»). Буддийские системы символики, особенно четвертая, имеют обширную литературу на санскрите и особенно на тибетском языке. Эта литература имеет специальные термины и понятия, своеобразный

тантрийский стиль изложения, иносказательные способы передачи понятий и совершенно недоступна для неподготовленных.

Одним их тех, кто успешно окончил обучение и защитил в Чесанском дацане высокое звание «аграмба», был известный мастер Калачакры Цыренжаб Гатавон (Гатабон). «Ульдургинский лама Цыренжаб Гатабон в Эгитуйском дацане получил высшую общегословскую степень — габжа и звание аграмбы (высшая тантрийская степень, получаемое после 17 лет обучения на тантрийском факультете Жуд-дацана). В Чесанском дацане защитил почетное тантрийское звание дорджезинба («Держатель Ваджра»), которое присваивается особо отличившимся в познаниях» [Буддизм. Каноны... С. 484]. Тибетский термин «дорджезинба» есть буквальный перевод с санскритского «Ваджрадха», которое в тантрийской традиции есть особое проявление Будды Шакьямуни. В этой форме Будда проповедовал тантры. Соответственно, титул «дорджезинба» уподобляет тантрийского мастера самому источнику буддийской тантры. Ушёл из жизни в 1979 г. в возрасте примерно девяноста лет.

В Домой-дугане Чесанского дацана проводились хуралы по учению и практике восточной медицины. В Большом академическом монгольско-русском словаре слово «дом» переводится как «целебные средства, заговор от болезней», «эм дом» — целебные средства и лекарство. Эмши-ламы дацана были известны не только среди своих мирян, но и далеко за пределами прихода Чесанского дацана. «Самостоятельно готовили травяные лекарства по тибетским рецептурам. Эмши-ламы имели учеников — хувараков. Вели учет и регистратуру прихожан, историю болезней своих пациентов. Была обширная библиотека по тибетской медицине на старомонгольском и тибетском языках. Эмши-ламы дорожили своими инструментами, только своим ученикам передавали свои секреты врачевания, способы и методы лечения различных заболеваний. Лечить можно было после точного усвоения пяти книг под названием “Лхантаб-Джуд-ши”», говорил известный эмши-лама Чимит-Доржо Дугаров, рассказывая о своем учителе из Чесанского дацана эмши (худалши), гэбшэ-ламе Гармын Цыренбазаре в ходе встречи 15 сентября 2017 г. в г. Улан-Удэ. По окончании медицинского факультета часть выпускников определялась для дальнейшей службы в Отошо-сумэ, лучшие оставались для обучения новых хувараков и лам, посвятивших себя учению и практике тибетской медицины. Ламы и хувараки Чесанского дацана по направлению от дацана обучались в известных медицинских школах Цугольского, Ацагатского и других дацанов.

В Чесанском дацане в Отошо-сумэ (построено в 1831 г.) к этому времени уже изучали восточную медицину и практиковали эмчи-ламы. Сам шэрэтэ-лама Лубсун Гунга Зундуев был эмчи-ламой, занимался восточной медициной. Его друг, шэрэтэ Цугольского дацана Лобсан Лхундуб Дандаров, с которым они начинали строить Чесанский дацан, также являлся известным эмчи-ламой.

В конце 1860-х гг. обсуждался вопрос об открытии медицинской школы в Кудунском дацане, где планировалось обучение восточной медицине лам пяти хоринских дацанов. В архиве в фондах Кудунского дацана сохранилось письмо исполняющего обязанности Пандидо хамбо-ламы Ванчикова исполняющему обязанности шэрэтэ Кудунского дацана Жамсо Бошоктуеву: «Гэлун-ламе Кодунского дацана шанзодбе Бошоктуеву № 143 от 22 августа 1867 г. Этим летом во время моего посещения Вашего дацана Вы вместе с почтенным дис-ламой об-

суждали вопрос об основании медицинской школы по традициям буддийской религии. Закончена ли ныне эта школа? Если же уже нынче завершаете, то делайте это без промедлений. Этим письмом делаю напоминание Вам о том, чтобы Вы довели до моего сведения следующие данные: «из каких дацанов обучаются, их имена, общая численность, по каким книгам, предметам и по каким традициям проводится обучение? Исполняющий обязанности Пандидо хамбо-ламы Ванчугун» [ГАРБ, ф. 470, оп. 1, д. 25, л. 9]. В конце этого же года следует письмо об утверждении Жамсо Бошоктуева учителем медицины: «Штатному ламе Кодунского дацана Жамсо Бошоктуеву через Верхнеудинский земский суд, через Хоринскую степную думу. От исполняющего обязанности Пандидо хамбо-ламы, Главного ламы верующих монгол-бурят Восточной Сибири. Утверждение учителя медицины преподающего ученикам пяти дацанов от 30 декабря 1867 г. № 204. Гэлун ламе Кодунского дацана, учителю лекарей Жамсо Бошоктуеву. 8 октября этого года ламы и миряне пяти дацанов — Анинского, Эгитуйского, Кодунского, Чесанского, Ацагатского единодушно одобрили Вашу кандидатуру и изучив Вас, со своей стороны я также соглашаюсь с народом. Поэтому я приказываю Вам быть учителем медицинской школы согласно утвержденному разрешению. Поручаю Вам, Бошоктуев, безо всяких послаблений обучать, исходя из собственных медицинских знаний и дать образование послушникам — ученикам из вышеназванных пяти дацанов, доверяя Вам, я назначил Вас учителем этой школы. Исполняющий обязанности Пандидо хамбо-ламы Ванчугун» [ГАРБ, ф. 470, оп. 1, д. 25, л. 10]. Габжа-лама Жамсо Бошоктуев 5 марта 1868 г. в возрасте 61 года был утвержден исполняющим обязанности шэрэтэ Кудунского дацана. В 1820 г. — хуварак, 1836 г. — гэцул, 1840 г. — гэлун, 1840 г. — штатный лама, входил в состав первого выпуска известной Цугольской школы цаннита. По неизвестным причинам официальное открытие школы так и не состоялось.

Основоположником системы медицинского образования в бурятских дацанах являлся Цугольский дацан, где в 1869 г. была основана школа, основным предметом изучения которой являлся тибетский медицинский канон «Джуд-ши» XII в. под руководством монгольского ламы Чой манрамбы. До революции число одних только эмчи-лам в дацане доходило до 300 человек. Впоследствии Цугольский дацан прославился своей школой манба-дацана (дугана). В 1867 г. в Агинском дацане была издана книга шэрэтэ Тугулдурова под названием «Большой Агинский рецептурник».

Ю. Ж. Жабон в своей статье «Буддийские стандарты “внутренних и внешних наук”» подробно описывает порядок изучения «Джуд-ши»: «Из четырех томов или тантр “Чжуд-ши” ученик был обязан выучить наизусть так называемые три малые тантры. “Тантра основ” содержит структуру тибетской медицины. “Тантра объяснений” раскрывает методологические аспекты теоретической медицины. “Дополнительная тантра” дает описания разных лекарственных форм, излагает правила и показания для проведения процедур прижигания, иглоукальвания, кровопускания, массажа, раскрываются приемы диагностики по пульсу, моче и пр. Девяносто две главы “Тантры наставлений”, в которых излагалась клиническая часть медицинской науки, требовалось не заучивать наизусть, а только хорошо изучить и усвоить их содержание. По завершении заучивания каждой тантры сдавался экзамен,

а при окончании всего курса — экзамен по всем трем тантрам» [Буддийские тексты... С. 103]. Четыре книги «Джуд-ши» изучали в течение четырех лет.

«После сдачи устных и письменных экзаменов по “трех малым тантрам” ученики приступали к изучению тонкостей медицинской науки. Характерно, что в буддийской образовательной системе от учеников младшего возраста в обязательном порядке требуют простого механического заучивания необходимых текстов. Считается, что когда в память уже заложена необходимая информация, ее дальнейшее аналитическое усвоение происходит гораздо быстрее. Тем более если это касается «Чжуд-ши» или других так называемых коренных текстов, которые бывает очень сложно понять. Как правило, эти тексты специально для заучивания и запоминания написаны стихами, потому отличаются крайней лаконичностью изложения материала. Далее, после того как ученики заучили наизусть коренные тексты, им дается уже развернутый комментарий к ним, с приведением более детальных классификаций понятий и терминов, с подробным разъяснением теории и практики. Что касается медицины, то помимо усвоения комментариев на “Чжуд-ши” предполагалось изучение и остальных медицинских текстов — фармакологических и фармацевтических руководств, фармакогностических трактатов и рецептурных справочников. Вся эта медицинская литература в совокупности представляет собой системное изложение тибетской медицинской науки и входит в обязательную программу, необходимую для окончания медицинского факультета манба-дацанов. Кроме указанных обязательных учебных текстов для доходчивости и правильного понимания содержания медицинских источников преподаватели составляли свои собственные руководства и пособия, делали наглядные пособия в виде отдельных анатомических таблиц и медицинских атласов. Если в Тибете традиция создания медицинских атласов имеет богатую и длинную историю, как, например, “Атлас тибетской медицины”, составленный Деси Сангье Гьяцо к “Вайдурья-онбо” — комментарию к “Чжуд-ши”, то бурятские монастыри — преемники тибетской культуры — также переняли опыт изготовления и использования в учебном процессе подобных медицинских атласов. Так, например, имеются наглядные пособия в виде анатомических таблиц медицинской школы Ацагатского дацана, которые были сделаны ее настоятелем эмчи-ламой Д. Ендоновым (1870–1937). Основная цель этих наглядных пособий заключается в том, чтобы максимально точно находить расположение внутренних органов, уязвимых мест, сосудов и точек, необходимых для проведения лечебных процедур. Занятия же собственной практикой разрешалось только после полного освоения всех теоретических и практических аспектов медицины. Примечательно, что наряду с медицинским образованием в монастырях у бурят практиковалось и семейное, частное обучение. Здесь объем полученных учеником медицинских знаний определялся квалификацией обучающего учителя» [Буддийские тексты... С. 104; Земля Ваджрапани...]. По сведениям старшего переводчика БурЦИКа Ц. М. Очиржапова: «Школа восточной медицины при Ацагатском дацане была организована на основании постановления “О создании в пределах Бурятии трех медицинских школ” в соответствии с протоколом Духовного сбора буддистов Бурятии в Ацагатском, Цугольском, Тамчинском дацанах. Ацагатская школа должна была обслуживать все дацаны, входящие в состав Хоринского (8 дацанов), Тункинского, Баргузинского, Аларского и Эхирит-Булагатского аймаков. Обучение длилось в течение 7 лет. В программу

обучения входило изучение 4 основных правил восточной медицины, изложенных Буддой Шакьямуни: 1) Зажуд; 2) Манакжуд; 3) Шаржуд; 4) Чемажуд. Кроме этого, в программу входило изучение причин болезней, исследование болезней, определение диагноза, профилактики, антисептики, фармацевтики, а также изучение индийских, китайских, тибетских инструкций и руководств. По окончании по представлению медицинского совета выдавали диплом от Центрального духовного совета буддистов, возглавляемого Пандидо хамбо-ламой» [ЦВРК ИМБТ. ОАФ, д. 299]. Полный учебный курс тибетской медицины в традиционной тибетской монастырской системе охватывает 20 лет. Необходимо отметить, что только на русском языке есть полный опубликованный перевод «Джуд-ши», часть «Лхангаба (Дополнения)» и фрагментарный перевод других комментариев. До сих пор нет полного перевода «Джуд-ши» ни на одном языке Европы.

В фондах Музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова хранится часть архива Центрального духовного совета (ЦДС) буддийского духовенства. В статье Ц.-Х. В. Очировой (старший научный сотрудник отдела фондов музея) «Сведения о ламах и мирянах, практиковавших тибетскую медицину в 1928 г. (по материалам ЦДС буддийского духовенства)» анализируются сведения, содержащиеся в одной из папок: Дело № 6. 1928 г. «Квалификационные списки, собранные из дацанов, лам и мирян, практикующих тибетскую медицину». Сведения были представлены в табличной форме из 30 дацанов. Согласно таблице, только в 6 дацанах в 1928 г. (Цонгольском — 23 чел., Агинском — 20 чел., Эгитуйском — 30 чел., Чесанском — 22 чел., Кижингинском — 28 чел., Баргузинском — 29 чел.) занимались восточной медициной, в других дацанах в 2 раза меньше, в 11 дацанах по 7 и менее человек. В Чесанском дацане из этих 22 лам в штате дацана находились 13 лам, из этих 13 лам 11 лам имели ученую степень габжа, 2 — рабджамба» [Иволгинский дацан... С. 120].

Когда возникли школы Чойра, «появились церковные требования обязательного обучения цанниту каждого ламы, без этого образовательного ценза немислимо было продвижение по реальной, а не выдуманной царскими чиновниками должностной иерархии дацанского управления. Подтверждением этого служит то, что из 367 лам и мирян, занимающихся тибетской медициной, к 1928 г., по сведениям ЦДС, 235 лам имеют ученые степени, из них только 8 являются манрамами, т. е. окончили медицинские факультеты, таким образом обучение цанниту, т. е. богословию и философии буддизма, являлось действительно обязательным для каждого ламы» [Иволгинский дацан... С. 119].

В Чесанском дацане получали полное монастырское образование и защищали звание габжа, идентичное званиям доорамбы (лавранского) и лхаарамбы — профессоров буддологии. Габжа — это «изучивший 10 текстов», ученое звание, присваиваемое ламе, выдержавшему диспут по пяти великим писаниям Тибета: «Праманавартика» Дхармакирти, «Праджняпарамита» Будды Шакьямуни, «Мадхьямакаватара» Чандракирти, «Абхидхармакоша» Васубандху, «Виная» Гунапрабхи и пяти знаменитым комментариям к ним. Кроме этого, защищали почетное тантрийское звание аграмба, или доржезинба («держатель ваджр»). Немногие могли достичь такого совершенства владения священными книгами. Получив столь высокое звание, ламы становились известными в своих познаниях схоластической философии, и перед ними открывались новые возможности.

В соответствии с принятыми обетами согласно уставу монашеской жизни (санскр. виная) и полученными духовными посвящениями монахи получают духовные звания: убаши (тиб. генъен, санскр. упасака), барма равжун, гецул (санскр. шраманера), гелун (санскр. бхикшу). При замещении должностей общего административного управления в дацанах и культовой иерархии в храмовых богослужениях учитывается достигнутая степень духовного посвящения и наличие степени богословского образования.

После революции 1905 г. бурятское духовенство настаивало на «свободном открытии богословских школ любых разрядов в требуемом количестве и свободном печатании богословской литературы в дацанских типографиях, отменить цензуру и ограничения на доставку из-за границы всего необходимого для развития богословия, книгопечатания и культового искусства», также требовало «ввести преподавание ламаизма в школах министерства просвещения и введения национальных школ с предоставлением ламству права преподавания в них» [Очерки истории... С. 289–292].

В истории Чесанского дацана есть примечательный факт. «МОУ “Чесанская СОШ” — одна из старейших школ Кижингинского района. В октябре 1914 г. при дацане была открыта двухклассная приходская школа (училище) для местного населения. Описывая родовую русско-бурятскую инородческую школу, А. М. Позднеев пишет: “Весною 1914 г. прихожане Чисановского дацана, составлявшие население Улан-бургасуйского булука, пожелав дать своим школьникам более удобное местожительство, решили перевести свою школу в дацан, где всегда представлялась возможность как арендовать хорошее помещение для школы, так равно с большим удобством содержать интернат и, наконец, найти для ученика частную квартиру, поместив его или нахлебником у кого-либо из хуvaraков или даже бесплатно у кого-либо родственника, или знакомого. В пору моего посещения дацана под помещение школы был снят двор одного из штатных лам, на котором было возведено две жилых избы русской постройки и один сарай. Величина каждой избы равна 3 кв. сажени, к обращенным на юг дверям которой были пристроены досчатые сени. Каждая изба заключала в себе одну большую комнату, в расстоянии 2 аршин от входной двери, в которой поставлена дощатая перегородка, отделяющая прихожую от зала. В прихожей выведена большая изразцовая голландская печь, переднюю свою стороною входящая в зал через отверстие, вырезанное в перегородке, между тем как задняя сторона печи, с проделанною в ней топкой, находится в прихожей. Таково собственно помещение школы, устроенной на 20, 25 входящих воспитанников. Вторая изба, отводимая собственно под бесплатную квартиру для учителя, совершенно такая же по своему плану, и только голландская печь заменена в ней русскою. В избе этой проживает учитель с женою и 8 учеников школы, которых учитель принял от родителей в качестве нахлебников, с платою от 10 до 12 рублей за человека в месяц. Остальные 15 учеников школы проживают в дацане у местных лам и решительно все приняли на себя священные обеты монашества. За арендованное подворье будучное общество уплачивает домовладельцу оною, ламе, 360 рублей в год; а отопление здания совершается дровами, которые поставляются обществом натурою» [ИВР РАН, ф. 44, оп. 1, д. 132, л. 189–190; Жамсуева Д. С., 2016, с. 212]. Первая учительница Чиркова Аниcья Алексеевна была специально приглашена из Верхнеудинска. Через год учителем этой школы был назначен уро-

женец с. Кулькисон Рабдан Цыдыпович Аюшеев (1871–1942). В 1922 г. после отделения церкви от государства школа вышла из Чесанского дацана и стала называться Кудара-Бурятской начальной школой первой ступени. В ней работали двое учителей — Рабдан Аюшеев и приезжий учитель Кузьма Осипович Сергеев» [Кижинга... 2011, с. 42, 123]. В память об известном учителе и большие заслуги одна из улиц в с. Загустай Кижингинского района названа в честь Р. Ц. Аюшеева.

В этой школе в 1914–1916 гг. учился известный бурятский общественный и политический деятель, уроженец села Булак Бадма Намжилович Намжилон (1903–1972). Он продолжил свое обучение в Кудара-Бурятской школе первой ступени в с. Загустай в доме местного жителя Тыжина. В июне 1924 г. был направлен на работу в органы помощником уполномоченного ОГПУ в Хоринском аймаке. В период с 1924 по 1929 г. вел активную борьбу с буддийским духовенством и сочувствующими. Это ему было присвоено звание комбрига в 1935 г., когда он был направлен в г. Сталинград (Волгоград) для укрепления областного управления ОГПУ. Можно сказать, что это был первый генерал из бурят, так как в то время его должность соответствовала генеральскому званию (бригадный комиссар — специальное воинское звание для высшего политического состава в 1935–1942 гг.). Участник Великой Отечественной войны. Репрессирован в 1937 г., реабилитирован в 1956 г., назначена персональная республиканская пенсия РСФСР.

«Хамбо-лама Ч. Д. Иролтуев был великим просветителем и уже в начале XX в. ввел в школах основы религиозной культуры. Тогда в Забайкальской области в 1909 г. было 22 бурятских училища, из них 4 двухклассных и 18 одноклассных. Во всех вышеназванных училищах состояло учителей — 26, законоучителей — 8 и вероучителей — 2, всего 36, а учащихся обоего пола — 734. Пандидо хамбо-лама Иролтуев предложил ввести в программу обычных предметов дополнительные: 1) учение и письмо на монгольском языке; 2) буддийское вероучение для детей.

Мера эта осуществлялась в девяти училищах Миннарпросвета, в коих должности преподавателей этих предметов занимали два буддийских духовных лица (ламы) и семеро особых светских учителей, получавших за таковой труд свой вознаграждение от 50 до 300 рублей в год.

В качестве учебника для преподавания означенного предмета употреблялась составленная учителем Базаровым книга “Русско-монгольская речь”. К этому надлежит добавить, что в ближайшем будущем при прохождении означенных предметов предполагалось пользование также изданиями в переводе с русского языка на монгольский Санкт-Петербургского общества востоковедения, предназначенными служить проводником русской культуры среди местных жителей монгольского корня. К числу означенных изданий относятся следующие брошюры: 1) “Краткое изложение Учения Будды Шакьямуни”; 2) “Краткий рассказ о строе государства, его жителей и их промыслах”; 3) “Краткие рассказы о вселенной”; 4) “Начальные уроки естествознания”» [250 лет институту... С. 86].

Система получения образования обсуждалась на заседании второго общепурятского съезда при Тамчинском дацане 10(23)–16(29) июля 1917 г., в котором участвовал шэрэтэ Чесанского дацана. Состоялось утверждение «наказа» делега-

там Петроградской комиссии по делам ламаизма. Относительно системы получения образования были выдвинуты следующие положения: «дацанам должно быть предоставлено право устраивать духовные школы следующих типов:

- школа философии Чойра с двадцатилетним курсом, с обязательным преподаванием в ней монгольского языка, литературы и истории бурят-монголов;
- школа Жуд с пятнадцатилетним курсом;
- школа Дуйнхор с девятилетним курсом;
- медицинская школа с десятилетним курсом;
- школа математики и астрологии Зурхай с астрологическим отделом (янчир) с семилетним курсом;
- школа санскритской и тибетской филологии с шестилетним курсом» [Гирченко Вл., 1926]. Но эта программа не была реализована в связи с последующим закрытием дацанов.

В фондах Хоринской степной думы Государственного архива РБ сохранился черновой вариант весьма интересного документа: «...прошение о создании в Бурятии централизованного учебного заведения Буддийской академии для подготовки соответствующих кадров с указанием количества зданий, учителей и названий предметов, которые должны были изучать студенты будущей академии. Притом названия этих предметов написаны по-тибетски и подразделяются на следующие дисциплины: 1) Ламрим; 2) Языкознание; 3) Риторика; 4) Поэтика; 5) Логика; 6) Праджняпарамита; 7) Мадхьямика; 8) Математика; 9) Черная астрология; 10) Белая астрология; 11) Медицина; 12) Изобразительное искусство; 13) Письмо; 14) Ло-чжон (раздел Ганжура); 15) Дул-ва (раздел Ганжура). Землю для основания академии предлагалось выбрать рядом с Селенгинской или Хоринской степными думами, вследствие близости к большому сумэ и большому основным русским дорогам. Причем предполагалось отправить на подготовку учителей в монастыри Тибета из числа местных лам или на начальной стадии пригласить учителей по основным предметам из Тибета. Данный документ характерен еще и тем, что в нем прямо говорится о моральном и бытовом разложении ламства и нарушении им обетов ввиду тяжелых условий жизни большей части нештатных лам и отсутствия соответствующего буддийского образования» [ГАРБ, ф. 8, оп. 4, д. 145].

Дацанская дисциплина и среда создавали условия и атмосферу постоянного учебного и трудового процесса. Дацан способствовал достижению высокого социального статуса для талантливых выходцев из небогатых бурятских семей. Многие необходимые навыки ученики осваивали в монастырской среде благодаря их многократной повторяемости при проведении хуралов, участию в повседневной хозяйственной деятельности дацана. Собирая травы со старшими монахами, изучали флору и фауну, затем готовили сырье для лекарственных препаратов. Наблюдая за работой старших лам, внимательный и способный ученик получал практические навыки. В дацане каждый послушник имел личного наставника, как правило, земляка или родственника. Если такового не находилось, ответственного учителя назначал распорядитель или сам настоятель.

«Особенностью монастырского уклада было то, что интеллектуальная элита — ламы-философы, не участвовавшие в хозяйственной жизни дацана, — жила на содержании общины и продолжала многолетнее обучение, имея в дацане место и кров. Ламы-философы являлись интеллектуальным центром монастыря,

монастырской школы» [Ванчикова Ц. П., Чимитдоржин Д. Г., с. 85]. Чтобы стать астрологом, необходимо было досконально усвоить и выдержать экзамен на знание семи книг по астрологии — бидаргарба. Переписчиками книг и живописцами становились лучшие знатоки в дацане, которые имели такое свидетельство, кроме этого, их избирали на общем собрании духовных лиц и прихожан дацана.

Помимо ученых и рядовых лам, занятых в основном храмовыми богослужениями, при дацанах обычно есть монахи, специализирующиеся в различных видах деятельности: иконописцы, резчики печатных досок, скульпторы, чеканщики, литейщики, плотники, печники и т. д. Светлана Бардалеева, заслуженный работник культуры Республики Бурятия, в публикации об известном буддийском художнике С.-Ц. Цыбикове «Памяти мастера буддийского искусства Бурятии» пишет о предъявляемых требованиях и высоком уровне подготовки иконописцев (зурачинов): «В общее дацанское обучение входили занятия по теории искусств, иконографии, канонам, поэтому мастер разбирался в канонах буддийского искусства, сам мог произвести расчеты и прочертить схемы изображения тех или иных божеств. Он знал модули — меры, основывающиеся на размерах ладоней и пальцев (ангулах), и, главное, обучал этому своих учеников. Выполнение изображения божеств являлось магическим действием. Без духовного посвящения их нельзя было писать, надо было иметь как бы “допуск” к изображению священных образов. Иконописью и скульптурой могли заниматься только люди из ламского сословия, посвященные в особый ритуал.

Многие художники пользовались готовыми руководствами, так называемыми “тик”, на тибетском языке — тик-за-чан-дел, а на монгольском — tigei nom, с точными расчетами и схемами изображения разных классов божеств (системы аштатала, даштатала), восходящими к древнеиндийским трактатам по иконометрии, а также к традициям Калачакра- и Самваратантры. Кроме этого, существовали готовые трафареты-образцы, прориси божеств. Не все мастера владели тибетским языком, да и сложно было разобратся в чертежных схемах и расчетах. Поэтому большая часть народных мастеров копировала готовые образцы под руководством опытных лам-зурашинов. Работы, не отвечающие требованиям канона, уничтожались, так как предполагалось, что они могут навредить не только художнику и заказчику, но и всему дацанскому приходу.

Буддийские скульптуры внутри изготавливали полыми, чтобы потом заполнить эту пустоту, превратить статую в магическую реальность. Поклоняясь божеству, верующий видел не только внешнюю оболочку, но и внутреннюю культовую суть.

Мастера кроме резьбы по дереву владели техникой папье-маше, сложной по технологии. Вырезанную из дерева скульптуру оклеивали тканью, сверху наносили слой бумаги, измельченной и перемешанной с растительным клеем, а затем обмазывали глиной с клеевым связующим, изготовленным из отвара корней некоторых растений. Такая смешанная техника давала возможность художнику делать более тонкую проработку мелких деталей и отдельных фрагментов. В одном произведении могли использоваться разнообразные материалы и техники: для атрибутов, деталей украшений использовалась глина, смешанная с мелом, мелким песком или древесной пылью, а для хрупких деталей использовали жель, прочеканенную медь или серебро» [Бардалеева С., 2017].

Ламы и хувараки жили в дацане на свои средства, ламы со званиями и комплектные должны были обучать их под своим наблюдением без всякой mzды и не заставляя работать на себя. Родители приводили своих сыновей в дацаны и отдавали в хувараки — послушники (бурханай шаби), то есть ученики Будды, в возрасте от 10 до 25 лет, хотя по «Положению» 1853 г. (параграф 28) было установлено, что хуварак принимает посвящение не ранее достижения им 18 лет. Прибывшего подростка в дацан для обучения встречали в основном земляки-односельчане, как правило, старшие монахи. Именно они определяли его дальнейшую судьбу. При посвящении в «убаши» он принимал обеты мирянина, соблюдающего пять заповедей начальной ступени монашества. При посвящении в «банди» он становился духовным лицом (учеником веры), принимал 10 начальных обетов монаха и ему присваивали новое духовное имя. Аттестация проводилась после полного изучения им книг, читающихся при богослужениях в дацане. После аттестации шэрэтэ подавал ходатайство на имя Пандидо хамбо-ламы для включения в приказ генерал-губернатора области. Через короткое время он обязательно должен был принять обеты гецула (36 обетов, включающих в себя обет безбрачия), по достижении 21 года — полные монашеские обеты гелуна (253 обетов). К этому времени он должен был закончить восьмилетнее обучение по логике и праджняпарамите и защитить степень «гэбшэ».

В дацанах по буддийским канонам отношения между монахами, учителем и учеником, настоятелем и рядовыми членами и т. д. ритуализированы, но особенно эта ритуализация подчеркнута в отношениях членов сангхи с мирянами. В общественных местах монаха традиционно приветствуют поднятием сложенных ладоней к груди или ко лбу. Те же, кто желает получить от монаха наставления, нередко простираются перед ним, то есть касаются земли «пятью точками»: коленями, локтями и лбом.

«Система образования была неразрывно связана с нравственным тренингом хувараков с раннего детства, основанным на монастырском уставе и обетах. Важным условием духовного роста высшего ламства было принятие полных монашеских обетов, отречение от мирских соблазнов и привязанностей. Монахи старой школы “одной рукой брали, а другой — раздавали”, поддерживая бедных и обездоленных, а также своих учеников» [Ванчикова Ц. П., Чимитдоржин Д. Г., 2006, с. 86].

2.2. Культовые здания: дуганы и сумэ

Чесанский буддийский монастырский комплекс состоял из центрального храма — Цогчен-дугана, 5 дуганов, 9 сумэ, Барай-сумэ (печатня) и других вспомогательных зданий, помещений, культовых сооружений. Несмотря на попытку обрести самостоятельность в результате раскола, Шулутовский дуган все же входил в приход Чесанского дацана. Общее количество дуганов и сумэ, по официальным источникам, было 17. В каждом из них была своя библиотека, был свой унзад-лама. Количество священнослужителей в лучшие времена достигало более 600 человек. До своего закрытия Чесанский дацан относился к числу крупных буддийских монастырских комплексов Бурятии. Он упоминается в воспоминаниях путешественников и исследованиях известных востоковедов и этнографов XIX и XX вв. и в научных публикациях современных ученых.

Осуществлена попытка описания дуганов и сумэ на основе анализа аналогичных культовых зданий Забайкалья, архивных источников, научных публикаций.

По всем канонам архитектура дацана должна символизировать божественное тело Будды. Дацан огорожен забором. Главные ворота дацана — богдойн-халга, как и положено, располагались на южной стороне ограды. В западной, восточной и северной стенах имелись калитки. Главные ворота открывались в особо торжественных случаях, в остальное время на территорию дацана входят через калитки. Мощеная дорожка от главных ворот до крыльца Цогчен-дугана называется «священный путь». Здания строили с учетом местных географических и климатических особенностей. Вестибюль — отличительная черта бурятских дацанов. Он предназначался для отсечения холодного воздуха. В монастырях Монголии и Тибета вход в помещения зданий осуществляется прямо с улицы.

Кроме этого, как выше описывалось, строительству храма предшествовали обряды выбора места, причем для наиболее точного определения приглашали астрологов, снискавших уважение и известность.

«В Монголии, например, при определении места для монастыря хамбо Гэгэна в районе Улясутая в 1879 г. из Урги приехала группа астрологов, в течение месяца занимавшаяся гаданиями и молебствиями. А. М. Позднеев замечает, что ламы считали это чрезвычайно трудным и важным делом, поскольку должны были совпасть все астрологические приметы. Во внимание принималось все — ландшафт и расположение гор, близость к источникам воды, направление ветров, вид самого места. На второй стадии гадателями определялось не только время начала постройки, точный день и время суток, но и где лучше брать материалы для строительства» [Тамчинский дацан, с. 27].

Здания ориентировались по сторонам света. Цогчен-дуган строился в центре двора, другие дуганы и сумэ, как правило, располагались вокруг него. Внутри территории дацана дуганы и сумэ могли иметь свое непосредственное ограждение.

В сутрах и тантрах существуют тексты «учебников» по строительству храмов, монастырских резиденций и ступ. Поэтому при строительстве дуганов и сумэ ими строго руководствовались все дацаны Бурятии.

Вслед за соборным храмом — Цогчен-дуганом — всегда следуют храмы-школы отдельных факультетов. Поэтому в Чесанском дацане также были расположены Чойра-дуган (философия), Агпа (тантра), или Жуд-дуган, Хурдэ-сумэ (Калачакра), Отошо-сумэ и Домой-дуган (восточная медицина) и др. Эти храмы ничем существенным друг от друга не отличались, кроме как размерами и степенью богатства украшений. Только в храмах-школах отдельных факультетов в дацанах встречались изображения особых божеств и святых, тех, кому посвящены эти храмы. Например, в Агинском дацане в храме медицины Мамба-дугане встречались преимущественно изображения божеств медицины (Будда Врачевания, Бхайшаджьягуру) или идамов тантрийских систем.

Дуганы, принадлежащие монастырям, обносились оградой. Дацаны «соперничали» между собой внешним видом и размерами, количеством искусно изваянных и написанных изображений и хранящихся в них древних манускриптов. Дуганы красились в желтый, красный и белый цвета. При этом наиболее почетным считался желтый цвет. К их основным украшениям относились: золоченая

кровля и надкрышные украшения в виде золоченых цилиндров — «ганджиров», с выгравированными на их поверхности мантрами шрифтом «ланчжа», или изображения птицы «гаруды», пожирающей змей; по обеим сторонам этих фигур могут стоять попарно изваяния победного знамени «дхваджа» (жалцан) и драгоценности «чинтамани». Эти украшения могут состоять из одной-двух первых фигур или ряда из трех или пяти фигур, в середине которых ставится одна из первых двух фигур.

Углы храмовых крыш украшались головами чудовищ «макара» или драконов, либо завершались иным орнаментом. Под ними вешались колокольчики, которые тихо позвякивали от малейшего дуновения ветра.

Стены храма украшались медными золочеными зеркалами-мелонгами, крестообразными фигурами двойных «ваджров (вишваваджра)». На лицевой стороне храма, на верхней части стены могла находиться пара золоченых монограмм, вроде известной калачакринской мантры, называемой «намчу вандан» — «Десять совершенных, обладающих мощью», состоящей из ажурной вязи 10 букв санскритского алфавита «ланчжа».

Дуган имеет плоскую крышу, окон нет, но он освещается особым приспособлением на крыше, так что свет падает сверху. На крыше дугана устроены круговые помещения вдоль стен, в виде ряда небольших комнат, имеющих наружные окна, которые снаружи храма кажутся окнами дугана. Вдоль надкрышных помещений образуется круговой открытый коридор вокруг светового приспособления, представляющего четырехугольное возвышение в середине крыши. Это приспособление также имеет свою крышу с золоченым цилиндром-ганджиром, и высота его одинакова с уровнем стен дугана, так что снаружи дуган имеет как бы плоскую крышу.

Крыша преддверного отделения портала всегда украшается тремя золочеными фигурами Колеса Учения — «чойнхор», с двумя антилопами «ридаг по мо» (самца и самки) по обеим его сторонам. Колесо означает Закон Будды, а антилопы означают живых существ обоого пола, которые должны внимать Святой Дхарме с чистотой невинных оленей.

Задняя часть дугана, или гонкан, далеко возвышается над крышей дугана, и крыша его также украшается золочеными ганджирами, состоящими из одной, трех или пяти фигур. Гонкон представляет специальное отделение для хранения, главным образом изображений идамов и дхармапал, и имеет входные двери внутри дугана, со стороны передней части храма.

Северная стена в дуганах и сумэ считается более священной, алтарной, частью храма. В середине этой стены находится алтарное изображение в виде стеной живописи или статуи Будды Шакьямуни или Цзонхавы. Затем по обеим сторонам алтарного изображения уделяются места изображениям наиболее почитаемых школой божеств и лам. Перед алтарем на специальных сооружениях расставлены буддийские символы — ступы и субурганы, предметы ритуальной утвари — жертвенные чаши, подсвечники разных размеров (наһата), зажигаемые перед божествами, мандалы. На боковых стенах помещаются изображения общебуддийских божеств и святых, причем порядок и объекты этих изображений не были строго выдержаны. Стены также могли быть расписаны свитковой живописью — танками. В потолочном пространстве развешаны специальные ритуальные разноцветные штандарты и знамена с изображением на них буддийской

символики. Таким образом, комплекс внутреннего убранства храмовой композиции, жертвенные подношения, аромат благовонных курений, музыкальное сопровождение во время молебнов и хуралов создавали единое культовое ощущение эманации, присутствия Будды, воплощения божеств в пространстве дуганов и сумэ.

К следующему типу относятся «лакханы» (тиб. Lhakhang) то же, что и «сумэ» — слово из монгольского языка, служащее для обозначения малого храма в буддийском монастыре, по-бурятски «сумэ» — храмы, посвященные культу отдельных божеств. В русском языке сумэ соответствует устаревшее «кумирня». Они являются «жилищами богов». Лакхан представляет цельное высокое здание и не имеет отдельных частей, как дуганы. Лакханы также могут иметь надкрышные помещения с ганджирами. Наиболее популярными божествами, которым посвящаются лакханы, являются Майтрейя — Будда будущего, Амитабха, Цзонхава, Манджугхоса Синханада, Тара, Амитаюс и др.

В сумэ (лакханах), имеющих обычно только одно помещение, устанавливаются статуи тех божеств, которым посвящаются лакханы: Майтрейе (бур. Майдари), Цзонхаве и другому какому-то конкретному будде, идаму, бодхисаттве. Как было сказано выше, к 1831 г. было построено девять сумэ: Табан Хаан, Хурдын сумэ, Отошо, Майдари, Очирвани, Гунриг, Арьяа-Баала, Дэмчог, Аюши. Кроме этого, дацан имел Барай-сумэ («печатня», типография). Сравнительный анализ приведенных описаний малых сумэ Чесанского дацана и монастырских комплексов в других дацанах показывает, что эти здания имели несложную пространственную композицию, общепринятую для малых бурятских храмов. Стены зданий и форма крыши были исполнены в традиционном для бурятского храмового зодчества стиле. Как правило, малые храмы отличались выраженным исполнением линии конька крыши, главного карниза здания. Поэтому «концы конька крыши переходили в поднимающиеся вверх резные фестоны. Диагональные ребра крыши переходили в головы мифических чудовищ с подвесными колокольчиками. Главный карниз здания состоял из нижней фризовой части и выступающих друг над другом плит. Их как бы несут цветные бруски, имитирующие концы балочек покрытия. Нижний их ряд состоял из брусков квадратного сечения, верхний — круглого сечения» [Жамсуева Д. С., 2016, с. 211]. В Российском государственном историческом архиве сохранились представленные проекты сумэ Цолгинского (Цулгинского) дацана — сумэ Дымчог [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 401, л. 43об.], Аюши [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 401, л. 22 об.], Гунриг [РГИА, ф. 812, оп. 133, д. 401, л. 21]. Необходимо отметить, что система декорации каждого храма, каждого дугана и сумэ уникальна, так как расположение и сочетание канонических сюжетов, оформление алтарной части варьируются и никогда не повторяются. Тем не менее есть канонические традиции и определенные закономерности системы декорации бурятских дацанов.

Цогчен-дуган

С учетом вышеуказанных источников годом открытия Цогчен-дугана — главного храма Чесанского дацана — можно считать 1828 год, когда был проведен ритуал освящения (рамнай), начались официальные богослужения и прием верующих ламами. В главном храме проводились основные большие хуралы в те-

чение года по лунному календарю. Ежедневно проводились молебны, посвященные покровителю Чесанского дацана Балдан Лхамо (санскр. Шримати-дэви). Порядок традиционного оформления по буддийским канонам главных алтарей Цогчен-дуганов в бурятских дацанах описан в книге «Буддизм. Каноны. История. Искусство»: «Главный алтарь со статуей Будды Шакьямуни с двумя учениками Шарипутрой и Маудгальяяной находился у северной стены. Север символизировал сторону, куда распространялось Учение Будды и где располагалась Шамбала. Убранство алтаря составляли скульптуры, ступы, мандалы, жертвенные подношения, различные ритуальные предметы. Живописные свитки — танка с изображениями Будды, различных божеств и других персонажей пантеона — оформляли периферию сакрального пространства главного храма. По обеим сторонам центральных дверей Цогчен-дугана с внутренней стороны находились изображения четырех махарадж (охранителей сторон света) — Вайшраваны, Вирупаки, Вирудхаки и Дхритараштры. С внешней стороны обычно висели изображения Цаган Убугуна, Туншэ (четыре согласных животных: слон, обезьяна, заяц и ворона). К числу алтарных предметов относились также чаша для подаяний (бадар аяга), чаша в виде черепа (габал) тантрийского йогина, монашеский посох (дул-дуй), мандала, медное зеркало для освящения воды, бумба с аршаном, закрытая кропилом из павлиньих перьев. Символическое декоративное убранство храмового интерьера составляется из навеса над алтарем в форме четырехугольного балдахина (лабри), сшитого из разноцветного шелка и атласа; штандартов (бадан) в виде длинных широких лент, сшиваемых из материй пяти основных цветов: синего, белого, красного, желтого и зеленого; стягов (жалцана) в форме круглых продолговатых цилиндров, сшитых из желтой, красной и синей материи, круглых зонтов из желтого шелка; круглых шаровидных украшений (чима-пурма), изготовленных из разноцветных шелковых и атласных мешочков и наполненных благовониями; разнообразных фонарей (дэнлу) из шелка, стекла, бумаги и т. д. Пять цветов бадана обозначают Пять Бодхисатв Ваджраяны, три цвета жалцана — три отдела буддийского учения: Тантра, Виная, Абхидхарма» [Буддизм. Каноны... С. 490–491]. Из архивных источников до наших дней сохранилась фотография внутреннего убранства алтарной части третьего этажа Цогчен-дугана. На фотографии с правой стороны отражена статуя Зандан Жуд, о которой мы писали выше — из красного сандалового дерева высотой и ростом с пятилетнего мальчика.

Основываясь на записях Б. Барадина с описанием Цогчен-дугана Цугольского дацана, которое имеет большую фактологическую точность, а также по ведомости имущества Чесанского дацана от 1878 г. можно хотя бы фрагментарно восстановить содержание и внутреннее пространство дугана.

Сахюусан-дуган

Сахюусан-дуган посвящен защитникам Учения — дхармапалам. Был построен из дерева, имел квадратную форму. Внутри храма обычно устанавливалась статуя Богдо Цонхавы и вокруг него хранители его учения. Ежедневно по утрам проводили ритуал, посвященный Балдан Лхамо (сахюусану) — охранителю, защитнику Чесанского дацана. Чтения ритуала сахюусанам являются обязательными — нельзя пропустить ни одного дня. В старину, в случае если ритуал пропущался хотя бы один раз, дацан должен был быть упразднен.

«Палден Лхамо (санскр. Шри Деви) — это тибетское представление об ужасающей черной индийской богине. Легенды объединяют ее с Тарой и Сарасвати. Гигантских размеров Лхамо едет на своем диком муле по морю крови и жира, она окаймлена пламенем ее энергии. Прическа украшена золотым полумесяцем, на голове — драгоценная корона с пятью черепами. Ее красные волосы стоят дыбом. У нее три глаза. В ушах серьги с подвесками: левая в виде змеи, что символизирует ночь и водную стихию, правая в виде льва, что символизирует день и солнце. Тело темно-синего, почти черного цвета, с обвисшей грудью, горящими бровями и усами. Гирлянда свежих голов окружает тело Лхамо. На животе Палден Лхамо цепь из костяных бусин с подвеской в виде красного солнца в золотых лучах или колесо дхармы. Вокруг ее талии тигровая шкура. Пояс — волшебная пестрая змея. На плечах — накидка из шерсти дикого яка. В правой руке у нее жезл-трезубец из сандалового дерева, увенчанный ваджрой и черепом, в левой — капала с кровью и горчичным вином, символом опьяняющей горечи человеческих заблуждений. Лунный диск в центре волос и солнечный диск в ее пупке — это подарок от бога Вишну, а другие украшения являются подарками от других богов. Попона мула сделана из кожи ее собственного сына.

Рядом висит доска и игральные кости, символизирующие страсти, омрачающие ум и ведущие к гибели. К передней и задней лукам седла прикреплены клубки ниток — символ нитей привязанностей, грез, уводящих от истинного пути. На поясе Палден Лхамо — две перекрещивающиеся красные дощечки со знаками, по которым она определяет смертный час любого божества. Считается, что Палден Лхамо исцеляет от всех болезней и является хранительницей жизни и смерти. Она — хозяйка времени. Обычно рядом с Палден Лхамо в качестве свиты изображают четырех махарадж — богинь времени года, которые сторожат четыре стороны света. Над головой Палден Лхамо изображается белая богиня Сарасвати, которая держит в руках пиванг — струнный музыкальный инструмент» [Галсан Багша, с. 15].

Одна из легенд описывает Лхамо как царицу демонов-людоедов Цейлона. Она поклялась убить своего собственного сына, если окажется не в состоянии отвергнуть своего мужа и его подданных от каннибализма и человеческих жертвоприношений. Когда муж отказался принять ее предупреждение, она исполнила клятву, убив ребенка на глазах у отца, и превратилась в грозную форму Лхамо. Божества, сопровождающие Лхамо, это крокодилоголовая дакини (тиб. Чусринма), ведущая мула, и львиноголовая дакини (тиб. Сандыма) позади нее.

Гневный облик Балдан Лхамо Сахюусана отражает большую силу, мощь и решимость буддиста преодолеть собственные недостатки, которые традиционно зовутся «врагами на пути». Это омрачения, смешанные чувства, которые затмевают природу Будды, всегда присутствующую в каждом существе.

Балдан Лхамо — одна из трех основных защитников в школе Гелугпа и единственное женское божество среди группы Восьми защитников Дхармы (бур. Сахюусан). Она особенно влиятельна в Тибете, где является особой защитницей Лхасы и Далай-ламы. Ее отражение появляется на озере Лхамо Латсо, знаменитом предсказаниями будущего, отраженного на своей поверхности.

«При жизни Будды Шакьямуни она была освящена и уполномочена на защиту Дхармы. С того времени она стала главной защитницей Дхармы... По линии пре-

емственности данной Лхамо существует множество больших, средних и кратких письменных работ, написанных учеными Тибета» [Галсан Багша, с. 31].

Диважан-дуган

Диважан-дуган посвящен Чистой Стране Диважан (санскр. Сукхавати) Будды Амитабхи, или рай Будды Амитабхи (Неизмеримый свет). Э. Ухтомский отмечал: «Как нам пришлось наблюдать в буддийских монастырях Забайкальской области, Дэважины помещаются обыкновенно в отдельном строении» [Ухтомский Э. Э., 1904, с. 92]. Здесь проводился ежемесячный Диважан-хурал.

В этом дугане помимо молебствий о перерождении в «чистой земле» (раю) Будды Амитабхи также устраивались молебны об отпущении грехов убийства живых существ на пищу, грехов порубки деревьев на дрова и строительство, рытья земли и другие. Описание рая Сукхавати у Н. В. Кирилова: «Люди святые могут перестать перерождаться в материальном мире, могут разорвать всякую связь с сансарой и слиться с совершенно бестелесными, с блаженной вечной пустотой, нирваной, возродиться на месте райском — Сукхавати. В этой блаженной области души людей созерцают свет небожителя Абида, сидящего на троне, в великолепном дворце, в виде дацана, с несколькими оградами и пристройками для лиц свиты. Абида изображается в позе углубленного созерцания, сидящим со скрещенными ногами, в остроконечной шапке, благословляющим левой рукой и с закрытой чашей в правой руке, эмблемой полноты блаженства» [Кирилов Н. В., 1986, с. 76].

В настоящее время в Иволгинском, Агинском дацанах, а также в дацане Хамбын Хурэ на Верхней Березовке в г. Улан-Удэ можно увидеть, что из себя представляет Диважан-дуган и его убранство. Диважан, подобный описанному Э. Э. Ухтомскому, с незначительными вариациями, выглядел приблизительно так: «фигуры расположены на трехступенной пирамиде неправильной формы. Посредине верхней третьей ступени высится массивный резной трон, на котором сидит бронзовый Будда Амитабха... Над ним раскинуло свои ветви дерево Бодхи; листья его рельефно сделаны из картона разных цветов; на конце каждой ветви — резной из дерева цветок лотоса. Престол Амитабхи окружен восемью (по четыре с каждой стороны) бронзовыми изображениями бодхисаттв... Перед самым престолом, с лицами, обращенными на центральную фигуру божества, находятся изображения девяти сидящих лам, с маленькими четками из бисера перед каждым; фигуры лам весьма искусно вырезаны, каждая из цельного куска твердого дерева, и раскрашены лаковыми красками. На узкой ступени, огибающей верхний ярус, стоят изящно вырезанные из дерева цветы лотоса, некоторые из них... еще не вполне раскрылись, другие уже развернули свои разноцветные венчики, и из них появляются фигуры лам и “простых душ” с молитвенно сложенными руками. Интересны костюмы и фигуры статуэток, изображающих души мирян... Некоторые фигуры уже как бы отделились от своего цветка и, подвешенные на тонкой проволоке, летят к престолу “Будды бесконечного света”. По сторонам трона... спускаются горы, сделанные из картона, раскрашенные разноцветным красками; на каждой горе — две двухэтажные пагоды с изображениями божеств. Бурханы в этих пагодах... медицинский Будда Оточи, Зеленая Тара, Цзонхапа. Из пупка центральной фигуры Амитабхи исходят лучи, изображенные радужной полоской материи, и соединяются с божествами... в пагодах.

На горах с пагодами нарисовано на каждой по озеру... из озер на нижнюю ступень пирамиды вытекают реки, образующие на ней три больших, соединенных между собой протоками озера. На берегу этих озер расположены целые леса. На первом плане, на высоком, широко распустившемся цветке лотоса, ствол которого украшен бутонами и плодами, — изображение Шакьямуни в «позе свидетельства». Будда Шакьямуни является земным перерождением Дхьяни-будды Амитабхи, и эта мистическая связь, по-видимому, олицетворяется посредством лучей, исходящих из пупка Абиды. На самом верху рая, как бы паря в воздухе, — целый ряд из облаков типичной китайской стилизованной формы; на них расположены изображения духов воздуха с разнообразными атрибутами...» [Ухтомский Э. Э., 1910, с. 90–92]. К сожалению, мы можем ознакомиться с интерьером Диважан-дугана того периода времени лишь по его словесному описанию благодаря исследованиям Э. Э. Ухтомского, Н. В. Кирилова и др.

Диважан-дуган имел свое отдельное ограждение. Вокруг дугана, по устным преданиям, был посажен сад деревьев. До настоящего времени сохранилась красивая арка ворот при входе в сад, которая находится на территории современного дацана.

Чойра-дуган

Чойра-дуган (тиб.) — «философский факультет», храм факультета философии Чойра, функционально это было помещение для проведения занятий по богословию. Здание Чойра-дугана было двухэтажным [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 409, л. 20; Цыбенков Б. Д., 2001, с. 21; Цыренжапов Ц.-Д., с. 12]. Чойра-дуган является одним из основных дуганов дацана.

В центре храма была установлена статуя Будды Цзонхавы — основателя школы Гелугпа, позы бодхисаттва Манджушри. Изучение цаннита связано с именем Цзонхава. Будда Цзонхава — основатель школы Гелугпа, родился в 1357 г., в десятый день десятого месяца, в долине Цонка провинции Амдо Восточного Тибета. В Тибете его почитательно называют Дже Ринпоче («Достоцимый и Драгоценный»), также «Царем Дхармы трех миров». В литературе школы Гелугпа имя Цзонхавы обычно предваряется титулом «Всеведущий наставник».

В ходе обучения от ламы Умапы Богдо Цзонхава получил посвящение Манджушри и с усердием проводил данную практику. За очень короткое время он добился реализации практики и увидел бодхисаттву Манджушри напрямую, мог задавать ему вопросы, подобно тому, как ученик спрашивает Учителя, и получал ответы. Большую часть времени в этот период жизни Богдо Цзонхава проводил, созерцая Манджушри, который давал ему наставления.

Собрание его сочинений в восемнадцати томах включает в себя сотни трудов по всем аспектам буддийского учения, разъясняющие наиболее трудные для понимания положения сутраяны и мантраяны. Цзонхава считал, что для достижения состояния будды недостаточно соблюдать только обеты пратимокши, но также необходимо развивать устремление к пробуждению ради блага существ и практиковать мудрость, постигающую реальность. Поэтому он написал трактат, излагающий Учение о ступенях пути трех типов личностей — «Большое руководство к этапам пути пробуждения» — «Ламрим Ченмо». Этот труд, основанный на тексте Атиши «Светоч на пути к пробуждению», подробно и поэтапно

излагает весь путь к состоянию будды и является базовым учебным пособием в школе Гелугпа.

Кроме этого, Цзонхава уделял большое внимание системе Тайной мантры, которое нашло отражение в его труде «Нагрим Ченмо» — «Большое руководство к этапам пути мантры». Также к основным трудам относятся такие работы, как «Сущность искусства изложения иносказательных и буквальных учений», «Хвала взаимозависимости», «Ясное описание пяти стадий Гухьясамаджи» и «Золотые четки».

Одной из главных целей письменных трудов, учений и практики Богдо Цзонхавы была реформа тибетского буддизма. Реформы были направлены на создание новой традиции, где большое внимание уделяется строгому следованию правил винаи, всестороннему изучению буддийской философии и тантрической практике, соответствующей монашеским обетам.

В 1409 г. Чже Ринпоче учредил большой молитвенный праздник Монлам Ченмо, который и сейчас празднуется во всех монастырях школы Гелуг в первый, так называемый Белый месяц года. В этом же году им был учрежден монастырь Гандан. От названия этого монастыря происходит и название школы Гелуг. В 1419 г., передав трон монастыря Гандан своему ученику Гьялцабу Ринпоче, великий Учитель трех миров ушел в чистую сферу. Именно в 25-й день первого зимнего месяца по лунному календарю в дацанах России и по всему миру отмечают день памяти Богдо Цзонхавы. Зула-хурал — «Праздник тысячи лампад» (День ухода в нирвану Богдо Цзонхавы) — проходит в течение трех дней в честь земного воплощения бодхисаттвы Манджушри, основателя тибетской школы Гелугпа (в переводе Добродетель), последователями которой сегодня являются и буддисты Традиционной сангхи России, и многие верующие по всему миру.

Лама Цзонхава почитается в Тибете как второй Будда, а два его основных сочинения — «Ламрим» (посвященное общему пути Махаяны) и «Нагрим» (посвященное пути тайной мантры) — полностью охватывают духовную практику буддизма. По преданию, сам лама Цзонхава в конце земной жизни просил будущих учеников не печалиться, что они не встретились с ним лично, а прочесть два упомянутых труда, что будет равноценно личной встрече.

Манджушри — бодхисаттва семейства Лотоса (тиб. Падма, см. пять буддасемейств), наряду с Авалокитешварой и Ваджрапани — один из трех главных бодхисаттв. Он олицетворяет мудрость, разум и волю, а также представляет просветленный ум будд.

Бодхисаттва Манджушри (санскр., тиб. — Джампел) — «Славный сиянием», «Очаровывающий красноречием», также называемый Вагишвара («Владыка Речи») — бодхисаттва запредельной мудрости, которая постигается в озарении. С чтения мантры бодхисаттвы мудрости буддист начинает любые занятия наукой, ему посвящаются духовные стихи, которые предваряют написание текстов. Поэтому она сопровождает монаха с самых первых шагов его, еще послушника, в монастыре.

Манджушри — бодхисаттва мудрости (санскр. Праджня), покровитель знания (санскр. Джняна) и сутр праджняпарамиты, поэтому выполнение практик, повторение мантр, связанных с ним, способствует более глубокому постижению Дхармы, развитию относительной и абсолютной мудрости, укрепляет память.

Считается, что верующий, поклоняющийся Манджушри, обретает глубокий ум, хорошую память и красноречие.

Манджушри — один из немногих бодхисаттв, который упоминается как в сутрах, так и в тантрах. Его особая цель — помочь буддисту постичь свою собственную сущность и истинную природу всех вещей. Манджушри был в предыдущем воплощении царем Амба, который поклялся стать бодхисаттвой на благо всех живых существ. Согласно легенде, он восемьдесят четыре тысячи лет назад верой и правдой служил тогдашнему будде и стал бодхисаттвой, дав обет не уходить в нирвану, пока не придут все тысяча будд этой кальпы. Его главное святилище находится в Китае, в провинции Шанси, на пятиглавой горе Утайшань. Культ Манджушри с горы Утайшань известен в Тибете; а китайский путешественник И-цин, посетивший Индию в VII в., отмечал тот факт, что святилище Утайшань было известно индийцам.

Тибетцы считают, что одним из земных воплощений Манджушри был царь Трисонг Децен (742–810 гг.) и все его последующие воплощения. Благодаря его содействию буддизм широко распространился в Тибете. Культ Манджушри особенно популярен в восточных областях Тибета, т. к. земным воплощением Манджушри считается основатель школы Гелуг Чже Цзонхава (1357–1419). Кроме того, самые авторитетные ученые всех школ признаны воплощениями Манджушри. В Непале его считают основателем непальской цивилизации и создателем Катманду. Считается, что практика Манджушри приносит людям мудрость, хорошую память и красноречие.

Известно множество его форм. Для спасения живых существ бодхисаттва Манджушри проявляется в разных формах. Многие буддийские тексты описывают 41 форму Манджушри, из них изображения пяти мирных и гневных форм встречаются наиболее часто. В наиболее популярной форме Манджушри предстает красивым индийским царевичем с телом золотисто-желтого цвета, который символизирует богатство его знаний, восседающим на белом льве или сидящим в позе лотоса на лotosовом троне. В поднятой правой руке он поднимает меч, отсекающий неведение, в левой руке у сердца он держит стебель цветущего лотоса, чьи лепестки поддерживают текст праджняпарамита-сутры, символизирующий учение о совершенной высшей мудрости.

Манджушри также считают бодхисаттвой ясного слова, одна из наиболее популярных его форм называется Манджугхоша (тиб. Джамьянг) — «Красивый голос», Манджунатха — «Красивый спаситель» или Вагишвара — «Господин речи», «Владыка ясного слова».

По мнению ширээтэ Жаргал-ламы, Балдан-ламы (А. Пирангалаева) и других лам Чесанского дацана, в этом дугане в алтарной части (справа или слева) также была установлена скульптура (статуя), танка божества Ямантаки, описание которой приведено в разделе о Жуд-дугане.

Сохранилась фотография Цогчен-дугана Чесанского дацана, где отчетливо видно двухэтажное здание Чойра-дугана слева на заднем плане. Второе по величине здание монастыря после Цогчен-дугана относилось к числу крупных Чойра-дуганов среди дацанов Забайкалья.

Обычно около здания Чойра-дугана находился помост, который был предназначен для проведения диспутов среди лам, там был установлен ритуальный барабан, с ударом которого в том числе начиналось в дацане какое-либо событие.

В историко-краеведческом издании «Тамчинский дацан», 2015 г., г. Улан-Удэ, со ссылкой на РГИА есть сведения о размерах Чойра-дугана Тамчинского дацана, построенного в 1897 г., который соответствовал своими размерами Чойра-дугану Чесанского дацана: «Одним из требований, предъявленным к постройке домов, было правило ставить жилые дома от храма на расстоянии человеческого голоса, т. е. дом этот имел целевое назначение — обеспечить нормальное функционирование сформировавшейся школы Цаннит. Из плана, представленного для утверждения в техническо-строительный комитет МВД, явствует, что размеры его примерно такие же, как в Чесанском дацане» [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 410а, л. 135; Тамчинский дацан, с. 119]. Официальное разрешение на строительство нового здания Чойра-дугана в Тамчинском дацане было получено 10 апреля 1897 г.

Жуд-дуган

В Жуд-дугане размещалась школа Жуд по изучению тантризма. В алтаре дугана были установлены статуи гневных тантрийских божеств Гухьясамаджи, Чакрасамвары и Ямантаки. В дугане проводился ежедневный сахюусан-хурал. «Обычно в Жуд-дугане в центре алтаря на северной стороне устанавливают статую Будды Цзонхавы, танку Ямантаки, алтарные скульптуры Гомбо Сахюусан и богини Зеленой Тары. В алтаре размещают танки Ямантаки, Сандуй, Дэмчог, а также танку-нагтан “Бажиг”, специально предназначенную для медитативной практики. В этом дугане проводились закрытые тантрийские богослужения ламами высокого уровня», — рассказывает гэбшэ-лама Балдан Пирангалаев.

Жуд (тиб. «тантра, ученик») — здесь проводились учения по медитации. Факт возведения этого дугана является свидетельством того, что ламы Чесанского дацана стали шире практиковать систему Гухьясамаджи-тантры. Созерцание этого божества и проведение связанных с ним ритуалов свидетельствовало о распространении учения Ваджраяны. Внутри храма была установлена мандала — обитель Будды, которая символизирует его окружение, горизонтальная модель Вселенной.

Тантрийское божество Гухьясамаджа (Сандуй) (тиб. Сангва Дюпа, или Сангдю, букв. «Собрание тайн», «Тайное собрание») — идам, божество медитации Гухьясамаджа-тантры. Второе имя «Акшобхьяваджра» указывает на то, что он считается эманацией дхьяни-будды Акшобхьи. Гухьясамаджа, «владыка тантр», также идентифицируется с Адибуддой как его проявление и символизирует триединство тела, речи и мысли Адибудды. «Гухья» в переводе — тайный, а «самаджа» — собрание. Это означает, что эта система естественным образом сокрыта, или является тайной, для тех, кто не готов ее понять. Именно поэтому она должна держаться в тайне. Она тайна не только в силу своего языка, который сложно понять, но и учить ее следует тайно от тех, кто пока не готов к ее пониманию. Собрание тайных факторов может подразумевать всех божеств, которые используются в этой системе, или этим термином могут обозначаться три так называемых скрытых фактора, три ваджры — ваджрное тело, ваджрная речь и ваджрный ум, под которыми подразумеваются просветляющие аспекты этих трех врат.

Гухьясамаджа является идамом отцовской (тантра метода) ануттара-йога-тантры (букв. «непревзойденная йогическая тантра»). В тантрических писаниях, попавших в Тибет с новыми переводами тантры, имеется множество текстов по Гухьясамадже, связанных с его тремя главными формами. Эти три формы таковы: Акшобхья Гухьясамаджа школы Арьяя; Манджушриваджра школы Джня-напады; Локешвара Гухьясамаджа, используемая в обоих упомянутых школах. Практики, связанные с первой из форм, получили наибольшее распространение. Мы считаем, что в Чесанском дацане были тексты по тантре Локешвара Гухьясамаджа, потому что об этом божестве написано в отчете шэрэтэ дацана Ринчин-Агвана Зургадаева о движимом и недвижимом имуществе дацана за 1908 г. под номером 19 стоимостью 150 рублей [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 89, л. 2об]. По отчету шэрэтэ дацана Вампила Адушеева о движимом и недвижимом имуществе дацана за 1881 год под номером 13 стоимостью 150 рублей это божество числилось в Цогчен-дугане [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 45, л. 3].

Гухьясамаджа имеет шесть рук, он сидит в позе лотоса на лунном диске, лежащем на лотосовом троне. У него три лица: центральное лицо — синего цвета, правое — белое, левое — красное. Три лица символизируют преобразование трех ядов: привязанности, невежества (заблуждения), гнева (ненависти). Тело Гухьясамаджи темно-синего цвета. В объятиях его — супруга Ваджраспарштавья, с телом синего цвета. У нее также шесть рук, но одна голова. Гухьясамаджа и его супруга держат одни и те же символы — ваджру, колокольчик, меч, драгоценность, исполняющую задуманное, колесо Закона (дхармачакру) и лотос. В основной системе Гухьясамаджи, которая практикуется в традиции Гелуг, присутствуют 32 божества. Гухьясамаджа-тантра считается единственной из тантр, которую Будда Шакьямуни проповедовал непосредственно людям.

Описание божества Чакрасамвары (тиб. «Дымчог»), который является божеством медитации, а в буддийской мифологии Ваджраяны — главным идамом, в Чакрасамвара-тантре представлено в сумэ Дымчог.

Также в Жуд-дугане проводились хуралы, посвященные идаму Ямантаке (санскр. «одолевший и сокрушивший Яму»). Ямантака как идам и дхармапала является гневным проявлением бодхисаттвы мудрости Манджушри и Будды в состоянии, которое тот принял, дабы одолеть разбушевавшегося царя преисподней. На философском уровне эта победа понимается как торжество алмазной мудрости высшей реальности над злом, невежеством, страданием и смертью. Для направления Гелугпа Яма Дхармараджа имеет особое значение, поскольку является одним из трех основных защитников школы наряду с Махакалой и Вайшраваной, а также потому, что основатель новой традиции (самой молодой на Тибете) Гелугпы — Цзонхава — считается одним из воплощений Манджушри, одолевшего Яму.

Ямантака является одним из главных идамов тибетского буддизма, так же как Хеваджра, Гухьясамаджи, Чакрасамвара и Калачакра, практики всех этих идамов наиболее распространены в школе Гелугпа.

Существует много его форм, например, черная, красная и ужасающая форма — Ваджрабхайрава. В иконографии он изображается как в одиночной форме, так и в форме яб-юм в союзе со своей шакти, духовной супругой Ваджраветали. В традиции тантрического буддизма женское — это аспект мудрости, а муж-

ское — аспект метода. Символически это передается изображением божества и его супруги. Ямантака в любой своей форме представляет собой единство мужского и женского аспектов. Ямантаку в форме яб-юм в иконографии изображают с шестнадцатью ногами, с тридцатью четырьмя руками, с девятью головами. Чаще всего он темно-синего цвета, но в некоторых садханах также встречаются манифестации его и других цветов, в мандале они окружают центрального темно-синего Ваджрабхайраву и имеют по три лица и по шесть рук. Центральная нижняя голова Ямантаки — голова буйвола.

В руках его с правой стороны можно увидеть дигуг, кинжал, топор, морскую раковину, стремя, палицу, ваджру, жезл, меч, дамару и другие атрибуты, а с левой стороны — череп, голову, щит, ногу, аркан, лук, колокол, руку, саван и другие символические атрибуты. Под ногами его справа — человек, бык, осел, верблюд, собака, овца и лиса — все это жертвенные животные в религии бон. Под ногами слева мы видим коршуна, сову, ворона, попугая, павлина и лебедя. Также по канону внизу танки изображается кладбище.

Над восемью из девяти голов Ямантаки изображается голова Манджушри. Ямантака как гневное воплощение бодхисаттвы Манджушри впервые упоминается в «Гухьясамаджа-тантре». Ваджрабхайрава («Угрожающая ваджра») является наиболее известной формой Ямантаки. Полное его описание дано в «Ваджрабхайрава-тантре».

Другая, менее распространенная ипостась идама Ваджрабхайравы называется Ямантака Трайодашадева — Тринадцатибожный, поскольку его окружают двенадцать пар божеств.

Ямантака и его праджня Ваджраветали полностью обнажены (не считая многочисленных украшений) — это символ их свободы от иллюзий и заблуждений. Волосы идама стоят дыбом — это знак его просветленности. Другие аспекты образа Ямантаки хорошо разъяснены в толковании ламы Цзонхавы: его девять голов соответствуют девяти разделам буддийского канона (либо восемь из них означают восемь сторон света, а милостивая голова Манджушри — центр), его тридцать четыре руки вместе с его умом, речью и воплощенным телом соответствуют тридцати семи аспектам Просветления, два рога символизируют две истины (относительную и абсолютную), шестнадцать ног — шестнадцать аспектов концепции шуньи (пустоты). Идам стоит на индийских богах (под правыми ногами — четырехголовый Брахма, Вишну и др., под левыми — шестиголовый Сканда — бог войны, Ганеша и др.), на человеке, животных и птицах. Центральной парой рук он держит обычные атрибуты гневных божеств — нож григуг и чашу габалу (капалу), символизирующие единство мужского и женского начала. Другой атрибут всех гневных божеств — ожерелье из отрубленных человеческих голов — означает победу мудрости над эгоизмом. Пять черепов в диадеме на каждой из его голов — символ преодоления пяти грехов: невежества, жадности, гордости, гнева и похоти.

Ваджрабхайрава-тантра, написанная в VIII в., включает в себя и философское учение, и медитативную практику. О Ваджрабхайраве говорится, что он поднимается в лишенную самости трансцендентную реальность, где сила его ипостасей существует вне облика, и может поднять медитирующего к мудрости через преобразование гнева. Поскольку практика Ануттара-йога-тантры основана на пустотности всех явлений и недвойственности, то есть во внутреннем единстве то-

го, что обычному сознанию кажется противоположностями, то она допускает существование гнева, который трансформируется в высшую мудрость. Гнев в этом случае является силой, помогающей преодолеть глубоко укоренившиеся ошибочные взгляды и другие пороки (гордость, зависть, ненависть), являющиеся причиной всех страданий. Такая практика крайне рискованна, поскольку гнев входит в число основных пороков и в случае неудачи карма практикующего сильно тягчается. Успешная же медитация на Ямантаке дает могущественный и немедленный эффект, помогающий практикующему постичь мудрость, преодолеть препятствия, достичь долгой жизни и даже одолеть собственную смерть.

Создание Ваджрабхайрава-тантры связано с именем Джняна-дакини и махасиддхи Лалитаваджры, который получил учение от нее. Культ Ямантаки тесно связан с Цзонхавой, а поскольку они оба являются эманациями бодхисаттвы Манджушри, то и вся школа Гелугпа находится под покровительством идама Ямантаки.

Более распространена традиция Цзонхавы, восходящая к его пространной садхане «Драгоценный ларец» — Заматог. Именно эта садхана стала основой более кратких садхан и многочисленных комментариев.

Во время хурала ламы проводили один из самых сильных буддийских обрядов — подношение через огонь божеству идаму Ямантаке — «Жинсриг» (огненное подношение). Смысл обряда заключается в том, что Одиночный Ямантака — это проявление, или эманация, Будды Манджушри, олицетворяющего мудрость. В нашем мире есть существа, которых нельзя укротить мирными способами, а потому Будда Манджушри принял гневную форму, чтобы привести их к Просветлению. Как отмечают ламы, ритуал Огненной пуджи в настоящее время проводится по просьбе людей. В некоторых случаях для реализации дел или разрешения проблем человеку бывает необходимо провести ритуал Жинсриг. Обряд Жинсриг предназначен для устранения проблем, препятствий, от болезней, порчи, вреда от духов местности, а также для очищения той местности, где проводится ритуал. Огненная пуджа бывает четырех видов: умиротворяющая, умножающая, гневная и покоряющая.

Если в Отошо-сумэ, Деважин-дугане и других проводились ритуалы и читались хуралы, которые можно определить как в большей степени «открытую для мирян храмовую обрядность, в основном рассчитанную на удовлетворение массовых религиозных потребностей верующих в их молитвах о долголетию, здоровье, благополучии в земной жизни, обеспечении материальных, хозяйственных интересов, избавлении души от мучений в загробном мире и счастливой судьбе в будущей жизни, то культы и ритуалы высших тантр были закрытыми, предназначались для духовенства» [Ламаизм в Бурятии... С. 215–217].

В Жуд-дугане обычно хранятся предметы тантрийского культа. По информации гелуна Жалцан-ламы Чесанского дацана (Энгельса Николаева), «в Жуд-дуганах проводились философские учения и практики по различным тантрам ламы высокого уровня. Принимающие участие в этих хуралах ламы пользовались уважением среди лам, мирян. Эти ламы, владеющие собой, отличались медитативными способностями».

Домой-дуган

В Домой-дугане проводились хуралы по учению и практике восточной медицины. В алтарной части дугана размещали изображения божеств медицины (Отошо — Будду Бхайшаджьягуру, Будду Врачевания (Исцеления)) и идамов тантрийских систем.

Отошо — Бхайшаджьягуру (санскр. «Гуру-целитель», «Духовный учитель-лекарь») — Будда, главенствующий среди восьми будд Медицины. Другое его имя Бхайшаджьягурувайдурьяпрабхараджа (санскр. букв. «Царь бериллового сияния», «Царь лазурного сияния»). Чистая Страна Бхайшаджьягуру, называемая «Лазуриновый Свет», находится на востоке. Бхайшаджьягуру известен у тибетцев под именем Манла, у монголов — Оточи. Днем Будды Медицины по восточному календарю считают 30-е число 9-го месяца.

По описанию «Бхайшаджьягуру-сутры» Бхайшаджьягуру находится на Небесах Вайдурьянирбхаса (букв. «Блеск драгоценного камня вайдурья», вайдурья — берилл), которые расположены в восточном направлении, где Будда Бхайшаджьягуру проповедует Дхарму.

Основу тибетской медицины составляют четыре медицинские тантры (Чжудши), которые, как считается, были переданы людям Буддой Медицины. В соответствии с этим учением причиной всех болезней являются три яда человеческого сознания: неведение, привязанность (страсть) и гнев. Эти три яда вызывают дисбаланс между тремя дошами, что приводит к болезням. Доши — три основные фундаментальные жизненные силы, которые регулируют все функции организма. Человек здоров, когда доши находятся в сбалансированном состоянии:

– вата (эфир и воздух) — принцип импульса, необходимый, чтобы мобилизовать функцию нервной системы,

– питта (огонь и вода) — принцип энергии, который использует желчь, чтобы направить вываривание и, следовательно, метаболизм в венозную систему,

– капха (вода и земля) — принцип жидкости тела, который имеет отношение к слизистым субстанциям, смазыванию и источнику питательных веществ для артериальной системы.

Три доши взаимодействуют с четырьмя условиями: окружающая среда, питание, образ жизни и эмоциональное состояние. Это, в свою очередь, ведет к влиянию на взаимодействие между элементами тела. Из этого следует, что болезни тела являются следствиями болезней ума. Всего выделяют двадцать пять взаимодействующих элементов. Об этом в коренной медицинской тантре записано: «Если вкус и действие пищи соответствуют образу жизни, тогда все эти двадцать пять элементов находятся в равновесии и здоровье и жизнь человека будут процветать. Если же нет, тогда здоровью будет вред».

Методика лечения болезней, исходя из вышесказанного, основана на приведении в состояние гармонии различных элементов. Это достигается с помощью четырех типов лечения: правильное питание; правильный образ жизни; лекарства; кровопускание, прижигание, иглоукалывание и другие методики данного класса. Согласно буддийскому представлению, все живые существа этого мира больны, пусть даже это не выражается в явной форме, болезнь может находиться в спящей форме. Это проявляется в отсутствии гармонии между «внешним» и «внутренним» и полном удовлетворении своей жизненной ситуацией. Поэтому практика Будды Медицины — прежде всего, путь духовного самосовершенствования

вания, ведь гармоничный человек не подвержен болезням, у него все элементы правильно взаимодействуют между собой. Всего, как считается в соответствии с буддийским учением, существует 84 000 омрачений сознания, что приводит к возникновению 84 000 видов болезней. Но главные омрачения, как было указано выше, — неведение, привязанность и гнев. Поэтому 84 000 болезней сводят к 1016 видам, которые, в свою очередь, сводятся к 404 видам. Эти 404 вида разделяют на четыре класса болезней (каждый класс насчитывает 101 болезнь): влияние кармы прошлых жизней; влияние кармы раннего периода данной жизни; вредоносное влияние духов (в данном случае медикаментозное лечение не будет эффективным, необходимы духовные методы); легкие недомогания, излечиваемые правильным питанием и правильным образом жизни.

«В этом дугане проводили хуралы, посвященные Будде Медицины, занятия по учению и практике восточной медицины. Эмчи-ламы дацана передавали свои знания своим ученикам — хуваракам. Закончившие обучение хувараки защищали ламскую степень по основным канонам буддийского учения (“домын дамжаа бариха”). Ламы и хувараки осуществляли сбор лечебных трав на территории прихода и за его пределами, заказывали дефицитные травы и порошки, готовые лекарства в другие дацаны Бурятии, Монголии, Тибета. Имели специальный амбар для сушки лечебных трав. Самостоятельно готовили травяные лекарства по тибетским рецептурам. Среди эмчи-лам были опытные ламы, владеющие пульсовой диагностикой, они занимались кровопусканием. Прихожане обращались к эмчи-ламам также для лечения домашних животных. Кроме этого, проводили молебствия и различные обряды по защите верующих от различных негативных сил (заговор от болезней), от душевного расстройства, упадка сил и эмоционального перенапряжения», — по информации Балдан-гэбшэ (Александра Пиранга-лаева) из Буддийского университета Иволгинского дацана.

Шулуутын (Челотинский, Шулутовский) дуган

Революционные события в Бурятии и в целом по стране не могли не влиять на повседневную жизнедеятельность Чесанского дацана. После революции буддийское духовенство разделилось по идейным взглядам на «обновленцев» во главе с цаннит-хамбо Агваном Доржиевым и «консерваторов», которые защищали прежний уклад в буддийских дацанах. Вышестоящие ламы дацана непосредственно разделились на обновленцев и консерваторов. Кроме этого, в истории Чесанского дацана есть эпизод раскола среди лам, связанный с известным теократическим балагатским движением.

Ламы Кижингинского и Чесанского дацанов были непосредственно связаны с движением, охватившим Хоринский (по административному делению того времени) аймак во время Гражданской войны, в том числе Цаганский (Чесанский) хошун. Началось оно в июне 1918 г., когда хоринцы на своем аймачном съезде приняли резолюцию об «...освобождении бурят от призыва в улан-цагды (красные всадники) как никогда не привлекаемых к военной службе». При правлении атамана Семенова (с сентября 1918 г. по март 1920 г.) хоринцы по той же причине отказались идти в цаган-цагды (белые всадники).

Сторонники балагатского движения опирались на мнение и авторитет своего почитаемого святого, которого они звали Номун-Хааном (лама Лубсан Сандан

Цыденов — учитель Б. Дандарона). Проведя к тому времени в непрерывном творчестве более 20 лет в местности Суорхэ возле с. Усть-Орот, лама Сандан считал для бурят-буддистов неприемлемым участие в братоубийственной гражданской войне. Эта тенденция неучастия довольно быстро вылилась в стремление к административной автономии, широко распространенное явление во время Гражданской войны, в которой светская власть была бы в руках почитаемого представителя буддийской религии. В феврале 1919 г. инициаторы из «Кижингинского кредитного товарищества» обратились к ламе Сандану «...с письменной просьбой... о принятии населения под свое покровительство и защиту... избавлении бурятской молодежи от призыва в цаган-цагды... и о даче исчерпывающей директивы о создании Богоуправления».

Последователи Лубсана Сандана Цыденова стали называться балагатами (бур. балагат — ставка). Лама-Найдан Санданов, дамдин-янсановский йогин (главный идам Акпа-гэгэна), во время разобщения решительно принял сторону Джа Яг Сан Ринпоче XIII, в дальнейшем активного балагата.

Энергия разделения уже была велика, когда в Чесанский дацан приехали два высоких тибетских гостя — Джа Яг-гэгэн (Джа Яг Сан Ринпоче XIII Галсан Цултим Данбий Нима — настоятель одного из монастырей Гумбума) и Акпа-гэгэн, его друг и соратник. Остановились они в доме у Гуро-соржо, каждый в отдельном помещении. В эту ночь в дацан прибыла неизвестная женщина необычайной красоты. Утром в дацане стало известно, что Джа Яг был у нее ночью, а Акпа-гэгэн не был. Поскольку оба они были гелунами (монахами, давшими 256 обетов, в том числе обет целомудрия), то часть лам во главе с Гуру соржо осудила Джа Яг-гэгэна, другая же часть лам отнеслась к происшедшему без осуждения. Оба же гэгэна относились всегда друг к другу дружески, с пониманием пути другого.

Именно в этот их первый приезд зародилась идея реформы буддизма. В ее обсуждении приняли участие в основном ламы Кижингинского и Чесанского дацанов. Инициатором реформы был Лубсан Сандан Цыденов. Это ему принадлежит знаменитая фраза: «Дацан — это сансара».

«В конце XIX в. группа влиятельных тибетских перерожденцев связывала дальнейшее (т. е. в реалиях современности) развитие буддизма с Бурятией и шире — с Россией. Джа Яг Сан Ринпоче XIII принадлежал к этой группе, и именно он осуществлял на практике теоретические разработки группы. Джа Яг Сан дважды посетил Бурятию — в конце XIX в. и в 10-х гг. XX в. Первый раз приехав в Бурятию, он посетил ряд дацанов (Кудунский, Чесанский, Тамчинский), встречался с ламами, проповедовал Учение и по просьбе бурятских учеников составил несколько ритуальных текстов» [Буддизм. Каноны... С. 434–436].

Эрдэни-лама (Ринчин Чойван Эрдынеев), настоятель Чесанского дацана, был знаком с Джа Яг-гэгэном еще до раскола. У него было два ученика: соржо-ламы (габжа) Найдан Санданов и Гуробазар Нимаев, Гуробазар был одним из самых активных противников реформаторского движения Лубсана Сандана Цыденова. Противники реформы остались жить в домах при дацане и стали называться хошунами.

Следующим этапом стал раскол среди лам Кудунского дацана, к которым присоединились ламы Чесанского дацана. В 1919 г. более 300 лам и хувараклов организовали новый Шулутовский дацан во главе с ламой Найданом Сандановым, объявив его «независимым от Пандидо хамбо-ламы, но подчиненным...

созерцателю Лубсану Сандану Цыденову». Шулутовский дацан стал главным дацаном балагатов.

После объявления о создании буддийского теократического государства приезжали представители других, не вошедших в состав этого государства, хошунов с просьбой о принятии их в состав нового государства. Многие хошуны Хоринского аймака, хошуны Селенгинского и Баргузинского аймаков (Батанай-Харганатский, Гушитский, Хуацайский, Чикойский, Селенгинский, Оронгойский хошуны) делегировали своих представителей для поклонения хану-ламе Л.-С. Цыденову и выражали желание вступить в состав нового государства, стать его подданными.

«Была создана специальная комиссия для составления Конституции вновь создаваемого теократического государства в составе 22 человек, с тем чтобы она заседала и не позднее как через 3 дня в улусе Сулхара в доме Чимита Цыренова и принятый его проект Конституции был представлен на утверждение царя-ламы Л. С. Цыденова... В состав комиссии входил лацаб-лама Чесанского дацана Зандара Доржиев. В Конституции было прописано о правительстве, государственном великом суглане, балагатских установлениях, суде, охране государственного порядка. В состав теократического государства входили 12 балагатских обществ: Кодунское, Челсанайское, Кижингинское, Улан-Бургасунское, Цаган-норское, Сарантуевское, Ород-Гольское, Могсохонское, Чесано-Гольское, Ехэ-Булакское и Кулькисонское, кроме этого Барун-Ульдургинское» [ЦВРК ИМБТ. ОАФ. д. 299, д. 14–16]. В конце апреля 1919 г. был проведен первый «государственный великий суглан» в составе 102 делегатов.

По некоторым сведениям, Шулутовский дуган был построен в 1919 г. в результате раскола лам Чесанского дацана на обновленцев и консерваторов, а также сторонников, поддержавших идею известного балагатского движения. По другим сведениям, Шулутовский дуган построен в результате внутреннего раскола лам Чесанского и Кудунского (Кижингинского) дацанов. Надо отметить, что дуган был построен без разрешения высоких властей и Пандидо хамбо-ламы за сравнительно короткие сроки. Шэрэтэ дугана до 1935 г. был сторонник группы консерваторов габжа, соржо-лама Найдан Санданов.

По сведениям Б. Дандарона: «Вскоре после этого сторонники балагатского движения покинули Чесанский и Кижингинский дацаны и сосредоточились в Шулутайском дацане к востоку от Кижинги, который стал главным дацаном балагатов. 8 марта 1920 г. председатель Бурят-монгольского управления ДВР Ринчинов по ходатайству Пандидо хамбо-ламы Цыремпилова выселил ламбунтовщиков и запечатал новый дацан. Но ламы во главе с вернувшимся из ссылки Найданом Сандановым самовольно сорвали печать и обратно прикочевали туда» [Лубсан Сандан... 2018].

Из рукописи старшего переводчика БурЦИКа Ц. М. Очиржапова «Теократическо-балагатское движение и бандитизм по Хоринскому аймаку (1917–1927 гг.)» (на 93 листах): «В феврале и марте месяце 1921 г. теократически настроенные ламы Чесанского дацана, в числе более 300 человек расколовшиеся от лам антитеократов объявляют независимость теократического духовенства от прочего ламства будущего духовенства Восточной Сибири с непосредственным подчинением царю-деспоту теократического общества созерцателю Самдану

Цыденову, выходя из ведения главного ламы Пандидо Хамбы, что вызвано данным названному духовенству указанием известного противника национальной автономии Цыдена Догбаева (ламы Цугольского дацана), разъяснившего им как о допустимости образования любых духовных обществ, в частности теократического, так и о возможности создания и постройки всяких монастырей на основе декрета об отделении церкви от государства и свободы совести» [ЦВРК ИМБТ. ОАФ. д. 299, л. 38–39].

«...Ламы, приписанные к данной духовной организации, в течение месяца организовали перенос силами и средствами верующих и сочувствующих в местность Шулуута Чесанского сомона Цаганского хошуна в 5 км от Чесанского дацана для образования нового теократического монастыря. По их убеждению, их месторасположение в данной местности представляет самое лучшее условие в деле дальнейшего процветания религии и благоденствий духовенства, как предсказал им учитель и созерцатель Л. Цыденов» [ЦВРК ИМБТ. ОАФ. Д. 299. Л. 40].

«В июле 1921 г. в местности Хухэ Шулута Хоринского аймака прошло рамнэ (освящение) нового дацана, основанного учениками Сандан-ламы, вышедшими из Чесанского дацана. Восьмилетнему Бидии, в ламской одежде сидевшему на самом высоком месте, на специально построенном для него троне, была поднесена мандала (санскр. “круг”, “сфера”; здесь — “символическое изображение вселенной”). На этом ритуале по письменному распоряжению из тюрьмы Сандан-ламы к Бидие перешел от него духовный титул Дхарма-раджа, Бидия становится преемником Лубсан Сандан Цыденова. Торжества продолжались три дня» [Буддизм. Каноны... С. 436].

Бидия Дандарон был признан перерожденцем Джа Яг Сан Ринпоче XIII Галсан Цултим Данбий Нимы — настоятеля одного из известных монастырей Гумбума, что в северо-восточном Тибете. Бидьядара Дандарович Дандарон (1914–1974) — йогин, известный бурятский перерожденец-тулку, философ, ученый-востоковед — вел безупречный образ жизни подвижника и проповедника буддизма. Как реформатор Дандарон оставил уникальные труды по теории буддизма, написанные им на русском языке. Европейские и бурятские ученики сохранили и продолжили традицию Джа Яг Сан Ринпоче, Лубсана Сандана Цыденова и Бидьядары Дандарона. Агван Силнам-лама (отец Б. Дандарона), в миру Доржи Бадмаев, был известным и авторитетным ламой-тантристом, учеником и сподвижником Сандан-ламы Цыденова.

Это событие описано в рукописи Ц. М. Очиржапова: «В начале июля 1921 г. по инициативе известных лам-теократов из Шулутовского дацана Н. Сампилова, Ш. Цыбикова, из Кижингинского дацана Гынина Цыремпиллова, Д. Цыбикова с участием теократических министров Д. Сампилова, Б. Ц. Гармаева, авторитетных теократов Ц. Базарова, Д. Доржиева и других устраивается в Шулутовском дугане торжество по случаю создания дугана и балагатских установлений по повелению царя-деспота Л.-С. Цыденова в течение 2–3 дней с торжественными молитвами, с праздником “Эрын гурбан наадан”» [ЦВРК ИМБТ. ОАФ. Д. 299. Л. 43].

«В торжестве участвовало огромное количество верующих, преимущественно из теократов Бодонгутского, Цаганского, Хальбинского хошунов и некоторых сомонов Галзутского, Худайского, Хубдутского, Шарайтского и Хуацайского

хошунов Хоринского аймака, а также присутствовали старший следователь Прибайкальского областного Политнарсуда Карпович, начальник 4-го участка Верхнеудинской уездной милиции А. Уваров, старший милиционер того же участка А. Гольберг и др.

Сидящему на троне 9-летнему наследнику Л. Цыденова Бидия Дандарону преподносят нанзат-хадак и мандала, монастырь объявляется балагатским центром, концентрирующим теократическое духовенство и балагатские организации и учреждения, вместо столицы Соемпкус, образованного при создании теократического государства в 1919 г.» [ЦВРК ИМБТ. ОАФ. Д. 299. Л. 43].

Необходимо отметить, что старший штатный гелун-лама Гэнин Цыремпилов (Тэхын ламхай) из Кижингинского дацана пользовался большим авторитетом у лам и хуварак, был одним из лидеров балагатских лам, сподвижником Лубсана Сандана Цыденова. Был родом из Куорки (Верхняя Кижинга), в 1897 г. — хуварак, банди Эгитуйского дацана, в 1901 г. — гелун Кудунского дацана, окончил Агинскую школу цаннит. В связи с его болезнью 6 апреля 1922 г. был отправлен в Кижингинский дацан в целях исключения волнений в случае его ареста.

«В связи с поражением балагатского отряда председатель Бурмонавтупра Э. Ринчинов со своим отрядом прибыл 7 апреля 1922 г. в Челотинский (Шулутовский) монастырь на предмет задержания скрывшихся там вооруженных балагатцев, причем до момента оцепления отрядом данного монастыря вооруженные балагатцы в числе 10 человек успели скрыться в лес, за исключением 3 участников отряда в лице Сандака Найданова (Найдана Санданова. — Д. Н.), которые были задержаны с винтовкой в руках. 8 апреля выносятся Ринчиновым постановление о разгоне лам данного монастыря, монгольский текст которого гласит нижеследующее: “Я, председатель Центрального Управления Бурят-Монгольской области Э. Ринчинов, прибыв в Бодонгутский хошун, на основании мандата от 16 марта с. г. № 727... постановил: 1) предложить ламам, обитающим вокруг этого молитвенного дома, в трехдневный срок покинуть это место, оставив караул над постройками, с тем чтобы они жили и учились грамоте в Кижингинском и Чесанском дацанах; 2) все находящееся имущество в молитвенном доме как общественное достояние передать ближайшему дацану, предложив шэрэтэ дацана включить в опись имущества дацана; 3) сообщить об этом Пандидо хамбо-ламе буддийского духовенства РСФСР и ДВР через Бурмонавтупр и министру национальных дел для принятия соответствующих мер”. По оглашению данного постановления имущество, находящееся в молитвенном доме, доставлялось Чесанскому дацану с закрытием его дверей путем пропечатания печатью председателя Цаганского хошуна. При вынесении указанного протокола и закрытии молитвенного дома в качестве понятых участвовали председатель Хоринского аймачного управления Э. Вамбоцыренов, председатель Цаганского хошуна Ц. Шагдаров, председатель суда Очиржапов, представители лам данного дугана Галдан Абидуев, Тогмит Очиров, Намжил Одонов, Ендон Одо, Гончикжап Аюшиев, Рабдан Бадмаев и от верующих Дамдинжап Балданов и Будажап Цыбикдоржиев» [ЦВРК ИМБТ. ОАФ. Д. 299. Л. 60–63].

Но данное решение до конца не было выполнено, балагатцы обосновали это нарушением свободы вероисповедания, свободы выбора постоянного местожи-

тельства, отделением церкви от государства, и наиболее активные и непримиримые продолжили борьбу до 1926 г.

Отделение от Чесанского дацана не было разрешено и признано ни шэрэтэ Чесанского дацана, ни Пандидо хамбо-ламой, не было согласовано и со светскими властями. Более того: «...На имя шэрэтэ спустя некоторое время поступило отношение от Пандидо хамбо-ламы Цыжица Цыренпилова о недопустимости самовольного образования нового дацана, ссылаясь на нарушение устава о ламайском духовенстве 1853 г. Также этот вопрос он поднимал на обсуждении объединенного заседания членов Бурнарревкома и представителей Чикойского, Агинского, Хоринского, Баргузинского аймаков 29 апреля 1921 г. в г. Чите. Было вынесено постановление, которое запретило сооружение нового монастыря за обремененностью, нецелесообразностью и недопустимостью его образования ввиду неизбежности возникновения и усиления раскола среди верующих бурят данного района. Теократы, в свою очередь, считают это явным нарушением законодательства о свободной религии» [ЦВРК ИМБТ. ОАФ. Д. 299. Л. 41].

После окончательного разгрома «балагатского движения» в 1926 г., кроме «активистов» и сочувствующих, остальные ламы и хувараки вернулись в свои дацаны, имущество дугана было возвращено в дацаны. Под юрисдикцией Чесанского дацана Шулутовский дуган продолжал действовать вплоть до своего закрытия в 1936 г., официально был закрыт в 1938 г. вместе с Чесанским дацаном.

В 2000-е гг. в научный оборот вводятся закрытые прежде документы, архивные источники по «балагатскому движению». Отдельные стороны изучаемой проблемы были затронуты в работах К. М. Герасимовой, С. Ю. Лепехова, В. Б. Базаржапова, А. Н. Кочетова, В. А. Демидова и В. В. Демидова, Л. Б. Жабоевой, А. А. Елаева, В. М. Монтлевича, Ц.-Х. В. Очировой и Н. В. Цыренпилова, П. Балдандоржийна, А. Матвеева, Д. Л. Баяртуевой, А. М. Стрелкова, В. В. Бабакова. В целом для этих работ характерно стремление к объективному подходу. Так, по словам известного ученого-религиоведа К. М. Герасимовой, «политические определения теократического (балагатского) движения как “контрреволюционного”, “антисоветского”, “этноцентрического”, “националистического”, “сепаратистского” несправедливы, поскольку огульные обвинения и расхожие политические ярлыки неприменимы для выяснения объективной исторической природы этого движения». В пятом выпуске серийного издания «Выдающиеся бурятские деятели» опубликована статья Э. Ч. Дарибазарона и Ш. Б. Чимитдоржиева «Сандан Цыденов», в которой авторы на основе архивных материалов опровергают утверждение об антинародном характере балагатского движения.

Хурдэ-сумэ

Хурдэ-сумэ было построено в период 1828–1831 гг. Хурдэ-сумэ — это храм Калачакры, санскр. «колесо времени», тиб. «дуйнхор», бур. «сагай хурдэ», представляет собой тайное сокровенное учение и взаимосвязи макрокосмоса и микрокосмоса человека, так же называется факультет Дуйнхор. В этом сумэ ежедневно проводился Сахюусан-хурал, а также в определенные дни Дуйнхор-хурал.

«В молебствиях, обращаемых в этих кумирнях к бурхану Дуйнхор, выражались молитвенные благопожелания, чтобы в будущей своей жизни молящиеся возродились в блаженном царстве Шамбала, перед лицом обитающего там бур-

хана Дуйнхор хурал последнего месяца весны был посвящен памяти легендарного события, когда Будда Шакьямуни впервые начал проповедовать тантрийское учение» [Ламаизм в Бурятии... С. 214]. При проведении хуралов проводился цам Дуйнхор.

Б. Я. Владимирцов в своей книге «Тибетские театральные представления» описывает цам Дуйнхор: «Содержание цама заключается в представлении грозных божеств и гениев покровителей буддизма, а также в изображении их борьбы за буддийскую церковь. Цам, хотя и театрализованное представление, тем не менее это священный религиозный обряд, мистерия, ставящая себе целью не только поучать зрителей, напоминая им о вечности всего сущего и о разных таинственных силах, но и войти в особое мистическое единение с этими силами и через то водворить в округе радость и счастье» [Владимирцов Б. Я., 1923, с. 99]. В Анинском, Эгитуйском, Цэжинском, Агинском, Зугалайском и Хужиртайском дацанах проводился цам Дуйнхор. О проведении цама в Чесанском дацане сведений пока не обнаружено, но нам представляется, что, имея сумэ Хурдэ, а также посвящение для проведения Дуйнхор-хурала, ламы Чесанского дацана все-таки проводили цам Дуйнхор.

Шэрэтэ дацана Лубсан Гунга Зундуев в 1841 г. именно с целью изучения комментариев на тантрийское сочинение «Калачакры» и передачи практики Калачакры (Дуйнхор) из Внутренней Монголии пригласил Хорчид Гэгэна (дооромба ламы Галсан Содбо). По всей вероятности, это происходило в Хурдэ-сумэ.

Цам Дуйнхор, или так называемая калачакринская мистерия, исполнялся без масок. «Танцующие были одеты в нарядные халаты и головные уборы с высокой макушкой, украшенной по нижней линии пятью маленькими черепами, от которых свисала черная бахрама, закрывающая лоб и брови до уровня глаз. Цам Дуйнхора был малочисленным по составу, его исполняли от 17 до 40 человек, включая оркестр» [Очерки истории... С. 424].

Для верующих система Калачакра, основанная на комментариях к «Калачакра-тантре», и в настоящее время обеспечивает астрономическую и астрологическую нужды буддизма. Калачакра в переводе означает «колесо времени». В тибетском буддизме Калачакра — это идам или тантрическое божество, которое используют в наиболее сложной системе — Калачакра-тантре, которая в тибетской традиции считается вершиной учений Ваджраяны.

Основой или замыслом «Калачакры» является доктрина единства бытия, т. е. Калачакра дает возможность понять отождествление макрокосма с микрокосмом, Вселенной с человеком. Согласно текстам данной тантры, все внешние явления и процессы взаимосвязаны с телом и психикой человека, в результате, изменяя себя, человек изменяет мир вокруг себя.

Тантра разделена на пять глав. Первая глава посвящена космологии, астрономии, астрологии и теории календаря. Тибетцы провели реформу календаря, введя систему шестидесятилетних циклов, которую уже более тысячи лет использовали в Китае. Причиной заимствования китайского календаря послужило то обстоятельство, что календарь Калачакры также основывается на шестидесятилетнем цикле, хотя и немного ином, чем цикл китайского календаря. За точку календарного отсчета был взят 1027 год, когда, в соответствии с тибетской традицией, буддийский учитель Атиша принес текст Калачакры из страны Шамбалы.

Вторая глава посвящена описанию человеческого организма, третья глава — подготовке к медитациям и этапу инициации, четвертая глава — самим медитативным практикам, а пятая непосредственно состоянию просветления.

Система практик в этой тантре достаточно сложная, необходимо пройти целый ряд специальных посвящений (инициаций). Практика начинается с посвящения в мандалу, изготовленную из цветного порошка или песка (раджомандала). Создание мандалы из цветного песка состоит из следующих стадий: установления ориентации по сторонам света; подготовки квалифицированных художников; приготовления разноцветных порошков; прорисовки структурных линий; окрашивания в соответствующие цвета мандалы; размещения божеств; вхождения в мандалу; устройства сада подношений; ритуала разрушения мандалы.

Манадала Калачакры посвящается миру и физическому балансу как одной личности. Хотя изображение плоское, мандала является трехмерной, с пятиэтажным «божественным дворцом», в центре которого божество Калачакра выражает состояние просветления. Человек, который просто смотрит на мандалу, чувствует умиротворение на различных уровнях. Божества мандалы Калачакры создают благоприятную атмосферу и уменьшают напряжение и насилие в мире. Это путь засеивания семени, который имеет кармический эффект.

«Учение тантры Калачакры (Дуйнхор) реализованным земным и неземным существам по просьбе великого царя Шамбалы Сучандры, воплощения Ваджрапани (Очирвани), даровал сам Будда Шакьямуни, одновременно находясь в двух местах: на юге Индии, в местности Даньякатака и в Раджгире, на скале Грифов, где передавал учение второго поворота колеса Дхармы — сутру запредельной мудрости “Праджняпарамита”».

Чтобы передать существам этой эпохи могучее учение о законах времени, о взаимодействии и взаимозависимости микрокосма и макрокосма, то есть человека и Вселенной, человека и всего мироздания, о совершенстве и величии Дхармы, в Даньякатаке Будда явил себя в облике самого Владыки Времени Калачакры. Через несколько дней после дарования тантры жители этой местности стали свидетелями чуда — с неба пошел дождь из рисовых зерен. Это было знаком благословения будд и бодхисаттв, огромное количество живых существ в те дни обрели здесь плод “прорезавшегося уха” и очень быстро достигли высоких духовных реализаций. В память об этом чуде жители назвали это место “Балдан Брэйбун” — “там, где появилась гора риса”, а позже они здесь воздвигли гигантскую ступу» [Словарь буддиста].

Считается, что Калачакра была принесена в Индию Килу и Калачакрападой, ее продолжали изучать и практиковать в Индии, и со временем она попала в Тибет. В Бурятии Калачакра-тантра стала практиковаться одной из первых, в XVIII в., с благословения I Пандидо хамбо-ламы Дамба Даржа Заяева. Благодаря огромным усилиям VII Пандидо хамбо-ламы Сандэлэг Ванчикова в 1864 г. Дуйнхор-хурал впервые был проведен в резиденции хамбо-ламы — в Тамчинском дацане. И далее он был введен в практику других дацанов. В комплексе многих монастырей имелись Дуйнхор-дуганы. Потому как тантра Калачакры приносит неиссякаемое благо той земле, где она существует, где проводятся мистерии цам, где происходят посвящения в тантру Калачакры.

По сведениям Д. С. Жамсуевой, «впервые школа Дуйнхор (Калачакра) в Забайкалье была основана в 1878 г. при Анинском дацане, затем подобные школы развились в ряде хоринских и селенгинских дацанов» [Жамсуева Д. С., с. 51].

По сведениям Б. Д. Цыбенова, «школа Дуйнхор обеспечивала астрономическую и астрологическую буддийскую службу, в основу которых входили комментарии на тантрийское сочинение Калачакры, составляла сведения о движении солнца, луны, звезд и планет, о затмениях солнца и луны и т. д. ...В дацанах хоринцев сумэ Дуйнхор было в Агинском и Эгитуйском дацанах. В этих дацанах проводился цам Дуйнхор... В Анинском дацане мистерия Калачакры появилась примерно в 1907–1908 гг., традиционно цам совершался в тот день, в который впервые в монастыре проведено было его служение» [Цыбенков Б. Д., 2011, с. 75].

В настоящее время в России, в Бурятии, эти традиции проведения практики Калачакры (Дуйнхор) с благословения хамбо-ламы Дамбы Аюшеева были полностью восстановлены в соответствии с каноном, в течение долгих 16 лет — с 1997 по 2013 г. — в Улан-Удэнском дацане «Хамбын Хурэ» (п. Верхняя Березовка). На базе Дуйнхор-дугана здесь был открыт тантрический факультет Дуйнхор Буддийского университета «Даши Чойнхорлин» им. Дамба Даржа Заяева.

Майдари-сумэ

Майдари-сумэ было построено в период 1828–1831 гг. Здание сумэ Майдари стояло в отдельной ограде, где размещались и вспомогательные строения для хранения инвентаря к хуралу Майдари, в том числе колесница и искусственная зеленая лошадь в натуральную величину. После реконструкции в 1893–1894 гг. это было третье по величине здание монастыря после Цогчен-дугана и Чойрадугана. Майдари-сумэ должен был располагаться по буддийским канонам на северной стороне от Цогчен-дугана.

Майдари-сумэ посвящен Будде грядущего Майтрейе. Культ бодхисаттвы Майдари, почитавшегося как Грядущий Будда, имел широкое распространение в Забайкалье, поэтому «каждый дацан старался приобрести прежде всего статуи Майдари 1000 будд» [Архив Г. Д. Нацова, 1972, с. 9]. Майтрея, как пишет И. А. Подгорбунский, «считается одним из тысячи будд-мироправителей... Первым после Шакьямуни будет управлять Майтрея... В то время как Шакьямуни сделался отшельником, Майтрея возродился в небе Тушита, где пребывает в настоящее время и где будет жить, пока ему не придет время спуститься на землю. В некоторых сказаниях он называется не буддой, а бодхисаттвой. Специальная его добродетель — милосердие» [Подгорбунский И. А., с. 33].

«Культу Майтрейи посвящено в забайкальских дацанах десять сумэ. По данным Н. Кирилова, одноименные сумэ, кроме Тамчинского, были в Джидинском, Чесанском, Токчинском, Цугилинском дацанах» [Кирилов Н., с. 33].

В качестве аналогов Майдари-сумэ можно рассматривать сумэ, сохранившиеся в Монголии, в Агинском и Иволгинском дацанах. С культом почитания Будды грядущего были связаны многие хуралы и обряд так называемого вращения Майдари, имевший распространение в дацанах Тибета, Монголии и Бурятии. Обряд круговращения Майдари, проводимый в летнее время, был одним из любимых зрелищ прихожан. Проводить этот ритуал могли только наиболее

богатые монастыри. Обряд, как правило, совершался в заранее определенный, «непременно в один и тот же зауроченный день» [Позднеев А. М., с. 384–386].

«В бурятских дацанах докшитский Цам и хурал Маани, трансформировавшийся в праздник круговращения Майдари», проводились летом [Ламаизм в Бурятии... С. 213].

Примерно за две недели до начала проведения обряда приводился в порядок весь инвентарь, особенно деревянная телега, на которой перевозили статую Майдари, хранившуюся во вспомогательных зданиях и помещениях дацана. А. М. Позднеев подробно описывает «круговращения Майдари», причем замечает, что к этому времени приурочивались состязания в философском цанните [Позднеев А. М., с. 390].

В «Ведомости о движимом и недвижимом имуществе дацана на 31 декабря 1878 г.», подписанной шэрэтэ Чесанского дацана ламой Вампилом Адушеевым, перечислены указанная скульптура Майдари, покрытая золотом, стоимостью 100 рублей, «зеленая деревянная лошадь» стоимостью 10 рублей и «деревянная телега» стоимостью 50 рублей для проведения обряда «Майдари грядущего» [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 32, л. л. 7,8]. «Высокая стоимость по тем временам обусловлена красивым оформлением и различными украшениями, медью, латунью, золотом, всеми настоящими атрибутами для запрягания лошади в телегу.

После чтения в главном храме шэрэтэ выносил скульптуру Майдари, ее водружали на зеленого коня, перед статуей складывали книги, предметы с алтаря. В воздухе развивался запах благовоний, звучала музыка, трубили раковины. Все приходило в движение, и волной людской несомый среди рокоота речей, плавно двигался зеленый конь с сидящим на нем сияющим золотом всадником — Грядущим Буддой. Повозка, влекомая впряженными в нее ламами, останавливалась перед южными воротами, совершался хурал, затем то же перед западными, северными, восточными воротами, — и процессия снова возвращалась к южным. Совершалось чтение юроолов (благопожеланий) Майдари, потом бурхана снимали с колесницы и вносили в сумэ, туда же возвращали книги и принадлежности с алтаря» [Позднеев А. М., с. 387–392].

Майдари почитался Буддой грядущего и являлся символом устремления людей к грядущему — просветленному и сострадательному. Культ Будды грядущего получил наибольшее развитие на рубеже веков, но не все монастыри могли себе позволить приобретение скульптурной композиции Майдари. Каждая скульптура представляла собой произведение искусства и была показателем уровня благосостояния монастыря. Обычно дацаны приобретали статуи в Долонноре. По архивным источникам Института восточных рукописей РАН и сведениям Д. С. Жамсуевой, самая большая статуя Майдари в Забайкалье размером в 15–16 метров высотой (5 сажень и 1 аршин), в окружности в нижней части 16–20 сажень была в Агинском дацане и была приобретена в период 1889–1902 гг. [ИВР РАН, ф. 44, оп. 1, д. 133, л. 119; Жамсуева Д. С., 2016, с. 58–59]. По материалам членов экспедиции 1927 г. Р. Мэрдыгеева и П. Дамбинова, «Майдар Анинского дацана представлял из себя гигантскую статую с изображением грядущего будды в сидячем положении. Высота Майдари 5 сажень и 2 аршина. Одно ухо этой громадины не меньше роста взрослого человека в натуральную величину. Аннинский Майдари считается по величине самым большим из всех

Майдаров, имеющих в дацанах бурят-монголов» [ЦВРК ИМБТ. ОАФ. Д. 375. Л. 19].

Гунриг-сумэ

Гунриг-сумэ было построено в период 1828–1831 гг. в честь идама Вайрочаны одному из пяти татхагат. Обычно Всеведущий Вайрочана изображается сидящим на белом лотосе, в руках — «колесо учения». В этом сумэ ежедневно проводился хурал, посвященный идаму Вайрочане. Также проводились хуралы по ушедшим из жизни ламам и хувакакам. Поэтому в некоторых дацанах он находился за пределами ограды дацана.

Божество Гунриг почиталось как божество, спасающее от мучений в будущих неблагоприятных перерождениях, дающее возможность скорейшего приобретения святости людьми уже умершими. Поэтому в молитвах, обращаемых к боже-ству Гунригу, испрашивалось спасение неудачно переродившихся близких и родных, а также молебны за упокой усопших, об избавлении души от мучений в загробном мире и о счастливой судьбе в будущей жизни. Во многих дацанах Бурятии имелись сумэ Гунриг, что свидетельствует о значимости этой практики и его популярности среди верующих.

По сведениям Д. С. Жамсуевой, Гунриг-сумэ Цугольского дацана имел следующие размеры: «здание сумэ высотой 3 м, одноэтажное, стены длиной 18 м, шириной 16 м, с 4 окнами, покрытое кровельным железом, на каменном фундаменте, стоял на северо-восточной стороне от Цогчен-дугана» [Жамсуева Д. С., с. 197].

Гунриг-сумэ Хохюртайского дацана, по описанию А. М. Позднеева, имел алтарь, «на первом месте которого восстановлен кумир Чжигчжита, а по бокам его кумиры Сандуя и Гунрика. По бокам алтаря устроены шкафы, в котором помещаются изображения “Мургулийн бурхан”. Указанную форму в наименовании собранных бурханов я впервые повстречал в Хохюртаевском дацане. Все эти будды отлиты по общему типу Будды Шакьямуни и отличаются один от другого только положением рук (мудра)» [ИВР РАН, ф. 44, оп. 1, д. 132, л. 170-171].

«Единственное во всех бурятских дацанах бронзовое изваяние, изображающее дворец Гунрига (Гунригийн луйлэн), было установлено в Кудунском (Кижингинском) дацане, которое являлось большой достопримечательностью внутреннего убранства в сумэ Аюши» [Жамсуева Д. С., 2016, с. 130].

Время пощадило один из уникальных скульптурных комплексов — объемную мандалу Дхьяни-Будды Сарвавид (Всеведущего) Вайрочаны (санскр.), или Гунриг (бур.), выполненную в дереве мастерами во главе с С.-Ц. Цыбиковым для сумэ Гунриг Янгажинского дацана. Мандала Будды Вайрочаны считается одной из древнейших мандал индийского происхождения и относится к классу йогатантр. Известно, что обитель этого божества — страна Акаништха (санскр.) — считается высшей и наиболее совершенной из миров. О значимости и популярности этого культа в бурятском буддизме говорит то, что в 23 дацанах дореволюционной Бурятии имелись сумэ Гунриг. Прижизненное поклонение божествам мандалы дает спасение душе умершего от плохих перерождений, может изменить неблагоприятную карму и дать возможность перерождения в райских «чистых землях» в разных сторонах космического пространства.

Комплекс мандалы Гунриг состоял из 37 фигурок, сохранилось 35, сильно поврежденных, с утратами фрагментов, атрибутов. Сохранилась танка Янгажинского дацана «Мистический цикл 37 божеств мандалы Гунриг», что указывает на распространенность этого ритуала в дацанах. К нему имелись специальные тексты ритуалов — сокшоды.

В перечне движимого и недвижимого имущества в отчете шэрэтэ дацана за 1917 г. есть танка Чесанского дацана «Мистический цикл 37 божеств мандалы Гунриг» [ГАРБ, ф. 459, оп. 1, д. 91, л. 27].

Дымчог-сумэ

Дымчог-сумэ было построено в период 1828–1831 гг. и посвящено одному из особо почитаемых божеств тантрийского пантеона идаму Чакрасамваре («богу счастья») и относится к классу аннута-йога-тантр. Чакрасамвара (санскр. букв. «Круг Высшего Блаженства», тиб. «Дымчог») — божество медитации, в буддийской мифологии Ваджраяны — главный идам в Чакрасамвара-тантре. В этом сумэ по определенным дням проводился хурал, посвященный идаму Чакрасамваре.

Дымчог является наряду с Сандуем, Жигжедом и Калачакрой наиболее часто практикуемым идамом традиции Гелуг. Божество Дымчог покровительствует чтению и теоретическому усвоению религиозных учений, а равно созерцанию или полному восприятию, а само здание сумэ предназначалось для принесения жертв и молебствий бурхану Дымчог, дающему магические средства к приобретению духовных и телесных благ.

Чакрасамвара имеет две основных формы: с двумя или с двенадцатью руками. В обоих случаях его изображают в соединении с духовной супругой Ваджраварахи (тиб. Дордже Пагмо). Их союз — символ единства пустоты и блаженства. Практика является методом, который позволяет открыть истинный смысл символа, — она ведет к высшему внутреннему блаженству. Открывая блаженство, приносящее сознанию и телу умиротворение, легкость, практик обнаруживает также состояние за пределами обусловленности — пустоту.

Тело Самвары — синего цвета. Он носит тигровую шкуру, обернутую вокруг талии, и шкуру слона. Его четыре лица (в двенадцатирукой форме) — желтого, синего, зеленого и красного цветов. На нем костяные украшения, тигр с пятью черепами (символ пяти просветленных семейств), гирлянда из 51 человеческой головы. На короне Чакрасамвары имеется изображение Будды Акшобхьи. В руках у идама ваджра, колокольчик, капала (чаша из черепа), аркан, голова Брахмы, тантрический жезл, дегуг (кривой нож для сдирания кожи), кинжал, трезубец, дамару (двойной ритуальный барабан).

В двурукой форме Чакрасамвара имеет тело синего цвета и одно лицо. Он носит тигровую шкуру, обернутую вокруг талии, и шкуру слона. Самвара обнимает супругу, его руки перекрещены и держат ваджру и колокольчик — символы метода и мудрости. Ваджраварахи красного цвета, у нее одно лицо и две руки.

Супруги находятся посреди бушующего пламени, под их ногами на солнечном диске на лотосовом троне лежат божества: Бхайрава (синего цвета) и его супруга Каларатри (красного цвета). В двурукой форме Чакрасамвара синего цвета, у него одно лицо. Он обнимает супругу, его руки перекрещены и держат ваджру и колокольчик — символы метода и мудрости.

Тантра Чакрасамвары была проповедана Буддой Шакьямуни в стране дакинй. Традиция Чакрасамвары сохранилась до наших дней. Главное внимание в Чакрасамвара-тантре уделяется порождению четырех типов блаженства (связаны с главными чакрами в тонком теле человека). Это характерно для материнских тантр, к которым относят Чакрасамвара-тантру. Она легко практикуется людьми с художественными наклонностями. Эта тантра особенно распространена в традиции Гелугпа и в традиции Кармапа. Созерцают ее и в других школах.

По сведениям Д. С. Жамсуевой, Дымчог-сумэ Цугольского дацана по акту учета 1935 г. «длиной 12 м, шириной 10 м, с обшивкой тесом, покрытый кровельным железом, на каменном фундаменте, с 8 окнами и четырьмя контрамарками, с продольной террасой с потолком длиной 12 м, шириной 6 м» [Жамсуева Д. С., с. 196].

В Забайкальском крае 13 сентября 2016 г. на священной горе Алханай освятили статую Белого Чакрасамвары (Сагаан Дымчог бурхан). Чакрасамвара является хранителем буддийской религии и хозяином горы Алханай. Освящение проводил Еши Лодой Ринпоче, основатель улан-удэнского дацана «Ринпоче Багша». Статуя Белого Чакрасамвары была дарована Алханаяу еще в августе 2016 г. Освящение статуи проходило при большом присутствии паломников и верующих. Белый цвет статуи символизирует чистоту религии и долгую жизнь. Статуя установлена чуть выше от статуи Будды Отошо, по дороге к источнику (аршану). Сотрудники национального парка «Алханай» под руководством заслуженного архитектора России Болота Дондокова очистили площадку для установки статуи, проложили настилы к площадке. Статуя белого Чакрасамвары наряду с другими также стала одним из главных достопримечательных объектов на Алханае, которым поклоняются сотни и тысячи алханайских паломников.

Это второй подобный подарок от Досточтимого Еше Лодой Ринпоче. В 2011 г. он подарил Алханаяу первую статую Будды Отошо (Бога медицины), которая уже стала одним из основных достопримечательностей Алханая.

Арья-Баала-сумэ

Арья-Баала-сумэ было построено в период 1828–1831 гг. в честь бодхисаттвы Великого Сострадания Авалокитешвары (бур. Арья Баала). По буддийским канонам здание сумэ должно было стоять на северо-западной стороне от Цогчен-дугана, как и в других дацанах.

В этом сумэ ежемесячно проводился хурал, посвященный бодхисаттве Арья-Баала, который некогда дал монашеский обет спасти всех живых существ от пут сансары. Его облик белого цвета, две первые руки сложены вместе у сердца в жесте, умоляющем всех будд и бодхисаттв о заботе и покровительстве над всеми живыми существами и избавления их от страдания. В них он держит Драгоценность, исполняющую желания, — символ бодхичитты. В другой правой руке Арья-Баала держит хрустальные четки, символизирующие его способность освобождать всех существ в шести мирах от страданий сансары через практику начитывания шестисложной мантры «Ом мани бадме хум», в левой руке он держит стебель синего лотоса утпала, символизирующего его безупречную и сострадательную мотивацию. Сумэ Арья-Баала было предназначено для развития со-

стояния сострадания и милосердия, недаром у этого будды тысячи рук для помощи всем страждущим и нуждающимся.

В 1911 г. сумэ Арьяа-Баалы было построено заново в период, когда шэрэтэ дацана (1905–1911) был габжа-лама Зургаадайн Агван. Из документов, касающихся строительства зданий сумэ, сохранилось распоряжение Военного губернатора от 1911 г. о постройке при Чесанском дацане сумэ в честь бога Арьяа-Баала. [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 409, л. 20; Цыбенков Б. Д., 2001, с. 21]. Причиной строительства сумэ послужил 100-летний юбилей «неизменного служения Манийн хурал», введенного в Агинском, Цугольском, Кудунском и других дацанах хоринских бурят в 1811 г. Мунхэ мааниин хурал, или Арьяа Баалын бүтэл, т. е. исполнение (созерцание) Арьяа-Баала бурхана, был популярным среди верующих хоринских бурят.

Очирвани-сумэ

Очирвани-сумэ было построено в период 1828–1831 гг. Очирвани (от санскр. Ваджрапани) в мифах монгольских народов — грозное божество (докшит), громовежец, особо почитается как покровитель монгольских народов. Ваджрапани — один из бодхисаттв в Махаяне, включая Ваджраяну. Обычно изображается в угрожающей позе, темно-синего цвета, с ваджрой в поднятой руке. Его главная функция — уничтожение заблуждений. Ваджрапани в буддийской иконографии используется как одно из защитных божеств, окружающих Будду.

Его эпитеты: «имеющий великую силу», «свирепый». Очирвани представляется сначала злым, а затем укрощенным (принявшим буддизм), с ним связаны демоноборческие и змеборческие сюжеты: в облике птицы Гаруды побеждает мирового змея лосуна. По другой версии Очирвани как божество погоды, особенно дождя, — покровитель змеевидных Лу и защитник их от Гаруды. Очирвани наделен функциями демиурга и культурного героя: он творит землю (из принесенной со дна океана щепотки), участвует в изготовлении напитка бессмертия (аршан — в монгольских вариантах мифах о Раху). Его постоянный атрибут — очир (ваджра), с его помощью Очирвани забрасывает на небо огонь, который становится солнцем; от удара очиром по океану на небе появляется месяц; очир, брошенный вслед Раху (в монгольских вариантах), рассекает его пополам [Мифологический словарь, 1990].

По нашим сведениям, планировался ремонт, как указано в донесении шэрэтэ от 1914 г.: «пришедшие в ветхость здания сумэ “Очирваани” и “Хурдэ” не отреставрированы; забор, построенный в 1879 г., сгнил, сейчас его заново строят» [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 481, л. 47–48; Цыбенков Б. Д., 2001, с. 21]. Но, по сведениям А. М. Позднеева, посетившего Чесанский дацан в 1919 г., как было указано ранее, здания сумэ Очирвани и Арьяа-Баала на тот момент не были восстановлены.

Отошо-сумэ

Отошо-сумэ было построено в период 1828–1831 гг. Сумэ Отошо, или Мамбадуганы, посвящены Будде Медицины. В этом сумэ ежемесячно проводился Отошын хурал. В Тибете Бхайшаджьягуру изображают либо как Будду, либо как бодхисаттву Бхайшаджьяраджа. Бхайшаджьягуру облачен в монашеское одеяние, он сидит на львином троне. Темно-синий цвет его тела символизирует мудрость Дхармадхату. В левой руке, покоящейся на бедре, он держит чашу с целеб-

ным растением, символом панацеи от всех омрачений ума и болезней, его название — миробалан (говорится также, что в патре находится лекарство из трав, устраняющих болезни слизи, ветра и желчи, а также три корневых яда: гнев, привязанность и неведение). В правой руке, развернутой в варада-мудре (жесте защиты), у него стебель этого растения. Как у любого будды, у него имеется маленькая круглая выпуклость выше носовой перегородки — урна, а на вершине черепа находится большая выпуклость — ушниша. Так же как и Будда Шакьямуни, Будда Бхайшаджьягуру наделен тридцатью двумя основными и восьмьюдесятью второстепенными признаками Будды. Его волосы короткие и вьющиеся, мочки ушей — удлинненные и проколоты.

На многих изображениях Бхайшаджьягуру изображают в окружении семи исцеляющих будд: «Превосходное имя», «Драгоценная Луна», «Золотое лекарство», «Свободный от страдания», «Провозглашающий Дхарму», «Безграничный океан» и «Сознающий Дхарму». Семь будд часто внешним кольцом окружают шестнадцать великих бодхисаттв, среди которых такие бодхисаттвы-махасаттвы, как Самантабhadра, Манджушри, Авалокитешвара, Кшитигарбха и Ваджрапани. Дальше, по внешнему кругу изображения, Бхайшаджьягуру окружают «двенадцать генералов якши», практикующих его учение, они защищают и охраняют учение Будды Медицины.

В некоторых случаях Будду Медицины изображают рядом с Буддой Шакьямуни и Буддой Амитабхой.

Иногда Будду Медицины называют Вайдурьяпрабхараджа (санскр. букв. Наставник/Владыка Врачевания Лазуритового/Бериллового Сияния). Лазурит в разных культурах уже многие тысячи лет считается лечебным камнем. В символическом значении он является самой чистотой, то есть очищает от любых болезненных проявлений не только на физическом, но и на духовном уровне. Поэтому Будду Медицины называют еще Буддой Исцеления. Буддисты Тибета уверены, что если с верой прикоснуться к изображению Бхайшаджьягуру, то можно исцелиться от любой болезни. Это также подчеркивает действенность практик (садхан), связанных с Бхайшаджьягуру.

Практика Будды Медицины, как считают буддисты, обладает невероятной силой. Даже просто повторение имени этого Будды может защитить от многих болезней и неблагоприятных последующих перерождений. Если же ежедневно начитывать мантру Бхайшаджьягуру, то можно не только заранее оградить себя от множества заболеваний, но и очистить отрицательную карму и усмирить вредоносных духов, причиняющих страдания. Молитвы к Будде Медицины действенны и для благополучного решения мирских дел. Мантра Бхайшаджьягуру (Отошо): Тадьята Ом Бекхандзе Бекхандзе Маха Бекхандзе Рандзе Самуд Гате Соуха.

С момента строительства в 1831 г. Отошо-сумэ медицина являлась важной сферой деятельности Чесанского дацана. С этого времени начинается изучение восточной медицины. Скорее всего, были приглашены высокие специалисты в этой области из Монголии для обучения и передачи практик медицинских хуралов. Изучалась восточная медицина во многих хоринских дацанах. Особенно пользовались авторитетом и уважением крупная медицинская школа Ацагатского дацана, ламы-лекари Агинского, Эгитуйского дацанов. По исследованиям Ка-

стрена, «у агинских лам было 60 лам лекарей. Изучение тибетской медицины шло по традиции мамба монастыря Лавран, продолжалось четыре года, в течение которых изучался трактат “Джуд-ши”. По окончании обучения выпускники получали звание манранбы. Врачебную мудрость ламы черпают из тибетских источников... Наиболее известные из этих врачей имеют небольшие клиники, в которых преподают медицину своим ученикам» [Гирченко В. П., 1939, с. 75].

Эмчи-ламы также изучали европейскую медицину. Они составляли подробные описания лекарственных растений. Им были хорошо известны терапевтические и хирургические способы лечения. Знания передавались по традиции от учителя к ученикам. Вполне вероятно, что эмчи-ламы Чесанского дацана делали списки и вели истории болезней, они занимали высокое иерархическое положение в дацане, сами собирали большинство материалов для изготовления лекарств. В сумэ проводились службы, посвященные Отошо-бурхану — Будде Манлы и его воплощениям, покровителям медицины. Также ритуалы и медицинские хуралы, в основном рассчитанные на удовлетворение массовых религиозных потребностей верующих в их молитвах о скорейшем выздоровлении при различных недугах, об искоренении болезни, долголетию, здоровье, благополучии в земной жизни и др. Большой хурал в честь Отошо (Манлы) проводили несколько раз в год. В ведомости дацана 1878 г. есть записи о размещении здесь мандалы с изображением пяти перерождений Манлы, 16 бодхисаттв-последователей, 12 ночжин и 10 чойжонов — воплощений Махакалы — гения-хранителя Манлы.

Во время Отошо-хурала читаются молитвы во благо всех живых существ, за долгую жизнь, исцеление и выздоровление. Этот день считается благоприятным для всех благих деяний, так как плоды от совершенных деяний увеличиваются в сотни раз.

Также во время хурала проводится ритуал по ушедшим из жизни. Он совершается для того, чтобы умерший быстро и беспрепятственно обрел новое рождение в счастливой участи — мирах людей или богов. Считается, что после смерти каждое существо попадает в промежуточный мир «бардо». Если при жизни оно накопило недобродетели, то в состоянии бардо испытывает нестерпимую боль и ужас от устрашающих кармических видений. Обряд во время хурала Отошо состоит из нескольких частей, во время которых последовательно проводятся очистительные ритуалы, декламируются тексты-разъяснения, для того чтобы странник в бардо осознал свою смерть, устранил смятение и беспрепятственно обрел новое благоприятное рождение.

Сумэ Табан Хаан

Сумэ Табан Хаан было построено в 1828–1831 гг. и посвящено пяти личным гениям, или защитникам Учения Будды Шакьямуни. Здесь звучали речитативы и мелодии садданы Табан Хаана (тиб. Куна), проводился обряд «Куны ганшаг Доржо даянг» (практики раскаяния и устремленности перед хранителем Табан Хаана под названием Доржо даянг).

В сумэ Табан Хаан проводили (по лунному календарю — во 2-й день первого весеннего месяца, в особый день мирских сахюусанов) ритуал умиловивления Махапанчараджей (Великих пять царей). Хурал посвящен Махапанчараджам — мирским защитникам (гениям-хранителям) буддизма. Мирской защитник — это

защитник буддийского учения, не вышедший из сансары, но имеющий божественную силу в нашем мире. По преданию, они были могущественными духами тибетской религии бон. По легенде, укрощены Падмасамбхавой и превращены в хранителей монастыря Самье. Считался мифологическим предком тибетских царей, а также небесным божеством. Учитель Падмасамбхава обратил Махапанчараджей в защитников Учения Будды, и они поклялись помогать его распространению, защищать живых существ и помогать им. Покровительствуют тем, кто занимается скотоводством, строительством. Так как культ Махапанчараджей (Великих пять царей) специфичен, по структуре данный хурал несколько отличается от других хуралов, посвященных сахюусанам, порядок поклонений, жертвоприношений и ритуалов имеет свои неповторимые особенности. На хурале совершаются ритуалы «сэржэм» и «далга».

Кроме этого, Табан Хаан (санскр. Махапанчараджа; монг. Таван Хаан) известен как антишаманистское божество. Пехар (бур. Бехар) Белый Брахма, или Бог белого (облачного) неба, — это древнее тибетское божество и ламаистский дхармапала. Вселяется в оракулов и наделяет их духом пророчества. Сопоставляется с иранским богом Митрой. Изображался в разных версиях, иногда трехголовым белотелым всадником в широкополой шляпе на белом льве с зеленой гривой, или просто белым всадником, или птицеголовым существом.

Аюши-сумэ

Аюши-сумэ было построено в период 1828–1831 гг. Аюша Бурхан (санскр. Будда Амитаюс, «беспредельная жизнь»; монг. Аюуш) — божество долгой жизни, особая форма Будды Амитабхи. Амитаюс выступает в качестве сердечного сына Амитабхи и является главой семейства Падма (Лotosовое семейство). Ранние упоминания об Амитаюсе содержатся в «Сукхавати» (I век н. э.). В качестве одного из эпитетов Будда Амитабха здесь называется Амитаюсом, т. е. обладающим «неизмеримой жизнью». В биографии Нагарджуны упоминается, что в детские годы он преодолел критический срок в своей жизни, начитывая мантры Амитаюса (ему предсказывали раннюю смерть). В жизнеописании Мандаравы, духовной ученицы Гуру Ринпоче, есть история о совместной практике Падмасамбхавы и Мандаравы для достижения уровня видьядхары вечной жизни: «Падмасамбхава взял Мандараву с собой в пещеру Маратика, которая находится к югу от горы Потала, в чистой обители Авалокитешвары. Там Гуру и его супруга развернули мандалу Амитаюса и приступили к практике видьядхары бессмертия. Через три месяца практики к ним явился Амитаюс и коснулся сосудом с эликсиром бессмертия голов Падмасамбхавы и Мандаравы, а затем влил им в рот по несколько капель из этого сосуда. Падмасамбхаве он придал облик Хаягривы, а Мандараве — Ваджраварахи, и они обрели сиддхи видьядхары вечной жизни, так что стали не подвержены старению и смерти».

Почитание Будды Амитаюса дарует долгую жизнь, устраняет препятствия, способные укоротить жизнь. Основная цель практик Будды Амитаюса — обретение состояния за пределами рождения и смерти.

Будда Амитаюс изображается сидящим в позе лотоса с телом рубиново-красного цвета, в руках, сложенных в дхьяна-мудре, сосуд с амритой (*санскр.* amṛta — нектар бессмертия). Амитаюс носит украшение бодхисаттвы Самбхога-

каи. Чаще его изображают красного цвета, но есть также танки с белым Амитаюсом. В одиночной форме Амитаюс сидит в медитативной позе и держит в руках, сложенных в дхьяна-мудре, сосуд с амритой. В форме яб-юм у него в руках драгоценный сосуд с амритой и стрела с пятью разноцветными лентами (*тиб. mda'dar/дадар*), символ контроля над жизненными элементами.

На хурале «Цэдо», посвященном Будде Амитаюсу, читают «Сутры долголетия». Тем самым молят об укреплении жизненных сил, здоровья, удлинении жизни, защите от воздействия злых сил. Для укрепления жизненных сил следует делать подношения Будде, возжигать зула (светильники). К Будде Амитаюсу обращаются в молитвах о долгой и счастливой жизни, о здоровье и богатстве.

В Аюши-сумэ проводились «богослужения... читались молитвы о долгой и спокойной жизни сейчас и в будущих перерождениях». Сумэ в честь Будды, охраняющего жизнь и дарующего долголетие, были очень популярными в большинстве бурятских дацанов, имевших его в своей структуре (Аларский, Худжертайский, Токчинский, Цолгинский, Эгитуйский, Хохюртаевский, Чесанский, Агинский, Тугнугалтайский, Анинский, Янгажинский, Иройский, Аракиретуевский, Бултумурский, Учетуйский, Гэгэтуевский, Ацайский, Джидинский) [Ламаизм в Бурятии... С. 214].

Описывая Аюши-сумэ Хохюртайского дацана, А. М. Позднеев писал: «Аюшин сумэ имеет в своей главной божнице только один кумир 1000-рукого Арья-Баала, величиною в 3 локтя, а по бокам этой божницы располагаются по 2 шкафа, в которых расставлены с правой стороны — непосредственно прилегающие к божеству 16 Найдан, а с левой — кумиры 21 Дара-эхэ; а далее 1000 кумиров Цзонхавы, по 500 с каждой стороны, совершенно по образцу того, как это сделано в аракиретуевском дацане, откуда эти кумиры и приобретены» [ИВР РАН. ф. 44, оп. 1, д. 132, л. 170–171].

Также проводились ритуалы и читались хуралы, которые можно определить как в большей степени открытую для мирян храмовую обрядность, в основном рассчитанную на удовлетворение массовых религиозных потребностей верующих в их молитвах о долголетию, благополучии в земной жизни, в обеспечении материальных и хозяйственных интересов и др.

«Впервые школа Дуйнхор (Калачакра) в Забайкалье была основана в 1878 г. при Анинском дацане, затем подобные школы развились в ряде хоринских и селенгинских дацанов» [Жамсуева Д. С., 2016, с. 51]. Поэтому в других дацанах сумэ Аюши с началом изучения Калачакры были трансформированы в Дуйнхордуганы (сумэ).

Барай-сумэ (печатня, типография)

Барай-сумэ (печатня, типография) была построена, по нашему предположению, во второй половине 1870-х гг. Бар — деревянные матрицы для печатания книг. Как правило, здание Барай-сумэ в целях пожарной безопасности обивали железом, строили в стороне от дацана. Барай-сумэ являлось очагом издательского дела. Внутри печатни находились шкафы для хранения матриц, которые были расставлены согласно каталогу (гарчагу). О начале книгопечатания в Чесанском дацане нет достоверных сведений. К сожалению, в настоящее время нами не обнаружен каталог (гарчаг) изданий типографии Чесанского дацана. У Гыван-ламы, соржо-ламы дацана Хамбын-сумэ на Верхней Березовке г. Улан-Удэ, от

отца шэрэтэ Чесанского дацана Цыдендамба-ламы, хранится книга «Отошин бар», напечатанная в Чесанском дацане.

В печатнях дацанов хранились клише буддийских сутр, сочинений индийских мудрецов, философских сочинений тибетских лам, сочинений монгольских лам по философии, буддийские наставления (зарлиг) и другие книги. Были клише разного формата — совсем короткие и более длинные, длинного размера и короткого формата, малого размера и короткого формата.

Развитие философской, тантрийской, медицинских школ при дацанах, внедрение буддийских религиозных обычаев в быт населения обусловили необходимость снабжения духовенства и верующих предметами культа — богословской литературой, скульптурными и живописными изображениями божеств. Эти потребности не могли быть полностью удовлетворены ввозом дорогостоящей литературы и ритуальных предметов.

«Хоринские дацаны (Кижингинский, Чесанский, Эгитуйский, Анинский, Ацагатский) в общей сложности имели один комплект матриц для издания литературы по школе цаннит и манба» [Ламаизм в Бурятии... С. 78]. «Агинский дацан издавал все основные и толковательные учебники для дацанских школ цаннит, манба, чжуд и дуйнхор...» [Дневник вольнослушателя... С. 205].

«Более подробные сведения о количестве и наименовании книг, издаваемых при печатне Ацагатского дацана, дает каталог оттисков типографических деревянных дощечек с вырезанными на них текстами священных книг на тибетском и монгольском языках и разных изображений, находящихся в дацанах Забайкальской области, составленный в канцелярии хамбо-ламы в 1911 г. Этот каталог был доставлен в тюках в Петербург для цензуры А. М. Позднеевым. Общее число присланных со всех дацанов печатных произведений достигло 1696 томов книжек и брошюр» [РГИА, ф. 821, оп. 150, д. 429, л. 3; Митыпова Г. С., с. 16]. «В списке тибетских и монгольских ксилографов Чесанского дацана, имеющемся в каталоге, подготовленном в 1911 г. канцелярией хамбо-ламы бурятских монастырей Восточной Сибири Д.-Д. Итигэлова, содержится всего 17 наименований монгольских ксилографов и 189 названий тибетских, то есть в указанном дацане было издано в 11 раз больше тибетских ксилографов».

«В пояснительной записке этого каталога дан отзыв о содержании и достоинстве библиотек дацанов. Названы наиболее распространенные молитвы: “Санчжот монлам” на тибетском языке и “Сундуй монлам” сочинение, известное под тибетским заглавием “Панба тарба чэнбо”, а на монгольском — “Хутухту йэхэхэ тонилгачи”, по которой изучаются мистические доктрины ламаизма. Далее в отзыве указываются сочинения, употребляемые как для чтения на дому, так и в качестве молитвенных богослужебных чтений в кумирнях. В библиотеках имеются книги, предназначенные для ознакомления мирян с верованиями буддистов. Таковы, например, “Сукавадийнь орон у цзон аль”, или “Об устройстве рая”. Наряду с указанными сочинениями отмечены часто встречающиеся руководства в религиозно-нравственном и религиозно-обрядовом отношении — “Маани уншаху йосонь”, т. е. правила, по которым надлежит читать молитвы» [РГИА, ф. 821, оп. 150, д. 429, л. 1–3; Митыпова Г. С., с. 16].

В библиотеках дацанов часто встречаются издания, как указано в пояснительной записке, предназначенные специально для лиц духовного звания: «Блунг-ги-

чир-чжой» — уставные правила для гелунов и «Гэцул-чжи — чир-чжой» — правила для гэцулов [РГИА, ф. 821, оп. 150, д. 429, л. 1–3; Митьпова Г. С., с. 16].

В типографии Кижингинского дацана общее число сочинений на тибетском и монгольском языках составляло 1368 «баров» (вырезанных ксилографических дощечек) [ИВР РАН, ф. 44, оп. 1, д. 133, л. 98].

В коллективной монографии «Буддийское книгопечатание Бурятии XIX — нач. XX в.» отмечено, что «в результате исследовательского поиска было обнаружено 201 сочинение, отпечатанное традиционным ксилографическим способом в бурятских монастырях и посвященное различным аспектам буддийской логики. Но так как среди них присутствуют многочисленные дубликаты, отдельными логическими сочинениями могут считаться лишь 78. Необходимо добавить, что внутри традиционных библиографических справочников — гарчаков — было выделено 71 наименование логических текстов» [Сыртыпова С. Д., с. 89–90].

Выделенные сочинения принадлежали среди других дацанов и Чесанскому дацану. «Были найдены следующие логические тексты Чисанского дацана (тиб. dGa 'ldan cho s 'phel gling):

1. Bi o rigs ky'i sdo m tshig blang dor gsal ba'i me long zhe s bya ba bzhug s s o — Ясное зеркало принятого и отброшенного итогового заключения (относительно) Учения о сознании — II; III (ИМБиТ СО РАН — ТТ-12953). Особый отличительный признак — это количество листов. Их в отличие от Кударинского и Агинского издания (7 листов) было 9 (См.: Каталог печатных досок. 1963. Р. 98, № 797).

2. bsDu s chen gyi nam bzha g rigs lam gse r gyi sg o 'byed lung dang rigs pa'i gan mdzo d bo gsal yid ky'i mun sel skal ldan dad pa'i 'jug ngog s zhe s bya ba bzhug s s o — Благословенный брод, который просветляет тьму ума, — хранилища рассуждения и текста, объявляющие золотой путь анализа великого собрания — I; III (ИМБиТ СО РАН — ТТ-11351).

3. Kun mkhye n 'jam dbyang s bzhad pas mdzad pa'i thai 'gyur che ba'i nam bzha g mdo r bsdu s bzhug s so — Сочиненный Джамьян Шадпой, сборник кратких толкований на большое выведение — II; III (ИМБиТ СО РАН — ТТ-13039).

4. Текст Tshad ma ma m 'grel gyi dgong s don bsdu s grwa rig pa'i s g o byed rgyu 'bras на 110 листах, указанный в Своде Хамбо-ламы (См.: Свод Хамбо-ламы, Р. 98. № 770), нами не был найден» [Сыртыпова С. Д., с. 97].

Издательская деятельность дацана была прекращена приказом Забайкальского генерал-губернатора в 1884 г. в Селенгинском, Баргузинском и в четырех хоринских дацанах. Несмотря на запрет, хамбо-лама Гомбоев в своем распоряжении шэрэтэ настаивал, чтобы типографические дощечки «бар» сохранить, а в домах прихожан печатание книг запретить [ГАРБ, ф. 425, оп. 1, д. 94, л. (без номера)].

Е. Д. Огнева в статье «Памятники тибетской письменности на Украине» пишет, что в настоящее время в г. Киеве в запасниках Национального музея искусств имени Богдана и Варвары Ханенко среди памятников тибетской письменности хранятся рукописи, ксилографы и рабсалы, изданные в том числе в Чесанском дацане. «В мае 1998 г. вместе с новой коллекцией декоративно-прикладных предметов музей вновь приобрел письменные источники, которые вместе с изобразительным и этнографическим материалом представляют духовное наследие бурят, чьи земли оказались в зоне влияния тибетской цивилизации. Поступило

более 120 памятников тибетской письменности. В собрании оказались рукописи (30 ед. хр.) и ксилографы, написанные или изданные в печатнях при дацанах Бурятии. Все книги малого формата (меньше 45 см), единственный текст большого формата — пекинское издание XVII–XVIII в. (более 65 см). Нижний порог коллекции — XVII–XVIII в., верхний — 20-е гг. XX в., пока еще действовали печатни Агинского, Ацагатского, Цугольского, Цонгольского, Чесанского и других монастырей. В составе коллекции находится также один бар (от тиб. *paг* или *shing-par*) — деревянная матрица-шаблон для издания ксилографических текстов.

Большая часть ксилографов повреждена и требует реставрации. Преимущественно, как и в любой книге, вне зависимости от традиции ее существования, утрачены первые и последние листы. В некоторых случаях сложно установить, отдельная ли это тематическая подборка текстов или это подбор текстов, составленный предыдущим владельцем в Бурятии, до того как собрание оказалось в Киеве. Дополнительно в россыпи листов удалось определить отдельные произведения, часть россыпи осталась неотожествленной. Согласно колофонам, некоторые ксилографы изданы в Агинском, Цонгольском, Цугольском, возможно, Чесанском и Кундунском дацанах. К сожалению, в исследованиях по буддизму в Бурятии практически не приводятся названия дацанов на тибетском языке. В колофонах двух сочинений указаны даты: «Хрустальное зеркало» (I/4) — медицинский трактат Лобсан-балчжора, написанный или изданный в Агинском дацане в 1908 г., и текст в традиции ламрим, созданный в 1881 г. Агван-Ешей-Санпо (VII/9). Репертуар книг из собрания представляет канонические тексты, произведения тибетских учителей, монгольских и бурятских авторов, писавших на тибетском языке, а также безымянные сочинения» [Огнева Е. Д., с. 212–216].

В 1880 г. Чесанский дацан наряду с другими дацанами официально имел свою печатню и занимался издательской деятельностью, издавал достаточно обширную литературу на тибетском и монгольском языках. В 1887 г. в дацанах Бурятии действовало уже 29 типографий, которые до их разрушения в 1930-е гг. успели издать около 2000 названий книг на тибетском и монгольском языках. По нашему предположению, являясь достаточно крупным дацаном с большим количеством лам и хувараков, в начале XX в. Чесанский дацан издавал практически всю необходимую для изучения и обучения каноническую учебную литературу по богословским дисциплинам (философии, логике, астрономии, астрологии, тантризму, винае, медицине и т. д.), а также обрядовую литературу, используемую во время проведения хуралов и разных ритуалов. Помимо религиозно-богословских произведений, дацаны, которые имели типографии, издавали еще и ксилографические оттиски изображений бурханов, хии-морин, которые использовали верующие при исполнении ежегодных традиционных обрядов.

Таким образом, до революции практически все дуганы и сумэ дацана были действующими и в них проводились службы и хуралы. Чесанский дацан представлял собой традиционный тип бурятского буддийского храма — трехэтажный на каменном фундаменте главный храм — Цогчен-дуган, другие дуганы и сумэ вокруг главного храма, система декоративного убранства. По своему замыслу при строительстве (1831 г.) расположение всех сумэ и дуганов в более поздний период, их пропорциональное соотношение, общий силуэт изогнутых крыш и другие буддийские символы во внешнем облике составляли ансамблевое един-

ство. Весь комплекс дацана со своим местоположением органично сочетался с окружающим природным ландшафтом. Полагаем, что внутреннее убранство дуганов и сумэ не отличалось от убранства хоринских дацанов. Были характерны присущие тому времени элементы декоративно-прикладного искусства, скульптуры, живописи. Хотя система декоративного убранства, цветовая гамма и оформление алтарной части имели некоторые особенности в каждом дацане. На наш взгляд, это имеет важное значение при восстановлении прежнего облика дореволюционного дацана — в строящемся новом Цогчен-дугане. Как известно, в мотивы бурятского храмового декора были заложены сакральные значения религиозно-философских понятий буддизма, которые требовали расшифровки. В истоках символического языка просматриваются геометрические фигуры диаграммы Вселенной — мандалы, горизонтальной проекции Вселенной и горы Сумэру, ее центра — вертикальной оси Вселенной, которые являлись идейной основой планировки и объемно-пространственной композиции бурятских дацанов, основополагающего понятия буддийского мировоззрения.

2.3. Шэрэтэ Чесанского дацана

Шэрэтэ-лама, или ширетуй, ширету — должность, которую занимает «кафедральный» или «престольный» лама, председательствующий во время буддийских ритуалов и служб — хуралов. В Бурятии шэрэтэ-лама несет также административные обязанности в монастыре, являясь настоятелем дацана. Это единственная должность, официально сохраненная для бурятских дацанов положением о ламайском духовенстве 1853 г. Мы считаем, что ныне действующий шэрэтэ-лама Жаргал Баиров является XIV шэрэтэ Чесанского дацана «Гандан Чоймпэллинг» начиная с 1828 г.

В книге Ц.-Д. Цыренжапова «Чесанский дацан» есть краткая таблица «Шэрэтэ Чесанского дацана», где перечислены имена 13 шэрэтэ — от первого Соктын Лубсан-Гунги (Гунги Сундуева) до нынешнего Баирова Жаргал-ламы. Это была первая попытка составить перечень шэрэтэ дацана. С учетом различных источников, в том числе архивных, нами сделана попытка составить последовательный список имен шэрэтэ Чесанского дацана в хронологическом порядке, более развернутый, с краткими биографиями.

Как уже было указано, по сведениям Г.-Д. Нацова, первая кошмовая (войлочная) молельная юрта третьим среди хоринских дацанов была построена в Чесане в 1773 г. (первый — Кудунский (Кижингинский) — в 1756 г., второй — Тугну-Галтайский юрточный дацан — в 1757 г.).

По отрывочным сведениям, с 1773 до 1805 г. шэрэтэ Чесанской молельной юрты был Сондолун-лама из Кудунского дацана. После смерти Сондолун-ламы до 1810 г. шэрэтэ был Чоймпил Тубусэйн (Чоймпил Тубусуев, Шоймпил Тубушиев). В возрасте 86 лет по состоянию здоровья он освободил должность шэрэтэ. Об этом написано в биографии шэрэтэ Гунги Сундуева. Скорее всего это связано с тем, что до строительства деревянного дацана Чесанская молельная юрта входила в состав прихода Кудунского дацана. По всей видимости, как выходец из Чесанской долины Гунга Сундуев справлял духовные и лечебные потребности мирян Чесанской долины и общался с местной знатью. Предполагаем, что впоследствии главы родов предложили построить свой деревянный дацан и пригласить

сили его возглавить строительство нового дацана в Чесанской долине. Сведений о том, кто был последующим шэрэтэ молельной юрты до начала строительства в 1823 г. нового дацана, не обнаружено. Можно сказать, что с 1823 г. строительством нового дацана фактически занимался лама Лубсангунга Сундуев.

Начиная с открытия нового деревянного Чесанского дацана в 1828 г. шэрэтэ дацана в разные годы официально были назначены:

1. Лама Лубсангунга Сундуев (Зундуев, Гунга Сундуйин, Согтын Гунга, Хухэ Сундоин) в период 1828–1861 гг.

Даты жизни — 1795–1860 гг. (по другим сведениям — 1796–1861 гг.), родился в местности Заха Чесанской долины (по другим сведениям, из местности Улзыто), сын ясачного, из рода Худай. В 1804–1805 гг. принял обеты убаши, хуварака от шэрэтэ Кудунского (Кижингинского) дацана Чоймпилы Тубусэйна, в 1810 г. — обет гецула и в 1829 г. — обет гелуна принял от шэрэтэ Кудунского дацана Нуранай Дабы. С 1814 г. исполнял обязанности унзад-ламы, с 1824 г. — гэбгы-ламы, с 1828 г. — даа-ламы Кудунского дацана. На совместном собрании духовных и светских лиц был избран и официально по приказу генерал-губернатора с 1832 г. утвержден шэрэтэ Чесанского дацана.

По другим сведениям, на совместном собрании духовных лиц Чесанского дацана и светских лиц Чесанского прихода был избран шэрэтэ Чесанского дацана и 30 апреля 1833(1829) г. распоряжением № 98 Пандидо хамбо-ламы Гывана Ешижамсуева был назначен на эту должность.

По книге Ш. Б. Чимитдоржиева, Ц. П. Ванчиковой «Бурядаи туухэ бэшэ-гууд» (Улан-Удэ, 1992) — Согтын Гунга. В Указе Иркутского гражданского губернатора от 10 декабря 1832 г. утвержден как «Гунга Сактоев унзад-лама Кудунского дацана». Хамбо-ламой в этот период был Гыван Ешижамсуев (1809–1839 гг.).

По другим источникам, «в 1827 г. часть лам Кудунского дацана под руководством гэбгы-ламы Лубсангунга Зундуева и шанзодба-ламы Кудунского дацана Лубсанлһундуба Дандарова решили построить дацан на берегу реки Улзытэ притока реки Чесан (впоследствии Чесанский дацан “Гандан Чоймпэллинг”)».

Мы считаем, что речь идет об одном и том же человеке. Возможно, в разных источниках приводятся фамилия и имя в миру, а в других случаях духовное имя.

Является основателем и настоятелем первого деревянного дацана, Цогчен-дугана в 1828 г. Под его руководством к 1831 г. были построены девять сумэ: Табан Хаан, Хурдын, Отошо, Майдари, Очирвани, Гунриг, Арьяа-Баала, Дымчог, Аюши. Был известным лекарем, астрологом, хорошо владел тибетским и монгольским языками. В народе его называли Хухэ Сундоин (Сухэ Сундуйн, Сундын ламхай). Был первым официально утвержденным шэрэтэ в соответствии с Указом Иркутского гражданского губернатора от 10 декабря 1832 г., как было указано выше.

2. Лама Жамса Шобогоров (Жамца Шабагуров) в период 1861–1866 гг.

Даты жизни — 1815–1866 гг., из ясачных, поступил в хуваракы 16 октября 1830 г., принял обет гецула 17 декабря 1831 г., принял обет гелуна 28 февраля 1840 г., переведен в штат и в 1857 г. утвержден военным губернатором Забайкальской области. На совместном собрании духовных и светских лиц Чесанского дацана избран шэрэтэ дацана, утвержден 28 февраля 1861 г. генерал-

губернатором Восточной Сибири. Хамбо-ламой в этот период был Галсан-Чойроп Ванчиков (1860–1872 гг.).

3. Лама Вампил Адушеев (Адучиев), в 1866–1882 гг.

Родился в 1816 г. в местности Эхин Чесаана Чесанской долины. «Из ясачных, поступил в хуваки 15 февраля 1833 г., принял обеты гецула 20 октября 1835 г., гелуна 15 января 1844 г., утвержден в штат-ламу Военным губернатором Забайкальской области от 28 февраля 1857 г. На совместном собрании духовных и светских лиц избран шэрэтэ дацана с 22 февраля 1866 г. Был награжден бронзовой медалью и дипломом Императорской этнографической выставки в 1867 г.» [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 330, л. 31 об.]. Хамбо-ламой в этот период был Галсан-Чойроп Ванчиков (1860–1872 гг.).

Его в народе называли Адушин-ламхай. При нем в 1874–1875 гг. был построен новый трехэтажный деревянный Цогчен-дуган на каменном фундаменте. Во второй половине 1870-х гг. при нем был построен еще один Барай-сумэ (печатня, типография). Официальное разрешение на производство печатной продукции получено в 1880 г.

4. Лама Цыван (Сынге) Номшиев, с апреля 1882 г. по 17 февраля 1892 г.

Родился в 1833 г. в местности Эхин Чесаана (Урда Гол) в Чесанской долине, из ясачных. «В 1869 г. — хуварак, в 1870 г. — утвержден штат-ламой, принял обет гелуна в 1874 г. На совместном собрании духовных и светских лиц избран шэрэтэ дацана с апреля 1882 г.» [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 355, л. 36]. Его называли в народе Номшин Цыбээн. Хамбо-ламой в этот период был Дампил Гомбоев (1876–1896 гг.).

Поступил хуварак в Чесанский дацан 4 июня 1869 г. Утвержден в банди военным губернатором Забайкальской области 25 августа 1870 г. Утвержден гелун-ламой военным губернатором Забайкальской области 28 февраля 1874 г. Утвержден шэрэтэ дацана 13 апреля 1882 г. По личной просьбе по старости и слабости здоровья был уволен 17 февраля 1892 г.

5. Лама Ринчин-Чойван Эрдынеев (Ирдынеев), с февраля 1892 по 1904 г.

Даты жизни 1842–1904 гг., родом из местности Хульхисон. «Из ясачных, с 31 декабря 1870 г. хуварак, утвержден в звании бандия Военным губернатором Забайкальской области, 16 марта 1873 г. принял обеты гецула, утвержден в звании гелун Его же превосходительством в 28 февраля 1874 г. Штатный лама Анинского дацана. С 1 февраля по 11 октября 1883 г. исполнял обязанности шэрэтэ Анинского дацана в период болезни шэрэтэ Жамбалова. 16 августа 1887 г. переведен штатным гелун-ламой в Чесанский дацан. Выпускник школы Чойра Анинского дацана. Габжа-лама. На совместном собрании духовных и светских лиц избран шэрэтэ дацана, 17 февраля 1892 г. Приамурским генерал-губернатором утвержден шэрэтэ Чесанского дацана» [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 355, л. 36; ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 358, л. 34; из собрания Национального музея Республики Бурятия]. Хамбо-ламой в этот период был Дампил Гомбоев (1876–1896).

«Во время проезда Его Императорского Величества в июне месяце 1891 г. чerez Забайкалье имел честь представиться Его Величеству и пожалована ему Серебряная медаль с надписью “За усердие” на Станиславской ленте для ношения на шее, что объявлено приказом Приамурского генерал-губернатора в 1896 г. 25 октября за № 6201.

На основании Высочайшего повеления 30 января 1897 г. пожалована ему Темнобронзовая медаль с надписью “За труды всеобщей переписи населения” для ношения на груди на ленте Государственного цвета.

В 1897 г. освидетельствован Министром Внутренних Дел от 13 ноября 1897 г., каковая медаль и свидетельство получил при предложении Военного губернатора Забайкальской области в 1898 г. 21 февраля за № 1565. Государь император по всеподнейшему докладу Министра внутренних дел в 10 день апреля 1897 г. Всемилостейше соизволил пожаловать ему Серебряную медаль Высочайше установленной в память Царствования в бозе почивающего Императора Александра III для ношения на груди на Александровской ленте, что объявлено предложением Военного губернатора Забайкальской области 24 июля 1897 г. за № 4730, каковую медаль он и получил при отношении Забайкальского областного управления в 1899 г. 16 января за № 211» [Из собрания Национального музея Республики Бурятия].

В народе его называли Эрдэнин ламхай. После смерти он был признан (хубилганом) воплощением Очирвани-бурхана.

В период 1904–1905 гг. по решению совместного собрания духовных и светских лиц его обязанности временно исполнял Лама Будажаб Борбоцаев (в разных источниках: Борбоозын Будажаб, Борбозуев Будажап, Барбуцаев). 1853 г. р., в 1883 г. — хуварак, в 1885 г. — банди, в 1886 г. принял обет гелуна. Хамбо-ламой в этот период был Чойнзон-Доржо Иролтуев (1896–1911 гг.).

б. Лама Ринчин-Агван Зургадаев в 1905–1911 гг.

По некоторым данным, период жизни 1845–1915 гг. Поступил в хувараки 31 декабря 1904 г., утвержден в банди Военным губернатором Забайкальской области 10 апреля 1905 г., утвержден в гелуны 15 июня 1905 г., на совместном собрании духовных и светских лиц избран шэрэтэ дацана в ноябре 1905 г. Хамбо-ламой в этот период был Чойнзон-Доржо Иролтуев (1896–1911 гг.).

«Лама Зургадайн Агван после смерти был признан (хубилганом) воплощением божества Арья-Баалы, обладал сверхъестественными способностями. Габжалама Ринчин-Агван Зургадаев был уроженцем Дээдэ (Эхин) Чесан. Место его рождения Ундэр Хушуун, расположено недалеко от местности Хуһан Жалга. Его называли Багша (Зургадайн багша) в самом высоком значении слова.

Родители матери отправили его в Чесанский дацан. Получив первоначальную подготовку, он поехал в школу Чойра Цугольского дацана, по окончании учебы защитил звание гэбшэ-ламы. Высокую степень габжа-ламы защитил в Чесанском дацане, пользовался уважением среди лам и верующих. Был учителем многочисленных лам и хуварак, а также мирян, с молодых лет служа примером строгого соблюдения правил поведения гелунов и цаннитских лам» [Балдандоржийн П., 1999]. Ему не было равных в диспутах по буддийской философии.

«В период учебы, будучи хуварак, отличался усердием и прилежностью, вставал раньше всех и готовился к занятиям, старался глубоко проникнуть в смысл буддийской философии, всецело проникался Учением Будды. Получив высокое образование, всецело посвящал себя служению Учению Будды и помогал верующим в познании истины» (пер. — Д. Н.) [Гуруев Д.-Н. М., Ринчинов Ш. Ж., Бадмаринчинов Н., 2008]. В архиве сохранилось «Распоряжение Военного губернатора от 5 августа 1911 г. об увольнении шэрэтэ Чесанского дацана Ринчин Агван Зургадаева от занимаемой должности» [ГАРБ, ф. 84, оп. 1, д. 403, л. 35].

По прошению шэрэтэ Чесанского дацана Ринчин-Агвана Зургадаева об увольнении по болезни от 19 июля 1911 г. распоряжением военного губернатора г. Читы 5 августа 1911 г. его просьба была удовлетворена. До назначения нового шэрэтэ с 1911 по 1912 г. по решению совместного собрания духовных и светских лиц временно исполнял обязанности шэрэтэ Чесанского дацана «гелун-лама Абида Ширап Намсараев. Штат-лама Чесанского дацана, из ясачных, поступил в хувараки 16 января 1879 г., утвержден в звании бандия Военным губернатором Забайкальской области 23 февраля 1885 г., утвержден в звании гелуна Его же Превосходительством 14 июля 1888 г.» [Из собрания Национального музея Республики Бурятия]. Хамбо-ламами в этот период были Чойнзон-Доржо Иролтуев (1896–1911), Даши-Доржо Итигэлов (1911–1917).

7. Лама Будажаб Борбоцаев (в разных источниках: Борбоозын Будажаб, Борбоуев Будажап, Барбуцаев) в 1912–1917 гг.

1853 г. р., из ясачных, «поступил в хувараки в 1883 г. 23 декабря, утвержден в звании бандия Военным губернатором Забайкальской области в 1885 г. 23 февраля, утвержден в звании гелуна Его же Превосходительством в 1886 г. 29 ноября» [Собрание Национального музея Республики Бурятия]. По решению совместного собрания духовных и светских лиц исполнял обязанности шэрэтэ в 1904–1905 гг. На совместном собрании духовных и светских лиц избран шэрэтэ дацана на 1912–1917 гг. Награжден императорским крестом «За труды во время Русско-японской войны» 7 октября 1907 г. Хамбо-ламой в этот период был Даши-Доржо Итигэлов (1911–1917).

8. Лама Рабжа Добчин Павлов (Жамьянов Рабжа Цыдыпович) в 1917–1919 гг.

Рабжа-лама Добчин Павлов — Рабжа Цыдыпович Жамьянов (1868–1937). С 24 июня 1899 г. — хуварак в Тамчинском дацане, 30 сентября в 1905 г. — утвержден в банди, 4 декабря в 1908 г. — принял обеты гелуна и утвержден Военным губернатором Забайкальской области. По решению совместного собрания духовных и светских лиц избран шэрэтэ дацана после Будажапа Борбоуева. Хамбо-ламами в этот период были Даши-Доржо Итигэлов (1911–1917), Намжил Лайдапов (1917–1919).

«Сведения из материалов уголовного дела № 2978: Павлов Рабжа (он же Добчин), 1868 г. р., урож. БМАССР, Хилого-Хатхатайский, Могзонский сомон, населенный пункт Орто. Холост, лама-габжа Чесанского дацана, проживал: Чесанский дацан. Арестован 25.01.1933. Дело рассмотрено Главсудом БМАССР 10.11.1933, по ст. 58–10, 58–11. Решение по делу: штраф 1000 рублей. Реабилитирован Прокуратурой РБ 22.07.1993» [Книга памяти... С. 84]. В ходе раскола среди лам Рабжа-лама перешел к «обновленцам», во главе которых стоял Агван Доржиев.

По информации семьи Цыбикдоржиевых, родственников по линии Подой, а также дочери Галсамы — бабушки Цыбикдоржиевых (дополнения внесены автором): «Жамьянов Рабжа из рода Харгана родился в 1868 г. в местности села Укур-рик Могзонского сомона Читинской области (при рождении, возможно, дали имя Павел), отца его звали Цыдып. Дожив до пятидесяти лет вместе с первой женой, Цыдып накопил достаточно большое хозяйство, к сожалению, детей своих они так и не завели, поэтому решили взять вторую молодую жену, которая родила двоих сыновей: Павла и Буду. Через некоторое время первая жена Цыдыпа пода-

рила ему долгожданного сына, которого назвали Подой. Ребенок на удивление был крепкого здоровья. Говорили, что когда он вырос, то ходил на охоту босиком даже зимой, настолько ему было жарко, снимал шапку, а от головы шел пар. Буда же стал кузнецом и серебряных дел мастером.

Павел был самостоятельным и ответственным ребенком, всегда помогал родителям по хозяйству. В возрасте 25 лет решил стать ламой и осенью уехал в Монголию на обучение, где ему дали новое имя Жамьянов Рабжа. В течение всего обучения он возвращался на родину во время сенокоса, чтобы помочь родителям, а потом уезжал обратно в Монголию, чтобы продолжить обучение. Он был настолько увлечен своей учебой, что даже во время покоса, когда выдавалась свободная минутка, читал книги по буддизму, которые привозил с собой. По прошествии трех лет его наставник, выдав ему книги и необходимые атрибуты и вещи, сказал, что он стал ламой и может самостоятельно продолжить свое дальнейшее обучение. Вернувшись на родину, Рабжа-лама начинает свою практику, помогает людям, проводит ритуалы и молебны. Он пользовался большим уважением, люди всегда звали его Рабжа-багшой. В то время шло строительство Восточно-Сибирской железной дороги, и оно приближалось к поселению. Тогда жители пришли с хадаком к Рабжа-багше просить, чтобы железная дорога прошла мимо селения. Он долго и много читал молитвы. В то лето было сильное наводнение и железную дорогу провели вдоль линии гор села Укурик, мимо самого села.

В списках Чесанского дацана значится, что Рабжа-багша имел ученую степень «габжа» и был шэрэтэ Чесанского дацана в период с 1917–1919 гг. У Рабжа-багши были ученики и последователи, среди них Галсан Жамбалов гэбшэ-лама, Ринчинима Очиров, который тоже получил звание габжа. У Ринчинимы Очирова была семья: жена Дулман Жигмитова и дочь Галсама, к которой Рабжа-багша был очень привязан. Он очень любил детей, но всегда выделял и баловал маленькую Галсаму. Во время репрессий Рабжа-багша потерял связь с Ринчинималамой — его вместе с семьей арестовали и отправили в Иркутскую область.

Галсан Жамбалов был гэбшэ-ламой Чесанского дацана, помогал по хозяйству и ухаживал за пожилым Рабжа-багшой. Во время репрессий они оба были арестованы и отправлены в тюрьму. В 1937 г., когда состояние Рабжа-багши резко ухудшилось, Галсан-ламе каким-то образом удалось договориться, и их вместе выпустили из тюрьмы. Галсан Жамбалов ухаживал за Рабжа-багшой до самого последнего момента. В том же году Рабжа Жамьянов покинул этот мир».

9. Лама Бальжир Ямпиров в 1919–1920 гг.

Даты жизни неизвестны. По решению совместного собрания духовных и светских лиц исполнял обязанности шэрэтэ дацана после перехода Рабжа-ламы Добчина Павлова к «обновленцам» Агвана Доржиева. Имел ученую степень габжаламы, родом из местности Эхин Чесаана, по сведениям Ц. Чимитова — Урда Голлой. Хамбо-ламами в этот период были Намжил Лайдапов (1917–1919), Гуро Цыремпилов (1919–1922).

Ямпиров Бальжир-лама после смерти был признан воплощением (хубилганом) божества Ямантаки. По приглашению шэрэтэ Кижингинского дацана в числе пяти шэрэтэ участвовал в обряде «рамнай» по окончании строительства су-

бургана Джарун Хашор в 1919 г. в с. Кижинге с участием Ганжурва Гэгэна (Данзана Норбоева), прибывшего из Цугольского дацана.

10. Лама Гуробазар Нимаев в 1920–1935 гг.

Даты жизни неизвестны. Уроженец местности Заха или Дундата Чесанской долины. Соржо-лама, имел ученую степень габжа. Духовное имя Агван Лубсан. По решению совместного собрания духовных и светских лиц был избран шэрэтэ дацана. Его называли Нямын Гуробазар соржо-лама. Являлся учителем Няня-ламы унзад-лама Иволгинского дацана (1956–1982) Шойжол Доржиевич Жалсанов (1904–1982). Хамбо-ламами в этот период были Гуро Цыремпилов (1919–1922), Цынгужап Баниев (1922–1925), Данжа Мункожапов (1925–1932) — последний хамбо-лама до восстановления в 1946 г. Иволгинского дацана.

Соржо-лама Гуробазар Нимаев с соржо-ламой Найданом Сандановым были друзьями детства, оба имели ученую степень габжа и были учениками шэрэтэ Чесанского дацана Ринчин-Чойвана Эрдынеева (Эрдыни-лама). Санданов Найдан-лама был шэрэтэ Шулутовского дугана.

11. Лама Тогмит Дагбаев в 1935–1938 гг.

Даты жизни неизвестны. Возможно, по решению совместного собрания духовных и светских лиц был избран шэрэтэ дацана либо назначен исполнять его обязанности решением Духовного комитета Чесанского дацана, действовавшего в тот период. Находился на этой должности до официального закрытия дацана. В народе его называли Дагбын Тугмит-лама. Имел ученую степень габжа, худалша (пульсолог), эмшэ (лекарь). Уроженец местности Хусоотэ (Чесанын Эхин). Считается, что он подписывал совместный с органами власти акт о ликвидации и закрытии Чесанского дацана. В настоящее время его биографические данные не обнаружены.

12. Лама Дашинима Владимирович Содномдоржиев в 1991–1993 гг.

Первый шэрэтэ возрожденного Чесанского дацана. Освящение Сахюусандугана проходило при его непосредственном участии и организации этого мероприятия. Хамбо-ламами в этот период были Мунко Цыбиков (1989–1992), Жамьян Шагдаров (1992–1993).

«Родился 1 января 1967 г. в с. Могсохон Хоринского района БМАССР в семье сельских тружеников. После учебы в средней школе и службы в рядах Советской Армии посвятил себя служению учению Будды. С 1987 по 1991 г. учился в Буддийской духовной академии г. Улан-Батор (Монголия). В 1991–1993 гг. — шэрэтэ Чесанского дацана, 1995–1998 гг. шэрэтэ Иволгинского дацана, 1998–2011 гг. — дид хамбо-лама Буддийской традиционной сангхи России (БТСР). С 2011 г. дид хамбо-лама БТСР по Иркутской области.

В 2005 г. был участником IV Международного буддийского саммита (г. Бангкок, Таиланд), в начале 2008 г. — участником дружественной делегации в Монголии во главе с Президентом РБ Вячеславом Наговицыным» [Буддизм: персоналии... 2011, с. 93]. Возглавлял делегации на международных буддийских форумах, встречах и саммитах в различных странах мира.

Лама Содномдоржиев Дашинима Владимирович в разные годы был председателем ЦДУБ, БТСР, депутатом НХ РБ по межрайонному избирательному округу № 64, членом Комитета НХ РБ по межрегиональным связям, национальным вопросам, молодежной политике, общественным и религиозным объединениям, является членом всероссийской общественно-политической партии «Единая Рос-

сия». Входил в состав оргкомитета Азиатско-буддийской конференции за мир (АБКМ), неоднократно являлся организатором и участником АБКМ в России и за его пределами. В настоящее время является дид хамбо-ламой БТСР по Иркутской области.

13. Лама Цыдендамба Данзанович Базаров, март 1993 — октябрь 2004 г. Хамбо-ламами в этот период были Жамьян Шагдаров (1992–1993), Чой Доржи Будаев (1993–1995), Дамба Аюшеев с 28 апреля 1995 года по настоящее время.

Годы жизни 1949–2004 гг. Родился 27 апреля 1949 г. в местности Губээ села Загустай Кижингинского района в семье Базарова Данзана Абидуевича и Ринчиновой Доржи-Ханды Гомбоевны. Он был третьим ребенком в семье. В 1968 г. окончил Чесанскую среднюю школу (первый выпуск Чесанской СОШ). По окончании школы объявил о решении стать ламой. Несмотря на запреты, заявил в вышестоящие органы о своем желании обучаться в дацане в Монголии и, конечно же, получил отказ. Был большой переполох, в райкоме заговорили о недостатках атеистического воспитания. Директор Чесанской средней школы Цыренжапов Цыден Нимаевич и классный руководитель Екатерина Васильевна Цыбикова получили дисциплинарное взыскание за плохое воспитание школьной молодежи.

В 1968 г. поступил в Бурятский государственный педагогический институт на бурятское отделение факультета филологии. Во время учебы вел активную общественную студенческую деятельность. После двух лет учебы ему пришлось оставить свое обучение и вернуться домой, начать работать, помогать большой семье. Цыден-Дамбу Данзановича пригласили работать в местность Кулькисон села Загустай как молодого специалиста с неоконченным высшим образованием, учителем младших классов. Там он познакомился со своей будущей женой Цыбиковой Буда-Хандой Гомбоевной, фельдшером. У них родилось пятеро сыновей Цыван, Агван, Туван, Гыван, Вандан и дочь Цырен-Дулма. Сын Гыван пошел по стопам отца, с отличием окончил Будийский институт в Монголии, поступил в школу буддийской философии при Гоман-дацане.

С малых лет Цыден-Дамба Данзанович интересовался буддизмом, поэтому в свободное от работы время занимался самостоятельно, изучал старомонгольскую письменность, тибетский язык, философию буддизма. В зимние вечера тайно ходил учиться к гэбшэ-ламе Цыбикову Жамьянширапу Будаевичу (в народе его называли Юра-бабай). Также обращался к Цыжип-бабай. Практически самостоятельно изучив буддийское учение, достиг больших успехов в изучении теории и практики буддийской философии. Пользовался большим уважением и признанием среди лам, хуvaraков и верующих далеко за пределами Кижингинского района.

В 1991 г. был восстановлен Чесанский дацан, в котором Цыден-Дамба Данзанович прослужил всю жизнь. В сорок лет принял обет гэбшэ и духовное имя Лубсан Чойдон.

Цыден-Дамба Данзанович очень многое сделал для строительства и развития дацана. При поддержке верующих под его руководством было построено много субурганов. Ему приходилось решать финансовые, строительные, организационные вопросы. Но особенно остро в те годы стояли проблемы с кадрами — ламами и хуvaraками.

Цыден-Дамба Данзанович был человеком добрым, ответственным, порядочным, от природы талантливым, интеллигентным. Много времени уделял разъяснительной работе. В память о нем, о человеке, сумевшем возродить и восстановить знаменитый храм в самые тяжелые годы для нашей страны, показав всем другим великий пример, руководством Чесанского дацана «Гандан Чоймпэллинг» было принято решение установить на его территории памятную ступу столетия Намжил при поддержке семьи Цыден-Дамбы Базарова и прихожан.

В период 2002–2004 гг. по просьбе Цыден-Дамба-ламы в связи с болезнью и по согласованию с хамбо-ламой Дамбой Аюшеевым обязанности шэрэтэ временно исполнял **Жаргал Содномович Ешижалсанов**. Он родился в 1974 г. в с. Загустай Кижингинского района. Был хувараком Иволгинского дацана, выпускник института «Даши Чойнхорлин» при Иволгинском дацане, в составе 8 хувараков от Бурятии по направлению хамбо-ламы в дальнейшем продолжил обучение в Таиланде (1993–2001). По возвращении служил в дацане на Верхней Березовке в г. Улан-Удэ. В настоящее время служит там же.

14. Лама Жаргал Дашинамжилович Баиров, с сентября 2004 г. по настоящее время. По распоряжению БТСР, Пандидо хамбо-ламы Дамбы Аюшеева был назначен шэрэтэ Чесанского дацана.

Родился в 1985 г. в селе Булак Кижингинского района в семье Баирова Даши-Намжила Чимитдоржиевича и Намнановой Веры Пунсыковны. Родственники Даши-Намжила Чимитдоржиевича по линии матери из с. Могсохон были ламами Чесанского дацана — габжа-лама Дарижапов Содном-Даша, 1897 г. р., габжа-лама Дарижабай Базаржаб, габжа-лама Дарижабай Дамбын Гомбо, габжа-лама Дарижабай Дамбын Цыренжаб. Родственники Веры Пунсыковны по линии матери (у бабушки два родных дяди были жодче-ламами Чесанского дацана).

Окончив Улзытуйскую среднюю школу, в 2000 г. поступил в Буддийский университет «Даши Чойнхорлин» имени Дамба Даржа Заяева при Иволгинском дацане, по окончании которого вернулся в Чесанский дацан. В сентябре 2004 г. был избран на пост шэрэтэ Чесанского дацана, в возрасте 19 лет стал самым молодым настоятелем дацана в Буддийской традиционной сангхе России и за всю историю Чесанского дацана. Вот уже 14 лет добросовестно исполняет обязанности шэрэтэ дацана. Если сравнивать, из всех перечисленных только три шэрэтэ превосходят его по продолжительности нахождения в должности: Лубсангунга Сундуев в течение 33 лет в 1828–1861 гг., Вампил Адушеев в течение 16 лет в период 1866–1882 гг. и Гуробазар Нимаев в течение 15 лет в период 1920–1935 гг.

За прошедшие годы при поддержке верующих и под его руководством построены многие субурганы на территории прихода Чесанского дацана. Жаргал-лама награжден серебряной медалью в память четырехсотлетия дома Романовых (1613–2013) главой Российского императорского дома великой княгиней Марией Владимировной (свидетельство № 4106 от 23 декабря 2013 г.). С 1 июля 2013 г. под руководством Жаргал-ламы началось строительство нового главного храма Чесанского дацана — Цогчен-дугана. Согласно проектно-сметной документации, здание будет трехэтажным, высотой в шестнадцать метров.

В настоящее время по уставу Чесанского дацана хурал дацана на своем собрании избирает шэрэтэ, которого утверждает Пандидо хамбо-лама Буддийской традиционной сангхи России. Шэрэтэ избирается сроком на 5 лет и осуществляет

руководство повседневной жизнедеятельностью дацана. Как и в других дацанах БТССР, шэрэтэ по уставу Чесанского дацана является главой дацана. Шэрэтэ может быть избран священнослужителем, имеющий духовное буддийское образование, отмеченный приверженностью к Учению Будды, пользующийся доброй репутацией и доверием верующих, священнослужителей. Шэрэтэ утверждает штатное расписание дацана, его структурных, хозяйственных и иных подразделений, должностные инструкции и доклады, принимает на работу и увольняет работников в соответствии с действующим законодательством.

На хурале дацана избирается Совет дацана в количестве 5 человек сроком на 5 лет. Шэрэтэ является председателем Совета дацана, который является коллегиальным исполнительным органом дацана. Он подотчетен Сугунды (Буддийский собор БТССР) и Хуралу БТССР, Пандидо хамбо-ламе, Центральному духовному управлению Сангхи России и хуралу дацана.

Шэрэтэ без доверенности действует от имени дацана, представляет его во всех учреждениях, предприятиях и организациях, распоряжается имуществом, денежными и другими средствами дацана, заключает и расторгает от имени дацана договоры, контракты, выдает доверенности, открывает и закрывает расчетные и иные счета в банках. Он является полномочным представителем дацана в органах государственной власти и местного самоуправления, в международных буддийских и иных организациях, учреждениях.

В настоящее время главной обязанностью шэрэтэ является забота и поддержание нравственной дисциплины лам и хуvaraков, организация учебного процесса и воспитание хуvaraков, исполнение духовных потребностей мирян по приглашению вне дацана, проповедование благоразумного образа жизни, нравственное просвещение мирян своего прихода путем публичной проповеди, наставлений и деятельного участия в деле распространения буддийского учения.

2.4. Ламы и хуvaraки Чесанского дацана

До революции буддийские храмы и монастыри как единственные оседлые пункты на бурятском кочевье являлись учреждениями, удовлетворявшими основные духовные, интеллектуальные, социальные, культурные и медицинские потребности населения. Буддийские священнослужители внесли значительный вклад в формирование мировоззрения бурятского народа. Влияние духовенства на жизнь верующих-мирян было очень сильным. Был широко распространен культ учителя (практически у каждой семьи был свой лама), воплощенный в тесной связи верующего с ламой-учителем, который был советником и наставником «на все случаи жизни», фактически сопровождая мирянина от колыбели до могилы. Поэтому ламы имели высочайший авторитет среди бурятского народа. Мирянин без совета и указаний лампы не предпринимал в жизни практически ни одного шага.

В 1917 г. буддизм занимал одно из господствующих мест в духовной жизни народов Забайкалья. Его исповедовало почти все проживающее здесь бурятское население — около 160 тысяч человек. Действовало 44 дацана, 144 малых храма, в которых насчитывалось около 16 тысяч лам и хуvaraков. «Способствовало

поддержанию авторитета буддийской религии то, что до Октябрьской революции в Бурятии и Калмыкии не велась антибуддийская пропаганда (если не считать отдельных попыток властей обратить бурят и калмыков в православие) и отсутствовала антибуддийская литература» [Авксентьев В. В., с. 105; Синицын Ф. Л., с. 31].

Буддизм — религия, проповедующая гуманизм, ненасилие, сострадание к человеку, является составной частью культуры бурят. История бурят теснейшим образом связана с верой, а та, в свою очередь, вбирала и проецировала через себя всю культуру — язык, письменность, архитектуру, искусство. Ламаизм прочно вошел в жизнь бурят. Лама (тиб., досл. «высший») — учитель-наставник в ламаизме (тиб., монг., бур., калм., тув.). Лама — собирательный термин, охватывающий разные категории ламства, от низших его званий, прошедших первые ступени монашеского обучения и посвящения (гецул, гелун) до столь высоких его представителей, как Далай-лама, Панчен-лама, Богдо-гэгэн и др.

«У бурят всегда было особое отношение к священнослужителям — ламам. Они избрали этот путь ради блага всех живых существ. Мы возлагаем на них свои надежды, приносим свои чаяния и горести, доверяем страхи и просим совета, благодарим за помощь и просим помолиться за нас. Без них не обходится ритуал погребения усопших. Каждый новый год начинаем с обрядов, связанных с Сагаалганом. Мы считаем себя вправе рассчитывать на их могущество, по нашему мнению, обязательно проистекающее из той премудрости, что они получают в монастырях. И, по нашему же мнению, они обязаны быть непогрешимыми, мудрыми и жертвенными, аскетичными и миролюбивыми. Так мы привыкли считать», — делится своими мыслями шэрэтэ дацана Жаргал-лама (записано в феврале 2017 г. в Чесанском дацане).

«Для мирянина лама являлся наставником, учителем в жизни. В бурятских селах каждый ребенок при рождении обретал для себя *найжи* — ламу, который благословлял его появление на свет, давал ему имя. В дальнейшей жизни человека он помогал выбрать свою стезю, дорогу, будет ли его подопечный ученым, духовным человеком или должен заниматься мирскими делами, будет ли щедр его рука для хозяйства. При выборе спутника жизни *найжи* неизменно помогал ему советом, определял день бракосочетания, каждый раз с приходом нового года наставник читал молитвы, чтобы в жизни этой семьи царило благополучие и благоденствие. Без священнослужителя не обходился и момент смерти человека, переход его в иной мир. Поэтому лама, наставник сопровождал своим советом человека на протяжении всей его жизни», — говорит в беседе со мной Еши-Доржо-лама (записано в феврале 2017 г. в Чесанском дацане).

«Какой будет душа человека после его смерти, зависит от образа жизни человека, его мыслей, поступков, стремлений, его духовной самореализации. По какому пути пойдет человек, постигая духовные знания, и пойдет ли вообще, зависит от бурхан-баабай и от каждого из нас по отдельности», — утверждает гелун Жалсан-лама (записано в феврале 2017 г. в Чесанском дацане).

В ходе исследования в различных источниках обнаружены сведения о ламах и хуvaraках Чесанского дацана. В газете «Буряад үнэн» № 243 от 21 декабря 1993 г. (автор статьи «Ундэр солотон биил хэн» Ц.-Д. Чимитов — из с. Загустай Кижингинского района) опубликован наиболее полный список имен лам и хуvaraков Чесанского дацана с начала 1990-х гг. до настоящего времени. Эти имена

заложены в основание Бадбум-субургана современного Чесанского дацана. В последующие годы этот список в различных публикациях пополнялся новыми именами из архивных источников, сведениями из семейных архивов, воспоминаний. В целях распространения и отдавая дань уважения к этим священнослужителям, мы приводим полный список Ц.-Д. Чимитова без изменений и дополнений в табличной форме, как было опубликовано в газете, за исключением нумерации:

**«Ундэр солотон биил нэн»
«Чисаанын дасанда 1935 он болотор мургэл — хурала хураажа байһан
лама багшанарай, хубарагуудай данса»**

№п/п	Нэрэ ба обог	Зинда (зэргэ)	Соло, эрдэм, бэлиг
I. Чисаанын эхинһээ:			
1	Адуушын ламхай	габжа	шэрэтэ
2	Зургаадайн Агваан	габжа	шэрэтэ, Арьяа Баалын хубилгаан
3	Абидын Галсан	габжа	унзад Занзаба
4	Бааһатын Рандал	габжа	унзад
5	Гармын Дашажамса	габжа	унзад
6	Гатабай Дэмбрэл	габжа	аграмба
7	Гатабай Агваан	габжа	-
8	Будын Балжар	габжа	-
9	Боодоонай Лудэб	габжа	-
10	Бурбэйн Шойдор	габжа	худалша, эмшэ
11	Дампилай Данзан	габжа	унзад
12	Ешын Гурэбазар	габжа	-
13	Чэмэдэй Дугар	габжа	-
14	Шагдарай Цэрэмпил	габжа	унзад
15	Будын Раднабазар	гэбшэ	-
16	Гармын Цэрэнбазар	гэбшэ	худалша, эмшэ
17	Галсанай Базаршоймпол	гэбшэ	-
18	Гармын Дондог	гэбшэ	-
19	Дандарай Дугар	гэбшэ	худалша, эмшэ
20	Дансаранай Жамсо	гэбшэ	Буряад республикын адвокат
21	Дашын Тушэн	гэбшэ	-
22	Дарийн Цэдэнешэ	гэбшэ	-
23	Дэлэгэй Доржо	гэбшэ	-
24	Ешын Гурдарма	гэбшэ	-
25	Жамбалай Галсан	гэбшэ	-
26	Ошорой Дандар	гэбшэ	худалша, эмшэ
27	Ошорой Ешэ	гэбшэ	-
28	Ошорой Цэбэгжаб	гэбшэ	-
29	Санжын Шарабдоржо	гэбшэ	-
30	Цэрэнэй Дамшаа	гэбшэ	-
31	Цэрэнэй Жамьян	гэбшэ	-
32	Цэбэгэй Жамьяншираб	гэбшэ	-
33	Шагдарай Сандан	гэбшэ	-

ЧЕСАНСКИЙ ДАЦАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

34	Шодойн Балдан	гэбшэ	-
35	Эрдэнийн Рабжуур	гэбшэ	-
36	Аюшын Сандан	хуварак	эмшэ
37	Будажабай Жамбал	хуварак	-
38	Гатабай Данзаншоймпол	хуварак	-
39	Гармын Даша	хуварак	-
40	Гомын (Бааһатын) Будажаб	хуварак	-
41	Дашын Даржаа	хуварак	-
42	Дампилай Зундуй	хуварак	-
43	Дарижабай Галсан	хуварак	-
44	Дондогой Цэрэндоржо	хуварак	-
45	Жамбалай Ешгэжалсан	хуварак	-
46	Санжын Жамса	хуварак	-
47	Цэрэнэй Жамба	хуварак	-
48	Цэрэнэй Жамбал	хуварак	-
49	Цэбэгжабай Намжы	хуварак	-
50	Цэрэнэй Дамдин (Морьёосоон)	хуварак	-
51	Цэрэмпилэй Цэрэнбазар	хуварак	-
52	Чимидэй Жанчигдоржо	хуварак	-
53	Шагдарай Гончикжаб	хуварак	-
II. Хульхисоонһоо:			
54	Эрдэнийн Ламхай	габжа	Очирваниин хубилгаан
55	Бадмын Гатаб	габжа	унзад
56	Бадмын Бизья	габжа	-
57	Гармын Рабдан	габжа	-
58	Ёндоной Будажаб	габжа	Танга тубийн дасанай шэрэгтэ
59	Жамбын Шойжап	габжа	худалша, эмшэ
60	Жамасаранай Цэбэгжаб	габжа	худалша, эмшэ
61	Маанин Базар	габжа	худалша, эмшэ
62	Шаданай Ринчин	габжа	-
63	Гамбанай Цэрэнжаб	габжа	-
64	Аюшын Гэлэг	гэбшэ	-
65	Аюшын Цэбэг	гэбшэ	-
66	Балданай Гочог	гэбшэ	-
67	Бориин Ананда	гэбшэ	-
68	Будажабай Базар	гэбшэ	-
69	Бушуудайн Цэрэннамдаг	гэбшэ	-
70	Базарай Буда	гэбшэ	-
71	Базарсадын Санжажаб	гэбшэ	-
72	Дэшэнэй Жамбал	гэбшэ	-
73	Дориин Дандар	гэбшэ	-
74	Ёндоной Ринчин	гэбшэ	-
75	Ёндоной Сандэлэг	гэбшэ	худалша, эмшэ
76	Гэлэгэй Осор	гэбшэ	-
77	Гомбын Цэрэнжаб	гэбшэ	-
78	Лубсанай Дамбадаржаа	гэбшэ	-
79	Жигжидэй Ширабцэнгээ	гэбшэ	-
80	Нимын Данзан	гэбшэ	-

Глава 2. Храмовый комплекс: факультеты, культовая специализация
и священнослужители

81	Осорой Балдансодном	гэбшэ	-
82	Самогадын Дулзэн	гэбшэ	-
83	Санданай Данзан	гэбшэ	-
84	Хартаанын Данзан	гэбшэ	-
85	Хайдабай Цэрэн	гэбшэ	-
86	Цэрэнэй Ёндон	гэбшэ	-
87	Цэдэбэй Цэдэндамба	гэбшэ	-
88	Цэдэбэй Сэрэнбазар	гэбшэ	-
89	Цэдэбэй Шойсорон	гэбшэ	-
90	Цыремпилэй Дэмбэрэл-даржаа	гэбшэ	-
91	Цэрэмпилэй Пунцык	гэбшэ	-
92	Цэрэмпилэй Дондог	гэбшэ	-
93	Цэбэгэй (Унхэнсэгэй) Чэмэд	гэбшэ	-
94	Цэнгын Түдэбнима	гэбшэ	-
95	Цэбэгэй Даша	гэбшэ	-
96	Чернинэй Дашацырен	гэбшэ	-
97	Поошын Гомбо	гэбшэ	-
98	Жамбын Рабдан	хуварак	-
99	Аюшын Жамсо	хуварак	-
100	Аюрай Базарсада	хуварак	-
101	Бушуудайн Раднабазар	хуварак	-
102	Будын Данзан	хуварак	-
103	Базарай Лубсанжаб	хуварак	-
104	Дондогой Шоймпол-Даржаа	хуварак	-
105	Ёндоной Тарба	хуварак	-
106	Гурын Цэрэн	хуварак	-
107	Гармын (Шумбуу) Рабдан	хуварак	-
108	Гомбын Манидари	хуварак	-
109	Гончигай Бадмадоржо	хуварак	-
110	Лубсанай Чэмэйдоржо	хуварак	-
111	Ринчинэй Намжил	хуварак	-
112	Чернинэй Раднабазар	хуварак	-
113	Шагдарай Цэнгээ	хуварак	-
114	Ухинэй Галсан	хуварак	-
115	Цэрэнжабай Санжажаб	хуварак	-
116	Цэбэгжабай Мунхэ	хуварак	-
117	Базарай Дамдин	хуварак	-
118	Цэрэнэй Базарсада	хуварак	-
III. Хунды, Хажуу Булагһаа:			
119	Жамбалай Бадмадоржо	габжа	шэрэтэ, Ивалгын дасанай
120	Самбын Бадмадоржо	габжа	-
121	Салсын Цэрэн	габжа	-
122	Цэдэнэй Балжар	габжа	-
123	Цэбжэдэй Балсамба	габжа	-
124	Буянтын Цэбэгдоржо	гэбшэ	-
125	Борбойн (Цэдэбэй) Цэрэндоржо	гэбшэ	-
126	Жамбалай Дондог	гэбшэ	-
127	Нимбуугай Цэрэндоржо	гэбшэ	-

ЧЕСАНСКИЙ ДАЦАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

128	Нимбуугай Намсарай	гэбшэ	-
129	Сангилай Намдаг	гэбшэ	-
130	Цэдэбэй Чернин	гэбшэ	-
131	Цэбжэдэй Содномжабэ	гэбшэ	-
132	Санданай Гэлэгжамса	гэбшэ	-
133	Цэнгын Шиираб	гэбшэ	-
134	Гармажабай Моглом	гэбшэ	-
135	Доржын Шобдог	хуварак	-
136	Санжажабай Норбо	хуварак	-
137	Санжажабай Шойжалсан	хуварак	-
138	Санжажабай Шагдар	хуварак	-
139	Санжажабай Данзан	хуварак	-
140	Санданай Дашанима	хуварак	-
141	Сангидай Ламбагай	хуварак	-
142	Холхорой Дармаринчин	хуварак	-
143	Цэдэнэй Журмитдондог	хуварак	-
144	Чернинэй Цэрэнжаб	хуварак	-
IV. Сүнхэрүүг, Хусоотэ, Баруун хоройноо:			
145	Дагбын Тугмит	габжа	шэрэтэ, худалша, эмшэ
146	Базарай Жана	габжа	худалша, эмшэ
147	Дармын Санга	габжа	унзад
148	Данжын Лэгбэ-Шиираб	габжа	-
149	Дансаранай Ламбагай	габжа	-
150	Цэрэмпилэй Гэрэл	габжа	-
151	Цэрэмпэлэй Содномбал	габжа	-
152	Цэмпэлэй Агваан	габжа	-
153	Цэрэнэй Данзан	гэбшэ	-
154	Базарай Дашанима	гэбшэ	-
155	Гундын Дашадоржо	гэбшэ	-
156	Оодойн Тарниша	гэбшэ	Тарнитай газар агшаа- даг, аман соогоо мунгэ хайлуулдаг
157	Урхяанын Ламбагай	гэбшэ	-
158	Цэдэбэй Буда	гэбшэ	-
159	Дармын Будээхэй	гэбшэ	-
160	Хайдабай Ёндон	гэбшэ	-
161	Морхоон Сультим	гэбшэ	-
162	Цэрэмпэлэй Лэгбэ-Лодой	гэбшэ	-
163	Лаастиин Содном	хуварак	-
164	Сультимэй Ринчиннима	хуварак	-
165	Шодхооной Пунцэгдаша	хуварак	-
V. Улзытэ, Жаргаланта, Булагһаа:			
167	Бадмацэрэнэй Бальжан	габжа	шэрээ гуйлгэдэг
168	Дугарай Жанабадараа	габжа	соржо
169	Цэбэгэй Сангит	габжа	соржо
170	Шагдарай Цэрэнжаб	габжа	санид-лама
171	Гомбын Сандан	гэбшэ	-
172	Дашын Найдан	гэбшэ	-
173	Һэмбын Жалсан	хуварак	-

Глава 2. Храмовый комплекс: факультеты, культовая специализация
и священнослужители

174	Гомбын Дэмшиг	хуварак	-
175	Дашын Дашанима	хуварак	-
176	Дашын Бадмадоржо	хуварак	-
177	Мэтэбэй Дамдин	хуварак	-
178	Намжалай Радна	хуварак	-
179	Хангадайн Жалсан	хуварак	-
VI. Урда голлоо:			
180	Ямпилай Балжар	габжа	шэрэтэ
181	Дарижабай Нима	габжа	унзад, эмшэ
182	Санданай Найдан	габжа	Шулуутын дасанай шэрэтэ, соржо
183	Жалсанай Шойжол	габжа	-
184	Дармын Гарма	гэбшэ	-
185	Базарай Насагдоржо	гэбшэ	-
186	Гармажабай Пирангалай	гэбшэ	-
187	Гармажабай Нима	гэбшэ	-
188	Маатха Лубсан	гэбшэ	-
189	Ринчинэй Шиирабцэнгээ	гэбшэ	-
190	Цэбэгэй Балдан	гэбшэ	-
191	Шара Хубуунэй Шардарма	гэбшэ	-
192	Ямаасаан Самбуу	габжа	-
VII. Заха, Дундатаһаа:			
193	Соктын (Сундын) Гунгаа	габжа	туруунын шэрэтэ
194	Нямын Гуробазар	габжа	шэрэтэ, соржо
195	Борбойн Шойжо	габжа	-
196	Жамбалай Ешидоржо	габжа	соржо
197	Жалсанай Содномбал	габжа	-
198	Ушайн Тогмит	габжа	-
199	Одоной Намжал	габжа	-
200	Цэрэнэй Будаширэ	габжа	-
201	Будын Намжал	гэбшэ	-
202	Дамбын Санжа	гэбшэ	-
203	Нямын Базарханда	гэбшэ	-
204	Цэрэнэй Сономдаша	гэбшэ	-
205	Цэрэнэй Цэдэндоржо	гэбшэ	-
206	Мунхын Ламбагай	гэбшэ	-
207	Аюшын Базарсада	хуварак	-
208	Гэлэгэй Намжал	хуварак	-
209	Одоной Будаханда	хуварак	-
210	Цэрэнэй Жанчив	хуварак	-
211	Дамбиин Жэгмэт	габжа	-
VIII. Хёлгоһоо:			
212	Жамьянай Рабжаа (Павлов)	габжа	шэрэтэ
213	Бобойн Базаржаб	габжа	-
214	Палайн Радна	габжа	унзад
215	Аанданай Раднабазар	гэбшэ	-
216	Базарай Мунхэ	гэбшэ	-
217	Гагабай Тудэб	гэбшэ	-
218	Порхиин Хайдаб	гэбшэ	-

ЧЕСАНСКИЙ ДАЦАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

219	Шиирабай Жамса	гэбшэ	-
220	Аанданай Гэдэб	хуварак	-
221	Базарай Гомбо	хуварак	-
222	Санжамэтэбэй Жамбал	хуварак	-
223	Цэдэнэй Чэмэд	хуварак	-
224	Жабай Нима	габжа	Ивалгын дасанай шэрэтэ
IX. Шулуугаһаа:			
225	Дугаржабай Дабаа	габжа	-
226	Пирангалайн Балдан	габжа	-
227	Хоршуудайн Шойнжуур	габжа	худалша, эмшэ
228	Балданай Малаан	хуварак	-
229	Раднын Лубсан	хуварак	-
230	Цэрэнжабай Цэмпил	хуварак	-
231	Цэрэнжабай Жэгмэд	хуварак	-
X. Могсохонһоо:			
232	Абидын Зундуй	габжа	-
233	Бадмын Шодоб	гэбшэ	-
234	Шойнжуурай Гомбо	гэбшэ	худалша, эмшэ
235	Базаржабай Дэмбрэл	гэбшэ	-
236	Сангын Жамьян	хуварак	-
XI. Тураасгайһаа:			
237	Абдайн Зандараа	габжа	соржо
238	Абдайн Шодоб	хуварак	-
XII. Улаан Бургаанһаа:			
239	Султим	габжа	-
240	Шойдорой Аюша	гэбшэ	-
241	Холхоонойн Хубита	гэбшэ	-
242	Шадабринчен	гэбшэ	-

В статье «Хубилгаануудһаа эхитэй», опубликованной в газете «Буряад унэн» от 9 января 1992 г., Ц.-Д. Чимитов рассказывает о нескольких ламах Чесанского дацана. Краткая биография этих лам дополнена в книге Ц.-Д.Цыренжапова «Чесанский дацан». Среди них:

– Гатабай Дэмбэрэл, защитивший звание аграмбы в Тибете (Лхасе), и его родной брат гэбшэ-лама Гатабай Данзаншоймпол, который в годы репрессии бежал во Внутреннюю Монголию, — сыновья Гармын (Баарайн) Гатаба (1860 г. р., род Нохой Хубдууд). В 1861 г. в качестве ямщика он сопровождал цесаревича Николая по Московскому тракту от одной до следующей станции, тем прославил свое имя и вошел в историю;

– Морхоон Сультим. Репрессии дошли и до далекой Монголии, откуда двадцатилетний Сультим, у которого уже было начальное образование хуварака, бежал. Скрываясь от преследований, он приехал в местность Сунхурик села Загустай Кижингинского района. Сорбохон Морхоон, у которого не было собственных детей, приютил его у себя. Он усыновил Сультима, дав ему свое имя. Морхоон Сультим продолжил обучение уже в Чесанском дацане. Позже он устроился в колхоз «Артель Сунхуриг».

Его первой женой была Дашибылова Жамбалдоржо Бурбуевна. У них родился сын Ринчинима. У Ринчинимы было двое сыновей Сандак-Доржо и Чимит-Доржо. Тем не менее Морхоон Сультим женился во второй раз на Гончиковой Лхаме Дабаевне. К сожалению, у них не было детей, и Сультим уговорил своего сына Ринчиниму отдать ему на воспитание второго внука Чимит-Доржо. Сультим усыновил своего внука и вырастил как сына. У Чимит-Доржо родилось трое детей: Сультимовы Аюша, Бутидма, Шойжамсо.

В Чесанском дацане сохранилась запись о том, что Морхоон Сультим получил ученое звание гэбши. В народе его звали Урда Убгэн, Хусоотын баабай. Он никогда не отказывал людям: несмотря на опасность, тайно проводил буддийские обряды. К нему приезжали из разных уголков не только Бурятии, но и Читинской области: Кижингинского, Хоринского, Еравнинского, Хилокского и других районов. Во время войны проводил ритуалы и молебны за молодых людей, чтобы они вернулись на родину живыми и здоровыми;

– Ендонов Будажап, был хуваракон Чесанского дацана, защитил звание габжа. Продолжил свое обучение в Лхасе (Тибете) и защитил звание аграмбы. Возможно, под другим именем был шэрэтэ Тувинского дацана (более 20 лет — с начала 1930-х до 1953 г.);

– Гармажапов Пирангалай Цынгеевич (Шой баабай) (1911–1986). Его внук Балдан гэбшэ, преподаватель Буддийского университета имени Дамба Даржа Заяева Иволгинского дацана (Александр Пирангалаев) — предоставил подробную биографию своего деда: «Гармажапов Пирангалай Цынгеевич (рода Харгана) родился в 1911 г. в местности Шулута Чесанского сомона Хоринской думы. До 10 лет жил с родителями, помогал присматривать за скотом. В 10 лет его отдали в хувакаки в Чесанский дацан. Защитил ученую степень гэбшэ. Скрываясь от репрессий, Пирангалай Цынгеевич уехал в Читинскую область к своим родственникам. В 1941 г. одним из первых добровольно ушел на фронт, но его направили в железнодорожные войска. В 1943 г. в ходе изнурительной и тяжелой работы тяжело заболел. Вернувшись домой, Пирангалай Цынгеевич устроился на работу на Чесанскую машино-тракторную станцию (МТС). В 1945 г. женился на Дашиевой Цыбжидме Дамдиновне. Воспитали двух сыновей и двух дочерей. Старший сын Шой-Жамса, младший — Дамба-Жамса, дочери Лида и Сындыма. В 1971 г. вышел на заслуженный отдых. Помогал людям в удовлетворении духовных потребностей, проводил буддийские обряды, молебны. В связи с этим к нему домой приходили милиционеры, иногда забирали на 3–4 дня в отдел. В народе Пирангалай Цынгеевича по-доброму называли Шой баабай, именем старшего сына. Признавая его глубокие знания по буддийской философии, монгольского и тибетского языков, приглашали работать в Бурятский научный центр (БНЦ). К нему часто приезжал ученый П. И. Хаданов (кандидат филологических наук), консультировался по переводам книг на старомонгольском и тибетском языках. В 1983 г. Центральное духовное управление буддистов (ЦДУБ) СССР пригласило его в Иволгинский дацан. В 1986 г. он тяжело заболел, поэтому был вынужден вернуться в село Чесан Кижингинского района. Понимая, что ему осталось недолго, он собрал своих близких друзей из бывших лам и хуваракон: Гылыкова Намжила, Одонова Буда-Ханду, Цыжипа Баабай из села Загустай. В тот же день

он начал читать молитву (хурал) вместе с ними. В 1986 г. Пирангалай Цынгеевич покинул этот мир».

В книге Д. Цырендашиева и Ц. Дамбиевой на бурятском языке «Гомбын Пандидо хамбо-лама» (2016) в разделе «Ивалгын дасан. Ивалгын дасанай шэрэтэнэр, ламанар» в списке шэрэтэ Иволгинского дацана (с 1946 г. по настоящее время) есть имена лам Чесанского дацана: Бадмадоржо Жамбалов (1953–1967), Жапов Нима (1976–1980), Содномдоржиев Дашинима (1995–1998). Среди известных и авторитетных лам перечислены также имена лам Чесанского дацана, которые служили в Иволгинском дацане в разные годы — в списке 15 лам, служивших с 1948 г., в том числе габжа-лама Жамбалов Бадмадоржо, габжа-лама Жалсанов Чойжил с 1956 г., гэбшэ-лама Шагдаров Сандан с 1958 г. В селе Улзытэ Забайкальского края и в Иволгинском районе установлены памятные ступы (субурганы), посвященные Жапову Нима-ламе и Юндунову Сан-Дылык-ламе. Книга «Жадамба», написанная Нима-ламой по буддийским канонам, с использованием девяти драгоценностей, до сих пор хранится в селе Улзыто в семье сестер Ринчинэй Долгормы и Жигзымы [Цырендашиев Д., Дамбиева Ц., 2016, х. 179–191].

Биографии многих лам и хуvaraков Чесанского дацана описывает в своей книге «Чесанский дацан» ветеран Великой Отечественной войны Цыбик-Доржо Цыренжапов. Он провел большую работу по восстановлению и публикации материалов на некогда закрытую тему о жизни и деятельности священнослужителей. До сих пор малоизвестны имена священнослужителей и их биографии. Будучи живым свидетелем разорения дацана и гонений на лам. Радуюсь возрождению родного дацана, он вернул из небытия многие имена священнослужителей, рассказал об истории Чесанского дацана и строительстве Укурикского дугана. По его инициативе на территории дацана был возведен субурган, посвященный Сандан-ламе.

Он участвовал в том числе в формировании списка 35 лам, из села Укурик (Могзонский сомон) Забайкальского края (перечислены в разделе «Укурикский дуган»), служивших в Чесанском дацане. Некоторые имена лам повторяются в списке Ц.-Д. Чимитова.

Кроме этого, список из 50 лам и хуvaraков — уроженцев села Могсохон Кижингинского района, служивших до 1935 г. в Чесанском дацане, нам предоставила учитель Ульзытуйской средней школы Цыбикова Дашима Цыреновна. Этот список мы уточнили 20 августа 2017 г. у старейшего жителя с. Могсохон Жамьянова Намжил-Доржо Жанаевича, 1929 г. р., и его супруги Сандановой Сырмы Санжиевны, 1935 г. р. Возможно, они могут ошибаться в указании местности (тоонто), уроженцами которой являются перечисленные ламы. Но они все являются выходцами из сомона Могсохон, в том числе из местности Тураасгай.

Мы составили общий список имен лам и хуvaraков Чесанского дацана, которые стали известны из различных источников, в их числе: список лам — выходцев из села Укурик Забайкальского края (35 чел.); список А. Д. Жалсараева репрессированных лам, выписанных из книг памяти Республики Бурятия (26 чел.), который передал гелун Чесанского дацана Жалсан-лама; список лам из с. Могсохон, который передала Цыбикова Дашима Цыреновна (50 чел.), список лам, который составлен Жамьяновым Намжилдоржи Жанаевичем с помощью

Глава 2. Храмовый комплекс: факультеты, культовая специализация
и священнослужители

односельчан в с. Могсохон (93 чел.), список некомплектных лам Чесанского дацана от 1841 г., ГАРБ (29 чел.); список лам Чесанского дацана — «недоимщиков» по государственному налогу от 8 октября 1924 г., ГАРБ (33 чел.) и др. В общем списке в ходе сверки исключили повторение имен лам и хуvaraков из разных источников. Также исключены имена лам и хуvaraков, которые есть в списке Ц.-Д. Чимитова (242 чел.), чтобы не было повторения. Таким образом, восстановлено еще 322 новых имени лам и хуvaraков Чесанского дацана.

Список лам и хуvaraков, служивших в Чесанском дацане до 1938 г.

№ п/п	Фамилия, имя, отчество (имена)	Даты жизни	Ученая степень (звание, должность)	Примечание
Могсохон				
1	Доржын Даша-Нима	-	габжа	-
2	Дарижапов Содном-Даша	1897 г. р.	габжа	-
3	Базаров Чимитдагба	-	габжа	Бухата Могсохон
4	Эрхэтын Цыдендоржо	-	габжа	-
5	Дарижабай Базаржаб	-	габжа	-
6	Дарижабай Дамбын Гомбо	-	габжа	-
7	Дарижабай Дамбын Цыренжап	-	габжа	-
8	Аюшин Гончогжаб	-	габжа	-
9	Сандидай Лубсан	-	габжа, жоодшо, эли	-
10	Самбуев (Мухатаан) Сэрэнжэб	-	габжа	-
11	Галтын Гончигой Дамбадоржо	-	габжа	-
12	Уртлэйн Доржын Даша-нима	-	габжа	-
13	Бодиев Цыденжап	-	гэбшэ	-
14	Очирай Табдан	1898 г. р.	гэбшэ	-
15	Найданай Чойжап	-	гэбшэ	-
16	Ламажабай Цыренжабай Дамба	-	гэбшэ	-
17	Бабугай Гунга	-	гэбшэ	-
18	Дамбын Шэмэд	-	гэбшэ	-
19	Бабугай Сэбэгдоржо	-	гэбшэ	-
20	Мухаан Сэрэн	-	гэбшэ	-
21	Санданай Тугдэнима	-	гэбшэ	-
22	Мангатхаанай Агваан	-	гэбшэ	-
23	Сандаг	-	гелун	-
24	Лусан Жимба	-	даа-лама	-
25	Цыден лама	-	жоодшо-лама	-
26	Дармадамдин	-	лама	-
27	Сэбээнэй Эрдэни Шара	-	лама	-
28	Доржын Будажап	-	лама	-

ЧЕСАНСКИЙ ДАЦАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

29	Гомбодоржо	-	хуварак	-
30	Будажабай Будажап	1914 г. р.	хуварак	-
31	Жаргалай Цырен-Даша	-	хуварак	-
32	Шагдаржабай Базар	1912 г. р.	хуварак	-
33	Бата-Мунхын Гомбо-Цырен	1915 г. р.	хуварак	-
34	Ринчинэй Цыренжап	1911 г. р.	хуварак	-
35	Генинов Цырендоржо	1915 г. р.	хуварак	-
36	Буяков Нямбу	-	хуварак	-
37	Шангараб Дондогой Нанжад	-	хуварак	-
38	Цыденжапов Хухэ хубуун	-	хуварак	-
39	Бадмаев Бата (Шодхой)	1870 г. р.	хуварак	-
40	Батуев Намжил	1898 г. р.	хуварак	-
41	Дашин Пунсык	1898–1954 гг.	хуварак	-
42	Доржиев Базаржаб	1913 г. р.	-	-
43	Сэдэнэй Сэрэндаша	-	-	-
44	Сэбээнэй Жанчуб	-	-	-
45	Лубсан Дашанима Жанчубай	-	-	-
46	Жигмитдоржиев Гурोजап Доноевич	1893 г. р.	-	-
47	Ринчинэй Цырен-Доржо	1905 г. р.	-	-
48	Шираб Жамсо			-
Тураасгай				
49	Дуухэнэй Дубшан Зая	-	габжа	-
50	Дашин Гутаб	-	габжа	-
51	Ринчин Санжижабай Ширапжамсо	-	габжа	-
52	Жабай Даржаа	-	габжа	-
53	Санжижабай Ширапжамса	1905 г. р.	габжа	-
54	Жанаев Будажаб	1898 г. р.	гэбшэ	-
55	Шагдаров Лушан	-	гэбшэ	-
56	Дэшэнэй Даржаа	1897 г. р.	гэбшэ	-
57	Санжижабай Шойсорон	1905 г. р.	гэбшэ	-
58	Буйданай Лхасаран	1909 г. р.	гэбшэ	-
59	Тыкшеев Дампил	1899 г. р.	гэбшэ	-
60	Шагдаров Сампил	-	гэбшэ	-
61	Хэрээнэйн Гэлэг	-	гэбшэ	-
62	Шагдаржапов Балдан-Доржо	1903 г. р.	гэбшэ	-
63	Мархи Эрдэниин Хайдаб, Худай	-	гелун	-
64	Мархи Эрдэниин Боролдойн Гоншог	-	лама	-
65	Бадмайн Дандар, Худай обогтой	-	лама	-
66	Бадмайн Сэбэгэй Гэлэг, Худай обогтой	-	лама	-

Глава 2. Храмовый комплекс: факультеты, культовая специализация
и священнослужители

67	Галсанай Хайдаб	-	лама	-
68	Ошорхайн Дондог	-	лама	-
69	Ямпилай Базар	-	лама	-
70	Налшын Лубсан	-	лама	-
71	Дашихорлын Балдан-Доржо	1913 г. р.	хуварак	-
72	Гочигой Тобоо	1912 г. р.	хуварак	-
73	Цыбэгэй Жанчип	1877 г. р.	хуварак	-
74	Дамдинжапов Дагба	1907 г. р.	хуварак	-
75	Хумын Дариин Намдаг	-	хуварак	-
76	Бабайн Дагурсэрэн зурааша	-	хуварак	-
77	Бадмын Бальжар	-	хуварак	-
78	Борооной Наманжын Жамса	-	-	-
79	Жанчибай Даша-Нима	-	-	-
Улзытэ (Киров)				
80	Дамдинай Лубсан	1897 г. р.	гэбшэ	
	Дулмаев Аюша из рода Худай, ветеран Великой Отечественной войны	1904–2000 гг.	гэбшэ Чесанского и Кодунского дацанов	местность Хуурайн Баатархан с. Улзыто
81	Абидын Сиивэн из рода Худай	-	соржо	Хуурай, Улзыто
82	Сэдэнэй Даши-Дондок	-	хуварак	
83	Цыбиков Цыден	1910 г. р.	хуварак	Улзыто
84	Суванов Бурхи	1916 г. р.		Хуурай Улзыто
Булак, Шулуута, Жэбхээһэн				
85	Сэрэнэй Галсан	-	габжа	Сагаан нуур Булак
86	Сэрэнэй Доржын Гарма	-	гэбшэ	Булак
87	Гатабай Будожаб	1889 г. р.	гэбшэ	Булак
88	Митыпов Дамдин	1909 г. р.	хуварак	Булак
89	Дангын Базаржаб, Хальбан	-	хуварак	Шулуута
90	Сандитов Жамьян Ширап	1916 г. р.	-	Булак
91	Ринчинов Дашабал	1868 г. р.	-	Жэбхээһэн
92	Дамдинов Шойнзон	1896 г. р.	лама	Кодун, проживал в н. п. Шулуута
93	Жалсанов Соднойбол	1886 г. р.	лама	Дондод, Челутайский (Чесанский)
Сулхара				
94	Найданай Чойжаб	1910 г. р.	гэбшэ	-
95	Доржын Бага-Мунхэ	-	гэбшэ	-
96	Дамдинай Жамбал	-	жоодшо	-
97	Сандуев Лодой	1871 г. р.	лама	Сулхара
98	Абидуев Зундуй (Абидын Зунды из рода Худай)	1875 г. р. (1877–1949 гг.)	лама	Сулхара, проживал в н. п. Ушхайта

ЧЕСАНСКИЙ ДАЦАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

99	Бодиев Дугар	1899 г. р.	высшее тибетское	Сулхара
100	Антонов Даши	1884 г. р.	владел тибетской грамотой	уроженец местности Эхин Хурэ, проживал в н. п. Сулхарин Адаг
Загaһата				
101	Номшиев Цыван	1833 г. р.	шэрэтэ дацана в 1882-1892гг.	местность Эхин Чесана (Урда Гол)
102	Дармын Санга	-	габжа, унзад	-
103	Цыбигай Аюша	1903 г. р.	гэбшэ	Губээ, Загaһата
104	Доржиев Гарма	1897–1982 гг.	гэбшэ-лама, с начала 1970-х годов гелун Иволгинского дацана. Вручную переписывал тибетские книги и сдавал в дацан	с. Загустай, в местности Кулькисон. С 12 лет хуварак Чесанского дацана, обучался в Эгитуйском дацане
105	Буданов Лудун	1880–1933 гг.	малограмотный	с. Верхний Чесан
Чесана				
106	Дансаранов Цынге	1875 г. р.	габжа	Чесан, Чесанский сомон
107	Чимитов Дугар	1894 г. р.	габжа	Чесан, репрессирован в 1937г.
108	Самбуев Цыренжап	1895 г. р.	габжа	Чесанский сельсовет, н. п. Боролжа
109	Цыбиков Балдан	1874 г. р.	гэбшэ	Чесанский сельсовет, н. п. Шаралмат
110	Гомбоев Сандан	1899 г. р.	гэбшэ	Чесанский дацан
111	Дандаров Дугар	1891 г. р.	гэбшэ, степной лама	Чесанский сомон, проживал в Хусан-Кутул
112	Шагдууров Цыремпил	1867 г. р.	гэбшэ, степной лама	Чесанский сомон
113	Гатапов Дымбрыл	1889 г. р.	гэбшэ	н. п. Отчи, проживал в Чесанском дацане

Глава 2. Храмовый комплекс: факультеты, культовая специализация
и священнослужители

114	Данжиев Лыгба-Ширап	1876 г. р.	лама	Чесанский сельсовет
115	Дашибылов Дамба-Даржа	1899 г. р.	лама	Чесанский сельсовет, проживал в н. п. Могзон
116	Энигмытов Санжи	1890 г. р.	лама	Чесанский сомон
117	Балданов Ширап	1900 г. р.	служитель культа	Чесан, проживал в н. п. Гыршулун
Из списка лам Чесанского дацана от 1841 г. (ГАРБ)				
118	Рабданай Зунды	1803 г. р.	даа, гелун	-
119	Цэцэгтын Гомбо	1799 г. р.	соржо, гецул, эмши, мэдэлчи	-
120	Энхын Намжил	1793 г. р.	шанзодба, гелун, гэбгы	-
121	Тобху-ийн Дансаран	1815 г. р.	засаг, гецул, эмши	-
122	Золтын Жимба	1808 г. р.	даа, гелун	-
123	Намжилун Чойдоп	1808 г. р.	нансо, гецул, зурхайчи	-
124	Худуу-ийн Даши	1789 г. р.	жидба, гецул, гурумчи	-
125	Дэлгэрын Дуйндул	1808 г. р.	гурумчи, гецул, эмши	-
126	Модоха-ийн Вандан	1811 г. р.	гэбгы, гецул, эмши	-
127	Шаданай Шоймпол	1811 г. р.	гэбгы, гецул	-
128	Занхой-ийн Лудуб	1818 г. р.	унзад, бэлигтэ	-
129	Шинду-ийн Лосол	1814 г. р.	унзад, гэиг	-
	Сандуу-ийн Лосол, Зуун Хубдууд, сын зайсана	37 лет	гецул, унзад	По списку от декабря 1852 г.
130	Сахиа-гийн Ванжил	1790 г. р.	ноён-лама, гелун	-
131	Банзарай Ванжил	1805 г. р.	зурхайчи, гецул, унзад	-
132	Уйлахайн Самдан	1809 г. р.	нярба, тахильчи	-
133	Нору-ийн Лодон	1815 г. р.	бичэчи, гецул	-
134	Удамаа-ийн Добчин	1809 г. р.	чобомбо, гецул	-
135	Тарба-ийн Лодой	1818 г. р.	тахильчи, гецул, эмши	-
136	Цогтын Жамьян	1818 г. р.	мэдэчи	-
137	Сиирхэнэй Шираб	1808 г. р.	гецул, гэиг	-
138	Юмсурунэй Цэдуб	1813 г. р.	гэиг	-
139	Ширууханай Шойнзон	1816 г. р.	дуганчи	-
140	Буянтын Тогмит	1816 г. р.	цойбо	-
141	Хубитын Ойдуб	1811 г. р.	жама, гецул	-
142	Тэжин Галсан	1808 г. р.	бэлигтэ, гецул, эмши	-

ЧЕСАНСКИЙ ДАЦАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

143	Сундын Еши	1785 г. р.	улзытэ, гелун	-
144	Шинху-иин Тарба	1788 г. р.	эрхэтэ, гелун	-
145	Занданай Балдан	1818 г. р.	дархан	-
Кулькисон				
146	Жамбуев Шойжоп	1866 г. р.	габжа	Кулькисон
147	Жалебуев Шойжон	1866 г. р.	габжа	Кулькисон
148	Дамдинов Шойдок	1888 г. р.	габжа	Верхне-Кижингинский сомон
149	Гармаев Даши-Жамсо	1878 г. р.	аграмба	Баянгол
Укурик (Читинской области) Забайкальского края				
150	Шагдаров Бумбор (старший брат Шагдарова Сандан гэбшэ-ламы)	-	хуварак Чесанского дацана, защитил степень габжа в Чесанском дацане	с. Укурик Читинской области
151	Шагдаров Дамби-Нима (старший брат Шагдарова Сандан гэбшэ-ламы)	-	хуварак Чесанского дацана, защитил степень габжа в Чесанском дацане	с. Укурик Читинской области
152	Тубусуев Чоймпол	-	габжа	-
153	Цыдыпов Жамьян	-	габжа	-
154	Жамьянов Рабжа (Домчой, Добчин Павлов)	-	габжа, шэрэтэ Чесанского дацана	-
155	Бамбын Дондид	-	габжа	-
156	Баоланов Даши-Нима	-	габжа	-
157	Дандаров Гуро-Дарма	-	габжа	-
158	Намсараев Базаржап	-	габжа	-
159	Очиров Ринчин-Нима	-	габжа	-
160	Пайбалов Пунсык	-	габжа	-
161	Пунсэгэй Цырен-Еши	-	габжа	-
162	Эрхэтуев Цырен-Доржо	-	габжа	-
163	Эрдынеев Самбу	1887–1941 г.	габжа	Арестован в 1937 г., расстрелян в декабре 1941 г.
164	Аюшеев Лубсан-Доржо	-	гэбшэ	-
165	Бадмаев Дамби-Нима	-	гэбшэ	-
166	Гармаев Бадра	-	гэбшэ	-
167	Дамдинов Ширап	-	гэбшэ	-
168	Жамбалов Галсан	-	гэбшэ	-
169	Жигжитов Агван	-	гэбшэ	-
170	Найданов Шадап	-	гэбшэ	-
171	Поршиев Хайдап	-	гэбшэ	-
172	Самбуев Бадма-Цырен (в списке недоимщиков по	-	гэбшэ	-

Глава 2. Храмовый комплекс: факультеты, культовая специализация
и священнослужители

	госналогу от 1924г. проходит как Самбаев Бадмацырен)			
173	Цыренов Гуро-Базар	-	гэбшэ	-
174	Шагдаров Сандан	-	гэбшэ	-
175	Шагдаров Лодоп	-	гэбшэ	-
176	Гылык-Жамсо	-	гэбшэ	-
177	Чойжал	-	гэбшэ	-
178	Ямпиров Еши-Янжин	-	лама	-
179	Жамсын Чойжап	-	эмшэ-лама	-
180	Бадмаев Базар	-	хуварак	-
181	Бадмаев Сандык	-	хуварак	-
182	Бадмаев Ширав-Жалсан	-	хуварак	-
183	Будаев Базар	-	хуварак	-
184	Галсанов Жамсо	-	хуварак	-
185	Очиров Санжа	-	хуварак	-
186	Очиров Дамдин	-	хуварак	-
187	Шагдаров Базар (младший брат Шагдарова Сандана гэбшэ-ламы)	-	проучился 8 лет хуваракком в Чесанском дацане	был призван на фронт
Из разных источников, местность неизвестна (не установлена)				
188	Шобогоров Жамсо	1815–1866 гг.	штат-лама, шэрэтэ дацана в 1861–1866 гг.	-
189	Намсараев Абида Ширав	-	штат-лама, исполнял обязанности шэрэтэ дацана в 1911–1912 гг.	-
190	Борбооцын Будажаб (Борбоцаев, Барбуцаев, Борбузев (в разных источниках по-разному)	1853 г. р.	исполнял обязанности шэрэтэ дацана в 1904–1905 гг., шэрэтэ в 1912–1917 гг.	-
191	Пулэнийн Рампил	-	габжа	-
192	Ринчиной Дунзэн	-	габжа	-
193	Ринчинэй Тарниши (тарнишай газар агшаадаг)	-	габжа	-
194	Ширдармын Лубсан	-	габжа	-
195	Шираб Мурээтэ	-	габжа	-
196	Сиивэнэй Санга	-	габжа	-
197	Дарижабай Лыгден	-	габжа	-
198	Очирой Гомбо	1905–1965 гг.	гэбшэ, худалши, эмши	-
199	Осорой Сэдэб	-	гэбшэ	-
200	Бадмын Лудан	1896 г. р.	гэбшэ	-
201	Шагдаржабай Балдандоржо	-	гэбшэ	-
202	Дамбиин Базаржаб	-	гэбшэ	-

ЧЕСАНСКИЙ ДАЦАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

203	Цыренжабай Дамба Ямпил	-	гэбшэ	-
204	Шангараб Дашин Пунсэг-намжил	1898–1954 гг.	гэбшэ	-
205	Базаржаб Дамбын	-	гэбшэ	-
206	Ешиев Дампил	-	гэбшэ, эмши-лама	-
207	Абидын Сэдэн-Бисхай	-	соржо	-
208	Дамба-Даржа	-	унзад-лама	-
209	Намсараев Намдаг Сангитович — племянник Лубсан-ламы из Чесанского дацана	1898–1942 гг.	степень гэбшэ защитил в Эгитуйском дацане, жоодшо	с 7 лет хуварак Чесанского дацана, изучал «жод» в Эгитуйском дацане, погиб на фронте ВОВ
210	Номшин Дансаран-лама, Рааян	-	гелун	-
211	Намжилов Чойдоп	-	гелун	-
212	Самданов Хайдуп	-	гецул	-
213	Цыденов Гылык Чойдон	-	гецул	-
214	Митэбдоржо	-	эмшэ-лама	-
215	Шойнжонов Сандан	-	эмшэ-лама	-
216	Жамсаранов (Жамсарано) Доржи-Жалсан Жамсаранович, Духовным советом был назначен заместителем уполномоченного представителя в дацане Гунзэчойнэй в Санкт-Петербурге	1900–1937 гг.	лама	в 1927 г. избран членом Духовного Совета Бурятии
217	Дампилов Цыбжит В 1946 г. в качестве делегата от Чесанского дацана принимал участие в съезде буддистов СССР	1884 г. р.	лама	В составе делегации лам в 1946 г. ездил на прием к И. В. Сталину с ходатайством об открытии Иволгинского дацана
218	Ринчин-Санжижабай Доржо, Худай, из рода Дархантан	-	лама	-
219	Ошорой Пунсэг	-	лама	-
220	Аримпил	-	лама	-
221	Гармаев Рабдан (со слов родственников)	-	лама	Был призван на фронт в 1940-е гг.
222	Шодоо Жалсан-лама	-	хуварак	-

Глава 2. Храмовый комплекс: факультеты, культовая специализация
и священнослужители

223	Банзаров Чойсорон	-	банди	-
224	Дангын Даша	-	-	-
225	Шодхойн	-	-	-
226	Дабиин Чимит	-	-	-
227	Санжижабай Гармажап	-	-	-
228	Генинэй Даржаа	-	-	-
229	Цыренжабай Жигмит	-	-	-
230	Санжимитыбай Бадма-Цырен	-	-	-
231	Дамбын Базаржаб	-	-	-
232	Бандийн Цыденжап	-	-	-
233	Данзан-Нима	-	-	-
234	Гуру Гомбо	-	-	-
235	Гарлаб Дампии	-	-	-
236	Цыбиков Цыренжап	1873 г. р.	-	-
237	Шангарабай Шарабдоржо, Алгы Худай	-	-	-
238	Дашасэрэнэй Дондог	-	-	-
239	Базарай Балдандоржо	-	-	-
240	Ошорой Сэрэмпэлэй Пиранглай Жамса	-	-	-
241	Осор-лама	-	-	-
242	Шаралдайн Найдан	-	-	-
243	Дагдаев Тэхээн	-	-	-
244	Гармаев Намдан	-	-	-
245	Гончиков Дамба	-	-	-
246	Эрдынеев Жамьян	-	-	-
247	Жигжитов Доржо	-	-	-
248	Базаров Сультаим	-	-	-
249	Дашабылов Данзан	-	-	-
250	Санжаев Ванчин	-	-	-
251	Дархан Амбэ	-	лама	-
252	Халзан Амбэ	-	лама	-
253	Цыбик (Соном) Бахан Ахэ	-	лама	-
254	Цыдыпов Цыбик	-	лама	-
255	Бурбэйн Цэбэгжап (брат Бурбэйн Шойдор)	-	лама	-
256	Самданай Цэбэг (Хубдууд)	-	лама, нярба	-
Из списка 25 лам Чесанского дацана в донесении шэрэтэ от декабря 1852 г. (ГАРБ)				
257	Натуугийн Лодон, Галзут, из ясачных	37 лет	гелун, унзад	-
258	Сахюугийн Ванжил, Хальбан, из ясачных	62 года	гелун, ноён	-
259	Зандану Дамчой, Галзут, сын зайсана	40 лет	банди	-
260	Додану Шиираб, Хубдууд, из ясачных	64 года	банди	-

ЧЕСАНСКИЙ ДАЦАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Выписка имен лам Чесанского дацана из письма «по конфликту» по земельному участку от 7 мая 1853 г. (ГАРБ)				
261	Адушин Жамбал	-	гэбгы	-
262	Сунхуев Лэгдэб	-	хуварак	-
263	Багшын Самдан, Цэцэгэй ученик (оспенный), Худай, из местности Чесана	-	зурхайчи	-
264	Жимбын Рабжур	-	унзад	-
265	Цэрэнпилун Шагдаржап	-	староста, лама	-
266	Ридхын Хайдаб	-	гэбгы	-
267	Рабданай Гэлэг	-	гэбгы	-
268	Сундуйин Жамбал	-	тахильчи	-
269	Дэлгэрун Шойван	-	дуганчи	-
270	Синбагийн Ойдаб	-	жима	-
271	Рабданай	-	помощник, унзад	-
272	Санжиев Цырен-Доржо, из послужного списка 7 штатных лам Чесанского дацана 1862 г.	1837 г.	банди	-
Из списка 102 лам 1870г. из Анинской дацанской школы Жуд по системе «бродячей школы гонуд», которые участвовали в Жуд-хуралах в 4 хоринских дацанах (ГАРБ)				
273	Галшын Ванзад, Хальбан	-	лама	Жэбхээн
274	Габуин Цэрин, Барун Хуасай	-	лама	Жэбхээн
275	Цоктоин Цэвэн, Галзут	-	лама	Заха
276	Санжиин Лосол, Галзут	-	лама	Дундада
277	Тарбаин Арсалан, Хуасай	-	лама	Булаг
278	Баянай Лодон-Доржи, Галзут	-	лама	Дундада
279	Бахын Дамшаа, Галзут	-	лама	Чесана
280	Дондогун Дарма, Галзут	-	лама	Заха
281	Сангачиин Дансрун, Хубдууд	-	лама	Чесана
282	Данзайн Дамшой, Хуасай	-	лама	Булаг
Из послужного списка 9 штатных лам Чесанского дацана от 1 января 1871 г. (ГАРБ)				
283	Оглону Дагба	-	гелун	-
284	Бадмын Цырен, Галзут	-	лама	-
285	Самдану Цэдэб, Зуун Хубдууд, зайсан	-	лама	-
286	Самдану Вачир, Зуун Хубдууд	-	лама	-
Из послужного списка 7 штатных лам Чесанского дацана 1900–1903 гг. (ГАРБ)				
287	Жамбаев Боди-Донит, из ясачных	67 лет	гелун	-
288	Банзаров Цырен-Домчой, из ясачных	55 лет	гелун	-

Глава 2. Храмовый комплекс: факультеты, культовая специализация
и священнослужители

289	Ирдынеев Бадма-Чойроп, из ясачных	59 лет	банди	-
290	Далаев Буда-Дондуб, из послужного списка 7 штатных лам Чесанского дацана 1908 г.	63 года	гелун	-
Из списка 33 лам Чесанского дацана от 8 октября 1924 г. «недоимщиков» по государственному налогу (ГАРБ)				
291	Мижитов Доржи	-	лама	-
292	Цыренов Будашира	-	лама	-
293	Цыбыков Сандит	-	лама	-
294	Шадыпов Ринчин	-	лама	-
295	Цыренов Дулзын	-	лама	-
296	Лодоев Жамбал	-	лама	-
297	Иванов Равжа	-	лама	-
298	Санжитов Норбо	-	лама	-
299	Ганжуров Гымпил	-	лама	-
300	Намжуев Жамсо	-	лама	-
301	Перенгалаев Будажап	-	лама	-
302	Аюшиев Сультим	-	лама	-
303	Дандаров Гуро-Доржи	-	лама	-
304	Дамбинов Ширап	-	лама	-
305	Цыренов Цырен-Доржи	-	лама	-
306	Балданов Цыренжап	-	лама	-
Из списка 29 лам Чесанского дацана от 1925 г. на заготовку дров (Из собрания Национального музея Республики Бурятия)				
307	Цыринов Бодичирап	-	лама	-
308	Ирдынеев Ринчин	-	лама	-
309	Галданов Чироб	-	лама	-
310	Ирдынеев Жамьян	-	лама	-
По материалам «теократическо-балагатского движения» из ЦВРК ИМБТ СО РАН				
311	Бадмын Рабдан	-	габжа	Шулуутын дуган
312	Одонов Намжил Чесан- ский сельсовет, н. п. Дон- добо	1874 г. р.	габжа	Шулуутын дуган
313	Ендон Одо	-	габжа	Шулуутын дуган
314	Аюшин Гончогаб	-	габжа	Шулуутын дуган
315	Доржиев Зандара (входил в состав спец. ко- миссии из 22 чел. для раз- работки Конституции бала- гатско-теократич. госу- дарства)	-	лацаб-лама	С 1921 г. в Шулутов. ду- гане
316	Абидуев Галдан	-	лама	Шулуутын дуган

ЧЕСАНСКИЙ ДАЦАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

317	Очиров Тогмит	-	лама	Шулуутын дуган
318	Балданов Дамдинжап	-	лама	Шулуутын дуган
319	Цыбикдоржиев Будажап	-	лама	Шулуутын дуган
320	Цыбиков Ш.	-	лама	Шулуутын дуган
321	Сампилов (Санданов) Найдан, 46 лет, арестован ОГПУ	1862–1927 гг.	гецул	Шулуутын дуган
322	Сампилов Дампил	-	гелун в 1915 г.	Шулуутын дуган

Из Чесанского дацана вышли известные в Бурятии и за ее пределами священнослужители. Ламы из Чесанского дацана становились дид хамбо-ламами, шэрэтэ Иволгинского и других дацанов. Среди них:

1) первый шэрэтэ Цугольского дацана Лубсан (Лубсан-Лхундуб) Дандаров (Дандарай ламхай) (1781–1859), родился в местности Чесан в семье Дандара Зайсана Галзутского рода, являвшегося потомком в пятом поколении Бадана Туракина, который во главе делегации хори-бурят встречался в 1702–1703 гг. с Петром I.

«Первый гекбуй из местности Улзуйто по имени Лобсан Гунга основал Чесанский дацан, в районе которого было много верующего народа. Тогда в Чесане еще был лама по имени Лобсан Лхундуб. До приезда в Цугол он жил в местности Жебхэсэн. Будучи шанзодбой Чесанского дацана, он ушел на Онон, где основал Цугольский дацан “Даши Чойпэллин”, распространил много сутр и проповедовал тантрийское учение» [Избранные статьи...].

В конце 1820-х гг. шанзодба-ламу Кодунского (Кижингинского) дацана Лубсан-Дондуба Дандарова «хори-буряты берегов реки Онон попросили основать у них дацан, что явилось рождением Цугольского дацана “Даша Чойпэллин”» [Кижингинский... С. 8].

Дандарай-лама пользовался большим авторитетом и уважением среди лам Чесанского дацана за глубокие и обширные знания в буддийском Учении и практике. Являлся шанзодбой Кудунского (Кижингинского) дацана (по другим источникам — Чесанского). До отъезда в Цугол проживал в местности Жэбхээн. Его как известного и уважаемого среди мирян в Цуголе ламу направили строить Цугольский дацан. Пока строился дацан, Дандарай-лама жил в обычной юрте в местности Улаан-Хада. В то время шаманы сильно противились буддийской религии и большинство населения не слишком ей доверяло. Несмотря на трудности, Дандарай-лама сумел построить Цогчен-дуган, малые сумэ и привел мирян в приход Цугольского дацана. При нем «были основаны первые школы буддийского образования по философии и медицине, была начата активная переводческая деятельность и книгопечатание», «в 1829 г. принял полный монашеский обет в Монголии от монгольского ламы Далай Бичерелту тулку», «им было переведено на монгольский язык медицинское сочинение “Лхантаб”, написанное в 1691 г.», его учениками названы такие выдающиеся ученые ламы, как агинские Галсан-

Жимба Дылгыров, Галсан-Жимба Тугулдууров, Доржи-Жигмид Данжинов, гэбшэ-лама Аюшиев, гуриноозерский Пандидо хамбо-лама Сандэлэг Ванчиков» [Знатные ветераны... С. 52–54]. За основание школы Чойра в Цугольском дацане получил письмо от Ганжурва-гэгэна (Монголия), содержащее похвалу Цугольскому дацану. Цугольскому дацану принадлежит приоритет в развитии религиозно-философской системы цаннит и восточной медицины манба.

Период пребывания в Чесанском дацане в биографии Лубсан-Дондуба Дандарова не отмечен, тем не менее местные жители и ламы утверждали, что он стоял у истоков создания Чесанского дацана вместе со своим другом Лубсан-Гунгой Сундуревым — первым шэрэтэ дацана. Этот период отмечен в статье Дандарона, как указано выше;

2) Бадма-Доржо Жамбалов (1891–1967). Дид хамбо-лама; заместитель председателя ЦДУБ СССР; шэрэтэ Иволгинского дацана в период 1953–1967 гг. [Цырендашиев Д., х. 179].

Лама Бадма-Доржо Жамбалов родился в 1891 г., в роду Батанай, в семье Наманхана Жамбалова в местности Хунды недалеко от села Булак Хоринского ведомства. Рос в большой семье, в которой было четверо сыновей, включая его, и семь дочерей. С 8 лет стал хуваракком Чесанского дацана, учился теории и практике буддийской философии в Цугольском дацане и тибетском монастыре Лавране. Под внимательным руководством своих наставников он успешно занимается изучением тибетского, монгольского языков.

После обучения в Тибете защитил степень гэбшэ-ламы в Агинском дацане, принял обет гелуна, стал наставником лам и хуваракков в своем дацане. Через несколько лет Бадма-Доржо был направлен на обучение в монастырскую школу Чойра при Цугольском дацане «Даши Чойпэллинг» Читинской области. Окончив факультет цаннит по изучению сутры в школе Чойра, Бадма-Доржо защищает ученую степень «габжа» (ученое звание, присваиваемое ламе, «изучившему 10 текстов», выдержавшему диспут по вышеупомянутым пяти великим писаниям и пяти знаменитым комментариям к ним).

«...Затем он держит путь в Лхасу. Благодаря тому, что Бадма-Доржо был человеком решительным и настойчивым, ему удалось добраться до столицы Тибета, несмотря на все трудности, с которыми ему пришлось столкнуться на своем пути. В Лхасе он продолжил углубленное изучение буддийской философии, астрологии, теологии.

В 1921 г. Бадма-Доржо-лама вернулся в свой дацан, где делился своими знаниями, став наставником, учителем и преподавателем для многих молодых хуваракков и лам. На тот момент не было равного ему, настолько глубоки и фундаментальны были его знания» [Цыренжапов Ц.-Д., 2015, с. 47].

«В 1930-е гг. был арестован по ложному доносу, перенес тяжелейшие годы ссылки. Был отправлен в Иркутскую область, в Черемхово, где ему пришлось провести долгих десять лет на лесозаготовках. В 1946 г. его племяннику Шогдопу Жамбаловичу Доржиеву удалось добиться его освобождения. Бадма-Доржо возвращается на родину, устраивается в местный колхоз, работу свою выполняет с особым старанием и аккуратностью.

С открытием Иволгинского дацана начался новый этап в его жизни: он был приглашен Пандидо хамбо-ламой на первое время на должность рядового ламы.

Его исключительные познания в буддизме не остались без внимания, XVII Пандидо хамбо-лама Лубсан-Нима Дармаев назначил Бадма-Доржо шэрэтэ Иволгинского дацана» [Цыренжапов Ц.-Д., 2015, с. 47]. Он провел на этой должности самый долгий срок среди всех шэрэтэ — 14 лет. В 1948 г. значился в списке зарегистрированных лам Хамбинского сумэ [ГАРБ, ф. 248, оп. 4, д. 80, л. 87]. На съезде 13–14 октября 1956 г. был избран в новый состав ЦДУБ СССР. Был дид хамбо-ламой, заместителем председателя ЦДУБ СССР.

«Это время было самым сложным в жизни дацана: годы восстановления, недостаток материальных ресурсов, а самое главное — кадров. Тем не менее, несмотря на трудности, Бадма-Доржо-лама справился со своей задачей по восстановлению и развитию дацана. Он пользовался большим уважением среди населения, лам и хуваракон. Под его руководством был построен субурган недалеко от села Булак. В селе Улзыто — на родине его матери — также возведен субурган в его честь от благодарных мирян. На территории Иволгинского дацана рядом с Диваажин-дуганом находится субурган, построенный в честь габжа-ламы Бадма-Доржо Жамбалова. В год шестидесятилетнего юбилея Иволгинского дацана и к 115-летию со дня рождения Бадма-Доржо-ламы буддийское общество «Ламрим» выпустило книгу о его жизненном пути.

В 1967 г. на семьдесят шестом году жизни Бадма-Доржо-лама тяжело заболел. Он вернулся к себе на родину в село Булак. Он покинул этот мир в кругу своей семьи и учеников» [Цыренжапов Ц.-Д., с. 48].

Из воспоминаний его племянника Кенсура Чойдоржи-ламы: «На родине моего дяди в селе Булак стоит дом, в котором родились и выросли мой брат Сергей и я. Этот дом был построен настоящими мастерами своего дела, настолько был он большим, теплым и уютным. Когда мы были маленькими детьми, мы многого не понимали. Но из воспоминаний ярко выделяется одно из них. Дядя приезжал к нам из Иволгинского дацана на черной «Волге» (ГАЗ-21), иногда на такси. Когда машина подъезжала, мы все выбегали его встречать. Он выходил из машины медленно и степенно. В руках у него всегда было несколько бумажных свертков с вкуснейшими орехами. Дядя всегда внимательно наблюдал за нами, как мы уплетали эти орешки. Однако не все было так просто. По дороге домой он собирал похожий по размеру бараний нут и смешивал их с орешками. Кто-нибудь из нас детей, наиболее невнимательный, обязательно попадался на уловку и начинал плевать. Остальные тогда с двойным вниманием и усердием продолжали щелкать орехи. Таким образом, дядя пытался до нас донести, что нужно во всем быть внимательным, даже в мелочах. Этот урок, наверное, у всех у нас остался в памяти на всю жизнь.

Когда дядя приезжал к нам, мы все вместе ходили “гороо” вокруг дома. Когда он был в доме, мы не заходили без разрешения, вели себя тихо, не бегали и не прыгали. У дяди всегда было полно вкусностей: конфеты, печенье, которыми он нас всегда угощал» [Бадма-Доржо ламхай, 2006];

3) Нима Жапов (1905–1990). Шэрэтэ Иволгинского дацана в 1976–1980 гг. [Цырендашиев Д., Дамбиева Ц., 2016].

«Жапов (Жабай) Нима родился в 1905 г. в селе Могсохон Хоринского ведомства. В семье также росли две его сестры. Старшая сестра дожила до девяноста лет, к сожалению, собственных детей не имела. У младшей сестры есть дочь, которая сейчас живет в родительском доме.

Скрываясь от ареста, Нима-лама отправляется в Читинскую область вместе со своим другом Сан-Дылык-ламой (один из четверых братьев — чесанских лам семьи Ендоновых: Ринчин, Будажап, Тарба). Весь путь от села Чесан до станции Могзон они прошли пешком, передвигаясь в основном в темное время суток... В лесах вблизи станций Сохондо и Могзон в 1935–1937 гг. вместе с ними скрывались еще 20 лам, среди них были ламы Чесанского дацана: Дархан Амбэ, Халзан Амбэ, Цыбик Бахан Ахэ, Цыдыпов Цыбик и др.

Не обошлось и без добрых людей: Петр Гаврилович Малых, мастер на железной дороге, многим помогал, давал работу. Из воспоминаний Пагмы Доржиевой известно, что однажды вечером, когда у нее в гостях были Нима-лама, Сан-Дылык-лама и Петр Гаврилович, приехали милиционеры из Еравны. Однако Петр Гаврилович успел вывести Сан-Дылыка и Ниму через другой выход, а милиционерам сказал, что в доме посторонних нет, тем самым спас их от ареста.

По дороге в Харагун и уже в самом Могзоне Нима-лама и Сан-Дылык-лама, используя свои знания и навыки в тибетской медицине, помогали местным жителям по мере своих сил и возможностей. Благодарные жители, в свою очередь, кормили и предоставляли им кров.

В сороковые годы председатель сельсовета Хрущев Федор помог им получить паспорта. Они внесли изменения в датах рождения: Нима Жапов поменял год рождения с 1905 на 1904-й, Сан-Дылык Ендонов — с 1905 на 1906-й, он также изменил первую букву своей фамилии и стал Юндуновым. Получив документы, они стали полноправными гражданами, стало проще найти работу, чем они и воспользовались — официально устроились на железную дорогу.... Стали обходчиками железнодорожных путей недалеко от станции Сохондо. Там Сан-Дылык-лама встретил свою будущую жену Должиму родом из села Можайка Еравнинского района. Она была репрессирована и отбывала срок на железной дороге... родились сын Гынин-Дарма и дочь Зинаида.

Когда началась Великая Отечественная война, Сан-Дылык-лама и Нима-лама были вынуждены остаться, железнодорожных рабочих не брали на фронт. По окончании войны в 1946 г. они уехали в село Улзыто Читинской области. Работали в местном колхозе. На селе они считались образованными людьми и пользовались большим уважением.

Нима-лама, высокий и сильный, был замечательным плотником, кузнецом, строителем, в общем, мастер на все руки. Он мог построить деревянный дом один без чьей-либо помощи. Для этого он сам ходил в лес и выбирал определенную древесину, пригодную для строительства... Из жестиных листов он вырезал также домашнюю утварь: ведра, тазы, ковши, позницы... Летом многие уезжали на летники, а Нима-лама оставался сторожить село. В это время он изготавливал грабли, косы, сани, телеги и все необходимое для колхоза.

Так зарабатывались трудовни, за которые давали несколько мешков зерна, с ними люди уезжали на станцию Яблонева, где меняли их на деньги... В 1954–1955 гг. Нима-ламу пригласили в Иволгинский дацан. Он прошел путь от простого ламы до унзад, соржо, шэрэтэ в 1976–1980 гг. Был в составе организаторов встречи Далай-ламы XIV в период его пребывания в Бурятии. Его друг Сан-Дылык участвовал в хуралах, проводимых в дацане. Летом 1979 г. он посетил Монголию в составе делегации Азиатской буддийской конференции за мир

(АБКМ). В 1980 г. после многих его просьб, по состоянию здоровья по достижении 79 лет Нима-лама был освобожден от должности настоятеля» [Цыренжапов Ц.-Д., 2015, с. 33–35].

Из воспоминаний Жамсо и Цырен-Жапа Базаровых: «Жапов Нима-ахай жил в селе Улзыто, работал в колхозе “Нэгэн-Хусэн”. Он был настоящим мастером, строил дома, делал и обжигал кирпичи, клал печи во всех домах Улзыто. Он мог работать с металлом, даже занимался кузнечной сваркой. Нима-ахай был хорошим столяром, изготавливал мебель, сундуки, гунгарва, столы, стулья, телеги, конные сани. Я помню, когда заходил к нему домой, он рисовал и реставрировал иконы, изготавливал хужэ...».

4) Чимит-Доржо Дашибылович Дашибылов (1958–2005). Уроженец местности Губээ, села Загустай Кижингинского района. С 1986 г. хуварак монгольского Буддийского университета в г. Улан-Баторе. С 1991 г. лама Кижингинского дацана, шэрэтэ Кижингинского дацана до 1994 г., с 1995 г. служил в дацане Хамбын Хурэ на Верхней Березовке г. Улан-Удэ, в 2002 г. вернулся в с. Загустай. Служил в Чесанском дацане с 2002 по 2005 г.

5) Дашинима Владимирович Содномдоржиев. Первый шэрэтэ возрожденного Чесанского дацана, с 1991 по 1993 г. С 1995 по 1998 г. шэрэтэ Иволгинского дацана [Цырендашиев Д., 2016, х. 179], с 1998 по 2011 г. — дид хамбо-лама. С 2011 г. по настоящее время дид хамбо-лама БТСР по Иркутской области.

Родился 1 января 1967 г. в с. Могсохон Хоринского района БМАССР. После учебы в средней школе и службы в рядах Советской Армии посвятил себя служению Учению Будды. С 1987 по 1992 г. учился в Буддийской духовной академии (г. Улан-Батор, Монголия).

6) Нима-Цырен Бодиев (1959–2014). Шэрэтэ Анинского дацана. Родился в 1959 г. в селе Булак Кижингинского района. Учился в лицее-интернате № 1, окончил факультет физической культуры Бурятского государственного педагогического института им. Доржи Банзарова, защитил звание кандидата в мастера спорта по боксу. Работал тренером по боксу в ДЮСШ в с. Кижинга. В 1990 г. стал хуварак в Чесанском дацане. Духовное имя Цыден-Дамба-лама. В 1994–1997 гг. был шэрэтэ Анинского дацана. Затем вернулся в Чесанский дацан. Жена Маргарита Уладаева, сын Баир пошел по стопам отца, учится в Буддийском университете при Иволгинском дацане.

7) Батор Бадмаевич Бадмаев (Павлов) был шэрэтэ дацана «Даша Лхун Дублин». Родился 9 августа 1979 г. в с. Загустай Кижингинского района Республики Бурятия. В 1995 г., окончив Чесанскую среднюю школу, стал хуварак Чесанского дацана, поступил в Буддийский университет «Даши Чойнхорлин» имени Дамба Даржа Заяева, служил в дацане «Хамбын Хурэ» на Верхней Березовке г. Улан-Удэ.

В 2000 г. был направлен в с. Шибертуй Бичурского района шэрэтэ дацана «Даша Лхун Дублин». Шибертуйский дацан — наследник одного из старинных дацанов России (1826) — Хохюртаевского (с 1918 г. Амгалантуйский). Он вспоминал, что «когда только начал служить там, это был просто маленький дуган. Со временем было решено возвести новый дацан, в связи с этим в 2005 г. был проведен благотворительный марафон по сбору средств на строительство нового Шибертуйского Цогчен-дугана». Большие усилия Батор Бадмаевич вложил в строительство трехэтажного здания, возведение которого продолжалось долгих

пять лет. При огромной помощи земляков, простых прихожан, выходцев из Бичуры под руководством Батор-ламы 6 октября 2010 г. состоялось долгожданное открытие нового Шибертуйского дацана. Освящение Цогчен-дугана проводил Пандидо хамбо-лама Д. Аюшеев, а также шэрэтэ дацанов Агинского округа, Иркутской области, Бурятии. Сегодня Шибертуйский дацан стал центром притяжения всех бурят, живущих в Бичурском районе. Также по инициативе Батор-ламы были сооружены ступы-субурганы возле восьми населенных пунктов Бичурского района, в святых местах гор Хайранга-хан и Хайсгар. За вклад в развитие буддийской религии был награжден почетной грамотой Правительства Республики Бурятия, почетной грамотой Народного хурала Республики Бурятия, а также в честь 350-летия вхождения Республики Бурятия в состав Российской Федерации был награжден юбилейной медалью РБ.

В свое время были широко известны ламы, которые имели высокое звание «аграмба», защитившие его в том числе и в Тибете (Лхасе). Звание «аграмба» означает «совершенный знаток символики» (почётное тантрийское звание Дорже-зинрамба — «Держатель ваджра»). Тибетский термин «Дорджезинба» — это буквальный перевод санскритского «Ваджрадха», которое в тантрийской традиции есть особое проявление Будды Шакьямуни. В этой форме Будда проповедовал тантры. Соответственно, титул «Дорджезинба» уподобляет тантрийского мастера самому источнику буддийской тантры. Среди тех, кто достиг такого высокого уровня знаний, есть ламы, установленные нами: габжа-лама, родом из местности Чесанын Эхинһээ, Дэмбэрэл Гатабай, из рода Нохой Хубдууд, защитил звание аграмбы в Лхасе (Тибете); габжа-лама Будажап Ендонов, также защитил звание аграмбы в Лхасе; габжа-лама Цыренжаб Гатавон (Гатабон, 1890–1979) из Эгитуйского дацана, успешно окончил образовательный курс и защитил в Чесанском дацане звание аграмбы; Даши-Жамсо Гармаев, 1878 г. р., из Баянгола, неизвестно, где защитил звание аграмбы.

Известно имя аграмба-ламы Чесанского дацана Будажапа Цыреновича Ендонова (1890–1956). По информации родственников, был шэрэтэ дацана в Республике Тыва «Танга Тубидэ» (с начала 1930-х до 1953 г.). Нами продолжается поиск материалов о периоде его жизнедеятельности в Тыве. В настоящее время в фондах Национального музея Республики Тыва, в государственном архиве Республики Тыва сведений о нем не обнаружено. В изданной в 2015 г. в Республике Тыва книге «История тувинских монастырей и лам» Станислава Серенот-башкы восстановлено более тысячи имен лам и хувараков из Тывы. В этой книге его имени нет.

«Ендонов Будажап родился в 1890 г., второй сын в семье Цыренова Ендона, гэбшэ, эмшэ-ламы Чесанского дацана. В семье было много детей: четыре сына (Ринчин, Будажап, Тарба и Сан-Дылык) и шесть дочерей. Все сыновья были отданы в Чесанский дацан на обучение. Ринчин-лама защитил звание гэбшэ, умер в молодые годы. Тарба-лама тоже умер в молодом возрасте. Сан-Дылык защитил ученое звание гэбшэ, как и отец, стал худалши, эмчи-ламой.

Будажап-лама, защитив ученое звание габжа, решил отправиться на учебу в «Баруун Жуу» (Тибет, г. Лхаса). Благодаря целеустремленности и упорству после успешной сдачи экзамена защитил степень аграмбы, что означает «совершенный знаток символики». Иногда эта степень называется Дорже-зинрамба — «Держа-

тель ваджра”. Таким образом, Будажап-лама обрел большую известность и авторитет среди лам и хуварак. Более двадцати лет он был шэрэтэ дацана в Республике Тыва (“Танга Тубидэ”)» [Цыренжапов Ц.-Д., с. 42–43].

О нем ничего не было известно вплоть до его возвращения на малую родину в 1953 г., где он прожил свои последние годы среди близких и родных. В 1956 г. Будажап-лама покинул этот мир.

Корреспондент газеты записал воспоминания одной женщины в с. Загустай Кижингинского района: «В 1950 г. у меня родилась дочь Бутидма, которая со временем перестала видеть. Через год родился мальчик, он был очень слаб и прожил недолго. Обращались к врачам, но они так и не смогли помочь. Тогда я села на коня и отправилась за десять километров к Будажап-ламбгай. Он встретил меня с улыбкой, внимательно выслушал и сказал: “Ты не переживай и не бойся, я обязательно помогу тебе, проведу все необходимые обряды, помолюсь за вас. Поезжай домой. У тебя будет еще много детей, и все они вырастут хорошими людьми”. Благодаря помощи Будажап-ламы в моей семье родилось три сына и шесть дочерей. Будажап-лама в любое время всегда помогал людям» [Чимитов Ц., 1992].

Правнук Будажап-ламы (по материнской линии) хуварак Лубсан (Жамьян Баярович Содномов, 1993 г. р., уроженец с. Загустай Кижингинского района) учится в Буддийском университете при Иволгинском дацане, окончил 6-й курс на философском факультете. По отцовской линии является правнуком гэбшэ-ламы из Чесанского дацана Осора Гэлэгэй из Хульхисона.

Широко известно имя ламы Иволгинского дацана Галсана Жамбаловича Жамбалова (1896–1983). «Лама Галсан Жамбалов родился в 1896 г. в Могзонском сомоне в роду Харгана в семье Жамбала Галсанова, в которой росли пятеро сыновей и две дочери. В возрасте восьми лет был отдан хуварак в Чесанский дацан. Одно время Галсан Жамбалович занимал должность повара на кухне дацана, варил еду для всех лам. Успешно окончив обучение, Галсан Жамбалович защитил ученую степень “гэбшэ” и стал штатным ламой Чесанского дацана.

В десять лет Галсан потерял родителей. В семье он был старшим сыном, поэтому на его плечи легла обязанность растить и воспитывать младших братьев и сестер. Самую старшую сестру Мыдыг отдали на воспитание тете — Долгор Базаровой, у которой тоже была большая многодетная семья. Брата Цыремпила отдали в семью Буда Жамьянова. Во время репрессий Буда раскулачили и отправили в ссылку вместе с Цыремпилом. К сожалению, Буда недолго прожил в ссылке, заболел и умер. Брат Бамбай жил в селе Укурук, женился на Дамдиновой Дулме. В тридцатых годах они переехали в село Бада Читинской области, где у них родились сыновья Батоцырен и Батомунко. Во время Великой Отечественной войны Бамбай ушел на фронт, откуда он уже не вернулся.

В то время шэрэтэ Чесанского дацана был Рабжа-багша (Рабжа Цыбигдоржиевич Жамьянов, Павлов Добчин), который являлся родственником, а также наставником (учителем) Жамбалова Галсан-ламы. Галсан, в свою очередь, помогал по хозяйству и ухаживал за пожилым Рабжа-багшой. Во время репрессий они оба были арестованы и отправлены в тюрьму.

Галсан Жамбалович рассказывал, что Рабжа-багша нашел в камере удобное место на втором ярусе. Пока его не было, один из заключенных занял это место. Вернувшись, Галсан-лама сбросил с места этого человека. Почувствовав внут-

рENNую энергию и силу воли Галсана Жамбаловича, заключенный не стал связываться и уступил место. Сам Галсан переживал, что, возможно, этот инцидент в будущем отразится на нем, тем не менее все обошлось, и никто не заметил.

В 1937 г., когда состояние Рабжа-багши резко ухудшилось, Галсан-ламе каким-то образом удалось договориться, и их вместе выпустили из тюрьмы. Галсан Жамбалович ухаживал за Рабжа-багшой до самого последнего момента. В том же году Рабжа-багша покинул этот мир. Галсан-лама проводил своего наставника по всем положенным буддийским обрядам.

После этого Галсана Жамбаловича забрали обратно в тюрьму, в которой он провел еще семь лет до 1944 г. В том же году всех оставшихся в живых лам помиловали и отпустили на свободу. Из реабилитированных лам восемьдесят человек призвали в армию, среди них был Галсан-лама. Так как Галсан Жамбалович хорошо управлялся с лошадьми, ему доверили коня и походную кухню, он следил за достаточным пополнением дров и воды. После войны Галсан-лама вернувшись домой, устроился работать в колхозе. Зимой он занимался отоплением овощехранилища.

Его племянник Батоцырен пригласил Галсана Жамбаловича переехать к нему в Улан-Удэ. Позже открылся Иволгинский дацан, куда его пригласили на службу штатным ламой. Он отказался от предложения, но переехал в дацан и стал нештатным ламой. На территории Иволгинского дацана ему построили маленький домик, где он жил и работал. В 1983 г. он покинул этот мир» [Цыренжапов Ц.-Д., с. 29–31].

Одним из хранителей драгоценного нетленного тела Пандидо хамбо-ламы Даши-Доржо Итигэлова с апреля 2008 по октябрь 2015 г. был Жалсан-лама (Энгельс Эрдынеевич Николаев), выходец из Чесанского дацана.

Он пошел по стопам хуvaraком Чесанского дацана. Родился 10 ноября 1979 г. в с. Чесан Кижингинского района. С детства был прилежным и очень старательным учеником, принимал активное участие в художественной самодеятельности школы, играл ведущие роли в школьном драматическом кружке. В 1994 г. в возрасте 14 лет был отдан хуvaraком в Чесанский дацан. В 1999–2002 гг. его наставником был Тунга-лама (Иволгинский дацан). Он прошел обучение в Чесанском, Иволгинском дацанах, Гандан-дацане в Монголии. В 2002–2008 гг. получил образование в Буддийском университете Гоман-дацана в Индии (факультет буддийской философии). С мая 2016 г. по настоящее время гелун Жалсан-лама служит в Чесанском дацане. Осенью 2017 г. выехал для дальнейшей учебы в Непал.

Среди лам Чесанского дацана были известные ламы, обладающие различными сиддхами (бур. шиди, шидитэй). Сиддхи (санскр. *siddhi*, «совершенный») — сверхъестественные силы, способность творить чудеса, сверхобычные возможности человека в йоге. Этот термин встречается в литературе по йоге и буддизму Ваджраяны. Сиддхами также называют великих йогингов (махасиддхов). Сверхспособности у них проявляются в ходе духовного развития и представляют собой высшие степени посвящения, которые могут достичь в результате многолетних тренировок йоги.

Примерами сиддхов являются ясновидение, яснослышание, телепатия, осведомленность о будущем (или прошлом), совершенная интуиция, телепортация, способность быстро перемещаться на большие расстояния, становиться невиди-

мым по своему желанию, обходиться без сна, задерживать дыхание и сердцебиение на долгое время (неделями), обходиться без еды и воды, являть себя одновременно в двух и более разных местах, лечить болезни, воскрешать, способность материализовывать предметы, направлять события в нужное русло и др. Все примеры можно свести к восьми классическим сиддхам (ашта-сиддхи): Анима — умение становиться маленьким, как атом; Махима — умение становиться бесконечно большим; Лагхима — сверхлегкость, левитация; Прапти — способность к расширению, вездесущности, способность передвигать предметы с одного места на другое, не пересекая при этом разделяющего их пространства; Вашитва — управление природными силами; Ишитва — превосходство над природой; Пракамья — осуществление желаний; Кама-авасайитва — полная удовлетворенность.

К самым известным и почитаемым ламам, обладавшим сиддхами, высокими знаниями в буддийской философии, тибетской медицине, астрологии, всеми таинствами буддийских учений и практик, можно отнести трех лам, которые после смерти в разные годы были признаны хубилганами — воплощениями Очирвани, Арья-Баала, Ямандага, что является большой гордостью Чесанского дацана:

– шэрэтэ (в 1892–1904 гг.) Чесанского дацана Ринчин Чойван Эрдынеев — Эрдэни-лама из Хульхисона — был признан хубилганом (воплощением) Очирвани [Үндэр... С. 4]; Ваджрасаттва — по-бурятски Очирвани-бурхан. 31 декабря 1870 г. — хуварак, 16 марта 1873 г. — банди, 28 февраля 1874 г. — гелун Анинского дацана, с 5 февраля по 11 октября 1883 г. исполнял обязанности шэрэтэ Анинского дацана, 16 августа 1887 г. переведен в Чесанский дацан, 17 февраля 1892 г. в возрасте 51 года утверждён шэрэтэ Чесанского дацана;

– шэрэтэ (в 1905–1911 гг.) Чесанского дацана лама Агван Зургадаев был признан хубилганом Арья-Баала-бурхана [Үндэр... С. 4]. Габжа-лама Ринчин-Агван Зургадаев был уроженцем Дээдэ Чисаан. Место его рождения Үндэр Хушуун, расположено недалеко от местности Хуһан Жалга. Ему не было равных в диспутах по буддийской философии. В народе был прозван Зургаадай-багша, так как днем и ночью не выпускал из рук четки, читая мантру Арья-Баалы (Ом мани бадме хум), количество которых довел до шестисот миллионов! Проводил уединенную медитацию в местности Нарин-Булаг. Впоследствии местный аршан, который берет свое начало с Мухар-Шэбэра, прославился как Зургаадай Багшын Аршаан. В 1903 г., когда 13-й Далай-лама Тубдэн-Жамсо находился в Монголии (г. Улан-Батор), он встретился с ним. При встрече они приветствовали друг друга, прикасаясь лбами (означает приветствие равного с равным);

– шэрэтэ (в 1919–1920 гг.) Чесанского дацана Бальжир Ямпиров был признан хубилганом Ямантаки [Цыренжапов Ц.-Д., 2015, с. 101].

Известными в свое время были и жодче-ламы, которые могли проводить специальные обряды. Жод — практика индивидуального созерцания, медитативный ритуал, проводимый по традиции в пустынных местах, у источников, в пещерах. Жод-лама, или жодчин, — владеющий таинственными знаниями управления природными силами, способный уничтожить зло. Среди них жодче-лама Жамбал Дамдинов из Сулхары; жодче-лама Лубсан Сандидов из с. Могсохон, габжа; жодче-лама Намдаг Сангитович Намсараев (1898–1942) — племянник Лубсан-ламы из Чесанского дацана, с 7 лет хуварак Чесанского дацана, изучал жод в Эгитуйском дацане, там же защитил ученую степень гэбшэ, погиб на фронте.

В книге Ц.-Д. Цыренжапова есть описание габжа, жодче-ламы Гурдармы Дандарова, который обладал сверхъестественными способностями: «...Он мог сделать так, чтобы во время дождя не промокнуть. Часто ездил с братом Шойдоном от Зун-Нэмэтэя до Барун-Нэмэтэя, в дождливую погоду занимались уборкой сена, когда соседи не могли. Гурдарма мог сокращать дороги (расстояния). Поначалу ему не верили, пока однажды Дамдин Бадмаев с другом не испытали его и не убедились в этом [Цыренжапов Ц.-Д., с. 103].

Габжа-лама Бальжин Бадмацыренов мог передвигать вещи на расстоянии (шэрээ гуйлгэдэг байгаа юм), габжа-лама Ринчинэй Тарниша из Могсохона мог укорачивать расстояния. О некоторых из них писали в различных газетах и книгах:

– «...многие ламы обладали различными сиддхами. Среди них габжа Бальжин Бадмацыренов, познавший пустотность бытия. Оодойн Тарниша, гэбши-лама, родом из Сунхэриг (Хусоотэ), укорачивал расстояние, мог во рту расплавить серебро» [Аюржанаева Д., 2009, с. 4];

– в книге «Дождь из цветов» И. Л. Муханова описано два случая, связанных с именами известных лам Чесанского дацана — Пирангалай-ламы (Шой-баабай) и Абидайн Зандараа-ламы (шочины — предсказатели, гуртэны — прорицатели): «В 1937 г. кто-то поджег колхозное сено неподалеку от села Кижинга. И местные органы милиции, давно мечтавшие расправиться с ламой Кижингинского дацана Пирангалаем, который пользовался большой славой у людей, указали руководству колхоза свалить вину на него. Узнав об этом, Пирангалай взял в руки четки и стал читать мантру, посвященную Зеленой Таре. Читал он до тех самых пор, пока невозмутимое спокойствие не отразилось на его лице. После этого Пирангалай посмотрел на большой палец своей руки, перебиривший четки, и увидел на нем сначала изображение Зеленой Тары, а затем лицо человека, который совершил поджог. Сопровождаемый работниками милиции, Пирангалай-лама отправился домой к тому человеку и со всеми подробностями рассказал ему, как тот совершал поджог... И человек признал свою вину» [Муханов И. Л., 2011, с. 117];

– «В 1964 г. пропала одна женщина, чабанившая вместе со своим мужем неподалеку от села Кижинга. Ее искали повсюду, но нигде не могли найти. И тогда решили обратиться за помощью к ламе Пирангалаю, бывшему в то время уже седым стариком. Пирангалай привезли к дому, в котором жила эта женщина вместе со своим мужем и детьми, и Пирангалай совершил обряд, полагавшийся по такому случаю. А после подошел к кустарнику, росшему в десяти шагах от дома, и объявил: “Сейчас она выбежит из кустов. Ловите ее, иначе никогда больше не увидите!”.

Вскоре пропавшая женщина и вправду выбежала из кустов, посмотрела каким-то странным взглядом на ожидавших ее людей и метнулась в сторону... Женщину догнали и силой привели в дом. В таком странном, если не сказать больше, состоянии она находилась еще несколько дней, а потом пришла в себя и рассказала такую историю: “Встретила я незнакомую женщину, которая представилась мне Хозяйкой одной горы, расположенной в нашей местности. Эта женщина, уверенно сидевшая на своем коне, пригласила меня прогуляться вместе с ней, и мы поехали.

У женщины были длинные распущенные волосы, и она пела песни в пути. И на сердце у меня становилось от ее песен легко и весело. Питались мы какой-

то незнакомой мне ягодой, которую находили в пути. Ягода эта имела красно-оранжевый цвет, и я вполне ею наедалась. Когда мы отдыхали в поле, возле высокой копны, приехали за этой копной люди на телеге. Хозяйка взяла меня за руку, и люди нас не заметили. Ездили мы с ней на Байкал и присутствовали на каком-то большом собрании. Курили по очереди длинную трубку, из которой шел очень приятный дым.

Проезжали мы одно заброшенное кладбище, и я увидела стоявшие повсюду дома и людей, ходивших между ними. Люди о чем-то разговаривали между собой, а вдалеке лаяла собака. Когда мы находились возле одного санатория, нас заметила девочка лет пяти, гулявшая по дорожке вместе со своими родителями. Девочка решила ко мне подойти, но Хозяйка спешно увела меня в лес. После этого Хозяйке понадобились спички и табак, и мы поехали к горе Челсана. Хозяин этой горы, Седой Отец, встретил нас у самого ее подножия и сердито спросил Хозяйку: Где ты была? Эту женщину повсюду ищут... Немедленно отвези ее домой!» Хозяйка отвезла меня домой и, явно недовольная указом Седого Отца, столкнула с лошади. Я упала и потеряла сознание, а потом обнаружила себя среди людей» [Муханов И. Л., 2011, с. 119–121];

– в книге Ц.-Д. Цыренжапова «Чесанский дацан» есть описание случая с Шой-баабай (Гармажапова Пирангалая Цынгеевича): «...Из воспоминаний Жалсана Дондокова: “В семидесятые годы как-то вечером я зашел к Шой-баабай. У него как раз ждал приема директор колхоза “Загустайский”. Увидев друг друга, нам стало неловко, ведь мы оба коммунисты, а пришли за советом к ламе. Он рассказал, что в колхозе потерялся табун, его долго искали, но так и не нашли, отчаявшись, он пришел к Шой-баабай за помощью. Прошло время, встретились на собрании в районе, я поинтересовался, нашел ли он свой табун. Он радостно прошептал, что Шой-баабай сказал искать в районе Ульдурги в лесу, и действительно табун нашли в том месте”» [Цыренжапов Ц.-Д., с. 52];

– в статье Цырен-Дондока Чимитова «Хубилганууднаа эхитэй» (*пер.* — Д. Н.) описан случай из жизни Хошхо Хамнаевича Ундонова, много лет проработавшего агрономом МТС и колхоза. Его внук был слаб здоровьем и часто болел. Врачи не могли помочь, и ему посоветовали обратиться к Шоо-баабай. Он посмотрел и сказал, что причина в его охоте, в применении удушающих петель (ловушек), что лесные звери тоже божьи создания и не заслуживают предсмертных мучений. Шоо-баабай посоветовал ему прекратить ставить ловушки, сделал специальный обряд и прочитал молитву. Несмотря на то, что Хошхо Хамнаевич был коммунистом, он выполнил советы ламы. Вскоре ребенок, прикованный к кровати, пошел на поправку и встал на ноги. Эти и другие истории про своего деда знает Балдан, — лама Иволгинского дацана, преподаватель в Буддийском университете, получавший буддийское образование в Индии Гоман-дацане в течение 9 лет (с апреля 2001 до мая 2010 г. в монастыре Балдан Брэйбун), гэбшэ. Он предоставил краткую биографию своего деда: «Гармажапов Пирангалая Цынгеевич (род Харгана) родился в 1911 г. в местности Шулута Чесанского сомона Хоринского района. В 10 лет родители отдали его в хуараки в Чесанский дацан. Успешно сдал экзамены на ученое звание “гэбшэ”. Скрываясь от репрессий, он уехал в Читинскую область к своим родственникам. В 1941 г. призван на фронт, но направили на работы в железнодорожные войска. Из-за изнурительной и тяжелой работы в 1943 г. он тяжело заболел. Вернувшись домой, работал на Чесан-

ской машино-тракторной станции (МТС) табунщиком, кузнецом, сплавлял лес по реке и др. В 1945 г. женился на Цыбжидме Дамдиновне Дашиевой, родились два сына и две дочери. Старший сын Шой-Жамса Пирангалаевич в настоящее время проживает в пос. Кижинга со своей семьей. В 1971 г. Пирангалай Цынгеевич вышел на заслуженный отдых. К нему обращались со всего района, и он безотказно проводил буддийские обряды, молебны. В народе Пирангалай Цынгеевича называли Шой-баабай, именем старшего сына. Несколько раз его приглашали работать в Бурятский научный центр (БНЦ), так как он хорошо владел монгольским и тибетским языками. В 1983 г. шэрэтэ Иволгинского дацана пригласил Пирангалай Цынгеевича штатным ламой. В 1986 г. он тяжело заболел и был вынужден вернуться в село Чесан Кижингинского района. В этом же году его не стало. В газете “Хэжэнгэ” от 5 апреля 2012 г. № 13 была опубликована о нем статья “Наһанай харгы”»;

– в книге И. Л. Муханова «Дождь из цветов» есть описание случая с габжой, соржо-ламой Чесанского дацана Абидайн Зандараа из местности Тураасгай: «Неподалеку от Чесанского дацана загорелась по непонятной причине степь. Сильный ветер гнал полосу огня прямо на дацан, грозя в короткое время уничтожить все, что люди создавали веками. Вооружившись ведрами и лопатами, ламы и хуvaraки этого дацана вышли сражаться с пожаром. Но ветер снова и снова раздувал огонь! И когда люди, спасавшие Чесанский дацан, были уже готовы расписаться в своем бессилии, к ним, качаясь под ветром, как былинка, подошел Абида-лама. Люди про этого ламу говорили, что он был отличным тантристом, и в его ветхом, как и он сам, домике ничего, кроме священных книг, не было. Абида-лама внимательно посмотрел на языки огня, бушевавшего повсюду, и стал своей тросточкой писать в воздухе слова. Вскоре после этого ветер подул в обратную сторону и пожар прекратился» [Муханов И. Л., с. 117];

– шэрэтэ Чесанского дацана Зургаадайн-багша был известным жодчином, который «предсказал революцию 1917 г., Гражданскую войну, появление атомного оружия» [Цыренжапов Ц.-Д., с. 13]. По информации Намсалмы Жамьяншираповны Иннокентьевой — дочери гэбшэ-ламы Жамьянширапа Будановича Цыбикова из Чесанского дацана: «Вспоминается рассказ отца об одном случае из жизни его учителя Зургаадайн-багши. Зургаадайн-багша со своим учеником Дампилай Данзаном отправился на лошади, запряженной в телегу, в Гандан-дацан (Монголия) поклониться Далай-ламе, пребывавшему там. Когда Зургаадайн-багша переступил порог дацана, Далай-лама, увидев его, спустился с трона, пошел навстречу, и они приветствовали друг друга поклонившись друг другу, соприкоснувшись лбами как равный с равным, и как старые знакомые заговорили на незнакомом Данзану-хуvaraку языке. (Это говорит о том, что Зургаадайн-багша был очень благородной душой, в прежней жизни знавший Далай-ламу и помнящий тот язык, так как в этой жизни они встретились впервые.) На обратном пути Зургаадайн-багша сказал Данзану, сидевшему за вожжами: “Иди назад, поспи” и сам сел за вожжи. Данзан не спал неделю, дорогу от Гандана (Урга, ныне Улан-Батор) за неделю-то вряд ли одолеешь, но суть в том: когда учитель разбудил ученика, чтобы тот сел за вожжи, они оказались на перевале Уулэн Хаан, рядом с Чесанским дацаном, Зургаадайн-багша сократил дорогу» [Цыренжапов Ц.-Д., с. 68–69].

– Цыренэй Данзан-габжа (гуртэнчи — прорицатель, предсказатель) — в период учебы в Чесанском дацане особых успехов достиг в изучении астрологии. «Его предсказания были настолько точными, что к нему ездили из разных уголков республики...» [Цыренжапов Ц.-Д., с. 54];

– шэрэтэ Чесанского дацана Рабжа-лама Добчин Павлов. «Он пользовался большим уважением, и к нему всегда обращались “Багша”. В то время шло строительство Восточно-Сибирской железной дороги, и оно приближалось к поселению. Тогда жители пришли с хадаком к Рабжа-багше просить, чтобы железная дорога прошла мимо селения. Он долго и много читал молитвы — в то лето было сильное наводнение, и железную дорогу провели вдоль линии гор села Укурик, мимо самого села...». Этот эпизод связывают с его именем [Цыренжапов Ц.-Д. С. 21]; второй случай: «Рабжу-багшу сопровождал Цыбикжап Гармаев (в народе звали его Борхондой). Летник в Орто находился в километрах пятнадцати от дугана. Конечно, никто точно не измерял расстояние, называли приблизительно. Они проехали несколько километров, как собрался дождь. Борхондой стал погонять коня, хотел приехать до начала дождя. Рабжа-багша сказал ему: “Не торопись, езжай рядом со мной, далеко не отходи”. Ехали они шагом не торопясь, дождь лил как из ведра, но они ни капельки не промокли. Рабжа-багша обладал и другими шиде. Мог предвидеть, что произойдет. В местности Аята весной возник страшный пожар. Вокруг стойбищ Аяты Хагдан горела прошлогодняя трава высотой по пояс. Аятинцы надеялись только на чудо, потому что кругом почва сухая, погода стояла ветреная. Если бы огонь дошел до дороги и перекинулся через нее, то никому не удалось бы спастись. Ветер дул в сторону Аяты. В это время подъехал Рабжа-багша на белом коне. У него ничего не было, кроме ташура (бич). Он тихонько проехал по дороге, при этом медленно махал ташуром от себя. Огонь сразу же стал стихать, и пожар стал тухнуть. Рабжа-багша жил в Хушарте в километрах десяти от Аяты. К нему никто не поехал и не сказал, он сам догадался, приехал и потушил пожар. Так он спас дома аятинцев. В Аяте жило семей десять, они косили сено по долине речки Аяты...» [Цыренжапов Ц.-Д., с. 102]. Учениками (шаби) Рабжа-багши были ламы Чесанского дацана — Жамбалов Галсан габжа-лама, Очиров Ринчинима габжа-лама.

Мы перечислили самые известные случаи сверхъестественных возможностей лам Чесанского дацана. Также были известны далеко за пределами прихода Чесанского дацана имена эмчи-лам. До сих пор помнят и знают эмчи-ламу Дампила Ешиева, знатока восточной медицины, «практиковал пульсовую диагностику» [Цыбикова Д., Дондоков Ж., 2013]. Глубокие познания и практику тибетской медицины он получил в дацане Богдын Хурээ в Монголии [Аюржанаева Д., с. 4]. «Известен случай, когда заболевшую дочь царя Николая II в течение трех лет безуспешно пытались вылечить известные лекари из России и других стран (Англии, Франции, Италии). Тогда Агван Доржиев (цаннит хамбо-лама) пригласил в Петербург лекаря Чесанского дацана Дампил-ламу, который в течение месяца вернул девушке утраченное здоровье тибетскими препаратами» [Кижинга...

С. 141; Цыбикова Д., Дондоков Ж., 2013]. Надо отметить, что в официальных источниках этот случай не упоминается.

Известны были своим врачеванием Дандарай Дугар — гэбшэ, худалши, эмчи-лама, ученик Дампил-ламы Ешиева, который без специальных инструментов, на ходу вылечил Цыренова Доржо, глаза которого не смогли вылечить врачи. Дугар-лама убрал бельмо своим инструментом (ножом), и после операции Доржо стал видеть.

Сан-Дылык Ендоной (Юндунов), гэбшэ, худалши, эмчи-лама, без скальпеля излечивал аппендицит тибетским лекарством. Его отец Цэрэнэй Ендон, гэбшэ, худалши, был известным эмчи-ламой Чесанского дацана.

Жамбын Шойжаб — габжа, худалши, эмши-лама, с помощью обряда «Жаб-туй» мог излечивать больных параличом.

В разное время известными за пределами прихода эмчи-ламами Чесанского дацана были: Лубсан Гунга Сундуев — первый шэрэтэ Чесанского дацана, габжа; Дагбын Тугмит — шэрэтэ Чесанского дацана, габжа, худалши; Дарижабай Нима — габжа, унзад; Бурбэйн Шойдор — габжа, худалши; Очиров Ринчинима — габжа, худалши; Жамсаранай Цэбэгжаб — габжа, худалши; Маанин Базар — габжа, худалши; Базарай Жана — габжа, худалши; Хоршуудайн Шойнжуур — габжа, худалши; Шойнжуурай Гомбо — гэбшэ, худалши; Очирой Гомбо (1905–1965) — гэбшэ, худалши; Гармын Цэрэнбазар — гэбшэ, худалши; Ошорой Дандар — гэбшэ, худалши; Аюшин Сандан — хуварак, эмши; Жамсын Чойжап из Укурика, Митэбдоржо — лама из Могсохона и многие другие.

В Чесанском дацане служили 22 эмчи-ламы, согласно сведениям о ламах, практикующих тибетскую медицину, представленным в Центральный духовный совет шэрэтэ дацана, в 1928 г.

В настоящее время широко известно имя Дугарова Чимит-Доржо, эмчи-ламы, он родился в 1943 г. в с. Челутай Агинского района Забайкальского края, выпускник Буддийского института в Монголии, до 1988 г. служил в Иволгинском дацане, заслуженный работник здравоохранения Республики Бурятия, научный сотрудник Центра восточной медицины РБ [Буддизм: персоналии... С. 147]. В настоящее время находится на заслуженной пенсии. Чимит-Доржо-лама ученик эмчи-ламы Чесанского дацана, пульсолога, знатока тибетской медицины, гэбшэ-ламы Гармаева Цэрэнбазара (Гармын Цэрэнбазарай). При личной встрече 15 сентября 2017 г. в г. Улан-Удэ Чимит-Доржо-лама рассказал про своего учителя: «Я приехал из Аги к нему домой в местность Мухор Хунды (49 км, с. Романовка) впервые весной 1966 г. за лечением и лекарством. В то время он как эмчи-лама был известен по всему Забайкалью, ему был 71 год. После знакомства и общения с ним я согласился на его предложение стать учеником и помощником: помогал собирать травы, изготавливать лекарства, обучался практике тибетской медицины. Он всегда с теплотой и благодарностью вспоминал свой родной дацан, рассказывал, что был хуварак в Чесанском дацане, защитил там степень гэбшэ и поехал учиться в Монголию в г. Ургу (Улан-Батор). Там он 12 лет учился в шко-

ле цаннит (чойра), в связи с революцией не успел защитить степень габжа. Он учился на одном курсе вместе с Гомбожапом — будущим хамбо-ламой Монголии. Он обучался на протяжении 20 лет, имел глубокие познания по буддийской философии и практиковал тибетскую медицину. Говорил мне, что был репрессирован в 1930-е гг. Лечил заключенных и работников лагеря во время ссылки.

Он владел пульсовой диагностикой (худалши). Принимал в день по 30–40 человек. Я всегда восхищался его глубокими теоретическими познаниями, логикой и многолетней практикой тибетской медицины. До сих пор продолжаю его практику, используя его методику, изготавливаю лекарства. Я был его учеником на протяжении двух лет — в 1966–1967 гг., раз в год ездил домой в Агу. В 1968 г. я работал в г. Улан-Удэ в группе изучения индо-тибетской медицины Сибирского отделения Академии наук, которую организовал Пурбо Балданжапов. В 1968 г. Цэрэнбазар-лама провел специальный обряд, я получил посвящение, он стал моим духовным учителем (багша), вручил мне хадак, в последующем передал мне все свои знания и секреты практики и методики лечения. В 1968 г. его не стало. В 1969–1975 гг. я учился в дацане в Монголии. Всегда с благодарностью и с большим признанием вспоминаю своего учителя. Храню дома его портрет».

«...Из Чесанского дацана вышло много славных лам, таких как Нимын Базарханда (гэбшэ, худалши), Бурбэйн Цэбэгжап (эмчи, худалши), Дунзэн габжа-лама и другие эмчи-ламы...» [Аюржанаева Д., 2009, с. 4].

«История и время оставили нам мало имен из той славной когорты лам, но до сих пор сохранились в памяти народной имена: лама Дымбрыл Гатапов, известный своими глубокими познаниями в буддийской философии, Шойжаб Жамбаев, Дугар Чимитов, Базар (Шоймпол) Галсанов, Морхон Сультим, Сандан Шойнжонов и многие другие...» [Аюржанаева Д., с. 4; Цыренжапов Ц.-Д., с. 14].

В газете «Хэжэнгэ» в статье об истории Чесанского дацана упомянуты некоторые вышеперечисленные имена лам Чесанского дацана [Цыбикова Д., Дондоков Ж., 2013].

В апреле 1936 г. было принято Постановление ЦИК и СНК БМ АССР «О воспрещении лечения населения методом тибетской медицины», которое можно рассматривать как очередной этап репрессивной политики в отношении ламства. В документе говорилось: «1. Воспретить всем лицам принимать лечение методом тибетской медицины на всей территории Бурят-Монгольской республики. 2. Лиц, виновных в нарушении настоящего постановления, привлекать по соответствующей статье Уголовного кодекса» [Цыремпилова И. С., 2000, с. 142]. В 1925 г. в 44 дацанах республики число эмчи-лам составляло 440 человек, в 1937 г. их осталось всего 53 человека [Архив Управления ФСБ РФ по РБ, ф. 3, оп. 1, д. 56, л. 64].

Ламы из Чесанского дацана в разные годы служили в Иволгинском дацане на различных должностях или участвовали в проведении различных хуралов. Среди них были шэрэтэ Иволгинского дацана (1953–1967 гг.) дид хамбо-лама Бадма-Доржо Жамбалов и Нима Жапов (1976–1980 гг.); дид хамбо-лама Дашинама

Владимирович Содномдоржиев был в разные годы шэрэтэ Чесанского и Иволгинского дацанов; нештатным ламой Галсан Жамбалович Жамбалов; эмши-лама Сандылык Ендонов участвовал в хуралах Иволгинского дацана; Шой-бабай-лама Пирангалай Цынгеевич Гармажапов (1983–1986 гг.); Няня-лама, унзад-лама Иволгинского дацана (1956–1982) Шойжол Доржиевич Жалсанов (1904–1982), духовное имя Агван Лубсан; гэбшэ-лама Нацагдоржо Базаров (в 1970-е гг.); гелун, гэбшэ-лама Иволгинского дацана Гарма Доржиев (1897–1982), с начала 1970-х гг. вручную переписывал тибетские книги и сдавал в Иволгинский дацан; астролог Иволгинского дацана Шагдаров Сандан с 1958 г. (предлагали стать пандидо хамбо-ламой, но отказался); Шарапдоржо Санжаевич Санжиев в 1960-е гг. участвовал в хуралах Иволгинского дацана; гелун Чесанского дацана Жалсан-лама (Энгельс Эрдынеевич Николаев) с апреля 2008 по октябрь 2015 г. был хранителем нетленного тела Д.-Д. Итигэлова; преподают в Буддийском университете в настоящее время гэбшэ Балдан-лама Александр Пирангалаев (внук Шой-бабай-ламы), гэбшэ-лама Чимит Баирович Намнанов, в настоящее время является хранителем нетленного тела Д.-Д. Итигэлова Батор Бадмаевич Бадмаев (Павлов) и др.

В списке лам и хуваракон Чесанского дацана Ц.-Д. Чимитова от 1993 г. упоминается гэбшэ-лама Чесанского дацана, уроженец местности Чесанын Эхин Дансаранов Жамсо Ц. (отчество неизвестно, кроме заглавной буквы), первый председатель коллегии адвокатов Бурятии. Мы не нашли сведений в архивных данных, подтверждающих это, и нет его биографии.

В книге Д. Цырендашиева и Ц. Дамбиевой «Гомбын Хамба» на бурятском языке, а также в книге Ц.-Д. Цыренжапова «Чесанский дацан» есть краткая биография известного в Бурятии ламы Шойжола Доржиевича Жалсанова (1905–1982). Его духовное имя Агван Лубсан. Он родился в с. Булак Кижингинского района. В возрасте 9–10 лет он был отдан хуваракон в Чесанский дацан. В 1927 г. закончил обучение и защитил степень габжа. С 1937 г. в течение 16 лет скрывался от репрессивных мер властей и в 1953 г. после смерти Сталина сдался властным органам. В Кижингинском отделе милиции после тщательной проверки с формулировкой «советской власти вред не причинял» был восстановлен в правах с выдачей всех необходимых документов. Работал в разных местах, в том числе на Кижингинской МТС. В 1956 г. его пригласили в Иволгинский дацан, он был назначен унзад-ламой. Проживал в доме под номером 32. В народе его называли Няня-ламбгай. В течение 26 лет добросовестно служил в Иволгинском дацане, заслужив признание, широкую известность и глубокое уважение прихожан, лам и хуваракон дацана [Цырендашиев Д., Дамбиева Ц., х. 190–191; Цыренжапов Ц.-Д., 2015, с. 53].

Многие ламы и хуваракон Чесанского дацана воевали на фронтах Великой Отечественной войны. Среди них:

– Санжиев Ширапдоржо Санжиевич (Рабдан Аба) (1899–1983) уроженец с. Чесан, с 10 лет хуваракон Шулутовского дугана Чесанского дацана, защитил зва-

ние гэбшэ в 1936 г., был учеником Зургаадай-багши, ветеран Великой Отечественной войны, ветеран войны с Японией;

– Цыремпилов Цыренбазар Цыденович (Цыжип-баабай) (1910–1988), уроженец местности Эхин Чесан, в раннем возрасте был отдан в хуваки в Чесанский дацан, был учеником Няня-ламы (Шойжола Доржиевича Жалсанова — ламы из Чесанского дацана), отбывал ссылку в Красноярском крае, участник битвы под Сталинградом, ветеран Великой Отечественной войны;

– Дылыков Доржо Дылыкович (1910–1980), уроженец местности Эхин Чесан, с 8 лет хуварак Эгитуйского дацана, защитил звание гэбшэ, в 1930-е гг. был репрессирован, ветеран Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.), демобилизован после тяжелого ранения;

– Шагдаров Базар из рода Хуасэ (младший брат Шагдарова Сандан ламы), годы жизни неизвестны, уроженец с. Укурук Читинской области, проучился 8 лет хуварак в Чесанском дацане, во время войны был призван на фронт;

– Намсараев Намдаг Сангитович (1898–1942), с 7 лет хуварак Чесанского дацана, продолжил обучение по системе «жод» в Эгитуйском дацане, по окончании защитил звание гэбшэ, был жодшо-ламой Чесанского дацана, племянник Лубсан-ламы из Чесанского дацана, погиб на фронте Великой Отечественной войны [Книга призванных... С. 82];

– Гармаев Рабдан, лама Чесанского дацана. Был призван на фронт в 1940-е гг. В списке Ц.-Д. Чимитова № 107: «Гармын (Шумбуу) Рабдан, хуварак, родом из Кулькисона». Других сведений не обнаружено. В настоящее время родственниками ведется поиск какой-либо информации;

– «гэбшэ-лама Кодунского и Чесанского дацанов Аюша Дулмаев из рода Хуудай, который родился в 1904 г., в год Деревянного Дракона, в местности Хуурайн Баатархан» [Кижингинский... С. 9]. Он родился недалеко от с. Улзыто, в семье Шойдора Гармаева и Гэпэл Сундуевой. По настоянию деда Гармы отец отвез сына зимой 1911 г. в Кижингинский дацан учиться на ламу. Позже со своим другом они отправились обучаться в Эгитуйский, а потом в Чесанский дацаны, где непрерывно продолжали пополнять свои знания, в том числе по буддийской философии. По окончании учебы он защитил степень гэбшэ-ламы. Затем Аюша-лама вернулся в Кижингинский дацан, где вновь подтвердил свой сан гэбшэ. 29 июля 1941 г. в начале Великой Отечественной войны был призван в Красную Армию. Его боевой путь на полях сражений отмечен знаками отличия: «Гвардия» и «Отличник-минометчик», медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За освобождение Праги», «За взятие Берлина», «За Победу над Германией». Имел много благодарностей от командования за боевые действия в сражении при прорыве сильной, глубокоэшелонированной обороны немцев на западном берегу р. Вислы; за овладение городом-крепостью Познань на Берлинском направлении; за прорыв в обороне восточнее г. Штутгарта и выход на побережье Балтийского моря в районе г. Кольберг; за прорыв обороны противника и наступление на город Берлин; за овладение столицей Германии — городом Бер-

лин. Закончив войну в Берлине, возвратился домой в 1945 г. В конце 1980-х гг. начались демократические перемены в стране и Аюша-лама начал посещать хуралы в Иволгинском дацане. Также у себя дома проводил молебны «Маани», «Диваажин» с приглашением лам. Приезд досточтимого Далай-ламы в Бурятию в 1990 г. вновь изменил жизненный путь Аюши-ламы. Его пригласили в Иволгинский дацан как бывшего ламу с высоким саном. До своей кончины в 2000 г. он продолжал заниматься духовной практикой при дацане;

– Намжил Будаевич Гылыков. Родился в 1910 г. в местности Дундада с. Чесан Кижингинского района в многодетной семье Цымпила и Буубэй Эрдынеевых. У него было три родных брата — Цыренов Жамбал Цыренович, Цымпилов Дамба-Дугар Эрдынеевич, Цымпилов Дымчиг Эрдынеевич. Краткая биография четырех братьев описана в статье Сэнгэ Ринчинова «Дурбэн аха дуунэрэй хуби заяан» в газете «Буряад унэн» от 11 мая 2017 г. № 18. Намжила в семь лет отдала на обучение в далекий Эгитуйский дацан Еравнинского района. Девять лет он изучал старомонгольский и тибетский языки, достиг определенных успехов в буддийской философии, но, к сожалению, нам неизвестна его ученая степень. В 1935–1937 гг., когда начали закрывать религиозные заведения, вместе с другими ламами уехал в Монголию, чтобы продолжить свое обучение, но не получилось, поэтому вернулся на родину. Был вынужден снять ламское одеяние и стать простым мирянином. Работал в родном колхозе «Красный Булаг».

Призван в РККА в 1938 г., участник вооруженного конфликта при Халхин Голе, ветеран Великой Отечественной войны, участник Парада на Красной площади 7 ноября 1941 г., в 1943 г. был тяжело ранен, в 1946 г. демобилизован (вместе с ним воевали три родных брата — Жамбал, Дамба-Дугар, Дымчиг [Ринчинов С., 2017]).

С началом войны был призван на фронт. В одном из ожесточенных боев 27 декабря 1941 г. он получил тяжелое ранение в голову. Попал в военный госпиталь в г. Казани и получил кратковременный отпуск домой. После выздоровления в 1943 г. его комиссовали и отправили работать на Кузбасс. Трудился на шахте до окончания войны, а в 1946 г. вернулся домой в родной колхоз. Когда был восстановлен Чесанский дацан, по приглашению первого шэрэтэ Дашанимы Содномдоржиева снова стал ламой. Он говорил: «Никогда не думал, что в свои восемьдесят лет буду снова сидеть в дацане, приносить пользу людям и молиться за процветание своего родного края». В 1997 г. Пандидо хамбо-ламой Буддийской традиционной сангхи России Дамбой Аюшеевым был награжден почетной медалью Жамбал-Доржо Гомбоева [Гылыкова Д. Н., 2015].

Это неполный перечень лам и хувараков Чесанского дацана — участников Великой Отечественной войны. Здесь перечислены имена, которые стали известны нам в ходе исследования.

О Дугаргаржаме (обереге) Чесанского дацана

Об одном интересном случае рассказывала пресс-служба Сангхи России 14 мая 2014 г. в заметке «Могущественная сила оберега Дугаргаржамы из рук

шэрэтэ-ламы Чесанского дацана»: «Среди тысяч людей, что приехали поклониться Учителю хамбо-ламе Д.-Д. Этигэлову, не могли мы не заметить одну очень пожилую супружескую пару. Цыренжапову Цыбик-Доржо 93 года, а его супруге Очировой Галсаме Очировне 92 года, и вместе они уже 75-й год, с далекого 1940 г., когда им было всего лишь по 19–20 лет... Родом они из местности Укурик Хилокского района Читинской области, по профессии учителя истории, русского языка, начальных классов.

Цыренжапов Цыбик-Доржо — ветеран войны, воевал в Воздушно-десантных войсках 21-го корпуса 3-й гвардейской армии на 1-м Украинском фронте под командованием маршала И. С. Конева, вернулся с фронта с орденами и медалями. Галсама Очировна всю войну ждала своего мужа, каждый день молилась за него...

«Но не только молитвы жены спасали меня на войне, — улыбаясь, говорит ветеран, — но и мой драгоценный оберег Дугаргаржама! Он всю войну был со мной, и я ношу его до сих пор, более 75 лет! Наш дядя Арабжа Багша был шэрэтэ ламой Чесанского дацана. И он дал мне Дугаргаржаму со словами: “Никогда не снимай его! Он защитит тебя от пуль, от любого врага! Ничего не бойся! Даже самой смерти!” Конечно, война есть война, у меня было много ранений, но я выжил благодаря своей вере и вернулся домой”. Галсама Очировна добавила: “Я каждый день молилась за своего мужа. И верила в защиту его Дугаргаржамы, в защиту божеств, в защиту сахююсана нашего Чесанского дацана. Цыбик-Доржо пришел весь израненный, но, главное, живой!”

Далее ветеран продолжил: “Мы и сейчас являемся прихожанами своего дацана. Очень рады, что буддизм у нас возрождается, возрождаются наши дацаны. Мы с женой стали приезжать сюда, в Иволгинский дацан, когда Пандидо хамбо-ламой был Жамбал Доржи Гомбоев, еще в начале 60-х годов прошлого века. На поклонение хамбо-ламе Этигэлову мы приезжаем всегда, для нас это очень важно, поэтому не пропустили еще ни одного раза! Ведь такой день — это всегда праздник веры. Что нас спасало в этой страшной войне и бережет по сей день? Вера!” — подытожил уважаемый ветеран-гвардеец Цыбик-Доржо Цыренжапов.

Это он является автором книги «Чесанский дацан», изданной в 2015 г., в которой собраны сведения об истории дацана, Укурикского дугана, очень ценными являются подробные описания биографических данных многих лам и хуваарков Чесанского дацана, один из активных инициаторов строительства субургана на территории Чесанского дацана, посвященного 35 ламам и хувааркам — выходцам из с. Укурик Забайкальского края.

Таким образом, история бурятского народа с рубежа XVI–XVII вв. тесно связана с буддизмом, который был для него не просто религиозным учением, а по существу являлся одним из важных компонентов общественно-политической жизни, частью духовной культуры. Буддийские священнослужители внесли значительный вклад в формирование мировоззрения бурят. Само бытие народа строилось на религиозных постулатах буддизма. В памяти бурят живы легенды и предания об именитых ламах, обладавших глубокими знаниями. С буддизмом

связано распространение у бурят письменности, литературы и искусств. Именно в дацанах появились первые ученые и учителя в области буддийской философии, монгольской и тибетской письменности и литературы, астрономии и астрологии, восточной медицины, буддийского искусства, книгоиздательского дела и т. д. И именно при дацанах началось формирование бурятской интеллигенции. Бурятская духовная интеллигенция выдвинула из своей среды немало выдающихся лам-ученых, известных не только в Бурятии, но и во всем монголоязычном и буддийском мире.

В заключение второй главы следует отметить, что наибольшей популярностью и авторитетом среди дацанов пользовались Цугольский, Гусиноозерский (Тамчинский), Агинский, Анинский, Кудунский (Кижингинский) и Чесанский дацаны. Бурятский буддизм развивался в традиции школы Гелугпа, в которой особое внимание уделялось монастырскому образованию и предъявлялись высокие образовательные стандарты. Процесс образования в дацанах Бурятии проводился по системе монастырского образования традиции Гоман-дацана. В структуре дацанской системы образования базовым является религиозно-философский факультет. К основному принципу дацанской системы образования относится «участие в диспутах с постоянно меняющимися партнерами, помогающими друг другу усваивать философские идеи, вырабатывать беспристрастность и находчивость. По завершении философского обучения монахи поступали на факультеты систем тантры Гухьясамаджи, Ямантаки, Чакрасамвары, которые следовали программам тибетских тантрийских школ (Жуд мад и Жуд дод).

Наиболее крупные дацаны имели три факультета — общий (философский — цаннит), тантрический (жуд) и медицинский, в небольших дацанах был только общий факультет. В Чесанском дацане для изучения школы цаннит были построены Чойра-дуган (философский факультет), Жуд-дуган (тантрический факультет), Домой-дуган (медицинский факультет). Закончившие обучение хуварак и ламы защищали ламскую степень «гэбшэ» и «габжа» по основным канонам буддийского учения («домын дамжаа бариха»). В Чесанском дацане тантру изучали по системе Джуд мад лхасской традиции. Кроме реалистического направления в буддизме изучали и символическое направление. Окончившие курс и пробывшие в нем более 10 лет дополнительного времени для усовершенствования в теории символики защищали звание аграмбы. Одним из них был известный мастер Калачакры, «ульдургинский лама» с Эгитуйского дацана Цыренжаб Гатавон (Гатабон).

В Домой-дугане Чесанского дацана проводились хуралы по учению и практике восточной медицины. Сам шэрэтэ Лубсан Гунга Зундуев был эмчи-ламой, занимался восточной медициной. В 1928 г. из 30 дацанов Бурятии только в шести дацанах (Цонгольском — 23 чел., Агинском — 20 чел., Эгитуйском — 30 чел., Чесанском — 22 чел., Кижингинском — 28 чел., Баргузинском — 29 чел.) занимались восточной медициной, в других дацанах — в 2 раза меньше, в 11 дацанах — по 7 и менее человек.

Чесанский буддийский монастырский комплекс состоял из центрального храма — Цогчен-дугана, 5 дуганов, 9 сумэ, Барай-сумэ (печатня) и других вспомогательных зданий, помещений, культовых сооружений. В начале XX в. Чесанский дацан представлял собой поселок, состоящий из семи домов штатных лам, жилых домов русской постройки (41), отдельных зданий и кухонь (38), частных построек (236). В октябре 1914 г. при дацане была открыта двухклассная приходская школа (училище) для местного населения. В 1922 г. после отделения церкви от государства школа вышла из Чесанского дацана и стала называться Кударя-бурятской начальной школой первой ступени.

В сутрах и тантрах существуют тексты «учебников» по строительству храмов, монастырских резиденций и ступ. При строительстве дуганов и сумэ ими строго руководствуются все дацаны Бурятии и в настоящее время. Дуганы, принадлежащие монастырям, обносились оградой. Во всех дуганах были свои библиотеки. Все сумэ Чесанского дацана — это малые храмы, посвященные культу отдельных божеств. Сравнительный анализ приведенных описаний малых сумэ Чесанского дацана и монастырских комплексов в других дацанах показывает, что эти здания имели несложную пространственную композицию, общепринятую для малых бурятских храмов.

С учетом различных источников, в том числе архивных, нами сделана попытка составить последовательный список имен шэрэтэ Чесанского дацана в хронологическом порядке. Среди них есть хубилганы, но, к сожалению, кроме констатации их хубилганами, другой информации нет. На наш взгляд, очень высока и до конца не изучена роль и заслуга первого шэрэтэ Чесанского дацана Лубсан-Гунги Сундуева — известного буддийского священнослужителя, лекаря, астролога, сумевшего организовать строительство Цогчен-дугана и девяти сумэ, возглавлявшего Чесанский дацан в течение 33 лет. В архиве в фонде Чесанского дацана обнаружен редкий документ — текст «Клятвенного обещания» лам дацанов Бурятии. В ходе исследования в различных источниках обнаружены интересные сведения о ламах и хуvaraках Чесанского дацана. Восстановлены имена 322 лам и хуvaraков Чесанского дацана, вместе со списком Ц.-Д. Чимитова — 564 человека. Среди них ламы, владеющие сиддхами, известные эмчи-ламы, астрологи, ветераны Великой Отечественной войны, шэрэтэ дацанов.





Арка ограды Диважан-дугана, чудом сохранившаяся до наших дней. После реставрации установлена у восточных ворот Чесанского дацана



Б. Д. Дандарон в costume персонажа Цама Калачакры. Перерожденец Джа Яг Сан гэгэна. 1965



Лама Сандан Цыденов — ученик Джа Яг Сан гэгэна, учитель Б. Дандарона и лама Агван Силнам — отец Б. Дандарона. 1920-е гг.



Цокчен-дуган Чесанского дацана. Фото из архива Чесанского дацана. 1935



Чойра-дуган (возможно, Жуд-дуган). Фото Ж. Ж. Жабона.
Из собраний Национального музея РБ. 1969



Чойра-дуган (возможно, Жуд-дуган). Фото из собраний Национального музея РБ. 1972



Третий слева (высокий) Жапов Нима лама ширетуй Иволгинского дацана



Буддолог Обермиллер с ламой Лубсан Дамби Нима



Алтарь Цокчен-дугана Чесанского дацана.
Фото из архива дацана



Первый областной съезд всех бурятских родов и буддийского духовенства. На фото главы родов, в центре XI Пандито Хамбо лама Ч. Д. Иролтуев. Чита. 26.04. – 01.05. 1905 г.



Президиум сугунды (съезд) шэрэтэ всех дацанов.
В центре: XVI Пандито Хамбо лама Д. Мункожапов, А. Доржиев,
Асанкиев – Уполномоченный буддийского духовенства.
Фото из собрания Национального музея Республики Бурятия. 1924



Первый всесоюзный духовный буддийский собор. Второй ряд снизу, в центре Цанид Хамбо лама А. Доржиев, справа Хамбо лама Д. Мункожапов, слева глава буддистов Калмыкии Шаджин-лама Л. Ш. Тепкин. Фото из собрания Национального музея Республики Бурятия. Москва. 20-28 января 1927 г.



Как и многие фронтовики Ц-Д. Цыренжапов из села Укурик Забайкальского края, прошел всю войну с оберегом (дугаргаржаама) из рук шэрэтэ Чесанского дацана (с супругой Очировой Г.О.)

Шэрэгтэ Чесанского дацана



Эрдэнийн ламхай. Ринчин
Чойван Эрдынеев
(1892–1904)



Зургаадай Багша. Ринчин
Чойван Зургаадаев
(1905–1911)



Лама Будажап Борбоцаев
(1904–1905; 1912–1917)



Лама Рабжа Цыдыпович
Жамьянов (он же Рабжа Доб-
чин Павлов) (1917–1919)



Лама Ямпилай Бальжир
(1919–1920)



Лама Гуробазар Нимаев
(1920–1935)



Лама Дашанима Влади-
мирович Содномдоржиев
(1991–1993). Дид Хамбо лама
по Иркутской области



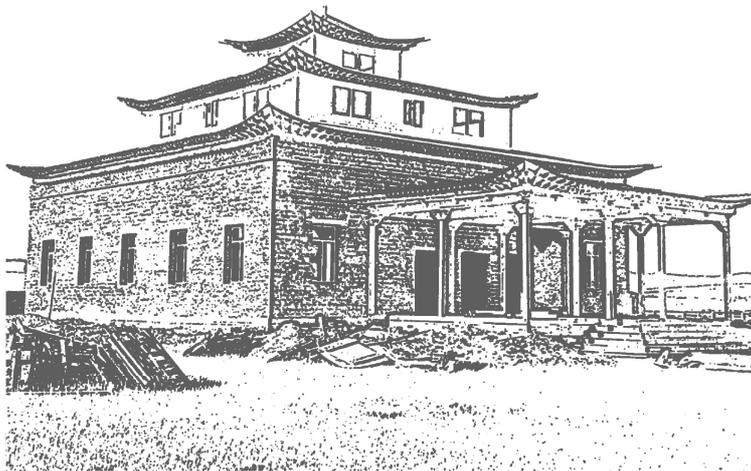
Лама Цыдендамба Данза-
нович Базаров (1993–2014)



Лубсан Тонлам, лама
Жаргал Дашиевич Баиров,
с октября 2014 г. по настоя-
щее время

Глава 3

ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ
ЧЕСАНСКОГО ДАЦАНА



3.1. Возрождение Чесанского дацана

В настоящее время Чесанский дацан находится на северной стороне села Чесан Кижингинского района, который является административным центром сельского поселения «Верхнекодунский сомон». Село Чесан расположено у южного подножия Худанского хребта в 55 км к северо-востоку от районного центра, села Кижинга, по северной стороне автодороги местного значения Кижинга — Хуртэй, на правом побережье долины реки Чесан (правый приток Худана), в 2,5 км севернее основного русла, в 8 км к северо-востоку от места впадения реки Чесан в реку Худан (Кодун). В 2016 г. был установлен молитвенный хурдэ в селе Чесан на месте разрушенного в 1930-е гг. Чесанского дацана (организатором был Цыдыпов Цыдып).

Современный Чесанский дацан расположен в одном километре на северо-запад от села Чесан. Как определили ламы-астрологи, «местность для дацана должна быть “баглаг газар” (бур. тишина и покой). Кроме этого, учитывалось наличие пяти элементов: земля, огонь, вода, пространство и ветер. С северной стороны, как и требуется, находится гора, защищая от природных катаклизмов, с юга — водоем. Алтарь дацана установлен на северной стороне Сахюусан-дугана, вход с юга.

Постановлением общего собрания жителей Чесанской долины от 12 марта 1990 г. было образовано «Общество буддистов Чесанского дацана». Члены общества начали организационную работу по подготовке строительства нового дацана. В состав общества вошли: Базаров Цыдендамба, Дондоков Будаширэ, Дашиев Балдан-Доржо, Раднаев Цыренжап, Нимаев Аюша, Санжиев Базарсада, Бороев Найдан, Шойнжонов Еши, Лхасаранов Зунды. Шойнжонов Ешидоржо Дымбрылович верующими-земляками был избран председателем буддийской общины Чесанского дацана. В настоящее время Ешидоржо-лама — штатный лама Чесанского дацана. Он родился 25 июля 1955 г. в селе Загустай Кижингинского района в многодетной семье (семеро детей) Шойнжонова Дымбрыла Ринчиновича — ветерана Великой Отечественной войны, заслуженного животновода Бурятской АССР, и Цыренбазаровой Гымы Раднаевны, которая работала кассиром-бухгалтером в совхозе «Загустайский». После окончания средней школы учился на курсах водителей и отслужил в рядах Советской Армии водителем. После армии работал водителем и строителем в родном совхозе «Загустайский». С 1977 по 1982 г. с гэбшэ-ламой из Чесанского дацана Жамьянширапом Цыбиковым изучал тибетскую письменность. После его смерти продолжил самостоятельное изучение. В 1990 г., получив благословение (лун) от Ело Ринпоче IV (Еше Лодой Ринпоче), получил ответственное задание — выучить наизусть «Ламрим» (ступени Пути), и благословенно открыл путь постижения Учения. Затем, будучи хувараком Чесанского дацана, продолжил свое дальнейшее обучение. В 2001 г. получил посвящение «һахил» от Дуйнхар-багши из Тибета и духовное имя Данзан-Содбо-лама и стал штатным ламой Чесанского дацана. По его словам, на профессиональное становление и принятие окончательного судьбоносного решения большое влияние оказал шэрэтэ Чесанского дацана Цыдендамба-лама.

На основании Постановления Совета Министров Бурятской АССР № 9 от 4 января 1991 г. «О возрождении буддизма и строительстве дацанов» было решено возродить Чесанский дацан. При Кижингинском Агропромбанке был открыт счет для перечисления пожертвований от равнодушных людей и желающих помочь в строительстве дацана.

В июле 1991 г. буддисты Бурятии отметили 250-летие официального признания их религии в России. Эта дата дала своеобразный толчок к возрождению дацанов Бурятии, придало новый импульс в развитии буддийской веры.

Летом 1991 г. из всех исторических дацанов Бурятии Чесанский дацан начал возрождаться одним из первых, наряду с Кижингинским дацаном, благодаря усилиям созданной буддийской общины и в том числе ламы Дашинымы Владимировича Содномдоржиева, в настоящее время дид хамбо-лама по Иркутской области. Он первый шэрэтэ возрожденного Чесанского дацана с 1991 по 1993 г. Дашинима-лама пригласил бывших хувараков Чесанского дацана: Намжила Будаевича Гылыкова (90 лет), Даша-Ниму Санданова (82 года). Вместе с ними начали службу в дацане молодой лама Цыдендамба, хувараки Нимбу Цыбикдоржиев, Цыденжаб Очиржапов, Жаргал Доржиев и др.

По решению Кижингинского исполкома от 19 июля 1991 г. за подписью председателя исполкома Д. П. Суворова было разрешено восстановление Чесанского дацана. Недалеко, на северо-западе от села Чесан, был построен деревянный двухэтажный Сахюусан-дуган, дома для лам и другие хозяйственные постройки. Торжественное освящение нового дугана состоялось 29 июля 1991 г. Присутствовали руководители Кижингинского района, приехало множество жителей из разных сел, относящихся к Чесанскому приходу.

Дашинима-лама, Цыдендамба-лама, Ешидоржо-лама вместе с мирянами Дондоковым Буда-Шэри Гармаевичем, Чимитовым Цырен-Дондоком Бадмаевичем, Лхасарановым Зунды Базаровичем приложили много усилий, чтобы построить дацан в Чесане недалеко от прежнего места. В ходе строительства многие местные жители окрестных сел помогали чем могли: деньгами, материалами, продуктами, работали на стройке. По окончании строительства здания Сахюусан-дугана стали проводиться утренние службы, посвященные защитнику Учения Будды — Балдан Лхамо, а также и все остальные молебны и хуралы. Освящение Сахюусан-дугана проводил XXI Пандидо хамбо-лама Мунко Цыбиков. Здание Сахюусан-дугана не позволило вместить всех пришедших на это знаменательное событие жителей Чесанской долины. С этого времени и по настоящее время ежедневно проводится хурал Балдан Лхамо сахюусан в честь защитника (охранителя) Чесанского дацана.

В период строительства дацана отчим Цыдендамба-ламы Рэгзэн Дампилович исполнял обязанности тахильчи-ламы. Он преподнес в дар Чесанскому дацану семейную реликвию — священную книгу «Юм-эжы», которая осталась еще от его деда. Раздел «Юм», Жадамба, Бумшун порядка 20 страниц, кроме этого есть так называемый «Малый Юм» в Ганжуре. По его воспоминаниям, «дед ежегодно организовывал тайно по ночам чтение ламами “Юм-эжы” у себя дома». С недавних пор «Юм-эжы» ежегодно читается по кругу солнца по очереди в селах — Чесане, Булаке, Загустае, Харагуне, Укурике и возвращается в Чесан. Это стало доброй традицией.

Прежний Чесанский дацан располагался на месте села Чесан. По воспоминаниям шэрэтэ дацана Жаргал-ламы, «в 1991 г. на месте села Чесан сохранились лишь остатки стен высотой местами 20–40 см. Четко просматривалась планировка некоторых зданий дацана прямоугольной формы, а также место Цогчен-дугана. Видно было, что фундамент выложен был из каменных плиток, материал для строительства брали в основании близлежащих сопок. Вокруг Цогчен-дугана видны слабосохранившиеся следы каменной кладки для фундамента. До сих пор сохранилось несколько высохших колодцев, принадлежавших ламам» (записано в июне 2016 г. в Чесанском дацане).

Укурицкий дуган Чесанского дацана

В 1993 г. в селе Укурик Забайкальского края по инициативе местных жителей был построен дуган «Риботарламлинг». Укурицкий дуган Могзонского сомона относится к приходу Чесанского дацана. Изначально находился в местности Жэбхээхэн, где находится Обоо бурхан, в 15 км от села Укурик. В советское время здание дугана разобрали и отвезли в село Могзон. Дуган «Риботарламлинг» в переводе с тибетского означает «Горный монастырь пути освобождения». На пожертвования местных жителей были приобретены статуи Будды, Сагаан Дара Эхын, Ногоон Дара Эхын, которые были специально привезены из тибетского монастыря Гумбум. Также в Тибете в монастыре Лавран было приобретено полное собрание канонических буддийских текстов «Ганжур» в 108 томах. В 2014 г. из этого же монастыря были привезены статуи Балдан Лхамо и Баян Намсарай.

В 2012 г. на территории дугана было возведено четыре субургана — первый субурган посвящен ламам Чесанского дацана — выходцам из села Укурик, служивших там до революции (35 ламам, в том числе 12 габжа-ламам, 12 гэбшэ-ламам, один из них габжа-лама Жамьянов Рабжа Цыдыпович, он же Рабжа-лама Добчин Павлов, был шэрэтэ Чесанского дацана с 1917 по 1919 г., второй — построен на средства семьи Очировых, третий — на средства семьи Моглоновых, четвертый — семьи Балбыровых. На мраморной плите высечены имена 35 лам. Среди них:

1. Тубусуев Чоймпол — габжа-лама
2. Цыдыпов Жамьян — габжа-лама
3. Жамьянов Рабжа — габжа-лама, шэрэтэ Чесанского дацана
4. Бамбын Дондид — габжа-лама
5. Баоланов Даши-Нима — габжа-лама
6. Дандаров Гуро-Дарма — габжа-лама
7. Ендон Одо — габжа-лама
8. Намсараев Базаржап — габжа-лама
9. Очиров Ринчин-Нима — габжа-лама
10. Пайбалов Пунсык — габжа-лама
11. Пунсэгэй Цырен-Еши — габжа-лама
12. Эрхэтуев Цырен-Доржо — габжа-лама
13. Аюшеев Лубсан-Доржо — гэбшэ-лама
14. Бадмаев Дамби-Нима — гэбшэ-лама
15. Гармаев Бадра — гэбшэ-лама
16. Дамдинов Ширап — гэбшэ-лама

17. Жамбалов Галсан — гэбшэ-лама
18. Жигжитов Агван — гэбшэ-лама
19. Найданов Шадап — гэбшэ-лама
20. Поршиев Хайдап — гэбшэ-лама
21. Самбуев Бадма-Цырен — гэбшэ-лама
22. Цыренов Гуро-Базар — гэбшэ-лама
23. Шагдаров Сандан — гэбшэ-лама
24. Шагдаров Лодоп — гэбшэ-лама
25. Гылык-Жамсо — гэбшэ-лама
26. Чойжал — гэбшэ-лама
27. Ямпиров Еши-Янжин — лама
28. Жамсын Чойжап — эмчи-лама
29. Бадмаев Базар — хуварак
30. Бадмаев Сандык — хуварак
31. Бадмаев Ширап-Жалсан — хуварак
32. Будаев Базар — хуварак
33. Галсанов Жамсо — хуварак
34. Очиров Санжа — хуварак
35. Очиров Дамдин — хуварак

Вот уже четверть века верующие жители близлежащих сел и деревень имеют возможность удовлетворить свои духовные потребности в Укурикском дугане. По традиции при посещении дацана, участии в молебствии и хуралах верующий принимает монашеские обеты на этот период, искупая тем самым свое мирское существование. Ритуал посещения святых мест (дацана) состоит из нескольких этапов: выполнение обряда *гороо* по ходу солнца (3, 7, 21, 108 раз); перед входом в дацан простираение перед объектом поклонения, обычно 3 раза; чтение молитв — магических мантр; подношение божествам; омовение аршаном; получение благословения от ламы. Выполнение этих ритуалов, их последовательность строго не регламентированы, но каждый верующий старается придерживаться этих основных правил.

С 30 июня по 1 июля 2012 г. Его Святейшеством XXIV Пандидо хамбо-ламой Дамбой Аюшеевым, дид хамбо-ламой Дагбой Очировым, дид хамбо-ламой Цыреном Дондукбаевым и ламами Чесанского дацана было проведено освящение трех субурганов.

Много сделал для восстановления Укурикского дугана, принимал активное участие в возведении субурганов на территории дугана лама Базаров Баир Батомункуевич. Он привез из тибетского монастыря Гумбум три статуи, из монастыря Лавран полное собрание «Ганжур». Баир-лама родился в 1963 г. в с. Укурик. В 1979 г. окончил Чесанскую среднюю школу в селе Загустай, в том же году устроился на Илькинский авторемонтный завод в поселке Илька Заиграевского района. С 1985 г. работал на Улан-Удэнском авиационном заводе. В 1987 г. работал на крупнопанельном домостроительном заводе. В 1999–2004 гг. учился в дацане в Монголии, где его учителем был Тойин-лама Энхэ Булат.

С 2005 г. живет в с. Укурик и служит в местном дугане лама Намжилмаев Доржо Цыденович. Доржо-лама родился в 1961 г. в селе Укурик. В 1978 г., окончив Могзонскую среднюю школу, устроился на ВСЖД. В 1979–1981 гг. служил в

армии. Окончил в 1985 г. политехнический техникум в г. Чите. Работал в Могзонском леспромхозе. В 2001 г. поступил в Угданский дацан, его наставником был Баир-лама. В 2005 г. учился в дацане в г. Улан-Батор (Монголия), его учителем был Энхэ-багша.

Таким образом, прихожане с. Укурик и окрестностей в настоящее время имеют возможность отправлять свои духовные потребности в своем дугане.

С 1993 по октябрь 2004 г. на общем собрании духовных лиц и представителей прихожан настоятелем дацана был назначен лама Цыдендамба Данзанович Базаров. Цыдендамба-лама самостоятельно изучал старомонгольскую письменность, тибетский язык, философию буддизма. С 1990 г. активно принимал участие в восстановлении Чесанского дацана. В сорок лет принял обет гэбшэ и получил духовное имя Лубсан Чойдон. Цыдендамба Данзанович очень многое сделал для строительства и дальнейшего развития дацана. При поддержке верующих под его руководством были построены субурганы. В самые трудные 1990-е годы ему пришлось решать финансовые, строительные, организационные и кадровые вопросы. Особенно не хватало лам, имеющих специальное образование. У шэрэтэ Цыдендамбы наставником был гэбшэ-лама Цыбиков Жамьянширап Буданович, который проживал в с. Загустай Кижингинского района. О шэрэтэ Цыдендамба-ламе рассказал его сын лама Базаров Гыван Цыдендамбаевич. Гыван-лама родился в 1980 г. в селе Булак Кижингинского района, с 1987 по 1992 год учился в Улзытуйской средней школе. После седьмого класса родители отправили его на обучение в Монголию в буддийский университет «Гандан Тэгченлин», его наставником стал Гаадан-багша. В тот год поступало в общей сложности 23 хуварака, пять из них были земляками Гыван-ламы. В 1997 г. успешно завершив обучение, он вернулся в Чесанский дацан. В 1998 г. Гыван Цыдендамбаевич отправился в Индию в Гоман-дацан, где его наставником стал Жимба-лама. В то время численность обучающихся достигала полторы тысячи человек, пятьдесят из Бурятии. После обучения Гыван-лама вернулся в Чесанский дацан. С 2001 г. служит соржо-ламой в дацане «Хамбын Хурэ» в пос. Верхняя Березовка г. Улан-Удэ. В 2002–2003 гг. служил в Санкт-Петербургском буддийском дацане «Гунзэнчойнэй».

Гыван Цыдендамбаевич Базаров рассказывает о жизни наставника Цыдендамба-ламы: «Цыбиков Жамьянширап Буданович (1899–1981). Все называли его по имени младшего сына — Юра баабай. Родился зимой, по восточному летоисчислению в год Свиньи, в верховьях речки Чесан, в местности Бишыхан Горхон Чесанского сомона Хоринской думы, в семье Боодоонэй Цыбика четвертым ребенком. В 9 лет отец привез его в Чесанский дацан. С 1908 г. был учеником Зургаадайн Багши — шэрэтэ Чесанского дацана. Затем учитель передал Жамьянширапа его дяде по отцу Лудуп-ламе, у которого он проучился десять лет (1913–1923). В двадцать пять лет он был направлен в Цугольский дацан и продолжил обучение цанниту, совмещая при этом учебу в художественной школе иконописи (бурхан зураха — бутээхэ нургуули). После десяти лет обучения успешно защитил ученую степень “гэбшэ” и “лун” (разрешение писать буддийские танки), посвящение в тайные мантры “оживления” изображения бурхана. Манжап-лама Иволгинского дацана говорил, что Жамьянширап среди них выделялся как хороший переводчик и был готов к экзамену следующей ученой степени — “габжа”, но не смог в связи с закрытием дацанов и репрессиями.

Вернувшись в Чесанский дацан гэбшэ-ламой, прослужил до его закрытия. Перед закрытием отслужили хурал “Диважан”, о чем поведала бабушка Цыренбазара Дымит-Намнан Раднаевна. В связи с гонениями Жамьянширап вынужден был покинуть родные места. Он приехал в Улан-Удэ, устроился распиловщиком дров в Дом Советов (ныне Дом правительства РБ), позже получил документ, удостоверяющий личность, и выехал в Иркутскую область. Среди бежавших оказался и габжа-лама Бадма-Доржо Жамбалов, земляк и приятель Жамьянширапа. Объединившись с ним и другими ламами в Нукутске, направился в сторону Красноярского края. Тайком пробирались с остановками в населенных пунктах. Непосредственно близ Красноярска, предположительно Канска, жили в 1936–1943 гг. Выполнял любые работы: столярные, малярные, писал картины по заказу людей — кому медведя, кому тигра, кому пейзажи, которые обрамляли тканью и вешали как ковры. Примерно в 1938 г. встретил бурят, сосланных туда как кулаков, и среди них свою землячку Бадмаеву Рыгзему старший сын родился в Канске в 1939 г. С началом Великой Отечественной войны Жамьянширап-лама был мобилизован для отправки на войну, но медицинская комиссия определила, что он болен туберкулезом, и его комиссовали. В 1943 г., как и предрекал его учитель, с женой, двумя сыновьями Цыбикмитом и Юрой (Бадмадоржо) вернулся в родные края в село Губээ, в колхозе “Коминтерн” занимался заготовкой дров, сена для ферм. В 1950 г. от близких родственников приняли девочку на воспитание. В 1953–1954 гг. работал в колхозе “Коммунизм” с. Загустай. Везил из Чесанского МТС (ныне с. Чесан) бензин, солярку в бочке, установленной на телеге, некоторое время работал даже банщиком. С выходом на пенсию столярничал, писал пейзажи, которые использовались как ковры, задники для кроватей. Очень красиво расписывал сундуки, шкафы, буфеты под структуру благородного дерева» (Запись сделана в октябре 1917 г. в дацане «Хамбын Хурэ»). Об этом подробно также изложено в книге Ц.-Д. Цыренжапова.

«Жамьянширап гэбшэ-лама прочитывал текст на языке-источнике, тут же переводил, с объяснениями сути прочитанного и, со слов очевидцев, очень доступно и понятно. Красивым, выразительным голосом читал тексты мантр. “На хурале “Маани”, который читается трое суток, в конце на рассвете проводится ритуал “Сам тайлаха”, при котором с особой мелодикой читается проникновенный текст на бурятском языке. При этом, когда читал Жамьянширап гэбшэ-лама, непроизвольно текли слезы”, — вспоминал уважаемый на селе дед Лхасаранов Зунды Базарович. В период проведения памятных мероприятий в связи со 100-летием гэбшэ, наряду с главным распорядителем Цыден-дамба-ламой, шэрэтэ Чесанского дацана, активно принимал участие и Зунды Базарович. Жамьянширап-гэбшэ-лама был уважаемым, почитаемым среди земляков и друзей человеком.

Из воспоминаний Иннокентьевой Намсалмы Жамьяншираповны, дочери гэбшэ-ламы Чесанского дацана Цыбикова Жамьянширапа Будановича, записанных в марте 2012 г.: Когда строился большой Иволгинский дацан, Жамьянширап изготовил много глиняных статуэток бурханов, расписал так, как они должны выглядеть, уложил в большой чемодан и увез... Еще он делал какую-то очень тонкую работу; особым образом склеивая в несколько слоев бумагу, не знаю, чем и как ее красил, но в готовом виде получались блестящие, лощеные, тоненькие дощечки, на которые изящной кисточкой наносил текст на санскрите ли, на ти-

бетском ли языке семью-девятью драгоценностями (золото, серебро, кобальт и др.), растертыми так, что из них были изготовлены своего рода “чернила”. Также каллиграфически красиво переписывал священные книги...» [Цыренжапов Ц.-Д., с. 65–66].

«Жамьянширап-гэбшэ приложил много усилий и средств для подготовки всевозможной атрибутики, начиная со 108 штук “наһата” (латунные подсвечники для масляных лампадок) и много чего другого. Сам изготовил стрелу с перьями и наконечниками в виде ваджры (очир), хэнгэрэг (барабан), гнул немислимими приспособлениями в круг какое-то дерево, обтянул прежде отскобленной шкуркой, расписал ярко с драконами невиданной красоты. Теперь этот хэнгэрэг находится в Чесанском дацане как реликвия. Лама Шойнжонов Еша говорит, что им не пользуются, хотят сохранить, ведь теперь вряд ли кто сможет такое сделать. Изготовить 108 лампадок и другие крупные лампы и сугсэ (чаши для воды, чая, зерна и т. д.) в то время было делом не из простых; нужно было найти человека, который работал на заводе, умел отливать или вытачивать такие вещи и не даром. Также собрал все необходимые книги и возобновил святую традицию, проведения хурала “Диважан”. Таким образом, оборвавшаяся на долгие 40 лет нить традиции была восстановлена. По сей день сельчане продолжают ее, пользуются теми предметами, которые в настоящее время сохраняет Еша-лама.

В доме Жамьянширап-гэбшэ было собрано множество буддийской литературы, изображений божеств, статуэток за счет того, что многие в советское время, не имея возможности держать домашний алтарь, приносили ему... Все, что люди приносили, содержать у себя было непросто, поэтому многое увозил в Иволгинский дацан. Много книг оставлял у себя, среди них были и редкие ценные экземпляры, которые людям были очень нужны. Приходили, заказывали молитвы, “Сунды” и другие, которые Жамьянширап-гэбшэ добросовестно исполнял, читая по несколько дней, даже недель. Когда построили дацан в Чесане, все книги, кроме “Ламрима”, и много другой алтарной принадлежности, бурханы, сахюусаны были переданы ученику Жамьянширап-гэбшэ Данзанай Цыдендамба-ламе, который приобщил все к имуществу дацана. Пришедшие от людей когда-то по необходимости вещи, можно сказать, вернулись во благо и служение им же, их потомкам...» [Цыренжапов Ц.-Д., с. 67–69].

Стараниями шэрэтэ Цыдендамбы дацан был официально зарегистрирован в 2000 г.: «Относится к организациям Буддийской традиционной сангхи России. Вид объекта: Дацан. Религия: Буддизм. Конфессия: Махаяна. Архитектурная школа: Сино-тибетский стиль. Язык: Русский, Бурятский, Тибетский. Адрес: РФ, Республика Бурятия, Кижингинский район, село Чесан» было записано в регистрационных документах.

Продолжая дело первого шэрэтэ, Цыдендамба-лама организовал внутренний уклад жизни дацана. Ежедневно проводили Сахюусан-хурал. Стали проводиться большие ежегодные хуралы по лунному календарю: 8-го числа «Отошо», 15-го «Ламчог Нимбо», 29-го «Арбан Хангал», 30-го «Мандал Шива», хурал Белого месяца и другие. На хурал Белого месяца, Майдари-хурал приезжали жители из Харагуна, Укурика. В те времена было непросто организовать и провести хуралы, поэтому люди приезжали, несмотря на далекие расстояния. Между мирянами было распределено бремя организации обеспечения хуралов. Цыдендамба-лама разъяснял прихожанам о необходимости соблюдения обета масаг во время про-

ведения хуралов в зависимости от состояния здоровья человека. За время своего пребывания на посту шэрэтэ он построил много субурганов в святых местах. По его указанию перед Сахюусан-дуганом был установлен колокольчик для благозвучного звучания во имя благополучия, счастья и здоровья всех живых существ.

В 1993 г. по просьбе бурятского духовенства, по поручению Его Святейшества Далай-ламы XIV приехал в Бурятию Еще Лодой Ринпоче. В Иволгинском дацане он обучал лам и хуваракон цанниту. Еще Лодой ринпоче родился в Тибете, в провинции Кам в 1943 г. В 1953 г. эмигрировал в Индию. В 1963 г. принял полные монашеские обеты гелуна от Его Святейшества Далай-ламы XIV. В 1959–1979 гг. проходил обучение по разделам мадхьямики, абхидхармы, винаи и праджняпарамиты. В 1979 г. сдал экзамен на звание геше-лхарамбы (высшая ученая степень в буддийской философии). В 1997 г. получил российское гражданство. С февраля 2000 г. Ело Ринпоче возглавляет буддийский духовно-культурный центр «Ринпоче-багша».

В 1993 г. Еще Лодой Ринпоче приезжал в Чесанский дацан и проводил обряд рамнай субурганов. Ринпоче многим тогда даровал посвящение лун. После рамнай Ринпоче посетил местный аршан Эрезэнэй. Местные жительницы Бамбуева Цыпилма и Цыдыпова Ринчима преподнесли ему и шэрэтэ дацана подарок — сшитую своими руками обувь — гутал.

В 1995 г. первые хуваракон уехали учиться в Гоман-дацане. Из Чесанского дацана поехал Цыбикдоржиев Нимбу до 1999 г., Цыденжаб Очиржапов до 2002 г.

В 1997 г. состоялся первый исторический визит в Россию Его Святейшества Халха Джебзун-Дамба Ринпоче Богдо-гэгэна IX. 4 июля 1997 г. по приглашению шэрэтэ Богдо-гэгэна IX, сопровождающие его ученики и высокие ламы из Иволгинского и других дацанов посетили Чесанский дацан. Богдо-гэгэн IX провел хуралы, посвященные Арья-Баале, Очирвани, Манджушри лун. Шэрэтэ Цыдендамба-лама преподнес Его Святейшеству мандалу, прихожане дацана получили высокое благословение. В течение четырех дней, с 4 по 7 июля, он даровал наставления и благословения в Чесанском, Кижингинском, Эгитуйском, Анинском дацанах. Второй приезд Богдо-гэгэна IX в Чесанский дацан состоялся в ходе его третьего визита в Россию в период с 18 по 23 сентября 1999 г. В Кижингинском и Чесанском дацанах он дал серию передач устных наставлений и благословение прихожанам.

«Из исторических документов известно, что ни один из предыдущих восьми богдо-гэгэнов не был в России, несмотря на то, что множество его учеников и последователей проживают здесь. Его приезды в 1997, 1998, 1999, 2000, 2002, 2005, 2007 гг. стали счастливой и редкой возможностью для российских буддистов получить драгоценные наставления и благословение от выдающегося Учителя современной линии преемственности тибетского буддизма, держателя многих уникальных линий передач сутры и тантры, живого воплощения сердца традиции Махаяны — любви, сострадания — идеала бодхисаттвы» [Чимитдоржин Д., 2014, с. 175].

В 2000 г. Хамбо-лама Дамба Аюшеев и шэрэтэ Цыдендамба-лама с другими членами-делегации от Бурятии ездили с полонничеством в Индию к Далай-ламе XIV. В марте 2000 г. в г. Дхармасале наша делегация во главе с Хамбо-ламой Д. Аюшеевым была принята Далай-ламой XIV в его резиденции. Получили благо-

словение от Далай-ламы и благопожелания в укреплении веры. В ходе этой поездки шэрэтэ Цыдендамба-лама встречался в Дхармасале с Учителем Дэма Лоче Ринпоче, с Джадо Ринпоче, а также с Бакунай Ринпоче в Балдан Брэйбун дацане.

Для решения административных, организационных и финансово-хозяйственных вопросов, а также выполнения требований федерального законодательства был разработан и утвержден устав дацана.

Из воспоминаний Гыван-ламы о своем отце: «Шэрэтэ Цыден-Дамба в 2000 г. на въезде в село Чесан по левой стороне дороги по инициативе местных жителей сел Чесан, Булак организовал строительство субургана. В 2001 г. обряд рамнай провел Агван-Жамсо-лама (преподаватель из Дуйнхор-дацана на Верхней Березовке г. Улан-Удэ)».

Шэрэтэ-лама Цыден-Дамба принимал участие в освящении возрожденного субургана Джарун Хашор в с. Кижинга, взорванного и уничтоженного в 1937 г. 26 сентября 1990 г. Его Святейшество Дугпах-ринпоче из Непала освятил участок земли, где возводилась ступа. Им же было предано земле «бумбэ» — символ сокровищницы Учения. Силами буддистов-мирян и общественности, при финансовой поддержке правительства Республики Бурятия новая ступа была воссоздана. Обряд освящения провел Еше Лодой Ринпоче в октябре 2001 г. Возводилась ступа в течение двух лет строителями и художниками Кижингинского района под руководством Ц. Ш. Фёдорова и Д. А. Жанаева. На церемонии открытия с речью выступали президент Республики Бурятия Л. В. Потапов, председатель Народного хурала РБ М. И. Семёнов.

В ноябре 2003 г. шэрэтэ Цыдендамба с шэрэтэ Агинского дацана Бадмой Цыбиковым как паломники посетили Лхасу в Тибете.

В период с 2002 по 2004 г. в связи с болезнью Цыдендамба-ламы по согласованию с Пандидо хамбо-ламой обязанности шэрэтэ дацана исполнял Жаргал Содномович Ешижалсанов (выпускник института «Даши Чойнхорлин» при Иволгинском дацане, после окончания продолжил свое обучение в буддийском монастыре в Таиланде (1993–2001)). В настоящее время служит в дацане Хамбын Хуре в г. Улан-Удэ.

В сентябре 2004 г. Пандидо хамбо-ламой Дамбой Аюшеевым шэрэтэ дацана был назначен Лубсан Тонлам, в миру Жаргал Дашинамжилович Баиров. Это было неожиданное для него назначение, он даже просил дид хамбо-ламу Дашиниму Содномдоржиева не выдвигать его кандидатуру на эту должность, ссылаясь на свой молодой возраст, ведь ему на тот момент было всего 18 лет. Решение было окончательным, и пандидо хамбо-лама благословил его на служение в Чесанском дацане. Вот уже на протяжении почти 14 лет он продолжает свой духовный подвиг. В настоящее время под его руководством продолжается строительство нового трехэтажного Цогчен-дугана.

«Я решил стать ламой еще в 6-м классе. Наверное, это зов крови, поскольку в моем роду многие предки были ламами. После 9-го класса был принят в Иволгинский дацан. Тогда еще это был религиозный институт, а не университет, учились мы всего 4 года. Через год после моего возвращения в с. Чесан умер прежний настоятель дацана Цыдендамба-лама. Нужно было выбирать нового. Когда я узнал, что дид хамбо-лама Дашанима Содномдоржиев предложил мою кандидатуру, то очень испугался, ведь мне было всего 18 лет. Я пошел просить не назначать меня, ведь я еще совсем мальчишка, ничего не знаю, не умею. “Иди, зани-

майся своим делом, — сказал мне хамбо-лама, — здесь не ты решаешь и даже не я”. Через несколько дней я узнал о своем назначении. Наверное, это просто карма такая, на роду было написано. К сожалению, молодые люди в настоящее время не хотят глубоко понимать философию буддизма, имеют поверхностные знания. Большинство прихожан больше сосредоточиваются на выполнении ритуальных обрядов (молоком побрызгать, рисом посыпать, молитву заказать, *гороо* сделать). Надеюсь, что со временем у меня получится потихоньку, разговорами, беседами, через молитвы изменить сознание мирян от простых ритуалов к осознанному поведению, более глубокому восприятию значений кармы, философскому осмыслению Учения Будды».

По направлению шэрэтэ от Чесанского дацана закончили обучение и получили диплом в буддийском университете «Даши Чойнхорлин» имени Д. Д. Заяева три хуварака Чесанского дацана: Жамьянов Бэлиг, Эрдынеев Этигэл, Цыдыпов Золто.

В 2008 и 2013 гг. шэрэтэ Жаргал-лама участвовал в сугунды (съезде) Буддийской традиционной сангхи России. Сугунды проводится с периодичностью один раз в пять лет. На съезде подводят итоги за отчетный период, определяют новые цели и задачи. В работе участвует около 160 делегатов из дацанов всей Бурятии, г. Санкт-Петербурга и других регионов России. 21 апреля 2018 г. в Иволгинском дацане состоялось очередное заседание сангхи, в котором также приняли участие представители всех дацанов, входящих в сангху. В составе делегатов сугунды от каждого дацана было по 5 человек: шэрэтэ-ламы, штатные ламы и прихожане. Впервые на съезд был приглашен глава Республики Бурятия А. С. Цыденов. На съезде был представлен отчет за прошедшие пять лет Пандидо хамбо-лама Дамбы Аюшеева и продлены его полномочия. Дамба Аюшеев является главой буддистов России с 1995 г. За время его работы были построены дацан на Верхней Берёзовке в г. Улан-Удэ, новые дацаны и дуганы на территории Бурятии, открыты два буддийских института (в Иволгинском и Агинском дацанах). В них преподают бурятские, тибетские и монгольские учителя. В настоящее время в составе сангхи действует 46 дацанов.

В 2011 г. Жаргал-лама участвовал в торжественной церемонии «рамнай» нового трехэтажного Цогчен-дугана Кыренского дацана — «Гандан Даржалин», в 2017 г. — в освящении Бултурмурского дацана с непосредственным участием хамбо-ламы Д. Аюшеева и других настоятелей бурятских дацанов, входящих в Буддийскую традиционную сангху России. На открытие Бултурмурского дацана приехали представители трех табангутских родов не только из этнической Бурятии, но и других регионов России.

В настоящее время Чесанский дацан занимает территорию 20 576 м². Земельный участок оформлен официально, имеются все необходимые документы. 6 ноября 2015 г. Управлением Росреестра по РБ выдано свидетельство о регистрации земельного участка о безвозмездном срочном пользовании — на основании Постановления главы Кижингинского района Г. З. Лхасаранова от 8 апреля 2013 г. Справа от южного основного входа на территорию дацана в восточном углу правее субурганов находится незавершенный гостевой дом, осталось установить окна и двери, застелить полы, установить внутренние перегородки для комнат. Дом построен в течение 2016 г. За ним находится временный склад для хранения

стройматериалов и другого имущества. На южной стороне дацана за пределами территории размещается площадка для проведения состязаний «Эрын гурбан наадан». Установлен смотровой навес, оборудованы скамейки для зрителей, установлено несколько символических коновязей, оборудован флагшток.

В центре территории дацана расположен Сахюусан-дуган. Справа от дугана севернее находится дом шэрэтэ, построенный в 1991 г. Справа от дугана перед домом шэрэтэ находится летний домик для хуvaraков. За домом шэрэтэ находится склад для имущества дацана и домашней утвари, рядом летняя кухня (столовая). Восточнее дома шэрэтэ находится здание новой столовой — «джахан» дацана. На северной стороне вдоль ограждения находятся 3 дома размером примерно 4 на 5 метров. В доме слева живут хуvaraки, посередине дом для дуганши, в доме справа живут ламы дацана. По периметру ограждения установлены хурдэ с тремя барабанами по четырем сторонам света. Недалеко от дацана в северо-восточной стороне находится старый колодец на месте чабанской стоянки (гурты). По информации дуганши Витя-ахай, на входе на территорию дацана с восточной стороны стоит «красивая входная арка, которая является частью сохранившейся арки от входных ворот Диважин-дугана старого дацана» (Записано в Чесанском дацане). За зданием Сахюусан-дугана строится новый кирпичный трехэтажный Цогчен-дуган.

В настоящее время на территории дацана выделяется Сахюусан-дуган, возвышаются восемь ступ-субурганов, продолжается строительство нового Цогчен-дугана. Территория дацана ограждена новым забором. В Сахюусан-дугане проводятся хуралы, посвященные важнейшим событиям буддийской истории, ежедневные ритуалы в честь защитников и хранителей учения — сахюусанов и другие обряды, помогающие и защищающие верующих от различных негативных сил. Прихожане собираются на большие хуралы по лунному календарю. У дацана есть своя страница в социальной сети «ВКонтакте», которая ведется на постоянной основе, освещая ход строительства Цогчен-дугана и повседневную жизнь дацана. Постоянно проводятся приемы мирян и встречи с прихожанами. Возжигаются благовония, горят зула — свечи, возносятся молитвы, ежедневно делают подношения *сэржэм*, верующие освящают *хиш-морины*, преподносят топленое масло для зула, вносят пожертвования в виде продуктов, денег. Дацан посещают паломники и туристы из разных уголков нашей страны. Можно попросить вместе сфотографироваться, задать несколько вопросов и даже побеседовать о жизни, с помощью лам исполнить ритуалы, заказать молитву за здоровье и благополучие всех живых существ, родных и близких. «Традиционно, посещая дацан, каждый человек должен совершить пять основных действий: это обряд *гороо* с молитвой и вращением *маани хурдэ*; освящение ума, речи и сердца; простирание ниц; восхваление Будды; подношение», — говорит Жаргал-лама.

В Сахюусан-дугане на алтаре установлена статуя Будды Шакьямуни. Алтарь дугана красиво оформлен по буддийским канонам и в традиционном стиле бурятских дацанов. С левой стороны алтаря находится статуя богини Зеленой Тары — богини милосердия. Она почитается верующими как мать всех будд и живых существ и олицетворяет женскую сущность в буддизме. Отличительной чертой Зеленой Тары является то, что она всегда очень быстро приходит на помощь, ее правая нога немного приспущена с лотоса, где она восседает, что говорит о

готовности прийти на помощь по первому зову. Тот, кто читает мантры Зеленой Тары, уничтожает препятствия и достигает исполнения всех желаний.

С правой стороны алтаря находится статуя богини Белой Тары. Бодхисаттва Белая Тара, родившаяся из лотоса, проросшего из слезинки Будды, дарует людям долгую жизнь. Ее земным воплощением бурятские буддисты считают императрицу Екатерину II.

Статуи богини Белой и Зеленой Тары для алтаря дацана по поручению шэрэтэ Жаргал-ламы привез из Монголии из г. Улан-Батора 22 июля 2007 г. лама Гыван Базаров со своим старшим братом Туваном Базаровым. В свою очередь, эти статуи по поручению шэрэтэ приобрел хуварак Эрдэни Цырендашиев, который учился в это время на последнем курсе в Гандан-дацане в Монголии. Он приобрел их в тибетском дацане Гандан и организовал их доставку в г. Улан-Батор. Вместе со статуями они привезли ганжир и две лани (Боди) Колеса Учения для Сахюусан-дугана.

С левой стороны богини Зеленой Тары находится статуя защитницы Чесанского дацана богини Палден Лхамо Сахюусан.

Главный алтарь окружают драгоценные материальные предметы: скульптуры, миниатюрные ступы и мандалы; стенная и свитковая живопись (танка) украшает священное ритуальное пространство вокруг него. Также вдоль северной стены, на северных углах храма, помещены тома Ганжура, другие священные книги. В будущем эти книги могут составлять дацанскую библиотеку. Перед алтарным изображением соборного храма стоит тронный престол для ламы-настоятеля дацана, а также два ряда сидений с «олбоками» для лам.

На южной стене изображения божеств из категорий дхармапал, или охранителей. Кроме этого, с потолка дугана по центру свисают четыре колонны из разноцветной шелковой материи с роскошными каймами.

В убранстве алтаря соблюдена символика сторон. Ориентировка по сторонам света обусловлена тем, что канонические тексты связывают четыре стороны света с четырьмя событиями жизни принца Гаутамы, ставшего Буддой Шакьямуни. Восток символизирует рождение, юг — просветление, запад — проповедь Учения, север — нирвану. Поэтому не случайно то, что центральный вход в дуган размещен на юге, символизирующем просветление. Северная же сторона, напротив, выбрана для установки алтаря, поскольку помимо нирваны традиционно символизирует еще и священную Шамбалу, откуда ожидается «возвращение» Учения следующим после Шакьямуни буддой — Майдари. Сам алтарь дугана со статуей Будды Шакьямуни (бурханом) обозначает золотую гору Меру.

Алтарная часть отделена от молитвенного зала небольшой изгородью, украшенной восемью благоприятными знаками-атрибутами: золотыми рыбами, правозакрученной раковиной, драгоценным сосудом, цветком лотоса, Колесом учения, знаменем победы, узлом «палбу» (бур. жаргал) — символом вечности — и зонтиком, которые, по преданию, Будда получил после своего пробуждения под деревом Бодхи. Все эти восемь элементов изображаются в буддизме как знаки на следах ног Будды.

Помимо этого, интерес представляет и символика цвета, играющая важную роль в буддийской живописи, где основными являются желтый, синий, красный, зеленый и белый цвета, опять-таки непосредственно связанные с символикой

мандалы. Здесь белый цвет ассоциируется с чистотой, пустотностью, мудростью, а также южной стороной мандалы. Красный (цвет севера мандалы) и желтый (цвет ее западной стороны) отсылают верующего к тибетской традиции, где они являются цветами таких крупнейших школ, как Кагью и Гелуг. К последней, стоит напомнить, относит себя духовенство Буддийской традиционной сангхи России. Синий — это цвет неба и концентрации. Зеленый символизирует природу, рождение мира из первобытных вод и к тому же восточную сторону мандалы.

В каждом случае собрание предметов культа, как и должно, носит полный, законченный характер. При этом предметы культа распределены по основной их классификации, поскольку бытие Будды имеет три элемента — Тело, Речь и Ум. Символами Тела служат священные изображения (танки, статуи и пр.), Речи — священные мантры, дхарани, книги. Символами Ума Будды являются священные памятники — ступы или чортены.

Перед входом в Сахюусан-дуган на площадке установлены буйпур — жертвенный сосуд-курительница и два сидящих на задних лапах священных льва белого цвета, символизирующих мудрость, доблесть и энергию. Угрожающий вид львов призван оберегать храм и верующих от злых сил. Помимо этого, лев в буддизме — это еще и защитник Учения (Дхармы). Поэтому неслучайно один из эпитетов Будды — «Лев слова».

На территории дацана по периметру установлены малые и большие хурдэ. Большие хурдэ — молитвенные цилиндры — установлены под навесами. Ламы и прихожане совершают обход вокруг дацана, делая обряд «гороо», в связи с этим появилась заметная тропа вдоль ограждения вокруг дацана. Обходя дацан, каждый человек вращает хурдэ, начитывая мантры и мысленно молясь, обращается к Будде.

Хурдэ представляет собой круглый или восьмиугольный цилиндр, диаметр и высота которого может колебаться от нескольких десятков сантиметров до полутора-двух метров. Цилиндр вращается чаще всего на металлическом стержне. Внутренность его заполнена напечатанными миллионы раз мантрами на тонкой бумаге. Цилиндр с обеих сторон имеет донца, через которые проходит ось вращения. Большие хурдэ вращаются с помощью деревянных ручек, которых может быть две или четыре. Красят хурдэ преимущественно красной краской, она считается особенно сильной в магическом отношении, наружу по периметру барабана выносят содержание мантры или текста на санскрите или тибетском языке. Хурдэ украшают религиозными образами, призванными усилить концентрацию внимания верующего при вращении хурдэ.

Верующие считают, что, вращая хурдэ (по часовой стрелке), они как бы прочитывают находящийся там текст или молитву. Причем сколько раз повернут цилиндр, столько раз прочитана молитва. Обычно проворачивают хурдэ как минимум три раза, хотя в идеале это нужно делать 108 раз, это счастливое число, символизирующее 108 мудрецов-брахманов, предрекших судьбу Будды Шакьямуни. Во время обхода «гороо» буддист должен мысленно признать все свои плохие поступки, раскаяться в них и тем самым избавиться от накопленной до этого негативной кармы. А. М. Позднеев описывает происхождение этого обычая: «...в Тибете перед дверями храма вкапывался столб, на котором были написаны молитвы, подлежащие прочтению перед входом в храм, для тех богомольцев, которые не знали их наизусть. В больших монастырях, где скапливалось

много людей, такие столбы делались вращающимися, чтобы избежать давки. Прочитавши написанное на одной стороне столба, поворачиваешь его и прочитываешь написанное на другой; чем больше раз прочтешь, тем достойнее вступишь в храм. Отсюда сама собой делается понятной мысль о вращении хурдэ: чтобы достойнее вступить в храм, нужно было большее число раз прочитать молитвы, а следовательно, и повернуть столб; от поворотов для чтения до механического поворачивания переход уже очень небольшой и... весьма вероятно, что время теперь только изгладило из памяти буддистов первоначальное происхождение их хурдэ, придало ему новое значение, а за сим, сообразно этому значению, изобрело для него и новые формы» [Позднеев А. М., с. 27]. Хурдэ, таким образом, является опознавательным знаком очищенной ритуалом земли, как в практическом, так и в мистическом смысле.

Как видно, символика Чесанского дацана, как и в других дацанах, призвана раскрыть верующим учение Будды и пути для достижения нирваны как конечной цели существования. Символика эта является своего рода «напоминанием» для верующих и имеет глубокий сакральный смысл.

Вся жизнь в дацане, как и прежде, происходит по месяцам лунного календаря: 1-й месяц — Тигра, 2-й — Зайца, 3-й — Дракона, 4-й — Змеи, 5-й — Коня, 6-й — Овцы, 7-й — Обезьяны, 8-й — Курицы, 9-й — Собаки, 10-й — Свины, 11-й — Мыши, 12-й — Быка. Из огромного количества различных культовых отправлений обрядового комплекса в Чесанском дацане в настоящее время проводятся пять больших хуралов: Сагаалган (Новый год), Дончод-хурал (рождение, Пробуждение и Паринирвана Будды Шакьямуни), Майдари-хурал (ожидание прихода Будды грядущего мирового периода — Майтрейи), Лхабаб-Дуйсэн (зачатие Будды, нисхождение Будды с неба Тушита), Зула-хурал (день памяти Цонхавы — основоположника школы Гелугпа, которой следуют в основном буряты).

Примерно с 1993–1994 гг. обязанности дуганши Чесанского дацана исполнял Виктор Александрович Павлов, 1953 г. р. (Витя-ахай, духовное имя Цырен-Доржо) по приглашению шэрэтэ Цыден-Дамбы Базарова. Добросовестно справлялся с обязанностями дуганши на протяжении более 20 лет до своего ухода в связи с ухудшением здоровья в 2015 г. В настоящее время проживает в с. Чесан Кижингинского района. Когда он стал дуганши, при Чесанском дацане служили такие ламы, как Ендонов Дашинима, Ринчин-Доржо Жамьянов, Чимит-Доржо, позже пришел Батор Жамсаранов. При дацане жил дедушка Рыгзен, который помогал по хозяйству, содержал дома, топил печь, выполнял обязанности «тахильчи». В период его службы в дацан дважды приезжал Богдо Гэгэн IX Халха Джебзун-Дамба Ринпоче (первый раз 4 июля 1997 г., во второй раз в конце сентября 1999 г.). В один из приездов его сопровождали Еше Лодой Ринпоче и шэрэтэ Кижингинского дацана, ведущим встречи был заслуженный артист Бурятии Гунга Норбо Гунзынов. Их встречал шэрэтэ-лама Цыдендамба на дороге возле сурбургана при въезде в с. Чесан. По прибытии Богдо-гэгэн провел хурал в Сахюусан-дугане и всем верующим, которых было более тысячи человек, сделал «адис». Позднее несколько раз для проведения молебнов в дацан приезжал Еше Лодой Ринпоче.

Дуганши Витя-ахай тепло вспоминает о шэрэтэ Цыдендамба-ламе, который проводил различные хуралы, в том числе ежедневный Сахюусан-хурал, хурал,

посвященный Сагаалгану, Майдари-хурал, Зула-хурал, Найман Маани-хурал: «По рассказам отца, после закрытия Чесанского дацана в 1938 г. к его дедушке Карпушке и бабушке Екатерине пришел с просьбой разрешить пожить у них один эмчи-лама из Чесанского дацана. И остался на 3–4 года. Приемы проводить ему воспрещалось, но он тайно лечил людей, которые к нему обращались, в том числе лечил при необходимости бабушку Екатерину. За это к нему люди относились с почтением и уважением. По рассказу деда, у этого ламы однажды начались сильные головные боли, от которых он очень страдал и днем и ночью. В связи с этим он попросил предупредить его, когда в селе будут забивать корову. Наступил этот случай, он попросил вскрыть череп коровы и забрал оттуда мозги. Принес домой, разбавил мозги водой, добавил щепотку пшеничной муки, какое-то травяное лекарство и пил несколько раз в день после кипячения. Это он проделал три раза. После этого головные боли у него прошли».

Отец Вити-ахай Павлов Александр Карпович жил в с. Загустай, был призван на фронт в 1941 г. Вернулся в 1943 г. после ранения. Он тесно общался и дружил с Шой-баабай-ламой, часто бывал у них дома. Шой-баабай-лама служил в Чесанском дацане, Витя-ахай его хорошо знал. В настоящее время дом, в котором жил лама, находится в с. Чесан, там же находится дом ламы Цыбика (Сонома) Баханхайна, который в молодости был хуваракком (или ламой) Чесанского дацана. Он рассказал об интересном случае, связанном со сверхъестественными способностями Шой-баабай-ламы. «Когда он был чабаном совхоза “Чесанский”, однажды летом длительное время стояла очень жаркая и сухая погода. По просьбе жителей с. Чесан Шой-баабай лама сделал обряд вызывания дождя на северо-востоке от села у родника Улзыто. Обряд ему помогали проводить Гунга-баабай и еще один старейшина села. Когда они закончили обряд и возвращались на конной тележке, проезжая мимо, Шоо-баабай-лама сказал отцу Вити-ахайн, рядом стояла его жена, сам Витя-ахай, его младшие братья Сергей и Василий, чтобы они загнали овец в стойло, скоро будет сильный дождь. С трудом поверив, по указанию отца они загнали овец в кошару, почти сразу же начался проливной дождь с грозой и молнией, который продолжался всю ночь».

Внук Шой-баабай-ламы Балдан-лама в настоящее время служит в Иволгинском дацане, он преподает в буддийском университете, обучался в Индии на протяжении 10 лет» (запись беседы сделана в июле 2016 г. и 5 февраля 2017 г. в Чесанском дацане).

Во время отсутствия Цыдендамба-ламы Сахюусан-хурал и другие молебны помогал проводить Намжил-лама (Гылыков Намжил Будаевич, Дэжидма-баабай, ветеран Великой Отечественной войны), который был хуваракком при старом Чесанском дацане, учился в Эгитуйском дацане, служил в Шулутовском дугане до закрытия Чесанского дацана.

В настоящее время в с. Булак Кижингинского района находится дом, где проживал габжа-лама Чесанского дацана Бадма-Доржо Жамбалов (шэрэртэ Иволгинского дацана в 1953–1967 гг.). Этот дом планируется перенести на территорию Чесанского дацана.

В селе Чесан сохранились фундаменты Цогчен-дугана, Чойро-дугана и других зданий дацана. От забора (ограждения) дацана ничего не осталось, скорее всего, он был деревянным, так как следов оснований кирпичного или каменного забора не сохранилось, в отличие от фундамента Цогчен-дугана и других зданий на месте

прежнего дацана. В настоящее время люди до сих пор находят обломки культовых предметов алтаря и другие железные, медные и глиняные куски и обломки.

Также был перевезен из села Загустай и отстроен заново на территории дацана дом, в котором жил известный Сандан-лама. «Шагдаров Сандан жил в самом центре села Загустай, дом его находился на главной улице, во дворе Шагдарова Дондока рядом с администрацией. Постепенно дом начал привлекать слишком много внимания, потому что поток людей, которые ходили на прием к Сандан-ламе, увеличивался. Чтобы избежать лишнего внимания, Гомбоев Доржо принял решение переселить Сандан-ламу к себе — подальше от людей на окраину села. У себя во дворе он построил для него отдельный небольшой дом. После того как Гомбоев Доржо решил переехать в с. Кижинга, Лхасаранов Зунды Базарович перевез дом к себе во двор вместе со всеми вещами, которые там находились, так как за ним было некому присматривать. Люди приходили молиться к нему во двор, делали “гороо” вокруг дома Сандан-ламы.

Когда открылся Чесанский дацан, Лхасаранов Зунды Базарович перевез дом Сандан-ламы на территорию дацана. Он принимал активное участие в строительстве Чесанского дацана, сделал очень многое для его открытия. Однако случился пожар, и дом Сандан-ламы полностью сгорел. Тем не менее по стечению странных обстоятельств, специально или нет, на том самом месте, где когда-то стоял дом Сандан-ламы, был возведен субурган, инициатором строительства которого стал Цыренжапов Цыбик-Доржо. В строительстве принимали участие и помогали жители села Укурик, особенно семья Бамбаевых Батоцырена и Ринчин-Ханды. На месте, где когда-то стоял дом Сандан-ламы, теперь стоит субурган, который построили его земляки» [Цыренжапов Ц.-Д., с. 76–77]. Лхасаранов Зунды Базарович — родной отец ныне действующего главы администрации Кижингинского района Лхасаранова Геннадия Зундуевича. Достоинный уважения поступок Зунды Базаровича помнят земляки, и сын продолжает богоугодное дело отца — оказывает всяческую помощь в восстановлении дацана, строительстве нового Цогчен-дугана.

Верил, что когда-то возродится наш Чесанский дацан Чимитов Цырен-Дондок Бадмаевич — краевед и талантливый исследователь, главный экономист совхоза «Загустайский», ветеран войны и труда. «В 1974 г. Цырен-Дондок Бадмаевич собрал людей и построил субурган в честь памяти загустайцев, погибших на войне. Но по законам того времени Чимитова с формулировкой “оскорбление чести коммуниста” исключили из рядов партии и сняли с должности главного экономиста совхоза. Этим наказанием не ограничились — велели покинуть территорию села. Цырен-Дондок Бадмаевич вынужден был со своей семьей перебраться на дальний гурт в местность Хунды и работать там чабаном. Человека уже нет, а на его субурган люди продолжают ходить молиться», — вспоминала жительница Загустая, пенсионерка Дарима Цыдендамбаевна Жалсанова (записано 29 июля 2010 г. в селе Загустай Кижингинского района).

В 1990-е гг. Ц.-Д. Б. Чимитов часто публиковал в газетах «Буряад Үнэн», «Хэжэнгэ», «Долина Кижинги» статьи об истории Чесанского дацана, информацию о нем собирал по крупицам.

Весомый вклад в дело становления и развития дацана в то время внесли многие жители Чесанской долины, в их числе житель села Булак Шойжамсо Ринчи-

нов, он пожертвовал денежные средства на строительство субургана «Бадбум»; лама Баиров Булат Чимитдоржиевич — известный астролог, выпускник института «Даши Чойнхорлин», а также ламы — Базаров Гыван, Дармажапов Ринчин, Цыбикдоржиев Нимбу, Жамсаранов Батор, Очиржапов Цыденжап, Николаев Энгельс, Пирангалаев Александр, Намнанов Чимит, Цырендашиев Эрдэни и многие другие ламы и хувараки.

«27 марта 2012 г. шэрэтэ Чесанского дацана лама Жаргал Баиров, гэбгы-лама Зорикто Мандарханов, соржо-лама дацана “Хамбын Хурэ” Гыван Базаров привезли 108 томов “Ганжура” — изречения Будды Шакьямуни — из столицы Монголии Улан-Батора. Пожертвования по приобретению “Ганжура” произвели жители сел Чесан, Булаг, Загустай, Харагун. В этом году в Чесанском дацане впервые состоялся Ганжур-хурал, который в дальнейшем станет традиционным [Легшед. 2012, с. 17].

В 2012 г. Иволгинский, Бултумурский и Чесанский дацаны приняли участие в республиканской ярмарке НКО:

В декабре 2012 г. завершилось проведение программ республиканских социально ориентированных некоммерческих организаций, получивших в июле 2012 г. субсидии от правительства Республики Бурятия. В конце октября 2012 г. по инициативе Общественного совета при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Бурятия был проведен конкурс отчетов НКО. Результаты его были подведены 21 ноября 2012 г. на республиканской ярмарке проектов и услуг социально ориентированных НКО, где приняли участие и дацаны Буддийской традиционной сангхи России. Это Иволгинский дацан “Хамбын Хурэ” (шэрэтэ-лама Аюр Цырендылыков), Бултумурский дацан “Дамчой Равжалин” Селенгинского района (шэрэтэ-лама Баир Батоцыренов), Чесанский дацан “Гандан Чоймпэллинг” Кижингинского района (шэрэтэ-лама Жаргал Баиров).

В дни одного из великих буддийских праздников — Зула-хурал, который был проведен с 7 по 9 декабря 2012 г. во всех дацанах Буддийской традиционной сангхи России, все запланированные мероприятия социально ориентированных программ Сангхи России были завершены — программа Иволгинского дацана “Пандидо хамбо-лама Этигэлов. Благословение потомков...”, программа Бултумурского дацана “Мы — потомки гвардии бурятских казаков. 300 лет в служении Отечеству — Матери России” и программа Чесанского дацана “Земля Кижинги — духовная страна живых традиций”.

В 2013 г. «Уроженец Чесанской долины художник Максим Цоктоевич Гомбоев подарил статую Будды. Помогал оформлять внутреннее убранство и главный алтарь Сахюусан-дугана уроженец Чесанской долины художник Цыван Цыванов» (пер. — Д. Н.) [Цыбикова Д., Дондоков Ж., 2007]. Максим Цоктоевич родился в 1939 г. в селе Булак Кижингинского района. Данная статуя была установлена на алтаре Сахюусан-дугана.

По заказу ламы Батора Бадмаева (Павлова) М. Ц. Гомбоев выполнил для дацана деревянную скульптуру лошади, украшенную по всем канонам, в комплекте с телегой для использования в обряде во время Майдари-хурала. 31 июля 2015 г. в Кижингинской центральной библиотеке была проведена персональная выставка мастера резьбы и росписи по дереву М. Ц. Гомбоева. Свою первую персональную выставку мастер посвятил своим землякам, родным и друзьям. В экспо-

зиции были представлены: буддийская скульптура из древесины кедра с росписью минеральными красками — Будда Шакьямуни, Белая и Зеленая Тары, Дамдин Дорлиг, Гомбо Сахюусан. М. Ц. Гомбоев является последователем и продолжателем традиций бурятской традиционной школы резьбы по дереву, основоположником которой являлся замечательный скульптор Санжи-Цыбик Цыбиков. Также в экспозиции были представлены авторские панно, выполненные в технике резьбы по дереву и чеканки по металлу, бурятские шахматы — шатар, в которых каждая фигура представляет выразительную и изысканную скульптуру малых форм. Отдельного упоминания заслуживает представленная на выставке традиционная бурятская мебель, украшенная красочным орнаментом. Прозвучали на выставке добрые пожелания шэрэтэ Чесанского дацана Жаргал-ламы, главы администрации Кижингинского района Г. З. Лхасаранова, главы Верхнекудунского сомона Э. Э. Николаева, заместителя главы по социальной политике И. И. Эрдынеевой, начальника отдела культуры Б. Ч. Батуевой и родственников.

Пандидо хамбо-лама Дамба Аюшеев многое делает для возвращения бурятам их исконной основы жизнедеятельности — скотоводства. Благодаря Буддийской традиционной сангхе России овцы бурятской породы «буубэй» (младенец) обретают в республике популярность. Они способны пасти круглый год, добывая себе подножный корм даже из-под снега. На буддийских спортивных состязаниях победителям теперь уже традиционно дарят местных овец и коней.

«В 2012 г. были приобретены ягнята на выделенные средства Президента Д. А. Медведева: роздано по районам республики 225 ярочек. На выделенные средства Президента В. В. Путина в 2015 г. роздано по районам республики 2800 ярочек, в 2016 г. — 1980 ярочек, в том числе Кижингинский район, МО СП «Верхне-Кудунский сомон» с. Чесан 100 ярочек. В 2017 г. — 1800 ярочек, в том числе Кижингинский район, МО СП «Чесанское» с. Загустай 100 ярочек, 100 вол. (2017 г.). Всего за период 2012–2017 гг. роздано 6805 голов» [Ян А., 2018, с. 11]. В с. Чесан с 26 июня 2016 г. за овцами местной породы «буубэй» ухаживают трудолюбивая семья Гомбоева Тудэпа.

В 2014 г. ярким событием стал видеоклип «21 дасанай магтаал — гимны 21 дацана», снятый Министерством культуры Бурятии по заказу Буддийской традиционной сангхи России к 250-летию Института пандидо хамбо-лам России. Музыка Бирваагийн Мөнхболда, слова Цырен-Ханды Дарибазаровой. В создании плюсовой фонограммы видеоклипа приняли участие 55 певцов и музыкантов Бурятии. Среди мелодичных магтаалов на бурятском языке о дацанах Бурятии есть и про Чесанский дацан:

«Шалсаана Бууралай нара мандаха зугтэ
Шангадай ороншуу сайхан арюун узэгдоод,
Зургаадайн, Эрдэнийн гэгээнтэнэй намтартай,
Зулаар бухээн юэн сумын дурасхаалтай
Заяанай “Гандан Чоймпэллинг” Чесанын дасамнай».

В связи с изменениями законодательства появилась необходимость внесения изменений и дополнений в Устав дацана. После обсуждения на общем собрании лам Чесанского дацана 15 мая 2014 г. был принят «Устав местной религиозной организации буддистов Чесанский дацан “Гандан Чоймпэллинг” Кижингинского

района Республики Бурятия». Решением Центрального духовного Управления централизованной религиозной организации Буддийской традиционной сангхи России от 5 августа 2014 г. был утвержден Устав Чесанского дацана. По результатам рассмотрения документов, представленных на государственную регистрацию в 2014 г., был принят Устав Чесанского дацана. В соответствии с требованиями федерального законодательства в Уставе указаны:

- наименование, место нахождения, вид религиозной организации, вероисповедание и в случае принадлежности к существующей централизованной религиозной организации ее наименование;
- порядок создания и прекращения деятельности;
- структура организации, ее органы управления, порядок их оформления и компетенция;
- источники образования денежных средств и иного имущества организации;
- порядок внесения изменений и дополнений в устав;
- порядок распоряжения имуществом в случае прекращения деятельности;
- другие сведения, относящиеся к особенностям деятельности данной религиозной организации.

Были внесены изменения и дополнения в действующий Устав дацана и утверждено в новой редакции в начале 2018 г. Новый Устав был приведен в соответствие с требованиями федерального законодательства.

По окончании строительства субургана «Намжил», посвященного шэрэтэ Цыдендамбе Базарову, 31 мая 2014 г. прошли торжественные мероприятия по исполнению обряда «рамнай» с участием Пандидо хамбо-ламы Д. Аюшеева. Это событие было освещено в электронных и печатных изданиях: «Вечером 30 мая 2014 г. звуки божественной белой раковины возвестили всем присутствовавшим о прибытии в Чесанский дацан “Гандан Чойпэллинг” главы Сангхи России Дамбы Аюшеева. На границе с. Чесан у субургана с бронзовыми львами Пандидо хамбо-ламу встречали шэрэтэ Жаргал Баиров и официальные лица, представители органов местного самоуправления МО “Кижингинский район”. У ворот дацана, в соответствии с традицией и внутренним протоколом Сангхи России, ее глава был торжественно встречен священнослужителями со знаменами Дхармы и Золотым Зонтом — буддийскими атрибутами духовной власти.

В Сахюусан-дугане ламы Чесанского, Иволгинского, Улан-Удэнского дацана “Хамбын Хурэ”, жители и верующие с. Чесан под руководством шэрэтэ провели ритуал подношения мандалы Пандидо хамбо-ламе.

Утром следующего дня, в 10.30 ч, 31 мая 2014 г., начался хурал освящения ступы Намжил, возведенной в дацане в память о его шэрэтэ Цыдендамбе Базарове, возродившем в постсоветские годы этот один из крупнейших дацанов Российской империи, слава которого распространялась по всей Центральной Азии.

К этому знаменательному дню жители сел, входящих в приход дацана, его священнослужители под руководством молодого, энергичного шэрэтэ Жаргала Баирова готовились очень тщательно, очень ответственно, продумав все до мелочей, и это невозможно было не заметить с самого начала, поэтому праздник прошел безукоризненно, на высоком организационном уровне.

На хурал освящения субургана также прибыли шэрэтэ других дацанов Сангхи России — лама Гармажап Жамбалов (Кижингинский дацан), лама Чингис Ешиев (Шулутский дацан), лама Баир Аюшеев (Улан-Удэнский дацан), Даши-лама

Ирдынеев (Тугнуйский дацан), лама Жаргал Санжиев (Байкальский дацан), Хранитель Пандидо хамбо-ламы Д. Д. Итигэлова лама Жалсан Николаев, руководитель визитно-информационного центра Иволгинского дацана лама Эрдэни Цырендашиев, преподаватели Буддийского университета “Даши Чойнхорлин” Балдан Пирангалаев, Чимит Намнанов, хуvaraки буддийского университета [Павлов В., 2014].

Государственные органы республики уделяют внимание религиозным организациям и оказывают помощь в их восстановлении, строительстве и дальнейшем развитии. В 2014 г. правительство республики оказало помощь и выделило денежные средства на дальнейшее строительство Цогчен-дацана в соответствии с Распоряжениями Правительства РБ:

О внесении изменений в Приложение к Распоряжению Правительства Республики Бурятия от 19 мая 2014 г. № 279-Р «О предоставлении субсидий социально ориентированным некоммерческим организациям из средств республиканского бюджета на строительство, ремонт и реставрацию зданий и сооружений религиозного назначения в 2014 г.».

Правительство Республики Бурятия

Распоряжение от 24 декабря 2014 г. № 805-р г. Улан-Удэ

О внесении изменений в Приложение к Распоряжению Правительства Республики Бурятия от 19 мая 2014 г. № 279-Р «О предоставлении субсидий социально ориентированным некоммерческим организациям из средств республиканского бюджета на строительство, ремонт и реставрацию зданий и сооружений религиозного назначения в 2014 г.».

В целях повышения эффективности использования средств, выделяемых социально ориентированным некоммерческим организациям:

1. Внести следующие изменения в приложение к распоряжению Правительства Республики Бурятия от 19 мая 2014 г. № 279-р:

1. 1. Строку 2			
2	Местная религиозная организация буддистов Чесанский дацан «Гандан Чоймпэллинг» Кижингинского района Республики Бурятия Буддийской традиционной сангхи России	Приобретение строительных материалов, заливка железобетонных колонн, заливка монолита перекрытия Чесанского дацана «Гандан Чоймпэллинг» муниципального образования «Кижингинский район» Республики Бурятия	1 000 000

изложить в следующей редакции:			
2	Местная религиозная организация буддистов Чесанский дацан «Гандан Чоймпэллинг» Кижингинского района Республики Бурятия Буддийской традиционной сангхи России	Общестроительные работы по второму этапу строительства главного соборного храма Чесанского дацана «Гандан Чоймпэллинг» муниципального образования «Кижингинский район» Республики Бурятия	1 000 000
Строку 8			
8	Местная религиозная организация Булгумурский дацан «Дамчой	Монолитное железобетонное перекрытие на отметке 0,500 здания	1 000 000

ЧЕСАНСКИЙ ДАЦАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

	Равжалин» Селенгинского района Республики Бурятия Буддийской традиционной сангхи России	Цогчен-дугана Булдумурского дацана «Дамчой Равжалин» улуса Нур-Тухум муниципального образования «Селенгинский район» Республики Бурятия	
изложить в следующей редакции:			
8	Местная религиозная организация Булдумурский дацан «Дамчой Равжалин» Селенгинского района Республики Бурятия Буддийской традиционной сангхи России	Общестроительные работы по второму этапу строительства Цогчен-дугана Булдумурского дацана «Дамчой Равжалин» улуса Нур-Тухум муниципального образования «Селенгинский район» Республики Бурятия	1 000 000

2. Настоящее постановление вступает в силу со дня его подписания.

Исполняющий обязанности Председателя
Правительства Республики Бурятия

А. Чепик

В настоящее время в Чесанском дацане служат: гелун-лама Жалсан (Николаев Энгельс Эрдынеевич, духовное имя Жалсан, внук Цыремпилова Цыренбазара Цыденовича — Цыжип-баабай, 1979 г. р., уроженец с. Чесан Кижингинского района, с 1994 г. хуварак Чесанского дацана, прошел обучение в Иволгинском дацане, Гандан-дацане Монголии, в 2002–2008 гг. обучался в Гоман-дацане в Индии, в 1999–2008 гг. ученик Гунга-ламы Иволгинского дацана, являлся хранителем нетленного тела Д.-Д. Итигэлова, с 2015 г. гелун-лама Чесанского дацана); Ешидоржо-лама (Шойнжонов Ешидоржо Дымбрылович, духовное имя Данзан-Содбо, 1955 г. р., уроженец с. Загустай Кижингинского района, ученик гэбшэ-ламы Жамьянширапа Будановича Цыбикова в 1977–1982 гг., в 1994 г. получил благословение — лун от Еше Лодой Ринпоче, хуварак Чесанского дацана, в 2001 г. от Дуйнхор-багши из Тибета принял обет и стал ламой Чесанского дацана); Жаргал-лама (Пунсыкнамжилов Геннадий Александрович); по направлению от Чесанского дацана в Буддийском университете имени Дамба-Даржа Заяева при Иволгинском дацане учатся хувараки: Содномов Жамьян Бярович, духовное имя Лубсан (1993 года рождения, уроженец с. Загустай Кижингинского района, окончил 6-й курс философского факультета, по матери правнук ламы Ендоннова Будажаба, по отцу правнук ламы Гылыкова Осора Аюшеевича, оба прадеда были ламами Чесанского дацана); Диянов Гыван (Федор) Эдуардович, духовное имя Жигмит-Жамсо (окончил 2-й курс философского факультета, уроженец с. Загустай Кижингинского района); Цыденжапов Вячеслав Нимбуевич (окончил 1-й курс философского факультета, родился 16 ноября 1990 г., уроженец с. Загустай Кижингинского района).

С начала 1990-х гг. выросло число лам-выходцев из прихода Чесанского дацана. Некоторые из них в разные годы служили в Чесанском дацане. Среди них есть ламы, которые были хувараками Чесанского дацана и окончили Буддийский университет «Даши Чойнхорлин» имени Д. Д. Заяева при Иволгинском дацане. Многие молодые ламы обучались в дацанах Индии, Монголии. К сожалению, некоторые уже ушли из жизни: лама Дашибылов Чимит-Доржо (1958–2005 гг.),

уроженец местности Губээ, с. Загустай Кижингинского района, с 1986 г. хуварак монгольского Буддийского университета в г. Улан-Баторе, с 1991 г. лама Кижингинского дацана, шэрэтэ дацана до 1994 г., с 1995 г. в дацане Хамбын Хурэ г. Улан-Удэ, в 2002 г. вернулся в с. Загустай; лама Бодиев Цыден-Дамба (в миру Нима-Цырен, даты жизни 1959–2014 гг.), уроженец с. Булак Кижингинского района, хуварак, лама Чесанского дацана, с 1994–1997 гг. шэрэтэ Анинского дацана; лама Ендонов Дашинима Владимирович (1978–2014 гг.), уроженец с. Загустай Кижингинского района, с 14 лет хуварак Чесанского дацана, выпускник Иволгинского буддийского университета, до 2001 г. лама Чесанского дацана, с 2001 г. главный унзад-лама Угданского дацана; лама Ширдармаев Эрдэм Батуевич (1985–2009 гг.), уроженец с. Загустай Кижингинского района, хуварак Чесанского дацана, сразу после школы получил посвящение от Содномова Раджапа — ламы Кижингинского дацана, ученик шэрэтэ Чесанского дацана Базарова Цыдендамбы Данзановича, с 1 марта 2003 до 2009 г. — лама Чесанского дацана; лама Юндунов Гынин-Дарма Сан-Дылыкович (1951–1988) окончил Буддийский университет в Монголии, ученик Жабай Нима-ламы, уроженец с. Загустай Кижингинского района, служил в Иволгинском дацане, гэбгы-лама; Чимитов Ёндон-Жамсо Жанчипдоржиевич (сын Чимитова Ж. Б.), (1960–2006), уроженец с. Загустай Кижингинского района, в 1991 г. поступил в Иволгинский буддийский институт, лама Иволгинского дацана, гецул, с 1996 г. исполнял обязанности гэбгы-ламы, с 1998 г. шэрэтэ дацана в Усть-Орде Иркутской области, с 2004 г. лама Иволгинского дацана; Цыдыпов Эрдэм Аюшеевич, 1968 г. р., умер в молодом возрасте, уроженец с. Загустай Кижингинского района, выпускник Иволгинского буддийского института.

В настоящее время служат в разных дацанах БТСР и в других буддийских религиозных организациях:

– Бадмаев (Павлов) Батор Бадмаевич, 1979 г. р., уроженец с. Загустай Кижингинского района, с 1995 г. хуварак Иволгинского буддийского института, с 2000 г. шэрэтэ дацана в с. Шибертуй Бичурского района, в настоящее время хранитель нетленного тела Д.-Д. Итигэлова в Иволгинском дацане;

– Эрдынеев Этигэл Гылыкцынгеевич, 1990 г. р., уроженец с. Загустай Кижингинского района, с 2005 г. хуварак Иволгинского буддийского университета, с апреля 2013 г. лама Иволгинского дацана;

– лама Бодиев Булат Владимирович (внук Чимитова Ж. Б., духовное имя Данзан-Жимба), 1986 г. р., уроженец с. Загустай Кижингинского района, в 2008 г. поступил в Иволгинский буддийский университет и в настоящее время получает практику у эмчи-ламы Гунга-багши (Дампилон Борис) в Иволгинском дацане;

– в настоящее время служат в дацане «Хамбын Хурэ» на Верхней Березовке в пригороде г. Улан-Удэ: 1) лама Базаров Гыван Цыдендамбаевич (1980 г. р., уроженец с. Булак Кижингинского района, после 7-го класса школы — хуварак буддийского университета в Монголии, с 1998 г. обучался в Гоман-дацане в Индии, ученик Гаадан-багши, с 1997 г. лама Чесанского дацана, с 2001 г. лама «Хамбын Хурэ» в г. Улан-Удэ, в 2002 г. служил в дацане в г. Санкт-Петербурге, с 2003 г. заместитель шэрэтэ дацана «Хамбын Хурэ»); 2) лама Бодиев Батор Владимирович (внук Чимитова Ж. Б.), 1979 г. р., уроженец с. Загустай Кижингинского района, в 1992 г. поступил в Иволгинский буддийский институт, окончил в 2002 г. с

перерывом на службу в армии, лама в дацане «Хамбын Хурэ»); 3) лама Тобожамсуев Эрдэни Даржаевич (духовное имя Еши Шенин, 1980 г. р., уроженец с. Загустай Кижингинского района, после 9-го класса школы поступил в Иволгинский буддийский университет, в 1997 г. принимал участие в посвящении Калачакры «Дуйнхор Ван» в Монголии, его наставниками были Ширап-лама родом из Тибета, Ендон-лама, Жамбал-Ринчин унзад-лама Гоманского дацана, в 1999 г. получил посвящение от Еше Лодой Ринпоче, в 1999–2001 гг. лама в Чесанском дацане, с 2002 г. по настоящее время — в дацане «Хамбын Хурэ»); 4) лама Ешижалсанов Жаргал Содномович получил духовное образование в Таиланде, в 2002–2004 гг. временно исполнял обязанности шэрэтэ Чесанского дацана, в настоящее время служит в дацане «Хамбын Хурэ»;

– лама Цыдыпов Золто Ильич, 1988 г. р., уроженец с. Загустай Кижингинского района, хуварак Чесанского дацана, выпускник Иволгинского буддийского университета, является правнуком ламы Гылыкова Осора Аюшеевича, в настоящее время служит в Анинском дацане;

– лама Цыдыпов Амгалан служит в Бурхан Баабайн дацане в Тункинском районе (завершает обучение в буддийском университете);

– Цыдыпов Баир Аюшеевич, уроженец с. Загустай Кижингинского района, гэбгы-лама Угданского дацана, считается преемником Нима-ламы, Сан-Дылык-ламы, Гынин-Дарма-ламы;

– Базаров Баир Батомункуевич, 1962 г. р., уроженец с. Укурик Читинской области, с 1999–2004 гг. учился в дацане Монголии, ученик тойин-ламы Энхэ Булата, в настоящее время лама в дугане с. Укурик Забайкальского края;

– Намжилмаев Доржо Цыденович, 1961 г., уроженец с. Укурик Читинской области, хуварак Угданского дацана, с 2005 г. учился в дацане в Монголии, ученик Баир-ламы Угданского дацана, в настоящее время лама в дугане с. Укурик;

– Цыбикжапов Эрдэм Дашибалбарович, 1954 г. р., уроженец Облатуйского бора Улетовского района Читинской области, хуварак Буддийского университета в г. Улан-Баторе в Монголии, в 1995 г. окончил Дипломатическую академию при МИД РФ, работал в системе МИД РФ в 1996–2014 гг., в 1982–1987 гг. секретарь Хамбын Сумэ, гэбгы-лама Иволгинского дацана, в 1987–1988 гг. куратор и преподаватель русского языка Буддийского института в г. Улан-Батор, с 1988 г. дид хамбо-лама, зам. председателя ЦДУБ СССР, с мая 1990 г. шэрэтэ дацана в г. Санкт-Петербурге, избирался депутатом Верховного Совета РСФСР;

– Содномов Жамьян Баярович, 1993 г. р., уроженец с. Загустай Кижингинского района, хуварак Чесанского дацана, выпускник Иволгинского буддийского университета, племянник ламы Ендонова Дашанимы Владимировича;

– ламы Жамьянов Бэлигто Баясхаланович и Эрдынеев Этигэл Гылыкцынгеевич практикуют буддийское учение и практику в г. Москве (были хувараками Чесанского дацана);

– лама Мандарханов Зорикто Манзарович, 1985 г. р., уроженец с. Чесан Кижингинского района, хуварак Чесанского дацана, в настоящее время унзад-лама в буддийской общине «Гандан» г. Улан-Удэ;

– ламы Жамьянов Ринчин-Доржо и Жамсаранов Батор Викторovich в настоящее время служат в буддийской общине «Мандала»;

– лама Очиржапов Цыденжаб Баирович в настоящее время практикует в США;

– кенсур Чойдоржи (Будаев Александр Нимбуевич, племянник ламы Бадмаева Бадма-Доржо), 1959 г. р., уроженец с. Булак Кижингинского района, с 1980 г. хуварак монгольского Буддийского университета в г. Улан-Баторе, с 1985 г. ответственный секретарь Хамбын-сумэ, с 1988 г. проходил обучение в Дхарамсале (Индия), с 1989 г. дид хамбо-лама, с 1993 г. пандито хамбо-лама, с 1995 г. подал в отставку и возглавил общину «Ламрим» в г. Улан-Удэ, с 2001 г. в РЦРО «Объединение буддистов Бурятии»;

– в настоящее время в буддийском центре «Ламрим» служат ламы Халзанов Даши, Доржиев Жаргал Валерьевич, Сономов Баир, Цыбикдоржиев Ширавнимбу Цыденович (1973 г. р.), Дармажапов Ринчин (1978 г. р., уроженец с. Булак Кижингинского района, хуварак Чесанского дацана, во время учебы в Монголии в 1997–2001 гг. два года был учеником всемирно известного буддийского духовного просвятителя и деятеля (геше, лхарамба — высшая степень учености в Тибете, в монастыре Дрепунг Лоселинг) Бакулай Римпоче (1917–2003), девятнадцатого воплощения архата Бакулы, настоятеля монастыря Петуп. Бакулай Римпоче был членом правительства Индии, он основатель Азиатской буддийской конференции за мир со штаб-квартирой в Монголии, с 1990 г. в течение 10 лет, уже в преклонном возрасте, работал в Монголии в качестве государственного посла Индии). Также Ринчин-лама учился в Индии в Гоман-дацане;

– Цыдыпов Цыдып Гармаевич, 1987 г. р., уроженец с. Чесан Кижингинского района, в 2011–2013 гг. дуганши Чесанского дацана, стал мирянином.

В 2018 г. исполнилось ровно 190 лет со дня проведения ритуала освящения (рамнай) трехэтажного здания Цогчен-дугана Чесанского дацана и начала официальных богослужений и приема верующих ламами. Дацану фактически было 110 лет, когда Постановлением Президиума Верховного Совета БМАССР № 7 от 31 июля 1938 г. он был официально закрыт. Через 53 года (29 июля 1991 г.) с открытия и освящения нового Сахюусан-дугана началось возрождение Чесанского дацана. Жители Чесанской долины уверены, что в скором будущем будет проведен ритуал освящения нового трехэтажного здания Цогчен-дугана и начнутся официальные богослужения и прием верующих ламами.

3.2. Современные культовые сооружения

В настоящее время территория Чесанского дацана ограничивается большей или меньшей величины субурганми, которые были построены за последние годы. Ступы (субурганы) связаны со значительными событиями в жизни дацана.

Первые ступы-субурганы возводились в Индии еще при жизни Будды Шакьямуни. Впоследствии субурганы не только воздвигались на местах выдающихся событий, но и служили гробницами для лам, известных святостью и подвигами на благо буддийской веры. В религиозном смысле субурган почитается как символ Просветленного Ума победоносных будд, а также мистического центра Вселенной (гора Меру) и единства миров буддийской космогонии.

Так как с течением времени возникли большие различия в отношении формы ступы, человек по имени Бишукама в тексте «Цуктор Дриме Гье Чунг» установил определенные правила для различных форм. Большинство форм связано с событиями из жизни Будды. Есть четыре главных и четыре второстепенных ме-

ста, из которых Будда распространял свое Учение. Важнейшие восемь видов ступы непосредственно связаны с этими местами.

Будда советовал своим ученикам, чтобы они после его ухода в паринирвану посещали четыре главных места, а именно: Лумбини, Бодхгайя, Сарнатх (Варанаси), Кушинагара, и делали там подношения, чтобы очищаться от своих завес.

Феномен бурятской культовой архитектуры в основном являлся отражением тибето-монгольской традиции. Тибето-монгольская тематика построения ступ основывается на традиции воздвижения восьми классических ступ. В связи с этим в практике бурятского культового зодчества применяется восемь классических ступ, в том порядке, в каком они связаны с жизнью Будды, а именно:

1. Ступа Лотоса (Лумбини). Она была построена при жизни Будды и стояла в Лумбини. Главная часть имеет форму лотоса и символизирует рождение Будды. Бадбун-субурган.

2. Ступа Просветления (Бодхгайя), или ступа Победы над всеми препятствиями. Она была построена дхарма-королем Бимбисарой в Бодхгайя после Просветления Будды. Вечером перед Просветлением Будда Шакьямуни устранил последние тонкие завесы и препятствия в уме. Это также отражено в значении этой формы. Жанчуб-субурган.

3. Ступа Мудрости (Варанаси), или ступа 16 ворот. Она была построена в связи с первыми поучениями Будды, которые он дал в Сарнатхе (Варанаси) — о “Четырех благородных истинах”. Чойнхор-субурган.

4. Ступа Чудес (Шравасти). Будда переубедил последователей неправильных взглядов с помощью чудес. Эта форма была построена человеком по имени Лисаби в Шравасти. Чойнпрул-субурган.

5. Ступа Схождения с небес Тушита (Шанкас). Будда дал поучения своей матери в мире богов на небесах Тушита. Схождение из этого мира символизируется многими ступенями этой ступы, которая возникла в Шанкасе. Лхабаб-субурган.

6. Ступа Примирения (Раджгир), или ступа Единства. Девадатта, двоюродный брат Будды, создавал трудности внутри сообщества практикующих. В связи с примирением была сооружена эта ступа в Раджгире. Юндэн-субурган.

7. Ступа Совершенной победы (Вайшали). Незадолго до своей смерти Будда продлил свою жизнь по просьбе учеников на 3 месяца. Это произошло в Вайшали. Намжил-субурган.

8. Ступа Паринирваны (Кушинагара). Эта форма символизирует вхождение в паринирвану в Кушинагаре. Главная часть имеет форму колокола, и это символ совершенной мудрости Будды. Няндай-субурган.

Важнейшая форма из всех восьми — ступа Просветления. Она символизирует цель буддийского пути — узнавание собственного ума, полное Просветление. Это означает освобождение от всех мешающих чувств, как и от тенденции их иметь, и раскрытие всех способностей ума, особенно совершенной мудрости Будды. Она является одновременно символом преодоления всех препятствий, всех завес.

У всех восьми ступ нижняя часть до львиного трона и верхняя часть после колец одинаковы. Середина имеет разные формы. В случае ступы лотоса, например, она состоит из лотосов.

Однако обнаруживаются субурганы и другой традиции. Так, например, субурган Джарун Хашор; субурган, посвященный Б. Д. Дандарону; субурган, посвя-

щенный Агвану Силнаму, и т. д. Подобные варианты не совсем традиционной архитектуры ступ появились в Бурятии относительно недавно, в частности, в связи деятельностью на территории Бурятии буддистов из Прибалтийских республик, Украины и Белоруссии. Они принесли с собой свое понимание культового зодчества и строительства ступ, и этим объясняется появление особой архитектуры ступ.

Ступа — это не только реликварий, но еще и вертикальная модель космоса. Это ось бытия, мистическое дерево Бодхи, древо пробуждения, своеобразная духовная лестница. Чортен, следовательно, изображает ступени духовной жизни. В своей жизни практикующий буддист всегда находится на одной из этих ступеней, он или продвигается вверх, или опускается вниз, наконец, он проходит все ступени и достигает нирваны.

Три части ступы — основание, колоколообразная средняя часть и коническое навершие — символизируют три сосуда бытия: камалоку, рупалоку и арупалоку. Шпиль — символ мирового древа на вершине горы Меру, являющейся центром мироздания.

Камалока — это чувственный сосуд, или мир желаний, рупалока — сосуд с формами, или мир со следами материальных качеств, и арупалока — сосуд, не содержащий форм, или мир без материальных проявлений. В свою очередь, эти три сосуда подразделяются на 31 уровень.

Одиннадцать нижних уровней относятся к камалоке: на первом снизу уровне живут существа, совершившие ненормальные с буддийской точки зрения деяния, то есть это уровень ада. Второй уровень — животные, птицы, рыбы, насекомые; на третьем пребывают голодные духи (преты); на четвертом — асуры; на пятом живут люди; на шестом — боги-дэвы.

Средняя часть ступы представляет собой второй сосуд, или рупалоку, и ассоциируется с 11-ю относительными видами медитации (праджняпарамиты).

Верхняя часть ступы соотносится с третьим сосудом — арупалокой, состоящей из 4 уровней. Эти уровни отождествляются со сферой чистой мысли и характеризуются как космическое тело Будды (Ваджракая), где 28-й — тело радости, 30-й — Дхармакая, 31-й — самосуществующее тело (свабхавакая).

Таким образом, в эзотерическом плане ступа символизирует Путь Освобождения, начинающийся от Земли (основание ступы) и проходящий через Тринадцать небес бодхисаттв (тринадцать сегментов в форме ступеней) к не имеющей формы, несозданной, трансцендентной по отношению к природе нирване за пределы Эфира (последнего элемента сансары) — туда, куда указывает пламя, сливающееся с пустотой (Шуньятой).

Существует скрытая аналогия между нечеловеческим образом Будды и вышеуказанной формой ступы — святыни, содержащей реликварий. Здесь ступа рассматривается как олицетворение мирового тела Татхагаты, его разнообразные уровни, или ярусы, квадратные внизу и более или менее сферические наверху, что символизирует многочисленные планы, или уровни существования. Та же самая иерархия отражена в меньшем масштабе и в человеческом образе Будды, чей торс подобен кубической части ступы, тогда как голова, увенчанная выступом ушниши, соответствует куполу, завершенному пинаклем.

При этом ступа символизирует Дхармакаю, или «мысль будд», в отличие от книг, символизирующих «слово будд», и икон, отображающих их тело. И первое время, когда не был еще разработан канон написания портрета Будды, его изображали в виде рисованной ступы.

В настоящее время на территории Чесанского дацана возвышаются восемь ступ:

1. Бадбун-субурган (ступа Лотоса) посвящен ламам Чесанского дацана. В его основание заложен священный сосуд с именами 250 лам Чесанского дацана. Список имен 242 лам Ц.-Д. Чимитова был дополнен новыми именами. Обряд освящения «рамнай» Бадбун-субургана состоялся 26 сентября 2009 г. под руководством Пандидо хамбо-ламы Д. Аюшеева. Главным спонсором являлся Шойжамса Ринчинов, ветеран труда, уроженец с. Булак Кижингинского района.

2. Жанчуб-субурган (ступа Просветления) посвящен ламе Сандану Шагдарову (1910–1979). Его биография описана в книге Ц.-Д. Цыренжапова «Чесанский дацан»: «Шагдаров Сандан рода Хуасэ родился в 1910 г. в селе Укурик, был третьим ребенком в семье. Его старшего брата звали Бумбор, он стал габжа-ламой, второй брат Дамби-Нима тоже был габжа-ламой Чесанского дацана, сестра Гэлэгма, младший брат Базар, который пошел по стопам старших братьев, проучился восемь лет в Чесанском дацане, во время Великой Отечественной войны был отправлен на фронт.

В раннем возрасте Сандан был отдан на воспитание родственнику по линии матери Шагдарову Балару, у которого не было собственных детей. В возрасте 10 лет приемные родители отдали его хувараком в Чесанский дацан. После успешного окончания обучения защитил звание “гэбшэ”. Во время репрессий уехал в Читинскую область, работал на 52-м км железной дороги вместе с отцом. Со временем уехал в с. Укурик и работал на Могзонском дистанционном пути разнорабочим.

С началом войны Сандан-лама был отправлен на запад в район Москвы, где всю войну проработал на оборонном заводе. За свое добросовестное отношение он был награжден медалями и другими правительственными наградами. По окончании войны Сандан-лама вернулся на малую родину, устроился на железную дорогу. Вместе с Жамбаловым Галсан-ламой он ездил на строительство Анинского дацана. В 1958 г. по приглашению Центрального духовного управления буддистов (ЦДУБ) СССР Сандан-лама возобновил практику, стал астрологом Иволгинского дацана. После смерти Пандидо хамбо-ламы Ширапова ему была предложена должность Пандидо хамбо-ламы ЦДУБ СССР, но говорят, что он взял самоотвод и отказался от такой высокой ответственной должности. В июне 1979 г. Сандан-лама покинул этот мир...».

3. Намжил-субурган (ступа Совершенной Победы) посвящен бывшему шэрэтэ Чесанского дацана Цыдендамбе Базарову. Внутри субургана заложено по несколько тысяч разных молитв, изображений трех Будд долгой жизни (Сагаан Дара Эхэ, Аюша, Зугдор Намжилма), молитва «Мигзэм», глиняные фигуры Богдо Зонхава, Ямантака, Арьяа-Баала, Мянгатын шаса. Под субурганом установлен молитвенный барабан (хурдэ). В нем так же заложены молитвы долгой жизни, священный Ганжур привезенный из Монголии ламами Цырендашиевым Эрдэни и Намнановым Чимитом. Субурган в честь Цыден-Дамбы Базарова был освящен духовенством Сангхи России (БТСР) 31 мая 2014 г. под руководством Пандидо

хамбо-ламы Д. Аюшеева. Памятная ступа была установлена при поддержке семьи Цыден-Дамбы Базарова и прихожан Чесанского дацана.

4. Жанчуб-субурган (ступа Просветления) посвящен Бадма-Доржо Жамбалову. Уроженец Чесанской долины из местности Хунды недалеко от села Булак Кижингинского района, с 8 лет отдан в хуараки Чесанского дацана, учился теории и практике буддийской философии в Цугольском дацане и Лхасе (Тибете). В 1949–1967 гг. — габжа-лама Чесанского дацана, 18 лет был ширэтуем Иволгинского дацана. Избирался дид Пандидо хамбо-ламой Бурятии. Обряд освящения «рамнай» субургана состоялся в мае 2000 г.

5. Жанчуб-субурган (ступа Просветления) посвящен шэрэтэ Чесанского дацана Цывану Номшиеву. Уроженец Чесанской долины из местности Эхин Чесаана (Урда Гол), в 1869 г. — хуварак, в 1870 г. — штат-лама, в 1874 г. — гелун, шэрэтэ с 1882 по 1902 г.

6. Жанчуб-субурган (ступа Просветления) посвящен первому шэрэтэ Чесанского дацана Согтын Гунга-ламе (он же Лубсан-Гунга Сундуев). В 1804–1805 гг. — убаши, хуварак Кодунского дацана (Кижингинского), в 1810 г. — гецул, в 1829 г. — гелун. В 1814–1824 гг. исполнял обязанности унзад-ламы Кудунского дацана, в 1828 г. — джаа-лама, ламами дацана избран шэрэтэ, официально по приказу генерал-губернатора с 1832 г. шэрэтэ Чесанского дацана.

7. Няндай-субурган (ступа Паранирваны) посвящен шэрэтэ Чесанского дацана Зургаадай-багше. Обряд освящения «рамнай» субургана состоялся в конце марта 2008 г. Габжа-лама Ринчин-Агван Зургадаев был уроженцем Дээдэ (Эхин) Чесан, хуварак Чесанского дацана. Получив первоначальную подготовку, он поехал в школу Чойра Цугольского дацана и защитил звание гэбшэ. Высокую степень габжа-лама защитил в Чесанском дацане, пользовался высоким уважением и влиянием среди лам и верующих. После смерти был признан хубилганом, воплощением божества Арьяа-Баалы.

8. Чойнпрул-субурган (ступа Чудес) посвящен ламам из с. Укурик ныне Забайкальского края, которые служили в Чесанском дацане. В ее основание заложен священный сосуд с именами 35 лам, из них 12 габжа-лама, 12 гэбшэ-лама, в том числе шэрэтэ Чесанского дацана Жамьянов Рабжа Цыдыпович (он же габжа-лама Павлов Рабжа (Добчин)). Обряд «рамнай» совершил Еше Лодой Ринпоче — официальный представитель Далай-ламы XIV в России в середине мая 2012 г.

Обоо и субурганы прихода Чесанского дацана

В культовую систему буддизма были инкорпорированы и ассимилированы традиционные народные обряды, ритуалы и верования, связанные с культом *обоо* — почитанием духов земли, гор, рек, деревьев. Это является ежегодной важной составной частью жизнедеятельности дацана, которая соблюдается уже около двух столетий, особенно до революции, за исключением советского периода времени. Примерно с конца 1990-х годов прихожане каждый год приглашают на свои *обоо* лам для исполнения обряда «Обоо тахилга».

«По всей Бурятии на протяжении всего лета, в особенности в его начале, проводятся специальные ритуалы под названием “Обоо тахилга” в культовых местах местного населения. ...Каждая местность, возвышенность, село, район имеют своего потустороннего покровителя, происходящего из других измерений — из

сферы богов (дэвов), завистливых богов (асуров), а также претов (голодных существ). Численность сабдагов, именно так называют хозяев местности, просто огромно и значительно превосходит число людей.

Считается, что хозяева *обоо* создают погоду, отвечают за урожай, так как имеют возможность оказывать своё влияние на стихии. Помимо этого они могут оказывать помощь своим так сказать подданным в самых разных делах, содействовать здоровью, благополучию, оберегать их от различных напастей. Срок их жизни велик, у сабдаков, имеющих свое происхождение из мира тэнгриев (бур. — небожителей.), дэвов и асуров длительность, жизни может достигать десятков тысяч, а то и сотен тысяч лет. Поэтому буряты и называют их уважительно “Баабай” — отец, дедушка, а также “Ханом” — царем, правителем данной местности.

Сагаан Убгэн (бур. — Белый старец) — собирательный образ сабдаков, внимательно следит за жизнью того или иного рода. И те из сабдаков, которые имеют посвящение в Учение Будды, помогают всем на их жизненном пути, в особенности тем, кто правильно идет по жизни, наращивает благодеяния путем оказания помощи другим людям, укрепляя связь с ними и божествами, вышедшими за пределы сансары — круговорота перерождений» [Легшед, 2012, с. 40–41].

На территории Чесанского дацанского прихода с давних времен также действовали родовые общественные культы *обоо*. Главным приходским *обоо* становился родовой культ ведущей этнической группы, связанной с другими единством родовой генеалогии. Прихожане каждый год собираются на свои *обоо* для проведения обрядов. Шэрэтэ Жаргал ежегодно утверждает график проведения по лунному календарю и проводит обряд «Обоо тахилга» с участием местных жителей. Среди них: 1) Дундата (Лусудтай); 2) Жаргаланта; 3) Лусууд тахилга Хусоотын нуур; 4) Долоон Эсэгын; 5) Хотогор; 6) Баян Ундэр; 7) Эрээлжэ; 8) Ута Гуя; 9) Улзыто; 10) Хунды нуустай; 11) Лусууд тахилга Булагай аршаан; **Харагунай Обоонууд**: 12) Даши Балбар (Хурин Бэльчирэй обоо); 13) Хара Толгой; 14) Дашизэгбэ (Улэнтын обоо); 15) Алгантын обоо (Дулма — Юлтэн Хатан Эжын); 16) Хагдангар; 17) Арын нуурай обоо (Ойдоб Гунжэн); 18) Хаагты (Загустай); 19) Эрээн; 20) Худанай байса; 21) Кулькисон; 22) нухайта; 23) Голой обоо; 24) Улаан Хада; 25) Бугата Буурал; 26) Губээ; 27) Гурбан Майла; 28) Толгой (Загустай); 29) Мозой; 30) Баян Хонгор (Загустай); 31) Толгой (Булак); 32) Баян Сумбэр; 33) Уулэн (Мунхэ) Хаан; **Укуригэй Обоонууд**: 34) Обоон Сагаан (Норбу Банзод); 35) Дархита Буурал Баабай; 36) Даши-Дондог; 37) Баян Улаан; 38) Должид Хатан Эжы; 39) Ойдоб Гунжун (Могзооной обоо); 40) Худан Сагаан.

Существуют различные истории о ламаизации того или иного культового места, связанные с известными бурятскими ламами. Например, Намнанай-багша одолел духов шаманов, освятил и учредил ламаистское *обоо* на горе Алханай в Забайкальской области, шэрэтэ Кижингинского дацана Тойндол Суванов учредил *обоо* в Кижинге на горе Челсана. «Со временем каждый из хоринских дацанов учредил свое главное приходское *обоо*, на которых членами прихода совершались торжественные общественные молебны. Главное приходское *обоо* Кижингинского дацана — Челсана, Чесанского дацана — Баян Сумбэр, Эгитуйского дацана — Алтанай обоо, Анинского — Хутаг ула...» [Цыбенев Б. Д., 2011, с. 41].

На протяжении нескольких лет Пандидо хамбо-лама Д. Аюшеев приезжал с визитом в Чесанский дацан и проводил обряд освящения (рамнай) и различные хуралы. В 2007 г. по просьбе жителей в с. Загустай им был проведен обряд «нютагай заһал», хурал Жадамба и Балдан Лхамо Сахюусан. Также под его руководством в 2008 г. был проведен обряд освящения Юндэн-субургана в местности Гурбан Майла. В 2009 г. — рамнай Лхабаб-субургана у подножия горы Улаан Хада.

В последующем шэрэтэ Жаргал-лама в 2012 г. с ламами дацана по просьбе местных жителей провели рамнай двух субурганов Жанчуб вблизи села Харагун в местности Хурин Бэлшэр и Сарантуй. В 2013 г. у подножия горы Бугата Буурал баабай провели обряд освящения Жанчуб-субургана, организатором которого был лама Батор Павлов.

В 2015 г. по инициативе соржо-ламы Кижингинского дацана, проректора по научной работе Буддийского университета «Даши Чойнхорлин» Раднажаба Содномова жители Кижингинской долины недалеко от с. Могсохон, рядом со ступой Юндэн (ступа «Примирения»), посвященной шэрэтэ-ламе Иволгинского дацана Лубсан-Ниме Жапову (Жабэ) (1905–1989), построили еще два субургана — памяти двух выдающихся лам, уроженцев села Могсохон. На западной стороне установлена ступа Жанчуб (ступа Просветления), посвященная унзад-ламе Иволгинского дацана, габжа-ламе Лубсан Чойжал Жалсанову (1905–1982). На восточной стороне — ступа Намжил (ступа Совершенной Победы), посвящена шоогомбо-ламе Иволгинского дацана, гэбшэ-ламе Дэмбрэл Базаржапову (1915–1994). Родственники вложили в эти ступы личные вещи лам, которые у них сохранились — это статуи Будды Шакьямуни, Богдо Цзонхавы из домашних алтарей, которым габжа-лама Лубсан Чойжал Жалсанов и гэбшэ-лама Дэмбрэл Базаржапов поклонялись многие-многие годы. Вместе со 108 томами «Ганжур» и множеством других культовых предметов поместили личный ритуальный ваджр одного из лам. Эти три субургана над Могсохоном стали символом несущего благо всем живым существам света Дхармы и защитой от бед и невзгод. Строительство началось в июне 2015 г. и было завершено 23 октября 2015 г. Ламы Кижингинского дацана «Даши Лхунболинг» и Чесанского дацана «Гандан Чоймпэллинг» под руководством главы Сангхи России, Пандидо хамбо-ламы Дамбы Аюшеева 24 октября 2015 г. провели большой молебен и ритуал *рамнай* — освящение ступ и наполнение их силой благословения.

Также по инициативе ламы Батора Павлова в 2016 г. в местности Толгой вблизи села Загустай после завершения строительства провели обряд освящения Жанчуб-субургана. По просьбе жителей в 2017 г. провели обряд освящения Жанчуб-субургана в местности Жаргаланта.

Ступа (субурган) является самым распространенным буддийским культовым сооружением в Забайкалье и Бурятии. Считается, что ступа — это сооружение, обладающее магической энергетикой добра и любви, очищающее наши тело, речь и ум от трех ядов: неведения, гнева, привязанности. Ступа — символ просветленного ума Будды, объект поклонения, излучающий и передающий благословение всем живым существам. Построенная по всем канонам и освященная монахами и Учителями высочайших реализаций, ступа является источником бла-

гой духовной энергии, способной гармонизировать общество, умиротворять живых существ трех сфер, приводить в равновесие силы природы.

3.3. Строительство нового Цогчен-дугана

Идея строительства нового Цогчен-дугана витала в воздухе на протяжении двадцати с лишним лет, с тех пор как шэрэтэ Чесанского дацана Цыдендамба Базаров вбил колышек на месте будущего дугана. По замыслу и плану главное здание дацана — «дом всеобщего собрания», или Соборный храм. Вокруг Цогчен-дугана должны располагаться дуганы-сумэ, посвященные отдельным богествам буддийской веры. Строятся ступы-субурганы, связанные со значительными событиями дацана, в ознаменование каких-либо событий или посвящаются известным ламам. На крыше преддверного отделения портала над входом в Цогчен-дуган будет установлен буддийский символ веры — хурдэ, или чойж хорол, — медные золоченые изваяния «колеса вероучения» и двух оленей (газелей) по обеим его сторонам, которые символизируют первую проповедь Будды. Крыша Цогчен-дугана будет украшена золоченым куполообразным навершием — ганджиром. По фризу будут размещаться блестящие круглые золоченые зеркала — толи, имеющие магический охранный смысл, и мани — тибетские слоги мистической формулы-молитвы. Подзоры будут в виде стилизованных облаков (уулэн). Украшением конька крыши будут вазоподобный остроконечный ганджир в центре и цилиндрические чжалцаны. На фигурных окончаниях угловых концов крыши будут изображения пламени (бур. — дулэ). Цогчен-дуган будет состоять из двух помещений: большого зала с колоннами и сидениями для лам и задней части — гонкона. Перед северной алтарной стеной храма в центре будет установлена статуя Будды Шакьямуни, по сторонам — изображения других богеств и почитаемых лам. Из китайской архитектуры будет заимствован китайский лев. Львов устанавливают обычно на крыльце Цогчен-дугана. Характерным украшением дацана будет многоцветье. Главные ворота дацана — богдойнхалга — будут располагаться на южной стороне ограды. В западной, восточной и северной стенах — калитки. Главные ворота будут открываться в особо торжественных случаях. В остальное время на территорию дацана вход будет через калитки. Будет мощеная дорожка от главных ворот до крыльца Цогчен-дугана, который называется «священный путь». Архитектура дацана будет символизировать божественное тело Будды, как и все традиционные дацаны Бурятии.

Эти основные элементы храма пока остаются на бумаге. Все настоятели дацана неоднократно пытались сдвинуть дело с мертвой точки, но дальше одного желания дело не доходило — все упиралось в деньги.

Весной 2012 г. у нынешнего ширэтэ Жаргала Баирова состоялся разговор с известным скульптором Дашинымой Намдаковым, который является верующим мирянином (жиндаком) Чесанского дацана, как по отцовской линии (отец Балжан родом из села Ухэриг Забайкальского края), так и по материнской линии (мать Буда-Ханда родом из села Загустай Кижингинского района) — оба села входят в приход Чесанского дацана.

В 2012 г. Дашинима Намдаков, по информации Буддийской традиционной сангхи России, уже ознакомился с эскизным проектом дугана и приезжал в Че-

санский дацан, чтобы обговорить все интересующие его вопросы по строительству буддийского храма.

«Известный российский скульптор Даши (Дашинима) Намдаков, чьи работы уже прочно вошли в мировое наследие, стал инициатором строительства нового Цогчен-дугана (главного храма в буддийском храмовом комплексе) родного Чесанского дацана», — пестрели газеты «Долина Кижинги», «Правда Бурятии» и другие электронные издания в конце января 2013 г.

Отношение тех или иных семей, рода, улуса к тому или иному дацану являлось достаточно значимым в жизни бурят-буддистов, даже по прошествии многих лет после закрытия дацанов прихожане продолжали относить себя к тому или иному приходу. В настоящее время в период возрождения дацанов люди возвращаются в свои приходы и начинают помогать своим дацанам.

Архитектурное решение подготовлено в 2012 г. ООО «Универсалпроект» (директор Р. Р. Ракшаев, архитектор Р. Р. Ракшаев, главный инженер проекта Д. Н. Жигжитова). Согласно проекту, планируется строительство трехэтажного дугана высотой 16 м, размером 20х19 м. Первый этаж будет кирпичным. Внешний вид дугана будет восстановлен по сохранившейся фотографии. Здание дугана было решено спроектировать, приблизив к тому облику, в каком существовала дореволюционная модель дугана, вобравшая в себя многие характерные черты буддийско-бурятской архитектуры. Здание дугана — это трехчастный объем, украшенный красиво обрамленными окнами и дверями и с активно выдвинутым входным порталом. Три высокие входные двери богато оформлены. В вестибюле-тамбуре с левой стороны располагается комната шэрэтэ, справа — лестничная клетка, ведущая на верхние этажи. Справа и слева от алтаря находятся подсобные помещения. Главный зал дугана встречает паломников высоким золоченым алтарем высотой 5,7 метров. Зал имеет хорошее естественное освещение. На втором этаже располагается молельный зал, имеющий выход на круговую террасу, огражденную точеной балюстрадой, что имеется и у комнаты медитации, располагающейся на самом верхнем ярусе. По четырем углам парапета 1-го этажа установлены барабаны — хурдэ.

Все три этажа имеют стропильную кровлю, покрытую кровельными листами и окрашенную в охристо-желтый цвет. Все этажи словно «нанизаны» на единую вертикальную ось композиции, увенчанную ганжиром, делая здание дугана архитектурно завершенным. Причем каждый из последующих этажей уменьшается в сравнении с предыдущим, образуя тем самым некое подобие горы-пирамиды, символизирующей золотую гору Меру, являющуюся центром населенного людьми материка Джамбудвипа. Согласно буддийскому вероучению, вокруг горы Меру вращаются Солнце, Луна, планеты и звезды, а на ней живут высшие боги и другие существа. На всех уровнях дугана верующие имеют возможность для совершения ритуального обхода. На главном фасаде установлена композиция — Колесо Учения (номой хурдэ) с восемью спицами, символизирующими Восьмеричный Благородный Путь (хутагта боди мур). По обеим сторонам — две стоящие на коленях лани, самец и самка, которые, подняв головы, смотрят на Колесо Учения. Золотистые лани (боди гуруоһэн), по преданию, выбежали из роши, когда раздались звуки первой проповеди Будды, и, замерев, слушали его, глядя на верхушку Золотого колеса, поднесенного Будде Брахмой с просьбой о

начале Проповеди. На остальных трех фасадах размещаются композиции «лотос». На вершине кровли будет водружаться завершающаяся шпилем эмблема в форме вазы (ганжир), по углам крыши — жалцаны в виде цилиндров, символизирующих полноту Учения и его Победоносное распространение. Верхние этажи окружены галереей с крышей, опирающейся на колонны, что создает видение композиционного единства храма и окружающего пространства. Весь дуган — это горизонтальная модель мира. И здесь стены дугана соответствуют горам, окружающим материк (Джамбудвипу), ворота — входы во Вселенную, а сам храм — обитель ее правителя.

Запланированы так называемые священные ворота (богдын халга), вымощенная дорожка, ведущая до центральных дверей Цогчен-дугана. По традиции эта дорожка (богдын зам) предназначалась для прохождения высоких духовных лиц во время церемоний их встреч и проводов. Центральные храмовые двери строящегося Цогчен-дугана обращены на юг.

Общая площадь составляет 521,68 м². Площадь застройки составляет 466,49 м², строительный объем 2783,30 м³. Расчетная сейсмоустойчивость составляет 8 баллов и отвечает современным требованиям.

«Прихожанами Чесанского дацана собирается необходимое количество кирпича, закупаются другие стройматериалы», — писали местные газеты в начале 2013 г. Разрешение на строительство было выдано МКУ «Комитет по инфраструктуре» администрации МО «Кижингинский район» от 22 апреля 2013 г. председателем комитета В. А. Балдановым. Рабочая документация нового Цогчен-дугана (конструктивные решения) разработана в 2015 г. ООО «Проектно-строительное бюро» (директор Г. В. Загуменникова).

Весной 2013 г. началось возведение нулевого цикла. К тому времени начали поступать средства и Дашинимы Намдакова, ставшего одним из инициаторов строительства родного храма.

Строительству Цогчен-дугана, как и подобает, предшествовали специальные религиозные обряды. Для освящения месторасположения главного храма (подавления зловредных духов, выкупа у хозяина местности, умилоствления божества-хранителя) также была проведена серия обрядов. Завершается обряд церемонией закладки под основание «бумбэ» — наполненного драгоценностями сосуда из золота, серебра или красной меди. Внутри оберегающего сосуда были вложены листы со священными молитвами-мантрами и милостивословиями (дхарани), благовонные растительные ингредиенты: мускатный орех, гвоздика, шафран, кардамон и «семь драгоценностей»: золото, серебро, жемчуг, коралл, опал, рубин и сапфир. Бумбу завернули в желтый шелковый хадак и поставили в небольшую камеру-ковчежец для предохранения от насыпаемой сверху земли.

Ритуал проводился при участии дид хамбо-ламы Дашинимы Содномдоржиева, шэрэтэ Кижингинского дацана Жамбалова Гармажап-ламы, учителя Буддийского университета «Даши Чойнхорлин» имени Д. Д. Заяева Раднажап-ламы, Доржо-ламы, соржо Цугольского дацана Эрдэни-ламы и всех лам и хуваракон Чесанского дацана.

Ограниченная специальными обрядами территория дацана зрительно обозначена, помимо деревянной ограды, молитвенными флагами из разноцветной материи (дарцок), молитвенными цилиндрами (хурдэ), деревянными подставками для сосуда с воскурениями и лампы (тахилай модон).

Вспоминая минувшие события, шэрэтэ Чесанского дацана Жаргал-лама рассказывает: «Весной 2012 г. в Чесанский дацан приехала старшая сестра Дашинимы Намдакова — Санжидма, которая попросила нас помолиться за благополучие своих родных и близких на святом для их рода месте Зун Хулурикта, расположенном в верховьях реки Кодун. Мы съездили туда, провели необходимые ритуалы и по возвращении в дацан сестре неожиданно позвонил брат Дашинима. “Где вы находитесь, абгай (бур. — сестра)? У меня на душе как-то беспокожно”, — сказал он старшей сестре. Та, в свою очередь, рассказала о том, что была совершена поездка на родовое место, где помолились за род, пожелав благополучия и для него, и что она собирается выезжать из Чесанского дацана.

Услышав это, Дашинима попросил передать трубку мне и тут же предложил создать план действий на предстоящий 2013-й год, где он обязательно поможет нам в любом деле. А план у нас был один — как можно скорее начать строительство Цогчен-дугана, так как его проект на тот момент уже готовила архитектор Кижингинского района Должидма Жигжитова. Я сообщил ему об этом. Он тут же предложил согласовать все вопросы по его приезду на родину летом.

Встреча с Дашинимой Намдаковым состоялась на мероприятии в его родном селе Ухэриг, где ламами Сангхи России во главе с Пандидо хамбо-ламой Дамбой Аюшеевым были освящены три субургана, посвященные местным ламам — выходцам этого славного села. Там мы познакомили Дашиниму и его супругу Татьяну с эскизным проектом Цогчен-дугана. Он пожелал посетить Чесанский дацан и на месте обсудить вопрос строительства главного буддийского храма дацана.

Первое координационное заседание по строительству Цогчен-дугана Чесанского дацана состоялось 11 августа 2012 г., в нем приняли участие ламы Чесанского дацана, руководство Кижингинского района, местные бизнесмены, активисты местной буддийской общины. Приехал и Дашинима Намдаков с супругой. В ходе заседания были подняты самые разные вопросы: Стоит ли в будущем году начинать строительство Цогчен-дугана или перенести его на более поздние сроки? Каковы должны быть его размеры?

Начались споры, некоторые люди даже поставили проект под сомнение. Стоит ли строить такой большой дуган, ведь его содержание обойдется в копейку? Будет ли он востребован? — вопрошали они. Тут свое слово сказали ламы Чесанского дацана, которые доказали состоятельность строительства Цогчен-дугана, приводя в качестве аргумента слова Пандидо хамбо-ламы Дамбы Аюшеева.

Построенный Цогчен-дуган меньшего размера, чем предыдущий, не принесет того счастья, что мог бы, так как теряется взаимосвязь с прошлым. И для того чтобы избежать этого, нужно либо оставлять прежние размеры, либо увеличивать их, — сказал он как-то. Решили, что дуган не должен быть меньше прежнего.

Только после этого все собравшиеся согласились с проектом и стали обсуждать ход его реализации. Проект включает в себя строительство трехэтажного Цогчен-дугана высотой в 16 метров, размером 20x19 метров, первый этаж будет кирпичным. В свою очередь, Дашинима Намдаков пообещал, что первые средства поступят на счет уже весной 2013 г., пожелав, чтобы местные буддисты проявили инициативу и дали начало строительству.

Не теряя времени, миряне Чесанского дацана стали активно включаться в работу. Уже осенью стали закупать кирпич и другие стройматериалы, готовить

проектно-сметную документацию. Двадцать поддонов кирпича и персональный компьютер передали родному дацану соржо-лама дацана “Хамбын Сумэ” на Верхней Березовке Гыван Базаров и Жалсан-лама (Энгельс Николаев, тогда был хранителем Нетленного тела XII Пандидо хамбо-ламы Даши-Доржо Итигэлова), 50 тысяч рублей внес и известный борец Вандан Базаров, а также другие миряне, не пожелавшие остаться в стороне от столь благого дела. Всего было собрано в январе 2013 г. около трети всего необходимого кирпича, а львиную долю из требующегося цемента пообещал поднести дацану житель Загустая Дондок Цыбжитов», — закончил свой рассказ шэрэтэ [Будаев Б., 2013].

В 2014 г. Правительством Республики Бурятия было издано Распоряжение от 24 декабря 2014 г. № 805-р г. Улан-Удэ о внесении изменений в Приложение к Распоряжению Правительства Республики Бурятия от 19 мая 2014 г. № 279-Р «О предоставлении субсидий социально ориентированным некоммерческим организациям из средств республиканского бюджета на строительство, ремонт и реставрацию зданий и сооружений религиозного назначения в 2014 г.». В соответствии с распоряжением за подписью исполняющего обязанности Председателя Правительства РБ А. Чепика был выделен один миллион рублей на «Общестроительные работы по 2 этапу строительства главного соборного храма Чесанского дацана “Гандан Чоймпэллинг” муниципального образования “Кижингинский район” Республики Бурятия». Это стало хорошим подспорьем и помогло приобрести необходимые строительные материалы, сделать заливку железобетонных колонн, монолита перекрытия.

24 апреля 2017 г. пресс-служба БТСР сообщила: «Двое лам: Жалсан-лама, Майдар и мирянин-паломник Жаргал мз Чесанского дацана успешно добрались до дацана “Балдан Брэйбун” Кяхтинского района. Ламы дацана “Балдан Брэйбун” и жители села Мурочи встретили лам на подходе к дацану и прошли последние метры вместе с ними, жители села Мурочи получили благословение от лам-паломников. Также в дацане провели обряды и молебны». Возможно, пешее паломничество лам Чесанского дацана будет примером и послужит началом традиционных (пеших и конных) переходов в целях распространения буддийского учения и здорового образа жизни, совместного проведения хуралов и укрепления общения между дацанами.

В начале июля 2017 г. шэрэтэ Жаргал-лама прихожанам Чесанского дацана о ходе строительства Цогчен дугана сообщил следующее: «Только на возведение 2-го и 3-го этажей израсходовано: 490 тыс. р. оплата бригаде строителей; 223 тыс. р. стоимость кровельного профилированного листа; 67 тыс. р. евравагонка; окна в 234 тыс. р. с доставкой и установкой. Куплены гвозди больше 200 кг, саморезы, анкерные болты, разные крепежные угольники, косынки и т. п., горюче-смазочные материалы, продукты, выдана заработная плата поварам. Весь пиломатериал предоставлен нашими ИП, занимающимися заготовкой древесины из сел Загустай, Кулькисон, Чесан, Булак, Михайловка, Могсохон, Хуртэй.

В течение 30 дней с 24 мая по 24 июня 2017 г. сделали крышу и 2-й, 3-й этажи: Бадма Аюржанаевич Молонов (Хэжэнгэ), Балсан Булатович Нимаев (Хэжэнгэ), Зорикто Эрхитуевич Холхонов (Хэжэнгэ, Улзыто), Владимир Базарсадуев, Цырен Цыбикжапов. Дальнейшие планы: установка окон, утепление плит перекрытия 1-го этажа, наружная отделка стен 2-го, 3-го этажей, построить крыльцо (дугжан), внутренняя отделка: пол, потолок, стены». «Отрадно, — от-



Алтарь Сахюсан-дугана Чесанского дацана.
Фото Булата Ванданова из архива Чесанского дацана. 2015



Внутреннее убранство Сахюсан-дугана Чесанского дацана. Фото Булата Ванданова из архива Чесанского дацана. 2015



я церемония во время Майдари-хурала 12 июля 2018 г.
во главе с шэрэтэ Жаргал-ламой



угжуубы в Чесанском дацане. Сагаалган 2017 г.



Обряд Жинсрэг (Огненная пуджа) в Чесанском дацане. Гендун-багш



XXIV Пандито Хамбо лама Д. Аюшеев в Чесанском дацане проводит освящен ступы, посвященной шэрэтэ Цыдендамба-ламе. 31 мая 2014 г.



Церемония закладки бумбы в основание ступы Джарун Хашор в с. Кижинга. В центре: Бакулай Римпоче. Слева первый: лама Даша-Нима Санданов (Валера баабай)



Церемония открытия Сахюу-сан-дугана в 1991 г. Председатель райсовета Кижингинского района Суворов Даши Прокопьевич (слева)



XXIV Пандито Хамбо лама Д. Аюшеев в Чесанском дацане проводит освящение (рамнай) Бадбум-субургана 26 сентября 2009 г.



Жанчуб-субурган, посвященный первому шэрэтэ Лубсан Гунге Сундуеву, он же Сог-тын Гунга (1828–1861)



Намжил-субурган, посвященный шэрэтэ Цыдендамбе Базарову (1993–2004)



Жанчуб-субурган, посвященный шэрэтэ Цывану Номшиеву (1882–1892)



Жанчуб-субурган, посвященный ламе, гэбшэ Сандану Шагдарову (1910–1979), служившему астрологом в Иволгинском дацане



Бадбум-субурган, в основание заложен священный сосуд с именами 250 лам Чесанского дацана по списку Ц-Д. Чимитова



Жанчуб-субурган, посвященный шэрэтэ Иволгинского дацана дид Хамбо ламе Бадма-Доржо Жамбалову (1891–1967)



Няндай-субурган, посвященный Зургаадай Багша. Ринчин Чойван Зургаадаев (1905–1911) — перерожденец божества Арья Баала



Чойпрул-субурган, в основание заложен священный сосуд с 35 именами лам из с. Укурик Забайкальской области, служивших в Чесанском дацане

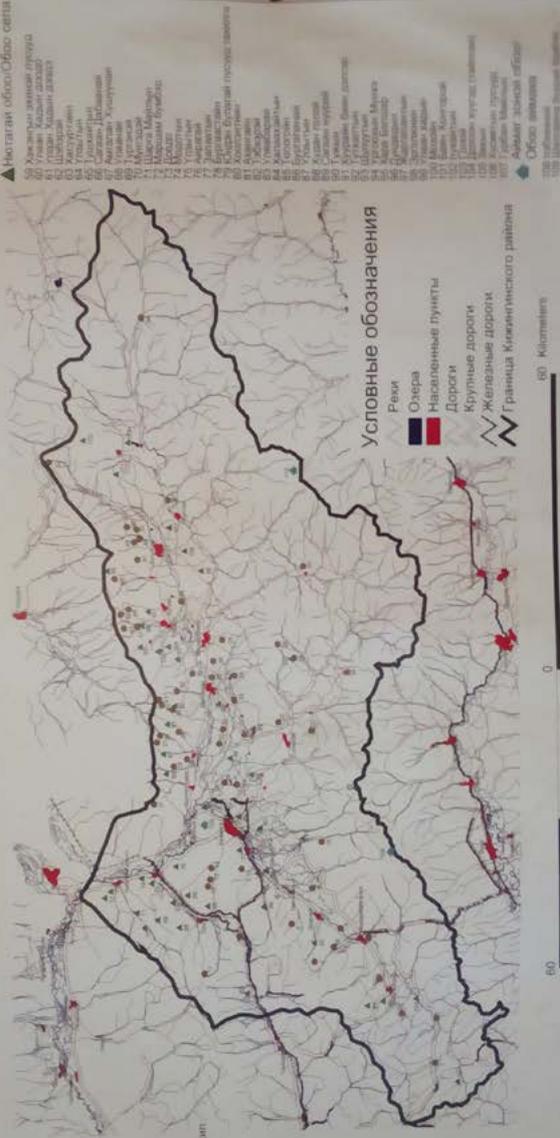


Карта мест поклонения Кижингинского района Республики Бурятия

Авторы: к. ф-м. н. Шапхаев С.Г., к. и. н. Шапхаев Б.С.

Места поклонения

- Угали обосо (Родовые обосо)
- 1. Маргартын Буураг галгаан
- 2. Дунгарин
- 3. Амар-Хууль
- 4. Алар-Хууль
- 5. Бонзон
- 6. Шантууртын
- 7. Бонзон-Хууль
- 8. Бонзон-Хууль
- 9. Бонзон-Хууль
- 10. Бонзон-Хууль
- 11. Дунгарин
- 12. Дунгарин
- 13. Хонзон-Хууль
- 14. Дунгарин
- 15. Бонзон-Хууль
- 16. Дунгарин
- 17. Дунгарин
- 18. Дунгарин
- 19. Дунгарин
- 20. Дунгарин
- 21. Дунгарин
- 22. Дунгарин
- 23. Дунгарин
- 24. Дунгарин
- 25. Дунгарин
- 26. Дунгарин
- 27. Дунгарин
- 28. Дунгарин
- 29. Дунгарин
- 30. Дунгарин
- 31. Дунгарин
- 32. Дунгарин
- 33. Дунгарин
- 34. Дунгарин
- 35. Дунгарин
- 36. Дунгарин
- 37. Дунгарин
- 38. Дунгарин
- 39. Дунгарин
- 40. Дунгарин
- 41. Дунгарин
- 42. Дунгарин
- 43. Дунгарин
- 44. Дунгарин
- 45. Дунгарин
- 46. Дунгарин
- 47. Дунгарин
- 48. Дунгарин
- 49. Дунгарин
- 50. Дунгарин



Условные обозначения

- Рек
- Озера
- Населенные пункты
- Дороги
- Крупные дороги
- Железные дороги
- Граница Кижингинского района
- Обосо обосо
- 100 Шабаново
- 110 Шабаново
- 115 Шабаново

Научный консультант: д.и.н. Имгальская А.Б.
Консультант: Тулупов В.Т.
Информаторы: Дасарам Ш.Д., Лубсанов Б.Ж., Махмудов Д.Б.Н.,
Толмогов Ц.Ж., Жамъянов Ж.Д.Н., Дмитриев Д.Ц., Дарьбаларов Д.Д.

© Центр геоэкологических исследований
Восточно-Сибирского государственного технологического университета, 2009 г.



Бакулай Ринпоче с учеником (хувараком) Ринчином Дармажаповым в период его учебы в дацане в Монголии



Слева направо: Ринчин Дармажапов, Балдан Пирангалаев, Цыденжап Очиржапов, Жалсан Николаев. Индия, Гоман дацан. 2004



Жаргал-лама и лама Этигэл Эрдынеев на обряде закладки бумбы в основание ступы Намжил. 8 августа 2013 г.



Гелун Чесанского дацана Жалсан-лама закладывает бумбу в основание Цокчен-дугана. 12 октября 2013 г.



Цокчен-дуган Чесанского дацана. Лето 2018 г.



Данзан Содбо, Ешидоржо
Дымбрылович Шойнжонов, из-
вестный и авторитетный лама
Чесанского дацана



Ламы и хуvaraки Чесанского дацана
после освящения сумэ Будды Шакьямуни
в Кижингинском дацане 17 сентября 2011 г.



27 марта 2012 г. шэрэтэ Чесанского дацана лама Жаргал Баиров, гэбгы-лама Зорикто Мандарханов, соржо-лама дацана «Хамбын Хурэ» Гыван Базаров привезли 108 томов Ганжура из столицы Монголии — г. Улан-Батора



Хурал, по освящению (рамнай) ступы
в честь ламы Цыдендамба шэрэтэ Чесанского дацана



Первый приезд Богдо-гэгэна Монголии Джебзун Дамба Римпоче IX в Чесанский дацан.
Фото из семейного альбома семьи Ц. Д. Базаровых. 1996



Укурикский дуган «Риботарламлинг» Чесанского дацана



Хурал в Укурикском дугане Чесанского дацана, посвященный освящению статуи Будды Шакъямуни, Богини Зеленой и Белой Тары. Лето 2012 г.



Подношение мандалы Пандито Хамбо ламе Д. Аюшееву в Укурикском дугане.
Участник церемонии известный скульптор Д. Намдаков



Встреча в резиденции Далай-ламы в г. Дхармсала.
Фото из семейного альбома семьи Ц. Д. Базаровых. Март 2000 г.



Встреча с Джадо Ринпоче в г. Дхармсала.
Фото из семейного альбома семьи Ц. Д. Базаровых. Март 2000 г.



Встреча с Бакулай Ринпоче в Брэйбун дацане.
Фото из семейного альбома семьи Ц. Д. Базаровых. Март 2000 г.



Встреча с Учителем Дэма Лоче Ринпоче в г. Дхармсала.
Фото из семейного альбома семьи Ц. Д. Базаровых. Март 2000 г.

ЛАМЫ ЧЕСАНСКОГО ДАЦАНА
С МОГЗОНСКОГО СОМОНА ИЗ С.УКУРИК
ТУБУСУЕВ ЧОЙПОЛ-ГАБЖА-ЛАМА
ЦЫДЫПОВ ЖАМЬЯН-ГАБЖА-ЛАМА
ЖАМЬЯНОВ РАБЖА-ГАБЖА-ЛАМА
ШЭРЭТЭЙ ЧЕСАНСКОГО ДАЦАНА
БАМБЫН ДОНДИД-ГАБЖА-ЛАМА
БАЛДАНОВ ДАШИ-НИМА-ГАБЖА-ЛАМА
ДАНДАРОВ ГУРО-ДАРМА-ГАБЖА-ЛАМА
ЕНДОН ОДО-ГАБЖА-ЛАМА
НАМСАРАЕВ БАЗАРЖАП-ГАБЖА-ЛАМА
ОЧИРОВ РИНЧИН-НИМА-ГАБЖА-ЛАМА
ПАЙБАЛОВ ПУНСЫК-ГАБЖА-ЛАМА
ПУНСЭГЭЙ ЦЫРЕН-ЕШИ-ГАБЖА-ЛАМА
ЭРХЭТУЕВ ЦЫРЕН-ДОРЖИ-ГАБЖА-ЛАМА
АЮШЕЕВ ЛУБСАН-ДОРЖИ-ГЭБШЭ-ЛАМА
БАДМАЕВ ДАМБИ-НИМА-ГЭБШЭ-ЛАМА
ГАРМАЕВ БАДРА-ГЭБШЭ-ЛАМА
ДАМДИНОВ ШИРАП-ГЭБШЭ-ЛАМА
ЖАМБАЛОВ ГАЛСАН-ГЭБШЭ-ЛАМА
ЖИГЖИТОВ АГВАН-ГЭБШЭ-ЛАМА
НАЙДАНОВ ШАДАП-ГЭБШЭ-ЛАМА
ПОРШИЕВ ХАЙДАП-ГЭБШЭ-ЛАМА
САМБУЕВ БАДМА-ЦЫРЕН-ГЭБШЭ-ЛАМА
ЦЫРЕНОВ ГУРО-БАЗАР-ГЭБШЭ-ЛАМА
ШАГДАРОВ САНДАН-ГЭБШЭ-ЛАМА
ШАГДАРОВ ЛОДОН-ГЭБШЭ-ЛАМА
ГЫЛЫК-ЖАМСО-ЛАМА
ЧОЙЖАЛ-ЛАМА
ЯМПИЛОВ ЕШИ-ЯНЖИН-ЛАМА
ЖАМСЫН ЧОЙЖАП-ЭМЧЭ-ЛАМА
БАДМАЕВ БАЗАР-ХУВАРАК
БАДМАЕВ САНДЫК-ХУВАРАК
БАДМАЕВ ШИРАП-ЖАЛСАН-ХУВАРАК
БУДАЕВ БАЗАР-ХУВАРАК
ГАЛСАНОВ ЖАМСО-ХУВАРАК
ОЧИРОВ САНЖА-ХУВАРАК
ОЧИРОВ ДАМДИН-ХУВАРАК

Мемориальная надпись на ступе в Укурике, посвященной 35 ламам, выходцам из с. Укурик
Забайкальского края, служившим в Чесанском дацане

мечает Жаргал-лама, что с каждым разом молодежи становятся больше среди прихожан, в том числе и среди тех, кто по зову сердца и души работает на строительстве главного храма».

В последние годы все чаще молодожены обращаются в дацаны для скрепления семейных уз. Обряд сравнивают с венчанием в церкви по христианским традициям. Возрождение преемственности поколений дает энергетическую защиту семейной паре. Правила предписывают молодым людям, принявшим решение создать семью и пожелавшим скрепить узы брака в дацане, предварительно встретиться с ламой-астрологом. Вместе с родителями узнают благоприятный день для регистрации брака и проведения свадьбы. Раньше этот обряд проводили обычно в Жуд-дугане. Новобрачные вместе с родителями проходили *гороо*, крутили *хурдэ*, делали обряд *сэржэм*, ламы проводят молебен о благополучии семьи, молодожены поклоняются божествам, им адресуются благопожелания, их угощали самым вкусным угощением для божеств — *боовэ*. Они вывешивали на счастье свой *хиш-морин* (конь ветра), который является аспектом удачи и может объединять, гармонизировать и усиливать жизненную энергию, здоровье и личную силу. При вывешивании *хиш-морин* происходит гармонизация внутреннего мира с внешним — Вселенной. Уже после благословления в дацане в кругу родственников и близких друзей происходил *турэ наадан*.

В настоящее время в Чесанском дацане продолжается строительство трехэтажного Цогчен-дугана. В нем активно участвуют жители сел Кижингинского района Чесан, Булаг, Загустай, Харгун, Укурик, Могсохон и др. Летом 2018 г. планируются работы по установке окон, дверей, пола, потолка и другие внутренние работы. Продолжает оказывать помощь уроженец села Укурик Забайкальского края, жиндак дацана, всемирно известный скульптор Даши Намдаков. На открытый счет дацана продолжает поступать средства на строительство главного храма — Цогчен-дугана. Неравнодушные прихожане помогают своему дацану и глубоко верят, что дацан будет построен и вместе с ним будет возрождаться жизнь в деревнях и селах. Шэрэтэ Жаргал Баиров представил список лиц добровольных пожертвований, который ведется в дацане с благодарностью за посильный вклад.

**ПОДНОШЕНИЯ (УРГЭЛ) НА СТРОИТЕЛЬСТВО
ЦОГЧЕН-ДУГАНА ЧЕСАНСКОГО ДАЦАНА**
(начало записи с 2013 по октябрь 2018 г.)

1. Доржиев Баир	1 000
2. Баиров Будацырен	1 000
3. Цыренов Максим	500
4. Жамьянова Дашима	300
5. Чимитдоржиев Зорикто	1 000
6. Ринчинов Жаргал	1 500
7. с. Могсохон	10 000
8. Цырендашиев Эрдэни	1 000
9. Баян Цыдыпович	500
10. Кижингинский дацан	3 000

ЧЕСАНСКИЙ ДАЦАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

11.	Ринчинбал-лама	1 000
12.	Шулутский дацан	3 000
13.	Тугнуйский дацан	1 000
14.	с. Харгун	5 000
15.	с. Булак	5 600
16.	Буянтуев Балдан	5 000
17.	Участники конкурса по бурятскому языку	5 000
18.	Санхирун Батор	1 000
19.	Пирангалаев Руслан	1 000
20.	Дониева Света	500
21.	Санданов Валера	1 000
22.	Базаров Жаргал	400
23.	Батор-лама	500
24.	Жамьянова Долгорма	2 000
25.	Тулохонов Олег	3 000
26.	Жамбалдоржиев Баир	3 000
27.	Балданов Баяндалай	5 000
28.	Семья Намаконовых (с. Харгун)	2 000
29.	Тобожамсуев Эрдэни	1 800
30.	Дариев Баир	5 000
31.	Татьяна, Александр (г. Москва)	13 000
32.	Булат (с. Укурик)	10 000
33.	Дымбрылов Дима	500
34.	Хонихоев Валера	золотое кольцо
35.	Гылыков Даша	3 000
36.	Жамсаранов Содбо (с. Харгун)	5 000
37.	Доржиев Валера	7 кубов материала
38.	Базаров Валера	1,5 кубов материала
39.	Бадмацыренов Бэликто	1,5 кубов материала
40.	Чимитдоржиев Бато Булат	1 000
41.	Пинтаев Владимир	1,5 кубов материала
42.	Бодиев Слава	1,5 кубов материала
43.	Кижингинский дацан	15 000
44.	Алдар Жалсанов	2,5 кубов материала
45.	Степанов Юрий Александрович	5 000
46.	Дамбаев Амгалан	5 000
47.	Балданов Булат	3 000
48.	Доржиев Содном	10 000
49.	Шойжинсамбуева Сэсэгма	3 500
50.	Шагдаров Баясхалан	5 000
51.	Доржо, Дугар, Дамба Жамса	700
52.	Жапов Рустам, Джалилов Слава, Дамбаев Алеша	1 250
53.	Нугшэсэн Цыретор, Гунжид	5 000
54.	с. Могсохон	5 000
55.	Хонихоев Алдар	баран
56.	Цыденов Эрдэм	баран
57.	Цыбиков Анатолий	1 000
58.	Байминов Вячеслав Намсараевич (фирма «Бест Плюс»)	200 000
59.	Базаров Вандан Цыдендамбаевич	50 000

Глава 3. Постсоветский период развития Чесанского дацана

60. Участники Юм-хурал (с. Загустай)	50 000
61. Базаров Гьван Соржо-лама (дацан «Хамбын Хурэ»)	30 000
62. Николаев Жалсан-лама (хранитель хамбо-ламы Д.-Д. Итигэлова)	30 000
63. Цыренжапов Булат	30 000
64. Хонихоев Зорикто	10 000
65. Тобожамсуев Эрдэни-лама	5 000
66. Бодиев Батор-лама	4 000
67. Жалсанов Арсалан	6 000
68. Николаев Намжил	1 000
69. Галсан Доржотон	4 000
70. Инокентьев Володя	3 000
71. Гашаринчинов Баир	3 000
72. Шагдаров Баясхалан	3 000
73. Гомбоев Тудэп	3 000
74. Жамьянова Цыпилма, Юмжитов Юра	2 600
75. Буянтуев Булат	3 000
76. Цыбжитов Данзан	1 000
77. Цыренжапов Дамба Дугар	3 000
78. Доржиев Булат, Олеся	3 000
79. Бадмаева Доржо Ханда (с. Харагун)	11 000
80. Оставшиеся деньги от приобретения Жанши для Ганжуура	3 000
81. Лхасаранов Зорикто 3. (глава МО «Кижингинский район»)	30 000
82. Пинтаева Нина	1 000
83. Галданов Чимитдоржо Б. (глава МО «Чесанский сомон»)	3 000
84. с. Харагун	64 000
85. Доржиев Солбон Базарович	5 000
86. Молонов Баир Аюджанаевич	3 000
87. Шойнхорова Пагма	3 000
88. Дондокма Дамшаева	золотое кольцо, серебряные серьги
89. Дундуков Галсан-Жамсо	5 000
90. Дундуков Гундо-Самба	5 000
91. Дундукова Бадма-Ханда	3 000
92. Доржиев Базар-Доржо	2 000
93. Шойнжонов Дылык-Дамба	3 000
94. Гончикжапов Баир	3 000
95. Степанов Коля, Гунгаев Бато-Далай	3 000
96. Жамбалова Бутидма	1 000
97. Чимитов Сандак-Доржо, Дамбаев Цыден-Еши	6 000
98. Семья Тогмитовых (с. Кижинга)	1 000
99. Цыдыпов Баир, Сэсэгма	2 000
100. Федор, Эрдэм	1 000
101. Александр, Евгений, Юлия, Радна	2 000
102. Цыденов Эрдэм	3 000
103. Ринчинова Светлана Сухэновна	500

ЧЕСАНСКИЙ ДАЦАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

104. Гармажапова Мэдэгма	500
105. Будожаров Александр	3 000 + золотые серьги
106. Санжиев Эрдэм	пиломатериал 6 кубов
107. Дашиев Булат	пиломатериал 10 кубов
108. Очиржапов Баир	3 000
109. Суворов Сергей Баторович	10 000 р. и 1 баран
110. Доржиев Батомунко Чимитович	500
111. Балданов Дашапунсык Базарович	500
112. Батомункуева Наталья Дашиевна	500
113. Цыренов Олег	3 000
114. Цыренов Гомбо	3 000
115. Батуев Цырендоржо	3 000
116. Шойнхоров Агван	1 000
117. Дети и внуки Намнанова Дампила и Цыренпила	11 000
118. Бадмацыренов Бэликто Сульгимович	1 000
119. Эрдынеев Гэлэг-Сэнгэ	5 000
120. Намнанов Булат	3 000
121. Намнанова Баирма	2 000
122. Ульзытуйская средняя школа	3 000
123. Цыдыпов Борис и Дыжидма	1100
124. Николаев Жалсан Лама	1000
125. Богданов Май Петрович	5 000
126. Даржаев Цыван Сергеевич (с. Иенгра, Саха (Якутия))	5 000
127. Осоров Цыден Дамба	3 000
128. Намсараев Владимир Цырендорживич	2 000
129. Даржаева Дарима (Осорова)	4 000
130. Дамдинов Алдар Валерьевич	5 000
131. Нимаева Тоня, Чимит-Ханда	3 000
132. Цыденжапов Дамдин Цыренович	3 000
133. Жаргал, Туяна, Долгор, Намсалма, Зоригма	1 500
134. Норбоев Дандар	20 000
135. Пинтаев Сергей	5 000
136. Цыренбазарова Дагмидма, Шойжилов Володя + 9 чел., Машеев Гончикжап + 6 чел., Шойнжонов Дандар + 3 чел.	Алта Мунгэ, Хадаг, Торгон, 20 000
137. с. Укурик (Забайкальский край)	20 000
138. Нимаев Женя + 6 чел.	3 000
139. Намнанов Чимит-лама	2 500
140. Цырендашиев Эрдэни-лама	2 500
141. Балбаров Чимит	8 000
142. Дылык Доржын Базар	2 700
143. Нимбу-лама	3 000
144. Ярослав	10 000
145. Доржиев Б. Ж.	5 000
146. Улаханов Е. Ю.	5 000
147. Лудуп Очиров	100 000
148. Цыбжитов Дондок Анзанович	100 000
149. Очиров Дагба дид хамбо-лама	70 000
150. Семья Лубсановых (Зина, Вася, Валя, Лёня, Алеша, Ви- таля, Катя, Илья, Санжи)	5 000

Глава 3. Постсоветский период развития Чесанского дацана

151. Баранов Александр	3 000
152. Цырендашиев Эрдэни-лама	4 500
153. Содномдоржиев Дашанима дид хамбо-лама	17 000
154. Базаров Баир-лама	75 500
155. Галданов Балдан-Нима + 21 чел.	3 000
156. Сунграпова Дулсан + 5 чел.	3 000
157. Доржиев Виктор + 6 чел.	30 000
158. Хониноев Валера + 5 чел.	3 000
159. Дамдинжапова Галя	10 000, золотой перстень, Олбок, Жанша, Аягын шэрээн дэбдихэр, Хурдын дэбдихэр
160. Галданов Раднажап + 3 чел.	1 хонин
161. Жамбалдоржиев Рабдан, Ташавын + 16 чел.	5 000
162. Баир Базаров (пос. Агинское)	10 000
163. Ринчин-Ханда	3 400
164. Цыденов Бабжа, Галсан	15 000
165. Бадмацыренова Дарима Базаровна + 5 чел.	5 000
166. Балданов Батор + 7 чел.	3 000
167. Степанов Слава + 2 чел.	2 000
168. Доржиева Соелма	Золотая цепочка
169. Куржумова Галя + 40 чел.	3 000
170. Шагдаров Баясхалан	750
171. Пирангалаев Балдан-лама	10 000
172. Николаев Эрдэни	3 000
173. Дети и внуки Будожопова Доржо	8 000
174. Дети Шэрэтэ Цыдендамба Базарова	40 000
175. Жители села Хуртэй	16 000
176. Жители села Булак	37 500
177. Анзанов Зунды Гомбоевич	30 000
178. Намсараев Чингис	2 000
179. Намдаков Хубита	10 000
180. Николаев Григорий	1 000
181. Субсидия из республиканского бюджета на строительство зданий сооружений религиозного назначения	4 000 000
182. Даши Намдаков	1 500 000
183. Николаев Жалсан-лама и Базаров Гьван-лама	40 000
184. Намдаков Бальжин, Буда Ханда + 45 чел.	10 000
185. Гомбоева Маргарита, Дашибал, Янжин	15 000
186. Бальжанов Будажап + 12 чел.	15 000
187. Намдакова Санжима + 4 чел.	15 000
188. Эрдынеева Доржима + 3 чел.	15 000
189. Цыбиков Цырен-Базар + 7 чел.	15 000
190. Базаржапова Цырма + 3 чел.	15 000
191. Цыренжапов Цыдып Гармаевич	10 000
192. Мандарханов Даша	500
193. Дулмаев Саян	1 000
194. Доржиев Жаргал П.	10 000
195. Дампилов Алдар + 20 чел.	20 000

ЧЕСАНСКИЙ ДАЦАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

196. Дугарова Цырендыжит	3 000
197. Пирангалай	Золотые серьги
198. Литейный Цех Иволгинского Дацана	16 000
199. Жалсан Лама Николаев	4 000
200. Арсалан Жалсанов	30 000
201. Николаев Эрдэни	1 000
202. Цыбиков Самбу	3 000
203. Бархалеева Намжилма	3 000
204. Хонихоев Алдар	1 000
205. Нагулаев Олег	10 000
206. Цыденов Эрдэм	1 000
207. Бондарева Галя	500
208. Элбэк	1 000
209. Будаева Зина	5 000
210. Дундуков Галсан	5 000
211. Уладаев Очир	10 000
212. Булыгин Валера	1 000
213. Цыренжапов Цыдып Гармаевич	5 000
214. Шойжонов Цыренжап	3 000
215. Цыдыпов Элбэк Ц.	1 000
216. Цогт Гэрэл, Шулуун Баатар, Эрдэни Шулуун	5 000
217. Цугольский дацан	5 000
218. Нимбуев Алдар	500
219. Рабданов Дамдин	1 000
220. Жалсан Лама Николаев	5 000
221. Цыбикдоржиев Дэлгэр	500
222. Жамсаранов Александр	500
223. Нимбуев Алдар	500
224. Тобожамсуев Эрдэни-лама	1 200
225. Николаев Эрдэни	1 000
226. Эрдэни-лама	500
227. Данеева Света	350
228. Базаров Вандан	3 000
229. Доржиев Баир	10 000
230. Цыдыпов Ширав Нимбу, Тудупов Намсарай	3 000
231. Дамбаев Амгалан Даша Доржиевич	5 000
232. Жалсанов Базыр	10 000
233. Оксана	5 000
234. Додонов Юрий	1 000
235. Дамбаев Зорик	3 000
236. Морхошкин Александр	1 000
237. Гомбоев Тудэп	баран
238. Николаев Эрдэни	1 000
239. Базар-Доржо	5 000
240. Жалсанов Баир Баторович	10 000
241. Дашанимын Эжы, эмчи	2 000
242. Тимур Марактаев	3 000
243. Намдаков Бальжин	100 000
244. Цыбикдоржиев Цыден	5 000

Глава 3. Постсоветский период развития Чесанского дацана

245. Данзанов Александр	500
246. Ширдармаева Маруся	2 000
247. «Скайдрим Трейд»	130 000
248. Александр	1 000
249. Бадмаев Жаргал	5 000
250. Вика, Батор	8 000
251. Баир Баторович Жалсанов	5 000
252. Иванов Александр	2 000
253. Виктор Владимирович Ширенин	3 000
254. Намсараев Чимит	2 000
255. Баиров Булат	5 000
256. Баиров Будацырен	5 000
257. Бодиев Булат	2 000
258. Намнанов Чимит	2 000
259. Цырендашиев Эрдэни	2 000
260. Баиров Зорик	3 000
261. Базаров Агван	5 000
262. Жамьянов Баир, Дашима	4 000
263. Базаров Дашадондок	3 000
264. Базарсадаев Булат	10 000
265. Цыденжапов Санжай, Гэрэлма	1 000
266. Молонов Энхэ	1000
267. Пинтаева Бутидма	1 500
268. Бороев Майдар, Оюна	1 000
269. Максимова Лена	1 500
270. Цыдыпов Бэликто	1 000
271. Очиржапов Жамбал	1 000
272. Мандарханов Зорикто-лама	2 000
273. Буянтуев Солбон	5 000
274. Гуруева Сэлмэг	1 000
275. Гунгарова Люда	2 000
276. ООО «Модон»	15 000
277. с. Кулькисон	15 кубов пиломатериала
278. с. Загустай	18 кубов пиломатериала
279. Цыденов Эрдэм	куб пиломатериала
280. Гласков Николай	куб пиломатериала
281. Бадмацыренов Бэликто Сультимович	3 куба пиломатериала
282. ООО «Модон»	10 кубов пиломатериала
283. Николаев Эрдэм	1000
284. Чингис Романович	2000
285. Петр Дугарович	3000
286. Нимаев Александр	10 000
287. Будаева Вика, Батор	3500
288. Будаев Аюр	1000
289. Тобожамсуев Эрдэни Лама	1000
290. Николаев Дандар	3500
291. Николаев Цыбик	2000
292. Балбаров Санжи	1000
293. Бригада строителей Молонов Бадма, Нимаев Балсан,	10 000

ЧЕСАНСКИЙ ДАЦАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Холхонов Зорикто	
294. ТОС «Будущее» с. Чесан	2 000
295. Цырендашиев Сережа	2 000
296. Васильев Борис	1 000
297. Будаева Вика	3 000
298. Светлана Мункуевна	3 000
299. Дашиев Алдар, Будожаров Сокто, Лхасаранов Арсалан (с. Могсохон)	10 кубов пиломатериала
300. Суворов Юра	5 000
301. Доржиев Амгалан	1 000
302. Цыренова Цырегма	1 000
303. Сажимитып, Даба, Люда	1 000
304. Дамбаев Зорик	7 000
305. Содномов Жамьян	2 500
306. Дугаров Жаргал	1 000
307. Шойнжонов Амгалан	3 000
308. Цыренов Гунга Жамса	5 000
309. с. Харагун	11 000
310. Санжиева Баирма	1 000
311. Стас (г. Иркутск)	1 000
312. Алдар Чимитов	2 000
313. Суворов Солбон	3 000
314. Николаев Цыбик	2 000
315. Гаврилов Баир	1 000
316. Диянов Гыван	4 000
317. Гармаева Люба, Балданова Наташа, Намсараева Бадма-ханда, Замбалаева Туяна, Бадмаева Эржена, Мункуев Игорь, Шохонина Валентина,	3 000
318. Николаев Жалсан	4 000
319. Бадмаев Жаргал	1 000
320. Бархалеева Намжилма	1 000
321. Бархалеева Долгорма	500
322. Хандажапов Александр	500
323. Бархалеев Бадма	1 000
324. Бархалеев Лыгден	4 000
325. Стас (г. Иркутск)	1 000
326. Цыдыпов Золто	4 000
327. Ендонов Жаргал	4 000
328. Балданов Баяндалай + 8 чел., Ринчин Доржо + 4 чел., Амгалан + 5 чел., Долгорма + 2 чел., Дулма, Цырегма + 2 чел., Бадмажап + 6 чел.	7 000
329. Пинтаев Владимир Дарханович + 13 чел.	8 000
330. Пинтаев Базар + 8 чел., Петя + 23 чел., Валя + 8 чел., Вера + 14 чел., Вася + 15 чел., Баясхалан + 5 чел., Цыден + 4 чел., Соня + 12 чел., Митып + 3 чел.	13 000
331. Гомбоева Сэсэгма Арсалановна	4 000
332. Бархалеев Лубсан	1 000
333. Галина Екатеринбург	1 000
334. Стас (г. Иркутск)	1 000

Глава 3. Постсоветский период развития Чесанского дацана

335. Доржиев Валерий Базарович	1 баран
336. Дамдинов Владимир	3 000
337. Дашанима Дашадоржиевич Б.	1 000
338. Стас (г. Иркутск)	1 200
339. Балдуев Александр	1 000
340. Гэрэлма, община «Арьябала»	2 500
341. Община «Арьябала»	1 000
342. Бадмацыренов Бэликто С.	3 000
343. Цыегуева Оюна Б.	3 000
344. Гунгарова Оюна	500
345. Нимбуев Алдар	1 500
346. Шагдаров Баясхалан	1 000
347. Цыренбазарова Дагмидма	10 000
348. Цырендашиев Эрдэнжап Лама	1 000
349. Стас (г. Иркутск)	1 200
350. Санжиева Сэсэг Гыдэновна	1000
351. Стас (г. Иркутск)	1 500
352. Хонихоев Алдар	1 000
353. Семья Тапхаевых (16 чел.)	1 000
354. Дети Дондокова Буда-Ширена	21 000
355. Шойнжонов Еши Доржо-лама	5 000
356. Базаров Туван + 4 чел.	20 000
357. Содбоев Соло Пирангалаевич	1 000
358. Нимбу Дашижалсановна Ц.	500
359. Алдар Владимирович Б.	100
360. Балданова Наталья Дашиевна	1 000
361. Стас (г. Иркутск)	5 000
362. Цыдыпов Элбэк	1 000
363. Бороева Намжилма, Дугаров Валера, Дугаров Дамдин, Ринчинова Мария, Жамбалова Гэрэлма	30 000
364. Ринчинов Анатолий	1000
365. Пренлеев Чингис	1 баран
366. Стас (г. Иркутск)	1 500
367. Гуробазаров Баян Дамбаевич	20 000
368. Будаева Вика	10 000
369. Стас (г. Иркутск)	1 500
370. Роберт Суворович Г.	500
371. Эрдэни Эрхиритович Н.	1 000
372. Дондоков Жалсан Бадмаевич	1 000
373. Стас (г. Иркутск)	1 500
374. Аханаев Тумэн, Наташа, Бальжима Дашацыренова	8 000
375. Мандарханов Зорикто-лама	1 000
376. Молонов Энхэтэн	500
377. Буянтуев Солбонтон	500
378. Доржиев Амгалантан	500
379. Пинтаева Бутидма	500
380. Базаров Станислав Г.	1 000
381. Цыренов Максим Гуробазарович	5 000
382. Дехконов Чингис	3 000

ЧЕСАНСКИЙ ДАЦАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

383. 24-й выпуск Улзытуйской СОШ	14 000
384. Санданов Баян	1 000
385. Доржиева Ханда Дондоковна	1 000
386. Гармажапов Булат Дагданоич	1 000
387. 10-й выпуск Улзытуйской СОШ	13 000
388. Чимитдоржиев Батобулат	500
389. Гармаева Гэрэлма Ж.	1 000
390. 28-й выпуск Улзытуйской СОШ	10 000
391. 27-й выпуск Улзытуйской СОШ	15 010
392. Дашанима Дашадоржиевич Б.	300
393. Татьяна Гармаевна С.	1 500
394. Пирангалаев Шойжамсо Г.	1 000
395. Дугаров Жаргал	1 000
396. Доржиев Шагдар Пунсыкович	1 000
397. Стас (г. Иркутск)	2 000
398. Содбоев Соло Пирангалаевич	2 000
399. Стас (г. Иркутск)	1 000
400. Галина (г. Екатеринбург)	500
401. Жалсанов Зорикто Жамбалович	5 000
402. 32-й выпуск Улзытуйской СОШ	15 000
403. Стас (г. Иркутск)	3 500
404. Татьяна Гармаевна С.	1 000
405. Пренгалаев Булат, Дарима	1 баран
406. 8-й выпуск Улзытуйской СОШ 1962 г.	9 000
407. 1-й выпуск Улзытуйской СОШ 1955 и 1956 г.	8 000
408. 4-й выпуск Улзытуйской СОШ	10 000
409. 29-й выпуск Улзытуйской СОШ 1983 г.	14 000
410. Анданов Сергей, Нина, Алена, Ширап, Сымбелова Надежда	5 000
411. Пинтаева Майя Владимировна	5 000
412. Сэлмэг Гуруева	500
413. Оюна Шагдаровна Б.	500
414. 39-й выпуск Улзытуйской СОШ	6 000
415. Ринчин Батоцыренович Ц.	500
416. Стас (г. Иркутск)	7 000
417. Эрдэнжап Сергеевич Ц.	1 000
418. Цырегма Рабдановна Ж.	1 000
419. Амгалан Дармажапов	500
420. 9-й выпуск Улзытуйской СОШ	8 000
421. Цыдыпов Алдар, Сагалаева Елена, Цыдыпова Дари, Цыдыпова Оэлун	30 000
422. Стас (г. Иркутск)	5000
423. Михайлов Эдуард	10 000
424. Субсидия на строительство религиозных зданий	2 000 000
425. 31-й выпуск Улзытуйской СОШ	6 500
426. Базаров Гыван Лама	10 000
427. Якутский гормолзавод	100 000
428. 17-й выпуск Улзытуйской СОШ	5 000
429. 7-й выпуск Улзытуйской СОШ	11 000

Глава 3. Постсоветский период развития Чесанского дацана

430. Дагушкин Слава	5 000
431. Стас (г. Иркутск)	1 000
432. 37-й выпуск Улзытуйской СОШ	7 000
433. Эрдэнжап Цырендашиев	1 000
434. Дашанима Дашадоржиевич Б.	300
435. Татьяна Гармаевна С.	2 000
436. Галина Екатеринбург	300
437. 14-й выпуск Улзытуйской СОШ	11 500
438. Бадмацзыренов Цыдып, Зина	2 000
439. Декхонов Чингис Э.	500
440. Арюна Сакияева	500
441. 3-й выпуск Улзытуйской СОШ	9 000
442. 20-й выпуск Улзытуйской СОШ	6 000
443. 30-й выпуск Улзытуйской СОШ	11 000
444. 11-й выпуск Улзытуйской СОШ	22 000
445. Гылыков Даша	1 000
446. 21-й выпуск Улзытуйской СОШ	4 500
447. 34-й выпуск Улзытуйской СОШ	10 000
448. Татьяна Гармаевна С.	1 000
449. Цыдыпов Алдар Сагалаева Елена	3 891
450. Гуруев Дугар, Мандарханова Мария	1 000
451. Чимитов Эрдэм, Чимитдоржиева Сэсэгма	1 000
452. Жигжитов Тумэн	1 000
453. Доржо Дашадоржиевич Б.	200
454. Гуруев Дугар, Мандарханова Мария	1 000
455. Чимитов Эрдэм, Чимитдоржиева Сэсэгма	1 000
456. Дамшаев Солбон	1 000
457. Уладаев Владимир	1 баран
458. Шадраев Эрдэм, Анатолий, Алексей	1 500
459. 13-й выпуск Улзытуйской СОШ	9 000
460. Цырендашиев Эрдэнжап-лама	1 000
461. Декхонов Чингис	500
462. Татьяна Гармаевна С.	1 000
463. Татьяна Гармаевна С.	1 000
464. Дулмаев Саян Рыгзенова Арюна	5 000
465. Татьяна Андреевна Б.	10 000
466. Молонов Бадма	5 000
467. Подношение от участников обоо Буурал	5 000
468. 16-й выпуск Улзытуйской СОШ	9 000
469. с. Кулькисон	19 000
470. Бадмацзыренов Бэликто	3 000
471. Декхонов Чингис	500
472. Сагалаева Елена, Цыдыпов Сокто	7 282
473. Шарапдоржиева Гарма-Ханда	500
474. Занданова Цырендулма	500
475. Шарапдоржиев Санжажап	1 000
476. Татьяна Гармаевна С.	1 000
477. Эрдэнжап Сергеевич Цырендашиев	1 000
478. Белобородов Олег, Светлана, Николай, Вера, Гнеушев	3 000

ЧЕСАНСКИЙ ДАЦАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Михаил	
479. Татьяна Гармаевна С.	1 000
480. 5-й выпуск Улзытуйской СОШ	10 000
481. Биликтуева Евдокия Раднаевна 1936 г. р.	Бадан Жалсан
482. Дамбаев Батомунко	1 000
483. 26-й выпуск Улзытуйской СОШ	10 500
484. Редькин Александр Викторович	25 000
485. Вера Егоровна Турбанова	2 000
486. Михайлова Цыренова Татьяна	1 000
487. Ирина Цыренжаповна Ю.	1 000
488. Декхонов Чингис Э.	500
489. Лушанова Сэсэгма	1 000
490. Бадмаев Доржо Бальжинимаевич	1 000
491. Татьяна Гармаевна С.	1 000
492. Даржаева-Осорова Дарима	10 000, золото
493. ИП «Шипилов Е. М.»	10 000
494. Доржиев Баир	5 000
495. Дашанима Дашадоржиевич Б.	3 000
496. Татьяна Гармаевна С.	1 000
497. Эльвира Викторовна	1 000
498. Чингис Элмуратович Д.	500
499. Эрдэнжап Цырендашиев	1 000
500. Елена Сагалаева	5 568
501. Елена Сагалаева	1 086
502. Цыренов Чингис	продукты на 5 000 р.
503. Юлия Васильевна Б.	4 000
504. Жаргалма Доржиевна А.	500
505. Татьяна Гармаевна С.	1 000
506. Эрдэнжап Цырендашиев	1 000
507. Чингис Элмуратович	500
508. Аюшеев Батомунко	1 000
509. Цыренжапов Цыдып Гармаевич	5 000
510. Юлия Васильевна Б	4 000
511. Дымбрэл	3 000
512. Дамбаев Сергей и Сарана	1 000
513. Эрдэнжап Цырендашиев	1 000
514. Татьяна Гармаевна С.	1 000
515. Чингис Элмуратович	500
516. Бороева Намжилма	10 000
517. Чингис Элмуратович	500
518. 36-й выпуск Улзытуйской СОШ	6 500
519. Участники молебна «Сангарил» (с. Булак)	2 500
520. Цыдыпов Жамсын Ухибууд	2 000
521. Чингис Элмуратович	1 000
522. КФХ ИП «Пинтаев»	1 000
523. Дети Антонины Будаевой	3 000
524. Дети Дэлэгдамбы	2 500
525. Шагдаров Баясхалан	3 000
526. Михайлов Сергей	500

Глава 3. Постсоветский период развития Чесанского дацана

527. Ухинов Мэргэн	500
528. Гылыков Энгельс	1 200
529. Даржаев Эрдэни	700
530. Раднаев Николай	5 000
531. Светлана Сухэновна	1 000
532. Туяна Цывановна Б	2 000
533. Шалданов Артур	1 000
534. Дети Путхэнэн Доржо	5 000
535. Чингис Элмуратович	500
536. Дети Санданова Тогтохо	2 600
537. Бэликто Сультимович	2 000
538. Цыбикдоржиев Нимбу-лама	100 долларов
539. Цырендашиев Эрдэни-лама	2 000
540. Елена Сагалуева	9 498
541. Ешиев Цырендаша Булатович	2 000
542. Ешиев Булат Бадмаевич	3 000
543. Бадмадоржиев Баясхалан, Самбу, Будыма, Бургоин Виктор, Ира, Булат, Тимур	10 000
544. Базарсадаев Баир Бадмаевич, Гармажап, Баирма, Сэлмэг, Дари	3 000
545. Бадмаев Александр	1 000
546. Балувей Баир	1 000
547. Дети Содномова Чимитдоржо	5 000
548. Шойжинсамбуев Сокто	1 000
549. Санданов Баин	1 000
550. Раднаев Балдандоржо	1 000
551. Цыренбазарова Дагмидма	40 000
552. Анна Мункуевна Ц.	1 000
553. Чингис Элмуратович	500
554. Карпова Елена Михайловна	5 000
555. Интерна Ильинична	1 000
556. Семья Цыбикова Батомунко	5 000
557. Цырендашиев Эрдэни-лама	1 000
558. Намнанов Дагба Дампилович	10 000
559. Элбэгма Сультимовна Б.	5 000
560. Чингис Элмуратович	1 000
561. Лев Сергеевич М.	5 500
562. Дондокова Лхамажап	5 000
563. Родственники Бадмадоржо-ламы	3 000
564. Индивидуальные предприниматели села Загустай	165 000
565. Юмжитова Сэсэгма Ц.	2 000

«Благодарим жиндаков, вносящих посильный вклад в дело строительства Цогчен-дугана нашего дацана. Желаем всем благополучия и процветания. Пусть благие дела послужат вам в этой и последующих жизнях до момента Пробуждения в чистых землях Будд! Да хранят вас Три Драгоценности Будды! ОМ МА НИ БАД МЕ ХУМ!»

Шэрэтэ Чесанского дацана Жаргал-лама Баиров

Чесанский дацан занимает важную роль в определении прихожанами ценностных ориентаций, прежде всего нравственных. Ламы и хувараки дацана, являясь непосредственными носителями, проповедниками мировоззренческих основ буддизма, участвуют в общественной, культурно-просветительской жизни местного населения. Влияние их деятельности благотворно сказывается на образе жизни местного населения, проведение буддийских праздников, на воспитание подрастающего поколения, в целом на соблюдение и развитие бурятских обычаев и традиций.

В настоящее время Чесанский дацан является для всех жителей Чесанской долины духовной опорой. Ламы и хувараки дацана продолжают ежедневную службу во благо всех живых существ, исполняют духовные потребности прихожан. Постоянно горит зула (лампада), значит жизнь в благословенной Чесанской долине, где сегодня живут потомки хоринских родов, находящиеся под защитой Балдан Лхамо сахюусана, продолжается.



ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении трех столетий буддизм превратился не просто в Учение, а в образ жизни бурятского народа. Ламаистское духовенство стало ведущей социальной группой, определяющей мировоззрение бурятского народа. Идеология родовой религии не могла обеспечить общепурятское единство, предотвратить родоплеменные конфликты и противоречия. Религиозная система ламаизма объединила буддийские и небуддийские верования в единую систему храмового и бытового культа.

Динамика развития сети дацанов в Бурятии была следующей: в XVIII в. у селенгинских бурят основано десять дацанов, у хоринских — три; в первой половине XIX в. у селенгинских бурят — три, у хоринских — семь, у хамниганов и хоринцев Урульгинской степной думы — шесть, у закаменских бурят — два, у тункинских, баргузинских и аларских бурят по одному. Всего в середине XIX в. в Бурятии насчитывалось 34 дацана, причем в это число не вошли Зугалаевский и Окинский (Жилгинский) дуганы. По данным А. М. Позднеева, кыренские ламы еще в первой половине XIX в. построили в ведомстве окинских бурят дуган на реке Жилга, который фактически стал дацаном, но ходатайство об утверждении дацана не имело успеха.

Буддийские монастырские комплексы Бурятии составляют определенную и значимую часть бурятской культуры. Дацаны были не только центрами религиозной, культурно-просветительской, научной, общественной жизни, но и сыграли несомненную роль в формировании бурятского общества. Буддийская церковь в своей деятельности затрагивала буквально все стороны жизни бурят, разнородного по своему социальному составу, оказывала существенное влияние на его мировоззрение, обычаи и традиции, уклад жизни, стала центром культуры и образования, развития буддийского искусства и архитектуры. Особая роль монастырей и буддийского духовенства заключалась в том, что они являлись непосредственными носителями, проповедниками буддийской культуры, философских, мировоззренческих основ буддизма, выполняли задачи духовного воспитания, формируя личность определенного типа, способного противостоять вызовам конкретного исторического времени. Влияние их деятельности сказывалось на образе жизни бурят, проведении буддийских праздников, системе образования, воспитания, видах и жанрах искусства. Выполняя основные функции по отправлению и удовлетворению религиозных потребностей населения, буддийские дацаны Бурятии сыграли большую роль в определении верующими ценностных

ориентаций, прежде всего нравственных. Ассимилируя бытовые обряды, буддизм не изменял их содержания. Божества, почитаемые шаманистами, вошли в буддийско-ламаистский пантеон, получив ламаистские названия. Мотивации обрядов оставались прежними, но в обрядовой и культовой сфере считалось обязательным присутствие буддийских служителей. Буддизм, впитывая в себя традиционные верования и обряды, приспособлялся к народным традициям, обычаям и воззрениям, образу жизни.

История большого Чесанского дацана берет свое начало с первой кошмовой юрты с 1773 г. в Чесанской долине. Чесанский деревянный дацан был официально открыт в 1828 г. в числе первых среди хоринских дацанов. По своей форме дацан относился к сино-тибетскому стилю архитектуры. В сутрах и тантрах существует тексты «учебников» по строительству храмов, монастырских резиденций и ступ. Ими при строительстве дуганов и сумэ строго руководствовались все дацаны Бурятии, как и в настоящее время. Все сумэ Чесанского дацана — это малые храмы, посвященные культу отдельных божеств. Сравнительный анализ приведенных описаний малых сумэ Чесанского дацана и монастырских комплексов в других дацанах показывает, что эти здания имели несложную пространственную композицию, общепринятую для малых бурятских храмов. Стены зданий и форма крыши были исполнены в традиционном стиле для бурятского храмового зодчества. По своему замыслу при строительстве (1831) расположение всех сумэ и дуганов в более поздний период, их пропорциональное соотношение, общий силуэт изогнутых крыш и другие буддийские символы во внешнем облике составляли ансамблевое единство. Чойра-дуган, Жуд-дуган, Майдари-сумэ относились к числу самых крупных дуганов в дацанах Забайкалья. В Чесанском дацане, как и в других дацанах, система декорации каждого храма, каждого дугана и сумэ уникальна, так как расположение и сочетание канонических сюжетов, оформление алтарной части варьируются и никогда не повторяются. Тем не менее есть канонические традиции и определенные закономерности системы декорации бурятских дацанов. Кроме этого, весь комплекс дацана со своим местоположением органично сочетался с окружающим природным ландшафтом. Таким образом, в конце XIX — начале XX в. Чесанский дацан сформировался как единый целостный архитектурный ансамбль.

До революции 1917 г. Чесанский дацан представлял собой крупный буддийский монастырский комплекс. В состав комплекса входил центральный храм — Цогчен-дуган, Чойра-дуган, Жуд-дуган, Сахюусан-дуган, Диважан-дуган, Домой-дуган, 10 сумэ: Табан Хаан, Хурдын сумэ, Отошо, Майдари, Очирвани, Гунриг, Арьяа-Баала, Дымчог, Аюши, Барай-сумэ (печатня) и другие вспомогательные здания, помещения, культовые сооружения (субурганы, сэргэ, хурдэ). С середины 1920-х гг. в состав Чесанского дацана был включен Шулутовский дуган. Общее количество священнослужителей составляло более 600 человек. Частных построек дацана, входящих в состав Чесанского дацана, было 236, семь домов штатных лам, жилых домов русской постройки — 41 и отдельных зданий и кухонь — 38. Помимо деревянных построек были войлочные юрты лам, живущих около дацана.

Границы прихода дацана охватывали достаточно большую территорию. В состав прихода входили семь основных родов, а также представителей других родов. Для местного населения Чесанский дацан действительно являлся центром

религиозной, культурной и административно-хозяйственной жизни. Общий образовательный уровень Чесанского дацана, дацанская школа «цаннит», эмчи-ламы были известны по всему Забайкалью. В Чесанском дацане изучали тантру по системе джуд-мад лхасской традиции. Закончившие обучение хувараки и ламы защищали в дацане ламские степени «гэбшэ», «габжа» по основным канонам буддийского учения («домын дамжаа бариха»).

Чесанский дацан имел три факультета — общий (философский — цаннит), тантрический (жуд) и медицинский. Для изучения школы цаннит были построены Чойра-дуган (философский факультет), Жуд-дуган (тантрический факультет), Домой-дуган (медицинский факультет). В каждом дугане была своя библиотека, дацан имел свою печатню. Главным достоянием были письменные памятники — священные канонические книги: полные собрания на монгольском и тибетском языках «Ганжур» в 108 томах 2 комплекта, «Данжур» в 226 томах 2 комплекта, «Юм» в 21 томе 2 комплекта, 12–15 тысяч сумбумов — собраний сочинений тибетских и монгольских священнослужителей и различных буддийских текстов. Один из редких комплектов, на монгольском языке, состоящий из 114 томов, в настоящее время хранится в ЦВРК БНЦ СО РАН, из них 4 тома находятся в частной библиотеке в с. Ульдурга Еравнинского района. В ходе исследования по архивным источникам установлены сведения о наличии в дацане таких раритетов, как статуя Зандан Жуу из красного сандалового дерева высотой 1,20–1,30 см, вторая бронзовая с позолоченная статуя Зандан Жуу высотой 20–30 см. Таких статуэток в дацанах Забайкалья насчитывалось всего около 10–12 штук.

Собранные из различных источников позабытые *магтаалы* о Чесанском дацане, а также обнаружены *рабсалы* Чесанского дацана в Национальном музее Украины в г. Киеве, установлены сведения о наличии летописи дацана на тибетском языке. Восстановлены новые имена лам и хувараков Чесанского дацана, последовательный перечень имен шэрэтэ дацана, среди них имена трех хубилганов: лама Ринчин-Чойван Эрдынеев был признан воплощением (хубилганом) Очирвани, лама Ринчин-Агван Зургадаев был признан хубилганом воплощением Арья-Баалы, лама Бальжир Ямпиров был признан хубилганом Ямантаки. К сожалению, кроме констатации их хубилганами другой информации нет. В архиве в фонде Чесанского дацана обнаружен редкий документ — текст «Клятвенного обещания» лам дацанов Бурятии.

Архивные источники на тибетском и монгольском языке, хранящиеся в ЦВРК, в Национальном музее Республики Бурятия, ГАРБ, ИВР, РГИА, ждут своих исследователей, интересующихся историей Чесанского дацана, «гарчак» печатни дацана, Устав (джаяг) дацана, летопись дацана на тибетском языке требуют дополнительного исследования.

В 2018 г. будет ровно 190 лет со дня проведения ритуала освящения (рамнай) трехэтажного Цогчен-дугана Чесанского дацана, утверждения названия «Гандан Чоймпэллинг» и начала официальных богослужений и приема верующих ламами. Хранителем и защитником дацана был утвержден Балдан Лхамо сахюусан. Дацан фактически просуществовал 110 лет, 80 лет назад Постановлением Президиума Верховного Совета БМ АССР № 7 от 31 июля 1938 г. Чесанский дацан был официально закрыт. 29 июля 1991 г., через 53 года после закрытия, возрождение Чесанского дацана началось с освящения нового Сахюусан-дугана.

В 1993 г. в селе Укурик Забайкальского края по инициативе местных жителей был построен Укурицкий дуган «Риботарламлинг», относящийся к приходу Чесанского дацана. За последние годы усилиями прихожан и лам на территории дацана построено 8 субурганов, новая столовая дацана, дома для лам и хуваарков и другие хозяйственные постройки. Возрождаются родовые *обоо*, по инициативе прихожан строятся субурганы на культовых местах. Как и много лет назад, по лунному календарю проводятся большие и ежедневные хуралы. В настоящее время дацан относится к одному из 19 исторических дацанов Бурятии.

Невозможно оценить роль и заслугу первого шэрэтэ Чесанского дацана Лубсан-Гунги Сундуева — известного буддийского священнослужителя, лекаря, астролога, который возглавлял Чесанский дацан в течение 33 лет. Удивительно, что усилиями первого шэрэтэ и при поддержке прихожан всего лишь за три года к 1831 г. было построено девять сумэ. Как было отмечено в архивных источниках, все здания были построены за счет добровольных пожертвований хоринских бурят. За такой короткий срок здание главного храма Цогчен-дугана и все здания сумэ были построены по всем канонам строительства буддийских монастырей. Это вызывает уважение, прежде всего к священнослужителям и нашим предкам, которые были истинно верующими и совершили подвиг благодеяния («буян»).

Наши предки сделали все от них зависящее, чтобы множество религиозных традиций и преданий дошли до наших времен и стали гордостью не только бурятского народа, стали известны всему буддийскому миру. Эти традиции и предания передавались из поколения в поколение, важно помнить и знать о них, чтобы дети гордились своей малой родиной, своей историей, своим прошлым. Ибо, как говорят, «народ без прошлого не имеет будущего». Кроме этого, восстановление Чесанского и других дацанов связано с новым подъемом буддийского Учения, более осознанным отношением к вере, с возрождением утраченных традиций и обычаев и духовным развитием нашего народа. В настоящее время в составе БТСР действует 46 дацанов.

В рамках Государственной программы Республики Бурятия «Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия» в 2016 г. Министерство культуры Республики Бурятия в целях обеспечения доступа к архивным документам на монгольской письменности организовало пилотный проект по переводу и созданию электронной базы данных. Эта работа была продолжена в 2017 г. В результате анализа материалов Государственного архива Республики Бурятия, требующих ввода в научный оборот архивных документов на монгольской письменности, был выбран фонд № 459 «Чесанский дацан» с объемом документов 92 единицы хранения за 1831–1917 гг.

По итогам работы в 2018 г. на сайте Государственного архива Республики Бурятия www.gbu-gagb.ru и на интернет-портале www.soyol.ru в подразделе «Электронная база данных документов на монгольской письменности из фондов Государственного архива Республики Бурятия» будет размещена электронная база данных. Всем пользователям будет предоставлена возможность увидеть общий перечень документов электронной базы, а также получить доступ к электронному образу документа, который представляет собой совмещенный текст — электронный образ документа на монгольской письменности и текст перевода на бурятском языке. В настоящее время отобрано и переведено с монгольской письменности более 80 страниц документов из фонда Чесанского дацана, в том числе

Заключение

поименный список прихожан по некоторым основным родам, метрические книги и другие сведения. Это позволит узнать неизвестные страницы истории такого большого буддийского монастырского комплекса, как Чесанский дацан. Уверен, что это вызовет живой интерес жителей, исторически входивших в приход Чесанского дацана, и всех, кто интересуется своей родословной, историей буддийских дацанов, краеведов и исследователей.

Современный Чесанский дацан построен на другом месте, безусловной остается его преемственность по отношению к дацану, построенному в 1828 г. Преемственность эта заключается в том, что дацан всегда строился в результате соединения религиозного чувства верующих буддистов и государственного понимания значимости буддийской традиции для всех людей, его позитивного влияния на нравственно-духовный климат, укрепление нравственных начал, воспитание подрастающего поколения, сохранение и развитие традиций и обычаев бурятского народа.

Рекомендации по теме исследования заключаются в возможности использования обобщенного фактического материала при создании обобщающих трудов по истории Бурятии, истории религиозных конфессий Бурятии. Также возможно использование при преподавании Отечественной истории в вузах и школах, при разработке спецкурсов по истории Бурятии, в краеведческой работе.



ЛИТЕРАТУРА

- 250 лет институту Пандидо хамбо-лам / сост. А. В. Махачкеев. Улан-Удэ : Нова-Принт, 2014. 200 с. : ил.
- Авксентьев В. В. Х. Б. Кануков* — критик ламаизма / В. В. Авксентьев // *Ламаизм в Калмыкии : сборник статей*. Элиста, 1977. С. 105.
- Актуальные проблемы социогуманитарных исследований : сборник научных статей / науч. ред. В. В. Номогоева. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2016. 190 с.
- Аюшеева М. В.* О некоторых архивных документах ЦВРК ИМБТ СО РАН по истории бурятского буддизма в XIX в. / М. В. Аюшеева ; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. Москва : Изд-во РГГУ, 2011. С. 337–344.
- Базаров А. А.* Праджняпарамита тексты (XV–XX вв.) в бурятских монастырях [Электронный ресурс] / А. А. Базаров. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pradzhnya-paramita-teksty-xv-xx-vv-v-buryatskih-monastyryah> (дата обращения: 20.10.2017).
- Базарова Э. Б.* Историко-культурная традиция воздвижения буддийских ступ / Э. Б. Базарова // *Исследования молодых ученых : межвузовский сборник статей*. 2007. Вып. X. С. 201–212.
- Баранников А. П.* Материалы по этнографии. Вып. 1. Забайкальские дацаны / А. П. Баранников. Ленинград, 1926. Т. 3. С. 123–138.
- Бардалеева С.* Памяти мастера буддийского искусства Бурятии [Электронный ресурс] / С. Бардалеева. 2017. 20 мая. URL: <https://newbur.ru/n/17227/> (дата обращения: 15.05.2018).
- Бардалеева С.* Памяти мастера буддийской живописи. URL: newbur.ru/in/17227 (дата обращения: 20.08.2017).
- Баяртуева Д. Л.* Восстановление буддийских культовых сооружений в Бурятии / Д. Л. Баяртуева // *Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии : материалы III Международного симпозиума : в 3 т. (Улан-Удэ, 9–10 ноября 2006 г.)*. Улан-Удэ : ВСГАКИ, 2006. Т. 1. С. 194–201.
- Бестужев Н. А.* Письма из Сибири. Вып. 1. Селенгинский период 1839–1841 / Н. А. Бестужев, М. А. Бестужев ; ред. и прим. М. К. Азадовского, И. М. Троцкого. Иркутск : Издание Иркутской секции научных работников, 1929. 137 с.
- Будаева С. Ц.* Система образования в дацанах Восточного Забайкалья как отражение единства нравственных норм буддизма / С. Ц. Будаева. Чита : Поиск, 2002. 110 с.
- Буддизм в истории и культуре бурят : коллективная монография / отв. ред. И. Р. Гари. Улан-Удэ : Буряад-монгол ном, 2014. 426 с.
- Буддизм. Каноны. История. Искусство / А. М. Стрелков [и др.]. Москва : Дизайн. Информация. Картография, 2006. 600 с.
- Буддизм: персоналии / Агинская буддийская академия ; сост. Лобсан Долгор (Л. Н. Аустермонас) ; под общ. ред. Бабу-ламы (В. Л. Чимитдоржиева). Чита : Экспресс-издательство, 2011. 296 с. : ил.
- Буддийские тексты Китая, Тибета, Монголии и Бурятии (социально-философский аспект) : сборник статей / отв. ред. Л. Е. Янгутов. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. 176 с.
- Ванчикова Ц. П.* Бурятские летописи / Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ, 2011. 224 с.

- Ванчикова Ц. П.* История буддизма в Бурятии: 1945–2000 гг. / Ц. П. Ванчикова, Д. Г. Чимитдоржин. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 136 с.
- Ванчикова Ц. П.* История бурятского буддизма: письменные источники / Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 147 с.
- Ванчикова Ц. П.* К истории монгольского рукописного Ганджура и о современных исследованиях буддийских канонических компендиумов / Ц. П. Ванчикова // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11, № 5. С. 157–165. DOI: 10.21209/1996-7853-2016-11-5-157-165.
- Ванчикова Ц. П.* Философские школы буддийских монастырей Восточного Забайкалья как историко-культурная предпосылка эпохи бурятского просвещения / Ц. П. Ванчикова, М. И. Гомбоева // Гуманитарный вектор. 2010. № 4 (24).
- Виноградов Н.* Религиозное торжество ламаизма по поводу Анинского «сумэ» в честь Майдари / Н. Виноградов // Прибавления к ИЕВ. 1898. 1 апр. № 7. С. 178.
- Владимирцов Б. Я.* Тибетские театральные представления / Б. Я. Владимирцов // Восток. 1923. № 3. С. 99.
- Востриков А. И.* Тибетская историческая литература / А. И. Востриков. Москва, 1962. 428 с.
- Галсан Багша.* Боги — хранители буддизма: пер. с англ. / Галсан Багша. Улан-Удэ : Респ. тип., 2014. 128 с. : ил.
- Герасимова К. М.* Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье / К. М. Герасимова. Улан-Удэ, 1957. 160 с.
- Герасимова К. М.* Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства / К. М. Герасимова. Улан-Удэ, 1964. 180 с.
- Гирченко В. П.* Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX в. о бурят-монголах / В. П. Гирченко. Улан-Удэ : Государственное Бурят-Монгольское изд-во, 1939. 90 с. : ил.
- Дамбинов П. Н.* Искусство бурятских дацанов : отчет по экспедиции 1927 г. в дацаны Бурятии / П. Н. Дамбинов, Р. С. Мэрдыгеев // Центр восточных рукописей и ксилографии ИМБТ СО РАН. Инв. 520. 75 с.
- Дандарон Б. Д.* Буддизм : сборник статей / Б. Д. Дандарон. Санкт-Петербург : Дацан Гунзэчойнэй, 1996. 144 с. : 37 табл.
- Дандарон Б. Д.* Из истории бурятских дацанов / Б. Д. Дандарон // Гаруда. 1992. № 2. С. 37–40.
- Дандарон Б. Д.* Тибетский фонд нашего института / Б. Д. Дандарон, Б. В. Семичов // Краткие сообщения БКНИИ СО АН СССР. 1960. № 2. С. 131–134.
- Дандарон Б.* Избранные статьи. Черная Тетрадь: материалы к биографии. История Кукунора Сумпы Кенпо / Б. Дандарон. Москва : Евразия, 2006. 720 с.
- Дацаны Буддийской традиционной сангхи России : фотоальбом / Буддийская традиционная сангха России ; под общ. ред. дид хамбо-ламы Д. Очирова ; отв. секр. И. В. Шагнаева. Улан-Удэ : Республиканская типография; Байкал Гео, 2014. 187 с.
- Дневник вольнослушателя Санкт-Петербургского университета Базара Барадина по бурятским дацанам (1903–1904 гг.) / подг. к публ., предисл., коммент., указатель Д. С. Жамсуевой. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 238 с.
- Донец А. М.* Дацанская система образования и тибетоязычная учебная литература // Мир буддийской культуры : материалы международного симпозиума / А. М. Донец. Чита : Изд-во ЗабГПУ, 2001. С. 47–57.
- Ербанов М. Н.* Строительство Красной Бурятии / М. Н. Ербанов. Верхнеудинск, 1925. 110 с.
- Ермакова Т. В.* Буддийский мир глазами российских исследователей XIX — первой трети XX века / Т. В. Ермакова. СПб., 1998. С. 57–62.

Жамсуева Д. С. Трансформация северного буддизма в условиях российского общества (по материалам дацанов этнической Бурятии) / Д. С. Жамсуева. Иркутск : Отгиск, 2016. Ч. 1. 232 с.

Земля Ваджрапани : буддизм в Забайкалье / Администрация Агин. Бурят. автоном. округа ; [рук. работы Б. Б. Жамсуев ; сост. и науч. ред. Ц. П. Ванчикова ; под общ. ред. П. С. Вайшрамана]. Москва : Дизайн. Информация. Картография, 2008. 598 с.

Знатные ветераны Кодуно-Кижингинской долины / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 2010. 182 с.

Иволгинский дацан: история, современность и перспективы : материалы научно-практической конференции, посвященной 55-летию Иволгинского дацана. Верхняя Иволга : Изд-во Буддийского института «Даши Чойнхорлин», 2001. 124 с.

История Хоринской степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1825–1904 гг.) : сборник документов, перечень документов / сост. Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас ; науч. ред. Б. В. Базаров. Иркутск : Отгиск, 2016. 592 с.

Каталог петербургского рукописного Ганджура / сост., введ., транслит. и указ. З. К. Касьяненко. Москва : Наука: Вост. лит., 1993. 380 с.

Кижинга. Времен связующая нить. Улан-Удэ : Штант В. А., 2011. 187 с.

Кижингинский дацан «Даши Лхунбо»: вчера, сегодня, завтра / Буддийская традиционная сангха России. Улан-Удэ : НоваПринт, 2011. 46 с.

Кирилов Н. В. Дацаны в Забайкалье / Н. В. Кирилов // Записки Приамурского отделения РГО. 1896. Т. 1, вып. IV. С. 67–140.

Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия / Правительство Республики Бурятия, Прокуратура Республики Бурятия, Упр. ФСБ РФ по РБ, Бурят. асоц. жертв полит. репрессий, Бурят. гос. ун-т ; науч. ред. А. А. Буркина. Т. 3 / сост. С. В. Васильева [и др.]. Улан-Удэ : Республиканская типография, 2010. 251 с.

Книга призванных в Читинской области в годы Великой Отечественной войны. 2015. № 256. С. 82.

Книга призванных в Читинской области в годы Великой Отечественной войны. Чита, 2015.

Крайнова Л. Н. Административное устройство и хозяйственная деятельность ламаистских дацанов в Восточной Сибири в середине XIX — начале XX в. в соответствии с «Положением о буддистах Восточной Сибири» 1853 г. / Л. Н. Крайнова // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. История и политология. 2013. № 3. С. 5–11.

Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа с XVII века до 60-х годов XIX века / Ф. А. Кудрявцев. Москва, Ленинград, 1940. 242 с.

Летописи хоринских бурят. Вып. 1. Хроники Тугулдура Тобоева и Вандана Юмсунова / изд. Н. Н. Поппе. Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1935.

Лубсан Сандан Цыденов — учитель Дандарона [Электронный ресурс]. URL: dandaron.ru/rus/tradition/Lobsan_Sandan.html (дата обращения: 20.02.2018).

Малков А. Из записок забайкальского миссионера / А. Малков // Прибавления к ИЕВ. 30 апреля 1866 г. № 17. С. 207–213; 7 мая 1866 г. № 18. С. 216–222; 14 мая 1866 г. № 19. С. 239–248.

Материалы по истории буддизма в Забайкалье XIX — нач. XX в. [Электронный ресурс] / сост. Н. В. Цыремпилов. URL: <http://imbtarchive.ru/index.php?topic=10> (дата обращения: 15.01.18).

Мир буддийской культуры : материалы международного симпозиума (Улан-Удэ — Агинское — Чита, 10–14 сентября 2001 г.). Чита : Изд-во ЗабГПУ, 2001. 216 с.

Митыпова Г. С. Ацагатский дацан. 1825–1937. История, события и люди / Г. С. Митыпова. Улан-Удэ : Олзон, 1995. 62 с.

Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. Москва : Советская энциклопедия, 1990. 672 с.

Муханов И. Л. Дождь из цветов (Бурятские буддийские притчи) / И. Л. Муханов ; Центр русско-азиатских исследований «Агарты» ; Буддийский Университет «Даши Чойнхорлин». Изд. 2, доп. Улан-Удэ : НоваПринт, 2011. 448 с.

Намнанов Д. Д. Историко-правовые аспекты создания и развития Чесанского дацана / Д. Д. Намнанов // Успехи современной науки. Белгород : Эпицентр, 2017. Т. 6, № 4. С. 176–182.

Намнанов Д. Д. Об истории Чесанского дацана / Д. Д. Намнанов // Январские исторические чтения : материалы научно-практической конференции, посвященные памяти Ю. П. Шагдурова. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. С. 20–26.

Намнанов Д. Д. Уроки истории уничтожения дацанов и лишения прав граждан на свободу вероисповедания (на примере Чесанского дацана) / Д. Д. Намнанов // Современный ученый. 2017. № 2. С. 92–98.

Нацов Г.-Д. Материалы по ламаизму в Бурятии / Г.-Д. Нацов; пред., пер., примеч., глоссарий Г. Р. Галдановой. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. Ч. 2. 187 с.

Обручев В. Мои путешествия по Сибири. 1948 г. От Кяхты до Кульджи: путешествие в Центральную Азию и Китай / В. Обручев. Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 270 с.

Обручев В. Мои путешествия по Сибири. Последние два года в Селенгинской Даурии / В. Обручев. Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 122–138.

Обычное право хоринских бурят: памятники старомонгольской письменности : пер. с монг. Новосибирск : Наука, Сибирская издательская фирма, 1992. 312 с.

Огнева Е. Д. Памятники тибетской письменности на Украине // Память мира: историко-документальное наследие буддизма : материалы международной научно-практической конференции. Москва, 25–26 ноября 2010 г. / Е. Д. Огнева ; отв. ред. В. В. Минаев ; Рос. гос. гуманитарный ун-т, общеуниверситетский учебно-научный центр изучения культуры народов Сибири. Москва : Изд-во РГГУ, 2011. 360 с.

Ожерелье, украшающее мудрых / Буддийская традиционная сангха России: буддийский институт «Даши Чойнхорлин». Верхняя Иволга, 2003. 40 с.

Очерки истории и культуры Бурятии / АН СССР. Сиб. отд-ние. Бурят. филиал. Бурят. ин-т обществ. наук. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1972. 490 с.

Павлов В. 31 мая 2014 г. в Чесанском дацане «Гандан Чоймпэллинг» Кижингинского района состоялось освящение ступы Намжил / В. Павлов ; пресс-служба Сангхи России. 2014. 1 июня. URL: <http://buddhist.ru/buddhist-news/site/6245-31-maia-2014-g-v-chesanskom-d> (дата обращения: 25.11.2017).

Подгорбунский И. А. Каталог буддийской коллекции ВСОРГО. Отд. ХУП. Иркутск, 1908. С. 1–83.

Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу / А. М. Позднеев. Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1887. 493 с. (Записки Русского географического общества. По отделению этнографии. Т. 16).

Пржиборовский С. В. Нечто о ламах / С. В. Пржиборовский // Восточное обозрение. 1904. 10 февр. № 34.

Птицын В. В. Селенгинская Даурия. Очерки забайкальского края / В. В. Птицын. Санкт-Петербург, 1896. 306 с.

Пурбуева Ц. П. Монгольский рукописный Ганчжур / Ц. П. Пурбуева // 250-летие официального признания буддизма в России : тезисы докладов научной конференции. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1991. С. 26–29.

Реалии монастырской жизни в буддизме Монголии и Бурятии: источниковедческий анализ / А. А. Базаров [и др.]; науч. ред. А. А. Базаров. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского государственного университета, 2017. 220 с.

Синицын Ф. Л. Красная буря. Советское государство и буддизм в 1917–1946 гг. / Ф. Л. Синицын ; науч. ред. А. Терентьев. Санкт-Петербург : Нартанг, 2013. 528 с.

Славься и здравствуй Кижинга родная! = Хэбэд номхон Хэжэнгэм... / Администрация МО "Кижингинский район" ; [рук. проекта Г. З. Лхасаранов ; редкол.: Д. Б. Бадмаев и др.]. Улан-Удэ : Бальжинимаев А. Б., 2015. 388 с. : ил. [75 лет со дня образования Кижингинского района].

Словарь буддиста [Электронный ресурс]. URL: buddismslovar.ru (дата обращения: 04.04.2018).

Сыртыпова С. Д. Буддийское книгопечатание Бурятии XIX — нач. XX в. / С. Д. Сыртыпова, Х. Ж. Гармаева, А. А. Базаров. Улан-Батор : Admon, 2006. 222 с.

Сыртыпова С.-Х. Культ богини-хранительницы Балдан Лхамо в тибетском буддизме (миф, ритуал, письменные источники) / С.-Х. Сыртыпова. Москва : Восточная литература РАН, 2003. 238 с. : ил.

Тамчинский дацан / гл. ред. И. А. Петрова, науч. ред. С. П. Нестеркин. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2015. 224 с.

Терентьев А. А. Буддизм в России — царской и советской (старые фотографии) : на рус., англ. яз. / А. А. Терентьев. Санкт-Петербург : Издание А. Терентьева, 2014. 484 с. : ил.

Тобоев Т. Прошлая история хоринских и агинских бурят / Т. Тобоев // Бурятские летописи. Улан-Удэ, 1995. С. 5–35.

Ухтомский Э. Э. Заметки о ламайском вопросе [Электронный ресурс] / Э. Э. Ухтомский. URL: <http://imbtarchive.ru/index.php?topic=10&id=62&meta=439> (дата обращения: 10.12.17).

Ухтомский Э. Э. Из области ламаизма / Э. Э. Ухтомский. Санкт-Петербург, 1904. С. 92.

Ухтомский Э. Э. Рай Сукхавати / Э. Э. Ухтомский // Материалы по этнографии России. Санкт-Петербург, 1910. Т. 1. С. 90–92.

Цыбен Жамсарано. Путевые дневники: 1903–1907 гг. / сост. В. Ц. Лыскокова, Ц. П. Ванчикова, И. В. Кульганек ; отв. ред. Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 382 с.

Цыбенков Б. Д. Из истории буддизма хори-бурят (XVIII — начало XX в.) : учебное пособие / Б. Д. Цыбенков. Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2011. 136 с.

Цыбенков Б. Д. К истории Чесанского дацана / Б. Д. Цыбенков // Студенчество и социально-политические науки : тезисы докладов. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2001. Ч. 1. С. 19–22.

Цыремпилов Н. Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII — нач. XX в.) / Н. Цыремпилов. Москва : Printleto, 2013. 335 с.

Цыремпилова И. С. Религия и власть в Республике Бурятия: история взаимоотношений (1917–1940 гг.) / И. С. Цыремпилова. Улан-Удэ : Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2000. 162 с.

Цыренжапов Ц.-Д. Чесанский дацан / Ц.-Д. Цыренжапов. Улан-Удэ, 2015. 120 с.

Чимитдоржин Г. Г. Институт Пандидо хамбо-лам. 1764–2004 гг. / Г. Г. Чимитдоржин. Улан-Удэ : Изд-во буддийского института «Даши Чойнхорлин», 2004. 186 с.

Чимитдоржин Д. Богдо-гэгэны. Драгоценные наставления IX Богдо Гэгэна Халха Джебзун-Дамба Ринпоче Жамбал Намдол Чойжи Жалцана в России и Монголии / Д. Чимитдоржин. Улан-Удэ: НоваПринт, 2014. 252 с. : ил.

Шагжина Т. Б. Использование культовых буддийских музыкальных инструментов во время традиционных буддийских праздников (на примере праздника Сагаалган) [Элек-

тронный ресурс] / Т. Б. Шагжина. Улан-Удэ, 2013. URL: <https://nsportal.ru/shkola/muzyka/library/2013/02/16/ispolzovanie-kultovykh-buddiyskikh-muzykalnykh-instrumentov-vo> (дата обращения: 23.09.17).

Юмсунов В. Ю. История происхождения одиннадцати хоринских родов / В. Ю. Юмсунов // Бурятские летописи. Улан-Удэ, 1995. С. 36–102.

Диссертации и авторефераты

Асалханова Е. В. Дацан Гунзэчойнэй в Санкт-Петербурге. Концепция и программа историко-художественной реконструкции живописного убранства : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 17.00.09 / Е. В. Асалханова ; Саратовская государственная консерватория (академия) им. Л. В. Собинова. Саратов, 2017. 335 с.

Аюшеева М. В. Мэргэн-Гэгэн Лубсандамбижалцан (1717–1766) и его письменное наследие в истории культуры монголов : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.09 / М. В. Аюшеева. Улан-Удэ, 2006. 217 с.

Базаров А. А. Буддийская школьная философия Центральной Азии: Синкретизм логико-эпистемологической теории Pramanavada и практики нормативного опровержения Prasanga : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук : 09.00.03. / А. А. Базаров. Санкт-Петербург, 2004. 324 с.

Базаров С. Ц. История становления и развития Цонгольского и Гусиноозерского дацанов (XVIII — начало XX вв.) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / С. Ц. Базаров. Улан-Удэ, 2006. 160 с.

Бальжурова А. Ж. Бурятская буддийская иконопись конца XVIII – первой четверти XX вв. (по материалам фонда Национального музея Республики Бурятия) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / А. Ж. Бальжурова. Улан-Удэ, 2014. 24 с.

Барданова Т. И. Декор в архитектуре бурятских буддийских храмов : диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения / Т. И. Барданова. Улан-Удэ, 2006. 186 с.

Баяртуева Д. Л. Творческое и духовное наследие буддийского деятеля Лубсан-Самдана Цыденова : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Д. Л. Баяртуева. Чита, 2007. 23 с.

Ванчикова Ц. П. Чаган тэукэ — "Белая история" — монгольский историко-правовой памятник XIII–XVI вв. : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук : 07.00.09 / Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ, 2001. 370 с.

Гармаева Х. Ж. Книгопечатание в бурятских дацанах на монгольском языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.09 / Х. Ж. Гармаева. Улан-Удэ, 2000. 21 с.

Герасимова К. М. Ламаизм в Забайкалье во второй половине XIX — начале XX веков : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / К. М. Герасимова. Ленинград, 1952. 325 с.

Дашиев Д. Б. Бурятская дидактическая литература: проблемы жанрового состава : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Д. Б. Дашиев. Улан-Удэ, 1997. 15 с.

Жамсуева Д. С. Агинские дацаны как памятники истории культуры : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Д. С. Жамсуева. Улан-Удэ, 2000. 26 с.

Раднаев Д. М. Проникновение буддизма в этническую Бурятию по антропонимическим данным : диссертация на соискание степени магистра по направлению 030600 История / Д. М. Раднаев ; СПбГУ. Санкт-Петербург, 2014. 72 с.

Сыртыпова С.-Х. Д. Культурные памятники кочевников Трансбайкалья как исторический источник : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / С.-Х. Д. Сыртыпова. Санкт-Петербург, 2009. 265 с.

Трегубова Д. Д. Субэтнические группы бурят в прошлом и настоящем : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Д. Д. Трегубова. Москва, 2011. 21 с.

Цыбенков Б. Д. Распространение буддизма среди хори-бурят: XVIII — начало XX вв. : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Б. Д. Цыбенков. Улан-Удэ, 2001. 169 с.

Цыремпилов Н. В. Государство и бурятская буддийская община в Российской империи в XVIII — нач. XX в. : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Н. В. Цыремпилов. Улан-Удэ, 2015. 431 с.

Шоболова С. И. Печатная пропаганда бурятских религиозных деятелей в контексте развития буддизма в Забайкалье во второй половине XIX — начале XX вв. : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / С. И. Шоболова. Улан-Удэ, 2006. 155 с.

Архивные источники

1. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН.
2. Архив Иволгинского дацана.
3. Архив Управления ФСБ РФ по РБ.
4. Архив Чесанского дацана.
5. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ).
6. Российский государственный исторический архив (РГИА).
7. Собрание Национального музея Республики Бурятия.
8. Центр восточных рукописей и киелографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ЦВРК ИМБТ СО РАН).

Литература на бурятском языке

Анаа дасанай зуун найман субаргын найр // Буряад үнэн. 2017. 2 авг. № 30 (22132). X. 6.

Бадма-Доржо ламхай / буддийский центр «Ламрим». Улаан-Үдэ, 2006. 26 х.

Бадмаринчинов Н. Ошорто номой орон нютаг: открытие ступы 21-го Бандидо Хамбо ламы Мунко Цыбикова в Эгитуйском дацане / Н. Бадмаринчинов // Буряад үнэн. 2001. 25 окт.

Балданов Б. Найман лусад бурхадтай Байгалай дасан мүндэлбэ : открытие дацана в Кабанском районе / Б. Балданов // Буряад үнэн. 2017. № 29. 26 июля.

Банзаракцаева С. Шэди ехэтэй субарга шэбэртыхид бодхообо: Улзыта Дондогой түрэнэн Бэлшэртэ Юндэн субарга рамнайлагдаа / С. Банзаракцаева // Буряад үнэн. 2018. № 44. 7 нояб. X. 19.

Буряадай түүхэ бэшэгүүд / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. Улаан-Үдэ, 1992. 238 х.

Гуляева Б.-Х. Алтан зулаар бадархан субарганууд / Б.-Х. Гуляева // Буряад үнэн. 2017. 22 нояб. № 46 (22148). X. 19.

Гуруев Д.-Н. М. Зургаадайн багшын субарга мүндэлхэнь / Д.-Н. М. Гуруев, Ш. Ж. Ринчинов, Н. Бадмаринчинов // Буряад үнэн. 2008. № 33. 27 март.

Дурбэн аха дуунэрэй хуби заяан // Буряад үнэн. 2017. № 18. 11 мая.

Орбодоева Б. Джарун Хашорой субарга арамнайлагдаба: открытие великой ступы Джарун Хашор в Кижингинском районе / Б. Орбодоева // Буряад үнэн. 2001. 25 окт.

Ринчинов С. Сэлэнгын юрөөгэй наранда уула обоонууд тахигдаа / С. Ринчинов // Буряад үнэн. 2018. № 25. 27 июня. X. 22–23.

Ринчинов С. Дурбэн аха дуунэрэй хуби заяан // Буряад үнэн. 2017. № 18. 11 мая.

Түрэл нутагаймнай түүхэхээ // Баян Чисаанын хойморто. 1991. 26 февр. № 41.

Цыбикова Д. Чисаанын дасанай хуряангы түүхэ / Д. Цыбикова, Ж. Дондоков // Хэжэнгэ. 2013. № 23. 13 июня; № 22. 6 июня; № 24. 20 июня.

Цырендашиев Д. Гомбын Пандидо хамбо-лама / Д. Цырендашиев, Ц. Дамбиева. Улаан-Үдэ : НоваПринт, 2016. 296 х.: ил.

Чимитов Ц. Хубилгануудһаа эхитэй / Ц. Чимитов // Буряад үнэн. 1992. 9 янв.

Чимитов Ц.-Д. Ундэр солотон биил хэн / Ц.-Д. Чимитов // Буряад үнэн. 1993. № 243. 21 дек.

Ундэр солотон биил хэн // Буряад үнэн. 1993. 21 дек. X. 4.

Периодические издания

Аюржанаева Д. Край родной. Из истории Чесанского дацана / Д. Аюржанаева // Долина Кижинги. 2009. № 73–74. 17 сент.

Балдандоржийн П. 100 лучших людей XX столетия. Наши духовные учителя / П. Балдандоржийн // Долина Кижинги. 1999. 2 июня.

Гирченко Вл. Этапы революционного движения в Бурятии (июль — август 1917 г.) / Вл. Гирченко // Жизнь Бурятии. 1926. № 4, 6.

Гылыкова Д. Н. О моем отце / Д. Н. Гылыкова // Долина Кижинги. 2015. 27 апр.

Дамдинова Ж. На возрождение ступы: в Кижинге прошел второй благотворительный марафон по сбору средств на строительство ступы Джарун Хашор / Ж. Дамдинова // Бурятия. 2001. 12 мая.

Из истории жизни Сандэлэгэй хамбо-ламы // Легшед. 2012. № 8 (30).

Кандидов Б. Рост культуры и безбожия в Бурят-Монголии / Б. Кандидов // Безбожник. 1936. № 3. С. 10.

Легшед: буддийский научно-популярный журнал. 2012. № 4 (24). 15 мая.

Махачкеев А. Зона ступы: ступа Дандарона в поселке Выдрино / А. Махачкеев // Бурятия. 2015. № 32. 31 марта.

Михайлов О. На земле Еравны расцвел «Лотос»: освящение буддийской ступы «Лотос» в Еравнинском районе / О. Михайлов // Информ Полис. 2007. № 25. 20 июня.

Намсараева С. Степь проснулась...: в Анинском дацане освятили 108 субурганов / С. Намсараева // Бурятия. 2011. № 114. 29 июня.

Праздник в столице хори: Анинский дацан стал пока первым в новейшей истории семейно-родовым дацаном // Информ Полис. 2011. № 26. 29 июня.

Содномов Б.-Д. Поклоняясь Джарун-Кашор...: освящение возрожденной великой ступы Джарун-Кашор на месте разрушенного Кижингинского дацана / Б.-Д. Содномов // Буряад үнэн. 2001. 8 нояб.

Соктоев Ц. Ступа восьми агинских родов: строительство ступы, посвященной восьми родам агинских бурят / Ц. Соктоев // Бурятия. 2008. 25 апр. (№ 74).

Тогмитов Б. Ламаизм и бурятский национал-демократизм / Б. Тогмитов // Антирелигиозник. 1930. № 7. С. 21.

Цыбикова Д. История и религия. Крепкая связь времен / Д. Цыбикова, Ж. Дондоков // Долина Кижинги. 2007. 13 сент.

Цыренжапова С. Ступа во благо исцеления: строительство исцеляющей ступы Будды Медицины — Отошо Бурхан в Еравнинском районе / С. Цыренжапова // Мир Байкала. 2012. № 1. С. 96–97.

Ян А. Пять лет без выходных и праздников: лидер российских буддистов отчитался о своей работе / А. Ян // Информ Полис. 2018. 26 апр. С. 11.



Использованы фотографии из книг:

Буддизм. Каноны. История. Искусство / А. М. Стрелков [и др.]. Москва : Дизайн. Информация. Картография, 2006. 600 с., ил.

Кижингинский дацан «Даши Лхунбо»: вчера, сегодня, завтра / Буддийская традиционная сангха России. Улан-Удэ : НоваПринт, 2011. 46 с., ил.

Славься и здравствуй Кижинга родная! = Хэбэд номхон Хэжэнгэм... / Администрация МО "Кижингинский район" ; [рук. проекта Г. З. Лхасаранов ; редкол.: Д. Б. Бадмаев и др.]. – Улан-Удэ : Бальжинмаев А. Б., 2015. 388 с. : ил. [75 лет со дня образования Кижингинского района].

Терентьев А. А. Буддизм в России — царской и советской (старые фотографии) : на рус., англ. яз. / А. А. Терентьев. Санкт-Петербург : Издание А. Терентьева, 2014. 484 с. : ил.

Традиционный буддизм России : фотоальбом к 250-летию Института Пандито хамболам России / под общ. ред. дид хамбо-ламы Д. Очирова, отв. ред. И. В. Шагнаева. Улан-Удэ : Республиканская типография, 2014. 176 с.

Фотокопии из РГИА.

Фотокопии из ГАРБ.

Фотокопии из фондов ЦВРК ИМБТ СО РАН.

Фотографии из собрания Национального музея Республики Бурятия.

Фотографии из архива Чесанского дацана.

Фотографии из семейного альбома семьи Д. Б. Дандарона.

Фотографии из семейного альбома семьи Ц. Д. Базарова.

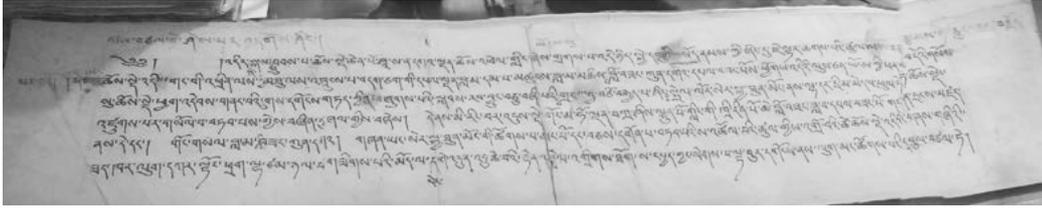
Фотографии Булата Дамдинжаповича Ванданова.

Фотографии Данзана Дампиловича Намнанова.

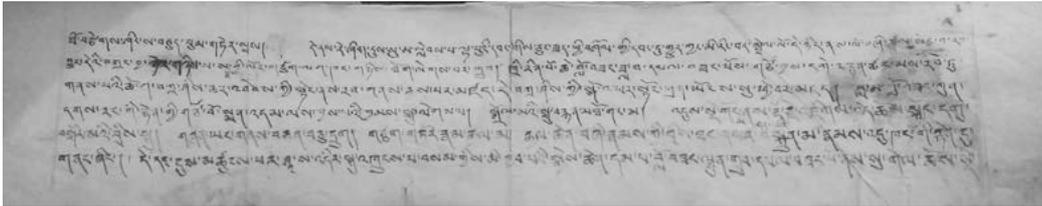
Цыренжапов Ц.-Д. Чесанский дацан / Ц.-Д. Цыренжапов. Улан-Удэ, 2015. 120 с.



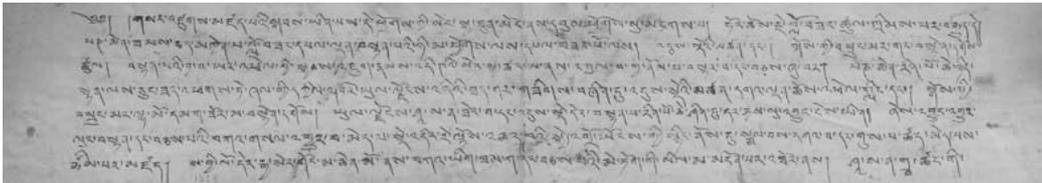
Страницы летописи Чесанского дацана на тибетском языке



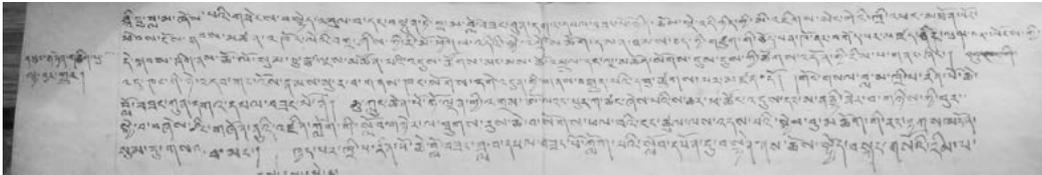
Стр. 1



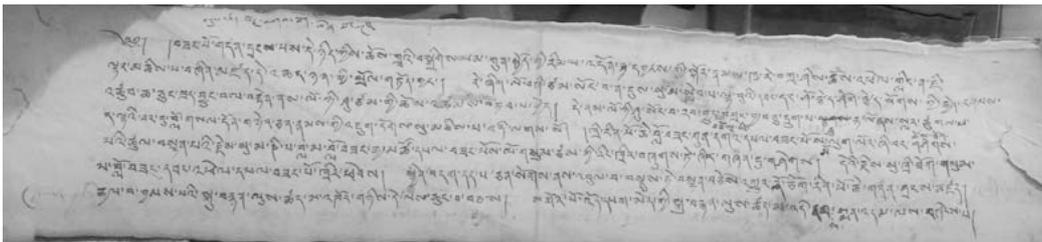
Стр. 1a



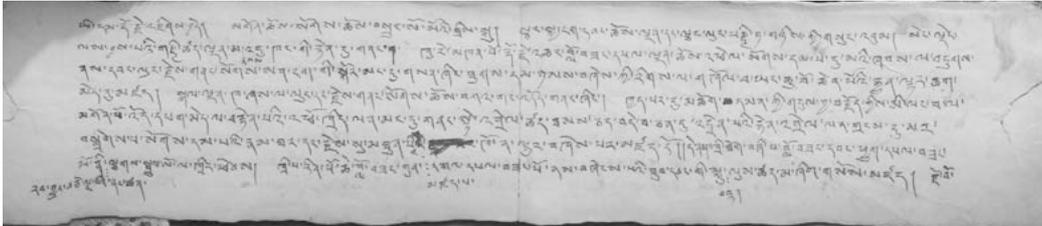
Стр. 2



Стр. 2a



Стр. 3



Стр. 3a

Handwritten text in Devanagari script, likely a manuscript page. The text is dense and appears to be a historical or religious document. It begins with a small heading or title at the top left.

Стр. 4

Handwritten text in Devanagari script, continuing the manuscript. The text is dense and appears to be a historical or religious document. It begins with a small heading or title at the top left.

Стр. 4a

Handwritten text in Devanagari script, continuing the manuscript. The text is dense and appears to be a historical or religious document. It begins with a small heading or title at the top left.

Стр. 5

Handwritten text in Devanagari script, continuing the manuscript. The text is dense and appears to be a historical or religious document. It begins with a small heading or title at the top left.

Стр. 5a

Handwritten text in Devanagari script, continuing the manuscript. The text is dense and appears to be a historical or religious document. It begins with a small heading or title at the top left.

Стр. 6

Handwritten text in Devanagari script, continuing the manuscript. The text is dense and appears to be a historical or religious document. It begins with a small heading or title at the top left.

Стр. 6a

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Введение	8
Глава 1. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ЧЕСАНСКОГО ДАЦАНА	
1.1. Основание и развитие Чесанского дацана	14
1.2. «Положение о ламаистском духовенстве» 1853 г. и его влияние на деятельность Чесанского дацана	110
1.3. Священные книги Чесанского дацана	122
1.4. Большие и малые хуралы	128
1.5. Культовые музыкальные инструменты, используемые при проведении хуралов	136
Глава 2. ХРАМОВЫЙ КОМПЛЕКС: ФАКУЛЬТЕТЫ, КУЛЬТОВАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ И СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ	
2.1. Факультеты Чесанского дацана	144
2.2. Культовые здания: дуганы и сумэ	160
2.3. Шэрэтэ Чесанского дацана	196
2.4. Ламы и хувараки Чесанского дацана	205
Глава 3. ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ЧЕСАНСКОГО ДАЦАНА	
3.1. Возрождение Чесанского дацана	248
3.2. Современные культовые сооружения	271
3.3. Строительство нового Цогчен-дугана	278
Заключение	297
Литература	302

Научное издание

Данзан Дампилович Намнанов

ЧЕСАНСКИЙ ДАЦАН

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МОНОГРАФИЯ



Дизайн обложки и вклеек М. Гармажаповой

Редакторы З. З. Арданова, Е. П. Евдокимова
Компьютерная верстка Н. Ц. Тахинаевой

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 20.12.2018. Формат 70x108 1/16.
Уч.-изд. л. 22,24. Усл. печ. л. 27,3. Тираж 500. Заказ 190.
Цена свободная.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Отпечатано в типографии НоваПринт
670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 1